

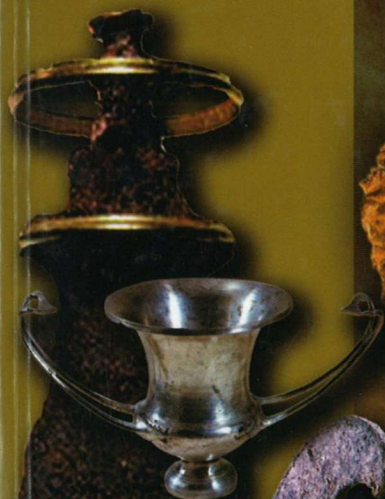
Ю. Н. Борза

ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ МАКЕДОНИИ

(ДО АЛЕКСАНДРА
ВЕЛИКОГО)

Ю. Н. Борза

ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ МАКЕДОНИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Серия
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
О. Л. Габелко (Москва), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург),
М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург), В. А. Дмитриев (Псков),
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург), О. Ю. Климов (Санкт-Петербург),
С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), А. И. Колесников (Санкт-Петербург),
С. Ю. Монахов (Саратов), В. П. Никоноров (Санкт-Петербург),
И. В. Пьянков (Великий Новгород), Э. В. Рунг (Казань),
Р. В. Светлов (Санкт-Петербург), А. А. Сеницын (Саратов / Санкт-Петербург),
М. М. Холод (Санкт-Петербург)

Eugene N. Borza

**IN THE SHADOW OF OLYMPUS
THE EMERGENCE OF MACEDON**

Paperback edition

Princeton University Press
Princeton, New Jersey
1992

Eugene N. Borza

**BEFORE ALEXANDER
CONSTRUCTING EARLY MACEDONIA**

(Publications of the Association
of Ancient Historians. 6)

Regina Books
Claremont, California
1999

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Ю. Н. Борза

**ИСТОРИЯ
АНТИЧНОЙ МАКЕДОНИИ
(ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО)**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Научная редакция М. М. Холода

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3(4)

Б82

Борза, Ю. Н.

Б82 История античной Македонии (до Александра Великого) / пер. с англ. М. М. Холода при участии А. Бодрова, О. и В. Иванцовых, З. Барзах; научная ред. и вступ. статья М. М. Холода; приложения М. М. Холода, Э. Д. Фролова и Ю. Н. Кузьмина. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2013. — 592 с., ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-8465-1367-9 (Филологический факультет СПбГУ)

ISBN 978-5-44690-015-2 (Нестор-История)

Настоящее издание представляет собой перевод на русский язык двух книг известного американского антиковеда, профессора Юджина Борзы, посвященных истории древней Македонии до восшествия на престол Александра Великого (336 г. до н. э.). В них не только последовательно изложена македонская история доэллинистического периода, но и рассмотрены ее основные проблемы. Отсутствие на русском языке новейших обстоятельных работ по данной тематике, безусловно, делает это издание особенно полезным для русскоязычных читателей. Перевод снабжен картами и иллюстрациями, а также пятью приложениями, написанными российскими исследователями.

Книга адресована как специалистам-историкам, так и всем интересующимся античной историей и культурой.

ББК 63.3(4)

Borza, Eugene N.

A History of Ancient Macedonia (before Alexander the Great) / translated by M. M. Kholod, with participation of A. Bodrov, O. and V. Ivantsov, Z. Barzakh; scientific editorship and preface by M. M. Kholod; supplements by M. M. Kholod, E. D. Frolov and Yu. N. Kuz'min. — St. Petersburg : St. Petersburg State University Faculty of Philology; Nestor-Historia, 2013. — 592 p., ill. — (Historical Library).

The edition is a Russian translation of two books by the prominent American ancient historian, Professor Eugene N. Borza, devoted to the history of ancient Macedonia before the accession to the throne of Alexander the Great (336 B.C.). In the books not only a consistent narrative of the pre-Hellenistic history of Macedonia, but also the examination of its main problems are given. The translation is provided with maps and illustrations, as well as with five supplements written by Russian researchers.

The book is intended to both professional historians and all of those who are interested in ancient history and culture.

*Издатели выражают сердечную благодарность Ю. Н. Кузьмину (Самара)
за помощь в подготовке этого издания*

© 1990 Eugene N. Borza, 1992 paperback edition

© 1999 Eugene N. Borza

© 1990 Princeton University Press, 1992 paperback edition

© 1999 Regina Books

© Нестор-История, 2013

© М. М. Холод, перевод, вступительная статья, приложения, 2013

© Э. Д. Фролов, приложение, 2013

© Ю. Н. Кузьмин, приложения, 2013

© С. В. Лебединский, оформление, 2013

ISBN 978-5-8465-1367-9

ISBN 978-5-44690-015-2

ЮДЖИН БОРЗА И ЕГО НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Пожалуй, каждому, кто хоть как-то знаком с историей древнего мира (пусть даже самым поверхностным образом), так или иначе известно об античной Македонии. Возможно, он что-то слышал о Филиппе II (360/59–336 гг. до н. э.), который, превратив свое царство в самое мощное государственное образование на Балканском полуострове, в конце концов решительно поставил предел свободе республик Греции. И наверняка он знает (во всяком случае, слышал) об Александре Великом (336–323 гг. до н. э.), знаменитом македонском царе-полководце, в результате грандиозных походов которого на месте Персидской державы была создана мировая империя, бо́льшая по своей территории, чем ее предшественница, а вместе с этим начался новый период в истории человечества — период эллинизма. Наконец, не исключено, что некоторым известно и о дальнейшей судьбе Македонского царства, по крайней мере о его безуспешной борьбе с Римом, завершившейся в итоге обращением Македонии в римскую провинцию (148 г. до н. э.). Обо всем этом написано достаточно много, причем не только на иностранных языках, но и, если не считать сравнительно небольшого внимания отечественных ученых к истории Филиппа II, по-русски.

Иначе, однако, обстоит дело, когда речь заходит о ранней македонской истории, до времени правлений Филиппа II и Александра Великого: о ней, как правило, неизвестно (или почти неизвестно) широкой публике. И это неудивительно: литература, в том числе научная, посвященная данному периоду истории Македонии, пока не так обильна, а на русском языке ее почти нет. Подобный факт в основном объясняется тем, что интерес ученых к раннему прошлому древних македонян многие годы был довольно слабым. Отчасти это происходило из-за узости источниковой базы: того, что сведения античной литературной традиции в данной связи фрагментарны и скудны, эпиграфический материал был совсем немногочислен, а раскопки македонских памятников, начавшиеся лишь в XX в.,

имели, так сказать, случайный характер и не велись — во всяком случае, до начала 1950-х гг. — достаточно активно. Отчасти же такая позиция исследователей обуславливалась их преимущественной увлеченностью историей собственно Греции, изучение которой, как казалось, сулило бóльшие перспективы и представлялось гораздо более важным. Изменение отношения к ранней истории Македонии началось лишь с конца 1960-х гг., когда наряду с пришедшимся на ту пору быстрым прогрессом в области археологических изысканий, проводившихся на месте античных македонских центров, начинают появляться полновесные, обстоятельные работы, посвященные прошлому древних македонян. Но особенными успехами в этой связи оказались отмечены конец 1970-х — 1990-е гг.: активно продолжившиеся в данное время археологические раскопки на территории бывшего Македонского царства, давшие по истине блестящие результаты, а главное, предоставившие в распоряжение ученых новые свидетельства, специализированные конференции и конгрессы, выставки, выход в свет сотен научных публикаций, включая замечательные обобщающие труды по македонской истории, — все это ознаменовало подлинный прорыв в исследовании античной Македонии, в том числе раннего периода. Уровень изучения македонских древностей, заданный тогда и по сей день остающийся стабильно высоким, позволяет с уверенностью утверждать: история Македонии прочно заняла в современном антиковедении такое же место, как и история любого другого государства или народа древности, место, принадлежащее ей по праву¹.

Разумеется, подобные внушительные достижения были бы невозможны без участия многих высококласных специалистов, представителей разных стран: историков, археологов, искусствоведов. И одно из первых имен в их ряду, бесспорно, принадлежит американскому ученому, профессору Юджину Борзе, чей вклад в разработку проблем древней македонской истории и культуры, прежде всего доэллинистического периода, следует признать весьма высоким.

Юджин Николас Борза родился 3 марта 1935 г. в Кливленде (штат Огайо) в семье выходцев из Румынии. Получив по окончании Чикагского университета в 1962 г. степень магистра истории, он в 1966 г.

¹ Подробнее об истории и современном состоянии изучения македонских древностей, помимо соответствующих разделов в настоящем издании, написанных Ю. Борзой, см. недавний очерк на русском языке: Кузьмин Ю. Н. Родина Александра: некоторые достижения и современные тенденции в изучении истории древней Македонии // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре. Материалы конференции 18 апреля 2007 г. (Труды Государственного Эрмитажа, LXIII). СПб., 2012. С. 76–87.

здесь же защитил диссертацию, которая принесла ему степень доктора философии (PhD). Еще с 1964 г. Ю. Борза начал преподавать в Пенсильванском университете, который и стал для него на долгие годы основным местом работы вплоть до его ухода на пенсию в 1995 г. в ранге заслуженного профессора античной истории (Professor Emeritus of Ancient History). Преподавая в Пенсильванском университете, Ю. Борза также активно сотрудничал с другими высшими учебными заведениями, в том числе заграничными, куда его неоднократно приглашали для чтения лекций и проведения семинарских занятий. Некоторые из многочисленных учеников Ю. Борзы сделали научную карьеру, став известными учеными. С 1970-х гг. он принимает самое деятельное участие в работе таких авторитетных научных центров, как Американская школа классических исследований в Афинах и Археологический институт Америки, исполняя здесь, помимо прочего, административные функции. Кроме того, Ю. Борза состоит членом и занимал разные руководящие посты в ряде ученых обществ, в частности в Американской филологической ассоциации и Ассоциации историков-антиковедов, президентом которой он был с 1984 по 1990 г. При этом Ю. Борза является официальным рецензентом целого ряда известных антиковедческих журналов: «American Journal of Ancient History», «Classical Philology», «Phoenix», «Classical Journal», «Classical World», «American Journal of Philology», «American Journal of Archaeology», «Historia» и т. д. Наконец, следует упомянуть и о том, что он не раз выступал организатором и руководителем научных конференций по античности, а также приглашался в качестве исторического консультанта для музейных выставок, в том числе знаменитой выставки «В поисках Александра», проходившей в Национальной галерее искусств в Вашингтоне в 1980 г.² Неоднократно Ю. Борзу можно было видеть и на телевизионных экранах, в частности, когда он давал свою оценку и делал исторические комментарии относительно личности Александра Великого и его свершений в связи с вышедшим в свет в 2004 г. фильмом Оливера Стоуна «Александр».

Переходя к характеристике научного творчества Ю. Борзы, сразу же нужно сказать, что оно отличается завидной продуктивностью. Он автор большого числа научных трудов, среди которых особенно выделяются (и по количеству, и по своей основательности) работы, посвященные проблемам истории и культуры Македонии доэллинистического периода (см. ниже). В этой связи, безусловно, первенствующее

² Каталог выставки: The Search for Alexander: An Exhibition. New York, 1980.

место принадлежит двум его монографиям, ставшим итогом многолетних исследований автора в области македонских древностей. Первая из них — «В тени Олимпа: возвышение Македонии»³, в которой последовательно и при этом достаточно подробно представлена история античной Македонии вплоть до смерти Филиппа II. И вторая, своего рода дополнение к предыдущей, — «До Александра: конструируя историю ранней Македонии»⁴, являющаяся детальным обзором главных проблем македонской истории до периода эллинизма в свете новых, т. е. появившихся после публикации первой книги, исследований по данной эпохе.

Заметим, что обе эти монографии, а вместе с ними и многие труды по сходной тематике, вышедшие из-под пера американского исследователя, в том числе его статьи, посвященные правлению Александра Великого, получили самую широкую известность и признание в научных кругах. И действительно, наверное, сейчас невозможно найти ни одну современную серьезную работу, касающуюся истории Македонии доэллинистической поры, где отсутствовали бы ссылки на исследования Ю. Борзы, особенно на его труд «В тени Олимпа...». Подобное отношение к научному творчеству Ю. Борзы не удивительно: его сочинения являются отличными образцами аналитической работы, тщательного изучения и реконструкции исторических фактов; им присущи четкость изложения, известная образность стиля, концептуальность. При этом некоторые особенно важные для Ю. Борзы идеи, которые были им высказаны и аргументированы — к примеру, об этнической принадлежности древних македонян, которых он считает особым народом, отличным от греков, о том, кто именно был захоронен в царских гробницах, открытых в Вергине в конце 1970-х гг., прежде всего в так называемой Гробнице II, где, по его мнению, покоились останки не Филиппа II и Клеопатры, как часто утверждается, а Филиппа III Арридея и Эвридики, — американский ученый отстаивает с особым упорством, несмотря на критику, подчас довольно резкую, своих оппонентов. Не вдаваясь в детали дискуссий на данный счет, бурно ведущихся в антиковедческом сообществе по сей день⁵, отмечу со своей стороны лишь следующее: ни один из аргументов, высказанных против, по крайней мере вышеуказанных идей Ю. Борзы, по моему убеждению, не может быть пока назван безусловно

³ *Borza E. N. In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon.* Princeton, NJ, 1990; rev. paperback ed.: 1992.

⁴ *Borza E. N. Before Alexander: Constructing Early Macedonia* (Publications of the Association of Ancient Historians 6). Claremont, CA, 1999.

⁵ См. Приложение III ниже.

решающим, а потому стоит полагать, что эти его идеи — разумеется, при их некоторой корректировке с учетом новых данных и последних интерпретаций исследователей — по-прежнему сохраняют свою научную ценность, отнюдь не меньшую, чем противоположные им суждения.

Так или иначе, и подчеркнем это еще раз, несомненно одно: вклад, внесенный Ю. Борзой в изучение истории античной Македонии, в целом весьма значителен. Что называется, наглядным признанием данного факта является, помимо прочего, издание в честь американского исследователя двух книг, подготовленных силами его коллег в разные годы: первая, приуроченная к 60-летию Ю. Борзы, — «MAKEDONIKA. Очерки Юджина Н. Борзы»⁶, в которой собраны наиболее важные статьи юбиляра (15 статей); и вторая — «Македонское наследие. Исследования в области македонской истории и культуры в честь Юджина Н. Борзы»⁷, представляющая собой, как это и следует из названия, сборник статей по македонской истории и культуре, написанных рядом авторитетнейших антиковедов наших дней (13 статей). При этом каждая из книг содержит вступительную статью (а вторая и несколько послесловий), где не только дается самая высокая оценка научного творчества Ю. Борзы, но и содержатся пассажи, характеризующие его как замечательного человека⁸. (Кстати, в этом последнем посчастливилось убедиться и автору данных строк, который вот уже более пятнадцати лет имеет честь являться другом Ю. Борзы.)

Говоря о настоящем издании, нужно указать, что его путь к российской публике оказался долгим и трудным. Вначале, еще в 2006 г., мной был подготовлен перевод последней книги Ю. Борзы, т. е. книги «До Александра...», в оригинальный текст которой ее автором — и это очень ценно — были внесены различные дополнения и уточнения. Но когда появилась возможность перевести также и его книгу «В тени Олимпа...», то было решено опубликовать обе монографии вместе, в рамках одного издания и под общим заголовком. И вот теперь, по прошествии более семи лет, мне весьма отрадн осознать, что процесс подготовки к публикации этого труда, неожиданно для всех затянувшийся, наконец-то завершен, и книга готова выйти в свет.

⁶ MAKEDONIKA. Essays by Eugene N. Borza / ed. by C. G. Thomas. Claremont, CA, 1995.

⁷ Macedonian Legacies. Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor Eugene N. Borza / ed. by T. Howe, J. Reames. Claremont, CA, 2008.

⁸ Thomas C. G. Introduction // MAKEDONIKA... P. 1–6; Reames J., Howe T. Preface // Macedonian Legacies... P. XIII–XVI, 307–310.

Издание такой книги на русском языке можно лишь приветствовать, и не только потому, что она написана первоклассным специалистом, но прежде всего потому, что на счету отечественных ученых обстоятельных работ по сходной теме, опирающихся на новейшие достижения в области изучения античной Македонии, как это ни печально, нет. Хочется надеяться, что настоящий труд заполнит (пусть отчасти) образовавшуюся лауну, а главное — послужит толчком для появления в нашей стране достойных исследований, посвященных ранней истории народа, который некогда во главе со своим юным царем — Александром Великим — едва не покорил обитаемый мир.

Завершая это краткое эссе, не могу не выразить глубокую признательность самому автору — Юджину Борзе, моему мудрому старшему другу, который оказывал мне значительную помощь в процессе подготовки русского текста данной книги к изданию. Он же был инициатором появления в ее конце приложений, созданных российскими исследователями. В эти приложения в итоге вошли три очерка. Первые два (Приложения I–II, один из очерков написан мною, второй Эдуардом Давидовичем Фроловым, которому я за это весьма благодарен) посвящены ключевому событию в истории греко-македонских отношений позднеклассического периода — установлению политической гегемонии Филиппа II в Греции в 338–337 гг. до н. э., событию, которое подробно не освещается в работах Ю. Борзы. Третий очерк (Приложение III), составленный Юрием Николаевичем Кузьминым (Самара), представляет собой обзор современного состояния науки главным образом по тем вопросам, трактовка которых американским историком встретила наиболее острую критику со стороны части антиковедов (см. выше). В свою очередь, стоит отметить, что настоящее издание также снабжено генеалогическими таблицами, сопровождаемыми моими пояснениями (Приложение IV), картами и объемным иллюстративным материалом, подбор которого был осуществлен отчасти мною, отчасти (и в основном) Ю. Н. Кузьминым.

Ниже я привожу список избранных трудов Ю. Борзы, который позволит отечественным читателям лучше представить его научное творчество.

М. М. Холод

Санкт-Петербург — Гейдельберг,
июль 2013 г.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ Ю. БОРЗЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОЙ МАКЕДОНИИ

1. The Alexander-Romance of Pseudo-Callisthenes // Athene. 1967. Vol. 24. P. 36–41.
2. Introductory essay, text notes and commentary and bibliography for new edition of U. Wilcken's book // Wilcken U. Alexander the Great. New York, 1967.
3. Travel and Communications in Classical Times. A Guide to the Evidence. University Park, PA, 1967.
4. Alexander and the Return from Siwah // Historia. 1967. Bd. 16. S. 369.
5. Cleitarchus and Diodorus' Account of Alexander // Proceedings of the African Classical Associations. 1968. Vol. 11. P. 25–45.
6. The End of Agis' Revolt // Classical Philology. 1971. Vol. 66. P. 230–235.
7. Fire from Heaven: Alexander at Persepolis // Classical Philology. 1972. Vol. 67. P. 233–245.
8. Some Notes on Arrian's Name // Athens Annals of Archaeology. 1972. Vol. 5. P. 99–102.
9. Sentimental Philhellenism and the Image of Greece // Classics and the Classical Tradition. Essays Presented to Robert E. Dengler on the Occasion of His 80th Birthday / ed. by E. N. Borza, W. Carrubba. University Park, 1973. P. 5–25.
10. Classics and the Classical Tradition. Essays Presented to Robert E. Dengler on the Occasion of his Eightieth Birthday. University Park, 1973. Co-editor and contributor.
11. The Impact of Alexander the Great. Hinsdale, 1974. Editor and contributor.
12. Alexander's Communications // Αρχαία Μακεδονία — II (1973). Proceedings of the Second International Symposium on Ancient Macedonia. Thessaloniki, 1977. P. 295–303.
13. Philip II and the Greeks // Classical Philology. 1978. Vol. 73. P. 236–243.
14. D. G. Hogarth's *Philip and Alexander*: Eighty Years After // The Ancient World. 1978. Vol. 1. P. 94–101.
15. Significato politico, economico e sociale dell' impresa di Alessandro // Storia e civiltà dei Greci. Vol. V: La crisi della polis. Milano, 1979. P. 122–168.

16. Some Observations on Malaria and the Ecology of Central Macedonia in Antiquity // *American Journal of Ancient History*. 1979. Vol. 4. P. 97–121.
17. Anaxarchus and Callisthenes: Intrigue at Alexander's Court // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson* / ed. by H. J. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 73–86.
18. Athenians, Macedonians and the Origins of the Macedonian Royal House // *Studies in Attic Epigraphy, History and Topography* (Hesperia, Suppl. 19). Princeton, 1982. P. 17–30.
19. The History and Archaeology of Macedonia: Retrospect and Prospect // *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times* (Studies in the History of Art 10) / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, DC, 1982. P. 1–20.
20. Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times (Studies in the History of Art 10). Washington, DC, 1982. Co-editor and contributor.
21. The Natural Resources of Early Macedonia // *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage* / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, DC, 1982. P. 1–20.
22. Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage. Washington, DC, 1982. Co-editor and contributor.
23. The Macedonian Tombs at Vergina: Some Cautionary Notes // *Archaeological News*. 1980. Vol. 10. P. 73–87.
24. Those Vergina Tombs Again // *Archaeological News*. 1982. Vol. 11. P. 8–10.
25. The Symposium at Alexander's Court // *Αρχαία Μακεδονία — III* (1977). Proceedings of the Third International Symposium on Ancient Macedonia. Thessaloniki, 1983. P. 45–55.
26. A Macedonian Skull // *Newsletter* (Association of Ancient Historians 36). 1985. P. 45.
27. The Ancient Macedonian Timber Trade // *Terra Antiqua Balcanica I*, Proceedings of the Center for History. Veliko Turnovo, 1986.
28. Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks // *Proceedings of the American Philosophical Association*. 1987. Vol. 131. P. 32–52.
29. Malaria in Alexander's Army // *The Ancient History Bulletin*. 1987. Vol. 1. P. 36–38.
30. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia of Alexander the Great // *Phoenix*. 1987. Vol. 41. P. 105–121.
31. The Kings of Macedon: Royal Olympians of Antiquity // *Proceedings of the United States Olympic Academy*. 1988. Vol. 12. P. 38–43.
32. Some Toponym Problems in Eastern Macedonia // *Ancient History Bulletin*. 1989. Vol. 3. P. 60–67.
33. *In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon*. Princeton, NJ, 1990 (rev. paperback ed.: 1992; Macedonian transl.: Skopje, 2004).

34. Alexander the Great // New Book of Knowledge. Grolier, 1991.
35. Alexander the Great // World Book Encyclopedia. 1991.
36. The Royal Tombs at Vergina: Continuing Issues // The Ancient World. 1991. Vol. 22. P. 35–40.
37. Stewart Irvin Oost: A Personal Reminiscence // The Ancient World. 1992. Vol. 23. P. 19–20.
38. Ethnicity and Cultural Policy in Alexander's Court // The Ancient World. 1992. Vol. 23. P. 21–25.
39. Manolis Andronikos, 1919–1992 // American Journal of Archaeology. 1992. Vol. 96. P. 757–758.
40. What Philip Wrought // MHQ: The Quarterly Journal of Military History. 1993. Vol. 5, 4. P. 104–109.
41. The Philhellenism of Archelaus // Αρχαία Μακεδονία — V (1989). Proceedings of the Fifth International Symposium on Ancient Macedonia. Thessaloniki, 1993. P. 237–244.
42. Nicholas Hammond // Ventures into Greek History. Essays in Honor of N. G. L. Hammond / ed. by I. Worthington. Oxford, 1994. P. xv–xvii.
43. The Ancient Macedonians: A Methodological Model // Ancient Macedonia: An Australian Symposium. Papers of the Second International Congress of Macedonian Studies, University of Melbourne, 8–13 July 1991 // ed. by P. J. Connor (Mediterranean Archaeology 7). Melbourne, 1994. P. 17–24.
44. MAKEDONIKA. Essays by Eugene N. Borza / ed. by C. G. Thomas. Claremont, CA, 1995.
45. Greeks and Macedonians in the Age of Alexander: The Source Tradition // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian. Norman; London, 1996. P. 122–139.
46. Bosphorus; Cardia; Chersonesus; Lemnos; Parium; Perinthus; Samothrace; Sestus; Thasos; Timber // Oxford Classical Dictionary³. Oxford, 1996.
47. Alexander the Great; Philip II; Macedonians; Xenophon // The Reader's Companion to Military History. Boston; New York, 1996.
48. Pyrrhus // New Book of Knowledge. Grolier, 1998.
49. Alexander's Epic March. Review-essay // Archaeology. 1998. Vol. 51, 3. P. 60–81.
50. La Macedonia di Filippo e i conflitti le poleis // I Greci. Storia Cultura Arte Società, 2, Una Storia Greca, III. Trasformazioni // ed. S. Settis. Torino, 1998. P. 21–46.
51. Macedonia Redux // The Eye Expanded. Life and the Arts in Greco-Roman Antiquity / ed. by F. B. Titchetner, R. F. Moorton. Berkeley; Los Angeles; London, 1999. P. 249–266.
52. Before Alexander: Constructing Early Macedonia (Publications of the Association of Ancient Historians, 6). Claremont, CA, 1999.
53. The Barrington Atlas of the Greek and Roman World / ed. by R. Talbert. Princeton, 2000. Compiler of maps and resources for Macedonia and Thrace.

54. Some New Thoughts on the Death of Alexander the Great // The Ancient World. 2000. Vol. 31. P. 22–30 (with J. Reames-Zimmerman).
55. The Spirit of Oliver Stone's *Alexander* // The Classical Outlook. 2007. Vol. 84, 3. P. 97–100.
56. Alexander the Great: History and Cultural Politics // The Journal of the Historical Society. 2007 (Dec.). Vol. 7, 4. P. 411–442.
57. The Chronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina // Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. 2007. Bd. 122. P. 81–125 (with O. Palagia).
58. Vergina // Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome. Oxford, 2009.
59. Introduction // Badian E. Collected Papers on Alexander the Great. London; New York, 2012. P. XIII–XX.
60. Foreward // Green P. Alexander of Macedon, 356–323 B. C. New ed. Berkeley; Los Angeles; London, 2013.
61. Ernst Badian's Alexander // The Legacy of Ernst Badian / ed. by C. G. Thomas (Publications of the Association of Ancient Historians). Erie, PA, 2013. P. 45–58.

**В ТЕНИ ОЛИМПА:
ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ**

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена истории древней Македонии до эпохи Филиппа и Александра. К ее написанию меня побудил интерес к исторической географии, историографии и развивающемуся археологическому изучению Македонии. Два фактора помешали мне расширить границы данной книги, включив в нее раздел о периоде эллинизма. Во-первых, это безвременная кончина в 1981 г. моего коллеги Гарри Делла, который должен был взяться за написание истории правления Антигонидов в Македонии. Во-вторых, наконец появились работы, которые полностью или частично посвящены эллинистической Македонии, так что интересующийся читатель теперь имеет возможность познакомиться с рядом удачных современных трактовок соответствующей темы. Кроме того, новые археологические материалы по периоду эллинизма, пусть и долгожданные, дают сравнительно меньше новой информации об этой эпохе, нежели подобного рода находки, относящиеся к IV в. до н. э. Имея в виду к тому же продолжающееся появление биографических исследований о Филиппе II и Александре Великом, мне показалось целесообразным сконцентрироваться на ранней истории Македонии.

Книга эта отчасти повествовательная, а отчасти тематическая. Я стремился сделать ее хронологически исчерпывающей вплоть до смерти Филиппа II в 336 г. до н. э. Время Александра Великого освещено в ней ограниченно, только как часть континуума македонских институтов и культуры. При этом я надеялся показать, что выступление Македонии как великой державы античности из тени греческих городов-государств сопоставимо с растущим в наши дни пониманием особых институтов и материальной культуры македонян.

Данную книгу неизбежно будут сравнивать — находя ее лучше или хуже — с разделами из «Истории Македонии» Николаса

Хэммонда и др.¹ Полагаю, что эти разделы не будут нуждаться в пересмотре в течение десятилетий. Однако именно научная ценность труда Хэммонда, представляющего собой *Handbuch*, сделала его понятным только специалистам, тогда как другие читатели используют его скорее для консультаций по отдельным вопросам, чем для знакомства с повествованием (за исключением глав Гая Гриффита о Филиппе II и разделов третьего тома об эллинистических царях). Кроме того, первые два тома труда Хэммонда были написаны в основном до 1974 г., а следовательно, в них не были учтены замечательные археологические находки, сделанные в Македонии начиная с 1977 г. Так что если бы даже не было никакой иной причины написать новый труд по истории Македонии раннего периода, одной лишь необходимости включить в него результаты недавних археологических открытий было бы достаточно. Я сожалею, что смог сделать немногим больше, нежели просто указать в библиографических целях основные исследования, опубликованные после 1986 г.

Цель настоящей книги — предложить исторический очерк, доступный каждому интересующемуся ранней историей Македонии. То, что я не согласен с некоторыми интерпретациями Хэммонда, не должно быть истолковано как недостаток уважения к его новаторским достижениям. Там, где наши взгляды расходятся, я буду на это указывать, и далее читатель волен изучить соответствующие вопросы самостоятельно и сделать выбор между нашими мнениями на их счет. Я надеюсь, что относительно некоторых проблем мне удалось сказать новое слово, и поэтому они будут представлены мною наиболее подробно. Относительно других я пытался приводить уже существующие мнения, не обсуждая каждый вопрос заново. Это будет особенно заметно там, где я несведущ как специалист. В подобных случаях историку следует обращаться к литературе, созданной знаатоками, которые имеют склонность писать друг для друга, и точно суммировать их выводы для читателей, интересующихся историей в общем. Последняя четверть XX в. была отмечена плодотворным развитием исследований в области истории античной Македонии, и, надеюсь, книга отражает данный факт.

Невозможно написать окончательную историю любого народа, и я осознаю, что спустя время настоящий труд устареет, особенно

¹ *Hammond N. G. L., Griffith G. T., Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. I–III. Oxford, 1972–1988.*

в свете быстро развивающегося археологического изучения Балкан. Конечно, я позволил себе в этой книге более свободное изложение, чем то, которое избрал бы для научного журнала. Но даже в этом случае читатель сочтет мой анализ осторожным, возможно, даже слишком осторожным на чей-то взгляд. Такому читателю остается предложить иные трактовки, основанные на более передовом понимании исторического процесса, лучшем историческом методе и новых свидетельствах, которые археология, несомненно, должна дать. Итак, книга эта предназначена для тех, кто ищет определенного понимания прошлого в свете научного знания наших дней, а равно для тех, кто будет исправлять и уточнять то, что в ней представлено.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я рад выразить благодарность ряду коллег-ученых, которые на протяжении лет делились со мной своими соображениями и информацией, а также критиковали меня с высоты своих знаний. Это — У. Линдсей Адамс, Брилл Барр-Шаррар, Уильям Бирс, Джудит Биндер, А. Брайан Босуорт, Стэнли М. Берстейн, покойный Гарри Дж. Делл, Джек Р. Эллис, Эрнст Фредриксмейер, Пол Б. Харви-младший, Фрэнк Л. Холт, Джордж Хаксли, Стелла Г. Миллер и Нэнси Дж. Сэрвинт.

Большинство археологических, топографических, эпиграфических и лингвистических материалов, включенных в эту книгу, не было бы опубликовано без сотрудничества с греческими коллегами. За то, что она превратилась в международное исследование, я благодарен своим греческим друзьям Манолису Андроникосу, Костасу Буразелису, Мильтиадису Хадзопулосу, Луизе Лаурдас, Димитрису Пандермалису, Фотиосу Псасу, Катерине Ромиопулу, Хрисуле Саацоглу-Палиадели, Марии Сиганиду, Яннису Турацоглу и Юлии Вокотопулу.

Некоторые из вышеперечисленных людей не разделяют всех моих взглядов на историю македонян, однако наши разногласия не умаляют моей благодарности им за их дружбу и помощь как в малых, так и в больших делах.

На разных этапах подготовки данного труда я получал гранты от Американского философского общества, Американского совета научных сообществ, Исследовательского отдела Колледжа свободных искусств Пенсильванского университета. Их щедрость позволила мне посетить почти все места Балканского полуострова, которые упомянуты в этой книге, и я с удовольствием признаю ценность полученных мной непосредственных наблюдений. Большая часть текста была написана в Лондоне и Афинах во время творческих отпусков, предоставленных мне Пенсильванским университетом. Я весьма обязан трем библиотекарям: Анне Хили из Института классических исследований Университета Лондона, где я начинал эту книгу, а также Нэнси Уинтер и Анастасии Динсмур из Американской школы классических исследований в Афинах, где я ее закончил.

Я особенно признателен трем выдающимся ученым. Первый из них — старейшина американских «македонистов», покойный Чарльз Ф. Эдсон, который в 1970 г., когда я посетовал ему, что заскучал и разочарован своим изучением истории Александра Велико-

го, посоветовал мне обратить свой взор на то, что было в Македонии до Александра. Николас Хэммонд, многие взгляды которого я оспариваю в данной книге, всегда оставался жизнерадостным и любезным моим товарищем, прокладывающим путь в исследовании истории Македонии. Эрнст Бэдиан в течение двадцати лет дружбы и поддержки продолжал задавать стандарты, которые научили меня ценить суровую критику. К сожалению, тех, кто первым учил меня античной истории, а именно Сэма Л. Гринвуда и Стюарта А. Уста, уже нет в живых и они не могут прочесть — и раскритиковать — мой труд.

Карты, приведенные в этой книге, подготовлены Эриком Джено-той и Тэмми Мистриком в лаборатории *Deasy GeoGraphics* Пенсильванского университета благодаря грантам, предоставленным Историческим факультетом и Колледжем свободных искусств этого же университета.

Благоразумные советы, частое ободрение и исключительное терпение Джоанны Хичкок в издательстве Принстонского университета помогали мне продолжать работу над проектом, несмотря на возникавшие подчас осложнения. Питер М. Грин читал рукопись книги с необычной тщательностью, и мой труд, разумеется, выиграл от его огромных познаний и зоркого глаза. Оставшиеся погрешности происходят от моей собственной неуступчивости и невнимательности.

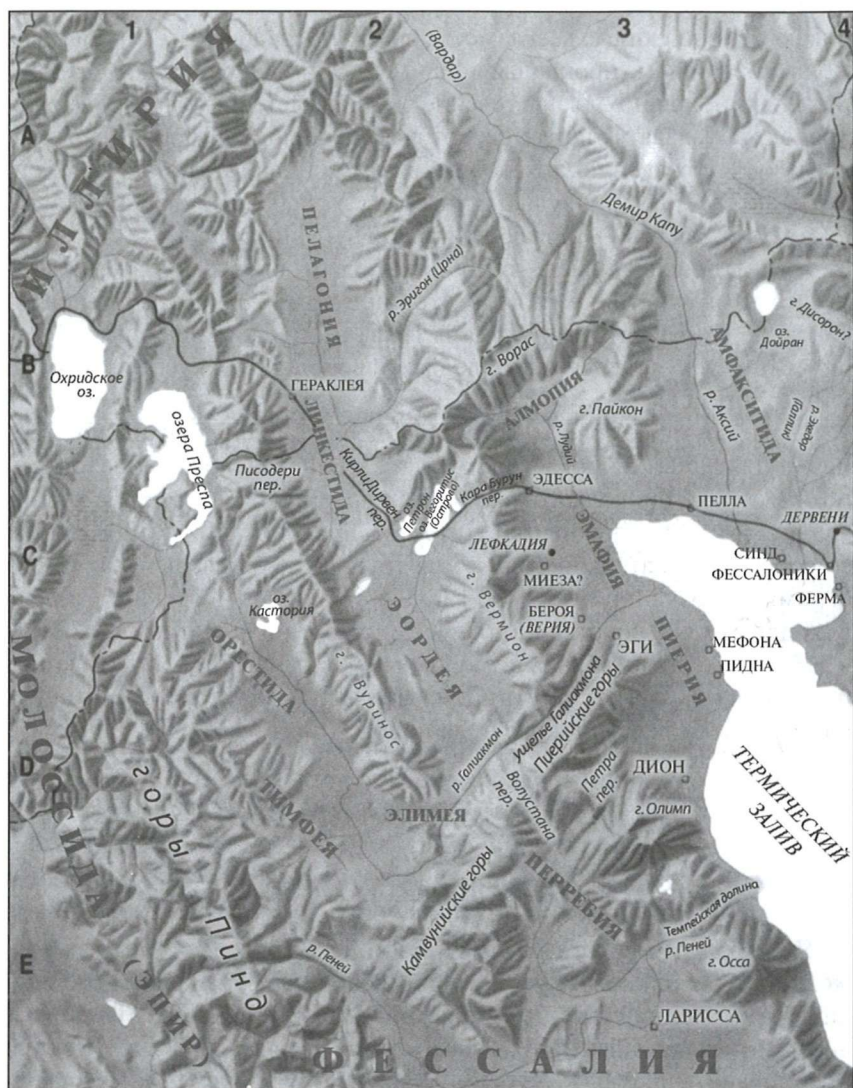
Но самая значительная помощь была оказана той, кому эта книга посвящена — женой, спутницей, другом и редактором. Ей одной известна вся тяжесть такого рода ноши.

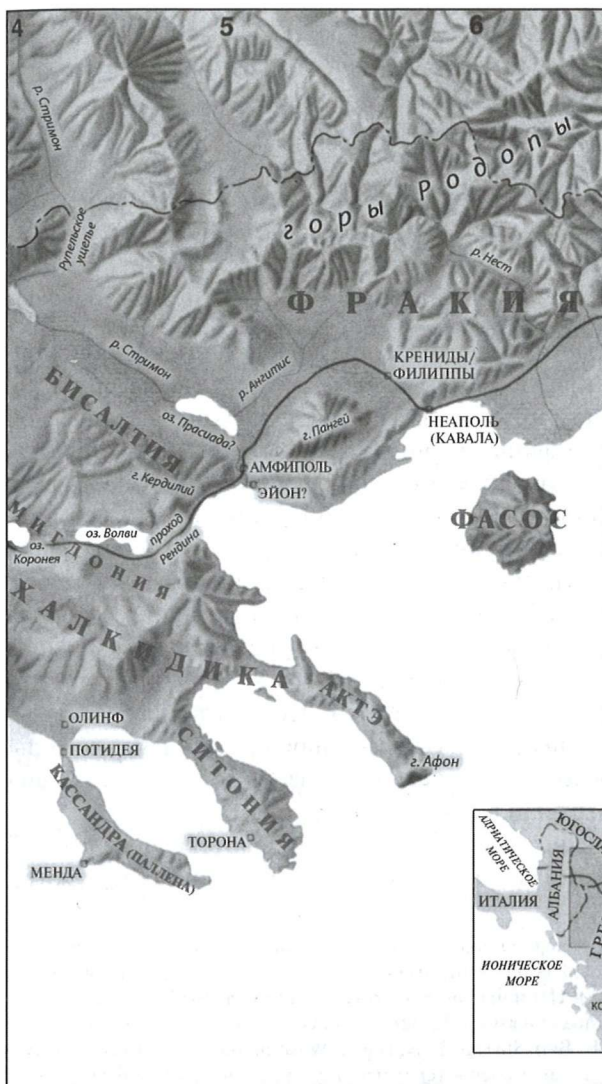
Боалсбург, Пенсильвания,
сентябрь 1988 г.

ДЛЯ ИЗДАНИЯ В МЯГКОЙ ОБЛОЖКЕ

Я благодарен издательству Принстонского университета за возможность опубликовать усовершенствованную версию данного труда. Это позволило мне не только исправить прежние упущения и внести в первоначальный текст некоторые незначительные изменения, но и добавить несколько страниц с описанием современного состояния исторических/археологических исследований античной Македонии. Подробные выражения моей признательности коллегам в этой стране и за рубежом будут приведены в новом Приложении.

Боалсбург, Пенсильвания,
декабрь 1991 г.

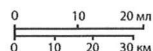

МАКЕДОНИЯ IV В. ДО Н. Э.

- ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ
- СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД

НАЗВАНИЕ РЕГИОНА

Глава I

К ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ МАКЕДОНИИ

Пограничные области греческого мира до недавнего времени почти не привлекали внимания исследователей¹. Ученых — да и широкую публику — в основном интересовали великие центры классической Греции, в частности Афины, Коринф, Дельфы, Олимпия и Спарта, или же популярные места археологических культур бронзового века (Кносс, Микены, Тиринф, Санторин и др.). Данный феномен обусловлен отчасти тем, что именно они находятся в центре внимания богатой античной литературы (создававшейся в значительной мере в Афинах), а также сериями замечательных раскопок, проводившихся греческими и зарубежными археологами в центральном, южном и эгейском регионах страны. Неслучайным здесь является и то, что развитие археологического изучения этих мест связано с ростом туризма (важного источника дохода современной Греции) и что до большинства из них можно всего за несколько часов добраться от Афин воздушным, наземным или водным транспортом².

Рассматривая книжные стеллажи любой библиотеки, обладающей неплохой коллекцией изданий по античности, можно обнаружить,

¹ Части этой главы, изначально подготовленные для настоящей книги, были представлены мной в виде доклада на симпозиуме, приуроченном к открытию выставки «В поисках Александра» в Национальной художественной галерее в Вашингтоне в 1980 г. Доклад был опубликован в кн.: *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. Пользуясь предоставившейся возможностью, я внес в текст некоторые изменения и добавил новый материал.

² Может показаться весьма странным, что такие блестящие античные центры, как Олинф, Филиппы, Дион и Фасос, не слишком популярны у туристов, тогда как руины Коринфа занимают среди достопримечательностей второе либо третье место по посещаемости. Популярность Коринфа отчасти объясняется его расположением — в полутора часах езды от Афин, на пути к Микенам, Эпидавру, Олимпии и другим местам Пелопоннеса.

какое огромное пространство занимают на них отчеты об археологических раскопках в знаменитых местах³. Добавим сюда еще популярные и научные издания, посвященные классическому периоду в целом, богато иллюстрированные альбомы, путеводители и всевозможные «истории» — и может сложиться впечатление, что античная культура в Греции существовала главным образом в данных местах. Едва заметны затерявшиеся между этими томами несколько книг с заголовками типа «Epirus», «Early Civilization in Thessaly», «The Thracians», «Αρχαία Μακεδονία» и «Altthracien». Регионы, о которых в них идет речь, были пограничными областями греческого мира, населенными «полугреками», как называла их покойная Джеффри. Они незначительно исследованы археологами (за исключением островов Фасос и Самофракия, а также чудесного места древнего Олинфа на побережье материка). Северные и западные районы греческого полуострова оказались словно бы навечно погружены в сумерки варварского мира. Можно лишь сожалеть о том, что у нас, к примеру, до сих пор мало не происходящих извне данных о двух важных и богатых халкидских городах Менде и Тороне: в Менде систематических раскопок не проводилось, а в Тороне они начались лишь недавно.

Тем не менее обнадеживающей тенденцией в антиковедении является то, что эти отдаленные области начинают привлекать внимание исследователей. Причин тому несколько. Очевидно, что нами почти исчерпаны ресурсы традиционных источников по греческой истории. Много ли еще исторических данных может быть извлечено из труда Фукидида? Какие «новые» авторы появятся? Посмотрим правде в глаза: за исключением нескольких значительных современных находок, практически вся древнегреческая литература, которой мы располагаем сегодня, была известна уже в эпоху итальянского Возрождения. В результате то длительное время, в течение которого мы тщательно прорабатывали античные литературные свидетельства, заставляет нас сегодня искать новый материал. Поскольку для классической Греции это представляется маловероятным, мы все больше и больше начинаем обращаться к неклассическим периодам (примечательно, к примеру, недавняя волна интереса к «темным векам» и архаической эпохе) и к регионам, которые прежде считались лежащими в стороне от основных событий греческой истории.

³ Обыкновенный подсчет выявил на книжных стеллажах 32 отдельных тома о Коринфе, 34 (в 43 частях) о Делосе, 32 о Дельфах, 20 об афинской агоре и 26 об Олимпе.

Кроме того, большинство важных мест на юге Греции, относящихся к классическому периоду, раскопаны, и хотя еще многое может быть извлечено из земли, однако нарастающая урбанизация, развитие промышленности и сельского хозяйства делают разработку новых археологических зон экономически нежелательной и технически сложной. Раскопки важных памятников бронзового века, вероятно, продолжатся. Интерес к этому периоду высок, большинство мест расположены в малонаселенных районах, которые греческое правительство считает привлекательными для туризма. Таким образом, по сути дела автоматически внимание перемещается на периферийные районы, где плотность населения и уровень индустриализации невысоки, где можно по-прежнему свободно гулять по полям и склонам гор, находя лежащие на поверхности черепки и опознавая природные ориентиры. Обращаясь к менее знакомым и малоизученным краям, мы при этом опираемся на прочный базис греческой исторической традиции и наработанных навыков сочетания литературных свидетельств с археологическими находками. Мы также дополнили свои знания данными общественных и естественных наук, что позволяет добавить к критическому ядру гуманитарного подхода результаты экономических, культурологических, физико-антропологических, геологических и экологических исследований. Последние десятилетия XX в. становятся новой эрой в изучении тех регионов Балкан, которые до сих пор были почти не исследованы. Равным образом это актуально и для региона, где прежде находилась античная Македония⁴.

АНТИЧНАЯ МАКЕДОНИЯ: ВЗГЛЯД XIX В.

Путь современных исследований Македонии был нелегким. Пренебрежительное отношение к ней сформировалось отчасти по причинам, названным выше: средства на раскопки обычно выделялись для изучения наиболее доступных, знаменитых и ориентированных

⁴ Суждение, присутствующее в последних предложениях, впервые было высказано летом 1977 г. в моей рецензии на книгу Эллиса (*Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism. London, 1976*) под заголовком «Philip II and the Greeks» (Р. 239). Там же я писал: «Немногие регионы современной Греции столь многообещающи с точки зрения археологических раскопок, как Македония» (Р. 238). Не прошло и трех месяцев, как Андроникос обнаружил царский некрополь в Вергине (античных Эгах), а в течение последующего года был опубликован ряд важных, давно находившихся в процессе подготовки работ по истории Македонии.

на туристов мест на юге страны и островов — мест, которые напрямую связаны с древней литературой и историей, когда-то ставших основой западного образования, и которые продолжают быть пищей для обычных представлений об античности.

По иронии судьбы древние македоняне невольно сами стали виновниками своей относительной безвестности. Они дали миру непревзойденного полководца, чья жизнь стала главенствующей темой литературы о Македонии, отвлекая наше внимание от того общества, в котором он появился на свет. Более того, в свое время и Александр Великий, и его отец Филипп навлекли на себя гнев величайшего из афинских ораторов. Обличения Демосфеном македонских царей прокатились эхом через века. Что бы мы ни думали о завоевании Македонией Греции, Демосфен взял свой реванш, ибо взгляд оратора на македонян влияет на наше понимание греческой политики IV в. до н. э. Согласно этому взгляду, получается, что разыгралась драма, в ходе которой «цивилизованные» города Греции, ведомые Демосфеном и афинянами, боролись против владычества северных «варваров» — Филиппа и его воинов-македонян.

Только с недавних пор мы начали что-то различать в этой мутной воде, осознав, чем на самом деле были речи Демосфена: ораторское искусство имело целью завоевать общественное мнение в Афинах и таким образом сформировать государственную политику. Истина, это неуловимое создание, постоянно подчиняется своей эмоциональной служанке — риторике. Зачастую заявления Демосфена имеют не большее отношение к точному отражению событий и верной характеристике личностей того периода, чем публичные заявления политиков других времен⁵. Взгляды Демосфена повлияли на нашу реконструкцию событий. Язык и элегантный стиль оратора сделали его частью афинской литературной традиции, которая пропитала западное образование и культуру, адресуясь не только к нашим изысканным вкусам, но и к нашим патриотическим чувствам. Мало кто в те дни высказывался в защиту македонян, а тех, кто высказывался, считали глупцами или предателями. Македония отвечала своими копьями. Но македонское оружие, успешно сражавшееся с Демосфеном при его жизни, оказалось бессильно против него в дальнейшем.

⁵ Это ясно показано в кн.: *Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism* (passim). Конечно, все сказанное Демосфеном является частью истории той поры, ибо раскрывает его взгляды и политику Афин.

Кроме того, древние македоняне населяли земли на окраинах современной Греции. В тот самый момент, когда Шлиман, Дерпфельд и Эванс открывали сокровища культур бронзового века на Пелопоннесе и Крите, Македония все еще находилась под турецким владычеством. Большая часть территории древней Македонии вошла в состав современного Греческого государства лишь в 1913 г. (см. ниже) и далее продолжала оставаться политически нестабильным регионом из-за своих отношений как с афинским правительством на юге, так и с не-греческими соседями на севере.

Во время Первой мировой войны здесь возникла широкая внутренняя оппозиция политике греческого правительства, направленной на соглашение с военно-политическим блоком Центральных держав. В 1916 г. сформировалось Национальное движение под руководством Венизелоса, который создал альтернативное временное правительство в Салониках. К июню 1917 г. движение достигло успеха, добившись признания стран антигерманской коалиции и свергнув правящий режим в Афинах. В 1950–1960 гг. существовала глубокая подозрительность и враждебность афинских «правых» политиков и военных по отношению к «левым» политикам и университетским студентам в Салониках. Страх «левых» веяний на севере привел к государственному перевороту и военной диктатуре 1967–1974 гг. Важный стратегический характер современной Македонии отражен в нынешней структуре греческого правительства: у Македонии (включая западную Фракию) есть свой собственный министр — министр по делам северной Греции. Лишь еще один регион страны — острова Эгейского моря — имеет собственное министерство.

Всестороннее исследование древней Македонии, таким образом, характерно лишь для современной науки XX в. В XIX в. Македонию рассматривали в основном сквозь призму политических биографий и «миссионерской истории». Согласно последней, преобладавшей в немецких исследованиях, Филиппу и Александру было судьбой уготовано расширять эллинское единство и нести высокую греческую культуру более отсталым народам мира. Это была цивилизаторская миссия. К македонской истории или македонянам она не имела отношения, за исключением того, что из этого северного народа вышли два человека, чье влияние на историю неоспоримо. Филипп в итоге стал покорителем и объединителем греческих городов-государств, длительное время раздираемых междоусобицами. Таким образом, перестав тратить силы на постоянные распри, греки смогли наконец явить миру свою высокую культуру, распространителями которой

стали македоняне. Яркий и страстный юный Александр, воспитанник Аристотеля, поклонник Гомера и Эврипида, был весьма подходящим инструментом для подобной миссии.

Эта идея была движущей силой в умах ученых XIX в. Ее значимость возрастала в связи с тем, что многие немецкие интеллектуалы и политики ощущали себя свидетелями того же самого феномена: объединения немецкой нации и последующего распространения их собственной *Kultur*. Подобное видение оставалось особенностью немецких исследований — появление Мировой Личности как стабилизирующей силы и выразительницы могучей энергии творческого народа. До краха Гогенцоллернов современной аналогией было благоговение перед прусской династией. В XX в. эта идея трансформировалась в более обобщенный мессианский *Führerprinzip*⁶. Каковой бы ни была ценность подобной концепции как отражения современных настроений в историографии и политической идеологии, она имела отношение лишь к ярким внешним проявлениям македонской истории, таким как победы знаменитых царей. Серьезное изучение инфраструктуры македонского общества и истории все еще оставалось в тени античного империализма Аргеадов и современной исследователям прусской дипломатии.

Одной из дилемм, с которой столкнулись ученые, в особенности немецкие, был тот факт, что Филипп — воплощение национальной воли и объединитель Греции — одновременно расценивался как угроза высокоразвитой афинской цивилизации, глубоко чтимой образованными людьми западного общества. Даже самые стойкие защитники искренней смелости Филиппа были вынуждены отступить перед звучными призывами Демосфена к свободе от тирании. Немногим был понятен истинный смысл этой риторики. Когда в 1897 г. английский историк и археолог Хогарт попытался представить свой взгляд на Филиппа, подчеркнув македонскую позицию этого царя, следуя за присутствующим у Диодора Сицилийского (XVI, 95, 1–4) восхвалением Филиппа как государственного деятеля, а также намекая

⁶ Это фраза Бэдиана из его статьи: *Badian E. Some Recent Interpretations of Alexander // Alexandre le Grand: Image et réalité. Vandoeuvres; Genève, 1976. P. 281.* Хотя выводы Бэдиана догматичны и полемичны, его очерк является превосходным обзором по вопросу отношения к Александру в Германии; при этом в нем делается особый акцент на национал-социалистическом периоде и периоде после Второй мировой войны. Другие полезные краткие обзоры на данный счет см.: *Green P. Alexander of Macedon. Harmondsworth, 1974. P. 482 ff.; Borza E. N. An Introduction to Alexander Studies // Wilcken U. Alexander the Great / Engl. Transl. by G. C. Richards; ed. by E. N. Borza. New York, 1967. P. XII–XXI.*

на некоторую двуличность Демосфена и подвергая сомнению его ораторскую этику, его книга была встречена неоднозначными отзывами⁷. Западный филэллизизм и проафинские чувства были слишком сильны, чтобы позволить снять с Филиппа, сражавшегося с Афинами, обвинение в угрозе цивилизации. Поэтому труд Хогарта не оказал значительного влияния на тогдашнюю науку. В начале XX в. историки продолжали время от времени писать политические биографии выдающихся царей IV в. до н. э., и когда они касались македонской истории, то представляли ее лишь как часть общей истории Греции⁸. Для более глубокого понимания Македонии и ее царей требовались серьезное изучение источников и археологические исследования. Но интерес археологов к Македонии не пробуждался на протяжении десятилетий, ибо в XX в. внимание к ней было вызвано скорее современной политикой, чем изучением античности.

ИССЛЕДОВАНИЯ МАКЕДОНИИ И «МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС»

В современную эпоху, когда говорили «Македония», преимущественно имели в виду то μακεδονικόν ζήτημα — печально известный «македонский вопрос». Как минимум с 80-х годов XIX в. великие державы и местные политические активисты предвкушали перспективу раздела земель разваливавшейся Османской империи в Европе. Ни в одной из частей европейской Турции ситуация не была такой

⁷ *Hogarth D. G. Philip and Alexander of Macedon*. London, 1897. Более подробно о месте труда Хогарта в историографии Македонии см.: *Borza E. N.* 1) *Philip II and the Greeks* // CPh. 1978. Vol. 73. P. 236–238; 2) *David George Hogarth: Eighty Years After* // AW. 1978. Vol. 1. P. 97–101.

⁸ Несколько примеров работ первой группы: *Wilcken U.* Philip II. von Makedonien und die panhellenische Idee // SB, Berlin. 1929. N 28. S. 291–318; *Momigliano A.* Filippo il Macedone. Firenze, 1934; *Wüst F. R.* Philipp II. von Makedonien und Griechenland in den Jahren 346 bis 338. München, 1938; *Cloché P.* Un fondateur d'empire: Philippe II, roi de Macédoine (383/2–336/5 avant J.-C.). Saint-Étienne, 1955. Что же касается работ второй группы, то при беглом обзоре наиболее важных трудов по истории Греции (Белоха, Берве, Бенитсона, Бузолята, Хольма, Бьюри и первого издания «Кембриджской древней истории») в них можно найти лишь случайные упоминания о македонянах до времени правления Филиппа II. Даже в «Истории Греции» Хэммонда о ранней Македонии говорится довольно мало (*Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C.³ Oxford, 1986 — в основном репринт изданий 1959 и 1967 гг.). Только Курциус в своей «Греческой истории» уделяет Македонии значительное место в разделе о северных землях (*Curtius E.* Griechische Geschichte⁶. Bd. I–III. Berlin, 1887–1889); региональный принцип организации этого труда имеет большое достоинство.

сложной, как в Македонии, с ее гремучей смесью национальностей и ее величайшей ценностью — портом Салоники (Фессалоники), эгейскими воротами Балкан. Один из путешественников так описывал Салоники: «Здесь встречаешь невероятное смешение национальностей и грязи, несравнимое ни с чем в Европе... вокруг такая какофония пронзительных голосов, какую можно услышать разве что у клетки с попугаями в Риджентс-парк». По словам другого путешественника, «Салоники сочетают в себе моральное убожество Европы с физическим убожеством Востока»⁹. Пожалуй, нигде более в Европе за прошедшие столетия не осело так много национальностей¹⁰. В регионе компактно и смешанно проживали греки, болгары, сербы, евреи, турки, албанцы, влахи, другие национальные меньшинства, потомки смешанных браков, а также те, чья национальность была неясна или даже менялась в зависимости от обстоятельств (салат «масéдоiнс» отлично отражает это своим названием). Неустановленным было само определение национальности. От чего зависит этническая идентичность? От языка, религии, принадлежности к местной политической партии или преданности иностранному государству? Не только западноевропейский наблюдатель не мог дать определенный ответ, но очевидно, что и большинству жителей самого региона, где некоторые евреи исповедовали ислам, а некоторые говорящие по-болгарски жители считали себя греками, было неясно, что же должно являться основой национальности. В краю, где деревни опустошались бандами террористов, представлявших себя участниками национально-освободительных движений, местные жители нередко прибегали к помощи того языка и обычаев, которые увеличивали их шансы на выживание.

После того как турецкая власть в регионе ушла в прошлое, появились новые нации и страны. Албания стала отдельным государством. Сербы, болгары и греки боролись сначала с турками, а потом между

⁹ Первая цитата: *Hogarth D. G.* In Macedonia // *Macmillans Magazine* (August 1889). P. 282; вторая: *Brailsford H. N.* Macedonia: Its Races and Their Future. London, 1906. P. 83. Симпатии последнего из авторов в македонском вопросе находились на стороне болгар, тогда как позиция Хогарта была более взвешенной, хотя и слегка прозэллинской. Население Салоник в конце XIX в. оценивалось примерно в 110 тыс. чел., из которых ок. 70 тыс. составляли сефардские евреи, потомки еврейской общины, вынужденной покинуть Испанию в конце XV в. Во время Второй мировой войны большинство салоникиских евреев было депортировано немцами и истреблено.

¹⁰ Красочный рассказ современника о смешении множества национальностей в Македонии начала XIX в.: *Cousinery M. E. M.* Voyage dans la Macédoine. T. I. London, 1831. Ch. 1.

собой за контроль над Македонией. В результате двух Балканских войн (1912–1913) и Первой мировой войны Сербия получила северо-западные районы Македонии, Греция — Эпир, центральную и западную части Македонии, а также восточные земли вплоть до реки Нест (включая Салоники и Кавалу), а остальные земли Османской империи в Европе достались Болгарии.

Существенными в этот период были два исторических факта. Первый — это желание свергнуть власть Османской империи и совпадение интересов великих держав с местными движениями за национальную независимость. Второй — попытка Болгарии, государства на Черном море, получить выход к Средиземному морю заявлением своих прав на эгейское побережье в Македонии и Фракии. Греция пресекла стремления Болгарии, провозгласив, что эти области принадлежат ей по праву исторической преемственности с античных времен. Ситуацию обостряло то, что многие спорные районы были населены как греками, так и болгарами¹¹. Греки захватили Салоники в самом начале Первой балканской войны против турок. 9 ноября 1912 г. греческая армия ворвалась в город буквально за несколько часов до подхода болгарских войск. Благодаря лихорадочным дипломатическим усилиям удалось избежать вооруженной борьбы за контроль над городом, однако болгары были возмущены тем, что им не достался желанный приз. С этого дня Салоники стали греческим городом, болгары же лишились своего фракийского побережья по Лозаннскому мирному договору (1923), установившему греко-турецкую границу по реке Эврос, где она остается и по сей день. Таким образом, Болгария была отеснена от Эгейского моря. Озлобление, тлевшее между Болгарией и Грецией в промежутке между мировыми войнами, вспыхнуло с новой силой во время Второй мировой войны, когда немцы передали в управление Болгарии в качестве оккупированной территории почти всю восточную Македонию. Болгары присоединили этот регион к своему государству, временно достигнув тем самым выхода к Эгейскому морю¹². Кроме того, Салоники продолжали оставаться невероятно привлекательными для

¹¹ В 1902 г. премьер-министр Греции Заимис открыто признал, что основная угроза эллинизму в Македонии исходила не от турок, а от болгар; см.: *Austro-Hungarian Documents Relating to the Macedonian Struggle, 1896–1912* / ed. by F. R. Bridge. Thessaloniki, 1976. N 50 (доклад австро-венгерской дипломатической миссии в Афинах).

¹² Подробно: *Kofos E. Nationalism and Communism in Macedonia*. Thessaloniki, 1964. P. 100–101; это необычно объективная и подтвержденная документами работа, особенно учитывая ее тему и то, где она была издана.

балканских славян. Есть основания полагать, что Германия предлагала Салоники (в разное время) и Югославии, и Болгарии в качестве приманки для того, чтобы они способствовали германской политике на Балканах в 1940–1941 гг.¹³; таким образом, немцы весьма эффективно использовали древнюю славянскую мечту о порте на Эгейском море.

Поскольку оккупация времен Второй мировой войны трансформировалась в продолжительные гражданские раздоры внутри Греции, социалистические государства Югославия и Болгария продолжили мушкетировать македонский вопрос, то поддерживая идею создания Великой Македонии с господством славян, то призывая к отделению частей греческой Македонии, — и то и другое в ущерб территориальной целостности Греции. Коммунистическое восстание в Греции в итоге потерпело неудачу по ряду причин, исчерпывающе описанных в литературе¹⁴. Одной из главных особенностей этой гражданской войны было то, что греческих коммунистов поддерживали в разное время Югославия, Болгария и СССР. Но заинтересованность югославов и болгар в Македонии была несовместима с эллинским этноцентризмом большинства членов коммунистической партии Греции (ККЕ)¹⁵. И когда Советский Союз в итоге потребовал от ККЕ согласиться с позицией Болгарии по македонскому вопросу, греческие коммунисты и левые оказались в неудобном положении, разрываясь между официальной политикой и собственной эллинской идентичностью, усиленной идеологическими принципами, основанными на ленинской доктрине самоопределения: большую часть населения греческой Македонии составляли этнические греки. Когда однажды ККЕ заявила, что поддерживает отторжение Македонии от Греции, в стране поднялся шум¹⁶. С военным поражением греческих коммунистов в 1949 г. македонский вопрос в Греции был урегулирован. Но было понятно, что эллинско-славянский конфликт по поводу Македонии продолжится спором Югославии и Болгарии о славянской

¹³ Ibid. P. 96–97 (с приведением свидетельств). Примечательно, что немцы, которые позволили болгарам контролировать практически все окрестные области Македонии вплоть до Аксия, никогда не выпускали из своих рук власть над самими Салониками.

¹⁴ К примеру, см.: Woodhouse C. M. *The Struggle for Greece, 1941–1949*. London, 1976 (с исчерпывающим списком научной литературы и источников, имеющих отношение к разным сторонам конфликта).

¹⁵ Ibid. P. 7–11, 188–189.

¹⁶ См.: Kofas E. *Nationalism...* P. 128–153, 179 ff. (с приведением свидетельств).

Македонии; с тех пор эта враждебность омрачила отношения между двумя странами¹⁷. Ни югославские (имеется в виду прежде всего Македонская Федеративная Республика Югославии), ни болгарские экстерриториальные притязания не прояснены и по сей день, и в 1986 г. греческие газеты и общественное мнение были убеждены в том, что оба их северных соседа были вовлечены в антигреческую пропаганду, связанную с македонской тематикой. Суждено ли македонскому вопросу стать еще одним реликтом балканской истории, покажет время.

На фоне этих политических перипетий отчетливо видно, что исследованиям древней Македонии не уделялось большого внимания не только из-за того, что интерес ученых был сосредоточен на замечательных памятниках бронзового века и классического периода на юге, но и из-за продолжающейся драмы современной македонской политики. Очевидно, что до последнего времени весьма неопределенное положение современной Македонии мешало интенсивному изучению региона. Правда, когда политический статус Македонии был определен договорами по окончании Первой мировой войны, здесь установился период относительной стабильности, и основными задачами стали организация на этих землях греческой администрации, а также расселение большого количества беженцев, появившихся в основном в результате обмена населением, последовавшего за рождением современного Турецкого государства и краха греческих притязаний на Малую Азию¹⁸. Приток анатолийских беженцев привел к появлению множества сельских поселений, осушению болот, постройке дорог и превращению местности, которая ранее описывалась путешественниками как совершенно бесплодная и заброшенная, в один из богатейших сельскохозяйственных регионов Греции. В Средиземноморье одним из наиболее общих последствий деятельности человека по изменению природного ландшафта для экономического развития является открытие (в буквальном смысле) прошлого. Невозможно сосчитать, сколько случайных находок древностей происходит из Македонии — можно лишь получить некоторое общее представление, просмотрев ежегодные отчеты Греческой археологической службы и иностранные журналы. Архео-

¹⁷ В общем см.: Ibid. P. 188 ff.

¹⁸ Согласно переписи 1928 г., население греческой Македонии составляло 1 млн 412 тыс. 477 чел., из которых более 638 тыс. являлись беженцами. См.: *Eddy C. B. Greece and the Greek Refugees*. London, 1931. P. 131, 145. Эдди был председателем Комиссии по расселению греческих беженцев, учрежденной Лигой Наций.

логические «спасательные» работы перед началом нового строительства стали в Северной Греции таким же обычным делом, каким прежде в течение десятилетий были они в центральной и южной частях страны.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Долго находившаяся под османским владычеством и в стороне от морских путей восточного Средиземноморья, Македония была, если не считать ее знаменитых царей, практически неизвестна Западу. Она никогда не привлекала путешественников-любителей, которые посещали Афины и острова, чтобы с благоговейным трепетом взирая на руины храмов и созерцать разбитые скульптуры. Открытие Македонии европейцами было связано с военной сферой.

Британское правительство, стремясь опередить Францию, в 1804 г. направило сюда капитана (впоследствии полковника) Лика, поручив ему исследовать сельскую местность, чтобы собрать исчерпывающую информацию о топографии, укреплениях, портах, а также сообщить о «политических и военных настроениях населения». Кроме того, Лику было предписано оказывать содействие туркам в случае французского вторжения¹⁹. В ходе нескольких путешествий в 1805–1810 гг. Лик выполнял свое задание с такой точностью и компетентностью, что не только был отмечен своим правительством, не только привлек внимание Нельсона, Веллингтона и Байрона, но и почерпнул для себя достаточно много подробной информации о Пелопоннесе, Центральной и Северной Греции; выйдя в отставку, он опубликовал ряд книг с описанием своих путешествий²⁰. Лик несколько раз побывал в Македонии и прилегающих областях²¹. Благодаря зоркому глазу Лика, подмечавшему все детали, древности, обычаи, топографические особенности, труд его жизни стал историческим справочником по археологии Греции и предоставляет современному историку одно

¹⁹ Инструкции, полученные Ликом от лорда Хэрроули, и другие связанные с этим делом документы из личных бумаг Лика можно найти в кн.: *Marsden J. H. A Brief Memoir of the Life and Writings of the Late Lt-Col. William Martin Leake*. London, 1864.

²⁰ Среди прочего: *Leake W. M.* 1) *Topography of Athens*². London, 1841; 2) *Travels in the Morea*. Vol. I–III. London, 1830; 3) *Travels in Northern Greece*. Vol. I–IV. London, 1835; дополнения к афинскому и пелопоннесскому томам, а также одно из первых систематических исследований греческих монет см.: *Leake W. M. Numismatica Hellenica*. London, 1856–1859.

²¹ См.: *Leake W. M. Travels in Northern Greece*. Vol. I. Ch. 6–9; Vol. III. Ch. 24–28, 30–31.

из наиболее точных описаний Греции начала XIX в. Нечасто Грецию посещали такие путешественники.

В 1861 г. по поручению императора Наполеона III французский наблюдатель Озе был направлен в Северную Грецию с целью начать изучение памятников античности. В подробном отчете Озе²² детально описываются регион вокруг Филипп в Восточной Македонии, эллинистический дворцовый комплекс близ Палатиции (недалеко от современной Вергины), другие места Центральной Македонии, даются материалы археологической разведки Западной Македонии и земель вдоль албанского побережья. Но даже после работ Лика, Озе и других Македония продолжала оставаться в сознании европейцев как не представляющая интереса. Один известный немецкий ученый даже не посчитал нужным включить Македонию в свой в остальном весьма подробный очерк географии Греции²³. В 1912 г. британский ученый Уэйс писал: «...весь регион [Верхняя Македония] все еще остается в археологическом смысле *terra incognita* и, поскольку существующие литературные источники дают нам мало информации о его географии, нам нужно обратиться к археологии для решения ряда существующих проблем»²⁴. А самый авторитетный военный справочник начала XX в. описывает Македонию как «регион, который за последние сорок лет был изучен жителями Западной Европы менее, чем какой-либо другой южнее Арктики»²⁵.

Фактически открытие Македонии произошло во многом благодаря Уэйсу и другим представителям Британской школы в Афинах. Уже в начале своего существования эта школа проявила интерес к Северной Греции, издав статью о современных народных обычаях²⁶.

²² Heuzey L., Daumet H. Mission Archéologique de Macédoine. T. I–II. Paris, 1876.

²³ Bursian C. Geographie von Griechenland. Bd. I–II. Leipzig, 1862–1872. Хотя Бурзиан и включил Эпир, для него Греция заканчивалась на северной границе Фессалии, а потому из нее исключались Македония и Фракия. В одном из стандартных современных пособий, написанном Кэри, автор включил Македонию и Фракию в раздел о Балканах, а не о Греции (Cary M. The Geographic Background of Greek and Roman History. Oxford, 1949. P. 290–291, 302–305).

²⁴ Wace A. J. B., Woodward A. M. Inscriptions from Upper Macedonia // BSA. 1911–1912. Vol. 18. P. 167 (на основании путешествий авторов по региону в 1911 и 1912 г.).

²⁵ Great Britain Admiralty, Naval Intelligence Division, Geographical Section. A Handbook of Macedonia and Surrounding Territories. London, 1920. P. 19.

²⁶ Triantaphyllides H. Macedonian Customs // BSA. 1896–1897. Vol. 3. P. 207–214. В редакторском замечании директор Британской школы Смит выразил надежду, что современные греческие обычаи и фольклор «привлекут пристальное внимание иностранных ученых в Афинах». К сожалению, желанию не суждено было сбыться, оно пало жертвой археологических успехов Британской школы.

Уэйс совершил несколько путешествий по региону в период с 1906 по 1912 г. и непрерывно публиковал в «Ежегодниках» школы данные своих наблюдений²⁷. В 1912 г. он писал: «Поскольку политический статус [Македонии] изменился совсем недавно, было бы преждевременным начинать какие-либо серьезные дискуссии о ее древней географии, ибо мы можем надеяться на новые открытия»²⁸. Возникновению интереса к «новым открытиям» способствовали и усилия самого Уэйса. Среди наиболее примечательных следов древности были большие курганы, тут и там видневшиеся на центральной равнине Македонии и между окрестных холмов. Лик уже писал о них, а в 1914 г. Уэйс составил описание около 70 курганов и найденной там керамики²⁹, многие из которых, как было обнаружено впоследствии, содержали доисторический материал.

Первая мировая война обернулась неожиданным благом для исследований Македонии. В 1915–1918 гг. Македония была оккупирована британскими и французскими войсками (усиленными сербскими и греческими частями), чтобы организовать союзнический балканский фронт против врага. Линия фронта была почти неподвижна (британцы продвинулись вперед лишь на 20–30 миль в 1916–1918 гг.), военные столкновения были непостоянны, солдат косила малярия. Несмотря на свою стратегическую важность в плане защиты Салоник и препятствования притязаниям Болгарии и блока Центральных держав в этом районе, зона, занятая союзниками, служила в основном буфером между враждующими греческими партиями; так продолжалось вплоть до единственного крупного наступления союзных войск в северном направлении в 1918 г.

Среди британских офицеров были бывшие представители Британской школы в Афинах, а во французской армии имелось особое подразделение — «Service archéologique». В течение двухлетнего относительного военного затишья составлялись описания доисторических курганов и других памятников истории, консервировались и изучались материальные находки, создавались археологические обзорные карты и составлялись планы послевоенных раскопок и организации музеев. Результаты этих исследований — счастливый пример

²⁷ Wace A. J. B. 1) North Greek Festivals and the Worship of Dionysos // BSA. 1909–1910. Vol. 16. P. 232–253; 2) The Mounds of Macedonia // BSA. 1913–1914. Vol. 20. P. 123–132; 3) The Site of Olynthus // BSA. 1914–1915 (1915–1916). Vol. 21. P. 11–15.

²⁸ Wace A. J. B., Woodward A. M. Inscriptions from Upper Macedonia. P. 167.

²⁹ Leake W. M. Travels in Northern Greece. Vol. III. P. 260; Wace A. J. B. The Mounds of Macedonia.

англо-галльского сотрудничества — были систематизированы и опубликованы в британских и французских журналах сразу после окончания войны³⁰.

В подобных фронтовых исследованиях было, пожалуй, больше энтузиазма и интереса, чем новых знаний. Признавая их неоднозначные результаты, Кэссон, один из видных британских ученых-военных, писал по поводу запутанного вопроса о городских поселениях: «На основании различных вышеуказанных находок, относящихся к греческому и римскому периодам, какого-либо связного представления о Македонии в историческую эпоху не складывается». Однако при этом отмечает: «Военные условия по большей части не позволили провести методичные исследования, но по случайным открытиям можно составить некоторое, пусть и ограниченное, представление о классической культуре в той части Македонии, которая была оккупирована подразделениями Британской армии в Салониках»³¹.

Возможно, самым важным результатом подобной деятельности на салоницком фронте стало ее непосредственное влияние на македонские археологические исследования 20-х годов XX в. Французы, чей интерес к этому региону возник еще во времена Озе, начали проводить раскопки вдоль восточного побережья Македонии. Их исследовательские обзоры довоенного и военного времени положили начало систематическим раскопкам на Фасосе и в Филиппах³². Но именно британцы, проявившие интерес к македонским исследованиям еще до войны и собравшие большое количество информации

³⁰ См. обзоры: *Picard Ch.* Les recherches archéologiques de l'armée française en Macédoine, 1916–1919 // *BSA*. 1918–1919. Vol. 23. P. 1–9; *Casson S.* Note on the Ancient Sites in the Area Occupied by the British Salonika Force during the Campaign 1916–1918 // *BCH*. 1916. T. 40. P. 293–297; *Mendel G.* Les travaux du Service archéologique de l'armée française d'Orient // *CRAI*. 1918. P. 9–17. Основные отчеты (с прекрасными картами): *Rey L.* Observations sur les premiers habitats de la Macédoine: Recueillies par le Service archéologique de l'Armée d'Orient, 1916–1919 // *BCH*. 1917–1919. T. 41–43 (опубликована как монография: Paris, 1921); *Gardner E. A., Casson S.* Macedonia II: Antiquities Found in the British Zone, 1915–1919 // *BSA*. 1918–1819. Vol. 23. P. 10–43. Значительное место в *BSA*. Vol. 23 (1918–1919) было уделено отчетах Британской армии в Салониках, посвященным специальным темам: доисторическому периоду, керамике, надписям, курганам и др. Не менее дюжины членов Британской школы проходили военную службу в Македонии. Среди них — Гарднер, Тод, Уудуард, Томпсон, Кэссон и Гомм.

³¹ *Gardner E. A., Casson S.* Macedonia II... P. 40–41.

³² См.: *Études Thasiennes*. T. I–X. Paris, 1944–; *Guide de Thasos*. Paris, 1968; *Collart P.* Philippes, ville de Macédoine. T. I–II. Paris, 1937 (все опубликовано при содействии Французской школы в Афинах). Предварительные отчеты о раскопках можно найти целиком в «*Bulletin de correspondance hellénique*».

во время оккупации ими Северной и Центральной Македонии, открыли этот регион для археологии. В 1915 г. Уэйс, ранее уже писавший об этом, идентифицировал и исследовал место, где располагался великий халкидский греческий город Олинф. Это было предварительное изучение; Уэйс выразил надежду, что «Британская школа в Афинах вскоре сможет начать здесь раскопки»³³. Этому, однако, не суждено было сбыться, по крайней мере для Уэйса и британцев. В 1920 г. Уэйс, к тому времени директор школы, отправился на юг, чтобы начать свои знаменитые раскопки в Микенах, которые так много позволили узнать о языке и культуре Греции бронзового века. Олинфу пришлось ждать лопаты американца Робинсона, который раскопал его в ходе нескольких археологических сезонов в период с 1928 по 1938 г. и обнаружил огромное количество материала, проливающего свет на культуру Северной Греции до момента разрушения города Филиппом II в 348 г. до н. э.³⁴

Впрочем, македонские начинания Уэйса нашли достойных продолжателей. Кэссон, служивший в британской армии в Салониках, в 1921–1922 гг. провел раскопки в Чаушице, в долине среднего течения Вардара, а в 1926 г. опубликовал книгу «Macedonia, Thrace and Illyria», основанную на полевых археологических исследованиях Британской школы в Афинах и на материалах ряда своих путешествий по этим краям в 1913–1915 гг. Книга стала первой попыткой систематически реконструировать раннюю историю северного региона до времен Филиппа II. Недостатки этого труда, положившего начало другим исследованиям, происходили от того, что научное археологическое изучение Македонии и Фракии находилось в зачаточном состоянии, а Иллирия и вовсе была неизвестна археологам.

Примерно в то же время, когда появилась книга Кэссона, еще один представитель Британской школы в Афинах — Хертли начал серию обследований курганов, став основателем научного изучения доисторического периода Македонии. Несмотря на то что основная деятельность Британской школы была сосредоточена в других местах, Хертли все же был доступен небольшой «Фонд македонских исследований». В 20-х гг. XX в. Хертли проводил раскопки в ряде мест Центральной и Западной Македонии, постепенно составляя хронологию и описывая связи между древнейшей Македонией и Грецией.

³³ Wace A. J. B. The Site of Olynthus. P. 11–12.

³⁴ Robinson D. M., Mylonas G. E. et al. Excavations at Olynthus. Vol. I–XIV. Baltimore, 1929–1952.

Однако в 1931 г. Британской школе представилась возможность раскопок на Итаке, и Хертли, как и Уэйс до него, покинул Македонию: перед соблазном Гомера устоять было невозможно. Из-за экспедиции на Итаку и других отвлекающих обстоятельств Хертли закончил свой ценный труд «Prehistoric Macedonia» лишь накануне Второй мировой войны.

В декабре 1929 г. Хертли повел нескольких молодых студентов Британской школы в Афинах, только что прибывших из Кембриджа, в пеший поход в ущелье реки Галиакмон и затем поведал им кое-что о македонской керамике. Один из этих студентов, Хэммонд, принял в 1930 г. ряд подобных походов, проводя таким образом исследование перевалов, ведущих из Эпира через горы Пинд в Македонию и Фессалию³⁵. Пешие походы с целью изучения прежде почти неизведанного региона он продолжал вплоть до 1939 г. Часть Второй мировой войны Хэммонд, офицер британской армии, провел в качестве связного с Греческим сопротивлением в Фессалии и Македонии, досконально изучив данные регионы³⁶. Этот непосредственный опыт, а вместе с тем и послевоенная обстоятельная научная деятельность позволили Хэммонду написать опубликованную в 1967 г. книгу «Epirus» — самое полное до тех пор региональное исследование Греции. Эта работа, включающая в себя подробный обзор географии, исторической топографии и древностей, стала образцом для такого рода исследований. Позже за ней последовал другой труд Хэммонда — «A History of Macedonia», по объему сходный с энциклопедией и имеющий целью охватить практически все известное о древней Македонии. Значительное внимание ученый уделял географическим факторам как историческим детерминантам; обоснованность этого метода очевидна для каждого, кто знаком с Грецией. Особенную же уникальность труду Хэммонда придает то, что он попытался обобщить результаты исследований по доисторическому периоду региона болгарских, албанских, югославских и греческих археологов (по словам Хэммонда, «прежде они могли бы с тем же успехом копать на разных планетах»)³⁷. Более того, Хэммонд столь мастерски объединил топографию, археологию и историю, основанную на литературных источниках, как не смог бы сделать ни один специалист и мало кто из уни-

³⁵ Hammond N. G. L. Prehistoric Epirus and the Dorian Invasion // BSA. 1931–1932. Vol. 32. P. 131–179.

³⁶ Деятельность Хэммонда во время войны описана в кн.: Hammond N. G. L. Venture into Greece with the Guerrillas, 1943–1944. London, 1983.

³⁷ Цит. по: Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. VIII.

версалов. Притом это глубоко личная работа по отбору сведений. Некоторые из методов и выводов не удовлетворили многих читателей, особенно по части доисторических и протоисторических миграций. Но вместе с книгой «Erigus» данный труд, несомненно, удачный образец для проведения региональных исследований других частей Южных Балкан.

Вторая мировая война и последовавший затем период внутренних коллизий в Греции фактически остановили археологические исследования в стране; тогда имел место только ряд небольших немецких и французских раскопок. С возобновлением научной активности в 50-х гг. XX в. зарубежные археологические институты, прежде всего Британская, Американская, Французская и Немецкая школы, по-прежнему лидировали в проведении раскопок наиболее видных объектов классического периода и некоторых — бронзового века. За редким исключением, большинство из них располагалось в центральной, южной и эгейской частях Греции. Самим же грекам, хотя зачастую весьма квалифицированным и увлеченным, не хватало средств, поэтому они и не пытались соревноваться с иностранцами в достижении значительных результатов. На тогдашнем рудиментарном уровне археологическое изучение Македонии ограничивалось лишь базовыми доисторическими классификациями, предложенными Хертли, раскопками нескольких важных исторических мест и отдельных памятников (в основном греческих и римских), некоторыми другими исследованиями и общим пониманием топографии. Пелла была почти не тронута, Эдесса тоже, Верию едва знали, а места других знаменитых древних поселений были или вообще не раскопаны, или даже не идентифицированы, к примеру, Менда, Аканф, Торона, Мсфона, Дион и Пидна.

Два факта были характерны для археологического изучения Македонии начиная с 50-х гг. XX в. Во-первых, это все возрастающая интенсивность обследования сельской территории. Многие знаменитые места были идентифицированы и осмотрены, в других начались раскопки. Во-вторых, раскопками здесь занялись в основном греки. В довоенный период такое тоже случалось — упомянем деятельность Пеликидиса и Ромэоса. В послевоенную же эпоху раскопки начали спонсировать Греческая археологическая служба, Археологическое общество в Афинах и греческие университеты. Среди мест раскопок назовем, в частности, Амфиполь, Дервени, Дион, Эдессу, Кавалу, Козани, Лефкадию, Наусу, Пеллу, Потидею, Сервию, Торону, Вергину и Верию. До недавнего времени Андроникос, Вакалакис,

Деспинис, Лазаридис, Макаронас, Пандермалис, Пецас, Ромиопулу, Сиганиду, Вокотопулу и их коллеги трудились в относительной неизвестности на севере. Но их достижения внесли свой вклад в реконструкцию македонской истории. Частично раскопана столица Филиппа и Александра — Пелла; в Дервени и около Лесфкадии ряд великолепных гробниц IV в. до н. э. и более позднего времени дают представление о материальном богатстве и аристократической утонченности македонской знати; находки эллинистического, римского и византийского периодов обнаружены в Верии. Кроме того, явились миру укрепления древней Эдессы; обнаружено, что люди населяли Козани с бронзового века и до времен римлян; район Наусы идентифицирован с античной Миезой; обширные доисторические поселения были исследованы в Сервии и Неа Никомедии. Было определено место Тороны, богатого халкидского города, и там начались раскопки; большой римский город, открытый в Дионе, впечатляет сам по себе и сулит интересные находки в более ранних слоях; а то, что, видимо, являлось царским некрополем, найдено в Вергине³⁸.

Безвестность Македонии закончилась. Здесь была обнаружена культура, в поздний период даже более утонченная, чем мы могли ожидать. Остаются отдельные методологические проблемы (см. ниже), тормозят прогресс науки и некоторые процедурные вопросы, прежде всего продолжающееся отсутствие скоординированности между греческими, албанскими, югославскими и болгарскими учеными (нелегко избавиться от тяжелого наследия событий XX в. и привычной настороженности)³⁹. Но мы впервые стоим на пороге понимания истории одного из самых важных народов древности.

НАПИСАНИЕ МАКЕДОНСКОЙ ИСТОРИИ

Если археология была одним из недостающих факторов для написания истории Македонии, то иной была исследовательская деятельность, основанная на литературных источниках. Мы уже видели, что ученые XIX в. создали ряд общих трудов по греческой истории, в которых Македония упоминалась лишь как область, находившаяся в стороне от основных событий, происходивших в Греции до времен Филиппа II и Александра. Некоторые биографические работы о Филиппе и Александре появились в результате горячего интереса к раз-

³⁸ Библиографию см. ниже в Приложении А.

³⁹ См. ниже Приложение А.

дoram Филиппа с Афинами, завоеванию им Греции и распространению эллинизма в результате походов Александра. Почти во всем эти события рассматривались как внешние по отношению к македонскому национальному опыту, даже само это понятие еще не оформилось в современном сознании. Иначе говоря, на историю македонян смотрели как на приложение к греческой истории. Не будет преувеличением полагать, что Македония казалась важной только потому, что она явилась катализатором определенных процессов, происходивших у греков, а позже противостояла экспансии Рима.

В незначительной степени существование чего-то вроде независимой македонской истории допускалось разве что в рамках эллинизма — этого широкого понятия греческой культуры, сформулированного Дройзеном (наиболее полно выражено в его «*Geschichte des Hellenismus*») и другими учеными в середине XIX в. Труды по эллинизму описывали культуру греческих городов-государств, Птолемеевского Египта и земель Селевкидов в Западной Азии. Македония и родственные ей царства характеризовались в основном как разложившиеся эллинистические остатки того, что сохранилось от классической греческой культуры, готовые к завоеванию римлянами⁴⁰. Действительно, даже сегодня в большинстве англоязычных университетов фактически не преподают эллинистическую историю периода от смерти Александра и до покорения Востока Римом. В начале XX в. было опубликовано несколько независимых работ по истории эллинизма, в особенности о монархиях Птолемеев и Селевкидов, для которых в распоряжении ученых оказались материальные находки (прежде всего папирусные документы из Египта)⁴¹. Что же до тогдашнего состояния македонских исследований, то показательным, что обстоятельно написанная история Македонии появится из-под пера Хэммонда только спустя 70 лет.

Однако сказать, что научное изучение Македонии отсутствовало, нельзя. Но оно имело лишь форму монографий и статей, посвященных более частным сюжетам. В современный период возникла настоящая «коттеджная индустрия» работ об Александре Великом. Насчитывается множество одних только биографий самого известного

⁴⁰ Некоторые исключения: *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus*. Bd. I³–II². Berlin; Leipzig, 1926–1927; *Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit*. Bd. I–III. München, 1937–1952; кроме того, здесь можно упомянуть и ряд недавних работ по эллинистической культуре.

⁴¹ *Bevan E. R. The House of Seleucus*. Vol. I–II. London, 1902.; *Bouché-Leclercq A.* 1) *Histoire des Lagides*. T. I–IV. Paris, 1903–1907; 2) *Histoire des Séleucides*. T. I–II. Paris, 1913.

македонского царя, и даже появилась отдельная книга, полностью посвященная современной библиографии вопроса⁴². Трудов о Филиппе II не так много, и до недавних пор им занимались в основном немецкие ученые. Основные принципы исследования истории этих знаменитых македонских монархов, заложенные в XIX в., продолжали почти без исключения доминировать и в XX в. Изучающим историю Филиппа по-прежнему приходилось примирять свои симпатии к объединителю Греции с негативным отношением к человеку, поставившему предел независимости Афин. Каким бы ни был вывод, обычно греческий контекст преобладал. Лишь недавно появился более сбалансированный взгляд, который, вероятно, порадовал бы Хогарта⁴³. Что же касается Александра, то были предложены многочисленные трактовки, касающиеся его мотивов, добрых или злых планов, уровня цивилизованности или варварства, а также военного мастерства, — трактовки, которые по большей части не отражают ничего, кроме психологических склонностей самих авторов. Какие бы личные системы представлений и методы анализа источников ни лежали в основе подобных портретов Александра, почти все они разделяют концепцию конца XIX в., описывая не жизнь человека, а предназначение мировой фигуры. Минималистская позиция не популярна.

Был опубликован и ряд биографий македонских царей эллинистического периода, а также работ по отдельным периодам и темам, сборников и комментариев к различного рода источникам⁴⁴. Большие общие труды по истории Греции едва касаются Македонии до прихода к власти Филиппа II. Просмотрев несколько подобных работ начала XX в., а также «Кембриджскую древнюю историю», можно увидеть,

⁴² Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972. Более краткая полезная библиография приведена в работах: Lauffer S. Alexander der Grosse². München, 1981; Hornblower S. The Greek World, 479–323 B. C. London; New York, 1983; Badian E. Alexander the Great, 1948–1967 // CW. 1971. Vol. 65. P. 37–56, 77–83; также см. ее в самой удачной и подробной из современных биографий Александра: Green P. Alexander of Macedon. Провокационное обсуждение некоторых современных тенденций в историографии Александра см.: Badian E. Some Recent Interpretations...

⁴³ Обзор более ранних исследований о Филиппе: Borza E. N. Philip II and the Greeks. Прорывом стала публикация в 1976 г. книги Эллиса, написанной как часть македонской истории (Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism). Вскоре за ней последовали: Cawkwell G. L. Philip of Macedon. London, 1978; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979 (раздел Гриффита о Филиппе); Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos. Athens, 1980 (серия статей различных авторов).

⁴⁴ См. ниже Приложение А.

как мало внимания уделяется македонским сюжетам в этих томах, сфокусированных на развитии и делах греческих городов-государств. Из этого, однако, не следует, что нужно осуждать общеисторический подход: любая попытка организовать материал крупномасштабной истории связана с огромными проблемами⁴⁵, и отдаленные области, вероятно, всегда будут страдать от невнимания по сравнению с мейн-стримом. Неизбежным следствием этого является необходимость фрагментировать историю, сузив ее до пределов региона или народа. Именно таков случай с Македонией.

Мы уже видели, что несколько факторов мешало развитию комплексного исследования македонской истории: сильный интерес к литературе и археологии классической Греции, удаленность и политические коллизии на Балканах в современный период, раздробленность истории Македонии на отдельные труды с ограниченным набором тем (прежде всего биографии царей) и замедленное развитие археологического изучения региона. К этому нужно добавить и еще одну трудность. Намреваясь выстроить рамки национальной истории Македонии, историк оказывается перед невдохновляющей перспективой писать о народе, который фактически молчал о себе. Египтяне, евреи, шумеры, ассирийцы, афиняне, римляне и другие оставили богатое литературное наследие, народную эпiku, архитектуру, надписи и прочие материальные находки. Но македоняне остаются одним из «немых» народов античности, наряду со спартанцами, этрусками и карфагенянами. Такова, казалось бы, суровая судьба македонян, защищавших Грецию от нашествий варваров⁴⁶, народа, из которого вышел самый известный полководец всех времен, народа, чья мощь была одним из немногих препятствий внешнеполитическим устремлениям Римской республики.

Реконструкция македонской истории основана на трех основных видах источников. Первый — наше общее знание исторической топографии Южных Балкан и особенно передвижений людей, влияния климата и взаимосвязи человека с теми землями, где он обитает. Второй вид составляют растущие в числе материальные находки, относящиеся к древнему периоду, включая захоронения, погребальную утварь, монеты и надписи. Хотя археологические раскопки ведутся сейчас интенсивно, публикация и анализ их результатов

⁴⁵ Извечное проклятие всех историков; см.: Diod., I, 3, 5–8; V, 1, 4; XVI, 1, 1–3; XVII, 1, 2.

⁴⁶ См.: Edson Ch. F. Early Macedonia // AM. 1970. T. I. P. 17–18; Dell H. J. The Western Frontier of the Macedonian Monarchy // Ibid. P. 115–116.

происходит медленно. Третий вид, — и с ним традиционному историку наиболее удобно работать, — это литературные данные. Однако значительным препятствием для написания истории Македонии является тот факт, что у нас нет подлинно македонских источников. Немногие из посетивших этот регион в античную эпоху писали о нем, и совсем мало авторов, которые могли бы быть названы — хотя бы с натяжкой — современниками описываемых ими событий македонской истории.

От раннего периода до нас дошли тексты авторов V–IV вв. до н. э., позиция которых по отношению к Македонии варьируется от несколько странной (к примеру, у Фукидида в II, 99 о македонянах сказано так, как если бы описывалось племя, живущее где-то в дебрях Азии или Африки) до пренебрежительной. Некоторые авторы, подобно Исократу и Эсхину, избегают распространенной враждебности, но взгляды их столь же туманны, как и у Демосфена. Наше лучшее повествование о Филиппе II было создано Диодором через три столетия после смерти царя и основывалось в основном не на македонских источниках⁴⁷. Такой же поздний и вторичный характер носят и литературные данные о жизни Александра⁴⁸. Постоянное занятие для исследователей истории Александра — это обнаружение наиболее ранних и близких по времени источников, лежащих в основе дошедших до нас более поздних, и вполне возможно, что какая-то часть собственно македонского материала могла сохраниться — хотя бы в виде вкраплений — в этих сообщениях. Большая часть сведений, имеющихся у нас о Македонии в эллинистическую эпоху, содержится во фрагментах, рассыпанных по сочинениям дюжины поздних писателей, в повествовании Полибия о римском империализме и в преданиях, пересказанных римским историком Ливием. Тенденциозность многих из этих источников очевидна, и остается надеяться, что историческая география и археология придут на помощь историку, свидетельствуя, как они это часто делают (перифразируем слова Моммзена, цитирующего Тацита), без любви или ненависти.

⁴⁷ *Hammond N. G. L. The Sources of Diodorus Siculus XVI // CQ. 1937. Vol. 31. P. 79–91; 1938. Vol. 32. P. 137–151; обновленную версию см.: Hammond N. G. L. Three Historians of Alexander the Great. Cambridge, 1983. P. 32–51.*

⁴⁸ *См.: Borza E. N. An Introduction to Alexander Studies. P. XXI–XXVIII.*

Глава 2

ЗЕМЛЯ МАКЕДОНИИ

Примерно каждые два часа самолет авиакомпании «Олимпик Эйрвэйс» отправляется из Афин в Салоники. Совершая полет почти строго на север от Аттики, самолет пролетает над Эврипом у Халкиды, слегка вздрагивая, когда стремительные воздушные потоки, поднимающиеся с гор Эвбеи, касаются его крыльев. Внезапно неясно вырисовывается громада горы Дирфис, а потом резко обрушивается прямо в море. Через несколько минут мы над усеянными деревьями Северными Спорадами, одними из наименее посещаемых и наиболее красивых островов Эгейского моря. Самолет немного меняет курс, поворачивая на северо-запад, и начинает постепенное снижение над Термическим заливом, чтобы, пролетев над ним, приземлиться в Салониках. Справа лежит странно выглядящий «трехпалый» полуостров Халкидика, богатый зерном и виноградом так же, как и в античные времена.

Но есть еще приковывающий внимание вид слева — на запад. До того как восторжествовала современная апатия, места с этой стороны салона считались лучшими, ибо пассажиры (в основном греки) надеялись мельком увидеть гору Олимп. Хотя вершина Олимпа, достигающего высоты почти в 10 тыс. футов, находится от моря на расстоянии всего лишь 12 миль, она часто невидима за окружающей ее короной облаков. Если же вид ничто не загораживает, счастливый путешественник наслаждается волнующей панорамой скалистых высот Олимпа, наблюдая восточный склон одного из самых впечатляющих горных массивов Европы.

По мере продвижения к северу меньшая оконечность массива — Пиерийские горы постепенно понижаются, уступая место большой равнине, орошаемой и возделываемой. Вдалеке мы видим, что эта равнина со всех сторон, кроме той, что выходит к морю, окружена горами. Если в воздухе не висит дымка (а это крайняя редкость в современной Греции), мы различаем далеко на западе параллельные,

словно на вельветовой ткани, полосы нескольких горных хребтов, протянувшихся с севера на юг, высшей точкой которых является Пинд.

Когда самолет совершает поворот, готовясь к посадке, мы замечаем, что на севере долина не заканчивается так резко, а постепенно переходит в отдельные холмы и невысокие гряды, прежде чем превратиться в более значительные возвышенности вдоль югославской границы. Несколько рек пересекают долину, появляясь с разных сторон и устремляясь туда, где горловина долины встречается с морем недалеко от северной оконечности Термического залива. Устья трех из этих рек — природные или сотворенные человеком — расположены на расстоянии нескольких миль друг от друга, образуя невыразительную илистую топь, заросшую камышами, а от их мутной воды по синеве моря тянутся желтые и коричневые полосы. Местность расположена так низко, что мореплавателю почти невозможно различить береговую линию, а «Mediterranean Pilot»¹ предупреждает, что здесь происходят несчастные случаи из-за постоянно появляющихся над берегом миражей.

В самой северной части Термического залива, в месте впадения рек, к нему примыкает залив меньших размеров, тянувшийся на несколько миль на восток. У оконечности этого залива лежит древний город Фессалоники, или Салоники, говоря обычным языком. Салоники, второй по величине город современной Греции и, начиная с III в. до н. э., наиболее важный населенный пункт в этой части Балкан, расположен на восточном крае обширной македонской равнины. Менее чем через час пути от Афин самолет совершает посадку в скромном международном аэропорте Салоник, находящемся милях в 10 от центра города к югу, где на исчезающие поля наступают пригороды северо-западной Халкидики. Мы в Македонии.

Некоторые природные объекты, которые можно наблюдать в последние минуты полета, во многом повлияли на ход истории Северной Греции. Македония, — стиснутая между горным барьером на югославно-болгарской границе и мощным массивом Олимпа, граничащим с Фессалией, — это связующее звено между Грецией и основной частью Балканского полуострова. С точки зрения картографии, Балканы — самый восточный из трех крупных европейских полуостровов². Северная граница Балканского полуострова может

¹ [Юция Средиземного моря. — М. Х.]

² По географии Балкан наиболее полезны труды: Cvijić J. La péninsule balkanique: Géographie humaine. Paris, 1918; An Historical Geography of the Balkans / ed. by F. W. Carter. London; San Francisco; New York, 1977.

быть примерно обозначена линией, проведенной от северной части Адриатики до устья Дуная. Полуостров в значительной степени горист, с большими горными массивами, тянущимися с северо-запада на юго-восток вдоль побережья Адриатики, четко рассекающими Албанию и Грецию и доходящими до оконечностей Пелопоннеса. Две поперечных горных цепи, Гем (ныне Балканские горы) и Родопы, разделяют северо-восточную часть полуострова. Первая из них пересекает Болгарию посередине с запада на восток, вторая отграничивает Болгарскую равнину от побережья Эгейского моря. На полуострове берут свое начало несколько сложных речных систем, несущих свои воды в Черное, Адриатическое и Эгейское моря. Дополняют ландшафт региона возвышенности и прибрежные аллювиальные равнины. Эта территория может быть разделена на две особые исторические области: Балканы и Грецию.

КЛИМАТ

Когда имеешь дело с таким географически сложным регионом, как Балканы, сложно сделать общие выводы о его климате, ибо климат является результатом взаимодействия целого ряда различных факторов: широты, долготы, близости к морю, особенностей этого моря, господствующих ветров, местных ветров, топографии. Я придерживаюсь взгляда, что, исходя из климатологических данных и археологических свидетельств, основные климатические условия в Греции в наши дни практически такие же, какими они были в античности. При этом некоторые температурные данные, зафиксированные в справочниках Британского адмиралтейства начала XX в., представляют собой более адекватную картину средиземноморского климата, чем ряд нынешних сводок, поскольку современное население и промышленные центры, такие как Салоники и Афины, производят большое количество смога, повышая местную температуру. Над сельской местностью почти постоянно висит дымка, источником которой являются стройки, автодороги и механизированное сельское хозяйство, что также воздействует на климат. Эти современные изменения учтены нами ниже.

Две совершенно различные климатические зоны характеризуют Балканский полуостров³. «Континентальному» климату присущи

³ Климатологические данные, приведенные далее, взяты из работ: Great Britain Admiralty, Naval Staff, Geographical Section. Notes on Climate and Other Subjects in the Eastern

холод зимой и жара летом, в то время как изменения нормы средне-месячных осадков в течение года относительно невелики; колебания среднемесячной температуры значительны. Для «средиземноморского» климата характерны гораздо большая изменчивость количества среднемесячных осадков, т. е. четко отличаются дождливый и сухой сезоны, и значительно меньшие годовые изменения среднемесячной температуры, что создает в целом более теплый и умеренный климат. К примеру, средняя величина среднемесячной температуры в континентальных Софии и Белграде — 49 градусов, тогда как в средиземноморских Афинах — 64. И что более важно, в Софии разница между температурой самого холодного месяца (27) и самого теплого (69) составляет 42 градуса, а в Афинах, где среднемесячная температура колеблется от 49 до 81 градуса, различие лишь в 32 градуса. Структура осадков также показательна. Годовая норма осадков в Софии 26 дюймов, в Афинах только 15,6. В самый влажный месяц (май: 3,44 дюйма) в Софии выпадает в 2,5 раза больше осадков, чем в самый сухой (декабрь: 1,44 дюйма), в то время как в Афинах в 10 раз больше осадков в ноябре (2,92 дюйма), чем в июле (0,28 дюйма). Климат Афин также типично средиземноморский в отношении распределения осадков, почти половина которых выпадает с ноября по январь (в Софии же это самый сухой период) и лишь незначительная часть приходится на середину лета, тогда как в Софии больше всего дождей с мая по июль. Распределение и количество осадков, характерное для средиземноморского климата, и относительно мягкие зимы определяют с доисторических времен систему земледелия: зерновые сеют осенью, а весной собирают урожай.

Хотя географическая широта влияет на общие показатели температуры, она играет менее важную роль в местном климате, чем ряд других факторов, включая долготу и близость к морю⁴. До некоторой

Mediterranean. London, 1916. Ch. 1; Great Britain Admiralty, Naval Intelligence Division, Geographical Section. A Handbook of Greece. Vol. I. Cambridge, 1944. P. 41–51; *Turrill W. B.* The Plant-life of the Balkan Peninsula: A Phytogeographical Study. Oxford, 1929. P. 57–68. В некоторых случаях цифры были округлены до ближайших значений по Фаренгейту. Я признателен Линдаросу из Греческой национальной метеорологической службы (Афины) за предоставление мне ранее не публиковавшихся климатических данных для районов Западной Македонии, часть которых собрана за последние 30–50 лет.

⁴ Средиземноморский и континентальный климат зачастую лишь незначительно зависят от географической широты. К примеру, Лондон расположен на той же широте, что и Калгари и Киев, Афины — на той же, что и Вашингтон, а Рим — на той же, что и Бостон. Смягчающее воздействие Гольфстрима и Средиземного моря обеспечивает Лондону, Афинам и Риму более умеренный климат, чем другим городам на той же широте.

степени обобщая, можно сказать, что средиземноморский климат является прибрежным феноменом, будучи свойственным как для адриатического побережья Балкан, так и для адриатического/эгейского побережья Греции. Внутренние части Греции значительно отличаются друг от друга. Области, находящиеся под морским влиянием, имеют средиземноморский климат, другие же, включая высокие горы, а также равнины Фессалии и Беотии, более подвержены континентальным перепадам. Гесиод (Op. et dies, 640) писал о своей родной беотийской деревне Аскре как о «тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной»⁵.

Искушает сказать, что удачным определением территорий средиземноморского климата будет «края, где растут оливы». И правда, оливковым деревьям очень подходят подобные мягкие климатические условия с короткими влажными зимами и длинным сухим летом. Олива чувствительна к холоду, а также к географической долготе и предпочитает смягчающее воздействие прибрежных регионов⁶. Арсал типичного средиземноморского климата включает низинные и прибрежные области Греции, Югославии, Италии, Франции, Испании, азиатское побережье Средиземного моря; подобны им в этом отношении районы Чили, Мексики, Калифорнии, Австралии и Южной Африки.

Невозможно описать климат Македонии как четко совпадающий со средиземноморским либо континентальным не только потому, что различия внутри региона так велики, но и потому, что Македония — переходная зона между собственно Балканами и Грецией. Действительно, мы не ошибемся, если представим Македонию как греко-балканскую границу, что подсказывают метеорологические данные по трем репрезентативным пунктам⁷. Монастир (нынешняя Битола)

⁵ [Пер. с др.-греч. В. В. Вересаева. — М. Х.]

⁶ Плиний, цитируя Теофраста, говорит, что оливковые деревья могут расти лишь в пределах сорока миль от моря (N. H., XV, 1, 1).

⁷ Иная позиция Хэммонда, который полагает, что в Македонии, включая Салоники, континентальный климат, тогда как я считаю его изменчивым и переходным между Балканами и Эгеидой (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. 4-5*). Почти вся греческая Македония, в том числе большая часть Халкидики, выделена как особая, почти средиземноморская, климатическая зона в издании: *Agro-Ecological Atlas of Cereal Growing in Europe / ed. by S. Broekhuizen. Vol. I. Atlas of Cereal Growing Areas of Europe. Wageningen; New York; London; Amsterdam, 1969*. Исключение здесь составляют северо-западный район вокруг Флорины, показанный как область преимущественно континентального климата, и долина реки Стримон, отображенная как в основном средиземноморская климатическая зона. Весь этот статистический материал может быть

на северо-западной границе древней Македонии в качестве примера места, расположенного в глубине региона, характеризуется довольно высоким количеством осадков в течение года, за исключением сухого периода в конце лета. Салоники расположены на восточном краю большой центральной равнины, и влажный сезон здесь — начало зимы и конец весны. В Кавале, приморском городе на востоке Македонии у границы с Фракией, уровень осадков столь же высок, как и в расположенной в глубине Балкан Софии, но распределяются они в течение года по средиземноморской модели. Температурные кривые всех трех городов сходны, у Кавалы и Салоник почти идентичны. Битола отличается только тем, что ее температура в целом ниже и имеет более широкий диапазон (как в Софии), чем это можно было бы ожидать для внутренней территории Балкан. Более высокие средние показатели и более узкий диапазон температуры в Салониках и Кавале сопоставимы с афинскими. Добавив данные метеостанций во Флорине (около 20 миль южнее Битолы), Козани (на юго-западной возвышенности) и Эдессе (на уступе горы Вермион над западным краем центральной равнины), мы ясно увидим, что климатически Македония делится на две зоны: Западную Македонию и Эгейское побережье, хотя даже в этих регионах погода постоянно обманчива⁸.

Несмотря на то что Македония принадлежит к Балканам своей гористой западной частью, обширные ее территории — в том числе равнинные и прибрежные области — являются средиземноморскими в трех отношениях: мягкие зимы, узкий температурный диапазон в течение года и довольно высокая средняя годовая температура. Только по количеству осадков и по заметным перепадам температуры в горных местностях Македония больше напоминает Балканы. Македония — это переход от Балкан к Средиземноморью, но расположена она на краю средиземноморского мира. В общем, Македония не слишком подходит для оливо.

подтвержден наглядно, если взглянуть на карты, приведенные Кнохом: *Knoch K. Klimakarten von Europa*. Bad Kissengen, 1951. Наличие средиземноморского климата показано для всей территории, кроме северо-западных гор и долины Стримона, в кн.: *Cvijić J. La péninsule balkanique...* Ch. 4.

⁸ К примеру, температуры Эдессы практически идентичны температурам Салоник и Кавалы. Эдесса похожа на Салоники по распределению осадков, но количество их больше, скорее, как в Козани и Флорине. Эти последние города имеют общемакедонскую температурную кривую, но средние температуры в каждой точке кривой на 5–7 градусов ниже. Распределение осадков в Козани, Флорине и Битоле отличается в каждом случае, будучи в большей степени подвержено влиянию местных факторов, чем каких-либо общих условий.

ОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ

Хэммонд так описывал Македонию не в политическом, а в географическом смысле: «...Македонию лучшего всего можно определить как территорию, которую орошают две большие реки, Галиакмон и Вардар [Аксий], и их притоки»⁹. Это — узкое определение, даже в географическом отношении. Осознавая опасность более содержательного описания, Хэммонд справедливо утверждал, что «для того, чтобы дать определение Македонии в политическом смысле, мы должны были бы гоняться за хамелеоном сквозь столетия». Я не собираюсь преследовать «македонского хамелеона» сквозь все столетия, включая время средневековых болгарских империй, османского владычества, падения турецкого господства, политического разделения древней Македонии между современными национальными государствами (см. выше) и нерешенного македонского вопроса. Моя цель более ограничена. Поскольку в центре данного труда находится монархия Аргеадов и он не является всеобъемлющим исследованием региона, может быть предложено другое определение Македонии. Македония — это территория, которую так называли сами македоняне (насколько мы знаем об этом) и те, кто писал о них во времена античности.

Согласие с таким взглядом неминуемо ведет к политическому определению Македонии, которое справедливо лишь до тех пор, пока мы ограничиваемся изучением истории древних македонян до времени римского завоевания. В отличие от предложенной Хэммондом жесткой оси Галиакмон—Аксий, наше определение Македонии будет меняться в зависимости от изменчивой судьбы самих македонян и народов, в разные времена находившихся под их властью. Таким образом, коль мы имеем дело с исторической географией и доисторическим периодом на территории Македонии, мы будем говорить о Македонском царстве. Определение Хэммонда отражает северо-западную ориентацию. Это является вполне закономерным следствием его личного знакомства с данным районом, его исследований Эпира и его взгляда на Македонию скорее как на часть материкового массива Балкан, чем на часть Греции. Настоящая же работа в меньшей степени уделяет внимание этим отдаленным горным районам, а в большей — центральным областям и региону восточнее Аксия, которые со временем стали частью Македонского царства.

⁹ *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 3–5.*

Политические границы Македонии (т. е. границы Македонского царства) в античности были столь же изменчивы, как изменчивы в современную эпоху границы ряда европейских государств. Македонский этнос в древние времена частично формировался за счет включения населения различных местностей, попадавших в тот или иной момент под власть царя и его приближенных¹⁰. Чисто географическое определение слишком ограничено для того, чтобы учесть эти политические изменения. К примеру, подлинным сердцем Македонии может быть названа область вдоль южной границы центральной (Эмафийской) равнины, изначальная родина исторических македонов. Затем власть этого народа распространилась по равнине, на западные горы, берега Аксия и Стримона и до земель близ Филипп и горы Пангей. В зените их могущества влияние македонян распространялось практически на всю территорию современной греческой Македонии и большую часть югославской Македонии, в том числе на земли, не орошаемые Галиакмоном и Аксием. Македонское государство, следовательно, должно быть определено как балканский регион, где правили македоняне. Подобно древним грекам, мы должны понять, что государство следует определять в соответствии с принадлежностью к нему людей (добровольной или принудительной)¹¹. Это обусловлено политическим состоянием общества.

Подведем итог. «Македония» — географический термин, и определение Хэммонда, в соответствии с которым Македония — это территория бассейнов рек Галиакмон и Аксий, будет у нас расширено за счет областей, лежащих дальше к востоку и к югу. Применительно к целям настоящей работы «Македонское государство» будет означать область внутри той территории, которой непосредственно

¹⁰ Я, разумеется, говорю только о древней Македонии. В IV в. до н. э. Филипп II заключит широкомасштабный договор с греческими государствами, а завоевания Александра добавят к тому же огромную азиатскую империю. Однако никогда ни Греция, ни Азия не считались частью *Македонии*, даже находясь под контролем ее царей. То же самое может быть сказано и в связи с македонскими монархами III в. до н. э.

¹¹ Thus., VII, 77, 7: *ἄνδρες γὰρ πόλις* — распространенный афоризм в античности, особенно при ссылке на защиту городов; см., в частности: Plut. Lys., 19, 4; Dem., XVIII, 299; Soph. OT, 56. Смысл тот же, будь то город-государство, племенное государство или национальное государство. Это понятие общественно-политическое, а не географическое. К сожалению, мы не можем определить Македонию как место, где жили македоняне. Информация о поселениях для каждого периода недостаточна, а также продолжает оставаться предметом спора значение слова «македонский» как этнического термина и как описания прав и привилегий. См., напр.: Anson E. M. The Meaning of the Term *Makedones* // AW. 1984. Vol. 10. P. 67–68.

и традиционно правили македонские цари без включения Греции, Азии и балканских приобретений империи. Определение Македонского государства будет расширяться вместе с ростом земель, управляемых его монархами, поэтому, когда македоняне станут преобладающей силой на Балканах, возникнет понятие «Великая Македония». В это обширное государство входили земли от хребта Пинд до равнины Филипп и реки Нест. Его северная граница шла вдоль пределов Пелагонии, через среднее течение Аксия до западного края Родопских гор. Южной границей являлся бассейн Галиакмона, горный массив Олимпа и Эгейское море с полуостровом Халкидика в качестве периферийной территории.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Для целей исторического повествования Македония может быть поделена на три региона:

1. *Западная (Верхняя)¹² Македония.* Преимущественно гористый регион к западу и юго-западу от Эмафийской равнины, простирающийся до Пинда и примерно соответствующий территории, орошаемой средним и верхним течением реки Галиакмон. Горы здесь разделены двумя коридорами в направлении с севера на юг и несколькими перевалами в направлении с запада на восток.

2. *Центральная (Нижняя) Македония.* Регион большей центральной равнины, включающий саму эту равнину, Алмопию, подножие Пиерийских гор, приморскую равнину и область нижнего течения Аксия до возвышенностей за Салониками.

3. *Восточная Македония.* Регион, которому присуща различная топография, от возвышенностей водораздела Галлика и Стримона до реки Нест, включая равнины, орошаемые Стримоном и его притоками, и земли вокруг Филипп, Кавалы и горы Пангей. Эта территория ограничена Родопскими горами на севере и Эгейским морем на юге.

Халкидика не была в строгом смысле частью древней Македонии, так как ее история теснее связана с Эгейским морем и греческим миром на юге, чем с македонскими внутренними землями¹³. По отношению к собственно Македонии Халкидика периферийна,

¹² Понятия «Верхняя» (ἄνω) и «Нижняя» (κάτω) — Геродота: см., в частности: Hdt., VII, 173, 1 и 4; VIII, 137, 1.

¹³ См.: Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 192.

но в конечном счете она оказалась тесно связана с историей македонской экспансии и отношений македонян с миром греков.

Таким образом, наше определение Македонии одновременно и шире, и уже, чем у Хэммонда. Уже в том смысле, что уделяет меньше внимания северо-западным землям, расположенным сегодня в пределах Югославского государства, но шире в том, что учитывает в большей степени район восточнее Аксия. Это определение основано на политическом развитии Македонского царства в течение длительного периода времени и включает территорию, омываемую тремя реками — не только Галиакмоном и Аксием, но и Стримоном¹⁴.

В дождливые месяцы средиземноморские реки полноводны, а иногда и выходят из берегов, летом же либо пересыхают, либо почти пересыхают. Однако три большие македонские реки принадлежат к континентальному типу. Имея истоки в высоких горах на севере и круглогодично подпитываясь дождевыми стоками, они достаточно полноводны в течение всего года. Основные речные долины — Эмафийская, образованная Галиакмоном, Аксием и Лудием (ныне его течение искусственно изменено и контролируется), а также Стримонская и Филиппийская, образованная Стримоном и его притоками, — аллювиальные и болотистые. Возвышенности, прилегающие к этим равнинам, были местом обитания человека с доисторических времен.

Два важных пути Балканского полуострова пересекаются в Македонии. Основной путь с севера на юг от Дуная до Эгейского моря проходит по Мораве восточнее Белграда, пересекает водораздел Моравы и Вардара недалеко от Скопье и далее — по Вардару на юг через теснины югославской Македонии до греческой границы. Отсюда он тянется еще на 45 миль до Термического залива чуть западнее Салоник. Основной наземный путь от Адриатического моря до Эгейского начинается от порта Дуррес (древний Диррахий) в Албании, пересекает югославскую границу в районе Охридского озера близ Битолы, идет в греческой Македонии на юг до Флорины, затем на восток к Эдессе, расположенной на уступах горы Вермион, а оттуда — через северный край Эмафийской долины к Салоникам. От Салоник он пролегает через Восточную Македонию и Фракию до своего конечного пункта — Константинополя. Это знаменитая Эгнатиева дорога (*Via Egnatia*) римских времен. Пути с севера на юг и с запада на восток пере-

¹⁴ Полезное обсуждение в данной связи см.: Casson S. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926. P. 3–25.

секаются примерно в 15 милях севернее устья Аксия на восточной границе Эмафийской равнины. Неудивительно, что Салоники, расположенные неподалеку, у прекрасной природной бухты Термического залива, стали «воротами» между Эгейским морем и Балканами.

ЗАПАДНАЯ (ВЕРХНЯЯ) МАКЕДОНИЯ

Западная Македония представляет собой гористую местность, ограниченную с одной стороны бассейном реки Галиакмон, а с другой — верхним притоком Аксия (Вардара) рекой Црна (древний Эригон). Веером расходясь к западу от Эмафийской равнины до высот Пинда и горных массивов, идущих вдоль албанской границы, регион простирается на севере до земель, лежащих вокруг Скопье. Рельеф, подобный грубому вельвету, образуют горные цепи и плато, протянувшиеся вдоль основной оси с севера на юг. Между параллельными хребтами лежат два основных коридора, ориентированных с севера на юг. В направлении с запада на восток они соединены несколькими перевалами, которые с древнейших времен давали возможность прохода через эти труднопроходимые горы от побережья Адриатики к бассейну Эгейского моря¹⁵.

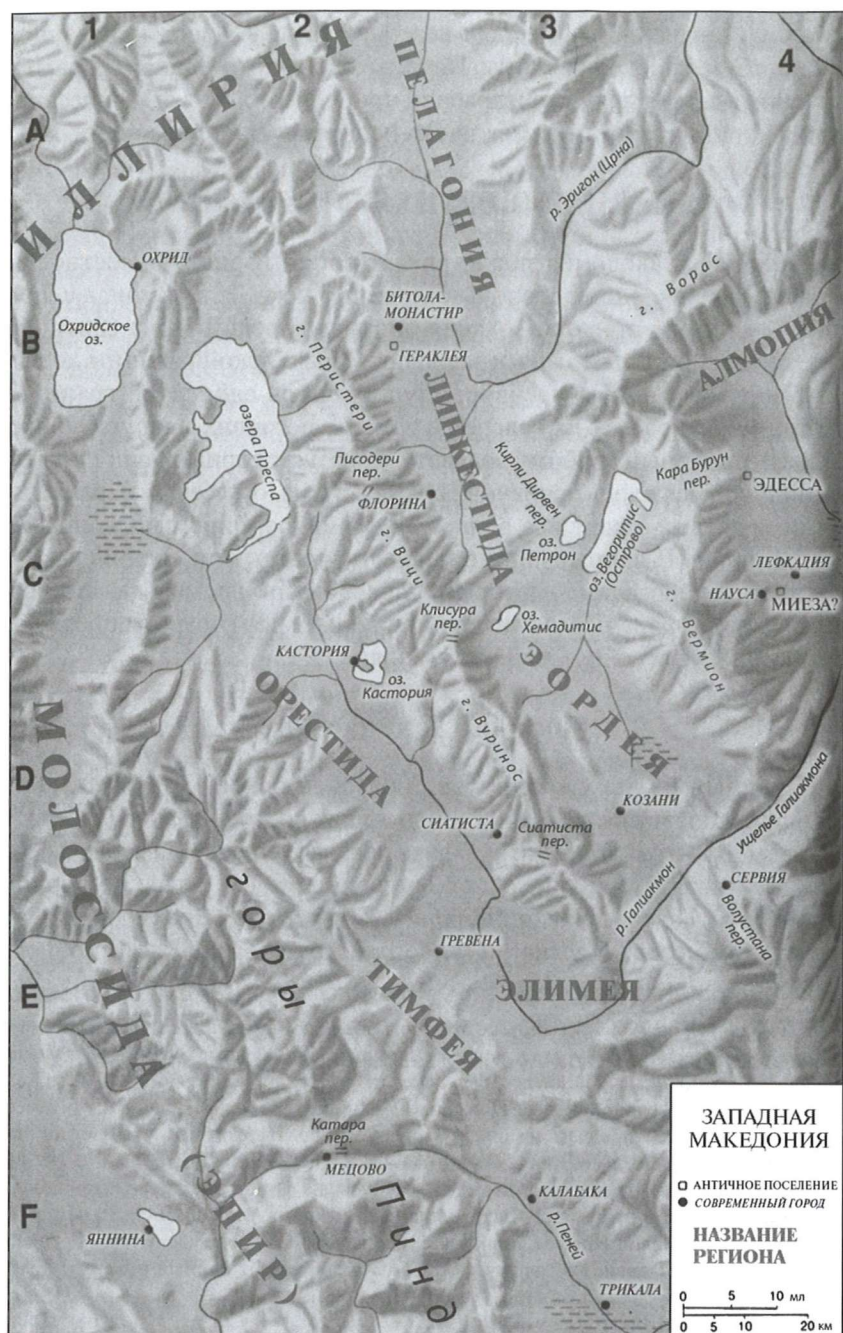
Коридор Галиакмона

Западный из двух коридоров образован рекой Галиакмон, чьи истоки находятся на высоких горных пиках восточнее озер Преспа¹⁶. Галиакмон — геологически активная река, все еще пролагающая себе путь, результатом чего является орошениесю все более обширной территории Северо-Западной Греции. Со временем она будет питать водами само озеро Преспа¹⁷. От своих истоков выше Кастории река

¹⁵ Подробный рассказ Хэммонда об этом регионе (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 19–123*) — кладезь информации о местной исторической географии. Однако я предпочитаю общую географическую схему, представленную в кн.: *Great Britain Admiralty, Naval Intelligence Division, Geographical Section. A Handbook of Greece. Vol. III. Ch. 5*; далее я предлагаю вариант этой схемы, подтвержденный и модифицированный в соответствии с моими собственными наблюдениями на месте.

¹⁶ Есть два озера Преспа. Малая Преспа расположена полностью на территории Греции, за исключением небольшого залива, принадлежащего Албании. Большая Преспа, обособленная от Малой Преспы лишь узкой полосой земли, поделена между Грецией, Албанией и Югославией. Географически оба озера образуют единый объект и будут рассматриваться здесь как таковой.

¹⁷ *Great Britain Admiralty... Vol. III. P. 92.*

течет около 65 миль на юго-восток, извиваясь среди холмов и плато, мимо Гревены, где образует большую излучину, тянущуюся на 15 миль к востоку. Вновь поворачивая, река течет около 45 миль на северо-восток по промытому ею самой глубокому ущелью и внезапно оказывается на центральной равнине близ Верии. Спустя еще 25 миль пути по южной части Эмафийской равнины Галиакмон достигает моря.

Коридор Галиакмона, простирающийся от озера Преспа до большой излучины реки, выходит к водоразделу между долиной Галиакмона и притоками реки Пеней на юге, текущими мимо Калабаки и Трикалы по Фессалийской равнине. Это один из основных путей из Северной в Центральную Грецию, использованный немцами в их важном наступлении в 1941 г. Коридор малонаселен, за исключением городов Кастория и Гревена, которые расположены на пересекающих его путях. Вероятно, в древние времена население здесь было также немногочисленно¹⁸. Пахотные земли заняты в основном зерновыми и виноградниками, на склонах вокруг растут дубы, сосны и буки. В целом это уединенный регион, ибо с севера он ограничен высокогорьем, прилегающим к озеру Преспа.

Северной части коридора Галиакмона и прилегающим горным склонам соответствует древняя область Орестиды, а южной — Тимфея и Элимея¹⁹. Орестиды была одним из самых важных племенных образований Верхней Македонии. Ее уже упоминает Гекатей (fr. 107), считавший орестов молосским (эпирским), а не македонским племенем. Как бы то ни было, вхождение их в состав Македонского государства произошло позднее, явно после эпохи Фукидида²⁰. Точно неизвестно, где проходила граница между Орестидой и Тимфеей — возможно, в нескольких милях северо-западнее современной Гревены²¹. Отсюда начинались земли Тимфеи и западной Элимеи, простирающиеся на южную часть коридора Галиакмона, включая район между большой излучиной Галиакмона и истоками фессалийской реки Пеней. На территории этих областей расположен путь через водораздел

¹⁸ Распределение надписей, найденных в этом районе, согласно карте, опубликованной Ризакисом и Турацоглу в конце подготовленного ими издания (*Πεζάκης Α., Τουράτσογλου Γ. Επιγραφές Ανω Μακεδονίας (Ελίμεια, Εορδαία, Νότια Λυκκηστis, Ορεστis)*. Т. I. Αθήνα, 1985), предполагает его малонаселенность. Впрочем, нужно быть весьма осторожным, когда делаешь какой-либо вывод, принимая во внимание столь незначительную статистическую выборку и способные быть различными факторы сохранности.

¹⁹ Подробнее: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 110–117.*

²⁰ *Ibid.* P. 111.

²¹ См. ниже Приложение Б.

Галиакмона и Пенся — дорога в Фессалию. Кроме того, южная граница Тимфеи пролегла вблизи традиционного пути, соединявшего Эпир (Молоссию) с Фессалией и Верхней Македонией, примерно совпадая с впечатляющим шоссе, которое пересекает высоты Пинда от эпирской Яннины до фессалийской Калабаки через перевал Ката-ра над горным селением Мецово. Таким образом, район Тимфеи — область пересечения важных путей между гористой Западной Грецией и восточными низменностями, а также между Верхней Македонией и Фессалийской равниной.

С востока параллельно коридору Галиакмона пролегает горная цепь, в чьих северных пределах около Скопье (Шар-Планина, которая включает ряд самых высоких гор Югославии) берут свое начало истоки реки Аксия (Вардара). На юг этот хребет простирается до самой Фессалийской равнины восточнее Трикалы. Многие его вершины достигают высоты более 6000 футов, а некоторые на севере — от 7000 до 8500 футов. Этот труднопроходимый барьер можно кое-где пересечь. Самый северный из перевалов, он же самый легкопреодолимый — низкий лесистый перевал на севере горы Перистерии, между озерами Охридским и Преспа и городом Битола (Манастир); это — Эгнатиева дорога. Приблизительно в 20 милях к югу расположен высокий перевал Писодери, между озером Малая Преспа и городом Флорина на южном краю Пелагонийской равнины. Этот красивейший дикий перевал, высотой более 5000 футов, покрыт густыми лесами (лесозаготовки — важная отрасль здешней промышленности) и, как правило, непроходим с декабря по конец марта из-за шестифутового снежного покрова²². Перевал Писодери — это также то место, где Галиакмон и Аксий почти соприкасаются. Истоки Галиакмона можно обнаружить на западном склоне горы над вершиной перевала, в то время как в нескольких сотнях метров к востоку, ниже гребня с той стороны, берет свое начало река Црна (древний Эригон) — один из основных притоков Вардара/Аксия. Воды этих несущихся с гор потоков, которые имеют общее происхождение в тающих снегах и мощных ливнях над перевалом Писодери, приблизятся друг к другу вновь лишь у северной оконечности Термического залива, за это время описав каждая большую дугу и превратившись в крупные рски, охватывающие собой большую часть Западной и Центральной Македонии.

²² Необходимо постоянное техническое обслуживание, чтобы современная дорога оставалась открытой; см.: Great Britain Admiralty... Vol. II. P. 328. Я сам видел снежные заносы высотой в несколько футов еще в апреле.

Перевал Клисуре (ок. 3800 футов) лежит в 17 милях к югу, ниже горы Вици (ок. 7000 футов), и ведет из сердца Орестиды близ Кастории в коридор Битола—Козани. Легкопроходимый перевал, расположенный ниже Сиатисты, сегодня соединяет Гревену и Козани; есть и еще один незначительный перевал в нескольких милях южнее. Далее к югу вклинивается громада горы Вуринос, которую рассекает лишь излучина Галиакмона, не являющаяся подходящей дорогой. Нет ни одного значительного перевала через эту гряду до ее спуска в долину Фессалии. Эти западные горы образуют границу между древними областями Орестиды на западе и Линкестиды и Эордеи на востоке. Перевал Сиатиста мог быть северной границей Элимеи²³, чья западная и южная границы проходили по излучине реки Галиакмон. Южная часть горной цепи до Фессалийской равнины относится к области Перребия.

Коридор Битола—Козани

Коридор Битола—Козани начинается на Пелагонийской равнине (1800—2500 футов), которая простирается на 55 миль к северу от Флорины. Равнина — плодородный регион, где сегодня развиты различные отрасли сельского хозяйства, — орошается рекой Црна (Эригон), которая через высокие горы течет на северо-восток, чтобы впасть в Вардар ниже города Титов-Велес. Преодолев скалистый порог к югу от Флорины, оказываешься на равнине Эордеи, в северной части которой расположен «озерный район» Западной Македонии. Самое большое озеро Острово (Вегоритис) является настоящим глубоким горным озером, но другие, в том числе Петрон и Хемадитис, это остаточные озера, возникшие из-за неудовлетворительного дренажа этой горной области. Местность изобилует болотами, и до недавнего времени здесь свирепствовала малярия²⁴. Равнина Эордеи простирается в южном направлении на 26 миль, ширина ее варьируется от 6 до 12 миль. Выше Козани в нее вклинивается невысокий хребет, отсюда коридор на протяжении 9 миль плавно спускается к Галиакмону, на 1200 футов вниз.

За Галиакмоном начинается резкий подъем, ведущий к основным воротам между Македонией и Фессалией — перевалу Волустана (Стена Сарандапору). До постройки современного шоссе, проложенного

²³ Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 116–117, map 11.

²⁴ Great Britain Admiralty... Vol. III. P. 95.

вдоль Термического залива и через Темпейскую долину, основная дорога из Центральной Македонии в Центральную Грецию шла через Эмафийскую равнину до Верии, поднималась вдоль ущелья Галиакмона, опускалась до Козани, затем пересекала Галиакмон и поднималась к перевалу Волустана. Путь через данный перевал ведет в обширный бассейн, отделяющий хребт Камвунийских гор от юго-западных склонов Олимпа. Из верхней части этого бассейна несложно добраться до Фессалийской равнины. Стратегическую ценность этого пути подтвердили военные кампании 1897, 1912 и 1941 гг. С античных времен и до середины XX в. он был, возможно, самой важной дорогой из Македонии в Фессалию и Центральную Грецию.

Коридор Битола–Козани полностью или частично включает в себя несколько древних областей. Северная его часть — открытая Пелагонийская равнина, которая обеспечивала доступ к Стоби на реке Вардар/Аксий; вероятно, здесь проходила римская дорога из Гераклеи в Стоби²⁵. Сложно установить границу между Пелагонией и Линкестидой; во всяком случае, она пролегла где-то чуть севернее от современной югославо-греческой границы. Диодор (XVI, 8, 1) сообщает нам, что территория Линкестиды увеличилась, когда Филипп II захватил регион между Битолой и Охридским озером. Большой древний город этой местности, Гераклею, продолжали относить одновременно и к Линкестиде, и к Пелагонии еще века спустя после завоеваний Филиппа. Линкестида, лежащая к югу, была небольшой, но важной областью²⁶. Здесь не было значительных древних городов, однако было достаточно источников воды, хороших пастбищ и лесных угодий. Линкестида была сильным племенным государством. Она ограничивалась на западе горой Перистерии, а на востоке подножием гор Ворас. Южный предел области — невысокий хребет, через который перевал Кирли Дирвен, чуть западнее озера Пестрон, вел на юг в район озер Эордеи. Это был путь, по которому шла Эгнатиева дорога, когда она поворачивала на восток от Пелагонийской равнины. Вся Линкестида простирается не более чем на 15–20 миль, но значение ее основывалось на том, что через нее пролегли важные пути, и это доказывается относительно большим количеством надписей, уже здесь найденных²⁷.

²⁵ Относительно общей исторической географии Пелагонии см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 59 ff.*

²⁶ Подробнее: *Ibid. P. 102–105.*

²⁷ Ριζάκης Α., Τουράτσογλου Γ. Επὶ γράφεις Ἀπὸ Μακεδονίας..., см. карту в конце издания (при этом, однако, надо помнить об осторожности, о чем было сказано выше).

К юго-востоку простирается Эордея²⁸ — обширная область протяженностью на юг около 45 миль от горы Ворас до невысокого хребта, нависающего над Козани и Галиакмоном. С запада расположен линкестийский водораздел и горная граница Орестида; восточную границу определял массив горы Вермион. Проходившие здесь пути придавали области исключительную важность. Эгнатиева дорога появлялась в Эордее со стороны Пелагонийской долины и Линкестиды через перевал Кирили Дирвен на севере, огибала озера Петрон и Острово и выходила на восток к Эдессе, где спускалась на центральную равнину. Далсе к югу перевал Клисура вел на запад через горы к озеру Кастория и центру Орестида. Другой путь шел на юг, чтобы в итоге соединиться с дорогой Гревена–Козани, связывающей Македонию с Фессалией. Эордея была племенным государством. Изначальные обитатели этих мест, возможно, были вытеснены переселившимися сюда македонянами²⁹.

Оставшаяся часть коридора Битола–Козани включала восточную часть Элимеи, в том числе ее земли за Галиакмоном, и гористый район Перребии. Граница между Элимеей и Перребией могла идти по Писрийскому хребту, нависающему над Галиакмоном, вблизи перевала Волустана, который вел в Фессалию.

Возвращаясь к северной части коридора, отметим, что череда гор, образующих восточную границу Пелагонийской равнины, отделена от Центральной и Западной Македонии неприступной громадой горы Ворас. Этот гигантский барьер простирается приблизительно на 50 миль на восток от местности выше озера Острово до Аксия и представляет собой западную часть великой 300-мильной горной цепи, отгораживающей греческую Македонию от севера. Ни одна дорога не пересекает Ворас сегодня, и мы можем предположить, что в античные времена тот, кто хотел попасть в Македонию с верховий Аксия, был вынужден либо следовать по ущелью, промытому этой рекой в горной цепи, либо сделать крюк на запад к Пелагонийской долине и коридору Битола–Козани и оттуда двигаться по Эгнатиевой дороге. Эта дорога шла через перевал Кара Бурун, между хребтами Ворас и Вермион, выходя на восток к Эдессе. Массив горы Вермион к югу от перевала Кара Бурун — 12 миль в ширину, до 6700 футов в высоту — можно пересечь лишь по ущелью Галиакмона, лежащему

²⁸ Есть некоторый спор относительно названия; см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 106–110.*

²⁹ *Thuc., II, 99, 5; Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 109.*

в 30 милях южнест. Само ущелье Галиакмона непроходимо, но существует путь по склону Вермиона, нависающему над данным ущельем, — современное шоссе Верия—Козани. До недавнего времени это была основная дорога из Македонской равнины в Фессалию. На противоположной стороне ущелья Галиакмона высятся Пиерийские горы — продолжение массива Олимпа, гигантская горная преграда между Македонией и Фессалией. Хотя топографически склоны Вермиона и Пиерийских гор принадлежат к великим продольным горным хребтам Западной Македонии, однако исторически они относятся к Центральной Македонии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МАКЕДОНИЯ

Обратимся теперь к сердцу Македонии — центральной равнине и прилегающим к ней горным склонам³⁰. Равнина сформирована аллювиальными отложениями четырех рек: Галиакмона, Аксия, Лудия и Галлика. Южная граница равнины проходит по Пиерийским горам, западная — по длинной гряде горы Вермион, северная — по горе Пайкон (продолжению пограничной горы Ворас), которая вдаётся в равнину, а восточная — по возвышенностям на левом берегу долины Нижнего Аксия. Протяженность равнины около 30 миль от Аксия до ее западных границ и 20–25 миль с севера на юг. Юго-восточная часть равнины, примыкающая к верхнему краю Термического залива, — болотистая местность, где на участке длиной всего в 15 миль расположены устья четырех рек и где Галиакмон и Аксий впадают в море на расстоянии лишь 7 миль друг от друга. До недавнего времени центр равнины не был постоянно населен, поскольку он плохо осушался и был подвержен затоплению. На равнине не найдено никаких свидетельств деятельности человека в доисторическую эпоху³¹. До недавних пор не существовало здесь и городов, сейчас мелиорация и мероприятия по контролированию затоплений сделали эти земли пригодными для жизни. В античные времена над равниной нависали пять известных поселений: Эги (Вергина), Бероя (Верия), Миеза (близ Наусы), Эдесса и Пелла. Все они располагались на возвышенностях по краям равнины.

³⁰ Подробнее см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 142–175.*

³¹ См. карту: *French D. H. Index of Prehistoric Sites in Central Macedonia. Athens, 1967.* Теперь она воспроизведена в конце издания: *Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973.*

Галиакмон вступает на равнину с ее юго-западного края, сквозь ущелье между горой Вермион и Пиерийским хребтом. Последний — часть тех гор, включая Олимп, которые образуют барьер между Македонией и Фессалией. Пиерийские горы, заросшие буками и дубами, занимают наибольшую часть территории между ущельем Галиакмона и морем³². Вдоль Термического залива идет узкая прибрежная полоса, отделяющая Пиерийские горы и Олимп от Эгейского моря. Она в значительной степени заболочена из-за постоянного стока воды с высоких гор. Гаваней здесь почти нет, и в античные времена население было невелико. Нынешний резкий рост населения является результатом совершенствования сельскохозяйственных технологий и увеличения притока туристов, привлекаемых просторными песчаными пляжами. Три города существовали тут в древности: Дион, Мсфона и Пидна³³. Изначальные жители прибрежной Писрии были либо истреблены, либо вытеснены на восток, за реку Стримон (Hdt., VII, 112; Thus., II, 99, 3). Их место заняли древние македоняне.

На северо-западе, где предгорье Пиерийских гор переходит в центральную македонскую равнину, находилась родина исторических македонян. На этой террасе длиной в 15 миль существовало множество доисторических поселений, и она была выбрана для жительства изначально македонами в какой-то момент после их переселения с западных гор³⁴. Именно тут, на небольшом плато, возвышающемся над Галиакмоном чуть восточнее его вступления на равнину, близ нынешних деревень Вергина и Палатиция, македоны со временем основали свою древнюю столицу — Эги. Хэммонд привел убедительные доказательства в пользу этого месторасположения Эг, и нет нужды обсуждать данный вопрос заново³⁵.

Вдоль западного края равнины расположена гора Вермион, вершины которой большую часть года покрыты снегом. Ее нижние склоны спускаются на равнину серией террас, тянущихся к северу почти на 30 миль от ущелья Галиакмона. Эти террасы плодородны и хорошо орошаемы потоками, бегущими с восточных склонов горы. На террасах расположены три процветающих города: Верия, Науса и Эдесса. Верия (615 футов) лежит близ входа в ущелье Галиакмона, над дорогой в Фессалию, идущей вдоль горы Вермион, пока та резко

³² Полное чувства описание Пиерийских гор, основанное на значительном личном опыте, см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 123–125.*

³³ Относительно топографии подробно см.: *Ibid. P. 123–139.*

³⁴ *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 430–433; также см. ниже.*

³⁵ См. ниже Приложение Б.

ни обрывается в ущелье. Здесь находился древний город Бероя, существовавший по крайней мере уже в конце V в. до н. э.³⁶, хотя большую значимость он, кажется, приобрел в римский период. Науса (ок. 1000 футов) лежит где-то на полпути между Верией и Эдессой, высоко на склоне Вермиона. Это оживленный город, славящийся ныне своим шелком и фруктами и давший свое название отличному местному красному вину. Название города, возможно, представляет собой искаженное римское Неа Августа. В красивейшей горной долине среди фруктовых садов на склонах ниже Наусы находится одно македонское местечко — предположительно Миеза, знаменитая своим Нимфеем, где Аристотель учил юного Александра Великого (Plut. Alex., 7, 3)³⁷. Эдесса (1150 футов) расположена высоко над равниной, по обеим сторонам перевала, через который проходила Эгнатиева дорога. В античные времена город был важной остановкой на этом пути с запада на восток, и здесь можно увидеть впечатляющие крепостные стены и остатки поселений классической, эллинистической и римской эпох.

Северо-восточнее Эдессы река Могленица вступает в равнину из ущелья между горами Вермион и Пайкон, после чего впадает в речную систему Лудия. Могленица орошает плоскую возвышенность, лежащую почти напротив пограничного хребта Ворас. Это античная Алмопия³⁸, одно из самых плодородных мест в Греции, способное обеспечивать несколько процветающих городов. В ранний период истории македоняне изгнали алмопов и поселились здесь сами (Thuc., II, 99, 5). Данный уединенный — площадью в 80 квадратных миль — бассейн, окруженный высокими лесистыми горами, — македонская Шангри-Ла. Сегодня сложно себе представить, что эта похожая на мешок возвышенность, с ее чистым воздухом, бурлящими потоками и величественными снежными вершинами, была местом ожесточенных кровопролитных боев во время греческой гражданской войны 1944–1949 гг. Главным выходом из Алмопии служит ущелье реки

³⁶ Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 158–159. У меня не было возможности включить сюда данные недавней монографии Татаки — кладеза свидетельств об истории этого города и его населения, основанного на всестороннем просопографическом анализе сотен надписей (Tataki A. B. Ancient Beroea: Prosopography and Society. Athens, 1988).

³⁷ Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 163; Πέτσας Φ. Μ. Ο τάφος των Λευκαδίων. Αθήνα, 1966; Touratsoglou J. Lefkadia. Athens, 1973. Кроме того, см. ниже Приложение Б.

³⁸ Подробнее: Great Britain Admiralty... Vol. III. P. 111–113; Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 166–167.

Могленица. Существует также проход на северном ее конце, идущий между горой Пайкон и основными вершинами хребта Ворас. Этот нелегкий путь вьется среди густых лесов и холмов, прежде чем достигнуть широкой долины Аксия в 20 милях восточнее. Исходя из наблюдений, кажется, что пользуются данной дорогой редко и тут мало кто живет.

Гора Пайкон далеко вдается в Эмафийскую равнину. На ее нижних склонах, так же как и на террасах Пиерии напротив и Вермиона на западе, располагаются города. Крупнейший из македонских городов классической эпохи, Пелла, был построен на низком плато, где гора Пайкон примыкает к болотистым землям центральной равнины и где Эгнатиева дорога проходит по северному краю болот. Пелла могла также являться морским портом (или иметь его), ибо в те дни верхняя часть Термического залива глубже вдавалась в равнину³⁹. Стратегическая позиция Пеллы, расположенной на главном пути с запада на восток близ восточного берега Аксия, придавала ей важность, превзойденную позже лишь Салониками.

В нескольких милях восточнее Пеллы протекает Аксий, орошающий большую часть Централных Балкан. Холмистый район за Аксием в античности назывался Амфакситида⁴⁰. Сегодня это богатая сельскохозяйственная область. Здесь расположено большое количество доисторических курганов. Пахотные земли, орошаемые Аксием и соседним Галликом (древний Эхедор), были одним из самых преуспевающих районов доисторической Македонии благодаря плодородию и расположению вблизи пути по Аксию вглубь Балкан. Замечательные немецкие раскопки в Кастанасе на восточном берегу Аксия, примерно на полдороге между югославской границей и устьем реки, открыли поселение, процветавшее на протяжении нескольких столетий⁴¹. Равнина в низовьях Аксия, как следует ожидать, является по-

³⁹ Свидетельства и обсуждение см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 145–149; Edson Ch. F. Strepse (Thucydides I. 61. 4) // CPh. 1955. Vol. 50. P. 176.* По вопросу занятия Термическим заливом того пространства, где сейчас равнина, я следую за суждениями, высказанными в работах: *Bintliff J. The Plain of Western Macedonia and the Neolithic Site of Nea Nikomedia // PPS. 1976. Vol. 42. P. 241–262; An Historical Geography of the Balkans. Ch. 3. Синтез и анализ свидетельств: Borza E. N. 1) Some Observations on Malaria and the Ecology of Central Macedonia in Antiquity // AJAH. 1979. Vol. 4. P. 114–115; 2) The Natural Resources of Early Macedonia // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 16–19.*

⁴⁰ Обсуждение см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 176–179.*

⁴¹ Основная публикация: *Kastanas: Ausgraben in einem Siedlungshugel der Bronze-und Eisenzeit Makedoniens 1975–1979 / hrsg. von B. Hansel. Bd. I–III. Berlin, 1983–1984. Перю-*

тенциально привлекательным местом для археологических исследований доисторического и раннего исторического периодов. У верхней части Термического залива, на восточном берегу отходящей от него бухты, располагаются Салоники (Фессалоники), основанные как Фессалоникейя македонским правителем Кассандром в 315 г. до н. э. Это город, чье прошлое говорит само за себя — своими впечатляющими римскими, византийскими и турецкими памятниками, которые встроены в природный амфитеатр, спускающийся от массивных древних укреплений к морю. В ясный зимний день можно увидеть непревзойденное по красоте в современной Греции зрелище — снежный массив горы Олимп, неясно вырисовывающийся за Термическим заливом в 55 милях к юго-западу. Расположение Салоник у самой удобной природной гавани Северной Греции и неподалеку от пересечения дорог долины Аксия и основного пути с запада на восток позволили городу сохранять свою активность на протяжении более чем двух тысячелетий, несравнимую ни с одним другим городом на Балканах, за исключением Константинополя.

Обратимся теперь к самой равнине⁴². Как было сказано выше, центральная равнина образована аллювиальными отложениями четырех рек. Регион, лежащий к северу от Галиакмона, в дни Геродота (VII, 123, 3) назывался Боттия (или Боттией), но ко временам Римской империи он, кажется, получил название Эмафия. Этим названием мы и будем обозначать равнину в целом⁴³. Равнина плохо осушалась с древности и по новое время. Сильные илистые наносы в устьях рек не только были причиной постоянно меняющейся береговой линии и изменения русел этих рек, но и вызывали столь сильное затопление земель, что иногда появлялись целые озера, самое значительное — озеро Лудий (озеро Янница в XIX в.).

Проследить геологическую историю изменения течений рек и образования озер в этом регионе чрезвычайно сложно. Приходится в основном основываться на замечаниях античных авторов о том, какими здесь были природные ориентиры, и сравнивать данные замечания с современными наблюдениями о ландшафте и геологическими

дические отчеты о раскопках появляются в разных местах; см. напр.: *Kroll H. Bronze Age and Iron Age Agriculture in Kastanas, Macedonia // Plants and Ancient Man: Studies in Paleoethnobotany / ed. by W. van Zeist, W. A. Casparie. Rotterdam; Boston, 1984. P. 243–246.* Интересная экспозиция находок из Кастанаса представлена в Археологическом музее в Салониках.

⁴² Подробнее см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 142–162.*

⁴³ Свидетельства см.: *Ibid. P. 153–154.*

измерениями. По-видимому, западный рукав Термического залива простирался довольно далеко в глубь суши (подобно тому, как он все еще простирается на восток, доходя до Салоник), возможно, почти до того места, где располагалась Пелла (Hdt., VII, 123, 3). В 423 г. до н. э. афинянам пришлось пройти на запад аж до Верии, чтобы обогнуть эту бухту (Thuc., I, 62, 4; II, 99, 4). Со временем сильные речные наносы перекрыли ее, поэтому рекам пришлось прокладывать новые русла, а из-за недостаточного оттока воды образовалось озеро. Когда случился подобный затор, точно неизвестно: Геродот (VII, 127, 1) не упоминает его в своем описании региона⁴⁴. Когда бы, однако, это ни произошло, до начала — середины IV в. до н. э. до Пеллы можно было добраться на корабле⁴⁵.

Ко времени Страбона наносы Галиакмона, Лудия и Аксия перекрыли выход в морскую бухту, сформировав таким образом внутреннее озеро. Воды этого озера питались Верхним Лудием и другими потоками, текущими с Вермиона и Пайкона, и стекали к морю через Нижний Лудий. Озеро занимало обширную территорию в нижней части Эмафийской равнины. Хэммонд совершенно правильно доказывал, что Аксий и Галиакмон засорили бухту илом и что вызванный этим затор вынудил Лудий и Галиакмон искать новые проходы к морю. Но сложно согласиться с его мнением⁴⁶, что новое озеро было заполнено водами образовавшегося тогда рукава Аксия. Со временем рукав Аксия мог проложить новое русло через эти болота, чтобы впасть в уже образованное озеро — озеро, сформировавшееся из-за блокады бухты и последовавшего подъема воды в реке Лудий, которая была его изначальным источником⁴⁷.

Изменение очертаний этого региона присуще и для современности. Очевидно, что наносы рек, если им не препятствовать, могут в итоге достичь такого объема, что перекроют и узкий вход в бухту Салоник. Однако человеческие руки противостоят стараниям природы. Чтобы бороться с наводнениями и малярией и провести мелиорацию земель, в 1925 г. было изменено нижнее течение Аксия, в 1927–1936 гг. осу-

⁴⁴ Ibid. P. 145–148. Впрочем, сложно полагать на общих основаниях, что нижняя часть Эмафийской равнины менее чем за столетие (ок. 450–350 гг. до н. э.) превратилась из морского залива, достаточно глубокого для того, чтобы в него могли заходить корабли, в озерно-речную систему.

⁴⁵ Свидетельства см.: Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 148–149.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ См. суждение Бинтлиффа об аллювиальных отложениях (Bintliff J. The Plain of Western Macedonia... P. 238, fig. 10), которое я предпочитаю мнению Хэммонда.

шено озеро Лудий, проект ирригации и Аксия, и Галиакмона был осуществлен в 1953–1963 гг., а Галиакмон был взят под контроль с помощью недавно сооруженной плотины ниже Сервии, в результате чего в ущелье Галиакмона появилось красивое искусственное озеро длиной в 30 миль. Все эти природные и сделанные человеком изменения облика равнины происходили при практически постоянном уровне моря в регионе⁴⁸.

Таким образом, невозможно высказать какие-либо точные суждения о топографии древней Эмафийской равнины, как по причине нехватки конкретной информации, так и потому, что очертания основных природных объектов — озер, рек и болот — не остались прежними. И все же общая картина такова: озеро Лудий изменяло свои размеры и очертания, а по его краям лежали обширные болота⁴⁹. Здесь не было поселений ни в доисторические, ни в исторические времена, а нынешние города в низине существуют лишь благодаря мелиоративным работам XX в. В классический период античности большая часть равнины была заболочена, не возделывалась и не была пригодна для обитания⁵⁰. Только на хорошо обеспеченных водой террасах, возвышающихся над равниной, — подножиях Пиерийского хребта, Вермиона и Пайкона — располагались поселения человека, и они могут считаться сердцем Македонского государства.

ВОСТОЧНАЯ МАКЕДОНИЯ

Восточная Македония включает в себя холмистый водораздел, отделяющий долину Аксия от Стримонской равнины, саму долину Стримона (в том числе ее ответвление — долину Филипп), а также прилегающий район горы Пангей⁵¹. Сложно установить с точностью фракийско-македонскую границу, ибо в середине V в. до н. э. фракийцы

⁴⁸ Иную позицию занимает Хаммонд (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 145*), который утверждает, что уровень Средиземного моря поднялся примерно на пять футов со времен античности. См. ниже Приложение Б.

⁴⁹ См. ниже Приложение Б.

⁵⁰ См. другую точку зрения: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 160*. Более подробное обсуждение вопроса о возделывании этих земель см.: *Borza E. N. The Natural Resources...* P. 12–19.

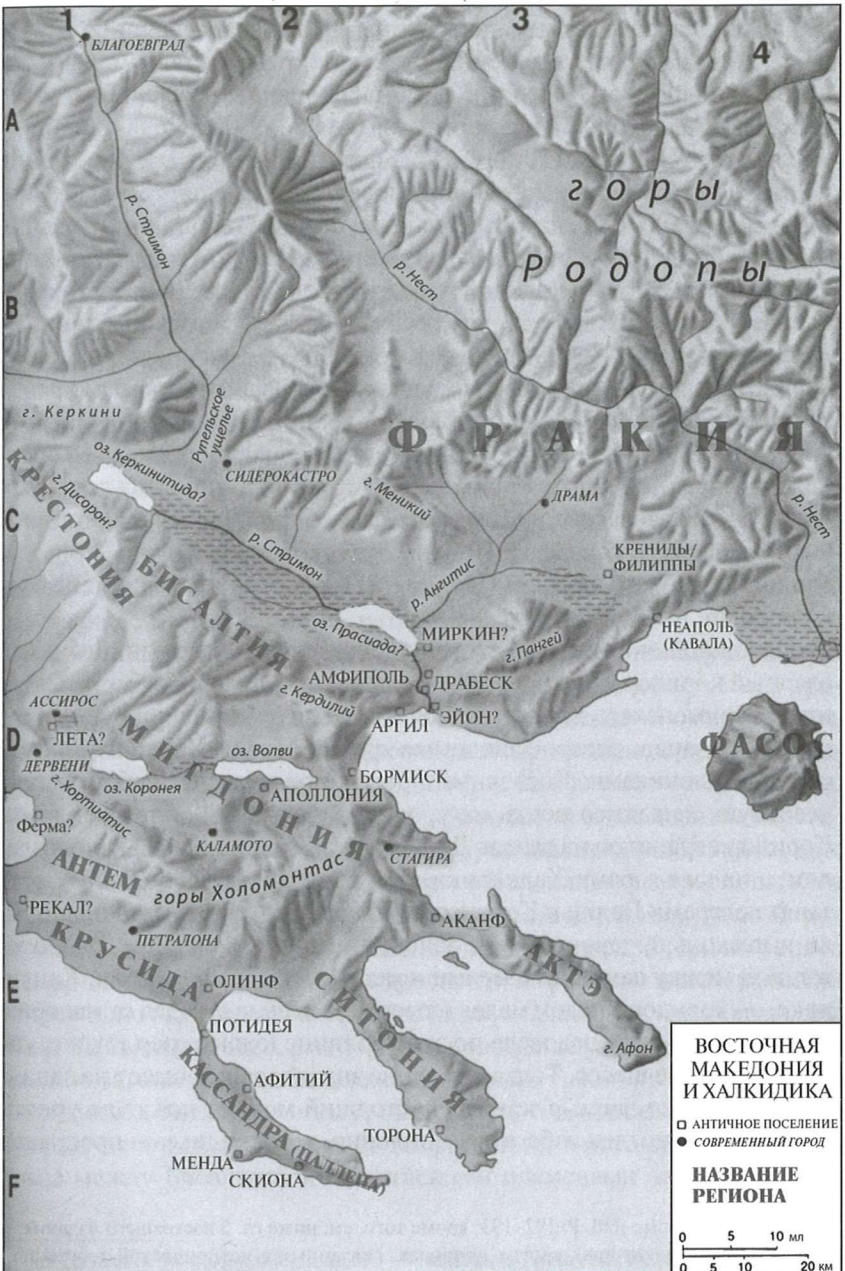
⁵¹ Об этих землях см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Ch. 5; Great Britain Admiralty... Vol. III. P. 118–142; Σαρδάρης Δ. Ιστορική γεωγραφία της Ανατολικής Μακεδονίας κατά την Αρχαιότητα. Θεσσαλονίκη, 1976*. То, что сказано ниже, основывается частью на данных работах, а частью на моем личном опыте, полученном во время пребывания в этих местах.

населяли многие места к востоку от Аксия, и четких сведений об этой границе нет ни у Геродота, ни у Фукидида. Можно сказать, что в античности, в разное время с VI по V в. до н. э., Македония соприкасалась с Фракией по Аксию, по Стримону и по Несту — административной границе наших дней. Расширение Македонии на восток происходило за счет фракийской территории.

Мы уже говорили, что плодородная полоса сразу к востоку от нижнего Аксия и параллельная ему называлась в древности Амфакситида. От Стримона Амфакситиду отделяет обширная территория с высокими холмами, тянущаяся с северо-запада на юго-восток от хребта Керкини вдоль болгарской границы в направлении озерного коридора (см. ниже) и Стримонского залива. Не имея общего названия, простираясь от горы Дисорон на севере до горы Кердилии на юге, этот пояс тянется приблизительно на 55 миль в длину и 18 миль в ширину. Несколько находящихся здесь вершин достигают 3000–3500 футов. В античности данная местность была покрыта густыми лесами, в которых росли сосны, а также, возможно, дубы и каштаны; сегодня густой лес можно встретить лишь на нескольких высоких кряжах. За исключением бассейна Галлика на северо-западе, холмы между Дисороном и Кердилием не очень подходят для земледелия из-за неспособности образующих их скальных пород удерживать почву и воду. Поэтому водные потоки летом пересыхают, местность покрыта маками (густым низкорослым кустарником), деревни расположены в немногих обеспеченных водой низинах, где возможна незначительная сельскохозяйственная деятельность. То, что данный край выглядит по-средиземноморски, обусловлено, вероятно, неспособностью ландшафта восстановиться после столетий его эксплуатации человеком.

Область в западной части этого холмистого региона называлась Крестония. В ней находятся верховья реки Галлик (древний Эхедор; Hdt., VII, 124; 127, 2) и возвышенности на юго-востоке, центром которых является довольно процветающий сельскохозяйственный регион вокруг города Килкис. Македоняне взяли здешние земли под свой контроль рано (Thuc., II, 99, 6), но жителей не изгоняли. Вдоль водораздела между Дисороном и Кердилием лежит граница Бисалтии (Hdt., VIII, 116, 1), которой во времена Ксеркса принадлежал восточный склон водораздела, ведущий к низинам Стримонской долины⁵².

⁵² Античные свидетельства см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 181–182.*

К эпохе римлян Бисалтия, как кажется, включала в себя и большую часть долины нижнего течения Стримона от Амфиполя близ устья реки до Рупельского ущелья. Когда македоняне завоевали Бисалтию (Thuc., II, 99, 6), они вытеснили ее жителей — фракийцев-эдонов — за Стримон (Hdt., VII, 110; 114, 1)⁵³. Бисалтия была богаче Крестонии, и эдоны являлись одним из первых северных народов, которые чеканили монеты; поблизости были залежи серебра и обширные леса.

Два коридора соединяют внутренние земли у Аксия с долиной Стримона. Северный коридор идет от района озера Дойран и верховьев бассейна Галлика до верхней части Стримонской равнины. Данный коридор — глубокая узкая долина — расположен между горой Дисорон и почти вертикальным непрерывным гребнем хребта Керкини, лежащим вдоль болгарской границы. Это короткий путь в Центральную Македонию для того, кто направляется туда со средней или верхней части Стримонской равнины, либо для того, кто хочет избежать узкого и выгодного для обороны ущелья Рендина в южном озерном коридоре. По данному «короткому пути» мог проследовать на запад Дарий (Hdt., V, 15–17) и на восток Александр (Arr. Anab., I, 11, 3)⁵⁴.

На южной оконечности этого водораздела расположен низинный озерный коридор, проходящий между вехными частями бухты Салоник и Стримонского залива. Он узок — от 2 до 6 миль шириной — и отгорожен с запада северо-западными гребнями горы Хортиатис, лежащей за Салониками. Восточный проход представляет собой узкую, лесистую, лежащую почти на уровне моря ложину близ Рендины. Коридор ограничен на севере Дисоронско-Кердилийским водоразделом, а на юге горами Халкидики. Длина его 40 миль, большая часть занята озерами Волви и Короня. Хотя здесь имеются пахотные земли и несколько деревень — в основном на узкой равнине, расположенной между данными озерами и местностью выше холмов Халкидики, — коридор в целом малонаселен, ибо весьма страдал от малярии. Эгнатисва дорога следовала по этой равнине южнее озер так же, как и современное шоссе. Только наличие значительных высот на западе и тот факт, что данные земли в настоящий момент лежат на уровне моря, позволяют им избегать затопления, а Халкидике — превраще-

⁵³ Подробнее см.: Ibid. P. 192–193; кроме того, см. ниже гл. 5 настоящего издания.

⁵⁴ В этом и некоторых других вопросах, связанных с исторической географией района Стримона-Филиппи, я не согласен с Хэммондом. Подробно мои взгляды см.: Borza E. N. Some Toponym Problems in Eastern Macedonia // АНВ. 1989. Vol. 3. P. 60–69.

ния в остров. Озерный коридор и прилегающие к нему склоны гор на севере — это область Мигдония (Hdt., VII, 123, 3), в которую также входил район на западе, до Аксия ниже Амфакситиды.

На северной границе современной Греции имеются лишь два ущелья в непрерывной — 300 миль длиной — цепи гор. Между Пелагонийской равниной на западе и восточными отрогами Родопских гор близ турецкой границы две реки, Аксий и Стримон, прокладывают свои русла сквозь эти неприступные хребты. Кручи Родоп пресграждали проход с Эгейского побережья во внутренние районы Балкан. Нет простого эгейско-балканского пути восточнее долины Аксия до тех пор, пока не оказываешься в европейской Турции и районе Дарданелл. Этот факт отчасти объясняет историческую важность Салоник и Константинополя.

В отличие от ущелья Аксия, долина Стримона в античную эпоху не являлась важным путем через горы, так как внутренние земли у Стримона доступны меньше, чем внутренние земли у Аксия. Истоки Стримона лежат в высоких горах между Софией и югославской границей. Он прокладывает свой путь по впечатляющему каньону на юго-западе Болгарии ниже Благоевграда и появляется в Греции через Рупельское ущелье. Отсюда Стримон вытекает на широкую речную равнину, которая тянется в направлении моря, на юго-восток, примерно 50 миль. Аллювиальная Стримонская равнина — около 12 миль шириной и пролегает между двумя параллельными горными грядами — на западе Дисоронско-Кердилийским, а на востоке Меникием. Отток воды на ней недостаточен, ибо нижний край долины перегороден горой Пангей и невысоким прибрежным кряжем. Река выходит к морю через ущелье между Пангеем и Кердилием, где располагался афинский аванпост Амфиполь. В современный период русло Стримона было изменено в результате обширных мероприятий по борьбе с наводнениями и малярией. В древности на равнине могли располагаться одно или два озера. Нижнее из двух нынешних озер, близ горы Пангей, было осушено, а на верхнем проведены работы по предотвращению затопления им близлежащих земель⁵⁵. Как проходило русло Стримона в античную эпоху, определить с точностью невозможно (кроме сего нижнего отрезка за Амфиполем), а потому неясна и граница между Бисалтией и пеонийскими племенами на востоке. Как

⁵⁵ Названия этих озер в античности — отдельная проблема. Возможно (иначе, чем у Хэммонда и др.), что нижнее озеро называлось Прасий, а верхнее Керкinitида. Детали см.: Borza E. N. Some Toponym Problems... P. 60–61.

и на Эмафийской равнине, на равнине Стримона, по-видимому, было немного поселений, большинство городов располагалось на склонах прилегающих гор. До прихода сюда персов и македонян в VI и V в. до н. э. на Стримонской равнине жили пеонийские и фракийские племена⁵⁶.

Пангей (6260 футов) — высокая, изолированная, сложная по структуре гора, которая почти заполняет собой нижнюю часть Стримонской равнины. Примерно в 15 милях севернее устья Стримона лежит лощина между горой Пангей и хребтом Меникий, по которой протекает река Ангитис. На востоке от этой лощины Ангитис орошает обширную, ранее заболоченную равнину размером приблизительно 25 на 10 миль, которая протекает параллельно Стримонской равнине, но отделена от нее горами Пангей и Меникий. Равнина отгорожена от моря узким невысоким кряжем, на прибрежных склонах которого сегодня находится важный сельскохозяйственный и портовый город Кавала. На этой равнине расположен город Драма, в области которого выращивают табак, а в древности находились Филиппы. Античный город Крениды, изначально горнодобывающая колония Фасоса, был взят Филиппом II, переименовавшим его в свою честь, а также, согласно имеющемуся у нас свидетельству, осушившим болота⁵⁷. Филиппы снискали себе дальнейшую известность как важный сторожевой пункт на Эгнатиевой дороге и, конечно, как место прославленной битвы 42 г. до н. э., которую убийцы Юлия Цезаря проиграли войскам второго триумvirата.

В античности Стримонская равнина и прилегающие к ней территории были богаче, чем Эмафия. Гора Пангей являлась одним из главных месторождений золота на юге Балкан, при этом по всему региону имелись крупные залежи серебра, а окружающие горы обладали значительными ресурсами древесины. Кроме того, несколько путей проходили через данные края. Процветание Стримонской равнины закончилось лишь в сравнительно недавние времена прежде всего из-за политической нестабильности и плохого управления ею, достигнув наибольшего упадка в конце XIX — начале XX в. Впрочем, регион возродился, став в итоге одним из богатейших сельскохозяйственных районов Европы. Восточнее Стримона расположена непроходимая горная местность, где даже сегодня почти нет дорог. Она

⁵⁶ *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 193–194, 197–198; кроме того, см. ниже гл. 5 настоящего издания.*

⁵⁷ *Theoph. De caus. plant., V, 14, 6.*

мало исследована археологами. Река Нест протекает через эти дикие земли, но она несудоходна, и по ней, прокладывающей свое русло через Родопы и прибрежные горы, попасть во внутренние районы затруднительно. Ее обширная дельта, расположенная напротив острова Фасос, — богатый земледельческий район, однако это современный феномен. Добравшись до Неста, мы оказываемся во фракийском мире.

«Трехпалый» полуостров Халкидика не относится к собственно Македонии⁵⁸. Из-за того что он был традиционно связан с мореходством в Эгеиде и заселен колонистами-греками, полуостров ориентировался на море и на юг. Халкидика — и особенно ее «пальцы» — была часть мира греческих городов-государств. За исключением нескольких военных кампаний, затронувших ее в начале Пелопоннесской войны, Халкидика оставалась практически вне событий македонской истории, до тех пор пока ее города в IV в. до н. э. не образовали свой союз, Халкидский союз, достаточно сильный, чтобы бросить вызов интересам македонян восточнее Аксия⁵⁹. Халкидика состоит из двух различных регионов: первый — это в целом похожие на трезубец полуострова, второй — гористая внутренняя часть.

Внутренние районы Халкидики представляют собой скопление труднопроходимых, заросших лесом холмов. Несмотря на то что Халкидика отрезана от собственно Македонии горами Холомонтас, растительный мир и поселения здесь имеют более континентальный, нежели средиземноморский характер. Это мало изученный археологами и в целом довольно глухой район. Однако при приближении к берегу Эгейского моря ландшафт претерпевает значительные изменения. На вершине пересекающихся гребней Холомонтаса лиственные и сосновые леса внутренних районов внезапно уступают место оливковым деревьям. За несколько сотен ярдов Балканы становятся средиземноморскими. Протяженные склоны, спускающиеся к морю, приносили обильные урожаи оливок и зерна, что отчасти составляло основу богатства Олинфа, главного города полуострова в античную эпоху.

⁵⁸ Согласно Хэммонду (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 92*). Теперь доступен полезный путеводитель по историческим и туристическим местам Халкидики: *Παπαυέλος Ι. Χαλκιδική. Θεσσαλονίκη, 1982*.

⁵⁹ Только два района Халкидики — западная прибрежная полоса, известная как Крусида, и Антем, богатая долина, выходящая к прибрежной равнине ниже Салоник, — были связаны с македонской историей; см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 186-187*.

У трех «пальцев» Халкидики, в отдаленном геологическом прошлом бывших островами, имеются лишь узкие соединения с материком. В случае с Кассандрой таким соединением является песчаная коса, лежащая фактически на уровне моря. Ситония соединяется с материком 300-футовым холмом. Перешеек полуострова Актэ низок, хотя сегодня он примерно на 45 футов выше, чем в 482 г. до н. э., когда Ксеркс прорыл через него канал. Во времена античности «пальцы» Халкидики были оживленными и процветающими: среди основных греческих городов, которые располагались на них, были Менда, Торона, Афитида, Потидея и Аканф. Но позднее регион стал отсталым и изолированным. Кассандра (древняя Паллена) — самая плодородная и наименее пересеченная местность, и с недавних пор ее великолепные пляжи удовлетворяют неутолимую потребность Европы в море и солнце. Горы Ситонии достигают высоты 2600 футов. Здесь возрождается знаменитое еще в древности виноделие. Сейсмически активный Актэ удален и труднодоступен. Актэ больше известен как Айон Орос — «Святая гора». Это полуавтономный регион возрождающихся монастырей, где продолжает жить православное средневековье. Высшей точкой полуострова является грандиозная пирамидальная вершина горы Афон, возносящаяся почти на 6700 футов прямо из моря. Знаменитая своими бурями и милосердно избавленная от древнего легендарного плана высечь колоссальное изображение Александра Великого на ее склоне, гора Афон остается одним из самых впечатляющих природных чудес северной части Эгейского моря.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

По греческим меркам, Македония была хорошо обеспечена природными ресурсами⁶⁰. Обильные дожди, полноводные реки, пахотные земли, густые леса и залежи драгоценных металлов позволяли Македонскому государству быть самодостаточным. А с учетом скромных потребностей до времен Филиппа II мало что из материальных благ или продуктов питания из внешнего мира могло рассматриваться македонянами как необходимое. Наличие огромных богатств подтверждается не только предметами, находимыми в захоронениях знати, но и тем, что цари были в состоянии направлять ресурсы

⁶⁰ Свидетельства и подробное обсуждение того, о чем будет говориться далее, см.: *Borza E. N.* 1) *Some Observations on Malaria...* P. 112–115; 2) *The Natural Resources...* P. 3–20; 3) *Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks* // *PAPS*. 1987. Vol. 131. P. 32–52.

своей страны на военные действия, ведшиеся на обширной территории. Македонское царство было богато потому, что его жители научились управлять человеческими ресурсами, чтобы разрабатывать природные. Наиболее ярким свидетельством этому служит рассказ о громадных богатствах Македонского государства, которые так впечатлили римлян в 167 г. до н. э. (Liv., XLV, 40, 1–3) и которые были накоплены всего лишь за три десятилетия после поражения величайшего царя эллинистической эпохи Филиппа V.

Из вышеприведенного нами описания македонского ландшафта можно понять, что эти края хорошо подходят для скотоводства и земледелия. Со своими долинами и лугами горы Македонии идеальны, чтобы практиковать здесь отгонное скотоводство — эту широко распространенную на Балканах традицию смены летних высокогорных пастбищ на зимние низинные. Стада не только дают шерсть, мясо и молоко, но и удобряют землю. Навоз не экономили, оставляя, чтобы он разлагался и обогащал почву, ибо во многих областях страны имелись обильные запасы леса: необходимость использовать сухие навозные лепешки в качестве топлива — практика, которая вносила свой вклад в замкнутый круг бедности в ряде стран мира, — отсутствовала на большей части территории Македонии.

Анализ пыльцы, дающий сведения о древнем сельском хозяйстве в других регионах, для Македонии применялся мало. Для наших представлений о землепользовании полезны общие соображения, основывающиеся на соответствующих моделях, как и исследование сосудов, найденных при раскопках. Кажется совершенно естественным, что сельское хозяйство должно развиваться там, где есть обеспеченные водой пахотные земли. В этом отношении Македонии повезло. Коридор Галиакмона, коридор Битола–Козани и невысокие поперечные горные перевалы — все умеренно плодородны. Находящиеся у подножия гор области Центральной Македонии, а именно нижние склоны Писерийского хребта, гор Вермион и Пайкон плодородны в высокой степени, равно как и те части бассейна Аксия, которые возвышались над обширными болотами. Сегодня плодородна и прибрежная Писерийская равнина, но во времена античности ее могли покрывать, в отличие от большей части центральной равнины, леса. В Восточной Македонии лежащие над равнинами Филипп, Драмы и Стримона подножия гор также были пригодны для земледелия, как и береговые районы Халкидики. Можно предположить, что эти регионы производили зерно и овощи в значительном количестве. То, что Филипп II осушил болота у города Филиппы вскоре после того, как захватил

данный район в 356 г. до н. э., наводит на мысль о том, что у царя была нужда в дополнительных землях. Эта же нужда могла возбудить заинтересованность Филиппа в Халкидике, дабы использовать ее территорию для сельского хозяйства и коневодства.

Ныне виноделие процветает во многих районах Македонии. Однако мы можем лишь делать предположения по поводу типа, количества и расположения македонских виноградников в античности. Впрочем, кое-что очевидно⁶¹. По греческим меркам, македоняне были отъявленными пьяницами. Подобное отношение сложилось не только из-за грубых солдатских традиций пьянства, но и оттого, что македоняне, в отличие от греков, разбавлявших вино водой, часто пили вино неразбавленным. Существенным для понимания традиций винопития у македонян является то, что кратер, весьма распространенный греческий тип сосуда, применявшийся для смешивания вина с водой, редко присутствует в македонских захоронениях (см. ниже). Только несколько кратеров было найдено среди множества сосудов для вина, причем часть из них не обиденные вещи, а произведения декоративного искусства.

Виноградная лоза, которая достаточно стойка, чтобы пережить зимние морозы, нуждается в хорошо дренируемой почве, весенних дождях и солнце накануне сбора урожая. Подобные условия характерны для многих районов Македонии. Полковник Лик в свое время хвалил вина Западной Македонии, — и сегодня на террасах вокруг Наусы растет виноград, из которого производят лучшие марки красного вина на Балканах. И хотя прямых свидетельств о местном виноделии в античную эпоху нет, едва ли мы ошибемся, предположив, что огромную жажду этого ферментированного виноградного сока нельзя было утолить только за счет его импорта⁶². Вероятно, местное виноделие было весьма развито и дополнялось ввозом вин знатно, обладавшей для этого достаточными средствами и вкусом.

Правда, для олив Македония не подходит. Одно из самых долгоживущих и стойких деревьев, прескрасно чувствующее себя в условиях, которые губительны для других представителей растительного

⁶¹ Подробнее о том, что будет сказано далее, см.: *Borza E. N. The Symposium at Alexander's Court* // *AM*. 1983. Т. III. Р. 48–49.

⁶² Исследования импорта вина в Македонию не проводилось, хотя клейма на ручках амфор, найденных в Пелле, дают некоторую информацию об иностранном происхождении ряда вин. Мое собственное изучение фотоархивов амфор Пеллы показало, что вина импортировались с Халкидики и Фасоса. Некоторые сорта вин, производимые сегодня на Халкидике, являются, пожалуй, одними из лучших в Греции.

мира, олива не способна выдержать длительные периоды низких температур⁶³. Оливковые деревья растут на террасах, возвышающихся над Эмафийской равниной, где они могут спастись от мороза благодаря морскому бризу, время от времени веющему с Термического залива. Произрастают они и вдоль берега моря на Писерийской прибрежной равнине, а также в некоторых частях долины вокруг Филиппи и вдоль Стримонского залива. Попасть в греческий мир оливковых рощ на Халкидике возможно лишь добравшись до ее средиземноморских склонов. Не исключено, что в дальнейшем археология даст ответ на вопрос, в какой степени македоняне импортировали масло. Источником его, возможно, была Халкидика, где масло имелось в избытке, или же греческие города на юге, которые могли поставлять масло в обмен на македонский лес. Вместе с тем недавние раскопки показали, что некоторые из ранних обитателей долины Аксия выращивали лен, из семян которого, измельченных или выжатых, производится льняное масло — приемлемая альтернатива оливковому⁶⁴. Не должны мы исключать и возможность того, что обитатели такой лесистой, изобиловавшей дичью страны, какой была Македония, могли пользоваться животным жиром в значительно большей мере, чем греческий мир, и что македоняне поэтому не испытывали острой нужды в масле.

Македония была известна своими залежами драгоценных металлов⁶⁵. Вряд ли здесь есть район, где не велась бы добыча металлов, хотя подобного рода ресурсы Западной и Центральной Македонии, очевидно, не слишком разрабатывались в античное время. Центром минеральных богатств была Восточная Македония. Многие из рек и ручьев, текущих с Родопских гор, являются золотоносными. Когда золото-содержащий песок нагревают, металл коагулирует; образовавшийся при этом шлак является подсказкой для археологов. Те же потоки несли и магнетитовый железосодержащий песок, но неизвестно, использовали ли его в античности. Во многих местах существуют обильные залежи серебра. Однако природных ресурсов для производства

⁶³ Подробности и библиографию см.: *Borza E. N. The Natural Resources...* P. 14–15. Во дворе Археологического музея Салоник растет одно оливковое дерево. Оно выживает лишь благодаря тому, что защищено от холодных «вардарских» зимних ветров, и нынешний директор музея Вокотопулу сообщила мне, что на ее памяти это дерево никогда не плодоносило.

⁶⁴ *Kroll H. Bronze Age and Iron Age...*

⁶⁵ Всестороннее обсуждение, а также библиографию см.: *Borza E. N. The Natural Resources...* P. 8–12.

бронзы в Македонии нет, и страна расположена в стороне от основного пути поставок олова из Британии в Средиземноморье.

Ранние обитатели Македонии были, похоже, пастухами и земледельцами, и их захоронения не содержат золота в таком количестве, как его можно найти в захоронениях далее к северу Балкан. Однако в конце VI в. до н. э. произошли большие изменения. В ходе недавних раскопок сотен захоронений близ деревни Синд в районе нижнего течения реки Галлик обнаружено значительное количество предметов, искусно выполненных из золота, железа и бронзы⁶⁶. Правда, необходимо еще определить, имели ли драгоценные металлы, из которых эти предметы сделаны, местное происхождение. Так или иначе, но к V в. до н. э. македонские металлы стали известны, и в некоторых частях региона восточнее Аксия началась их широкомасштабная добыча.

Существовало три основных центра разработки месторождений драгоценных металлов. Первым были верховья Галлика, где добывали золото и серебро. Поблизости находилась гора Дисорон, по Геродоту (V, 17), столь богатая, что давала для Александра I талант серебра в день. Точное местонахождение древней горы Дисорон неизвестно. Хребет, который сейчас так называется, расположен на самом севере Дисоронско-Кердилийского водораздела. Однако не исключено, что в античности весь гребень, ограничивающий долину Стримона, мог носить это имя. Если это так и если древнее озеро Прасий было нижним из двух стримонских озер, то знаменитые серебряные прииски располагались южнее, ближе к Амфиполю и недалеко от горы Пангей⁶⁷.

Второй важный центр добычи драгоценных металлов находился в районе Филипп и горы Пангей. В VI в. до н. э. жители Фасоса основали колонию Крениды, тем самым расширив свою деятельность по добыче драгоценных металлов, уже осуществлявшуюся у них на острове. После завоевания местности Филиппом I, переименовавшим Крениды в свою честь, разработка здешних месторождений продолжилась. На Пангее серебро добывали уже, возможно, в VII в. до н. э. Этот центр в целом давал столько драгоценного металла, что позволял местным фракийским племенам в избытке чеканить серебряные

⁶⁶ См. каталог выставки находок из Синда в Археологическом музее Салоник: Σίνδος. Κατάλογος της Εκθέσεως στο Αρχαιολογικό Μουσείο Θεσσαλονίκης. Αθήνα, 1985.

⁶⁷ См.: Borza E. N. 1) The Natural Resources... P. 10; 2) Some Toponym Problems... P. 60-61.

монеты хорошего качества. Добыча на Дисороне давала много серебра для чеканки великолепных монет Александра I в середине V в. до н. э. Слова Диодора (XVI, 8, 6–7) о том, что прииски Пангея не были значительными до времен Филиппа II, следует отнести к добыче золота. Если серебро добывалось тут на протяжении более чем полутора столетий, то именно Филипп стал разрабатывать золотосный потенциал приисков. Он первым начал чеканить золотые монеты, и большое количество золота, найденное в захоронениях Вергины, позволяет сделать вывод о широком использовании этого драгоценного металла. Золото продолжали спорадически добывать здесь даже в период временного закрытия приисков римлянами в 167 г. до н. э.⁶⁸

Третий центр добычи драгоценных металлов располагался в горах Холомонтас в центре Халкидики. Были ли эти прииски открыты до времени Филиппа II, неизвестно. Но ясно, что они усиленно разрабатывались в эллинистическую эпоху и были в числе тех, которые на короткое время закрыли римляне (Liv., XLV, 29). Здесь добывались золото и серебро, а на восточных склонах Холомонтас, близ Стагиры, рудины Аристотеля, имелись залежи других металлов, многие из которых продолжили разрабатываться во времена турок и в современный период.

Технология добычи была примитивна. Большинство золота и серебра извлекалось из рек и ручьев на приисках. Имеется мало археологических свидетельств, чтобы предположить существование подземной добычи, хотя прогресс в производстве золота в царстве Филиппа мог быть связан с определенным родом административного или технологического развития, если доверять краткому изложению Аррианом (Anab., VII, 9, 3) речи Александра Великого. Филипп, похоже, весьма интересовался вопросами технологий (показателем чего являются, например, предпринятые им меры по осушению болот и строительству дорог), и, возможно, он повелел устроить безопасные шахты и штольни в районе Пангея. Хотя у нас нет сведений об организации горнодобывающей деятельности, вполне допустимо, что множество небольших приисков приносили прибыль в условиях, считающихся сегодня невозможными. Понятия повышения эффективности от роста масштабов производства не существовало

⁶⁸ О политике римлян в отношении этих приисков см.: Gruen E. S. Macedonia and the Settlement of 167 B. C. // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 257–267.

в культуре, в которой рабочая сила, рабская или свободная, была дешевой. Также вероятно, что добыча находилась под контролем царя, как это было в случае с наиболее важным из прочих природных ресурсов Македонии — лесом.

«Лучшая древесина, которая прибывает в Грецию для плотницких нужд, — македонская...» Так Феофраст (*Hist. plant.*, V, 2, 1) оценивает самый значительный ресурс Македонии, ее обширные лиственные и хвойные леса⁶⁹. Большая часть ее территории, лежащей приблизительно выше 700 футов, покрыта лесом, и наш лучший античный источник по подобного рода вопросам перечисляет не менее 34 разновидностей деревьев (*Theoph. Hist. plant.*, III, 3, 1). В Греции рост населения довольно рано привел к исчезновению лесов, так что ко времени классического периода многие греки были вынуждены искать строевую древесину, необходимую для постройки зданий и кораблей, в других местах. Несмотря на то что леса Македонии использовались человеком, население здесь было невелико, и благодаря подходящим для роста деревьев горным склонам, плодородным землям по берегам рек и обильным дождям леса могли регенерироваться. Таким образом, греческий мир обращался к северу как к ближайшему источнику отличной древесины для различных нужд.

Практически каждый гористый район Македонии покрыт густым лесом. Вместе с тем эти земли отличаются между собой типами деревьев, а также степенью доступности для лесозаготовок. Высокие склоны гор Западной Македонии лесисты, но это отдаленный район, и древесина, полученная здесь, имеет лишь местное применение. И хотя сейчас лесозаготовки не являются движущей силой македонской внешней торговли, наличие древесины для местных нужд почти повсеместно — важный компонент региональной экономики.

Есть свидетельства о существовании больших запасов строевого леса на склонах Пиерийских гор и Олимпа (где сегодня процесс заготовки больших хвойных деревьев можно наблюдать с национального шоссе, идущего по береговой равнине Пиерии), вдоль горы Вермион и на склонах Дисоронско-Кердилийского водораздела, спускающихся к Стримону. Информации о рубке деревьев и подготовке древесины к вывозу за пределы Македонии сохранилось немного. Однако имеется общая информация о лесозаготовках в античности,

⁶⁹ То, что сказано далее, взято из двух моих более ранних исследований о македонском лесу: *Borza E. N.* 1) *The Natural Resources...* P. 2–8; 2) *Timber and Politics...* (более подробно).

и ничто не указывает на то, что Македония была в данном отношении каким-то особым случаем⁷⁰. Деревья валили топорами лесорубы, возможно, работавшие в группах из трех человек. Ветви обрубались топором, и дерево распиливали пилами, готовя к транспортировке к морю. Наклонные плоскости, повозки, волокуши, а также сплав по рекам использовались для перемещения древесины внутри страны, а обычные торговые суда или особые суда-лесовозы везли древесину за границу.

Сосна использовалась широко — для постройки и кораблей, и зданий. Она относительно мало весит, может быть распилена на длинные прямые части и пущена таким образом на мачты и крупные перекиды, а ее смолистая древесина лучше всего годится для обшивки корпуса корабля. Дуб ценился в качестве материала для килей. Лучшие весла делались из гибких молодых хвойных деревьев (Theoph. Hist. plant., V, 1, 7), каждое весло вытесывалось из единого ствола. Нужды только одних Афин в период с 480 по 410 г. до н. э. могли достигать до 1500 триер и по меньшей мере 300 тыс. весел⁷¹. Большинство древесины для этого привозилось из Македонии. Так же, как и сама древесина, ценилась смола, необходимая для того, чтобы смолить корпус кораблей. Она требовалась греческим верфям в несметных количествах.

Как это, вероятно, было и в случае с приисками, контроль над македонскими лесами находился в руках царя. У нас нет достаточной информации для того, чтобы реконструировать, как именно царь приобрел подобное право, однако все сохранившиеся договоры, регулирующие торговлю древесиной между иностранными государствами и Македонией, заключались лично с царем. Это нечто большее, чем обычная процедура, когда царь является воплощением Македонского государства: прерогативой монарха являлось также преподнесение древесины в дар по его желанию. Царский контроль над лесами засвидетельствован хорошо, в том числе недавно новой трактовкой краткого изложения царского декрета Александра Великого⁷², в котором царь запрещает продажу древесины с Дисорона. Это не

⁷⁰ В качестве обзора по теме античной лесной промышленности важна работа: Meiggs R. Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World. Oxford, 1982.

⁷¹ Borza E. N. Timber and Politics... P. 34.

⁷² Лучший текст этого декрета, который датируется 335 или 334 г. до н. э., см.: Mitsis L. A Royal Decree of Alexander the Great on the Lands of Philippi // AW. 1985. Vol. 12. P. 3–14. Некоторые эмендации и расширенные толкования в данной связи см.: Borza E. N. Some Toponym Problems... P. 62–66.

свидетельствует о том, что царь лично занимался делом, связанным с древесиной. Он, по-видимому, даровал разрешения частным лицам на рубку леса под контролем лесничих, согласно условиям контрактов, заключенных с его одобрения. Предоставляя право на вырубку и экспорт и взимая пошлины с этого экспорта, македонский царь пользовался лесозаготовками как инструментом внешней политики и как источником дохода. Древесина стала важным фактором в отношениях между Македонией и греческими городами-государствами, поскольку ряд этих государств стремился получить доступ к древесине и не дать такого доступа своим противникам. Одни македонские цари могли использовать потребность греков в древесине в своих интересах, тогда как другие оказывались перед необходимостью защищать македонское национальное единство против тех, кто желал гарантировать поставки древесины при помощи силы (см. ниже).

Природные ресурсы Македонского государства, и прежде всего плодородные земли, залежи минералов и древесина, стали одной из причин его необычной для Восточного Средиземноморья самодостаточности. Богатства страны поддерживали амбиции многих македонских царей (особенно когда Восточная Македония была под царским контролем) и начиная с VI в. до н. э. делали регион привлекательным для иностранцев. В руках искусных монархов, способных организовать человеческие и природные ресурсы и направить их на достижение определенной национальной цели, Македонское государство, очевидно, должно было неизбежно «вынырнуть» из «тихой балканской заводи», став важной силой древнего средиземноморского мира.

Глава 3

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ МАКЕДОНИЯ

Древнейшим известным жителем Македонии могла быть женщина. В 1960 г. один прохожий случайно наткнулся на пещеру близ Петралоны на северо-западе Халкидики и обнаружил в ней окаменевший скелет человеческого существа. Первоначально полагали, что это неандерталец, однако новейшие исследования черепа — другие останки, вероятно, были разрушены, когда местные крестьяне пытались высвободить их из затвердевшей сталагмитовой формации, — показали, что это архантроп (*archanthropos petraloniensis*) возрастом по меньшей мере 270 тыс. лет. Это самое раннее свидетельство существования людей на Южных Балканах. Дальнейшие раскопки в пещере обнаружили следы человеческой деятельности как минимум полмиллиона лет назад¹.

Неандертальцы обитали на большом пространстве от Македонии до Элиды примерно до 50–30 тыс. лет назад. Но этим пралюдям предшествовала раса, жившая около 100 тыс. лет назад. Свидетельством о ее существовании стали примитивные каменные топоры, обнаруженные в Западной Македонии близ Сиатисты: до сих пор это самые древние палеолитические орудия, найденные в Греции². Только имея крайне шовинистический склад ума, можно думать об этих

¹ Фотография черепа была впервые опубликована в кн.: Kokkoros P., Kanellis A. Découverte d'un crâne d'homme paléolithique dans la péninsule Chalcidique // L'Anthropologie. 1960. Т. 64. Р. 438–446. Отличные изображения его и самой петралонской пещеры см.: History of the Hellenic World. Vol. I. Athens; London, 1974. Р. 44–45. Горячий спор о датировке черепа см.: Poulianos A. N. Petralona: A Middle Pleistocene Cave in Greece // Archaeology. 1971. Vol. 24. Р. 6–11; Stringer C. B., Howell F. C., Melentis J. K. The Significance of the Fossil Hominid Skull from Petralona, Greece // JAS. 1979. Vol. 6. Р. 235–253; Liritzis Y. A Critical Dating Re-evaluation of Petralona Hominid: A Caution for Patience // AAA. 1982. Т. 15. Р. 285–296 (с обширной библиографией).

² Иллюстрации см.: History of the Hellenic World. Vol. I. Р. 43. О неандертальцах в Греции см.: Weinberg S. S. The Stone Age in the Aegean // CAH³. 1970. Vol. I. Pt. 1. Р. 557–562.

первобытных существах как о «македонянах». Так или иначе, описание их еле заметного существования лучше предоставить специалистам в области физической антропологии, имеющим особые навыки воссоздания моделей человеческой жизни по слоям пола пещер и осколкам в гравийных насыпях. Очевидно то, что, насколько мы знаем, в северных регионах Греции обитали древнейшие пралюди юга Балкан.

Говоря о «доисторических македонянах» в контексте македонской истории, нужно начать с раннего неолита, ок. 6000 лет до н. э., и проследить человеческую деятельность до конца позднего бронзового века, ок. 1100 лет до н. э. Каждый, кто занимается этим периодом, признает, что делать какие-то обобщающие выводы на его счет чрезвычайно сложно. Временная отдаленность периода и отсутствие письменных источников вынуждает полностью полагаться на данные материальных находок и на аналогии с другими культурами, находящимися на сходных примитивных стадиях развития. Археологические свидетельства часто фрагментарны, абсолютная хронология трудноопределяема, и порой приходится делать заключения о целом регионе на основе исследований какого-то одного места или нескольких разрозненных артефактов, а это в лучшем случае статистически ненадежная процедура. Имется большое количество и других методологических проблем. К примеру, должно ли изменение в стиле керамики обязательно отражать влияние внешней культуры посредством, скажем, прихода нового народа или торговых контактов с чужеземцами, либо оно может являться показателем произошедших новшеств в местной технологии и вкусе? Предполагает ли сходство в захоронениях, керамике, орудиях и использовании материалов между двумя отдельными культурами непрерывный контакт между ними? Нужно ли классифицировать и датировать объекты, найденные в Македонии, по давно определенной греко-эгейской хронологии, или же по некой модификации центральной европейской — балканской системы?

Уровень наших знаний о доисторической Македонии приблизительно похож на то, что было известно о Центральной и Южной Греции соответствующего времени в начале XX в. Археология, изучающая доисторическую Македонию, находится в начале своего пути. Но возможность того, что будет откопан какой-то македонский эквивалент табличек с линейным письмом Б, чтобы произошел прорыв в исследованиях, представляется слабой. То, что будет сказано ниже, является реконструкцией событий, которая кажется вероятной на основе анализа информации, имеющейся у нас на сегодняшний день.

Однако читатель должен иметь в виду, что в наши дни прогресс в изучении этих отдаленных периодов зачастую быстр и порой революционен, и внезапно можно обнаружить, что вчерашний вывод уже не представляется обоснованным. Мы должны быть готовы отказаться от своих взглядов, когда очередной удар кирки археолога или некая секретная техника лабораторного анализа принесет новые данные. Историку остается не более, чем прорабатывать самую современную литературу и предлагать обоснованную трактовку выводов, сделанных специалистами в ряде иных областей науки³.

Наиболее передовое поселение раннего неолита, которое известно в Греции, — Неа Никомедия, расположенная на центральной македонской равнине в нескольких милях севернее Верии. У этой хорошо развитой общины, жившей здесь ок. 6200–5300 гг. до н. э. близ тогда существовавшего болота или морской бухты, имелись несколько многокомнатных домов (некоторые были с подсобными помещениями), очаги, кладовые и ямы для хранения, а также центральное святилище; сохранилось от нее и много захоронений⁴. Обитавший в данном месте народ был оседлым, выращивавшим зерновые и разводившим животных. Помимо сосудов из глины и орудий из кремня, он оставил по себе маленькие фигурки, символизирующие женское плодородие, а также статуэтки, отражающие тогдашнюю местную фауну: лягушек, коз, кабанов и быков. Эти артефакты отмечены сходством с неолитической культурой прото-Сесскло в Фессалии. Не исключено, что поселение в Неа Никомедии было ответвлением фессалийского. Возможно, группа людей из последнего мигрировала на север, пройдя через перевалы в Македонию и спустившись вдоль Писерийских гор на центральную равнину. Тут, на плодородных, хорошо обеспеченных водой землях, с дичью и лесом поблизости, поселение стало процветать и на своих поздних стадиях приобрело ряд самостоятельных культурных черт.

В Сербии, рядом с тем местом, где Галиакмон пересекает путь, ведущий от Козани через перевал Волустана в Нижнюю Фессалию,

³ См. ниже Приложение А.

⁴ Особенно широко принятая дата — ок. 6000 г. (см., напр.: *Rodden R. J. Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedeia, Greek Macedonia (1961 season) // PPS. 1962. Vol. 28. P. 267–288; Weinberg S. S. The Stone Age in the Aegean. P. 577–582; Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. 219*) — теперь подвергнута сомнению Бинтлиффом (*Bintliff J. The Plain of Western Macedonia and the Neolithic Site of Nea Nikomedeia // PPS. 1976. Vol. 42. P. 244*), который относит ранние слои к 5500–5300 гг. до н. э., основываясь на другом методе органического анализа.

располагалось поселение эпохи среднего неолита (ок. 5000–4000 гг. до н. э.) со сложными прямоугольными домами, имевшими каркас из стоек, обмазанные илом стены и наклонные крыши, поддерживаемые столбами по центру⁵. Каким бы ни было происхождение этой деревни в Сервии (Хэммонд считает его ответвлением фессалийского Сескло, группы анатолийского происхождения), особенности его архитектуры на поздних неолитических стадиях имеют сходство с теми, которые обычно свойственны центрально-европейским и северо-балканским поселениям, в том числе с неолитическими домами в Пелагонии⁶. Таким образом, к периоду позднего неолита, по крайней мере в Западной Македонии, происходили некие передвижения народов, которые могли оказывать влияние друг на друга.

К поздней неолитической эпохе (ок. 4000–2800 гг. до н. э.) эти передвижения стали более интенсивными, и население западных и центральных районов Македонии увеличилось. Как показывают богатые курганы так называемой породинской культуры, количество жителей Пелагонии и Линкестиды стало в это время немалым. В южных и центральных районах Неа Никомедия и Сервия были заселены заново, возможно, мигрантами из северо-западных регионов. Новые поселения возникли вдоль западного края центральной равнины, но, кажется, не восточнее его⁷. В основном они были небольшие и земледельческие, и есть причины полагать, что в течение зимнего сезона здесь собирались и те, кто традиционно занимался скотоводством. Таким образом, если наша интерпретация верна, в поздний неолитический период произошло замещение фессалийских жителей Сервии и Неа Никомедии северянами из Пелагонии либо более отдаленных областей, которые, в свою очередь, уступили натиску народа, перемещавшегося на юг со среднего течения Дуная. Область восточнее долины Вардара-Аксия была заселена группами анатолийского происхождения, которые мигрировали через Фракию, и среднеевропейцами, которые последовали по Аксию на юг. В конце периода неолита в Македонии обитали фессалийцы вдоль ее южной границы, северяне

⁵ Раскопки велись под руководством Ромиопулу; см.: *Archaeological Reports*. 1971–1972. P. 17; 1972–1973. P. 22; см. также: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia*. Vol. I. P. 219–220.

⁶ Отметим, в частности, глиняный пол, устроенный поверх бревенчатого фундамента, который характерен для культуры Породин в Пелагонии; см.: *Archaeological Reports*. 1971–1972. P. 17; 1972–1973. P. 22; *Hammond N. G. L. A History of Macedonia*. Vol. I. P. 219–220.

⁷ *Hammond N. G. L. A History of Macedonia*. Vol. I. P. 220–224 (против Хертли).

в долине Галиакмона, Линкестиде и на западном краю центральной равнины, а также смешанное население из анатолийцев и дунайцев в долине Аксия. Информации о Пиерии и Эмафии у нас нет.

С наступлением раннего бронзового века ок. начала III тыс. до н. э. в Македонии сложилась неблагоприятная ситуация. Пришельцы с востока проникли на запад Эмафийской равнины, вынудив прежнее население переместиться в верхние горные области. Общий беспорядок, по-видимому, затронул регионы вплоть до Пелагонии⁸. Прибывшие с востока жители, так же как и переселенцы, двигавшиеся по Аксию, похоже, обладали менее развитой культурой, чем можно было бы ожидать для этого периода, показателем чего является недостаток бронзовых артефактов и керамики, созданной с помощью гончарного круга. Эти народы, кажется, не вели активную торговлю, однако предполагается, что именно тогда в Центральной Македонии появилась лошадь⁹.

В то время как менее развитые народы продолжали селиться в Центральной Македонии, Эордее, Линкестиде и Пелагонии, другие группы мигрировали с севера на Южные Балканы и в Грецию. Начало среднего бронзового века (ок. 1900 г. до н. э.) отмечено появлением так называемых индоевропейцев, чей приход в Грецию в конечном итоге привел к возникновению самых ранних известных форм греческого языка. Кем были эти индоевропейцы и какой язык(-и) они принесли с собой, является предметом споров¹⁰. Хэммонд, придерживаясь традиционной точки зрения, полагал, что происхождение индоевропейских языков связано с «курганными» народами (именуемыми так по их обычаю устраивать свои захоронения в холмах, по-русски

⁸ Weinberg S. S. The Stone Age in the Aegean. P. 607–608; Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Ch. 8.

⁹ Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 267.

¹⁰ См.: Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Ch. 10, особ. P. 272–275; также: Hammond N. G. L. 1) Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge, 1976. P. 116–119; 2) Grave Circles in Albania and Macedonia // Bronze Age Migrations in the Aegean. Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973. P. 189–197. Ознакомление с несколькими интересными статьями в последнем из указанных изданий полезно для понимания неустойчивого состояния научных знаний о данном периоде, особенно в том, что касается базового метода. Краткий обзор подобных трудностей см. в тексте, написанном редакторами этого издания (P. 323–347), а также в рецензии на последнее: Diamant S. Rev.: Bronze Age Migrations in the Aegean. Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973 // AJA. 1975. Vol. 79. P. 287–289. В данной связи также см.: Acta of the Second International Symposium on Aegean Prehistory: The First Arrival of the Indo-Europeans in Greece. Athens, 1972.

называемых курганами), которые обитали в землях к северу и западу от Черного моря ок. 3000–2500 гг. до н. э. «Курганные» народы мигрировали в бассейн Дуная, а ок. 2600 г. до н. э., в течение раннего бронзового века, двинулись на северо-запад Греции, неся с собой не только свои боевые топоры и конные повозки, но также и свой протогреческий язык. В период приблизительно между 2600 г. до н. э. и началом среднего бронзового века (ок. 1900 г. до н. э.) эти народы благоденствовали в Северо-Западной Греции (некоторые из них проникли вплоть до Сервии и Вергины), сохраняя племенные языки, ставшие основой ряда греческих диалектов. Воспоминания об этих далеких днях, возможно, сохранились в одном фрагменте Гесиода: «Бранелюбивому Эллину были, владыке, сынами Дор и Ксуф [отец Иона], а с ними еще и Эол конеборный»¹¹. Носители данных греческих диалектов заселили разные районы Греции в разное время в течение среднего бронзового века, а одна группа, «северо-западные» греки, создала свой собственный диалект и осела в Центральном Эпире. Они были родоначальниками молосских или эпирских племен. Согласно данной точке зрения, микенский период стал результатом прихода в Грецию говорящих по-гречески людей, уже пользовавшихся различными диалектами. Эти поселенцы обошли Центральную и Южную Македонию, проложив себе путь на юг через Западную Грецию.

Наиболее решительные возражения против традиционной теории, кратко изложенной выше, были высказаны Чэдвиком¹². Он доказывал, что нет сведений, показывающих, что греческий существовал как отдельный язык до того, как индоевропейцы закрепились в Греции. Язык, который мы называем греческим, развивался скорее как результат взаимодействия между индоевропейцами и местным населением со второй половины среднего и до конца позднего бронзового века.

Таким образом, вопрос о происхождении греков (если под словом «грески» подразумевать носителей греческого языка) до сих пор не разрешен. И продолжающаяся в данной связи дискуссия затрагивает как минимум один аспект македонской истории. Хэммонд заявляет, что «македоняне [были], как и молосская группа, боковой ветвью

¹¹ Hesiod. Cat. gyn., fr. 4 [пер. с др.-греч. О. П. Цыбенко. — М. X.]; также см.: Plut. Quaest. conviv., 747 f. Дополнительный комментарий см. ниже в Приложении В.

¹² К примеру, см.: Chadwick J. 1) The Prehistory of the Greek Language // САН³. 1975. Vol. II. Pt. 2. P. 812–819; 2) The Mycenaean World. Cambridge, 1976. P. 2–3. Перспективный анализ парадигм, используемых для установления связи между лингвистической наукой и археологическими данными, см.: Renfrew A. C. Archaeology and Language: The Puzzle of the Indo-European Origins. New York, 1988.

говорящих по-гречески народов в северной горной части Пиерии приблизительно в 1900–1600 гг. до н. э...»¹³ Географическая отсылка основана на фрагменте из Гесиода, повествующем о том, что дочерью Девкалиона Фией, «принявшей зачатие от радостногромного Зевса, двое сынов рождены: Македон конеборный с Магнетом, во Пиерийском краю обитавшие подле Олимпа»¹⁴. Средневековый комментатор этого фрагмента говорит, что Македония была названа в честь Македона, а в другом месте (Hdt., VII, 131) Пиерией называется регион «Македонских гор». Нет причин отрицать то, что сами древние ассоциировали район к северу от хребтов Пиерии и Олимпа с чем-то вроде «сердца» Македонии. Можно ли, однако, приписывать *греческие* черты этим ранним обитателям, неясно. Археологические данные скудны, лингвистическая теория вызывает споры, а попытки подвергнуть датировке ранние народные традиции всегда рискованны¹⁵.

Несомненным представляется то, что, каким бы ни был характер населения, обитавшего в Пиерийском регионе в бронзовом веке, оно не имело никакого отношения к микенской культуре, расцветшей на юге вскоре после 1600 г. до н. э. На территории собственно Македонии микенских находок мало, тогда как Фессалия была полностью микенской в начале позднего элладского периода (ок. 1570 г. до н. э.)¹⁶. Появление микенской керамики в прибрежных районах Термического залива относится приблизительно к 1350 г. до н. э., но признаков того, что микенцы селились там, нет. На протяжении следующих двух столетий микенская керамика продолжает появляться в восточных районах Центральной Македонии. И все же преобладают здесь местные,

¹³ Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 276.

¹⁴ Hesiod. Cat. gyn., fr. 3 [пер. с др.-греч. О. П. Цыбенко. — М. X.] ap. Const. Porphy. De Them., II, 48 b.

¹⁵ Литературные свидетельства о происхождении македонян собраны в трудах: Kallérís J. N. Les anciens Macédoniens: Étude linguistique et historique. T. I. Athens, 1954. P. 1–4; Daskalakis A. The Hellenism of the Ancient Macedonians. Thessaloniki, 1965. P. 11–12. Но пользоваться обоими этими трудами следует с осторожностью, ибо вопрос об эллинском происхождении македонян относится к тем, которые побуждают некоторых авторов писать *cum ira et studio* (см. ниже гл. 4 настоящего издания).

¹⁶ Хронология приводится по: Hankey V., Warren P. The Absolute Chronology of the Aegean Late Bronze Age // BICS. 1974. Vol. 21. P. 152. О находках керамики и других артефактов см.: Wardle K. A. The Northern Frontier of Mycenaean Greece // BICS. 1975. Vol. 22. P. 206–212; Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 290–300. Самое последнее подробное изложение вопроса о связях между Фессалией и Македонией в конце бронзового века см.: Feuer B. The Northern Mycenaean Border in Thessaly. Oxford, 1983. P. 85–87; разумеется, оно не учитывает открытие в 1985–1986 гг. микенского некрополя на перевале Петра (см. ниже; Archaeological Reports. 1986–1987. P. 34).

сделанные с помощью гончарного круга имитации. Область между долиной Аксия и Термическим заливом также показывает наличие местной региональной керамики, причем некоторые ее типы стилистически сходны с найденными в Болгарии и Румынии. Таким образом, территория у северной оконечности Термического залива и восточнее Аксия была культурно независима от микенского мира, хотя она и демонстрирует наличие контактов с ним.

В Юго-Западной Македонии, в частности в районе вокруг Козани, было найдено небольшое количество предметов, относящихся к позднему бронзовому веку. Они могли быть импортированы из Фессалии в долину среднего течения Галиакмона через перевал Волустана. Правда, малое число обнаруженных поселений и предметов наводит на мысль о том, что этим путем пользовались не очень интенсивно. Подобная картина, однако, может измениться. В ходе раскопок 1985–1986 гг. был открыт микенский некрополь в Айос Димитриос, высоко на перевале Петра, к северу от горы Олимп. Петра является важным связующим звеном между перевалом Волустана и Пиерийской прибрежной равниной близ Катерини и Диона. Не исключено, что это был путь, который использовал Ксеркс в 480 г. до н. э., чтобы обойти Темпейскую долину и появиться в Фессалии с той стороны Олимпа. Существование микенского поселения позднего бронзового века в Петре не только подтверждает значимость этого пункта как места, через который проходил древний путь, но и расширяет пределы микенского мира до границ Македонии.

Более того, если будет доказано, что микенцы продвинулись до перевала Волустана, то нельзя будет исключать того, что они прошли и дальше на север, возможно, в Западную Македонию, через идущие с севера на юг коридоры. Излишне говорить о том, что до сих пор нет археологического подтверждения проживания или оживленной торговли микенцев в Западной Македонии. Впрочем, систематическое изучение этой области начинается только сейчас.

Было ли поселение Айос Димитриос на перевале Петра изолированным аванпостом микенцев-фессалийцев или же предшественником других подобного рода общин, покажут дальнейшие исследования. К настоящему моменту нет доказательств существования микенских поселений вблизи Темпейской долины или вдоль прилегающей прибрежной равнины Пиерии. По всей видимости, основная связь микенцев с Центральной Македонией, где была найдена большая часть их керамики, осуществлялась по морю. Контакты между Центральной и Юго-Западной Македонией практически отсутствовали, ибо каждый

из этих районов, как мы видели, имел внешние связи с микенским миром — первый по морю, второй по земле. На Юго-Западную Македонию наибольшее влияние оказывали Эпир и Албания, что доказывается обнаруженными здесь керамикой и захоронениями курганного типа.

Таким образом, можно проследить три источника влияний на Македонию в период позднего бронзового века: влияние микенского мира, которое доказывается небольшим количеством импортированных из него товаров, найденных вдоль побережья и на границе с Фессалией (но в основном имитациями местного изготовления в восточных районах центра Македонии), влияние с Нижнего Дуная в долине Аксия и с запада (из региона Албании) в верхних горных областях. Большая часть Центральной и некоторые районы Верхней Македонии были заселены консервативными пеонийцами, народом не-греческого происхождения, который ранее мигрировал с востока. Сходство некоторых поселений позднего бронзового века в Центральной Македонии — в частности ряда независимых укрепленных цитаделей — с поселениями в Южной Греции отнюдь не означает связь между ними. В отсутствие дополнительных доказательств, объединяющих оба региона, мы должны придерживаться того мнения, что такого рода совпадения отражают похожие местные ответы на похожие местные запросы.

Около 1200 г. до н. э. группа жителей Центральной Европы, принадлежавших к лужицкой культуре, двинулась в Южные Балканы и Малую Азию. В Европе они заняли Центральную Албанию, Северный Эпир и ок. 1150 г. до н. э. большую часть Македонии западнее Аксия. Одни из них пришли вниз по Вардару-Аксию, другие — через Пелагонскую равнину. Этот народ — бриги — упоминается у Геродота (VII, 73): «По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними (σύνοικοι) в Европе, они назывались бригами. А после переселения в Азию они вместе с переменной местопребывания изменили и свое имя на фригийцев». Далее, говоря о расширении границ Македонии при Пердикке I и его братьях, Геродот (VIII, 138) пишет: «[Пердикка и его братья] прибыли в другую часть Македонии и поселились поблизости от так называемых Садов Мидаса, сына Гордия... За ними высится гора под названием Бермий, вершина которой недоступна из-за снега и холода»¹⁷. Итак, несмотря на чрезвычайно скудные археологические данные¹⁸ (особенно из местности, лежащей вдоль склонов горы Вермион),

¹⁷ [Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. — М. X.]

¹⁸ См.: Hammond N. G. L. 1) The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age // CAH³. 1975. Vol. II. Pt. 2. P. 707–712; 2) A History of Macedonia. Vol. I. P. 302–309; 3) Migrations and Invasions... P. 140. Относительно литературных свидетельств и воздействия бриго-

можно сделать вывод, что два потока представителей лужицкой культуры двинулись на юг в период позднего бронзового века, и одни из них заселили Геллеспонтскую Фригию, а другие — части Западной и Центральной Македонии. Свидетельства о конфликте между бригами и местным населением отсутствуют; бригаи описываются как *σύνοικοι* («живущие вместе» или «соседи») македонян.

Если считать, что уже вполне определенная группа «македонян» жила к тому моменту в районе Пиерийских гор (точка зрения Хэммонда), то тогда действительно вермионские бригаи и пиерийские македоняне являлись соседями. Но Геродот (VII, 73) отмечает, что он повторяет македонское предание, и трудно понять, имеется ли здесь в виду конкретная географическая или этническая связь, либо же слово «македонское» использовано лишь в самом общем смысле, так как бригаи жили во многих районах региона, позже ставшего землей македонян. В какой-то момент, ок. 800 г. до н. э., по крайней мере часть бригов покинула Македонию, отправившись на поиски новой родины в Малой Азии. Правда, нельзя сказать, сколько из них были просто вытеснены или ассимилированы македонянами. Когда македоняне со временем пришли на центральную равнину, народом, который они изгнали оттуда, были боттиейцы (Thuc., II, 99, 3), а не бригаи.

Немногие проблемы ранней истории Греции вызывали в последние годы такие острые споры, как «дорийское нашествие». Теория «дорийского нашествия», базирующаяся на сообщении Геродота (IX, 26) и на идущем за ним указании Фукидида (I, 12), в основном является выдумкой историков XIX в. и в действительности не подтверждена ни археологическими, ни лингвистическими данными. Большинство археологов и многие лингвисты отказались от взгляда, что говорившие по-гречески дорийцы разгромили микенские центры в конце бронзового века, в силу следующих причин:

1. Всегда было трудно понять, как народ, уступавший, по-видимому, и численностью, и уровнем технического развития, смог сокрушить мощные, хорошо организованные и отлично защищенные микенские дворцовые государства.

2. В позднемикенских слоях не найдено археологических свидетельств, оставленных пришельцами. Объясняя этот феномен, некоторые ученые либо предполагали, что в культурном отношении дорийцы были неотличимы от микенцев (но если это так, и свидетельств

фригийских традиций на поведение Александра Великого в Гордии в 333 г. до н. э.: *Fredricksmeyer E. A. Alexander, Midas and the Oracle at Gordium // CPh. 1961. Vol. 56. P. 160–68.*

нет, зачем тогда вообще говорить о дорийцах?), либо же считали, что дорийцы, уничтожив микенские центры, сразу ушли, не оставив от своего вторжения и следа.

3. Сокращение численности населения во многих частях Греции, происшедшее вслед за крахом микенской цивилизации, нельзя удовлетворительно объяснить — как это делал ряд исследователей — уходом беженцев в том направлении, *откуда появились захватчики*.

4. Археологические материалы, когда-то связывавшиеся с постмикенской дорийской культурой (к примеру, фибулы и мечи особого типа, погребения ящичного типа, кремация умерших), как теперь известно, были характерны и для более раннего времени, для поселений позднемикенского периода. Иначе говоря, культура поздних микенцев была эклектична и присущие ей общераспространенные образцы сосуществовали с особыми культурными предпочтениями той или иной общины.

5. Происхождение дорийского диалекта вовсе не обязательно должно быть результатом нашествия нового народа. Сложно, если вообще возможно, связывать изменения в материальной культуре с языковыми явлениями. Таким образом, напрасно искать среди археологических данных свидетельства происхождения греков и их диалектов. Лишь когда происходят крупномасштабные перемещения населения (что явно не относится к случаю с «дорийцами»), возможны значительные культурные и языковые изменения.

6. Истоки дорийского диалекта находятся где-то в самой Греции. Это либо разновидность микенского языка, пережившая «темные века», либо новый диалект, возникший в постмикенский период¹⁹.

Прежняя точка зрения, согласно которой микенская цивилизация была уничтожена ок. 1100 г. до н. э. вторжением новых групп людей,

¹⁹ Основные положения аргументации «ревизионистов», к примеру, см.: *Chadwick J.* Who Were the Dorians? // PP. 1976. T. 31. P. 103–117; *Ruiperez M. S.* The Mycenaean Dialects // Proceedings of the VIIIth Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies / ed. by J. Harmatta. Vol. II. Budapest, 1984. P. 461–467; *Renfrew A. C.* Problems in the General Correlation of Archaeological and Linguistic Strata in Prehistoric Greece: The Model of Autochthonous Origin // Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973. P. 263–276; *Snodgrass A. M.* Metal-work as Evidence for Immigration in the Late Bronze Age // Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973. P. 209–214; *Tritsch F. J.* The «Sackers of Cities» and the «Movement of Populations» // Bronze Age Migrations in the Aegean... P. 234–238; кроме того, полезный обзор новых трудов см.: *Betancourt Ph. P.* The End of the Greek Bronze Age // Antiquity. 1976. Vol. 50. P. 40–47 (с исчерпывающей библиографией).

говоривших на греческом языке — дорийцев, — почти полностью отброшена. При этом, однако, отнюдь не отрицается, что крушение микенской Греции было насильственным и длительным. Мало сомнений и в том, что некоторое время спустя произошли культурные и языковые перемены, модифицировавшие греческое общество. Вместе с тем установить связь между этими двумя событиями нельзя. Впрочем, проблема крушения микенской цивилизации находится вне нашего внимания в настоящий момент. Причины, вероятно, были различными и комплексными, и ни одна общая теория не в состоянии объяснить некоторые локальные и региональные проявления общего упадка²⁰.

Дорийцы «невидимы» для археологии. На севере Греции до сих пор найден один-единственный артефакт, который может быть с ними связан²¹. Хэммонд считал, что под давлением бригов говорившие на греческом языке обитатели северо-запада мигрировали на юг в конце XII в. до н. э., пролагая свой путь западнее Пинда, и со временем оказались в Центральной Греции и на Пелопоннесе. Никаких свидетельств этого так называемого дорийского нашествия в Центральной и Западной Македонии, а также в Северо-Восточной Фессалии нет²². Чэдвик высказал сомнения как по поводу пути, которым шла данная миграция, так и по поводу способности суровой горной местности на северо-западе Греции произвести достаточно народа для колонизации Южной Греции²³. Проблему еще более усложнило предположение Карпентера, что микенская цивилизация пала жертвой периодически повторяющихся, временных климатических изменений, которые привели к уменьшению выпадения осадков, причем особенно на Пелопоннесе. Возникшая засуха стала катастрофой для неустойчивой сельскохозяйственной экономики. Дворцовые центры были разрушены местными повстанцами, что определило общий распад социально-

²⁰ Теория внутреннего коллапса централизованных бюрократических институтов микенских государств может быть привлекательна (*Betancourt Ph. P. The End of the Greek Bronze Age. P. 45*), хотя такое предположение требует описания процесса с выяснением его причины.

²¹ *Wardle K. A. The Northern Frontier... P. 207*. При этом археолог, проводивший раскопки в Вергине, скептически относится к тому, что какие-либо материалы в слоях некрополя, относящихся к позднему бронзовому веку, являются «дорийскими»; см.: *Andronikos M. Excavations at Vergina // AM. 1970. T. I. P. 170–171*.

²² *Hammond N. G. L. 1) A History of Macedonia. Vol. I. P. 310, 405–407; 2) Migrations and Invasions... P. 140–149*.

²³ *Chadwick J. 1) The Prehistory of the Greek Language. P. 813; 2) The Mycenaean World. P. 3*.

экономической структуры общества. «Дорийское нашествие», не связанное с крахом микенской цивилизации, было в действительности возвращением на юг тех, кто, спасаясь от пелопоннесской засухи, мигрировал к расположенным на северо-западе горам два или три поколения ранее. Подобная теория Карпентера нашла как решительных противников, так и активных сторонников²⁴. Вместе с тем только самый точный палеоботанический анализ — если нужно, материалов одной долины за другой — мог бы дать подробную картину климата позднего бронзового века. Связь между местными поселениями и микроклиматом данных горных регионов могла бы послужить проверкой теории Карпентера на археологическом основании. Эту аналитическую полевую работу еще предстоит проделать.

Необходимость споров по таким фундаментальным методологическим вопросам, как выяснение того, что именно в археологических данных указывает на историческое событие или языковое явление, очевидна. Вместе с тем здравый смысл вынуждает признать, что причины, в силу которых развитая цивилизация Греции бронзового века превратилась в относительно отсталую культуру «темных веков», неясны. Ясно лишь то, что греческий язык сохранился в несколько измененных формах в культуре, которая сохраняла некую преемственность с прошлым. Археологические сведения о передвижении дорийцев отсутствуют, в основном гипотетичны и аргументы, основанные на народном предании о том, что родиной дорийцев изначально была Северо-Западная Греция. Но даже если бы это последнее и оказалось правдой, непонятна связь между изначальной родиной дорийцев и хорошо известным дорийским диалектом более позднего времени. Очевидно, что все «дорийские греки» классического периода не могли быть потомками малочисленных племен, обитавших в северо-западных горах Греции. То, что позже их называли дорийцами, подтверждает дорийское происхождение — в каком бы то ни было этническом смысле — не больше, чем традиция греков XIX в. именовать себя ромеями, а свою страну Румелией подтверждала то, что

²⁴ Положения этой теории были впервые высказаны в лекциях Карпентера, прочитанных в 1965 г.; см.: *Carpenter R. Discontinuity in Greek Civilization*. Cambridge, 1966. Критика: *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages*. London, 1972. P. 22–23; *Snodgrass A. M. Climatic Changes and the Fall of Mycenaean Civilization // BICS*. 1975. Vol. 22. P. 213–214. Теория Карпентера получила некоторую поддержку на основании климатологических данных в работе: *Bryson R. A., Lamb H. H., Donley D. L. Drought and the Decline of Mycenae // Antiquity*. 1974. Vol. 48. P. 46–50, 228–230, где делается вывод, что его мнение о климатических изменениях ок. 1200 г. до н. э. совпадает с данными науки. Дальнейшее обсуждение см.: *Betancourt Ph. P. The End of the Greek Bronze Age*. P. 41.

они являются наследниками римлян, несмотря на греческий язык и примесь славянской крови²⁵.

Есть еще один вопрос, который заслуживает внимания, а именно использование в микенской Греции двух существовавших одновременно диалектов — языка линейного письма Б, применявшегося для религиозных и административных целей, и устного протодорийского диалекта, на котором говорил простой народ. После катастрофы, уничтожившей микенские дворцовые центры, выход на авансцену исторического дорийского диалекта может быть объяснен не «дорийским нашествием», а, скорее, завершившимся успехом восстанием говоривших на этом диалекте жителей Южной Греции²⁶.

Впрочем, кажется, лучше всего соблюдать осторожность: вероятно, ок. 1100–1000 гг. до н. э., в эпоху всеобщей нестабильности, на территории Греции происходили передвижения говорящих по-гречески людей, но то, в какой степени они повлияли на появление новых диалектов и культурную трансформацию, остается на настоящий момент неясным. Современная наука отказалась от теорий миграции и рассеивания для объяснения изменений в культуре и обратилась к анализу внутренних культурных процессов.

Мы говорили здесь о дорийцах, так как они могли быть некоторым образом связаны с древнейшими македонянами. Геродот (I, 56) приводит рассказ о племени, от которого, как заявляли дорийцы классического времени, они вели свое происхождение. Люди этого племени были изгнаны кадмейцами с территории у подножия Оссы и Олимпа, называвшейся Гистиеотида, и поселились «у Пинда и назывались македнами». Позже племя переселилось в Дриопиду, расположенную в Центральной Греции, а оттуда на Пелопоннес, где приняло имя дорийцев, вероятно, от общего предка — Дора, сына Эллина. В другом пассаже (VIII, 43) Геродот подтверждает эту традицию: перечисляя союзников спартанцев, имевших общее происхождение, он называет их принадлежащими к «дорийскому и македонскому племени», пришедшему (в том числе) из Дриопиды. Временное пребывание дорийцев у подножия Пинда упоминает и Пиндар (Pyth., 1, 65). Дан-

²⁵ По поводу этого последнего, многострадального (славянского), вопроса см.: *Herrin J. Aspects of the Process of Hellenization in the Early Middle Ages // BSA. 1973. Vol. 68. P. 113–126.*

²⁶ Подобная точка зрения подробно описана в работах: *Hooker J. T. Mycenaean Greece. London; Boston, 1976. Ch. 7, особ. P. 163–180* (автор отчасти поддерживает тезис Карпентера, что восстание населения на местах привело к разрушению большинства микенских дворцов); *Chadwick J. Who Were the Dorians?*

ная традиция, по-видимому, описывает события, происходившие в период позднего бронзового века, где-то до 1000 г. до н. э., и имеет отношение к миграциям племени «протодорийцев»²⁷.

Обращает на себя внимание наименование Μακεδνόν, означающее «высокий», — указание на возвышенности Пинда, где обитали данные древние племена. Личное имя Македон, также упоминаемое в старинных преданиях, не имеет смысла²⁸. Как и другие этнические группы, македоняне позднее придумывали для себя мифических предков. Самым знаменитым среди них был Македон, которого описывали по-разному, — то как сына Зевса и Фии (дочери Девкалиона), то как сына Эола, сына Эллина и брата Дора, то как сына Эака, то как сына Ликаона, отца Пинда²⁹. Невозможно не отметить очевидные противоречия между этими различными традициями. И в самом деле, вероятно, ни у кого из этих предков нет исторической основы. Процесс этиологизации был широко распространен; к примеру, название Эмафия считалось произошедшим от имени Эмафий, сына Зевса и Электры, а Орестиды — от имени Орест, сына Агамемнона³⁰. Названия данных регионов и их жителей имеют географическое значение: Македония и Орестиды означают соответственно «возвышенность» и «гористая», а Эмафия — «песчаная». Таким образом, македоны могли быть «жителями возвышенности», или «горцами», а не «потомками Македона»³¹.

Итак, есть лишь два аргумента в пользу существования македонов на склонах Пиерийских гор в бронзовом веке. Первый — лингвистический, предполагающий, что македоны были боковой ветвью племен,

²⁷ Данное наименование я предпочитаю наименованию Хэммонда — «те, кто будет дорийцами» («Dorians-to-be»); в частности, см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 309, 453*. При всем том я по большей части придерживаюсь его взглядов на раннее происхождение дорийско-македонской связи (*Ibid. P. 309–311*); см. также: *Hammond N. G. L. The End of Mycenaean Civilization... P. 681–686*.

²⁸ Здесь я не согласен с Хэммондом: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 276, 430*.

²⁹ Свидетельства: *Lippold C. Makedon (1) // RE. 1928. Bd. 27. Sp. 636*.

³⁰ Свидетельства: *Lippold G. Makedon (2) // Ibid.; Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 310–311*. К наличию какой-то связи между Орестом и орестами Хэммонд относится скептически.

³¹ См., однако, интригующее предположение Андриотиса (*Andriotes N. P. History of the Name «Macedonia» // Balkan Studies. 1960. Vol. I. P. 143–144*), что наименование «македоны» указывает на физическую характеристику — высокий рост, подобно другим наименованиям: пигмеи («размером с кулак»), макрокефалы («длинноголовые») и т. д. (Отметим сделанную здесь автором некорректную ссылку [P. 144] на словарь «Суда», в котором нет статьи «Μακεδονία».) В порыве национальной гордости — и без каких-либо ссылок на источники — Даскалакис описывает македонов как «высоких и крепких» (*Daskalakis A. The Hellenism... P. 12*).

говоривших на греческом языке (см. выше). Но мы видели, что представление о том, что греческие диалекты были принесены в Грецию индоевропейцами, подверглось серьезным сомнениям. Кроме того, у нас все еще нет сведений о языках или этническом происхождении пиерийцев в период среднего и позднего бронзового века, неясны также и их связи с эпирскими северо-западными греками. Второй аргумент — генеалогический: упоминание Гесиода о Македоне, сыне Зевса, жившем близ Пиерии и Олимпа. Но легенды, представляющие собой продукт процесса создания мифических предков, сомнительны в качестве исторических доказательств как вообще, так и в конкретном случае, когда существуют разнообразные традиции о Македоне. Если же исключить и гипотетический лингвистический взгляд, и генеалогическую теорию, пиерийские македоны бронзового века исчезают³².

Остается обсудить прото-дорийскую/македонскую связь в районе Пинда и в среднем течении Галиакмона. Во времена Геродота существовала прочная традиция, связывавшая македонское племя с Пиндом и с прародителями дорийцев. Однако наши знания о языках, на которых говорили в этом регионе ок. 1100 г. до н. э., столь ограничены, что какое-либо суждение о том, что эта земля называлась Македония, а народ — македоны, не более чем предположение, основанное или на очень поздних источниках, или на гипотетическом восстановлении языковых форм бронзового века из известных слов классического периода³³.

Как тогда могли быть связаны дорийцы и македоняне? Если интерпретировать рассказ Геродота о протодорийцах, изгнанных кадмейцами, как отражение нестабильной ситуации, имевшей место в позднемикенский период (согласно традиции, кадмейцы также мигрировали на северо-запад), то у нас будет причина племенного передвижения в район Пинда. Карпентер полагал, что происходила общая миграция части микенцев в направлении северо-запада, в ту область Греции, где всегда были более обильные осадки, чем на юге. Со временем некоторые из них вернулись в центральные и южные земли Греции, говоря на том же базовом диалекте, который позже стал известен в качестве дорийского и на котором говорили на юге на протяжении позднего бронзового века, если Хукер и Чэдвик правы (см. выше). Языковых или археологических данных об этих мигра-

³² Разумеется, упоминание Геродотом (VII, 131) τὸ <...> οἶρος τὸ Μακεδονικὸν в Пиерии — важное историческое указание, и оно не имеет никакого отношения к доисторическому периоду.

³³ Как у Хэммонда: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 309–310.*

циях мало, ибо они совершались не чужестранцами, а скорее представляли собой временные перемещения безграмотных грекоговорящих людей в период беспорядков. Македоны оказались связаны с этими протодорийцами только потому, что некоторые из этой группы — те, кто должен был превратиться в древних исторических македонян — мигрировали позднее из района Пиндских гор и среднего течения Галиакмона в сторону Пиерии³⁴. В памяти сохранилась древняя связь между теми, кто потом стал македонянами, и теми, кто всрнулся на свои южные земли и стал дорийцами. Идея «возвращения» позже была воплощена в предании о возвращении Гераклидов. Можем заметить мимоходом, что одним из прародителей македонской царской семьи считался Темен, потомок Геракла, а Геракл был великим дорийским героем. Населившие потом прекрасные земли террас, возвышающихся над речкой Галиакмон в предгорьях Пиерии, были в конце концов названы македонами, т. е. «горцами», возможно, из-за их происхождения в высоких горах на западе и из-за их новой родины у подножия Пиерийских гор. Кульминацией этих событий стали обоснование и ранняя экспансия македонов вдоль края Эмафийской равнины в начале VII в. до н. э.

Подобное объяснение связи между дорийцами и македонянами, возможно, в большей степени является оригинальным, чем убедительным, неустойчиво основываясь на мифе и гипотезе. У нас нет достаточных лингвистических и археологических свидетельств, чтобы упрочить его. Но это объяснение представляет собой попытку примирить некоторые греческие предания классической поры с рядом современных направлений науки. Сказанное не означает, что македоняне имели дорийское происхождение, как пытаются доказать некоторые. Скорее предполагается, что предки исторических македонян и тех, кто позже был назван дорийцами, могли жить совместно вдоль склонов Пинда в бассейне среднего течения Галиакмона во время перехода от бронзового века к «темным векам».

Остается надеяться, что с доисторической эпохи македонян будет снята завеса, которой укрыли ее легенды и неведение. Одним из самых важных аспектов пробуждения нашего интереса к этому отдаленному периоду является признание того, что континентальные и балканские влияния на формирование культуры в Северной Греции были,

³⁴ Поскольку теперь подтверждено, что по перевалу Петра в древности проходил путь от перевала Волустана и среднего течения Галиакмона, то мы должны быть готовы согласиться с возможностью того, что он служил выходом на прибрежную равнину Пиерии.

по крайней мере не менее сильны, чем эгейское влияние. На протяжении более чем столетия в исследованиях по данному вопросу преобладала точка зрения тех, кто рассматривал развитие человечества в Греции в рамках концепции «Эгейское море как колыбель цивилизации». Однако теперь мы можем начать признавать важность Восточной Европы и Балкан в качестве источников новых всяний через миграции племен и развитие торговли.

Действительно, Македония и Фракия, кажется, были вполне развиты в неолитический период, может быть, даже более, чем Центральная и Южная Греция. Умеренный северный климат с его обильными осадками, леса, плодородные пахотные земли, минеральные богатства и доступ к основным сухопутным маршрутам способствовали возникновению и существованию здесь довольно прогрессивных доисторических поселений, тогда как большая часть территории Греции, в значительной степени изолированная на краю Балкан, была отсталым краем. Появление более передовых культур в материковой Греции в III–II тыс. до н. э. произошло потому, что технический прогресс в мореплавании позволил Южной Греции вступить в контакт с древними цивилизациями Восточного Средиземноморья. Греция, с трудом выбиравшаяся из стадий позднего неолита и раннего бронзового века, постепенно оказывалась под воздействием эгейских влияний, а также влияний Анатолии и Крита. В итоге греки бронзового века в условиях постоянной стимуляции, получаемой благодаря внешним контактам, достигли уровня развития, превосходившего уровень их северных материковых соседей, в сравнении с которыми они столь долго казались отсталыми.

Македония и ее жители, очевидно, не принадлежали к возникшей культуре микенского бронзового века, известной по поселениям в Центральной Греции и на Пелопоннесе. В то время как микенцы на юге развили общественную и экономическую систему, центрами которой были массивные укрепленные цитадели, необходимые для надзора и защиты скудных сельскохозяйственных ресурсов их округи, обитатели Македонии продолжали жить в разрозненных, не обнесенных стенами деревнях, довольствуясь — насколько нам известно — использованием на местном уровне богатых природных ресурсов своих гор и равнин. Они остались по большей части не затронутыми мощным влиянием той культуры, которая расцвела на греческом юге³⁵.

³⁵ Обзор греко-македонских связей в конце бронзового века см.: *Bouzek J. Macedonia and Thrace in the Early Bronze Age* // *AM*. 1986. Т. IV. Р. 123–124, где автор показывает,

Переходя от II к I тыс. до н. э., напомним себе о том, что многое из того, что известно о культуре народов, населявших Северную Грецию в те древние времена, основано на изучении погребальной утвари, и что погребения эти по большей части содержат предметы, принадлежавшие представителям правящего сословия³⁶. Большинство населения — в основном земледельцы и пастухи — оставили немного и почти невидимы для нас³⁷. За исключением нескольких раскопанных деревенских поселений, которые сами вызывают споры, о материальной культуре и этническом происхождении простых жителей остается только догадываться. По Хэммонду, они, вероятно, являлись потомками тех многочисленных народов, которые селились в Македонии на протяжении столетий, и можно полагать, что они были сильно смешанными этнически. Власть, однако, принадлежала обладателям коней и оружия, чьи прекрасные захоронения предоставляют нам незначительные свидетельства относительно постоянных перемен в правящем сословии древней Македонии. Остается также неразрешенной методологическая проблема: а указывают ли изменения, зафиксированные археологически, на приход в данный регион новых представителей правящего сословия или на перемены в этническом качестве всего населения?

Важность раннего железного века (ок. 1050–650 гг. до н. э.) для Македонии состоит в том, что, по-видимому, именно тогда сформировалась та базовая этническая общность, из которой произошли исторические македоняне и их соседи. Был раскопан ряд значимых мест, относящихся к раннему железному веку, из которых наиболее известна Вергина. Также раскопки проводились в Козани, в Эордее, в долине среднего течения Галиакмона, близ Диона, в Ассиросе

что как береговая, так и предгорная Пиерия находились под влиянием разнообразных греческих и не-греческих балканских традиций в субмикенский период и период раннего железного века. Боузеку, однако, не удалось провести адекватное разграничение того, что было в Македонии подлинно микенским, что импортированным, а что представляло собой имитацию микенской керамики, созданную на месте.

³⁶ Об этом см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 570*

³⁷ Современная археология, впрочем, начинает приподнимать завесу неведения в данной связи. Так, немецкие археологи в ходе раскопок поселения, существовавшего в бронзовом — железном веках в Кастанасе, в нижнем течении Аксия, обнаружили, что сельскохозяйственная продукция, производство которой здесь велось во II тыс., продолжала производиться и в I тыс. до н. э.: злаковые, инжир, вино, а также лен и мак (последние использовались для производства растительного масла). См.: *Kroll H. Bronze Age and Iron Age Agriculture in Kastanas, Macedonia // Plants and Ancient Man: Studies in Paleoethnobotany / ed. by W. van Zeist, W. A. Casparie. Rotterdam; Boston, 1984. P. 243–246.*

и в долине Нижнего Аксия³⁸. В ходе этих раскопок было обнаружено много материала, свидетельствующего о наличии постоянных внешних влияний, осуществлявшихся частично посредством торговли и обмена, но в основном посредством миграций. Некоторые поселения существовали непрерывно на протяжении позднего бронзового века и раннего железного века, что предполагает отсутствие тогда значительных разрушительных вторжений³⁹. Мы уже видели, что бриги обосновались в Западной и Центральной Македонии, от Пелагонии до Вергины, вдоль склонов горы Вермион и в долине Аксия ок. 1150 г. до н. э. Приблизительно к 1050 г. до н. э. они, как кажется, утратили свои земли к востоку от Аксия, но их влияние оставалось заметным в других районах примерно до 800 г. до н. э.⁴⁰ Бриги, с их крупными центрами в Эдессе и, возможно, Вергине, искусно обрабатывали металлы и вели активную торговлю вдоль пути, по которому позднее проходила Эгнатиева дорога, от Адриатики до Эгеиды. По неизвестным нам причинам бриги оставили свои балканские земли и мигрировали в Малую Азию, создав там могущественное Фригийское царство (Hdt., VII, 73). В период господства бригов другие народы продолжали жить среди них: к примеру, зорды, сохранившиеся как отдельная группа после ухода бригов; западно-греческие народы (родственные эпирским племенам) в Орестиде, Линкестиде и некоторых областях Пелагонии; фракийцы в прибрежной Пиерии; псонийцы к востоку от Аксия⁴¹. Представленная реконструкция

³⁸ Обзор находок из этих многочисленных мест см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Ch. 13* (со ссылками на археологические отчеты). В результате раскопок, проведенных в 1986 г. близ Диона, вдоль нижних пиерийских склонов горы Олимп, была открыта высокоразвитая культура железного века, о чем позволяют судить прекрасно изготовленные, импортированные и произведенные на месте керамика и металлические изделия. Я благодарен профессору Пандермалису, под руководством которого осуществлялись данные раскопки, за то, что он ознакомил меня с некоторыми еще не опубликованными материалами, относящимися к этому месту.

³⁹ Появляются все больше свидетельств, подтверждающих идею о преемственности между доисторической и исторической эпохами, к примеру, из раскопок близ Ассироса, в нескольких милях выше озер Коронья и Волви, проводившихся под руководством Уордла. См.: *Archaeological Reports. 1977–1978. P. 44–47; Wardle K. A. Assiros Toumba // Αρχαιολογικὸν Δελτίον. 1976. Т. 31. P. 251*; и более подробно: *Wardle K. A. Assiros: A Macedonian Settlement of the Late Bronze Age and Early Iron Age // AM. 1983. Т. III. P. 291–305*.

⁴⁰ Насколько глубоким было это влияние бригов — предмет некоторых разногласий ученых; см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 410, n. 2*.

⁴¹ По Хэммонду (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 407–419*). Правда, кое-что из этого — лишь гипотеза. Так, существует очень мало археологических свидетельств о псонийцах; основная информация о них происходит из ранней литературной традиции.

в основном создана путем умозаключений. Большею ясности можно ожидать после проведения раскопок богатых некрополей железного века, подобных тем, что открыты в Вергине и близ Диона.

В начале IX в. до н. э. на Балканах началась экспансия народов, происходивших из Центральной Югославии. Данная популяция известна под историческим названием «иллирийцы»⁴². За время своих перемещений, продолжавшихся приблизительно до 650 г. до н. э., хорошо вооруженные иллирийцы прошли по долине Вардара-Аксия, в значительной степени вытеснив псанийцев (некоторые из них утвердились в бассейне Стримона), заняли земли вдоль предгорий Эмафии и проникли не только в верхнемакедонские области, но и на территории к западу от Пинда до албанского побережья. Была ли эта иллирийская экспансия причиной или следствием ухода бригов из Македонии, можно только догадываться. Существует немало преданий, которые повествуют о сильной связи племен иллирийцев друг с другом, однако их влияние оказалось эфемерным. Этот народ воинов пришел и ушел, и лишь их захоронения говорят об их продвижении по Македонии. Со временем иллирийцы поселились вдоль адриатического побережья и в регионе северо-западнее Пинда, где они продолжали демонстрировать свою силу, угрожая сначала македонской, а затем римской гегемонии во внутренних районах Балкан и вдоль побережья Адриатики. Говоря же в целом, нужно отметить, что доисторический период и ранняя история иллирийцев до сих пор не написаны. Эта задача осложняется скудостью археологических данных, современными языковыми барьерами и конфликтующими притязаниями в западной части Балкан относительно родины иллирийцев⁴³.

Пришли в действие и другие силы. Греки, очнувшиеся от лстаргии «темных веков», постепенно начали отправлять путешественников и торговцев в чужеземные воды. Эта коммерческая активность поначалу не особенно ощущалась в Македонии: к примеру, в раскопках македонских поселений обнаружено очень мало привозной греческой прото-геометрической и геометрической керамики. Однако в середине VIII в. до н. э. некоторые греки проявили готовность к потенциальному освоению северных берегов Эгейского моря. Приблизительно

⁴² По Хэммонду (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 420–427*).

⁴³ К примеру, Стипчевич (*Stipčević A. The Illyrians: History and Culture. Park Ridge, 1977*) демонстрирует почти полное отсутствие знакомства с англоязычными исследованиями доисторического периода на Балканах. Все еще полезной в данной связи остается неопубликованная диссертация Делла: *Dell H. J. The Illyrian Frontier to 229 B. C. Diss., University of Wisconsin, 1963*.

к 730 г. до н. э. эретрийцы основали три колонии на побережье Термического залива: Мсфону на самом севере прибрежной Писрии, Диксю на противоположном берегу залива (возможно, на побережье Крусиды) и Менду на юго-западном берегу Кассандры (Паллены), западного зубца Халкидики. Подобно большинству греческих колоний, они, вероятно, были основаны как сельскохозяйственные поселения, но со временем торговля стала для них преобладающей: безусловно, торговля вином в случае с Мендой и, возможно, торговля пиерийской древесиной в случае с Мефой⁴⁴. Ок. 710 г. Халкида основала Торону, а ок. 700 г. до н. э. ахейцы — Скиону, обе на Халкидике. Мы пока не способны оценить степень воздействия этого греческого влияния VIII в. до н. э. на жителей Македонии. На данный момент представляется, что оно в основном ограничивалось районами, непосредственно прилегающими к новым колониям.

Фракийцы, возможно, проявляли активность в прибрежной Писрии с конца бронзового века приблизительно до 650 г. до н. э., и они, конечно, давно господствовали на землях восточнее Стримона. Фракийские племена извлекли выгоду от коллапса власти иллирийцев и молниеносных набегов киммерийцев с востока, чтобы продвинуться к западу от Стримона. Примерно к 650 г. до н. э. фракийское влияние было доминирующим в регионе восточнее Аксия (как показывают недавние раскопки в Синде). Здесь обосновался ряд известных племен: эдоны, мигдоны, ситоны, бистоны и одоманты. Некоторым пеонийцам, возможно, не являвшимся фракийцами, принадлежала власть в отдельных местностях, как в бассейне Стримона и в долине среднего течения Вардара. Западнее Аксия центральная равнина Македонии была занята боттийцами (неясного происхождения)⁴⁵ и, видимо, этнически смешанным населением, оставшимся после длительного заселения бригами предгорий Вермиона. Такова была ситуация накануне появления македонов в середине VII в. до н. э.

⁴⁴ Тот факт, что сохранившиеся в поздних источниках весьма древние легенды об основании Мефоны и Дикен помещают их во «Фракию», подтверждает точку зрения, что эти территории не были под контролем македонян; свидетельства см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 425–426.*

⁴⁵ Хэммонд (следуя за ненадежным рассказом Страбона) считает, что боттийцы были минойско-критского происхождения (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 153, 368, 393–94 ff.*; равно и в других работах), но это предположение я не нахожу убедительным.

Глава 4

КЕМ БЫЛИ МАКЕДОНЫНЕ?

Нашему пониманию появления македонян как народа с определенной идентичностью препятствует ряд факторов. На данный момент существует очень мало археологических данных, относящихся к железному веку — ранней архаике, для Центральной Македонии, и интерпретация того немногочисленного материала, который имеется, основана на ряде дискуссионных предположений. Так, чтобы определить дату и маршрут македонского вторжения в Пиерию и Эмафию, следует идентифицировать предметы или способ захоронения, которые являлись, безусловно, «македонскими», т. е. отличными от артефактов, оставленных немакедонским местным населением. Мы полностью зависим от погребальной утвари, ибо до сих пор, по сути дела, не было открыто ни одного поселения. Недавние ревизионистские тенденции в анализе археологических данных позднего бронзового века, а также «дорийского нашествия» поучительны: теперь мы, наверное, должны не так легко делать поспешные выводы из статистически незначительных и небольших по количеству материалов находок. Кроме того, македоняне позднего классического и раннего эллинистического периодов оказались столь эклектичными в области материальной культуры (как и многие греки позднего бронзового века), что нужно быть весьма осторожным, определяя, что является собственнo «македонским» для любого периода.

Есть соблазн, к примеру, проникнуться оптимизмом в связи с открытием в 1986 г. богатого некрополя бронзового века, расположенного на нижних склонах Олимпа близ Диона. Некрополь находится недалеко от того места, где перевал Петра выходит на прибрежную равнину Писрии. Поскольку через него — как теперь установлено благодаря недавним раскопкам тамошнего позднесмикенского поселения (см. выше) — проходил путь, известный уже ок. 1200 до н. э., перевал оказывается подходящим кандидатом для пути, который использовали македоняне в своей миграции с западных гор в Пиерию.

Однако надо быть осторожным в выводах, поскольку, пока материал с некрополя железного века не исследован, не опубликован и не сопоставлен с материалами из поселений того же периода, таких как поселение в Вергине, можно делать только самые осторожные предположения о времени и последовательности появления македонских поселений в данном регионе в этот ранний период.

Литературные свидетельства — как фрагментарная «мифологическая» традиция, так и рассказы античных историков — дают мало информации и не прибавляют ясности. Фактически есть две различные ветви этой ранней традиции. Одна сообщает о миграции и обосновании македонян на новом месте как этнической группы. Но выше мы уже отмечали сложность подкрепления гипотезы о таком перемещении археологически из-за малого количества открытых поселений железного века. И если народные предания о ранней македонской миграции непродуктивны, то археологических свидетельств нет вообще, ибо те, кто в историческую эпоху стал македонянами, фактически ничем, как до них дорийцы, не отличались от окружающего населения. Другая ветвь литературной традиции описывает греческое происхождение македонского правящего дома. Переселение в регион чужеземной царской семьи, вероятно, не оставило бы археологических данных. Так что мы напрасно стали бы искать археологическое подтверждение происхождения царской семьи и, возможно, даже самого македонского народа.

Приводимая нами ниже реконструкция крайне умозрительна, и читателю рекомендуется быть здесь осторожным. Поскольку археологические данные скудны, настоящее изложение ранней македонской истории основано на весьма критическом анализе литературной традиции. Мы уже видели (см. выше), что «македоны», или «горцы», Западной Македонии могли вести свое происхождение от северо-западных греческих племен. Иными словами, Северо-Западная Греция дала общность индоевропейцев, говоривших на прото-греческом языке, из которых происходили племена, известные под разными именами в дальнейшем, когда они обрели свою региональную идентичность в различных частях страны. Таким образом, македоняне могли быть родственны тем народам, которые ранее мигрировали на юг, чтобы стать историческими дорийцами, и другим племенам, жившим у Пинда, которые были предками эпиротов или молоссов. Если было бы известно, что македонский язык — диалект греческого, подобно диалектам, на которых говорили дорийцы и молоссы, у нас были бы гораздо более надежные основания для этой гипотезы.

Но, как мы увидим, вопрос об идентификации македонского языка далек от решения. Так что одна из возможных связей между македонянами и другими греческими племенами остается неопределенной, хотя, учитывая природу свидетельств, сомнительно, что такая связь может быть когда-нибудь решительным образом доказана или опровергнута.

Около 700 г. до н. э. некая группа покинула восточный водораздел Пинда, оставив то, что могло быть ее домом в верхнем и среднем бассейне Галиакмона, чтобы обосноваться на прибрежной равнине Пиерии и подножии Пиерийских гор у центральной (Эмафийской) равнины. Маршрут данной миграции нельзя определить. Эта группа могла пройти какое-то расстояние по самой долине Галиакмона в ее средней части. Но как раз перед выходом на Эмафийскую равнину между Верией и Вергиной река протекает сквозь крутые теснины¹. Для того чтобы достичь Центральной Македонии из района среднего Галиакмона, надо пройти по горной местности, следуя путем, лежащим на левом берегу реки, где в наши дни пролегает шоссе, идущее вдоль ущелья Галиакмона, а затем круто спускающееся к Верии. Хотя археологические свидетельства, доказывающие, что этот путь широко использовался в древнейшие времена, отсутствуют, важность Верии могла бы быть объяснима, помимо прочего, ее местом в качестве конечного пункта данного сухопутного пути, а также ее местоположением, господствующим над переправой через Галиакмон².

С другой стороны, Галиакмон можно пересечь недалеко от нынешней Сербии и пройти через перевал Волустана, ведущий в Фессалию. У гребня перевала путь отклоняется на северо-восток, следует через перевал Петра, разделяющий Олимп и Пиерийские горы, и затем постепенно спускается в прибрежную Пиерию. Оба пути — и вдоль Галиакмона, и через перевал Петра — дают доступ к достаточно обильным пастбищам на близлежащих горных лугах. Оба — возможные маршруты для проникновения македонов в Пиерию/Эмафию. Но путь через перевал Петра более привлекателен: имеются археологические свидетельства того, что перевал использовался в древнейшие времена; кроме того, существует поселение железного века на прибрежной равнине у входа в перевал, примерно на том же расстоянии от Петры, на котором поселение железного века в Вергине

¹ Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Oxford, 1972. Vol. I. P. 439, n. 2.

² Ценное описание горного пути, идущего вдоль над ущельем Галиакмона, см.: Ibid. P. 158–159.

находятся от пути, идущем вдоль Галиакмона. К тому же рассказ Фукидида (II, 99) о распространении власти древних македонян мог бы быть истолкован как свидетельство их движения из Пиерии на север и запад³. Если признать, что прибрежная Пиерия ниже перевала Петра была исходной точкой македонской экспансии, то географические особенности местности (большая часть Эмафийской равнины тогда еще являлась морским заливом или была заболочена) как раз диктовали движение на север по равнине и затем на запад и снова на север вдоль ее предгорий. Но если рассказ Фукидида отвергнуть на хронологическом и географическом основании, остается еще путь вдоль Галиакмона, который также является подходящим. Это означает, что македоны появились в низинах где-то в районе Верии и стали расселяться на восток вдоль Пиерийских предгорий — по пути основав город Эги — в сторону Пиерийской прибрежной равнины, а также на север вдоль склонов горы Вермион. Очевидно, что ясность в данном вопросе невозможна до тех пор, пока не появятся более полные археологические данные.

Остается только гадать, что было причиной этой миграции. Вполне возможно, что такой причиной было перенаселение, вызвавшее движение горного народа в поисках лучших пастбищ или оседлого места жительства. Этот процесс — хорошо известный на Балканах — является частью перехода от образа жизни, основанного на скотоводстве и охоте (которые могли прокормить довольно небольшое количество людей на ограниченной территории с постоянными ресурсами), к поиску более обширных и лучших земель и последующему обращению к занятию земледелием. Фактически любая умеренно плодородная местность при культивации может прокормить больше населения, чем такая же местность, на которой население занимается только скотоводством и охотой. Эти мигранты были «македонами», или «горцами», и тех, кто пришел — неважно, каким путем, — в низины, нужно отличать от македонов, оставшихся в горных районах под именем Аргеадов, «потомков Аргея»⁴. В своих пиерийских поселениях они имели доступ как к плодородным землям в долинах,

³ Хэммонд предлагает оригинальное толкование этого пассажа из сочинения Фукидида (Ibid. P. 436–438), не вполне убедительное, но достойное внимания читателя.

⁴ Здесь мы следуем за Эдсоном (*Edson Ch. F. Early Macedonia* // AM. 1970. T. I. P. 20–21), Хэммондом (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 309–311, 431–432; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 24–29* [в последнем случае речь идет об Аргеадах, а не о Теменидах]) и Энсоном (*Anson E. M. The Meaning of the Term Makedones* // AW. 1984. Vol. 10. P. 67–68), который

так и к пастбищам и дичи в горах. Эта подходящая окружающая обстановка, как мы можем заключить, обеспечила македонам процветание и со временем — под управлением их царей — распространение их власти на всю Центральную Македонию.

МАКЕДОНСКИЙ ЦАРСКИЙ ДОМ

Происхождение македонской царской династии примерно так же темно, как и происхождение македонского народа. В античности была стойкая, хорошо засвидетельствованная традиция, говорившая о группе греков из Аргоса — потомков Темена, родственника Геракла, — которые пришли в Македонию и установили свое правление над македонами, объединив их и основав царский дом. Цари этой династии определяли судьбы Македонии вплоть до конца IV в. до н. э. Нет сомнения, что эта традиция о появившемся извне греческом царском доме была широко распространена среди македонян. Вероятно, от них Геродот во время своего путешествия в Македонию ок. 460 г. до н. э. услышал данный рассказ, который и передан в его «Истории» (VIII, 137–139). Это самая ранняя полная версия аргивского происхождения македонского царского дома, и она представлена у Геродота как отступление, объясняющее проафинскую позицию македонского царя Александра I во время Грско-персидских войн⁵. Вот парафраз данного рассказа.

Александр был потомком Пердикки в седьмом колене. Этот Пердикка вместе со своими братьями Гаваном и Аэропом — все являлись потомками Темена — были изгнаны из Аргоса. Они провели какое-то время в Иллирии, а оттуда перебрались в Верхнюю (ἄνω) Македонию, в город Лебею (?), где были в услужении, выполняя черную работу в доме тамошнего правителя. Когда они приготовились покинуть его дом, правитель отказал им в заработанной ими плате, предложив только солнечный свет, проникавший в дом через дымовое отверстие. Пердикка принял это предложение и, очертив ножом на полу круг солнечного света, зачерпнул его себе за пазуху. (Интересно, не вдохновила ли эта история македонян на то, чтобы принять солнце с лучами [или звезду] в качестве национального символа?) Три брата

(в отличие от Хэммонда) доказывает, что слово «македоны» имело как территориальное, так и этническое — но не юридическое — значение в доэллинистический период.

⁵ Подробнее: *Borza E. N. Athenians, Macedonians, and the Origins of the Macedonian Royal House // Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to E. Vanderpool. Princeton, 1982. P. 7–13; несколько модифицированную версию см. ниже.*

продолжили свой путь, преследуемые людьми правителя. Темениды пересекли реку, которая после этого разлилась так, что остановила их преследователей. Братья пришли «в другую часть Македонии», где поселились около садов Мидаса, сына Гордия, над которыми высится гора Вермион. Овладев данной местностью, они затем покорили и остальную Македонию. Далее в рассказе дается родословная царствовавших отцов и сыновей: Пердикка, Аргей, Филипп, Аэроп, Алкета, Аминта и Александр. Согласно Геродоту, именно таким образом потомки аргивянина Темена из рода Геракла захватили власть над Македонией.

Было бы опрометчиво настаивать на историчности данного рассказа. Аргивский контекст вызывает сомнения, ибо в V в. до н. э. было модно связывать почтенный Аргос со всевозможными мифологическими и героическими деяниями⁶. Кроме того, большая часть рассказа передана Геродотом без какого-либо критического осмысления, как если бы он, не рассуждая, повторял то, что слышал. Некоторые географические детали представляются достоверными: упоминание Иллирии и Верхней (ἄνω) Македонии⁷, возможно, река — это Галиакмон, а упоминающийся сад Мидаса под горой Вермион мог быть богатым растительностью районом возле Миезы (современный Копанос/Лефкадия, ниже Наусы)⁸. Вместе с тем Геродот нигде конкретно не говорит о том, что эти Темениды установили свою власть над *македонами*, а лишь о том, что они явились, чтобы заявить свои права на *Македонию*; однако подобный географический термин вовсе не обязательно означает землю македонян в ранний период. Этот царский дом впоследствии действительно стал правящей династией македонян, но так как мы не можем датировать ни правление Пердикки, ни начало экспансии македонов, то из сооб-

⁶ У Эсхила (Suppl., 249–259) Аргос периода «темных веков» правил всеми землями вплоть до реки Стримон; этот трагик делает Аргос и местом действия «Орестен». О склонности в классическую эпоху «раздувать» значение древнего Аргоса см.: Kelly T. A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis, 1976. P. 43–46, 84–86, 105–106, с чьими выводами я полностью согласен. Аргос был не только освещенным веками, но и политически полезным для писателей и государственных деятелей V в. до н. э.; см. ниже.

⁷ Согласуется с Hdt., VII, 173, где Геродот сохраняет различие между Нижней (κάτω) Македонией, имея здесь в виду прибрежную равнину Писрии, и Верхней (ἄνω) Македонией, подразумевая под ней холмистую местность Перребии на западе.

⁸ Упоминания Мидаса и Гордия являются воспоминанием о связи этого региона с фригийцами. См.: Fredricksmeyer E. A. Alexander, Midas and the Oracle at Gordium // CPh. 1961. Vol. 56. P. 160–168; Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 410–413.

щения Геродота нельзя узнать, когда и каким образом данная греческая семья начала править македонянами.

Следующее затруднение — географическая несостыковка между связью Пердикки с горой Вермион и возможностью того, что македоны вначале обосновались в прибрежной Пиерии. Можно предположить — и это только гипотеза, не основанная на античных свидетельствах, — что движение пиерийских македонов на запад в конце концов достигло подножия Вермиона близ Верии или Мисзы и что там они попали под некую власть в результате событий, о которых у нас нет надежды узнать. Если это так, то, стало быть, македоняне начали свою экспансию вдоль Пиерийских предгорий раньше, чем над ними было установлено господство Аргеадов. Но если македоны спустились в низины со стороны Галиакмона, а не со стороны Пиерии, то тогда их миграция на центральную равнину возле Верии может быть частью тех же событий, в результате которых в этом самом регионе появился царский дом. Однако в случае принятия данной версии остается неясным, почему со временем центром царской власти стали Эги, которые расположены примерно на полпути между Мисзой (садами Мидаса) и прибрежной Пиерией.

Понятно, что анализ нашего самого раннего — и единственного — источника не может дать связной и удовлетворительной последовательности событий. Я считаю, что упоминание горы Вермион имеет некоторое реальное основание (это засвидетельствовано указанием на ее связь с фригийцами) и что семья, происходящая из окрестностей данной горы, стала играть среди македонов главенствующую роль. Вместе с тем, по моему мнению, аргивский контекст легендарен и, возможно, является частью пропаганды V в. до н. э. (как будет показано в следующей главе). Отрицание подобных легенд и приписывание их древней македонской пропаганде может показаться минимализмом. Но, учитывая исторические условия, в которых такого рода рассказы рождались, а затем приукрашивались, отказ от мифа представляется разумным. Темениды в Македонии — изображение самих македонян, направленное отчасти на то, чтобы придать правдивость притязаниям Александра I на его греческое происхождение, связанное и модифицирующее некие полузабытые предания, которые уже давно бытовали у македонского народа относительно его собственных корней. Эта измененная версия была передана Геродотом без критики или комментария. Фукидид (II, 99, 3; V, 80, 2) взял историю об аргивской родословной царского дома либо у Геродота, либо из источников, подвергшихся македонскому влиянию,

и привел ее. Его версия — не независимая⁹. Нововведение V в. до н. э. — имеющий македонское происхождение рассказ об аргивских корнях дома Аргеадов, рассказ, который, вероятно, может быть возведен к его источнику — Александру I (см. ниже)¹⁰. Темениды должны исчезнуть из истории — всякий спор о них как о реальных личностях излишен. Ниже македонский царский род мы будем называть Аргеадами.

Миф о начале македонского царского дома позднее был приукрашен другими добавлениями. В последнее десятилетие V в. до н. э. в Македонию прибыл Эврипид, чтобы поселиться при дворе царя Архелая. В связи с этим легенда о происхождении македонских монархов вступила в новую стадию развития. Трагедия «Архелай», которой Эврипид прославлял своего покровителя, внесла перемены в базовое предание, поставив на место Пердикки Архелая как потомка Темена, бесспорно, к удовольствию царственного патрона этого трагика¹¹. В данной истории появился Дельфийский оракул, и рассказ об основателе царского дома был расширен введением в него Карана (дорийское слово, означающее «глава» или «правитель»). В начале IV в. до н. э., в ходе соперничества трех ветвей рода Аргеадов после смерти царя Архелая в 399 г. до н. э., были придуманы новые древнейшие цари — еще один пример македонского пристрастия к переписыванию истории в угоду насущной политической необходимости¹². Данный рассказ продолжал передаваться от одного местного македонского историка к другому на протяжении IV в. до н. э., и к римской эпохе был широко известен в ряде версий¹³. Ничто, появившееся здесь

⁹ Нет серьезных свидетельств (см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 4*) в пользу того, что Фукидид когда-либо посещал Македонию. Впрочем, это не имеет значения: в труде Фукидида отражена официальная версия событий.

¹⁰ Имеется огромная по объему литература по данному вопросу. Два защитника связи Аргоса и Македонии — Хэммонд (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Ch. 1*) и Даскалакис (*Daskalakis A. The Hellenism of the Ancient Macedonians. Thessaloniki, 1965. Pt. 3*), которые оба поддерживают идею о происхождении македонского царского дома от Теменидов.

¹¹ Подробное обсуждение: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 5–14*. Отличный анализ развития мифов об основателях см.: *Harder A. Euripides' Kresphontes and Archelaos. Leiden, 1985. P. 131–137*, где допускается возможность того, что Эврипид написал также трагедию «Темен» или «Темениды». Кроме того, см. ниже.

¹² См.: *Greenwalt W. S. The Introduction of Caranus into the Argead King List // GRBS. 1985. Vol. 26. P. 43–49*.

¹³ В частности, см.: *Diod., VII, 16; Euseb. Chron., I, 277; Clem. Alex. Protr., II, 11; Just., VII, 1, 7–12*. Все цитаты: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 7–14, 31–39* (в последнем случае особенно ценное обсуждение вопроса). Одна совре-

в этот поздний период, не может быть возведено ко времени более раннему, нежели время исправления Эврипидом геродотовской традиции. Упоминание того, что Александр I или один из его предшественников получили в Дельфах оракул, констатирующий македонскую связь с Аргосом, не находит подтверждений¹⁴. Если бы такой оракул существовал, мы могли бы не сомневаться, что Александр, желая подтвердить свое греческое происхождение, использовал бы его, и что Геродот, испытывавший страсть к оракулам, сообщил бы о нем. Но, в конце концов, важно не то, основали ли греки из Аргоса македонскую царскую династию, а то, что, по крайней мере некоторые, македонские цари хотели, чтобы это было так.

Тем, кто по каким-то причинам стремится приписать македонянам греческое происхождение, не нужно делать это, перенимая пропаганду древних македонских царей. Сами македоняне могли происходить из той же общности, что и другие греческие народы. Тот факт, что цари Македонии V в. до н. э. находили желательным связать себя с южными греками, приняв для себя аргивскую родословную, ничуть не меняет картины — это лишь позволяет предположить, что македоняне V в. до н. э. были менее уверены в своем греческом происхождении, чем некоторые современные авторы.

Нет оснований отрицать собственную традицию македонян об их древних царях и миграции македонов. Мы уже высказывали предположение, что одна ветвь этих горцев, Аргеады, могла мигрировать из бассейна Галиакмона в предгорья Северной Писрии¹⁵. Время этой миграции установить невозможно. Но если допустить, что царская родословная восходит к Александру I, и признать, что Аргеады правили Центральной Македонией после исчезновения бригов и иллирийцев, то у нас получится дата ок. 650 г. до н. э. или чуть раньше¹⁶. В геродотовской традиции о трех братьях могут быть отражены патронимы трех племен или клановых групп; здесь приходят на память спартанские Агиады и Эврипontiды. Имеющиеся свидетельства недостаточны для проведения подробного анализа,

менная компиляция античных свидетельств содержит список царей до Пердикки, состоящий из тринадцати имен, начиная с Геракла. Это лишь не намного меньше, чем число исторических царей от Пердикки до Александра Великого! См.: Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos. Athens, 1980. P. 18.

¹⁴ Обстоятельно доказывается в работе: *Borza E. N. Athenians...* P. 12.

¹⁵ В вопросе о македонянах-Аргеадах (но не в вопросе о Теменидах) я следую за Хэмондом (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 226–231*).

¹⁶ Подробнее: *Ibid.* P. 4, n. 2.

однако не исключено, что этот рассказ указывает на установление правления Гавана в Элимее, Аэропа в Линкестиде (где впоследствии встречается такое царское имя) и, конечно, Пердикки в Центральной Македонии. Итак, согласно данной гипотезе, по крайней мере три родственные группы македонов могли возводить свою генеалогию и родство к миграции VII в. до н. э., причем об аргсадском происхождении лучше всего помнили в доме Пердикки¹⁷. Базовая история в том виде, в котором она рассказана Геродотом и Фукидидом, за вычетом интерполяции в связи с Теменидами, несомненно, отражает собственную традицию македонян об их ранней истории.

МАКЕДОНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Нет никаких оснований считать, что экспансия македонов в Центральной Македонии была мирной. Ни Геродот, ни Фукидид не оставляют сомнений в том, что македоны (далее — македоняне) обосновались в этом регионе насильственным образом. Каким бы путем ни пришли они с гор на запад, на центральную равнину и прилегающее к ней предгорье, придя, они основали укрепленное поселение в Эгах (совр. Вергина). Из Эг македоняне распространили свою власть на восток, вдоль Пиерийского предгорья до северной границы плодородной Пиерийской равнины ниже горы Олимп. Из этой области были изгнаны пиерийцы, фракийский народ, которые затем поселились в Восточной Македонии близ горы Пангей. К западу от Эг, по ту сторону Галиакмона, лежат плодородные, хорошо орошаемые склоны горы Вермион, простирающиеся от Верии до Эдессы. Они были также заселены македонянами. Это единственный регион, специально упомянутый в данной связи Геродотом.

Обратимся теперь к рассказу Фукидида (II, 99): «Ведь к македонянам принадлежат и линкестийцы, и элимиоты, и другие племена внутри материка, которые находятся в военном союзе с ними и им подчинены, хотя каждое племя имеет своего царя. Нынешней приморской Македонией первыми овладели Александр [I], отец Пердикки [II], и предки его Темениды, вышедшие в древности из Аргоса; они воцарились там после того, как одолели в сражении пиерийцев и изгнали их из Пиерии; пиерийцы поселились потом в Фагрете и других местах у подножья Пангея по ту сторону Стримона (и теперь еще береговая полоса у подножья Пангея, обращенная к морю, назы-

¹⁷ Фукидид относит линкестийцев и элимиотов к македонянам (II, 99, 2; IV, 83, 1).

вастью Пиерийским заливом). Из области, именуемой Боттией, они изгнали боттиейцев, которые живут теперь на границе с халкидянами. В Псони македоняне овладели узкой полосой земли, идущей вдоль реки Аксия из глубины материка до Пеллы и моря; по ту сторону Аксия они владеют областью до Стримона, называемой Мигдонией, откуда они изгнали эдонов. Из области, ныне называемой Эордеей, македоняне изгнали эордов, большая часть которых погибла, и лишь немногие из них поселились в окрестностях Фиски. Из Алмопии они изгнали алмопов. Македоняне покорили своей власти и остальные племена, которыми правят и по настоящее еще время; они овладели Антемом, Грестонией [Крестонией], Бисалтией и большей частью собственно македонской территории. Все эти земли вместе зовутся Македонией; царем македонян был Пердикка, сын Александра, когда шел на них войной Ситалк»¹⁸.

Возможно, рассказ Фукидида об этой ранней экспансии — а наше знание о ней в основном зависит от данного рассказа — не является изложением событий в их хронологической последовательности. Скорее, это построенное по географическому принципу описание Македонского царства во время вторжения фракийского царя Ситалка в 429 г. до н. э. Как мы уже видели, трудно установить, что было заселено раньше — прибрежная Пиерия или предгорье Вермиона. И все же, как представляется, предпочтительнее следовать в данной связи Геродоту, как потому, что он, по-видимому, почерпнул свой рассказ непосредственно из македонских источников, так и потому, что завоевание предгорий Вермиона, которые находятся поблизости и легкодоступны, кажется более естественным следствием обоснования македонян близ Вергины, чем завоевание ими тогда пиерийской прибрежной равнины, для чего им пришлось бы совершить географически неудобный путь вокруг Северной Пиерии¹⁹. Кроме того, ничто не говорит о том, что указание Фукидида на захват македонянами Пиерии относится непременно к ее прибрежной части, а не к ее

¹⁸ [Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского (с некоторыми нашими изменениями). — М. X.]

¹⁹ Иначе у Эдсона (*Edson Ch. F. Early Macedonia*. P. 21), который, как кажется, считает рассказ Фукидида хронологически последовательным. См. также: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia*. Vol. I. P. 434. Впрочем, Хэммонд пересмотрел свой взгляд (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. P. 30), возможно, не только под влиянием осуществленного им детального анализа соответствующего рассказа Фукидида (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia*. Vol. I. P. 235–238), но и из-за признания им того, что прежде неизвестное местонахождение македонского центра в Эгах теперь помещается в современной Вергине.

предгорьям, возвышающимся над центральной равниной. Некоторое подтверждение для этого содержится у Фукидида, когда он сообщает (II, 100, 4), что Ситалк не пошел дальше Пеллы «в Боттисию и Писерию». Едва ли Ситалк (или кто-то еще) направился бы на юг напрямую по воде из Пеллы к прибрежной Пиерии. Но если идти по естественному сухопутному пути на запад от Пеллы вокруг заболоченной местности в центре, в конце концов окажешься в Северной Пиерии, миновав Боттисию и гору Вермион. Сказать точнее о различии, которое Фукидид мог делать между прибрежной Пиерией и пиерийским предгорьем, являвшимся, видимо, сердцем Македонии, нельзя. Итак, мы не в состоянии определить, когда прибрежная равнина Писрии попала в руки македонян²⁰.

Если мы признаем, что описание Фукидидом событий хронологически непоследовательно, можно перейти на почву, которая даст больший смысл топографически. Когда бы македоняне ни заселили прибрежную Писерию, они обосновались в предгорьях Вермиона и со временем заняли опорный пункт древних бригов в Эдессе. Стратегическая важность этого пункта состояла в том, что он контролировал местность, где путь, проходивший через горы на западе, вступал на Эмафийскую равнину. Получив контроль над холмами, граничащими с центральной равниной, македоняне начали укреплять свои позиции и захватывать все новые земли. Они заняли северную часть этой равнины — древнюю Боттисию, которая простиралась к востоку до долины Аксия, а также окруженную горами плодородную равнину Алмопии к северу от Эдессы. Таким образом, экспансия македонян была нацелена на то, чтобы обеспечить за ними плодородные С-образные предгорья, возвышавшиеся над заболоченной центральной равниной, и установить контроль за основными путями, которые вели к ней: с запада в Эдессе, с юго-запада в Верии, с юга в Писрийской прибрежной равнине. К тому же были захвачены две соседних области: прибрежная Пиерия у подножия Олимпа и Алмопия. Это раннее царство Аргеадов возникло как единое географическое целое, открытое только с востока, со стороны реки Аксий, — регион, которому в дальнейшем было предопределено побуждать македонские интересы в соответствующем направлении.

Из рассказа Фукидида ясно, что этот первый этап македонской экспансии был отмечен истреблением и вытеснением жителей: пис-

²⁰ Дополнительное обсуждение вопроса см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 153–154.*

рийцы переселились в бассейн Нижнего Стримона, боттисейцы — в область вокруг Олинфа на Халкидике, зорды — в Фиску в Мигдонии, судьба же алмопов неизвестна. Изгнание народов могло не быть массовым и полным: не исключено, что некоторые остались на захваченной территории на положении покоренных²¹. Эта первая стадия македонской экспансии заняла около столетия, и приблизительно к 550 г. до н. э. Аргеады были готовы обеспечить безопасность еще незащищенных границ. Ок. 520 г. до н. э. они двинулись в Эордею, лежавшую к западу от горы Вермион²². Это был, несомненно, стратегический маневр, ибо Эордея расположена на пересечении нескольких важных путей, включая коридор Монастир–Козани и главный путь с востока на запад (Эгнатиева дорога римского времени), когда он идет от Пелагонии и Линкестиды на центральную равнину. К тому же перевал Клисурса вел на запад из Эордеи к озеру Кастория и сердцу Орестиды. До сих пор македонскую экспансию можно было рассматривать в основном как стремление завладеть ближайшими плодородными землями — поэтому она шла вдоль горных склонов, примыкавших к центральной равнине, а также охватила плодородные равнины Алмопии и прибрежной Пиерии. Однако Эордея не могла привлечь македонян своим посредственным плодородием, и возникает подозрение, что в данном случае Аргеады — возможно, впервые — предприняли стратегическую инициативу. Также интересно отметить, что Фукидид (II, 99, 5) делает необычное замечание о том, что большинство зордов было убито. Соппротивление македонянам-Аргеадам в борьбе за контроль над этой важной областью, должно быть, было сильным.

Вдоль открытых македонских границ на востоке лежали владения пеонийцев, а за ними — фракийских племен. Во второй половине VI в. до н. э. пеонийцы, чья этническая принадлежность неизвестна, выступили из лежащих в глубинах материка районов у Аксия и Стримона и захватили ряд местностей в прибрежной Македонии, в том числе прибрежную полосу у Пеллы, Амфакситиду и бассейн Нижнего Стримона²³. Они стали главной силой в Восточной Македонии, а также

²¹ Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism. London, 1976. P. 36.

²² Я следую хронологии Хэммонда (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 62–64), но вовсе не по тем же самым причинам. В отличие от него, я не слишком доверяю сочинению Страбона как источнику по этим вопросам. См. ниже Приложение В.

²³ Thuc., II, 99, 4; Strab., VII, fr. 11; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 55–59.

препятствием для распространения персидского господства в западном направлении. Около 511 г. до н. э. персы, утвердив свое присутствие во Фракии, выступили против пеонийцев и с помощью своих фракийских союзников сокрушили их гегемонию. Большая часть территории пеонийцев была оккупирована фракийскими племенами. Македоняне, в свою очередь, поспешили воспользоваться пеонийским разгромом и заняли остававшуюся вне их контроля часть центральной равнины, область Амфакситиды по ту сторону Аксия до возвышенностей Крестонии и прибрежную равнину на восточной стороне Салоникского залива, включая плодородную долину Антема.

Изложенная выше реконструкция событий принадлежит Хэммонду и опирается на фрагментарные археологические и литературные свидетельства²⁴. В 1980 г. археологическое открытие, возможно исключительной важности, было сделано близ деревни Синд, где-то на полпути между Салониками и рекой Аксий. Во время строительства какого-то военного объекта работавший здесь экскаватор раскопал большой позднесархаический и раннеклассический некрополь²⁵. Множество захоронений и прежде всего обнаруженное в них большое разнообразие привозных и местных вещей могут пролить свет на то, как надо представлять себе границы македонских владений в конце VI в. до н. э. Любые соображения по поводу исторического значения синдских находок должны ждать официальной публикации материалов, найденных в данном месте; эта работа ведется археологом Деспинис. Тем не менее в настоящий момент можно сделать несколько предварительных замечаний, основываясь на анализе находок, которые уже были выставлены и описаны (цв. ил. 1).

В целом погребальная утварь из синдских захоронений не похожа ни на что обнаруженное прежде к западу от Аксия и датируемое периодом поздней архаики. Во многих предметах прослеживается влияние с востока: Фракии, Восточной Греции или Азии, в некоторых случаях Персии. Представленные в большом числе бронзовые и железные

²⁴ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 53–58.

²⁵ Описание многих вещей из захоронений в Синде можно найти в раскошном каталоге материалов выставки в Археологическом музее Фессалоник: Σίνδος. Κατάλογος της Εκθέσεως στο Αρχαιολογικό Μουσείο Θεσσαλονίκης. Αθήνα, 1985. Сейчас Синд отождествляется Хадзопулосом с античным Анхиалом (Hatzopoulos M. B. Strepsa: A Reconsideration, or New Evidence on the Road System of Lower Macedonia // Two Studies in Ancient Macedonian Topography. Athens, 1987. P. 60, 61). Я благодарен Хадзопулосу за то, что он своевременно прислал мне экземпляр своей работы, чтобы я смог отметить ее значимость в данном примечании.

миниатюры — тележки, столики, стульчики, мечи — имеют ближневосточные и египетские параллели. Обильное использование золота при изготовлении погребальных масок и украшений для одежды, а также ювелирные изделия из гранулированного золота чрезвычайно тонкой работы, во-первых, говорят о том, что это общество, по крайней мере его знать, обладало богатством, которое оно могло тратить, и демонстрировало свое материальное благосостояние в богатой погребальной утвари, а во-вторых, намекают на некую связь с фракийскими рудниками. Кроме того, значительное количество шлемов и оружия даст определенную информацию о классе воинов.

Такой необычный ассортимент вещей вызывает интересный вопрос: были ли обитатели этого места в позднесархаический период собственно македонянами? Мы находимся на границе Македонии Аргеадов, а именно на границе, идущей вдоль Аксия. Однако сказать, где в тот период в действительности пролегли границы македонских земель, с уверенностью нельзя. В Синде могла на самом деле проживать пеонийская или фракийская община. В этом случае мнение Хэммонда, согласно которому к концу VI в. до н. э. македоняне контролировали земли по ту сторону Аксия, следует модифицировать, по крайней мере учесть, что некоторые немакедонские народы продолжали здесь существовать в период македонского владычества.

С другой стороны, не исключено, что Синд был македонским поселением эпохи поздней архаики, где изобилие погребальной утвари, включая некоторые чрезвычайно ценные предметы, предвосхищает роскошные захоронения, известные из IV в. до н. э., к которым могло добавиться влияние классической Греции. Особенно примечательны поразительные различия в погребальных обрядах между этим народом и греками, предполагающие, что во всяком случае в данной сфере материальной культуры балканское и азиатское влияния были сильнее греческих. К сожалению, недостаточность археологических свидетельств, относящихся к позднесархаической Македонии, не позволяет нам достаточно полно описать балканский культурный контекст синдских находок. У нас имеется комплекс материалов, указывающих на сильные влияния с востока, но мы не знаем, домакедонские ли это материалы, или же это свидетельства, говорящие о жизни македонян эпохи поздней архаики.

К концу VI в. до н. э. данная стадия экспансии македонян была завершена — их царство имело теперь защищенные границы со всех сторон. К востоку обитал ряд фракийских племен, находившихся в союзе с Персидской империей и контролировавших богатые залежи

металлов в долине Нижнего Стримона. Халкидика была населена главным образом греками и отчасти боттиейцами. На западе жили македоняне-горцы, молоссы и т. д.

На этих ранних стадиях македонская экспансия, продолжавшаяся где-то вплоть до 500 г. до н. э., была нацелена, во-первых, на захват плодородных земель, а во-вторых, на защиту границ. Завоевание под предводительством Аргеадов было прямым и даже жестоким, сопровождавшимся изгнанием, а иногда и истреблением местного населения. Несмотря на то что о процессе переселения что-либо конкретное сказать нельзя, можно предположить, что несколько тысяч македонян обосновались на покоренных территориях в качестве крестьян и пастухов, с центром в предгорьях, окружающих великую центральную (Эмафийскую) равнину, и с царской резиденцией в Эгах²⁶. Поскольку македоняне поселились в этом регионе, изгнав коренные народы, они, вероятно, ввели здесь свои обычаи и язык(-и). Нет свидетельств того, что македоняне переняли какой-то местный язык, хотя они теперь и находились в контакте с соседними народностями, которые говорили на ряде греческих и негреческих наречий.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МАКЕДОНЯН

Вопрос о македонском языке в последние полвека стал проблемой огромной важности. Ни один частный вопрос, о котором имеется столь мало информации, не приобрел такой скандальной славы. Этническая принадлежность древних македонян важна потому, что она оказалась связанной с проблемой национальной идентичности на современных Балканах. Напомним читателю, что это все еще бо́льшая проблема в Греции, Болгарии, Югославии и Албании. Такие этнические меньшинства, как турки, греки, албанцы, болгары, сербы и др., проживающие в ряде национальных государств, испытали на себе разнообразные — часто негативные — меры политического и военного воздействия. ИмPLICITное предположение состоит в том, что этническая принадлежность характеризуется и, возможно, даже определяется прежде всего языком, а вместе с ним сопутствующими культурными особенностями, такими как религиозные практики, образовательные прерогативы, поддержание семейных традиций и закон. Используемые рядом правительств программы по запрету

²⁶ Эллис называет это раннее государство «Эмафийским царством» (*Ellis J. R. Philip II... P. 36*).

обучения на языках меньшинств и принуждению семей менять имена в согласии с государственными стандартами — это в действительности покушение на язык как на стержень этнической идентичности. Представление о состоятельном плюралистическом обществе не принадлежит к реалиям жизни современных Балкан, за исключением, может быть, Югославии, где ради сохранения федерации южных славян были сделаны попытки признать этническое многообразие.

Возможно, на Балканах нет региона, отличающегося большим этническим разнообразием, нежели современная Македония²⁷. В результате политических перипетий XX в. подавляющая часть древнего Македонского царства была включена в состав современной Греции. Большинство не-греков, проживавших на этой территории — сербы, турки, болгары, — эмигрировали в соседние государства с соответствующим населением, а в Македонию, в свою очередь, хлынул поток беженцев-греков не только из других областей Балкан, но и из Малой Азии вслед за случившимся там фиаско греческих войск в 1922 г. Особенный акцент на новом заселении греками Македонии был сделан не только потому, что данный регион обширен и плодороден, но и потому, что принципом греческой национальной политики было раз и навсегда поставить печать эллинства на земле, давно раздираемой этнической враждой и считавшейся греками частью своей родины.

На этом фоне становится ясно, что любая попытка вести речь об эллинской этнической принадлежности древних македонян стала бы также поддержкой греческих прав на современную Македонию, если, конечно, исторический прецедент имеет какое-то значение при предъявлении прав на территории. Таким образом, задолго до того как появились достаточные античные свидетельства для ведения спора об этнической принадлежности древних македонян, возникла «греческая» точка зрения, согласно которой македонский язык был греческим, а следовательно, греческим было и население Македонии. Вопрос о древнемакедонском языке стал частью большой политической проблемы нового времени, хотя к чести многих современных греческих ученых, которые считают, что этот древний язык был диалектом греческого, надо признать, что подобное их мнение — результат научных поисков, а не слепого следования чувству национальной гордости и принципам идеологии²⁸.

²⁷ См. выше.

²⁸ Самое полное изложение «греческой» позиции, а также наиболее подробное исследование македонского языка см.: *Kalléris J. N. Les anciens Macédoniens: Étude*

«Греческая» точка зрения, если представить ее упрощенно, заключается в том, что скудные литературные и археологические свидетельства — последние представлены надписями — указывают на то, что македоняне говорили по-гречески. Македонские цари считали себя выходцами из Греции, из Аргоса, они принимали участие в событиях общегреческого характера, их двор был сильно эллинизирован, греческое влияние в искусстве и обычаях было значительным, кроме того, высокую степень греческого влияния демонстрируют топонимы и личные имена.

Так, один недавний труд описывает надгробные стелы, извлеченные из кургана в Вергине, в котором обнаружены царские захоронения. Эти стелы датируются IV — началом III в. до н. э., и большинство сохранившихся на них имен — греческие²⁹. Поскольку многие надгробия содержат патронимы людей, живших в середине IV в. до н. э., у нас, таким образом, имеются имена жителей Эг с конца V в. до н. э. Андроникос, проводивший раскопки в Вергине, в ценной сводке эпиграфических материалов пишет: «Эти материалы самым недвусмысленным образом подтверждают мнение историков, полагающих, что македоняне — греческое племя, подобно всем другим, проживавшим на территории Греции, и показывают, что теория, согласно которой они являлись потомками иллирийцев или фракийцев и были эллинизированы Филиппом и Александром, не имеет объективных оснований»³⁰.

linguistique et historique. Т. I–II. Athens, 1954–1976 (особ. Т. II. Р. 488–531). В этом труде исчерпывающе изучены все предполагаемые греческие элементы языка македонян. Более шовинистическую (и менее убедительную) точку зрения можно найти у Даскаласа: *Daskalakis A. The Hellenism... Pt. 2–3*. Самое вопиющее изложение вопроса: *Martis N. K. The Falsification of Macedonian History / Engl. Transl. by J. Ph. Smith. Athens, 1984*. Эта книга, написанная бывшим министром по делам Северной Греции, представляет собой полемический антиюгославский трактат, столь полный исторических ошибок и искажений, что премия, присужденная ей Афинской академией, лишь способствует тому, чтобы снизить доверие к мнению этого почтенного сообщества ученых. Наиболее здраво и научно греческая позиция представлена в издании: *Macedonia: 4000 Years of Greek History and Civilization / ed. by M. B. Sakellariou. Athens, 1983. P. 44–63*. Чтобы не показалось, однако, что «греческой» позиции придерживаются только современные греки, см.: *Cawkwell G. L. Philip of Macedon. London, 1978. P. 22*: «Македоняне были греками».

²⁹ См.: *Σαατσόγλου-Παλιαδέλη Χ. Τα επιτάφια μνημεία από τη Μεγάλη Τούμπα της Βεργίνας. Θεσσαλονίκη, 1984* (особ. Σ. 269–286, каталог имен).

³⁰ *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984. P. 83–85*. Этот аргумент верен только отчасти. Он игнорирует то, что эллинизация македонян могла иметь место ранее эпохи Филиппа и Александра, а потому не способен служить доказательством того, что македоняне были греческим племенем.

Как, однако, можно определить этническую принадлежность исторических македонян? Прежде всего обратимся к вопросу о языке. Нет сомнения, что стандартный аттический диалект греческого языка использовался при дворе в частных разговорах и царем в официальных случаях, по крайней мере со времени правления Архелая в конце V в. до н. э. Подобная ситуация, по-видимому, возникла в результате процесса эллинизации. Основные свидетельства существования македонского языка как *самостоятельного* относятся к небольшому количеству поздних источников, описывающих события эпохи Александра Великого. Здесь македонский язык упоминается особо³¹. Эти свидетельства предполагают, что македонский отличался от обычного аттического диалекта греческого языка, использовавшегося в качестве языка двора и дипломатии. Был ли он грубым наречием, диалектом крестьян и горцев, или говором (подобно «лаконскому»), разобрать из этих поздних отрывочных данных нельзя³². В любом случае мы не можем сказать, являлся ли этот язык греческим. «Твердый вывод» Хэммонда о том, что македоняне говорили на особом диалекте эолийского греческого языка, основывающийся на трактовке фрагмента мифа, приводимого Геллаником, согласно которому Эол был отцом Македона, легендарного прародителя македонян, меня не убеждает³³.

³¹ К примеру, см.: Plut. Alex., 51, 4; Curt., VI, 9, 35; Plut. Eum., 14, 5; кроме того, см. другие указания на этническую особенность македонян: Athen., III, 122 а; Plut. Ant., 27. Некоторые из этих пассажей подробно изучены в кн.: *Daskalakis A. The Hellenism...* P. 66–76. Папирусный фрагмент (PSI, XII, 1284), который, возможно, является отрывком из утраченной «Истории после Александра» Арриана, сообщает, что Эвмен «послал человека по имени Ксенний, который изъяснялся по-македонски (μακεδονιστί)» (см. примеч. ниже), для переговоров с войском — не исключено, что с македонским войском Неоптолема (321 г до н. э.); см.: *Bosworth A. B. Eumenes, Neoptolemus and PSI XII. 1284 // GRBS. 1978. Vol. 19. P. 227–237*. Босуорт считает данный фрагмент подтверждением того, что македонский язык «был обособлен от греческого и родствен ему» (P. 236).

³² Μακεδονιστί — «говорить по-македонски» (LSJ⁹, s. v.). Контекст сцены, описанной в папирусном фрагменте (см. примеч. выше), заставляет, однако, подозревать, что здесь имеется в виду больше, чем просто манера речи: Ксенний, изъяснявшийся по-македонски, был послан Эвменом вести переговоры с командующим македонскими войсками. Подобная миссия требовала свободного владения языком — способности, которой обычный носитель греческого языка не обладал. Эвмен, секретарь Филиппа и Александра, должен был знать такие вещи.

³³ *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 47–49*; фр. из труда Гелланика: Fgr Hist 4 F 74. Более раннее мнение Хэммонда, что македоняне говорили на «наречии, которое не распознавалось как нормальный дорийский греческий диалект, но которое, возможно, было примитивным северо-западным греческим говором» (*Hammond N. G. L. Rev.: Δασκαλίκης Α. Β. Ο Ελληνισμός της αρχαίας Μακεδονίας. Αθήνα, 1960 // CR. 1962. Vol. 12. P. 271*), предпочтительнее.

Лингвистика предлагает иные точку зрения и метод³⁴. Одна из характерных черт всех исторических греческих диалектов, в отличие от некоторых иных индоевропейских языков, состоит в том, что со временем они претерпевают определенные изменения. Небольшое количество сохранившихся подлинных македонских слов — не заимствованных из греческого — не показывают изменений, которые можно было бы ожидать от греческого диалекта. И даже если бы эти слова в какой-то момент изменились, вряд ли они вернулись бы к своей начальной форме. В данном отношении македонский, кажется, ближе к иллирийскому и фракийскому, нежели к греческим диалектам. Однако это не означает, что македонский язык — иллирийский или фракийский, а лишь указывает на то, что у нас слишком мало слов, чтобы показать точно, что представлял собой македонский язык. Также нужно подчеркнуть, что из сказанного отнюдь не следует, что он не был греческим; это лишь предполагает, что с точки зрения лингвистики ответить на данный вопрос все еще невозможно.

Археология мало чем помогает в реконструкции древнемакедонского языка. Македонские захоронения, раскопанные к настоящему времени, практически не содержат надписей, и те немногие из них, которые найдены, написаны на стандартном греческом, в соответствии со вкусами знати, приказавшей их сделать в IV–III вв. до н. э. Публикация надписей IV — начала III в. до н. э. из кургана в Вергине (см. выше) обнаруживает, что в них присутствуют некоторые черты дорийского диалекта греческого языка. Вместе с тем в недавних неопубликованных обзорах эпиграфических материалов из деревень близ Верии встречается ряд надписей, в которых использован эолийский диалект. Таким образом, на пространстве в каких-нибудь несколько миль имеются примеры стандартного аттического, а также двух других греческих диалектов эпохи поздней классики и раннего эллинизма.

Систематический сбор и публикацию македонских надписей затрудняют географическая изолированность региона, особенности ландшафта, бурная современная история, а также медленное развитие археологических исследований. Вместе с тем положение с отсутствием организованного сбора эпиграфических свидетельств призван исправить долгосрочный проект, спонсируемый совместно Министер-

³⁴ Основным сторонником того, о чем говорится ниже, является Кроссланд. См.: *Crossland R. A. Linguistic Problems of the Balkan Area in the Late Prehistoric and Early Classical Periods* // *CAN²*. Vol. III. Pt. 1. 1982. P. 834–849; кроме того, та же позиция была представлена им в докладе по македонскому языку, прочитанном на Четвертом международном симпозиуме по античной Македонии (1983).

ством культуры Греции и Национальным греческим исследовательским фондом. В результате реализации данного проекта появится серия изданий, содержащих древние надписи Македонии³⁵. При этом есть надежда, что по прошествии времени накопление и публикация значительного количества эпиграфического материала предоставят нам больше информации о языке, которым в обыденной жизни пользовались древние македоняне. И все же в такого рода вопросах следует быть осторожным, признавая, что подобный эпиграфический материал может не добавить информацию о местном диалекте: много ли говорят нам о туземных языках латинские надписи, происходящие из отдаленных областей Италии, Галлии или Малой Азии? В самом деле, не исключено, что наречие македонян никогда не было письменным и что существующие надписи представляют собой искусственную попытку передать греческими буквами некоторые звуки местной речи.

В данной связи археология дает полезную — имеющую отношение к Балканам — параллель. В начале 1986 г. на деревенском огороде в Северо-Западной Болгарии был найден клад из ста шестидесяти пяти фракийских серебряных сосудов V–IV вв. до н. э. На шестнадцать из этих сосудов были *по-гречески* написаны фракийские личные имена и топонимы. Как мы знаем, фракийцы были негреческим народом, чей язык, — продолжавший существовать и в римскую эпоху, — никогда не стал письменным. В свою очередь, можно вспомнить и давно известные монеты, чеканившиеся фракийцами с начала V в. до н. э., на которых названия племен, имена царей и их титулы написаны *по-гречески* (см. ниже). Вывод ясен: использование народом греческого языка в письменной форме само по себе не говорит о его этнической принадлежности³⁶.

³⁵ Первый том, содержащий надписи из кантонов Верхней Македонии — Элимен, Эордеи, Орестиды, Тимфеи и Южной Линкестиды, уже вышел в свет: *Πιζάκης Α., Τουράτσογλου Γ. Επυράφες Ανω Μακεδονίας* (Ελίμεια, Εορδαία, Νότια Λυγκηστis, Ορεστis). Τ. Ι. Αθήνα, 1985 (см. ниже Приложение А). Хотя почти все из 225 надписей созданы на греческом, подавляющее их большинство относится к эллинистическому и римскому периоду, когда для таких формальных целей использовался стандартный греческий язык. Местный материал, датируемый ранним временем, в данном корпусе отсутствует. Недавняя публикация выполненного Татаки просопографического исследования надписей из Берио (*Tatakis A. B. Ancient Beroea: Prosopography and Society. Athens, 1988*) в итоге внесет свою лепту в наши знания об этническом составе населения этого места Центральной Македонии.

³⁶ Эти фракийские сосуды описаны в кн.: *Fol A., Nikolov B., Hoddinott R. F. The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria. London, 1986*. Примеры монет можно найти,

Проблема с языком ничуть не близка к своему решению. Чем больше мы узнаем о македонянах, тем большее впечатление производит на нас многообразие их культурных предпочтений. Этот эклектизм, возможно, относится и к использованию ими языка. По греческим меркам, Македония — большая, разнородная страна с населением, которое не было однородным, если оставленные им предметы материальной культуры — надежный показатель. Нас не должно удивлять, если местные жители пользовались здесь разными диалектами — стандартными диалектами греческого языка в письме и неким наречием языка или диалекта, реконструировать который сейчас не представляется возможным. Можно лишь предположить, что этот диалект пришел в упадок в связи с возросшим использованием стандартного греческого койнэ. К IV в. до н. э. основным языком официальных бесед и переписки стал греческий³⁷. Вопрос о том, был ли диалект(-ы) со временем замещен стандартным греческим языком или сохранен в качестве составной части двухуровневой системы речи — один уровень для официального использования, другой, идиоматический, для традиционных церемоний, ритуалов или грубого солдатского разговора, — остается открытым и требует большего количества свидетельств и дальнейшего изучения.

Если язык — один из показателей этнической принадлежности народа, то другой показатель — обычаи. Как и в случае с языком, у нас есть только весьма незначительные сведения о македонских обычаях. Однако имеющаяся информация весьма красноречиво говорит о том, что они сильно отличались от обычаев греческих городов-государств. На настоящий момент наиболее зримым выражением македонской материальной культуры являются гробницы IV–III вв. до н. э. (см. ниже). Архитектурная форма, декор и погребальная утварь данных захоронений, которых сейчас насчитывается где-то шестьдесят — семьдесят, не похожи на то, что обнаружено на греческом юге или даже в соседних независимых греческих городах на северном побережье Эгейского моря (за исключением Амфиполя). Македонские погребальные традиции предполагают иной, несходный с греческим, взгляд на загробную жизнь, хотя македоняне и поклонялись многим из тех же богов. Основная часть письменных свидетельств о македонском пантеоне восходит к эпохе Филиппа II и Александра и пред-

inter alia, в работах: Price M. Coins of the Macedonians. London, 1974. N 9, 13–14, 16; Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976. N 482–483.

³⁷ Хэммонд убедителен в данной связи (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 46, n. 1, 54).

полагает, что у македонян были греческие боги. И все же некоторые из публичных проявлений почитания богов, возможно, были у них отличными. К примеру, до конца IV в. до н. э. в македонских поселениях отсутствовали большие общественные религиозные сооружения (еще одно отличие от греков). Итак, мы зависим от литературных источников и должны быть осторожными как в том, чтобы приписывать македонянам греческие формы почитания богов, так и в том, чтобы использовать эти формы почитания для подтверждения их греческой идентичности³⁸.

Если обозреть весь ряд традиций македонян — например, политическую организацию, социальные связи, экономическую структуру (обсуждение чего пока отложим), — то складывается впечатление, что в македонском обществе многое было заимствовано из Греции. Но есть и большое количество того, что, как кажется, является местным и не-греческим. Возможно, одни отличия были обусловлены сильным азиатским или балканским влиянием на македонскую жизнь, другие — сохранением у македонян монархии, той формы политической и общественной организации, от которой почти все греки отказались довольно рано. В этом смысле македонские обычаи были в ряде аспектов скорее ближе к обычаям греков бронзового века, нежели их современников, живших в период классики. Словом, сходство между некоторыми македонскими и греческими обычаями само по себе не является доказательством того, что македоняне были греческим племенем, хотя бесспорно то, что на определенных уровнях культурное влияние греков со временем стало всесторонним.

Оценка восприятия, разделяемого греками и македонянами той поры, даст еще одну возможность судить об этнической принадлежности македонян. Иначе говоря: кем считались тогда македоняне? И Геродот, и Фукидид описывают их как чужеземцев, особый народ, живущий за пределами мира греческих городов-государств. Бэдиан в своем дискуссионном и некоторыми неверно понятом эссе пришел к выводу, что, каковы бы ни были этническое происхождение, а также идентичность македонян, *ни греки их, ни они сами себя* в основном не считали в то время греческим народом³⁹. Э. Бэдиан показывает,

³⁸ Геродот приписывает фракийцам почитание греческих богов (Hdt., V, 7); писатели-греки часто смотрели на чужеземную религию со своей точки зрения. См.: *Hodkinson R. F. The Thracians*. London, 1981. P. 169–170.

³⁹ *Badian E. Greeks and Macedonians // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza*. Washington, 1982. P. 33–51. В некоторых кругах взгляды Бэдиана были расценены как нападки на эллинскую

что до достаточно поздней поры македоняне как народ не допускались до панэллинских праздников, в которых было разрешено участвовать только грекам, что попытки македонских царей добиться этого для себя вызывали возражения греков, что современная греческая литература изобилует примерами презрительного отношения греков к македонянам как к варварам и что если македонские цари и участвовали в панэллинских или двусторонних соглашениях с греками, то делали это как частные лица.

Ни один из аргументов, взятый отдельно, не является решающим, но позиция получает качество, когда она усиливается количеством доказательств, и в итоге становится убедительной⁴⁰. Несмотря на то что Филипп II и Александр Великий пытались навести мосты через пропасть между двумя культурами, греки и македоняне продолжали испытывать стойкую антипатию в отношении друг друга — неприязнь иного свойства, нежели давняя враждебность, существовавшая между некоторыми греческими городами-государствами, — до определенного момента эллинистической эпохи, когда достигшие апогея греческие культурные заимствования на севере и возвышение Рима ясно показали, что то общее, что есть у этих народов, выше их исторического антагонизма.

Кем были македоняне? Как вопрос, связанный с определением их этнической принадлежности, его лучше обходить стороной, поскольку современная политика в основном старается затушевывать тот факт, что в действительности подобный вопрос не слишком важен. То, что они, возможно, были, а возможно, не были греками в целом или частично — хотя эта антропологическая проблема и представляет некоторый интерес, — в реальности не играет решающей роли в нашем понимании истории македонян. Они оставили свой след в прошлом не как греческое племя или какой-то иной балканский народ, а как *македоняне*. Это понимали иностранные протагонисты со времен

этническую принадлежность македонян, несмотря на тот факт, что автор специально не касается этнического/языкового вопроса, лишь кратко упоминая о нем в своих вводных замечаниях, чтобы далее оставить его в стороне. Целью Бэдиана (Р. 33) был анализ восприятия греками и македонянами друг друга. Суждение о том, что македоняне не считали себя греками, равно как и их не считали таковыми их соседи, разделяется Хэммондом (*Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C.*³ Oxford, 1986. Р. 534–535).

⁴⁰ Показателем силы позиции Бэдиана является то, что его критики преуспели в данной связи только в придирах по мелочам; см., напр.: *Macedonia: 4000 Years of Greek History and Civilization*. Р. 534–535, n. 52–53.

Дария и Ксеркса вплоть до эпохи полководцев Рима. Восприятие македонянами в течение длительного периода некоторых аспектов греческой культуры более важно, чем генетическое качество македонского народа в целом или его царского дома в частности. Кроме того, необходимость для царей Македонии от Александра I до Филиппа II убеждать мир гресков в своем предполагаемом греческом происхождении говорит гораздо больше об отношениях между греками и македонянами, чем любая попытка продемонстрировать, что последние были отдаленным греческим племенем.

Однажды освободившись от давления современной политической риторики Балкан, проблема этнической принадлежности античных македонян и их царского дома возвращается к своему подлинному историческому смыслу: хорошо известно, насколько трудно проследить линии родства народов древности. Какими македоняне стали и как они действовали — вот более подходящие исторические вопросы, изучение которых может помочь установить, в какой степени этот народ был причастен к той общей культуре, которую мы называем греческой. Пришло время оставить проблему этнической принадлежности македонян в покое.

Глава 5

АЛЕКСАНДР I

О первых пяти царях Македонского государства мы знаем меньше, чем о царях античного Рима. Умерший в начале V в. до н. э. Аминта I — древнейший из македонских царей, о котором есть определенные исторические сведения. Сообщение Геродота о пяти предшественниках Аминты из династии Аргеадов сводится лишь к перечислению имен: Пердикка (основатель династии), Аргей, Филипп, Аэроп и Алкета. Когда Геродот посетил Македонию, он, возможно, получил версию официального списка царей, в котором содержалась родословная последовательно правивших отцов и сыновей из династии Аргеадов¹. Датировка правления этих призрачных фигур весьма условна. Вместе с тем если допустить — и это не будет большой ошибкой, — что на одно поколение приходилось в среднем около тридцати лет, то тогда основание царского дома может быть отнесено к началу VII в. до н. э.²

Когда Аминта стал царем македонян в последней трети VI в. до н. э., его владения включали в себя центральную македонскую равнину с ее окраинными предгорьями, прибрежную равнину Писерии у подножия горы Олимп и, возможно, плодородную, окруженную горами

¹ Ibid., VIII, 139; Thuc., II, 100, 2. Юстин (VII, 1–2) приводит добавочную информацию о древних царях, но его сообщение основано на поздних источниках, уже искаженных внесением в список дополнительных монархов.

² Средняя продолжительность правления трех основных царей V в. до н. э. — Александра I, Пердикки II и Архелая — составляла примерно тридцать три года. См. обсуждение этого вопроса у Хэммонда (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 3–5*), где он приводит следующие даты правления ранних царей: Пердикка I — ок. 653 г., Аргей — ок. 623 г., Филипп I — ок. 593 г., Аэроп I — ок. 563 г., Алкета — ок. 533 г., Аминта I — ок. 503 г. Хэммонд и Эррингтон (*Errington R. M. Geschichte Makedoniens. München, 1986. S. 271*) благоразумно не поддаются искушению определить даты правления царей до Александра I. Список древних македонских царей, составленный после конца V в. до н. э., см.: Diod., VII, 15, 1 (Euseb. Chron., I, 227).

равнину Алмопии. К югу обитали греки Фессалии. В горах на западе жили молоссы (западные греки Эпира), племена македонян, не находившиеся под властью Аргеадов, и др.³ За ними обитали воинственные иллирийцы, объединенные в неустойчивый племенной союз и совершавшие набеги на соседние земли молоссов и македонян. Территорию к востоку от Аксия заселяли вперемешку пеонийские и фракийские племена, являвшиеся частью жителей Восточных Балкан.

Малонаселенное царство Аргеадов с небольшой столицей в Эгах было слабым по сравнению с Македонским государством позднего времени. Однако то, что оно продолжало существовать на протяжении VII–VI вв. до н. э., позволяет говорить о его относительной внутренней стабильности (основанной, вероятно, на преданности населения дому Аргеадов) и об отсутствии серьезной внешней угрозы. В этот период не появилось ни одного балканского племени, которое бы нарушило сложившуюся ситуацию. И ни один из мелких городов-государств греческого мира в разгар колонизационного движения не захотел вступить в конфликт с Македонским царством. Греки предпочитали основывать свои колонии мирно, занимая для этого незаселенные или малонаселенные территории. В отличие от греческих поселений более позднего времени, основывавшихся в стратегических целях, колонии в эту раннюю пору были главным образом сельскохозяйственными, предназначенными для обоснования в них избыточного и инакомыслящего населения метрополий. Греческие колонии были основаны на обширном пространстве от Халкидики до и за Босфором, но нигде на этой территории они не вызывали к себе враждебного отношения со стороны существующей власти⁴. На македонских землях появились тогда только две греческие колонии: Мифона и Пидна в македонской Пиерии. Показательно, что Аргеады

³ Я следую за Эдсоном (*Edson Ch. F. Early Macedonia* // АМ. 1970. Т. I. Р. 26–27 [согласно: Hdt., VII, 185, 2]), а не за Хэммондом (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 62–65*) в отнесении распространения контроля Аргеадов на Эордею ко времени правления Александра I, а не Аминты. По поводу племенной жизни ранних македонян и их соседей см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 22–31*.

⁴ О греческих колониях на севере см. исследование: *Isaac B. The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986*. Айзек насчитывает в общей сложности 72 греческих поселения, 26 из которых располагались на Халкидике и в прибрежной Фракии. Он показывает (Р. 20), что отношения между фракийцами и греками в основном не были враждебными, пока греки не пытались основывать большие города и главным образом ограничивали свои интересы разработкой шахт, а также торговлей и сельским хозяйством в незначительных масштабах.

были либо слишком слабы, либо недостаточно заинтересованы в том, чтобы противиться подобному вторжению.

В отличие от своих западных сородичей, которые были относительно изолированы в горных долинах, македоняне, обитавшие на равнине, были открыты для политических, экономических и культурных влияний Эгейского мира, прежде всего влияния греков⁵. Жители равнины, находившиеся под властью Аргеадов, не имели племенного наименования. О них говорят просто как о «македонянах» (Thuc., II, 99, 6; IV, 124, 1). Геродот был первым, кто использовал термин «Македония». За ним последовал Фукидид, который также упоминает «нынешнюю Македонию у моря». Сравнительно позднее введение данного термина объясняет, почему в V в. до н. э. афиняне продолжали говорить об этом регионе как о части Фракии: Стрепса и Мефона, прибрежные города в Македонии, появляются в податных списках Афинской державы среди фракийских поселений, плативших форос. Пройдет немало времени — возможно, до эпохи Филиппа II, — прежде чем македоняне-горцы окажутся эллинизированными. Как греческое влияние проникало за горную границу центральной македонской равнины — это вопрос, связанный с культурой, ответ на который может дать археология. Например, обнаружение в 1986 г. характерного «македонского» захоронения, датированного приблизительно 300 г. до н. э., в Эордее, близ современной Птолемаиды, напротив западных склонов горы Вермион, предполагает, что к тому времени по крайней мере один аспект культуры Центральной Македонии уже пересек границу западных гор.

ПЕРСЫ ВО ФРАКИИ

Неожиданно Македония была вовлечена в водоворот событий, начало которым было положено далеко от прекрасных предгорий Писерии, событий, неподконтрольных и поначалу, возможно, даже неизвестных властителям-Аргеадам, — которые навсегда изменили баланс сил у балканских народов и их мелких феодальных князей. К концу VI в. до н. э. Персидская империя в своем непреклонном движении на запад достигла границ эгейского/греческого мира. Войска персов переправились через Босфор ок. 513 г. до н. э. Они поко-

⁵ См.: *Edson Ch. F. Early Macedonia*. P. 22, 28–29. Эссе Эдсона, сейчас устаревшее с археологической точки зрения и отчасти нуждающееся в исправлениях, во многих других отношениях все еще остается весьма полезным кратким нарративным введением в историю ранней Македонии.

рили восточную Фракию, которая, возможно, не была превращена в персидскую сатрапию. Кроме того, персы отправили флот, чтобы поставить под свой контроль Дунай и Скифию и, проникнув дальше, замкнуть кольцо вокруг Черного моря⁶. Царь Дарий вернулся в Азию, оставив Мегабазу командовать европейским экспедиционным корпусом, который в 512 или 511 г. до н. э., двигаясь на запад, появился в бассейне реки Стримон. Власти пеонийцев, живших здесь вперемешку с фракийцами, был положен конец, а сами пеонийцы были депортированы в Азию. Мегабаз заключил мир с некоторыми фракийскими племенами и, как нам сообщается, вскоре отправил посольство к Аминте, царю македонян.

Аминта, возможно, извлек выгоду от краха пеонийской власти во Фракии, чтобы пересечь Аксий и подчинить Амфакситиду⁷. Понятно, что его царство было следующей целью на пути продвижения персов на запад, и в соответствии со своей обычной практикой они предоставили царю возможность решить дело мирным образом. Около 510 г. до н. э., согласно Геродоту (V, 17–21), группа из семи высокопоставленных персидских послов отправилась из долины Стримона в Македонию с целью потребовать землю и воду для царя Дария⁸. Геродот не упоминает, где состоялась встреча, но вполне вероятно, что в Эгах, македонской столице, ибо проведение официального застолья и появление македонских жен предполагают, что это происходило при дворе. Судя по остаткам «дворца» эллинистического времени в Вергине, он имел ряд помещений, в которых подобные приемы вполне могли проводиться. Конечно, существующий комплекс построен гораздо позже времени Аминты (см. ниже); апартаменты ранних македонских царей еще предстоит обнаружить. Как мы узнаем, Аминта официально выразил свою покорность персидским послам и затем пригласил гостей на обед. После великолепного угощения персы продолжили пить и выразили желание, чтобы к ним, по персидской

⁶ Скифская и фракийская кампании описаны Геродотом: *Hdt.*, IV, 93; V, 1–17. Недавнее общее описание этого древнего конфликта Азии и Европы см.: *Burn A. R. Persia and the Greeks* // *CNH. Vol. II. Cambridge*, 1985. Ch. 6. Балсер, попытавшийся было пересмотреть хронологию вторжения во Фракию (*Balcer J. M. The Date of Herodotus IV. 1: Darius' Scythian Expedition* // *HSCP. 1972. Vol. 76*, особ. P. 129–132), ныне отказался от этой идеи: *Balcer J. M. Persian Occupied Thrace (Skudra)* // *Historia. 1988. Bd. 37. P. 8, n. 26*. Относительно организации персидской власти в Европе см. ниже Приложение В.

⁷ Это предположение Хэммонда, который описывает территориальные приобретения Аминты после вторжения Мегабазы на Балканы (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 57–59*). Однако см. выше.

⁸ О пути Дария в Македонию см. ниже Приложение Б.

традиции, присоединились женщины — жены и наложницы. Несмотря на возражение Аминты, что это идет вразрез с македонским обычаем, он все же согласился их позвать.

Разгоряченные вином послы принялись прикасаться и целовать севших с ними женщин. Аминта сдерживал свой гнев, страхась персов, но его взбешенный сын Александр попросил отца уйти и позволить ему самому решить проблему. Аминта предостерег сына не поступать опростовело и удалился. Обратившись к послам, Александр предложил, чтобы женщины ненадолго ушли для совершения омовения⁹. К сожалению, археологических данных, относящихся к Македонскому государству V в. до н. э., недостаточно, чтобы понять, как были устроены жилые помещения в обычных домах, тем более в царской резиденции. То, что мы можем, так это только догадываться об отношениях между полами на официальных мероприятиях: существовали некие женские покои, из протеста Аминты видно, что женщины и мужчины обычно не находились вместе на подобных мероприятиях, и даже после того, как женщинам было позволено появиться перед персами, они сидели напротив мужчин, пока Аминта не был вынужден потребовать, чтобы они сели рядом с послами. Если это и вымышленная история (как будет показано ниже), описанные в ней социальные условия и обычаи, вероятно, подлинные.

Затем Александр заменил женщин персодетыми безбородыми юношами и сообщил персам, что это — македонские жены и сестры, особый подарок послам Великого царя от «мужа-эллина, правителя македонян» (ἀνὴρ Ἑλλήν, Μακεδόων ἡπαρχος). Когда персы возобновили свои приставания к «женщинам», персодетые юноши перебили их. Геродот завершает рассказ сообщением, что слуги и обоз послов были также уничтожены, а все следы резни скрыты. Юстин (VII, 3) приводит сходную, хотя и несколько сокращенную, версию визита этого посольства к македонскому двору.

В течение почти столетия большинство ученых отрицало правдивость данного рассказа¹⁰, едва ли к нему есть доверие и сегодня. Он вызывает сомнения, ибо представляется невероятным, чтобы мо-

⁹ ἐς τὴν γυναικίην — «в женские покои» (Hdt., V, 20). В комментарии к данному пассажи Мэкен полагает, что это гарем (*Macan R. W. Herodotus: The Fourth, Fifth and Sixth Books*. London, 1895). Об архитектуре женских и мужских покоев в частных греческих домах, отражающей обиход принцип сегрегации полов, см.: *Walker S. Women and Housing in Classical Greece // Images of Women in Antiquity* / ed. by A. Cameron, A. Kuhrt. Detroit, 1983. P. 81–91.

¹⁰ К примеру, см. комментарии Мэкена (*Macan R. W. Herodotus...*), а также Хау и Уэллса (*How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus*. Oxford, 1928) к этому пассажи;

лодой македонский принц так непочтительно отнесся к отцу и придумал столь решительный ход. (Полтора века спустя другой македонский принц, тоже по имени Александр, был отправлен в ссылку за оскорбление отца и вмешательство в политику.) Несмотря на то что нам фактически ничего не известно о самом Аминте, вряд ли он был настолько слабым или безрассудным человеком, чтобы доверить решение столь деликатной ситуации сыну. Неискренность последнего — исторический факт. Этот рассказ был придуман специально для того, чтобы повысить роль Александра. Он мог быть частью усилий самого Александра, направленных на то, чтобы продемонстрировать его хитрость (черта, высоко ценимая как древними, так и современными греками) и его антиперсидские/проэллинские чувства. Геродот же доверчиво передал данный рассказ. Мы кратко вернемся к подобным темам, ибо они повторяются «отцом истории» в его рассказе об Александрсе. История должна быть отвергнута либо как часть пропаганды самого Александра, либо как попытка информаторов Геродота в Афинах, которые нуждались в македонском лесе, обслить Александра, превратив оказавшегося на стороне персов представителя македонской династии в участника греческого сопротивления во время персидского нашествия¹¹.

Против достоверности этого рассказа высказывались и иные возражения. Вместе с тем более важным — и не принимавшимся до сих пор во внимание — является то, что в конечном счете из-за истребления посольства Аминта отказался от своей покорности персам¹². Если отвергнуть историю про посольство, то тогда исчезает единственное свидетельство того, что Македония была вассальным государством Персии во времена Аминты¹³. Может быть сохранена лишь одна часть рассказа Геродота: он повествует (V, 21) о том, что вскоре после уничтожения посольства персы отправили на его поиски особую группу, однако умный Александр свел ее расследование на нет, подкупив

кроме того, из недавних работ см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 99.*

¹¹ Последнее мнение высказано Берном (*Burn A. R. Persia and the Greeks. P. 303*).

¹² Эррингтон, похоже, был первым, кто обратил на это внимание; см.: *Errington R. M. Alexander the Philhellene and Persia // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 140.*

¹³ Хэммонд прав, полагая, что нет доказательств восстания македонян против их вассальной зависимости от персов (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 99*). Однако это не потому, что, как считает Хэммонд, македоняне оставались лояльными персидскими подданными, а скорее всего потому, что вплоть до кампании Мардония в 492 г. до н. э. Македония под контролем персов вообще не находилась.

персов, а также выдав замуж свою сестру Гигею за главу этой группы Бубара. В том, что данный брак был заключен, можно не сомневаться: Бубар появляется позже в качестве одного из руководителей работ по созданию афонского канала Ксеркса, и его связь с македонским царским домом посредством брака является одной из приводимых Геродотом причин того, что Мардоний отправил Александра в Афины в качестве персидского посла в 480/79 г. до н. э.¹⁴

Свадьба Гигеи и Бубара — по причинам, приводимым Геродотом, — вряд ли имела место вскоре после персидского посольства, т. е. ок. 510 г. до н. э. Александр, являясь принцем, не обладал достаточными полномочиями для того, чтобы устраивать столь важный брак своей сестры с иноземцем. Поэтому либо сам Аминта организовал данный брак, договорившись о нем во время переговоров с персами в конце VI в. до н. э., либо свадьба Гигеи и Бубара была обусловлена политикой Александра после его восшествия на престол ок. 498 г. до н. э.¹⁵ Так или иначе, брак означал союз (или, по крайней мере, признание дружеских отношений) и необязательно вассальную зависимость. Как мы увидим, для мужчин и женщин из дома Аргеадов практика заключения браков с иностранцами в политических/дипломатических целях станет довольно распространенной. Однако факт существования подобного союза сам по себе — без дополнительной информации — не может служить достаточным доказательством при определении того, какая сторона, македонская или иноземная, была зависима от другой.

Информация о македонской политике во время восстания греков-ионийцев против персидской власти (499–494 гг. до н. э.) отсутствует. Отношения Македонии и Персии, по-видимому, оставались дружескими без необходимости подчинения, будучи скрепленными браком Гигеи и Бубара. Бубар был отозван от македонского двора, возможно,

¹⁴ Hdt., VII, 22; VIII, 136, где сын Бубара и Гигеи носит имя Аминта в честь своего царственного деда-македонянина.

¹⁵ Ключ к решению этого вопроса, возможно, содержится у Геродота (VIII, 136), который (рассказывая о событиях 480 г. до н. э.) упоминает, что Аминта, сын Бубара и Гигеи, получил от персидского царя для своего местожительства фригийский город Алабанду. Не принимая во внимание некоторые сложности географического характера (к примеру, Алабанда находилась в Карию, а не во Фригию; Hdt., VII, 195), заметим, что если брак Бубара и Гигеи был устроен где-то вскоре после 510 г., то Алабанда могла бы быть подарком совершеннолетнему Аминте, которому в 480 г. до н. э. должно было быть 28 или 29 лет. Но если свадьба Гигеи состоялась в правление Александра, во время вторжения Мардония в 492 г., то тогда в 480 г. до н. э. Аминта должен был быть еще ребенком и в таком случае подобный подарок представляется менее уместным. Я склоняюсь в пользу версии более раннего брака — при Аминте I.

в период ионийского восстания, и пассаж из Юстина (VII, 4, 1), где говорится о смерти Аминты вскоре после отъезда Бубара, используют для того, чтобы датировать начало правления Александра 498 или 497 г. до н. э.¹⁶

Вскоре после своего скифского похода Дарий передал Гистиею, тирану Милета, в дар Миркин — местность, обладая которой можно было контролировать переправу через Нижний Стримон. Гистисий начал здесь строить и укреплять город. Он находился в нем, пока Дарий не отозвал его в Сузы¹⁷. Это самое раннее четкое свидетельство заинтересованности в контроле над регионом, который был богат лесом и минеральными ресурсами. В речи Мегабаза (Hdt., V, 23), убеждавшего Дария отозвать Гистисия, имеются, однако, несостыковки: оценка Геродотом богатств этой местности скорее отражает реалии его собственной эпохи, чем начала V в. до н. э.; при этом здесь говорится о численности греков, обитавших поблизости (ближайшими были греки, жившие на Халкидике), и есть предложение приказать Гистиею более никогда не возвращаться в «Грецию». Но регионом, интересовавшим Гистиея, была Фракия (Hdt., V, 23, 126), а не Греция. Когда в конце ионийского восстания события в Азии стали развиваться не в пользу повстанцев, их лидер Аристагор из Милета принял экспедицию в Миркин, но он и его войско были уничтожены местными фракийцами (Hdt., V, 124–126). Насколько нам известно, эти события не затронули македонских интересов и территории.

В 492 г. до н. э. персидские войска под командованием Мардония переправились в Европу, намереваясь достичь Афин (Hdt., VI, 42–45). Мардоний подчинил фасосцев и затем «прибавил к числу прочих порабощенных народностей еще и македонян (ведь все племена к востоку от Македонии были уже во власти персов)» (Hdt., VI, 44). Из этих слов естественно заключить, что до тех пор Македония не была порабощена. Это подтверждается отсутствием сведений о ее формальном подчинении персам во времена Аминты (см. выше), а равно другими пассажами из Геродота и поздней хронографической традиции.

¹⁶ Попытка Хэммонда датировать смерть Аминты ок. 495 г., отчасти потому, что, как он полагает, Александр принимал участие в Олимпийских играх 496 г. до н. э., когда был еще наследником престола («маловероятно, чтобы Александр участвовал в соревнованиях как царь Македонии, ибо это могло бы затронуть вопрос престижа его царства») (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 60), несубстancialна. Она основана на двух ненадежных допущениях: что Александр не мог соревноваться, будучи царем (убедительное возражение см.: Roos P. Alexander I in Olympia // Eranos. 1985. Vol. 83. P. 167–168), и что он участвовал в Олимпийских играх в 496 г. до н. э.

¹⁷ Hdt., V, 11, 23–24, 124.

Вопреки Хэммонду, который пишет: «[Мардоний] вновь установил [курсив мой] свою власть над Македонией»¹⁸, Геродот недвусмысленно говорит обратное. Кроме того, в своем описании нашествия Ксеркса в 480 г. до н. э. античный автор (VII, 108) напоминает читателю, что он уже показал, что вся страна вплоть до Фессалии была под персидским игом после походов Мегабаза и Мардония. Упоминание о Мардонии — ключевое: если бы Македонское государство — последнее перед Фессалией — было поработщено Мегабазом ок. 510 г. до н. э., тогда причин упоминать Мардония не было бы.

К тому же, как заявляет Синкелл, персам землю и воду дал Александр¹⁹, хотя когда это произошло, неясно. Одна фраза из сочинения византийского хронографа IX в. была бы недостаточно весома для доказательства подчинения Македонского царства Персии при Александре, если бы она не согласовывалась с тем, что в данной связи сообщает Геродот. Свидетельства, касающиеся первого изъятия покорности македонян персам, таким образом, указывают на то, что произошло это в правление Александра I, возможно, во время действий Мардония в 492 г. до н. э. Какова бы ни была ситуация с организацией персидской сатрапии на Балканах²⁰, Македония, кажется, находилось вне ее вплоть до 492 г. до н. э., а может быть, и после. Поход Мардония окончился неудачей. Его флот потерпел крушение при попытке обогнуть Афон, и во Фракии персы были атакованы бригами. Впрочем, прежде чем вернуться в Азию, Мардоний смог восстановить свои силы в достаточной мере, чтобы покорить бригов. Следующий акт драмы с участием Персии и Запада разыграется двумя годами позже на равнине Аттики у Марафона, вдали от лесов и рек С северной Эгеиды.

АЛЕКСАНДР I И НАШЕСТВИЕ КСЕРКСА

С восшествием Ксеркса на престол Ахеменидов в 486 г. до н. э. события начали принимать более драматический оборот. Приблизительно к 483 г. до н. э. Бубар возвратился для руководства сооружением канала сквозь узкий перешеек Актэ (Hdt., VII, 22). Шли и другие

¹⁸ Hammond N. G. L. The Extent of Persian Occupation in Thrace // Chiron. 1980. Bd. 10. P. 60.

¹⁹ Syncell., p. 469 (Dind.); 269, 10–11 (Mosshamm.). Благоприятную оценку сочинения Синкелла как надежного исторического источника см.: Huxley G. On the Erudition of George the Synkellos // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1981. Vol. 81.6. P. 207–217.

²⁰ О персидской сатрапии в Европе см. ниже Приложение В.

приготовления к крупномасштабному персидскому вторжению в Европу. К 480 г. до н. э. несметные полчища персов, при мощной поддержке морских сил, преодолели Геллеспонт и проследовали вдоль фракийского побережья. Канал Бубара, прорытый через Актэ, был теперь открыт (следы его можно увидеть до сих пор), и персидский флот получил безопасный проход к Халкидике. Двигаясь тремя отдельными колоннами (Hdt., VII, 121), армия Ксеркса пересекла реку Нест и прошла через нижний бассейн Стримона в восточную часть Халкидики, где ненадолго задержалась у канала через Актэ, прежде чем двинуться в направлении Македонии.

Флот обогнул полуострова Халкидики — Ситонию и Кассандру (древнюю Паллену) и направился на север, в верхнюю часть Термического залива, где бросил якорь у побережья между рекой Аксией и Фермой, ожидая прибытия Ксеркса по суше²¹. Огромная армия встала лагерем на обширном пространстве по обе стороны от устья Аксия, и сообщение Геродота (VII, 127) о том, что они выпили всю воду из реки Эхедор (современный Галлик), восходит, возможно, к тому факту, что большую часть года по руслу этой реки течет лишь тонкая струйка воды. Оставив свою армию в Ферме, Ксеркс отправился морем через залив, чтобы взглянуть на пиерийский берег и проход через Темпейскую долину. Эта долина длиной в пять миль, идущая от побережья прямо на великую равнину Фессалии, отделяет гряду Олимпа от горы Оссы. В ширину ее пространства достаточно лишь для реки Пеней и одной дороги. (Для того чтобы разместить современную дорогу и железнодорожные пути, в некоторых местах пришлось взрывать скалы по обеим сторонам Пеней.) По-видимому, Ксеркс уже решил обойти Темпейский проход, возможно, по той причине (это неясно у Геродота, VII, 128, 130–131, 173), что его можно было гораздо легче блокировать, чем альтернативный путь. Таким образом, кажется, любопытство толкнуло Великого царя к тому, чтобы посмотреть со своего корабля на Темпейскую долину, если, конечно, сообщение Геродота не просто риторический прием. Как бы то ни было, Ксеркс задержался в Пиерии на много дней, пока

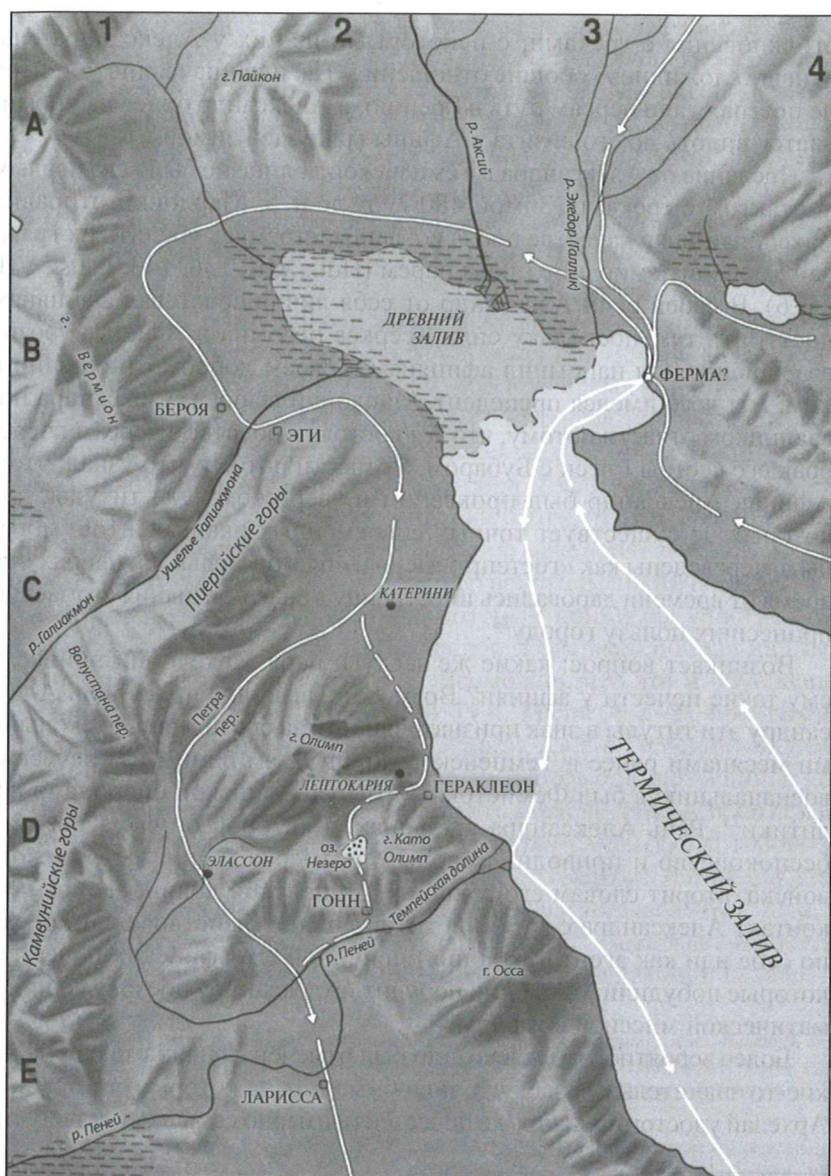
²¹ Точное месторасположение Фермы неизвестно, хотя этот город находился, несомненно, на северо-восточном берегу залива, который носит его имя. Хэммонд помещает его на мысе Микро Карабурну, чуть южнее Салоник (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 150–151*), тогда как Викерс в своем ценном обзоре как античных и византийских свидетельств, так и современной научной литературы считает Ферму предшественницей самих Салоник (*Vickers M. Therme and Thessaloniki // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 327–333*).

его армия прокладывала себе путь из Пиерийской прибрежной равнины, может быть, через перевал Петра, пересекающий горный массив между горой Олимп и Пиерийским хребтом (современная дорога идет от города Катерини). Итак, Ксеркс мог пройти между Олимпом и Пиерийским хребтом по древней дороге и спуститься на Фессалийскую равнину ниже горы Олимп и Темпейской долины. Путь в Грецию был открыт²².

Геродот почти ничего не сообщает о действиях македонского царя во время прохода Ксеркса через его страну. Александр упоминается лишь в связи с событиями в Темпейской долине. Прервав свой рассказ о хитрости Ксеркса относительно последней (VII, 128–131), Геродот делает длинное отступление, повествуя о греческих и сицилийских делах, прежде чем вернуться к основному изложению. Он возобновляет свой рассказ, описывая (VII, 172–173) предложение фессалийцев организовать защиту Темпейского прохода греками-союзниками под руководством спартанских и афинских полководцев²³. Согласно Геродоту, вскоре после того как греки расположились здесь лагерем, появились посланцы от Александра, убеждая их уйти, прежде чем они будут разбиты азиатскими полчищами. Геродот комментирует *post factum*, что в действительности греков побудила отступить информация о том, что существует еще один путь в Фессалию, не через Темпейскую долину. Из трех проходов, ведущих из Центральной Македонии в Фессалию (включая перевалы Петра и Волустана), наиболее простым для защиты является Темпейский, но его можно обойти. Мотив Александра неясен: действовал ли он как агент Ксеркса, избавляя его от столкновения с потенциально грозящим осложнением войском греков, или же он, посоветовав Ксерксу, как лучше всего обойти Темпейскую долину, действовал как двойной агент, предупредив греков о плане персов. На самом деле Александр, будучи персидским вассалом/союзником, возможно, желал избежать

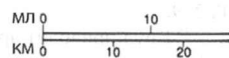
²² Относительно маршрута Ксеркса в обход Темпейской долины см. ниже Приложение Б.

²³ Ряд фессалийцев, и прежде всего Алевады из Лариссы, перешли на сторону персов, однако некоторые другие были против персидского вторжения и присоединились к грекам-союзникам. О сложности ситуации в Фессалии см.: *Westlake H. D. The Medism of Thessaly // JHS. 1936. Vol. 56. P. 12–24; Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 B. C. // JHS. 1976. Vol. 96. P. 100–120*, где греческий лагерь помещается у Гераклеона на узкой прибрежной равнине между Нижним (κάτω) Олимпом и морем, а не в самом Темпейском проходе (P. 116); впрочем, это предположение было решительно опровергнуто Притчеттом (*Pritchett W. K. Chimney Corner Topography // Studies in Ancient Greek Topography. Vol. III. 1980. P. 347–369*).

ПУТЬ КСЕРКСА ЧЕРЕЗ МАКЕДОНИЮ

- флот
- армия (вероятный путь)
- армия (возможный путь)
- осушенное озеро
- АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
- СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД

столкновения с греками; с некоторыми из них у Александра еще раньше сложились хорошие отношения. Так или иначе, ничто теперь не преграждало персам путь в Грецию, и Александр более не упоминается вплоть до его визита в Афины грядущей зимой.

Послание от Александра в Темпейской долине не было его первым контактом с греками. Зимой 480/79 г. до н. э. Мардоний отправил македонянина в качестве посла в Афины, стремясь убедить их граждан заключить мир с Великим царем (Hdt., VIII, 136, 140; Paus., VII, 25, 6). В своей речи Александр от себя лично советовал афинянам поступить так, поскольку сила Ксеркса огромна и Афинам грозит разрушение. Он напомнил афинянам о своем добром отношении к ним, для чего имелся прецедент. Мардоний выбрал Александра посланником отчасти потому, что тот состоял в родстве с персами через брак его сестры Гигеи с Бубаром, а отчасти потому, что узнал, что в Афинах Александр был проксеном и эвергетом. Эти титулы, для которых не существует точных современных эквивалентов, могут быть переведены как «гостеприимец» и «благодетель». В Афинах они время от времени даровались иностранцу в знак признания его заслуг, принесших пользу городу²⁴.

Возникает вопрос: какие же заслуги царя Македонии принесли ему такие почести у афинян? Возможно, афиняне присвоили Александру эти титулы в знак признательности за его помощь несколькими месяцами ранее в Темпейской долине; там одним из греческих восначальников был Фемистокл — творец афинской оборонной политики²⁵. Речь Александра в Афинах, в которой он выражал свое беспокойство и приводил доводы о размерах и силе персидского войска, вторит словам его гонцов в Темпейской долине. Но был ли контакт Александра с греками в этой долине (действовал ли он сам по себе или как агент Мардония) причиной его афинских почестей, которые побудили Мардония поручить Александру поездку с дипломатической миссией в Афины?

Более вероятно, что Александр был отмечен афинянами еще за какие-то значительные заслуги, подобные тем, за которые его правнук Архелай удостоится таких же почестей примерно семьдесят лет спустя:

²⁴ См.: Walbank M. B. *Athenian Proxenies of the Fifth Century B. C.* Toronto, 1978. P. 2–9.

²⁵ Коул приводит аргументы в пользу прочных личных связей между Александром и Фемистоклом, каждый из которых, по его словам, видел в другом родственную душу и находил в этих отношениях политическую выгоду (Cole J. W. *Alexander Philhellene and Themistocles* // *L'Antiquité Classique*. 1978. Т. 47. P. 37–49).

поставки македонского леса для нужд афинского флота²⁶. Морская программа Фемистокла 482–480 гг. до н. э. требовала древесины такого качества и такого количества, которые могли дать совсем немногие места. Македония, славившаяся отличным лесом и смолой, вполне подходила для снабжения афинян необходимыми материалами. Недавно высказанное мнение, что Македония, вассальное государство, едва ли могла предоставлять древесину противникам Персии, не следует принимать в расчет²⁷. До нашествия Ксеркса персидские военные операции ограничивались берегами Фракии и Халкидики, регионами, не находившимися под македонской властью. Тот факт, что запасы леса в бассейне Стримона были под номинальным контролем персов, не относится к делу, ибо в то время основным источником древесины для македонян были богатые разнообразным лесом Олимп и горы Писрии, возвышавшиеся над ее прибрежной равниной, — регион, в котором лесозаготовки могли вестись без ведома персов. Кроме того, у нас нет сведений о том, что отношения Македонии и Персии препятствовали ведению македонянами торговли по своему усмотрению, хотя и маловероятно, что Великий царь одобрил бы снабжение древесиной город, который принимал участие в сожжении Сард, убил персидских послов и одержал победу над персидским войском при Марафоне. Возможно, что это и обусловило уловку Фемистокла (Hdt., VII, 144; Plut. Them., 4, 1–2), предложившего строить флот для войны с Эгиной, а не с Персией: видимо, подобным образом он пытался и отвлечь персов от подозрений, и убедить несговорчивых сограждан построить корабли. Наконец, не исключено, что статус Македонии как государства-клиента, в котором она пребывала с 492 г. до н. э., утратил силу со смертью Дария и восшествием на престол Ксеркса и был восстановлен только в 480 г. до н. э., во время персидского нашествия на Грецию²⁸. Действительно, едва ли македонские цари заключали все договоры навечно, и какими бы

²⁶ Относительно почестей, оказанных Александру I и Архелаю, см.: *Walbank M. B. Athenian Proxenies...* N 1, 90; Tod, N 91 (Архелай). По поводу потребностей Афин в древесине для флота в V в. до н. э. см.: *Borza E. N. Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks* // PAPS. 1987. Vol. 131. P. 34–35.

²⁷ Возражения относительно того, что Македония была источником древесины для Афин, см.: *Meiggs R. Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*. Oxford, 1982. P. 123–126.

²⁸ Согласно предположению, которое выдвинул Уоллес (*Wallace M. B. Early Greek Proxenoi* // *Phoenix*. 1970. Vol. 24. P. 199–200) и которое вновь недавно аргументировал Геролимотос, считающий Александра после смерти Дария в 486 г. до н. э. достаточно независимым, чтобы поставлять лес и получить почетное звание проксена

ни были представления персов о постоянстве их отношений с государством-вассалом, правители Македонии могли считать иначе. Итак, вполне вероятно, что получению Александром почестей в Афинах способствовали не только его проэллинские и проафинские поступки, но и поставки им леса для постройки афинского флота в конце 80-х гг. V в. до н. э.

Геродот приводит еще две истории об Александре. Он рассказывает, что накануне битвы при Платеях одинокий всадник появился из темноты со стороны нейтральной полосы, приблизился к афинским часовым и попросил о встрече с их военачальниками. Те явились незамедлительно, и приехавший сообщил, что его миссия секретна и что он, пробираясь через позиции персов, рисковал ради Греции, ибо сам он грек по происхождению и не желает видеть Грецию поработенной. Затем человек сообщил о намерении Мардония атаковать на рассвете и вновь исчез в ночи, на прощанье назвав себя: «Я — Александр-македонянин». Получив информацию о планах врага, греки собрали военный совет и пересмотрели свою стратегию (IX, 44–45).

Историчность данного рассказа вызывает сомнения по целому ряду причин. Так, с точки зрения здравого смысла представляется невероятным, чтобы царь Македонии собственной персоной пробирался в ночи по территории, где его могли поджидать опасности. В свою очередь, неправдоподобно выглядят и присутствующие в его речи прогреческие сентименты по поводу патриотизма и свободы, а также тот факт, что в рассказе не имеется никакого ответа афинян на сказанное Александром (его речь — монолог). Кроме того, этот рассказ не согласуется с описанием начала битвы (IX, 47–48): на рассвете — в тот самый момент, когда Мардоний собирался атаковать, — греки начали перемещать свои полки на другие позиции на поле, — вряд ли разумный маневр перед лицом грядущего наступления. И вместо того чтобы атаковать греков во время этого замешательства (которым любой здравомыслящий полководец не преминул бы воспользоваться), Мардоний, как сказано далее, стал со своей стороны перемещать некоторые из войск, вынуждая греков вернуться обратно на их изначальные позиции. Вся история просто абсурдна. Но какими бы загадочными ни были подобные маневры армий на рассвете, рассказ об Александре выглядит обособленным,

(*Gerolymatos A. S. The Proxenia of Alexandros I of Makedonia // LCM. 1986. Vol. 11 (N 5. May). P. 75–76).*

Глиняные головы из погребения (начало V в. до н. э.), Вергина

как если бы он был взят из другого, неафинского источника. Весьма вероятно, что исходил он от самого Александра²⁹.

Приведя сомнительный рассказ о замысленном Александром убийстве персидских послов (Hdt., V, 18–21; см. выше), Геродот (V, 22) с запозданием сообщает, что македонские цари имеют греческое происхождение, о чем «они говорят сами», в чем убежден и он и о чем он еще напишет позже³⁰. Далее Геродот предлагает в качестве доказательства греческого происхождения Александра рассказ о его попытке принять участие в Олимпийских играх. Когда соперники Александра начали возражать против этого на том основании, что он не был греком, он доказал свое аргивское происхождение, получил разрешение состязаться и в забеге пришел к финишу одновременно с победителем.

²⁹ Я несколько пересмотрел свои взгляды относительно Александра при Платеях и на Олимпийских играх, высказанные ранее: *Borza E. N. Athenians, Macedonians, and the Origins of the Macedonian Royal House // Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to E. Vanderpool. Princeton, 1982. P. 9–11.*

³⁰ Это, вероятно, отсылка к его повествованию о ранних Аргеадах в VIII, 137–139; см. выше.

В последние годы об этом пассаже написано немало, причем особое внимание уделялось вопросу о времени участия Александра в Олимпийских играх³¹. Состязание в беге — для молодых мужчин, и поэтому более ранняя дата (предполагается, что в 496 г. до н. э. Александру было около 35 лет) подходит для подобного состязания лучше; даже возраст около 35 был слишком большим для спринтера³². Несмотря на то что панэллинский пыл Олимпийских игр 476 г. до н. э. мог бы вполне подходить для принятия в ряды соревнующихся иноземного царя на основании его заслуг в недавней борьбе с персами, Александр был в тот год, пожалуй, уже стар для состязания в беге.

Остаются и другие вопросы. К примеру, никаких точных сведений о возрасте Александра нет. То, что ему было около тридцати пяти лет в 496 г. до н. э., — чистой воды предположение. Если признать, что подчинение Аминты персам и брак Гигеи и Бубара приходится приблизительно на 510 г. до н. э., и считать, что на тот момент Александру было около пятнадцати, то в таком случае в 496 г. до н. э. ему должно было быть около тридцати — возраст не самый подходящий, но и не невозможный для участия в состязаниях в беге³³. Но если полагать, что рассказ о несчастном персидском посольстве неисторичен, то тогда рушится вся основа для датировки участия Александра в Олимпийских играх по критерию возраста. К примеру, Александру вполне могло быть не больше двадцати лет во время его прихода к власти, — в общем превосходный возраст для участия в состязании в беге в 496 г. (игры 492–480 гг. до н. э. маловероятны по политическим и военным причинам). Да и в 476 г. до н. э., в возрасте около сорока лет, он мог быть отмечен особым забегом в знак признания его проэллинских заслуг во время войны с персами. Впрочем, если бы имел место последний вариант, возражений других атлетов,

³¹ В частности, см.: *Badian E. Greeks and Macedonians // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 34–35 (476 г. до н. э.); Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 60 (496 г. до н. э.).* Попытка Хэммонда доказать, что Александр состязался также и в пятиборье, основанная на неясном пассаже у Юстина (VII, 2, 14) и фрагменте энкомия Пиндара, представляется мне неубедительной.

³² *Roos P. Alexander I in Olympia. P. 167.* Эта статья ясно показывает, как много вопросов, которые остаются без ответа (и на которые невозможно ответить), может быть связано с рассказом Геродота.

³³ Хэммонд считает, что Гигея была старше Александра (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 60*); однако я не могу найти свидетельств для подтверждения подобного мнения.

вероятно, не возникло бы. Итак, на данный момент мы преуспели лишь в замене одной линии предположений на другую.

В рассказе Геродота имеется слишком много неясностей, затрудняющих его понимание. К примеру, (1) проиграл ли Александр финальный забег из-за ничьей, а потому его имени нет в списке победителей³⁴; либо (2) он выиграл забег, хотя Геродот и не сообщает нам об этом; либо (3) результатом осталась ничья, что, правда, невозможно, исходя из олимпийской практики; либо (4) это был особый забег, в случае чего, однако, маловероятно, чтобы другие его участники протестовали против присутствия Александра на Олимпийских играх; либо (5) он никогда не состязался в Олимпии. Лучше всего отказаться от данного рассказа, который относится к той же категории, что и история об Александре при Платеях. В своих комментариях к этим пассажам и Мэкен, и Хау с Уэллсом давно признали, что история про Олимпийские игры основана на семейной легенде (Hdt., V, 22: как потомки Пердикки «говорят сами [αὐτοὶ λέγουσι]»), а стало быть, является слабым доказательством греческого происхождения царского дома Македонии. Кроме того, рассказ об Олимпийских играх дошел до нас через вторые руки: Геродот слышал от Аргеадов (возможно, от самого Александра), что царь сказал что-то судьям, но мы не знаем, какие аргументы были им приведены.

Олимпийская и платейская истории имеют общую тему: «Я — Александр-грек», и это, кажется, является в них основным моментом. В более правдоподобных рассказах об Александре в связи с Темпейской долиной и Афинами данная тема не звучит; они сообщают о действиях македонского царя без приукрашивания или указаний на его прогреческие настроения. К тому же настойчивое утверждение, что Александр — грек и потомок греков, входит в противоречие со словами из другого места у Геродота (VII, 130), где сказано, что фессалийцы были первыми греками, попавшими под владычество персов, — казалось бы, прекрасная возможность для Геродота указать, что македоняне были негреческим народом, управлявшимся греческими царями, однако об этом он нигде не говорит. В общем, думается, что олимпийская и платейская истории — когда они рассматриваются вместе с историей о несчастном персидском посольстве ко двору Аминты, в которой Александр заявляет о греческом происхождении царского дома, — являются частью попыток самого Александра

³⁴ Euseb. Chron., I, 203; Moretti L. *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma, 1957.

интегрироваться в греческое общество в послевоенный период. Они должны быть отброшены как потому, что имеют характер пропаганды, так и потому, что вызывают подозрения по ряду причин, упомянутых ранее. Геродот передаст некоторые совершенно приемлемые исторические сведения относительно деятельности Александра I во время Греко-персидских войн, но его рассказы о появлении царя при Платеях, его участии в Олимпийских играх и греческом происхождении его семьи к таковым не относятся.

И последнее замечание в данной связи. Македонский царский дом, который ко времени Филиппа II и Александра Великого будет в некоторых аспектах сильно эллинизирован, в начале — середине V в. до н. э. оказался вынужден отстаивать перед греками свое греческое происхождение. Ни один спартаец или афинянин, коринфянин или аргивянин не чувствовал необходимости доказывать другим, что он и его семья были греками. Но македонские цари в V в. до н. э., по-видимому, испытывали трудности с приведением аргументов в пользу своих греческих корней, и это показательно. Даже если допустить, что все рассказы Геродота об Александре правдивы, возникает вопрос: почему греки, которые, как правило, были хорошо осведомлены в вопросах этнического происхождения, не знали, что македонская монархия была греческой? По Геродоту же, участники состязания в беге в Олимпии полагали, что македонянин — чужеземец (Hdt., V, 22: *βάρβαρος*). Если, однако, признать неисторичность данных рассказов, важным становится не то, была ли македонская царская семья в действительности греческого происхождения (и мы уже видели, сколь незначительны доказательства для этого), а то, что царь Македонии явно хотел, чтобы греческий мир так думал. Можно спросить, почему Александр находил это необходимым, хотя, когда еще шла война с персами, ему были возданы почести в Афинах, вероятно, за некие дружеские услуги, такие как снабжение афинян лесом? Ответ должен быть связан с послевоенными усилиями Александра, направленными на установление более тесных связей с некоторыми из его южных соседей, возможно, для обретения союзников в борьбе с Афинами за контроль над территориями восточнее реки Стримон. Результатом были значительные изменения в судьбе Македонии, поскольку царство Аргеадов начало действовать в том направлении, которое неразрывно свяжет Македонию с историей греческих городов-государств.

За поддержку, оказанную греческой стороне в войне с Персией, Александр вошел в историю как «Филэллин». Самые первые упомин-

нения об Александре «Филэллине» достаточно поздние³⁵. Свидетельств использования данного эпитета в эпоху, скажем, Геродота или его поколения нет, да и было бы странным называть грека «другом Греции (или греков)». Подобное прозвище обычно предназначалось для не-греков. При этом попытки некоторых современных ученых доказать, что «Филэллин» — синоним для слова «Эллин», не представляются убедительными.

Итак, можно следующим образом суммировать деятельность Александра во время персидского нашествия на Европу. Александр изъясил покорность Мардонию в 492 г. до н. э. Однако неизвестно, сохранилось ли это его вассальное состояние после смерти Дария в 486 г. до н. э. Александр, вероятно, снабжал афинян древесиной в 482–480 гг., за что ему были возданы почести в Афинах к 480 г. до н. э. В 480 г. до н. э. он был в подчинении у Ксеркса, что являлось либо результатом установления новых вассальных отношений, либо продолжением тех, которые существовали с 492 г. до н. э. Когда греческие войска находились в Темпейской долине, Александр отправил им послание с предупреждением, действуя или как агент Ксеркса, или как двойной агент. Зимой 480/79 г. до н. э. Мардоний отправил его послом в Афины, чтобы убедить афинян заключить мир с Ксерксом. Александр сражался при Платеях как союзник персов. При этом разумно отбросить рассказы о несчастном персидском посольстве ко двору Аминты, полуночном визите Александра к грекам перед битвой при Платеях и его участии в Олимпийских играх как рассказы, восходившие к самому Александру (или к некой официальной придворной версии событий). Все эти три истории неправдоподобны и все имеют общую направленность: они придуманы для того, чтобы представить Александра греком по происхождению, и, вероятно, появились в послевоенный период, хотя насчет обстоятельств их возникновения (см. ниже) и передачи Геродоту ясности нет.

После гибели Мардония и разгрома азиатского войска при Платеях персы начали отступать из Европы. Геродот ничего не сообщает об отношениях Александра и персов во время их отхода через территорию его царства. Не исключено, что Александр не смог после Платей вернуться в Македонию вовремя, чтобы вступить в контакт

³⁵ Свидетельства приведены Хэммондом (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 101, n. 3*); также см.: *Badian E. Greeks and Macedonians. P. 46, n. 19.*

с отступавшими отрядами персов³⁶. Остатки персидского войска, ведомые Артабазом, не теряли времени, и их бегство из Фессалии через Македонию в направлении Фракии происходило по самому короткому сухопутному пути³⁷. Нет сведений о том, что какая-то часть персидского войска задержалась в Македонии, хотя некоторые заболевшие персы, по-видимому, и были оставлены при отступлении (Hdt., VIII, 115). Вероятно, базой персов тогда был фракийский регион (и это некоторым образом поддерживает ту точку зрения, что Македонское царство не являлось частью персидской имперской системы, к которой принадлежала Фракия). Именно здесь на протяжении более чем десяти лет персы сохраняли свое присутствие в виде отдельных гарнизонов.

Двойственность позиции Александра в период персидского нашествия примечательна. Будучи формально вассалом/союзником персов (вероятно, с 492 г. до н. э.), он был обязан отстаивать персидские интересы в Европе. Но к 482–480 гг. до н. э. он уже продемонстрировал свою готовность помогать Афинам в вопросе поставки корабельного леса — действие, шедшее не на пользу персов. Мотивы его поступка в связи с Темпейской долиной непонятны, хотя, как мы предположили выше, он, возможно, не хотел вступать в военную конфронтацию с греками, часть из которых составляли те же самые афиняне, недавно снабжаемые им древесиной. Однако в битве при Платеях он не смог избежать столкновения с афинянами, напротив которых оказались построены его отряды (Hdt., IX, 31), и неправдоподобный рассказ о его полуночном визите в греческий лагерь, вероятно, был создан позже с целью затушевать его деятельность в качестве военного союзника персов.

О том, что стояло за политикой Александра, можно только догадываться. Историческое исследование стремится упорядочить события, и историк испытывает неудобство из-за недостатка информации, касающейся мотивов поступков царя. Если оставить в стороне совершенно тупиковое предположение о полной иррациональности действий Александра, то тогда можно только допустить, что царь уже осознал, что настоящее и будущее Македонии зависит от того, как будут складываться ее отношения с греками, хотя мы зашли бы слишком далеко, заявив, что в 480 г. до н. э. он уже предугадал грядущее

³⁶ Badian E. *Greeks and Macedonians*. P. 44, n. 7.

³⁷ Если верить Эсхилу (Persae, 494), то путь этот шел по озерному коридору в бассейн Нижнего Стримона и мимо горы Пангей. См. ниже Приложение Б.

величие Афин, о котором в ту пору еще не ведали и сами афиняне. Но реалии настоящего предполагали и разумное выстраивание отношений с персами, обладающими гегемонией на севере. Последнее было вполне достижимо: нет сведений о том, что персидское владычество легло на Македонию тяжким бременем. В самом деле, в качестве персидского вассала Александр действовал, пожалуй, довольно свободно, если не вызываясь. Его отношения с Персией оставались стабильными³⁸. О проявлении какой-то враждебности нам ничего не известно. Готовность Мардония доверять Александру роль посредника в делах с греками говорит не только о способности персов эксплуатировать двойственную позицию македонян, но и о македонской политике, направленной на то, чтобы удовлетворить каждую из сторон, не вступая при этом в конфликт ни с одной. Геродот дважды упоминает о македонянах в персидской армии (VII, 185; IX, 31). При этом македонским представителям было доверено надзирать за лояльностью беотийских городов, перешедших на сторону персов (Hdt., VIII, 34). Македоняне были исполнительными и полезными персидскими союзниками. Македонское царство находилось под перекрестным огнем греческого и персидского миров. Македонские цари — в данном случае Александр, а позднее его сын Пердикка (который сам окажется между афинянами и спартанцами в их борьбе на севере) — научились использовать чужие разногласия к своей выгоде.

КОНФЛИКТ НА СЕВЕРЕ

Не исключено, что ответ на вопрос о двойственной позиции Александра отчасти связан с районом к востоку от Стримона, районом, который уже попал в сферу интересов греков, фракийцев и персов и чьи минеральные богатства могли привлекать хитрого, умного и амбициозного македонского царя. Это не означает, что Александр вынашивал далеко идущие планы относительно своих восточных границ. Сказанное только предполагает, что он действовал, учитывая постоянно изменяющиеся обстоятельства на севере Эгейского региона. Чтобы понять это в контексте, нам необходимо вновь обратиться к первым фактам проявления греками интереса к северу.

³⁸ Сообщение Юстина (VII, 4, 1), что вскоре после сражения при Саламине Ксеркс даровал Александру территорию между Олимпом и Гемом, следует признать недостоверным исходя из географической, мотивационной и хронологической невероятности этого и в немалой степени потому, что царь македонян уже правил большей частью данной территории.

Широкое колониционное движение греков на северном побережье Эгейского моря описано в других трудах³⁹. В основном оно ограничивалось Фракией восточнее Стримона. Данные, которые у нас имеются о греческих поселениях в данном регионе, по большей части археологические. Литературные свидетельства — случайны и отрывочны. Они содержатся прежде всего в сочинении Геродота и некоторых более поздних источниках. До тех пор пока не будут получены более подробные археологические материалы как с греческой, так и с фракийской стороны, невозможно будет написать историю освоения греками этого региона в поздний архаический и ранний классический периоды⁴⁰. Однако очевидно, что большинство греческих колоний, заселенных жителями материка и островов (в последнем случае особенно примечательны паросцы на Фасосе), находилось на побережье. По крайней мере три поселения располагались в районе Нижнего Стримона. Путь, пролежавший по речной долине, кажется, использовался не слишком активно, хотя он и давал удобный доступ во внутренние районы Балкан через Рупельское ущелье в Родопских горах. Греки, по-видимому, не проявляли интереса к территориям в глубине материка как в силу своей природной склонности селиться неподалеку от моря, так и потому, что фракийские племена, контролировавшие данный регион, противились попыткам основать крупные поселения за пределами прибрежной полосы.

Таковы были обстоятельства, при которых здесь появился афинский тиран Писистрат во время своего второго изгнания из Афин ок. 556–546 гг. до н. э. После того как в Афинах его политические амбиции были блокированы сопротивлением клановых объединений, Писистрат обосновался в Македонии, в Рекале, на восточном берегу Термического залива, еще не входившем в состав Македонского государства⁴¹. Базой Писистрата в изгнании была Эретрия, и его нескрывающиеся связи с эретрийцами, основавшими Мефону в Писрии (откуда был виден Рекел на противоположном берегу Термического залива), возможно, подстегнули его интерес к северу.

³⁹ См. выше.

⁴⁰ Это ясно показано Айзеком во введении к самому современному и полному исследованию, посвященному греческому колониционному движению в данных землях (*Isaac B. The Greek Settlements in Thrace...*).

⁴¹ *Arist. Ath. Pol.*, 15, 2. Точное месторасположение Рекала неизвестно, но он, вероятно, находился недалеко от мыса Мегало Карабурну в северной части Термического залива; см.: *Edson Ch. F. Notes on the Thracian Phoros* // *CPh.* 1947. Vol. 42. P. 88–91. Эдсон считает, что это был «первый не вызывающий сомнений случай использования ресурсов македонской территории в истории Афин» (Р. 91).

Информации о возможных контактах Писистрата и македонского царя не сохранилось, и можно только строить догадки о причинах, которые могли побудить царя Аминту даровать землю сыну Писистрата Гиппию примерно полстолетия спустя (см. ниже). Рекел, вероятно, был не полисом, а укрепленным поселением. Его история была недолгой, и позднее он не упоминается. Он служил главным образом временным, надежным убежищем, пока Писистрат обдумывал свой следующий шаг. Место, которое могло казаться эретрийцам и мекфонцам подходящим для обустройства колонии, вероятно, было малопривлекательным для афинского аристократа, полного решимости вернуться к политической борьбе на родине⁴².

Теперь же, почувствовав возможность обзавестись богатством, необходимым для финансирования своих политических замыслов в Афинах, Писистрат направился на восток, в регион, лежавший вокруг горы Пангей. Нам неизвестно, основал ли Писистрат какое-то поселение в районе Пангея и Нижнего Стримона. Свидетельств о конфликтах с фракийцами или греками нет. Но это может означать лишь то, что его деятельность не представляла угрозы для тех, кто уже обитал здесь. Аристотель в «Афинской политике» сообщает, что Писистрат нанял войско и разбогател, затем, на одиннадцатый год своего изгнания, вернулся на юг, чтобы окончательно установить свою тиранию в Афинах. Наемники Писистрата были, вероятно, фракийцами, а источником денег, которыми он обзавелся и которые продолжит получать даже после своего возвращения (Hdt., I, 64), могло быть предпринимательство, предположительно, посредничество в контактах с местными разработчиками рудников⁴³. Вполне вероятно, что его успех на севере впервые привлек внимание афинян к богатому северному побережью Эгейского моря⁴⁴ и заложил основу грядущей борьбы между афинянами и македонянами за ресурсы этого региона.

⁴² О Писистрате на севере см.: *Hodlofski L. C. Macedonian Relations with Athens to 413 B. C. Diss., Pennsylvania State University, 1979. P. 4–10; Cole J. W. Pisistratus on the Strymon // G&R. 1975. Vol. 22. P. 42–44; Dusing K. A. S. The Athenians and the North in Archaic Times. Diss., University of Cincinnati, 1979. P. 57–68.*

⁴³ По Бекру (*Best J. G. P. Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969. P. 5–7*) и Айзеку (*Isaac B. The Greek Settlements in Thrace... P. 14–15*). Дасинг доказывает не только то, что Писистрат действительно участвовал в разработке месторождений и организации постоянного импорта фракийских драгоценных металлов в Афины, но и то, что начало чеканки монет в Афинах явилось результатом его опыта на севере (*Dusing K. A. S. The Athenians... P. 60–64, 68*).

⁴⁴ Как тиран, Писистрат отправил Мильтиада на север, чтобы утвердить афинское присутствие на Херсонесе Фракийском (Hdt., VI, 34–37), и тем самым положил начало постоянному интересу Афин к этому региону в течение следующих полутора столетий.

Первый известный контакт македонской монархии с афинянами имел место ок. 510 г. до н. э., когда Писистратиды были изгнаны из Афин в ходе политической борьбы, в итоге приведшей к власти группировку Клизфена. По причинам, о которых мы можем только догадываться, царь Аминта предложил Гиппию, сыну Писистрата, регион Антема (Hdt., V, 94) — плодородную долину и прилегающие к ней лесистые склоны, идущие от Термического залива до северо-западных пределов Халкидики⁴⁵. Ясно, что, поскольку Аминта мог распоряжаться Антемом, он находился в его собственности, будучи приобретенным сравнительно недавно среди первых захваченных территорий на противоположном берегу Аксия, наряду с Мигдонией и частями Крестонии (Thuc., II, 99, 5–6). Факт предложения земли находившемуся в изгнании Гиппию мог либо указывать на возобновление более ранних отношений, существовавших между предком Аминты и Писистратом (не исключено, что Рекел находился на побережье Анфема), либо же означать независимое решение Аминты впервые установить контакт с именитым афинянином. Если последнее верно, то тогда политика Македонского государства по отношению к Афинам круто поменялась в дальнейшем, в период между предложением Антема от Аминты изгнанному Писистратиду Гиппию и помощью, оказанной Александром в конце 80-х гг. V в. до н. э. Афинам, которые, казалось, боялись возвращения Писистратиды. Таким образом, можно допустить, что правление Александра ознаменовалось новой ориентацией в македонской внешней политике, характеризовавшейся сближением с Афинами, при сохранении, однако, связей с персами. Не исключено, что смерть Дария и вступление на престол Ксеркса в 486 г. до н. э. позволили Александру задать македонской политике новое направление.

Выяснить, какую роль в деле с предложением Антема сыграла поддерживавшая Писистратидов персидская сторона, нельзя. Впрочем, подобного рода земельный дар Гиппию едва ли вызвал бы возмущения персов, обосновавшихся в Восточной Фракии. Так или иначе, но Гиппий отказался от предложения Аминты и поселился в Сигее. Возобновление интереса афинян к землям в районе Стримона, возможно, имело место после Марафонской битвы. В 489 г. до н. э.

По данному вопросу имеется обширная библиография, но теперь см.: *Isaac B. The Greek Settlements in Thrace... Ch. 4.*

⁴⁵ Подробнее см.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 190–191.* Район Антема, похоже, был чем-то наподобие царского заповедника, по крайней мере до времени Филиппа II, который уступил его олинфянам (Dem., VI, 20).

Мильтиад убедил сограждан отправить экспедицию из семидесяти кораблей, чтобы завладеть золотом некой, не называвшейся им, земли (Hdt., VI, 132). Несмотря на то что экспедиция скоро завершилась неудачной осадой Пароса, целью ее, возможно, был район Пангея и Стримона, и нападение на Парос лишь предвляло ее реализацию⁴⁶. Если целью Мильтиада был север, то в таком случае это означало бы возобновление внимания Афин к тамошним минеральным ресурсам спустя более чем полвека после того, как Писистрат впервые отважился там побывать. Таким образом, ко времени отступления персов во Фракию десятилетие спустя греки, включая афинян, уже выказали свой интерес к полезным ископаемым земель Северной Эгеиды.

Теперь настало время для борьбы между греками, а также между греками и македонянами на землях к востоку от Стримона. Это соперничество стало возможным отчасти из-за ослабления фракийской племенной власти в период персидской оккупации, из-за роста военной мощи некоторых греческих государств, в особенности Афин, а также из-за амбиций царя Македонии. Ранее всего политика Александра проявилась в отношении приграничных районов на востоке Македонского государства. Четких границ здесь не существовало, при этом македонское влияние распространялось на Крестонию и часть Халкидики. Бисалты, населявшие Крестонию, холмистый регион между равниной Аксия и долиной Стримона, были одним из фракийских племен, отказавшихся покориться Ксерксу (Hdt., VIII, 116) и ушедших в Родопские горы. Александр воспользовался их исчезновением и продвинулся на их земли, получив тем самым контроль над серебряными шахтами горы Дисорон, которые, как говорили, приносили ему

⁴⁶ Согласно Айзеку (*Isaac B. The Greek Settlements in Thrace...* P. 18–19), который реанимирует старую идею о том, что целью загадочной экспедиции Мильтиада на Киклады после Марафонского сражения, закончившейся неудачей под Паросом, отнюдь не являлось установление контроля над этими островами. Целью было овладение золотом. Острова эти скудны подобным металлом. Но Парос был метрополией Фасоса и, возможно, его захват должен был стать этапом на пути к конечной цели — шахтам Фракии. К началу V в. до н. э. эти шахты оказались весьма привлекательны для тех, кто стремился к ликвидному богатству (см.: *Ehrenberg V. Early Athenian Colonies // Aspects of the Ancient World. Oxford, 1946. P. 141–142*). Попытка современных ученых установить связь между Паросом и шахтами на севере имеет под собой в лучшем случае незначительное основание. При всем том остается непонятным, почему Мильтиад направился к бедному металлом Паросу, если, как говорит Геродот, его целью было золото; здесь могла существовать неизвестная нам связь между Паросом и севером. Впрочем, если золото было всего лишь предлогом для того, чтобы Мильтиад получил командование, то тогда вопрос исчезает.

по таланту в день⁴⁷. Эти шахты Крестонии вместе с теми, которыми удалось завладеть позже в районе Пангея–Филипп, приносили серебро и золото в объемах, достаточных для того, чтобы чеканить отличную местную монету, поддерживать амбиции македонских монархов от Александра I до Персея и, разумеется, делать данный регион привлекательным для чужеземцев, считавших, что он является одним из наиболее важных источников драгоценных металлов в Восточном Средиземноморье.

До сих пор отношения между Македонией и Афинами были дружественными. Афиняне не нарушали македонской гегемонии на территориях у Термического залива, а интересы Македонии на северо-западных окраинах Халкидики не вступали в конфликт с греческой колонизацией юга этого полуострова. Проблема возникла с нижней частью долины Стримона, и причиной ее стали как афинские амбиции, так и агрессивная манера поведения Александра, которая позже стала типичной для многих его потомков на троне Аргеадов. В 476 г. до н. э. Кимон, сын Мильтиада, возглавил афинскую экспедицию для захвата Эйона, расположенного в устье Стримона⁴⁸. Эйон был важным персидским опорным пунктом в здешних краях, и в направленной против него кампании афинян можно было видеть проявление одного из аспектов их политики, нацеленной на то, чтобы очистить землю Европы от все еще не желавших ее покидать остатков персов. После сопряженной с трудностями осады Эйон пал. Местных фракийцев, живших в Эйоне и его окрестностях, возможно, вплоть до места будущего Амфиполя, находившегося в трех или четырех милях севернее, изгнали и область заселили афинянами. Захват и заселение Эйона вызвали небывалый энтузиазм в Афинах⁴⁹, и было понятно, что ослабление персидской военной мощи на севере — не единственный мотив для афинских действий в низовьях Стримона. Довольно скоро Эйон стал эмпорием и базой афинян.

⁴⁷ Thuc., II, 99, 4–6; Hdt., V, 17. Несмотря на македонскую власть, бисалты смогли сохранить себя как этнос еще в римский период: Liv., XLIV, 45, 8; XLV, 29, 7; 30, 3. О расположении шахт Дисорона см.: *Borza E. N. The Natural Resources of Early Macedonia // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 10, n. 21.*

⁴⁸ Thuc., I, 98, 1; Hdt., VII, 107; Plut. Cim., 7, 2–8, 3; дополнительные свидетельства см.: *Isaac B. The Greek Settlements in Thrace...* P. 19, n. 92. Описание Эйона (где никогда не проводились раскопки) и рассказ о стратегической важности данного места см.: *Ibid.* P. 60–62.

⁴⁹ Свидетельства: *Isaac B. The Greek Settlements in Thrace...* P. 20–21.

Фемистоклу, архитектору обороны Афин против вторжения Ксеркса, вскоре после поражения персов суждено было пережить закат своей политической карьеры, и причины его падения не совсем ясны. Однако очевидно, что сразу после окончания войны афинская политика вернулась к обычному для нее состоянию напряженного соперничества кланов, и Фемистокл, который порой бывал более изворотлив, чем обычный афинский политик, потерял почву из-под ног и уступил первенство семье Мильтиада и Кимона. Была ли послевоенная политика Афин на севере вопросом, поднимавшимся в ходе политической борьбы, с точностью ответить невозможно⁵⁰. Но Александр, чьи деловые отношения с афинским государством, пока оно находилось под влиянием Фемистокла, были обоюдно выгодными, теперь, вероятно, был обеспокоен основанием Кимоном поселения в устье Стримона. Более того, теперь, когда связь Александра с Афинами нарушилась из-за ослабления влияния Фемистокла, отношения царя с Афинским государством начали ухудшаться. После изгнания Фемистокла из Афин ок. 471 г. до н. э. в них, видимо, уже не было никого, кто действовал бы в пользу македонян в вопросах, касавшихся афинской политики на севере.

Неизвестно, продолжил ли Александр поставлять древесину для нужд афинского флота. С приобретением шахт Дисорона Македонское царство уже не настолько зависело от продаж древесины для получения доходов. О царском богатстве свидетельствуют как отменное качество македонских серебряных монет середины V в. до н. э., так и посвящение Александром в Дельфах золотой статуи, изображавшей его самого⁵¹. Статуя Александра в Дельфах демонстрирует и нечто иное: прославление захвата им переправы через Стримон в месте «Девяти путей», недалеко от будущего Амфиполя. По поводу того, случилось ли данное событие незадолго до захвата Эйона Кимоном, или после, ведутся споры, и автор речи IV в. до н. э., приписываемой Демосфену (XII, 21), говорит, что исторически первенство в заселении территории вокруг Амфиполя принадлежало македонянам⁵². Это довольно интересный вопрос, так как он показывает, какая

⁵⁰ Коул, однако, полагает, что, возможно, это был важный вопрос (*Cole J. W. Alexander Philhellene and Themistocles*. P. 45–46).

⁵¹ *Hdt.*, VIII, 121; *Dem.*, XII, 20.

⁵² Так, Хэммонд помещает захват Александром «Девяти путей» между 478 г. и эйонской кампанией Кимона в 476/5 г. до н. э. (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. P. 102), но его главный аргумент, кажется, состоит в том, что если бы персы все еще удерживали «Девять путей» в 476/5 г. до н. э., то они бы пришли на помощь

из двух сторон, Афины или Македония, инициировала военную активность в низовьях Стримона после завершения борьбы с персами; экспедиция другой стороны в эту местность, вероятно, поэтому могла быть закономерным предупредительным ответом. Также предполагалось, что обе соперничающие стороны предпринимали попытки установить контроль над устьем Стримона⁵³. В таком случае соперничество двух сил в данной связи могло бы показаться практически неизбежным.

И все же конфликт, который фактически имел место, возможно, не был ни спланированным, ни predetermined. Действия Александра по захвату основной переправы через Стримон, откуда шел путь в приграничные области Крестонии, недавно вошедшие в состав его владений, были проявлением здоровой стратегии, аналогом установления контроля над перевалами, ведущими в Эмафию у Эдессы и Верии или в нижнюю долину Аксия через теснины Демир Капу. Александру не был свойственен особенный интерес к морю, но он стремился защитить главный сухопутный путь, идущий с востока. Для афинян же интерес к морю был первостепенным, и на протяжении большей части 70-х гг. V в. до н. э. их основные усилия были направлены на то, чтобы снизить угрозу со стороны персидского флота и организовать морской оборонительный союз. В низовьях Стримона интересы двух сторон, видимо, никак не связанные друг с другом, столкнулись, и действия, которые могли быть инициированы по разным причинам, приобрели новое значение, оставив впечатление в ряде источников, что конечная цель ничем не отличалась от исходной (к примеру, см.: *Plut. Cim.*, 7). Только в случае афинян, которые давно были вовлечены в экономическую деятельность в данном регионе, мотивы могли быть смешанными.

К началу 60-х гг. V в. до н. э. отношения Афин и Македонского государства ухудшились. Фемистокл, ныне изгнанник и беглец⁵⁴, при-

своему воснаачальнику Богу в Эйоне. Есть и другие проблемы, связанные со свидетельствами об Александре и «Девяти путях»; см. слова Коула: «Не Александр, а Пердикка (*Dem.*, XXIII, 200; XIII, 24)», хотя я склонен считать, что Демосфен сделал ошибку, приписывая Пердикке, а не Александру действия против персов.

⁵³ Так думает Хэммонд (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 102*).

⁵⁴ Даты, относящиеся к деятельности Фемистокла в изгнании, спорны; литература на данный счет растет в объеме; к примеру, см.: *Cole J. W. Alexander Philhellene and Themistocles. P. 45–47* (с библиографией и источниками). Коул связывает действия Фемистокла в Пелопоннесе с предоставлением Александром убежища некоторым микенцам, лишившимся пристанища после того, как на их город напали аргивяне (*Paus.*, VII, 25, 6).

был на север, где Александр дал ему убежище в Пидне (Thuc., I, 137, 1–2; Plut. Them., 25–26), возможно, встретился с ним в Эгах, а затем предоставил ему корабль для отъезда в Азию. Коул попытался показать, что Александр и Фемистокл втайне замыслили создать «третью силу», чтобы противостоять Афинам и Спарте, и что Фемистокл в какой-то момент убедил Александра поддержать демократическую партию в Аргосе. Доказательств этому нет, но данное предположение позволяет найти возможную причину того, почему Александр стремился создать для своей семьи родословную, идущую от аргивских греков.

Все было напрасно. Карьера Фемистокла в Греции была закончена, и он отплыл в изгнание. Александр столкнулся с серьезными проблемами у «своего порога». По неизвестным причинам Македония утратила контроль над «Девятью путями», которые оказались в руках фракийцев-эдонов, населявших эту местность еще до персидской оккупации⁵⁵. В низовьях Стримона, кажется, имело место возрождение фракийского присутствия, и ухудшение качества македонских монет позволяет предположить, что доступ к ресурсам серебра стал для Александра более ограниченным⁵⁶. Афиняне, однако, продолжили свою активность на севере. Около 465 г. до н. э. Фасос отложился от Делосского союза, что стало причиной отправки на остров крупных афинских сил. По крайней мере частично причиной раздора стали коммерческие и горнодобывающие интересы на фракийских землях материка (Diod., XI, 70, 1; Thuc., I, 100, 2). В то же самое время, пока продолжалась осада афинянами Фасоса (длившаяся почти три года), около 10 тыс. афинских поселенцев были направлены в местность «Девяти путей». Это был как раз тот вид массированного заселения региона, которому фракийцы, терпеливо относившиеся и к персидским гарнизонам, и к афинским эмпориям, традиционно сопротивлялись.

«Девять путей» были заселены, но у Драбеска, далее в глубь материка, афиняне (либо некоторые из них) были истреблены сильным объединенным войском фракийцев⁵⁷. Однако предпринятая Кимоном

⁵⁵ Thuc., I, 100, 3; Diod., XI, 70, 5.

⁵⁶ Price M. Coins of the Macedonians. London, 1974. P. 19; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 114. Вместе с тем нужно быть осторожным, ибо общее число сохранившихся экземпляров монет, относящихся ко всем этим отдаленным временам, вероятно, не является достаточной статистической базой для того, чтобы делать выводы, опираясь при этом только на свидетельства монет.

⁵⁷ Это бедствие много обсуждалось. Основные источники: Thuc., I, 100, 3; Hdt., IX, 75; Diod., XI, 70, 5; XII, 68, 2; Paus., I, 29, 4. Краткое обсуждение основных проблем, связанных с данным событием, и посвященную ему библиографию см.: Isaac B. The Greek Settlements in Thrace... P. 24–30.

осада Фасоса увенчалась успехом, и в 463 г. до н. э. жители острова капитулировали. Афиняне захватили и город, и расположенную напротив него материковую территорию, которая находилась под контролем Фасоса и на которой имелись шахты и эмпории⁵⁸. Когда Кимон вернулся домой, ему было предъявлено обвинение в том, что он не воспользовался своей победой и не использовал только что захваченные земли материка как базу для нападения на Македонию. Таким образом, неспособность Кимона завладеть значительной частью македонской территории навлекла на него подозрения в получении взятки от царя Александра (Plut. Cim., 14, 2–3). Несмотря на то что Александр, вероятно, вполне мог предложить такую взятку, само по себе обвинение было следствием направленных против Кимона политических интриг на родине. Материковая территория, захваченная у Фасоса, лежала слишком далеко к востоку, чтобы служить базой для вторжения в Македонское царство. Между нею и македонской границей, пролежавшей вдоль Стримона, проживали весьма могущественные племена фракийцев, которые совсем недавно уничтожили афинских поселенцев у «Девяти путей», ворот в Македонию. Если вторжение в Македонское царство и в самом деле было частью первоначального плана Афин, то отказ Кимона должен был являться следствием катастрофы у «Девяти путей», а не неспособностью выступить из земель материка напротив Фасоса. В таком случае Кимон продемонстрировал хорошее знание стратегии.

И все же природа обвинения против Кимона (даже если оно было несправедливым) проливает свет на общественное мнение Афин. Почему афиняне теперь поддерживали возможность вторжения в Македонию, а не просто продолжение соперничества на фракийской территории к востоку от македонской границы? Если намерения афинян определялись развитием экономического империализма в регионе, то богатая серебром и древесиной территория Крестонии, недавно захваченная Александром, могла быть существенным мотивом. Экономический императив, возможно, был усилен связью Александра с беглым Фемистоклом, и по крайней мере один исследователь предположил, что македоняне были вовлечены во фракийскую коалицию, пресекающую попытки афинян заселить «Девять путей» и Драбеск⁵⁹. Обвинение с Кимона было снято (с большим трудом), но его обязали

⁵⁸ Plut. Cim., 15, 2; Thuc., I, 100, 2. Шахты, вероятно, были теми, что у Крениды и Скаптеислы, правда, точное расположение последнего из названных мест неизвестно.

⁵⁹ Cole J. W. Alexander Philhellene and Themistocles. P. 48–49; Walker E. M. The Confederacy of Delos, 478–463 B. C. // CAH. Vol. V. 1927. P. 58.

заплатить штраф в размере пятидесяти талантов⁶⁰. Таким образом, афинские амбиции в регионе потерпели неудачу из-за неожиданного сопротивления фракийцев и из-за решения Кимона вернуться в Афины, хотя получил ли он изначально инструкции вторгнуться в Македонию, неясно по причине в высшей степени политизированного суда над ним. Впрочем, Афины обрели теперь плацдарм на материке напротив Фасоса, где располагались шахты, и, используя его эмпории, могли торговать с фракийцами и македонянами, получая металлы и древесину, а контроль афинян над Эйоном открывал им путь в низовья долины Стримона. Даже если македоняне во всех этих событиях играли лишь незначительную роль, не может быть никаких сомнений в том, что их царь испытывал тревогу по поводу дальнейших намерений афинян относительно восточных границ его государства.

МАКЕДОНСКОЕ ЦАРСТВО АЛЕКСАНДРА

Одним из результатов деятельности фракийцев, персов, греков и македонян на северных землях Эгейского моря явилось появление царства Александра как сильнейшего государства региона. Бывшее отсталым «феодальным» царством во времена Аминты, при его сыне оно стало могущественнейшей монархией на Балканах. Кратковременная персидская гегемония на фракийско-македонских землях стоила македонянам лишь нескольких отрядов, выставленных для персидских военных предприятий. Вместе с тем Александр, возможно, получал выгоды, продавая древесину в Афины, и увеличил свое богатство, пользуясь беспорядками у фракийцев, вызванными организационными мероприятиями персов восточнее Стримона. Кроме того, македоняне получили контроль над шахтами Крестонии, оставленными бисалтами после их отказа подчиняться власти персов.

Наши источники, в основном сообщающие о событиях в Эгсиде, дают мало информации о том, что происходило вдоль западной границы Македонского царства. В какой-то момент, может быть, после ухода персов, Александр сражался с зордами, одержал над ними победу и изгнал их с земель в коридоре к западу от горы Вермион⁶¹.

⁶⁰ Dem., XXIII, 205; Plut. Cim., XV, 1; Per., X, 5; Arist. Ath. Pol., 27, 1. Кроме того, см.: *Raubitschek A. E.* Theophrastos on Ostracism // C&M. 1958. Т. 19. Р. 91, п. 7.

⁶¹ Thuc., II, 99, 5–6; IV, 124, 1. Здесь я следую за Эдсоном (*Edson Ch. F.* Early Macedonia. Р. 27–28, п. 56–57), хотя и не разделяю его мнения о том, что Алмопия стала частью владений Александра в это же время, ибо я склонен считать ее захват результатом более ранней экспансии, возможно, при Аминте.

Аргеады теперь вступили в контакт с македонянами, населявшими западные горные районы, которые были вынуждены признать вассальную зависимость от нижнемакедонского царского дома, которая их никогда не устраивала. Очевидно, что эти племена сохраняли свои собственные царские династии и значительную местную автономию. От них требовалась посылка войск Аргеадам, когда это было нужно. Впрочем, на протяжении по крайней мере последующих 150 лет связи между нижними и верхними македонянами оставались чрезвычайно ограниченными⁶². Несмотря на то что Фукидид (II, 99, 3; 6) мог теперь называть весь этот регион «Македония», Аргеады были не в состоянии интегрировать горных соплеменников в свое собственное царство вплоть до времени правления Филиппа II, но даже и тогда лишь с относительным успехом.

Есть отдельное свидетельство, которое помогает нам понять один аспект отношений между Аргеадами и жителями гор на западе. Схолиаст Фукидида отмечает (*ad* I, 57, 3), что элимиотский царь Дерда был кузеном сыновей Александра I — Пердикки и Филиппа. Элимея, лежащая к югу от Эордеи и включавшая в себя большой изгиб Галиакмона и пути на юг в Фессалию, была, естественно, следующей целью экспансионистских устремлений Александра после Эордеи. Данное свидетельство предполагает брак между Александром (или его сестрой) и царской семьей Элимеи⁶³. Использование брака как формы политического соглашения берет свое начало (насколько нам известно) с того, что сестра Александра Гигея была отдана в жены персу Бубару. Теперь же подобного рода связь была установлена и с правящим домом Элимеи, а в дальнейшем браки между Аргеадами и представителями Верхней Македонии, греческого и балканских народов станет характерной чертой царской политики в правление Филиппа II. Неизвестно, простиралась ли власть Александра за пределы коридора Битола–Козани, на район западных хребтов Пинда. Однако ясно, что царство Элимеи стало теперь в несколько раз больше своих первоначальных размеров. Это явилось результатом экспансии Аргеадов в горные области на западе, а также на территории возвышенностей и равнин к востоку от Аксия.

По-видимому, македонской военной мощи было достаточно, чтобы завосвывать новые территории, но подробностей на этот счет у нас

⁶² Подробнее о связях между Аргеадами и западными македонянами см.: *Bosworth A. B. Philip II and Upper Macedonia // CQ. 1971. Vol. 21. P. 93–105.*

⁶³ *Ibid.* P. 100; *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 18–19* (с приведением дополнительных свидетельств).

нет. Действительно, нам почти ничего не известно об армии Македонии до Филиппа II. Большинство попыток реконструировать войско македонян V в. до н. э. опирается на информацию времен Филиппа, а потому может иметь черты анахронизма. Без археологии, предоставляющей ученым экземпляры оружия и доспехов, а также без археологических либо письменных свидетельств, достаточных для понимания социальной и политической структур, лежавших в основе армии, любые попытки оценить военную организацию раннего периода Македонского царства — не более чем догадки.

При Платеях — самом раннем известном военном предприятии с участием македонских войск в Греции — македоняне стояли в строю вместе с греками из центральных и северных областей (Hdt., IX, 31, 2), чье вооружение, вероятно, было легким. Однако неясно, расположены ли отряды этих союзников у Геродота (или были расположены персами) географически либо по характеру их вооружения. В других случаях, за исключением гарнизонной службы в городах Беотии, македонские войска персами, кажется, не использовались. Мы можем вполне допустить, что, как это было в большинстве европейских обществ на ранних стадиях развития, македонские «бароны» имели оружие, предназначенное для конного боя. Эти кавалеристы позже стали называться гетайрами (ἑταῖροι), или «друзьями», царя, — столь же социальный признак, сколь и описание того, каким образом они сражались. У нас нет сведений о том, была ли у македонян обученная пехота, подобная фракийским пельтастам или греческим гоплитам, чьи воинские качества были уже знамениты в начале V в. до н. э. Возможно, македонская пехота была всего лишь крестьянами, вооруженными, подобно их «коллегам» гомеровской эпохи или европейского средневековья, всякими средствами, подходящими для рукопашной схватки с врагом. Недавние попытки найти смысл в одном фрагменте из сочинения Анаксимена из Лампсака, автора IV в. до н. э., где «Александр» приписывается создание педзетайров (πεζῆταροι), или «пеших друзей», т. е. обученной пехоты, стали предметом спора⁶⁴.

⁶⁴ См., в частности: *Bosworth A. B. ASΘETAIPOI // CQ. 1973. Vol. 23. P. 245*, где высказывается мнение, что проведение этой реформы нужно связывать с Александром II (370–369/8 гг.); *Brent P. A. Anaximenes and King Alexander I of Macedon // JHS. 1976. Vol. 96. P. 151–153*, где автор доказывает, что Анаксимен ошибочно приписал проведение данной реформы Александру I; *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 705–713*, где (после тщательного рассмотрения вопроса) делается предположение, что почетное наименование пехоты «пешие друзья» произошло при Александре Великом. Несмотря на то что окончательное заключение в данном случае невозможно,

Нам неизвестно и то, как в количественном отношении соотносились между собой македонские пехота и конница, и даже какой из этих родов войск являлся основной силой. Более поздние сведения V в. до н. э., относящиеся ко времени правления Пердикки II, говорят не только о том, что македоняне испытывали недостаток в обученной пехоте, но и о том, что Западная Македония поставляла значительные контингенты кавалерии и Аргеадам, и их противникам⁶⁵. И в самом деле, горные области будут оставаться для македонских царей важным источником пополнения как конницы, так и пехоты вплоть до конца правления Александра Великого. Удивительно, если военная мощь династии Аргеадов находилась в пропорциональной зависимости от ее способности поддерживать прочные связи с македонянами, жившими на западе. Как бы то ни было, при той недостаточной информации, которой мы располагаем, непонятно, была ли армия Александра I, предположительно первого царя, пытавшегося объединить македонян, реорганизована в профессиональное войско, либо — что кажется более вероятным — он продолжал опираться на конницу «баронов», необученную пехоту и воинов, поставляемых по случаю его западными союзниками.

Очевидное свидетельство выражения нового македонского могущества может быть найдено в монетах. Соседи македонян — греки Халкидики и фракийцы долины Стримона — одними из первых европейцев стали чеканить монеты⁶⁶. Лидийское изобретение — клеймение кусочков ценного металла строго определенного веса — пришло в Ионию, а оттуда в середине VI в. до н. э. во Фракию и Македонию. С этих пор началась чеканка монет фракийскими племенами и греческими городами Халкидики, хотя и остается неясным, чье влияние на последних было в этом отношении определяющим — эвбейцев, основавших колонии в регионе, или соседей-фракийцев. Навыки в области обработки металла, как и само сырье, вероятно, были местные. У фракий-

аргументация Хэммонда в плане методологии и военной истории выглядят все же наиболее убедительной. О военных реформах Филиппа II см. ниже.

⁶⁵ Свидетельства: *Brunt P. A. Anaximenes...* P. 151–152.

⁶⁶ То, о чем будет сказано далее, многим обязано следующим работам: *Price M. Coins of the Macedonians.* P. 2–19; *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia.* Vol. II. P. 69–91, 104–13; *Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins.* London, 1976. P. 139–143; *Price M., Waggoner N. Archaic Greek Coinage: The Asyut Hoard.* London, 1975. Упоминание мной только недавней литературы никоим образом не умаляет того, в каком долгу находятся все ученые перед Свороносом (*Svoronos J. L'hellénisme primitif de la Macédoine.* Paris, 1919) и Рэймондом (*Raymond D. Macedonian Regal Coinage to 413 B. C.* New York, 1953; см. ниже Приложение А), первыми предпринявшими усилия по классификации монет севера.

ских монет имеется определенное единообразие в типах и весе; является ли подобного рода сходство результатом существования у фракийцев монетарного объединения, как полагает ряд исследователей, непонятно⁶⁷. Возникшая в конце VI в. до н. э. необходимость выплачивать подать персам стала стимулом для стандартизации монет. При этом явные следы азиатского влияния на сосудах, обнаруженных в ходе раскопок во Фракии и на западе вплоть до Синда, говорят о том, что торговля с Востоком была активной. Таким образом, многие местные монеты соответствуют восточным стандартам, принятым, чтобы упростить контакты с Персидской империей, в географических пределах которой было обнаружено большое число подобных денег.

Помимо основной функции монет как средства обмена они также служили статусным символом, хотя их использование в греческом мире в качестве средства пропаганды, вероятно, преувеличивается в современной науке⁶⁸. Внешний вид монет мог меняться в зависимости от политического и культурного духа эпохи, не влияя на их основное применение, которое определялось их весом и чистотой металла. Самые ранние фракийские монеты представляют собой кусочки электра или серебра, на которые прессом наносилось клеймо в форме неправильного квадрата. С усложнением внешнего вида монет эти грубо вычеканенные квадраты стали более замысловатыми: иногда они заключали в себе рисунок, иногда принимали форму свастик, часто были поделены диагонально или на четыре более

⁶⁷ В поддержку идеи существования подобного монетарного объединения выступают: *Price M. Coins of the Macedonians. P. 3; Raymond D. Macedonian Regal Coinage... P. 47, 59.* Против: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 81–82.* Хэммонд доказывает, что эта идея противоречит исторической информации о характере отношений между фракийскими племенами, основываясь на пассаже (II, 99) из труда Фукидида, который рисует здесь картину «войн и изгнаний»; сходство монет фракийцев, по Хэммонду, является скорее результатом культурной близости данных племен. Со своей стороны можно лишь отметить, что история ряда греческих государств V в. до н. э. — это тоже история войн и изгнаний, но при соблюдении ими определенных монетных стандартов. У многих греков имелись и военные союзы, и сходство монет, хотя второе не обязательно являлось результатом первого. Население само было вполне способно решить, что для него наиболее выгодно в экономическом плане, и для этого вовсе не было нужды в заключении некоего формального союза.

⁶⁸ Это было убедительно показано Мартином (*Martin T. R. Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985, особ. P. 5–6, 219 ff.*, где приведены основные положения его тезиса). Мартин считает, что монеты использовались прежде всего в экономических целях и что мысль об их преимущественном использовании в качестве политического символа не соответствует действительности. Подчеркнем это и признаем, что книга Мартина, посвященная главным образом изучению фессалийских монет IV в. до н. э., вносит полезные коррективы в имевшиеся прежде суждения.

маленьких квадрата. Наличие выбитого квадрата на реверсе является обычным для фракийских монет, тогда как изображение на аверсе различалось в зависимости от общих символов каждого племени.

Наиболее ранние выпуски македонских монет представляют собой научную проблему. По мнению большинства нумизматов, первые монеты были вычеканены Аргеадами как монеты города Эги ок. 490 г. до н. э. в стиле монет фракийских городов Лета и Ихны⁶⁹. То, что на монетах Эг изображалась коза — этимологически (αἴγες — «козы») и мифологически ассоциируемая с данным городом, — заставляет большинство ученых считать эту древнюю монету монетой Эг. На аверсе некоторых из этих монет имеется символ , который представляет собой читаемую в обратном направлении аббревиатуру слова «Эдесса». Рэймонд и Крэй считают, что древним названием Эг было Эдесса, однако работы этих исследователей появились до того, как археологические открытия в Вергине ясно показали, что Эги и Эдесса — два разных поселения.

Вместе с тем Хэммонд полагает, что оракулы и предания (к примеру, см.: Just., VII, 1, 4–7), связывающие коз с основанием Эг, имеют более позднее происхождение, нежели монеты с изображением этого животного, и что отличительной приметой монет времени Александра являются конь и шлем, а не коза⁷⁰. Все монеты подобных типов — с изображением козы на одной стороне и квадратом на другой — Хэммонд относит к фракийским бисалтам и отмечает, что Александр начал выпуск монет лишь тогда, когда захватил бисалтские шахты после отступления Ксеркса. Действительно, сложно объяснить фракийский вычеканенный квадрат на реверсе монеты из далеких Эг. И все же аргументы, приводимые Хэммондом в поддержку отнесения этих «козьих статеров» к бисалтам, не являются в полной мере удовлетворительными, и его точка зрения убедительна, если только допустить, что Александр не заменил городские монеты с местной символикой общенациональными, прославляющими его монархическое правление после Греко-персидских войн. Мнение Хэммонда не является окончательным, но заслуживает внимания в качестве альтернативы традици-

⁶⁹ К примеру, см.: *Raymond D. Macedonian Regal Coinage...* P. 49. Мнение Рэймонда разделяют: *Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins.* P. 141; *Price M. Coins of the Macedonians.* P. 9, N 17). Серебряный статер с выбитым квадратом на реверсе и изображением козы, преклонившей колени, на аверсе также см.: *Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos.* Athens, 1980. P. 44.

⁷⁰ *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia.* Vol. II. P. 81, 86, 104–105. Относительно оракулов см.: *Borza E. N. Athenians...* P. 12, n. 23.

онному взгляду на проблему. На настоящий момент вопрос о том, чеканили ли македонские цари монеты до приблизительно 479 г. до н. э., остается нерешенным.

Отношения между фракийцами и македонянами в послевоенный период в определенном смысле более понятны. Теперь, получив в распоряжение бисалтские шахты горы Диксорон, в центре фракийского монетного производства, Александр стал выпускать монеты, соединявшие в своем внешнем облике как приметы фракийской традиции, так и знаки их новой политической принадлежности. Вычеканенный квадрат был отныне их формальной эмблемой, вокруг которой Александр, не являвшийся более персидским подданным, выбивал свое имя. Фракийцы последовали его примеру, и на всех монетах деронов, бисалтов и орескиев появились названия соответствующих племен, выполненные греческими буквами. Также в подражание Александру один из фракийских правителей, о существовании которого стало известно только благодаря его монетам, выбивал собственное квадратное клеймо с надписью на греческом: «Гета, царь эдонов».

Данная реконструкция представляет собой незначительную ревизию традиционной точки зрения, согласно которой первые монеты Македонского царства были имитацией монет фракийских племен. Асыютский клад, найденный в Египте в 1969 г., предоставил в распоряжение исследователей еще около 900 образцов монет конца VI — начала V в. до н. э. Прайс и Вэггонер пришли к заключению, что некоторые из фракийских монет должны быть датированы 15–20 годами позже, нежели было принято полагать прежде⁷¹. Если придерживаться этой хронологии, то следует допустить возможность того, что монеты фракийцев и македонян оказывали влияние друг на друга. Стимул к чеканке монет и принятие определенных стандартов и типов, возможно, были фракийскими по происхождению, но стали имитироваться

Фрагмент черепицы из Вергины
с изображением козы

⁷¹ Price M., Waggoner N. *Archaic Greek Coinage*... P. 28–29, 38–39, 117–119.

Александром в чеканке им городских монет в Эгах⁷² и общегосударственных монет, когда он получил контроль над западным берегом Стримона после отступления Ксеркса. Однако, изготавливая монеты по типу фракийских, Александр пошел несколько дальше, дополнив квадратное клеймение начертанием своего монаршего имени и сделав вид аверса более изощренным в согласии с высокими стандартами мастерства греков. И хотя фракийцы продолжали чеканить монеты в 70–60-е гг. V в. до н. э. и хотя они восприняли некоторые инновации Александра (надписи на греческом языке), изображение на аверсе этих монет никогда не достигало того уровня искусности, какой демонстрируют их македонские аналоги. Они оставались «фракийскими» по стилю, тогда как македонские монеты по технике своего исполнения сходны с монетами греческого мира.

Стандарты как фракийской, так и македонской чеканки являются весьма сложной проблемой, быть может, наиболее трудной для изучения. Мы уже говорили о типовой и весовой унификации монет, обусловленной либо существованием формальной монетарной общности, либо некой культурной и экономической необходимостью. Большое разнообразие весовых типов Рэймонд и Прайс объясняют стремлением придерживаться и греческих, и азиатских стандартов, а также удовлетворить местные потребности. Хэммонд находит такое объяснение излишне усложненным и полагает, что ранние македонские монеты отражают процесс перехода от азиатских образцов чеканки к греческим.

Несмотря на то что здесь мы встречаемся с нумизматической дилеммой, это никак не меняет сути дела: налицо понимание данными народами, что процесс обмена может быть улучшен при условии принятия определенного удобного монетного стандарта. Подобный обмен мог заключаться в выплате дани далекому азиатскому правителю или в торговле предметами необходимости или роскоши, приобретаемыми за деньги. Большинство монет из относительно чистого металла (некоторые монеты с высоким содержанием неблагородного металла были предназначены для местного обращения) использовались как слитки: исчислялся именно их вес. Нанесение на подобные монеты царской и — шире — национальной символики было нацелено на внешний мир. Одна из наиболее впечатляющих монет Александра, большая серебряная октодрахма, имеет изображение всадника с конем, в традиционной македонской широкополой шляпе

⁷² Ibid. P. 38–39; авторы полагают, что некоторые городские монеты продолжали выпускаться в Эгах и после Греко-персидских войн.

Октодрахма Александра I

(кавсии), обвязанного тканной лентой — отдаленной предшественницей позолоченной диадемы, найденной в царской гробнице IV в. до н. э. в Вергине (цв. ил. 12)⁷³. Есть искушение видеть в этом всаднике царя, участвующего в охоте — одним из излюбленных занятий македонских монархов. На других монетах Александра квадратное фракийское клеймо на реверсе заменено другими символами: головой козы, шлемом с гребнем и мордой льва⁷⁴.

Вдобавок к экономической функции в качестве надежного платежного средства эти мастерски выполненные монеты демонстрируют собой нечто еще: украшенные разнообразными македонскими символами и, быть может, даже портретом самого Александра, они являются ярким свидетельством того, что царь македонян уже видел себя значительной фигурой восточно-средиземноморского мира. Действительно, это может помочь объяснить факт существования монет весьма

⁷³ *Price M. Coins of the Macedonians*. N 18; *Raymond D. Macedonian Regal Coinage...* N 109 a, 110 a; отличное изображение этой монеты см. также: *Philip of Macedon*. P. 29. Параллели с монетами бисалтов и эдонов: *Price M. Coins of the Macedonians*. N 14, 16; *Philip of Macedon*. P. 22. Любопытный факт: на больших октодрахмах Александра в центре четко изображена фигура всадника-охотника, а маленькая собака, которая появляется под конем на ряде монет данного типа, — это *μελιταῖον*, порода, сходная с современной мальтийской болонкой. Доктор Рэйли, эксперт в подобных вопросах, сообщила мне, что в античности собаки такой породы обычно изображались играющими с детьми или как домашние питомцы, но они никак не были охотничьими собаками.

⁷⁴ Лев часто ассоциировался с Гераклом, который к тому моменту официально считался прародителем царского дома через царей Аргоса, изображение же шлема могло быть взято с фракийских образцов; см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. P. 109–110. Экземпляры монет с изображениями коз, шлемов и львиных голов на реверсах см.: *Raymond D. Macedonian Regal Coinage...* Pl. 4–10.

крупного размера. Некоторые из больших серебряных октодрахм Александра весят почти 30 г, однако ни один исследователь не нашел подходящей причины экономического плана, исходя из которой македоняне должны были выпускать такие крупные монеты. Если верна датировка данных монет временем сразу после Греко-персидских войн, то очевидно, что тогда уже не было необходимости использовать их для выплаты дани, и нет достаточной информации о торговых операциях, которые бы требовали подобных денег. Мы вынуждены заключить, что эти монументальные образцы монет предназначались для того, чтобы свидетельствовать о богатстве македонской монархии.

Более того, они были нацелены на греческую аудиторию, на которую Александр намеревался сделать ставку. Рассказы в духе филэллинской пропаганды, сообщенные Геродоту, были подобраны Александром, посвятившим свою статую в Дельфы (или в Олимпию, согласно Солину), под стать этому. Тем самым устанавливалась панэллинская связь, которая будет характерна для македонской царской политики в эпоху Филиппа II и позднее. Пиндар написал энкомий Александру в середине 50-х гг. V в. до н. э., а поздний источник намекает на то, что покровительство греческим писателям являлось частью македонской придворной жизни того времени⁷⁵. К тому же мы отмечали выше, что беженцы из Микен нашли себе тогда пристанище именно в Македонии.

Не приходится сомневаться в том, что Александр надеялся сделать Македонию частью греческого мира, исходя ли из собственных филэллинских симпатий или по причине прагматического понимания того, что это в интересах экономики и политики Македонского государства. Решить подобную задачу Александр намеревался как путем заявления о греческом происхождении (что, вероятнее всего, не соответствовало действительности), так и с помощью принятия некоторых аспектов греческой культуры. Это было начало процесса эллинизации македонского царского двора. То, что сами греки вплоть до времен Демосфена не были убеждены в том, что македоняне были греками, не исключает тот факт, что македонские цари испытывали большое желание быть частью эллинской общности. При выборе национального ориентира — балканского, греческого или азиатского — македонские цари связали свою судьбу со своими соседями-эллинами. И история их народа будет оставаться в значительной мере частью истории Греции до того момента, пока Филипп II и Александр Великий не направят интересы нации в новое русло.

⁷⁵ Pind., fr. 120; Dio Chrys. Orat., II, 33; Solin., IX, 13.

Глава 6

ПЕРДИККА II

О последних годах правления Александра не сохранилось никаких сведений. В «Истории» Геродота, где македонские события лишь периферийны по отношению к основному изложению, этот период уже не отражен. Другие источники сообщают преимущественно об афинских делах, и поскольку те на тот момент не касались Македонии, то мы остаемся на данный счет в неведении. Есть предположение, что Александр переживал тогда трудные времена. Данная точка зрения основана на уменьшении количества и ухудшении качества его монет после где-то 465 г. до н. э.¹ Однако мы видели, что использование одних лишь монет в качестве свидетельства может давать как статистически неточные, так и бесполезные для выяснения причин, лежащих в основе событий, результаты. У нас нет информации о том, что Македонское царство находилось в это время в упадке, и молчание источников о нем могло быть отражением тех акцентов, которые в них делались, а не показателем каких-то перемен в положении македонян.

В ближайшее десятилетие после интервенции афинян на Фасос и захвата Эйона в середине 60-х гг. V в. до н. э. происходит переориентация их интересов с севера на запад и юг. Невозможно сказать, явился ли отказ Афин от проведения активной внешней политики на севере результатом череды их побед и неудач во Фракии в 60-е гг. V в. до н. э., или это было следствием независимого изменения приоритетов, продиктованных внутривнутриполитическими обстоятельствами и предчувствием новых внешних угроз. Можно вполне полагать, что в последние годы правления Александра из собственно Греции не существовало значительного давления, грозившего нарушить установившийся баланс сил на севере между македонянами, фракийцами и греками.

¹ В частности, см.: Price M. Coins of the Macedonians. London, 1974. P. 19. Хэммонд полагает, что бисалтские шахты были утрачены, а затем вновь возвращены Александром в 50-е гг. V в. до н. э. (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 115).

Как представляется, ослабление в это время в Афинах интереса к Македонии и Фракии связано с событиями в Пелопоннесе. Когда попытка афинян оказать помощь спартамцам в подавлении восстания илотов в 464 г. до н. э. была отклонена Спартой, в Афинах начался политический кризис. В конечном счете партия Кимона, — чья фамилия была главной сторонницей ведения афинянами активной политики на севере Эгеиды, — потерпела поражение, а сам Кимон в 461 г. до н. э. подвергся остракизму. Возобладала антиспартанская политика, поддерживаемая оппозицией во главе с Эфиальтом и Периклом, и главной заботой Афин стали их отношения с Мегарами, Эгиной, Коринфом, Аргосом и другими городами Пелопоннеса. Кроме того, афиняне постепенно усиливали контроль над морскими государствами Делосского союза, а также направили крупные экспедиционные войска в Египет и на Кипр для продолжения военных действий против персов.

Подобная внешнеполитическая активность Афин требовала усиления их военно-морской мощи, и нет сомнения в том, что они испытывали постоянную нужду в корабельном лесу и смоле. Поскольку их попытка основать северный аванпост в глубинах материка, дальше базы в Эйоне в устье Стримона, потерпела неудачу, Афины продолжали зависеть от других источников снабжения древесиной. В античных источниках нет и намёка на то, что до Пелопоннесской войны афиняне проявляли интерес к рощам Италии и Сицилии в качестве ресурсов корабельного леса², и кажется вероятным, что Афины покупали его у македонян. Предположительно подобного рода покупки совершались с согласия македонского царя.

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ

Ни дата, ни обстоятельства смерти Александра I неясны. Сохранилось лишь одно краткое указание на его кончину, но, как и большинство сведений, относящихся к этому раннему периоду, оно спорно. Римский биограф Александра Великого Квинт Курций Руф (VI, 11, 26) пересказывает речь македонского восначальника Филоты, который, будучи подвергнут пытке за причастность к заговору против царя, сообщает о заявлении одного из заговорщиков — Гегелоха. Гегелох, кажется, говорил о том, что следует отомстить за смерть трех

² О важности поставок древесины с запада для нужд афинского флота в конце V, в IV—III вв. до н. э. см.: *Meiggs R. Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*. Oxford, 1982. P. 124, 131, 139.

ранних македонских царей: Александра, Архелая и Пердикки (в хронологическом порядке). Так как и Архелай, и Пердикка III умерли насильственной смертью — первый был убит в результате заговора, а второй погиб в бою, — есть предположение, что и Александр I закончил свои дни сходным образом³. Убийство македонского царя вследствие заговора вполне возможно. Но свидетельство, приписываемое Гегелоху Филотой, — которого самого пытали в наказание за намерение убить царя, — к тому же переданное поздним и склонным к риторике автором, не внушает доверия. Исследователи в целом недостаточно критично относятся к контексту подобного заявления, предпочитая вместо этого дискутировать по поводу вносимых в текст изменений. Короче говоря, по нормам, обычно предъявляемым к свидетельству, пассаж Курция, касающийся смерти Александра I, в высшей степени спорен. То, что наследование престола после смерти Александра I было отмечено смутой в царской семье, явно говорит о наличии разногласий. Однако свидетельство о насильственной смерти Александра имеет совсем незначительную силу, и это в лучшем случае. Итак, по причинам, о которых можно лишь гадать, включая и смерть от старости, первый великий македонский царь скончался ок. 454 г. до н. э. в возрасте приблизительно 80 лет от роду⁴.

Сложность в установлении точной даты смерти Александра ведет к неясности в связи со вступлением на престол Пердикки II. Более

³ Некоторые современные издатели текста Курция пытались изменить в данном пассаже порядок царей таким образом: Архелай, Александр II и Пердикка, но подобное изменение не получило значительной поддержки. См. критические замечания Эдсона по данному поводу: *Edson Ch. F. Rev.: Raymond D. Macedonian Regal Coinage to 413 B. C. // CPh. Vol. 52. 1957. P. 280, n. 6* («произвольное» и «в наивысшей степени неудачное»), а также обстоятельный обзор проблемы у Триподи: *Tripodi B. Sulla morte di Alessandro I di Macedonia // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Cl. let. e fil. Ser. 3. T. 14.4. 1984. P. 1263–1268*. Будь исправленный порядок царей принят, единственное свидетельство об обстоятельствах смерти Александра I в таком случае исчезло бы.

⁴ Исследование о македонских царях, «имевших склонность умирать с башмаками на своих ногах», см.: *Carney E. Regicide in Macedonia // PP. 1983. T. 38. P. 260–272*. По мнению Триподи, Александр ушел из жизни в возрасте примерно 80 лет (*Tripodi B. Sulla morte di Alessandro I... P. 267*), что вполне правдоподобно. Принимая во внимание ненадежность свидетельств, я не разделяю убежденность Эдсона (*Edson Ch. F. Early Macedonia // AM. 1970. T. I. P. 34*) и Хэммонда (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 103, 115*) в насильственной смерти Александра, произошедшей в результате политического убийства или в ходе военных действий. В качестве приблизительной даты смерти Александра я принимаю 496 г., исходя из предполагаемой даты его восшествия на престол — ок. 454 г. до н. э. (см. выше). Здесь я расхожусь с Хэммондом, относящим кончину Александра где-то к 452 г. до н. э. (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 103–104*).

того, античные авторы сильно расходятся во мнениях, как долго он находился у власти. Афиней (V, 217 d–e), говоря о разногласиях, называет шесть авторитетных писателей, у которых продолжительность правления Пердикки разнится от 23 до 41 года. Отсутствие единства на данный счет имеется и в других источниках⁵. Подобная неопределенность может быть обусловлена действительно существовавшими разногласиями у античных авторов, связанными с неясностью относительно того, что происходило сразу после смерти Александра и в первые годы правления Пердикки. Преемство Пердикки оспаривалось другими членами его семьи. Не исключено, что меньшее число лет его правления относится лишь к тому периоду, в течение которого он властвовал в отсутствие внутренней оппозиции, тогда как большее включает в себя все его царствование, от смерти Александра до прихода к власти Архелая. Очевидно, что Пердикка был царем в 434 г. и все еще правил в 414 г., но к 410 г. до н. э. на троне уже был Архелай. Для удобства дальнейшего изложения мы можем принять следующую датировку времени царствования Пердикки: ок. 454 — ок. 413 г. до н. э.⁶

У Александра было как минимум шесть детей, из которых троим сыновьям была дана власть (ἀρχή) над отдельными частями царства: Филиппу вдоль реки Аксий (возможно, над Амфакситидой), а Алкесте и Пердикке над неизвестными нам землями⁷. То, что Македонское государство было поделено на автономные районы, возглавляемые царскими сыновьями, зафиксировано Фукидидом и, вероятно, свидетельствует о предпринятой Александром попытке распределить административные полномочия между детьми перед своей кончиной, а не о борьбе за власть после нее⁸. Полагать, что назначенным пре-

⁵ К примеру, см.: Diod., VII, 15, 2 (Евсевий); Syncell., p. 469 (Dind.); Marm. Par. (Fgr Hist 239 A 58).

⁶ Thuc., I, 57, 2; VII, 9, 1; Diod., XIII, 49, 1. Обсуждение вопроса: Cole J. W. Perdiccas and Athens // Phoenix. 1974. Vol. 28. P. 55; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 103–104; Geyer F. Macedonia // RE. Bd. XIV. 1928. Sp. 704–705; Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945. P. 200–201.

⁷ Источники: Thuc., I, 57, 3; Plat. Gorg., 471 a–b; Aelian. Var. hist., II, 41. Обсуждение: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 115; Cole J. W. Perdiccas and Athens. P. 55–57. О четвертом сыне, Менеласе, нет свидетельств, а о пятом сыне, Аминте, говорится, что он жил как частный гражданин (Syncell., p. 500 [Dind.]).

⁸ Согласно Коулу (Cole J. W. Perdiccas and Athens. P. 55–57), а не Хэммонду (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 115). То, что Филипп правил столь важным районом, как земли у Аксия, скорее предполагает, что он получил их от своего отца, а не от брата; Филипп правил этими землями до тех пор, пока Пердикка в конце концов у него их не отнял.

емником был кто-то иной, а не Пердикка, нет оснований. И хотя данный вывод опирается лишь на отсутствие свидетельств в пользу обратного, он возлагает бремя доказательств на тех, кто мог бы считать, что другие царские сыновья также обладали законными притязаниями на трон. Далее мы увидим, что Филипп бросил Пердикке вызов, тогда как Алкета уступил ему свою власть (ἀρχή) спустя время. Как это случилось, неизвестно, однако упоминание об Алкете в надписи конца 20-х гг. V в. до н. э.⁹ как о втором по значимости лице после Пердикки говорит о том, что уступка эта произошла мирным путем. Неясно, являлся ли Пердикка старшим сыном Александра, ибо, как будет показано ниже, право первородства в Македонии могло не быть определяющим при престолонаследии.

Любая политическая система, в которой допускается разделение сфер ответственности для установления эффективного управления, должна зависеть от сильной центральной власти. Но после смерти Александра между его сыновьями возникло соперничество, и оно продолжало отягощать жизнь Македонии, по крайней мере на протяжении 40-х гг. V в. до н. э., потом снова возникая эпизодически, когда внешние силы оказывали помощь той или иной стороне конфликта. Очевидно, что Аргеады были печально известны своей воинственностью и что единство Македонского царства должно было обеспечиваться силой того, кто находился на троне. В середине V в. до н. э. Пердикка постепенно одержал победу над своими соперниками, и с тех пор, по-видимому, вся власть сконцентрировалась в его руках¹⁰.

АФИНЫ И ФРАКИЙСКИЕ РУБЕЖИ

Возможно, не является случайным совпадением тот факт, что возобновление интереса Афин к северу совпало со смертью Александра I. К счастью, сохранился редкий пример документального свидетельства того времени, способного пролить некоторый свет на деятельность афинян на севере, — податные списки Афинской империи. Сложившийся четвертью века назад Делосский союз, якобы имевший своей целью защиту греческих городов Эгейского моря от дальнейших нападений персов, к концу 50-х гг. V в. до н. э. превратился в империю, эксплуатируемую Афинами в своих собственных экономических и военных интересах. Объединение это продолжало расширяться

⁹ В знаменитой надписи IG, I³, 89, о которой см. ниже.

¹⁰ Так, все монеты этого времени могут быть приписаны лишь Пердикке; см.: *Raymond D. Macedonian Royal Coinage to 413 B. C.* New York, 1953. P. 148–165.

и изменяться организационно, и податные списки являются фиксацией тех выплат, которые делались каждым входящим в него государством. Изучение этих надписей до известной степени позволяет проникнуть в суть афинской политики у рубежей Македонии¹¹.

К концу 50-х гг. V в. до н. э. Афины облагали податью общины, расположенные на северном и восточном (но не западном, т. е. пиерийском) берегах Термического залива. Стрепса, чье точное месторасположение в дельте Галлика-Аксия спорно, входила в их число. И остается гадать, какого рода давление оказывали Афины на царя Македонии или какие соглашения существовали между ними, чтобы македонская сторона позволила государству, платившему афинянам подать, находиться в столь стратегически важном месте на ее территории. Оставив в стороне некоторые указанные в податных списках города Халкидики, так как они на тот момент не входили в сферу интересов македонян, остановим свое внимание на поселениях, расположенных у Стримона. Из них в списках присутствуют Аргил, прибрежный город чуть западнее устья Стримона, и Берга, община на территории бисалтов примерно в 25 милях вверх по течению от Амфиполя¹². Через Аргил, возможно, осуществлялась торговля товарами, следовавшими по реке. Однако до тех пор, пока его расположение не будет определено археологами на этом участке береговой линии, лишенном удобных гаваней, совсем немного может быть сказано с определенностью. В любом случае на место Аргилу в качестве торгового центра пришел Амфиполь, основанный в 437 г. до н. э. Берга может быть связана с отправкой Периклом 1000 поселенцев на территорию бисалтов¹³. Произошло это ок. 451 г. до н. э., и поскольку Берга тогда впервые появляется в податных списках, то есть искушение усматривать связь между обоснованием афинян в/рядом с Бергой и ее вхождением в число афинских союзников.

¹¹ Основной корпус данных надписей: *The Athenian Tribute Lists* / ed. by B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor. Vol. I–IV. Cambridge (Mass.); Princeton, 1939–1953. (обсуждение: Р. 308–325). В дальнейшем изложении я опираюсь на ценные рассуждения Хэммонда (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 116–119*) и на одно из первых исследований по данному вопросу Эдсона (*Edson Ch. F. Notes on the Thracian Phoros* // *CPh*. 1947. Vol. 42. P. 88–105) (обе работы со ссылками на взгляды издателей «Афинских податных списков» и других ученых). То, что все союзники, обитавшие вдоль македонского побережья Термического залива, должны были входить во «фракийский» податный округ, напоминает нам о том, что представление о «Македонии» как регионе, отличном от «Фракии», оформилось сравнительно поздно, в V в. до н. э.

¹² Свидетельства об Аргиле, Берге и Брее (о ней см. ниже): *Isaac B. The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 51–54, 59.*

¹³ *Plut. Per.*, 11, 5.

Данное событие свидетельствует о значительном продвижении афинян в глубь материка, что может быть объяснено как часть возобновленной афинской политики, нацеленной на получение доступа к лесным ресурсам этого региона, и — если прав Хэммонд — желанием бисалтов получить поддержку Афин в борьбе с соседями — македонянами и фракийцами. Кроме того, фракийский народ, живший в глубь материка, вероятно, должен был гораздо меньше опасаться имперских притязаний афинян, нежели города, расположенные на побережье или на островах.

Дальнейший шаг по усилению контроля над Стримоном был принят ок. 446 г. до н. э., когда афиняне основали колонию в Брее. Точный статус этого поселения неясен, как и дата его основания и месторасположение, хотя, скорее всего, оно находилось в области бисалтов и должно было иметь постоянный характер. «Брея» — фракийское слово, поэтому, очевидно, данный пункт ранее являлся местным поселением, и здесь в не обложенной податью афинской колонии могли дислоцироваться войска¹⁴. Эта клерухия, кажется, была покинута в начале Пелопоннесской войны, возможно потому, что она была неэффективной, или потому, что основание Амфиполя сделало ее ненужной. Таким образом, очевидно, что к середине 40-х гг. V в. до н. э. Афины не только включили в состав империи своих северных союзников, но и совершили ряд действий, направленных на установление своего присутствия в бассейне Стримона. Кроме того, та относительная легкость, с которой афинянам удалось усилить свое влияние среди фракийцев, населявших область Стримона, свидетельствует о том, как слаба была власть македонян на их восточных рубежах.

Если и имелись какие-то сомнения относительно афинских намерений на севере, то они исчезли после основания Афинами Амфиполя в 437/6 г. до н. э.¹⁵ Место, где появился город — у «Девяти путей»,

¹⁴ IG, I³, 46 = M-L, N 49; вместе с тем см.: *Isaac B. The Greek Settlements...* P. 51–52. Хэммонд считает это поселение клерухией (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 118, n. 2*), равно как и Варцос (*Vartsos A. The Foundation of Brea // AM. 1977. T. II. P. 13–16*).

¹⁵ Имеется обширная библиография по истории и археологии Амфиполя, большая часть которой приведена в работах: *Isaac B. The Greek Settlements...* P. 35–48; *Sources for Greek History between the Persian and Peloponnesian Wars / ed. by G. F. Hill, R. Meiggs, A. Andrewes. Oxford, 1962. P. 347* (наряду с другими античными источниками, см. особ. *Thuc.*, IV, 102, 3; 103, 3–4; *Diod.*, XII, 32, 3). Важные, ставшие образцовыми работы: *Papastavrou I. Amphipolis: Geschichte und Prosopographie. Leipzig, 1936*; *Λαζαρίδης Δ. Ἀμφίπολις καὶ Ἀργύλος. Αθήνα, 1972* (с отличными картами); *Pritchett W. K. Amphipolis Restudied // Studies in Ancient Greek Topography. Vol. III. California, 1980. P. 298–346* (в основном о кампании Брасида); также см. отчеты о продолжающихся раскопках

переправы через Стримон, — прекрасно. Оно занимает часть невысокой горы на восточном берегу реки, в проходе, сразу после которого начинается ее дельта. Тут Стримон описывает дугу вдоль подножья горы, тем самым обеспечивая городу отличную защиту, а также господство над самой рекой. К тому же подобное расположение дает контроль как над переправой через Стримон, так и над путями, идущими в нижнюю часть его бассейна. В ходе раскопок последних лет Греческая археологическая служба обнаружила в данном месте остатки мощных стен и укреплений храма, спортивных сооружений и жилых домов. Эти руины выразительно говорят о богатстве города в V–IV вв. до н. э., обещаая в дальнейшем и другие впечатляющие находки.

Явные стратегические выгоды данного места афиняне осознали уже в 60-х гг. V в. до н. э., когда предприняли неудачную попытку обосноваться близ «Девяти путей». Хорошо укрепленный и защищенный гарнизоном город у переправы имел гораздо большие преимущества в военном и экономическом отношениях, нежели расположенный в дельте Стримона Эйон. Несмотря на то что Эйон был ценен как торговый центр и как морская база, он зависел от торговли с территориями в глубинах материка. Амфиполь же находился на границе этих территорий и потому мог приобретать поступающие оттуда товары проще и дешевле, в особенности древесину, заготавливавшуюся в горах, окружающих бассейн Стримона. О важности этого города для афинян свидетельствует та обеспокоенность, которую они продемонстрировали во время захвата Амфиполя спартанцем Брасидом в 424 г. до н. э., о чем сообщает Фукидид (IV, 108, 1). Значимость Эйона определялась тем, что он использовался афинянами в качестве морской базы, и его благополучие пришло в упадок как с ростом коммерческого могущества Амфиполя, так и с окончательным падением афинской власти на севере. Стратегическая ценность Амфиполя, однако, оставалась неизменной. Сохранившиеся памятники города оказывают большое впечатление на современного посетителя, тогда как точное месторасположение Эйона еще предстоит установить.

Население Амфиполя состояло как из афинян, так и не-афинян, происходивших, возможно, из числа греков, живших в соседних общинах¹⁶. Город не облагался податью. Его задачей было защищать

Амфиполя в «Athens Annals of Archaeology», «Ἀρχαιολογικὸν δελτίον», «Bulletin de correspondance hellénique» и «Archaeological Reports».

¹⁶ Статус афинян в сравнении со статусом других греков Амфиполя — предмет горячей полемики. См. в этой связи литературу: Isaac B. The Greek Settlements... P. 38–40.

и всячески способствовать афинским военным и экономическим интересам в бассейне Стримона. Основание Амфиполя стало кульминационным моментом деятельности Афин, направленной на закрепление в данном регионе, деятельности, начавшейся более ста лет назад. Свершилось то, чего фракийцы прежде никогда не позволяли делать в этом районе, — основание большого города. Насколько мы знаем, основание Амфиполя не встретило сопротивления, и нам остается лишь гадать, на какие уступки пошли Афины фракийцам за то, чтобы те впервые не выступили против строительства на своих рубежах города, имевшего большое военное и экономическое значение (см. ниже).

У нас нет сведений о реакции македонян на основание Амфиполя¹⁷, как не знаем мы и в целом об отношениях Афин и Пердикки в первые годы его правления. После того как Перикл подавил восстание на Эвбее в 446 или 445 г. до н. э., группа эвбейских беженцев из Гестии получила разрешение на поселение в Македонии¹⁸. Пердикка не упомянут в источниках, и нет никакой иной информации о переговорах между афинянами и македонянами в данной связи. Некоторые современные исследователи пытались понять причины, по которым это поселение беженцев в Македонии стало возможным. Однако представляется самоочевидным, что подобный жест со стороны Пердикки говорит о заключении им с Афинами соглашения относительно размещения у себя гестийцев. Кроме того, в податных списках нет никакой информации, предполагающей какие-то агрессивные действия афинян в зоне Термического залива. Таким образом, мирные отношения с Афинами, унаследованные Пердиккой от своего отца, длились по крайней мере до 446/5 г. до н. э.¹⁹

ПЕРДИККА И АФИНЫ: ПРЕЛЮДИЯ К ВОЙНЕ

Сложно сказать, возникла ли вражда между Пердиккой и Афинами по какой-то определенной причине, или явилась результатом общего ухудшения отношений между ними. Фукидид (I, 57, 3) в данной связи однозначен: «[К 432 г.]... врагом их был и Пердикка...

¹⁷ Хоффман полагает, что основание Амфиполя вызвало у Пердикки гнев и он выразил «свою враждебность нумизматически», отказавшись от аттического весового стандарта монет (*Hoffman R. J. Perdikkas and the Outbreak of the Peloponnesian War // GRBS. 1975. Vol. 16. P. 366*). Аргументация Хоффмана если и не полностью убедительна, то во всяком случае интересна.

¹⁸ Thuc., I, 114, 3; Theopomp. *Egr Hist* 115 F 387. См.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 121–122; Cole J. W. Perdikkas and Athens. P. 58.*

¹⁹ ATL, III, P. 318–319; *Hoffman R. J. Perdikkas... P. 364–365.*

прежний союзник и друг афинян²⁰. Врагом афинян сделался он вследствие того, что афиняне заключили союз с братом его Филиппом и Дердой, сообща враждовавшими против Пердикки»²¹.

Решение Афин поддержать коалицию против Пердикки, в которую входили его родной брат Филипп и двоюродный брат Дерда, царь Элимеи, следует рассматривать на более широком фоне. Установление афинского присутствия в бассейне Стримона, которое могло угрожать восточным границам Македонии и лишить ее доступа к шахтам, а также доходов от продажи древесины, является еще одной важной причиной разлада отношений между Афинами и Македонией. Конечно, Афины были не в состоянии пресечь для македонян доступ к древесине, ибо основные их запасы леса все еще сосредоточивались на Олимпийско-Писерийских горных цепях вдоль побережья Писерии. Но завладей Афины лесными угодьями в бассейне Стримона, Македонское государство лишилось бы крупного покупателя строевой древесины. Кроме того, с непрочностью обладания Македонией бисалтскими шахтами как вследствие роста фракийского могущества, так и из-за того, что территория, подконтрольная Филиппу в долине Аксия, вклинивалась между землями центральной части царства и восточной, появлялась очевидная угроза экономическим интересам Пердикки. Если бы Афины не вмешались в династические распри македонского царского дома, то они могли бы и дальше без проблем покупать у него лес. Однако попытка афинян установить с помощью силы свой собственный доступ к нему вместо того, чтобы зависеть в данной связи от продолжения отношений с македонской монархией — которая, надо признать, могла быть капризной, — создала нестабильную ситуацию на несколько последую-

²⁰ В отличие от Хэммонда (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 122*) я не думаю, что используемое Фукидидом слово *σύνταχος* («военный союзник») говорит о формальных, возможно, закрепленных в договоре отношениях с Афинами. И хотя применение слова *σύνταχος* могло предполагать наличие соответствующего декрета афинского демоса, в I, 61, 3 и I, 62, 2 Фукидид использует формы того же самого слова, чтобы описать союзы, которые были временными, возникавшими под давлением быстро менявшейся военной ситуации на севере.

²¹ Хэммонд (*Ibid.*) допускает, что до наших дней дошел фрагмент договора о союзе между Филиппом и Афинами: IG, I², 53, следуя за Швейгертом (*Schweigert E. Epigraphical Notes // Hesperia. 1939. Vol. 8. P. 170–171*). Однако после Швейгерта большинство издателей этой надписи, включая Льюиса — IG, I³, 67, полагают с опорой на восстановление Меритта, что это афинский декрет относительно Митилены, принятый в какое-то время до 427/6 г. до н. э. Кэген датирует союз между афинянами и Дердой еще 435 г. до н. э. (*Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca; London, 1969. P. 277, n. 14*).

ших десятилетий и в конце концов скорее препятствовала, нежели способствовала надежному снабжению Афин древесиной.

Раскол внутри дома Аргеадов, вероятно, не был делом рук афинян, но они быстро сумели им воспользоваться. Имя нужду прежде всего в лесу (доступ к ископаемым ресурсам во Фракии, кажется, уже не был столь важен для афинян, получавших теперь большие доходы от имперских податей), Афины строили свою северную политику, придерживаясь двух целей: поддерживать Филиппа против Пердикки, способствуя тем самым ослаблению Македонского государства, и осуществлять осторожное вторжение в бассейн Стримона, чтобы получить собственный доступ к ресурсам древесины. Однако потенциальной проблемой в регионе оставались фракийцы. Возможно, помня их кровавую расправу над афинянами у «Девяти путей», Афины продвигались в регион с осторожностью, внедряя немногочисленных поселенцев, устраивая аванпосты и наконец основав мощный центр в Амфиполе в 437/6 г. до н. э. Очевидно, что Афины не смогли бы осуществить этого без достижения определенных договоренностей с фракийцами.

Македония была не в состоянии сопротивляться. Два десятилетия беспокойного положения в пограничных районах существенно ослабили царство. На западе князь элимитов Дерда заключил союз с Филиппом и таким образом связь с Элимесей, установившаяся в результате женитьбы Александра (см. выше), была нарушена. На востоке Пердикка, возможно, потерял бисалтские шахты в ходе общей сдачи им позиций под натиском возродивших свое могущество фракийцев, которые теперь сотрудничали с афинянами. Неспособность Пердикки осуществлять власть Аргеадов на востоке могла быть в значительной степени следствием того, что Филипп контролировал стратегически важный восточный берег Аксия и подвластная ему территория (ἀρχή) вклинивалась между Эмафией — центром государства и восточным пограничьем. (Остается гадать, не был ли осуществленный позднее Археласом перенос столицы из Эг в Пеллу в какой-то степени попыткой предотвратить повторение подобной ситуации.) Можно сказать, что обширному Македонскому царству грозила серьезная опасность распада.

Итак, вражда, вспыхнувшая между Пердиккой и афинянами, могла быть связана как со стратегическими целями Афин на севере, так и с любым откровенным антиафинским действием Пердикки. В самом деле, намерения Пердикки сохранить доставшиеся ему по праву рождения территорию и монархию могли просто войти в противоречие

с афинской политикой в регионе²². Дальнейшая политическая деятельность Пердикки, при осуществлении которой он защищал целостность своего царства от превратностей Пелопоннесской войны, пожалуй, подтверждает такую интерпретацию. Короче говоря, при агрессивном поведении соседей-греков политика Пердикки была оборонительной. Образ «коварного Пердикки» сложился в основном в результате антимакедонской пропаганды в Афинах того времени²³. Однако то, что в характере Пердикки могло казаться вероломным и ненадежным, ибо не вполне соотносилось с афинскими интересами, с македонской точки зрения было политикой царя, который в условиях крайней ограниченности ресурсов действовал на благо своего государства. Именно в таком контексте нам стоит рассматривать последующие годы правления Пердикки.

МАКЕДОНИЯ, АФИНЫ И ФРАКИЙЦЫ

К 432 г. до н. э. Пердикка и Афины были в состоянии конфликта, и эта взаимная враждебность спровоцировала начало Пелопоннесской войны на севере. Данные события описаны у Фукидида (I, 57–65), сообщение которого не лишено хронологических и контекстуальных трудностей. Его рассказ в целом ясен, но Фукидиду, вероятно, была известна лишь основная канва событий, приведших к осаде Потидеи. Некоторые детали вызывают вопросы, которые, очевидно, не поддаются решению²⁴. Чтобы противостоять направленной против него

²² Коул видит в поддержке Афинами Филиппа поощрение человека, который, взойдя на престол, мог бы быть более восприимчив к интересам афинской политики (*Cole J. W. Perdikkas and Athens. P. 57–58*). Предположение Коула о том, что Афины могли начать собирать подать с Мефоны и других городов Термического залива уже в 434 г. до н. э. и что это явилось причиной афинско-македонской ссоры (Р. 61), заманчиво. Тем не менее нужно учитывать серьезный аргумент Хэммонда в пользу того, что Мефона не входила в Афинскую империю до 432/1 г. до н. э. (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 124–125*).

²³ К примеру, см.: *Hermipp. Phormophor., fr. 63, 8* (Edmonds, I, 304), который ок. 427 г. до н. э. говорит о «кораблях полных лжи», прибывавших из земель Пердикки. Более трезво мыслящий — и, вероятно, более заслуживающий доверия — Фукидид, описывая причины враждебности (см. выше), не упоминает ни одного предательского действия со стороны Пердикки, о чем бы историк, вероятно, не преминул бы сказать в разделе, где он повествует об изворотливом характере Пердикки (в частности, в I, 61, 1).

²⁴ *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. P. 215*. Две совершенно различных современных трактовки деятельности Пердикки в 30–20-е гг. V в. до н. э. могут быть найдены у Хэммонда (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 122–136*) (делающего акцент на комментариях источников) и у Коула (*Cole J. W. Perdikkas and Athens. P. 60–72*) (обращающего основное внимание на важные вопросы

афинской политике, Пердикка, внимательно следивший за тем, что происходило в Греции, попытался развязать крупномасштабную войну посредством вовлечения Афин в боевые действия против пелопоннесцев, в особенности против Спарты. Он побуждал коринфян поддерживать восстание лояльной к ним колонии Потидеи, которая платила подать Афинам по крайней мере с 446/5 г. до н. э., а также подстрекал халкидян и боттийцев к антиафинскому выступлению. Это была агрессивная внешняя политика, и остается только гадать, каким образом Пердикка надеялся поддержать ее военной силой.

Ответ афинян не заставил себя ждать. В начале лета 432 г. до н. э. они отправили на север 30 кораблей и 1000 гоплитов. Их изначальной задачей было атаковать Пердикку, чтобы предотвратить серьезное восстание на Халкидике (Thuc., I, 57, 6; 59, 2). Но когда они добрались до места назначения, восстание уже началось. Командующий афинян, разумно рассудив, что его силы слишком слабы для борьбы и с халкидянами, и с Пердиккой, отправил на родину просьбу о подкреплении, а затем выступил, чтобы соединиться с Филиппом и Дердой, который атаковал земли Пердикки с базы в Элимее²⁵. Объединенные афинско-македонские войска захватили Ферму и попытались отрезать Пердикку от его союзников на Халкидике. В качестве оборонительной меры Пердикка убедил халкидян бросить свои приморские поселения, где они были уязвимы для нападения афинян, временно переселиться на царские земли в окрестностях озера Болба в Мигдонии (Thuc., I, 58, 2) и занять позиции около укрепленного Олинфа²⁶.

Плативший афинянам дань Олинф, заселенный гресками, находился на вытянутом холме, доминировавшем над южной равниной Халкидики, тянувшейся до самого моря. Сложно найти более благоприятное расположение для города, так как его было легко оборонять; он имел доступ к плодородным землям поблизости и лежал на расстоянии приблизительно трех миль от моря. Примерно в семи милях строго на юг находилась Потидея, занимавшая узкий перешеек,

стратегического/политического характера). Кроме того, см.: ATL, III, P. 308–325, где описываются те же самые события с учетом данных из податных списков.

²⁵ Относительно небольшого размер этого первого войска либо предполагает серьезный военный просчет афинян, либо свидетельствует о хорошо продуманной оценке сил македонян, против которых данное войско было послано сражаться. К нему, конечно, должны были присоединиться инакомыслящие македоняне под предводительством Филиппа.

²⁶ Успех стратегии Пердикки может быть отчасти оценен по тому факту, что большое число государств, ранее плативших подать, отсутствует в соответствующем списке 432/1 г. до н. э.; ATL, III, P. 322.

соединяющий полуостров Паллена с основной частью Халкидики. Ирония заключается в том, что именно македонский царь, стремясь положить начало Халкидскому союзу в качестве буфера против афинского империализма, неслучайно создал в лице Олинфа со временем самого грозного для Македонии соперника на севере, и этот город будет оставаться таковым вплоть до его разрушения Филиппом II в 348 г. до н. э. Мы также увидим, что попытка Филиппа II установить над греками Халкидики македонскую гегемонию имела прецедент при Пердикке.

По возвращении из Фермы афиняне в начале лета 432 г. до н. э. осадили Пидну (Thuc., I, 61, 2–3), где к ним присоединилось пополнение, присланное из Афин, — еще 40 кораблей и 2000 гоплитов под командованием Каллия. Осада Пидны не только легла тяжким бременем на прибрежную Писрию, но и создала угрозу для центральной равнины Македонии и Эг, до которых было всего несколько часов марша. Между тем коринфяне, озабоченные афинской осадой их прежней колонии Потидеи, собрали частным образом войско, насчитывавшее 2000 пехотинцев, и поставили его под командованием Аристея. Эти силы достигли Потидеи спустя 40 дней после начала восстания²⁷. Прибытие пелопоннесцев вынудило афинян прекратить осаду Пидны и приложить усилия к тому, чтобы быстро заключить соглашение с Пердиккой, как говорит Фукидид (I, 61, 3). Оставив Пидну, афинское войско двинулось в направлении Потидеи, получив по дороге подкрепление из 600 всадников под командованием Филиппа и Павсания, брата Дерды²⁸. Сам Пердикка также прибыл в Потидею с 200 всадниками, передав управление царством некому Иолаю. Фукидид (I, 62, 2), вероятно, воспроизводя тот неприглядный образ Пердикки, который сложился в Афинах, говорит нам, что царь «снова» изменил союзу с ними. Однако мы можем добавить, что Пердикка сделал это по вполне понятной причине, если сами афиняне уже нарушили договоренности, достигнутые в Пидне, и напали на македонские города. Редко можно найти более очевидный пример соглашения, заключенного столь бесчестно обеими сторонами.

Рассказ Фукидида (I, 62–65) несколько улучшается, когда он описывает сражения за Потидею и Олинф. В конце концов превосходящее численностью войско афинян одержало победу (Потидея продержалась до зимы 430/29 г. до н. э.). Правда, пелопоннесцы под командо-

²⁷ О маршруте и хронологии экспедиции Аристея см. ниже Приложение В.

²⁸ По поводу перемещения афинян от Пидны до Потидеи см. ниже Приложение В.

ванием Аристия спаслись на кораблях и продолжали совершать рейды вдоль побережья Халкидики. Одной из наиболее интересных особенностей данной кампании было то, что и та и другая сторона зависела от союзной македонской кавалерии, обе части которой противостояли друг другу до Олинфа, но прекратили это делать перед тем, как могло произойти столкновение. Была ли идея сравить между собой эти два войска македонян частью афинской стратегии, направленной на ослабление Македонского государства, или их использование было продиктовано военной необходимостью, неизвестно²⁹. Во второй половине 432 г. до н. э. афиняне продолжили свою кампанию, чтобы подавить восстание на Халкидике, а Пердикка, как кажется, ушел в Эги, ожидая дальнейшего развития событий.

И это ожидание не затянулось, ибо летом 431 г. до н. э. Пердикка вновь присоединился к афинянам. Причины данного поступка царя были связаны с ростом фракийского могущества к востоку и северу от рубежей Македонии. Персидская оккупация части Фракии оставила здесь глубокий культурный и политический след³⁰. Фракийцы не были ослаблены вторжением Персии в Европу. Преимущества централизованной власти, продемонстрированные персами, вероятно, оказались привлекательными для фракийцев, племенного народа, который хотя и был многочисленным и обладал богатствами, но до сих пор не был хорошо организован. Мегабаз и Мардоний, возможно, делегировали местным князьям значительные властные полномочия, особенно одрисам, перешедшим на сторону Персии. Около 470 г. до н. э. одрисы во главе с царем Тересом создали государство, центром которого была Юго-Восточная Фракия и которое со временем разрослось, включив в себя большую часть территории между Дунаем и Эгейским морем.

К концу 30-х гг. V в. до н. э. Тереса сменил на троне Ситалк. Вероятно, принимая во внимание экспансионистские устремления афинян на севере Эгейского моря, Ситалк принял меры по защите южных границ своего государства. Афины, осознавая ценность обладания могущественным союзником на Балканах, таким, который не казался откровенной угрозой для их морских интересов, пошли Ситалку навстречу и замыслили заключить с ним союз. Истоки подобного соглашения проследить сложно. Но к 437/6 гг. до н. э. должна была иметься достаточная почва для того, чтобы у афинян появилась возможность основать Амфиполь в регионе, в котором прежде фракийские

²⁹ Cole J. W. *Perdiccas and Athens*. P. 63, n. 32.

³⁰ См.: Hodkinson R. F. *The Thracians*. London, 1981. P. 101–103.

племена не допускали появления крупного греческого поселения. К 431 г. до н. э. Ситалк женился на гречанке, сестре Нимфодора из Абдеры³¹. Афиняне использовали это для того, чтобы склонить Ситалка на свою сторону, надеясь получить помощь фракийцев в своих кампаниях против халкидян и Пердикки Македонского. Осенью 431 г. до н. э. Нимфодор прибыл в Афины, успешно заключил союз между ними и Ситалком, был сделан прокшеном и даже сумел получить афинское гражданство для своего сына Садока. Эти события знаменуют появление в жизни Афин фракийской субкультуры, кульминацией чего явилось установление в 430 г. до н. э. беспрецедентного культа и праздника в честь иноземной богини — фракийской Бендиды³².

Именно благодаря посредничеству Нимфодора Пердикка примирился с Афинами (Thuc., II, 29, 5). Афиняне вернули Пердикке Ферму, и царь присоединился к афинскому войску, которым командовал Формион, чтобы продолжить войну против халкидян. Подобное урегулирование отношений устраивало обе стороны: Афины получили поддержку двух балканских государств, что давало им возможность вести военные действия для поддержания власти на севере своей империи и для защиты расположенных там лесных ресурсов, тогда как Пердикка восстановил свой контроль над Фермой. Как представляется, Афины разорвали отношения с братом Пердикки Филиппом и тем самым отказались от политики, нацеленной на поддержку раскола в доме Аргеадов. Филипп нашел убежище у Ситалка, что для него не было лишено риска.

Оставалась проблема установления взаимовыгодных отношений между Ситалком и Пердиккой. Ситалк, используя свои афинские связи, был главной движущей силой примирения между Афинами и Пердиккой и согласился поддержать интересы последнего в борьбе со злополучным Филиппом. Что обещал Пердикка взамен, мы не знаем, и можно только гадать, каковыми должны были быть предло-

³¹ Относительно того, что сказано ниже, см.: Thuc., II, 29, 67, 2; Walbank M. B. *Athenian Proxenes of the Fifth Century B. C.* Toronto, 1978. N 30.

³² Так называемые Бендиини; см.: Ferguson W. S. *Orgeonika // Commemorative Studies in Honor of T. L. Shear*. Princeton, 1949, особ. P. 157–163; Fol A., Nikolov B., Hoddinott R. F. *The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria*. London, 1986. P. 31–32. Плутарх (Alc., I, 2) и Платон (Alc., I, 122 d) упоминают фракийского раба Зомира как наставника Алкивиада. В Афинах имелся и скифский/фракийский отряд, входившие в который в середине VI в. до н. э. являлись телохранителями Писистрата (Best J. G. P. *Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare*. Groningen, 1969. P. 6–7); далее они продолжали нести службу в качестве полицейских. Кроме того, значительным была и фракийская община в Пирее.

жения македонян Ситалку. Фукидид (II, 95, 2) ничего не говорит на данный счет, отмечая лишь, что Пердикка не сдержал свое слово. В результате в 429 г. до н. э. Ситалк появился из-за Родопских гор и вторгся в пределы Македонии³³.

Афины решили поддержать своего фракийского союзника. Данное обстоятельство побудило некоторых ученых предположить, что афиняне использовали инициированное фракийцами перемирие с Пердиккой для того, чтобы спустя время путем вероломства подчинить македонского царя своей власти³⁴. В лагере Ситалка находились сын Филиппа Аминта, которого царь одрисов планировал посадить на македонский трон (Thuc., II, 95, 3), а также Гагнон из Амфиполя, который был советником Ситалка и командующим афинских союзных войск. На юг, в Македонию, Ситалк повел силы большого союза фракийцев, включавшего в себя представителей народов практически со всей территории между Босфором и Стримонам и до Дуная на севере³⁵.

Гомм однажды заметил, что в наших источниках нигде не упоминается столица фракийцев. Недавно обнаруженные фракийские сосуды с надписями, датируемые V–IV вв. до н. э., показывают, что одрисские цари не имели столицы, а пересажали из одной укрепленной резиденции в другую (следуя практике, известной и в иных местах)³⁶. Фракийский союз вполне мог позволить себе совершить военный поход, ибо размер дани, ежегодно собираемой одрисами с греков и других народов, составлял ок. 400 талантов золотыми и серебряными монетами и примерно столько же — подарками³⁷. Согласно Фукидиду (II, 97, 4), без подарков от одрисов нельзя было ничего добиться.

³³ Замечание Гомма, что вторжение Ситалка в Македонию было событием «весьма незначительной важности» (*Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. P. 241*), справедливо лишь в том смысле, что это вторжение не повлекло за собой крупных геополитических изменений. Впрочем, его остаточное воздействие на Македонию и Афины и его значение для понимания того, насколько хрупок был баланс сил на северном побережье Эгейского моря, были существенны.

³⁴ См.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 123*. Предположение о том, что новый разрыв с Афинами был инициирован именно Пердиккой, см. ниже.

³⁵ Статус бисалтов и других племен, проживавших на границах Македонии вдоль Стримона, неизвестен, хотя упоминание среди прочих Бисалтии как области, подвластной Пердикке, когда Ситалк совершил вторжение в Македонию (Thuc., II, 99, 6), предполагает, что бисалты не входили в одрисский союз.

³⁶ *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. P. 243; Fol A., Nikolov B., Hoddinott R. F. The New Thracian Treasure... P. 11–12.*

³⁷ Thuc., II, 97, 3 (столько платили при Севфе, преемнике Ситалка). См.: *Hoddinott R. F. The Thracians. P. 106* (обзор типов и качества вещей из Афин и других греческих городов,

Вступив в Македонию с севера, огромное фракийское войско дошло до низовий Аксия³⁸. Уступавшие противнику числом македоняне были вынуждены укрыться в своих крепостях³⁹. Их войско не было тогда в достаточной мере укомплектовано (хотя ввиду гигантской численности фракийцев это не играло большой роли), быть может, потому, что Пердикка послал в Акарнанию 1000 воинов для участия во всеобщем восстании в интересах пелопоннесцев (Thuc., II, 80). Сделал он это без ведома Афин незадолго до вторжения Ситалка. Данный македонский отряд соединился с контингентами молоссов и орестов, и было предположено, что их путь, пролежавший в Акарнанию через Западную Македонию и Эпир, являлся попыткой продемонстрировать пелопоннесцам, что можно отправлять войска в Македонию в обход Фессалии — через Коринфский залив⁴⁰. Воины Пердикки прибыли слишком поздно, чтобы участвовать в битве у Страта, и дальше они не упоминаются как союзники пелопоннесцев. Очевидно, что Пердикка решил поддержать политику пелопоннесцев в Западной Греции и, возможно, пытался своим военным присутствием произвести впечатление на западных македонян и молоссов. Этот тайный замысел Пердикки был раскрыт: он оказал помощь врагам Афин, и нам не нужно искать иного объяснения тому, почему разрыв афинско-македонских отношений случился в момент вторжения Ситалка и что могло ускорить нападение фракийцев на Македонию.

Одни города Ситалк захватил, но другие (вероятно, в Амфакситиде) не тронул из уважения к Аминте, сыну Филиппа. Дойдя до болотистой местности в дельте Аксия, фракийцы повернули на запад для ведения боевых действий близ Пеллы. Однако огибать Эмафийскую равнину, чтобы проникнуть в Пиерию, они не стали. Из западной Македонии на помощь Пердикке прибыл кавалерийский отряд

обнаруженных во фракийских погребениях V в. до н. э.); ATL, III, P. 310 (обсуждение вопроса подати, уплачиваемой фракийцам).

³⁸ Вероятно, пройдя по долине Аксия, согласно реконструкции Хэммонда (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 197, 200, 128–129*), хотя повествование Фукидида (II, 99, 1) не содержит точных указаний, которые бы позволили частично восстановить этот маршрут.

³⁹ По Фукидиду, македонские фортификационные сооружения были значительно усовершенствованы позже — при царе Архелае. Подробности кампании Ситалка: Thuc., II, 100–101; указанная Фукидидом численность его армий — 100 тыс. пехотинцев и 50 тыс. всадников (II, 98, 3; также см.: Diod., XII, 50, 3) — кажется, завышена.

⁴⁰ Предводителем войска молоссов был Сабиллиф, опекун малолетнего царя Тарипа. Тарип был прадедом Олимпиады, матери Александра Великого. См.: *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. II. P. 214–215; Beaumont R. L. Corinth, Ambracia, Apollonia // JHS. 1952. Vol. 72. P. 64–65.*

(из акарнанской кампании вернулись союзники-оресты?), и, хотя это были отличные всадники, защищенные кольчугами, численность их была слишком мала, и они отступили. Возможно, именно их появление с запада удержало Ситалка от того, чтобы развивать кампанию в этом направлении. Предполагал ли царь фракийцев нанести сокрушительный удар по Эгам, или он планировал захватить лишь те восточные земли, которые непосредственно примыкали к его собственной территории, мы не знаем, так как Ситалк вернулся в долину Аксия, пересек реку и разграбил Мигдонию, Крестонию и Антем.

Царь фракийцев, по-видимому, планировал соединиться с афинскими силами, но обещанный Афинами флот не прибыл. Мнение Хэммонда, согласно которому Ситалк в качестве подкрепления ждал афинское войско, базировавшееся в тот момент в Мсфоне, не находит подтверждения в источниках. Действительно, Фукидид (II, 101, 1) упоминает в данной связи именно флот. Возможно, что афинский отряд в Мсфоне был в состоянии присоединиться к фракийцам; как отмечает Хэммонд, в результате подобного маневра по македонянам был бы нанесен мощный удар. Но прибытие кораблей — другое дело. События на юге, на основном театре Пелопоннесской войны, почти явно задержали отправку большого афинского флота; до Ситалка тогда дошли лишь послы с подарками. Вместе с тем не исключено, что в этом могущественном союзнике афиняне стали теперь усматривать потенциальную угрозу для своих экономических интересов на севере; медля с поддержкой, афиняне надеялись, что балканские цари ослабят друг друга⁴¹.

С участием ли союзников-афинян или без них, но поход Ситалка вызвал серьезное беспокойство у независимых фракийцев, фессалийцев, греков центральных областей и прочих врагов Афин. Пока Ситалк ждал афинского подкрепления, Пердикка проявил дипломатическую инициативу. Он вступил в тайные переговоры с племянником Ситалка, Севфом⁴², пообещав выдать за него свою сестру Стратонику и посулив солидное приданое. Тем временем терпение Ситалка было на исходе. Не стало хватать и продовольствия, а зима приближалась. По завершении кампании, продолжавшейся тридцать дней, восемь из которых были потрачены на разорение Халкидики, одрисский царь

⁴¹ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 129; Hoddinott R. F. The Thracians. P. 105; Mihailov G. La Thrace et la Macédoine jusqu'à l'invasion des Celtes // AM. 1970. T. I. P. 80.

⁴² Севф был сыном Спарадока, брата Ситалка (Thuc., II, 101, 3; IV, 101, 5); Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 129.

согласился пойти на сделку, условия которой были обсуждены Севфом и Пердиккой, и поспешил вернуться домой. Пердикка выполнил свое обещание и отдал сестру в жены Севфу.

Мы больше ничего не слышим о Ситалке, чья мечта о великом Фракийском государстве развалилась в 324 г. до н. э. с его смертью в битве либо в результате заговора во время неудачной кампании против независимых трибаллов⁴³. И хотя фракийцы переживали некоторый подъем в период правления пресмников Ситалка — Севфа I и Котиса I, тем не менее расцвет их могущества миновал безвозвратно. Развивая Ситалк свой первоначальный успех в Македонии или соединись с Пердиккой, чтобы образовать большую балканскую коалицию и напасть на Грецию, последствия этого могли бы значительно сказаться на дальнейшей истории греческих городов-государств. Однако случилось иначе. Ситалк отказался от вмешательства в дела эгейского мира, и в результате греки не столкнутся с серьезной угрозой, исходящей с севера Балкан, вплоть до возвышения Филиппа II примерно 80 лет спустя.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

На протяжении первого десятилетия Пелопоннесской войны одним из наиболее замечательных свойств афинян была их способность держать под контролем ситуацию на нескольких фронтах боевых действий. Несмотря на непосредственную вовлеченность в дела Пелопоннеса, Коринфии и той части своей империи, которая находилась в центре Эгейского моря, интерес Афин к Македонии, кажется, не утих. Вскоре после начала Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э. в афинских руках оказалась Мефона. Точная дата этого события вызывает споры. Хэммонд высказывает правдоподобную, но гипотетическую мысль, что афинская цель осады Пидны в кампании 432 г. до н. э. (Thuc., I, 61, 2) состояла в том, чтобы создать базу в Пиерии, из которой можно было бы атаковать центр Македонского государства⁴⁴. Входи тогда Мефона в Афинский морской союз, Афинам не

⁴³ Thuc., IV, 101, 5; [Dem.], XII, 9. Михайлов, опираясь на пассаж речи, приписываемой Демосфену (XII, 9), считает, что Пердикка приложил свою руку к смерти Ситалка (Mihailov G. La Thrace... P. 80). Доказательств для этого нет, но если Пердикка и есть убийца, упомянутый в этом пассаже, то мы получаем ответ на вопрос, кому была выгодна смерть Ситалка.

⁴⁴ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 124–125; см. также след. примеч.

было бы никакого смысла тратить усилия на осаду Пидны; Мефона имела даже более удобное расположение для того, чтобы отсюда вторгнуться в центральную равнину Македонии, если, конечно, таковой была цель осады Пидны. Короче говоря, причина, по которой афиняне не напали на Мефону, состояла в том, что в 432 г. до н. э. она все еще находилась в руках Пердикки. К Афинскому морскому союзу она присоединилась чуть позже, в 432/1 г. до н. э.

Получение Афинами Мефоны могло быть частью обмена, в результате которого Пердикка в итоге восстановил свою власть над Фермой. Царь был не в состоянии сопротивляться этому первому вторжению Афинской империи на территорию Македонии. Мефона, греческое поселение VII в. до н. э., долгое время находилась под македонским контролем. Город располагался сразу к югу от дельты Галиакмона, где прибрежная равнина Писрии переходит в центральную Эмафийскую равнину. Остается только строить догадки, имели ли Афины намерение основать здесь базу, чтобы оказывать давление на центральные территории македонян, бывших время от времени их союзниками, или предполагалось, что Мефона даст доступ к лесным ресурсам близлежащих гор Олимпа и Писрии. Если думалось сделать Мефону базой для афинских операций в Центральной Македонии, почему тогда афиняне не использовали ее осенью 429 г. до н. э., чтобы присоединиться к Ситалку, который в тот момент удерживал противоположную часть равнины? Именно такой комбинированной операции опасались греки центральных и северных областей, и она могла бы нанести сокрушительный удар по власти Аргеадов. Как мы отмечали выше, видимо, сложная военная обстановка на юге воспрепятствовала Афинам начать большую кампанию на севере. Не исключено также, что афиняне начали испытывать беспокойство по поводу стремительно растущего могущества своих фракийских союзников.

Ряд афинских декретов 20-х гг. IV в. до н. э., в которых говорится о Мефоне, позволяют в некоторой степени прояснить ситуацию⁴⁵: в чем бы первоначально ни заключался интерес афинян к Мефоне, данные декреты нацелены на обеспечение того, чтобы Пердикка не вмешивался в торговлю этого города. Мефона жаловалась на свои

⁴⁵ Существуют определенные разногласия во мнениях ученых по поводу того, когда Мефона стала облагаться податью, а равно по поводу афинских декретов относительно этого города, о которых речь пойдет ниже. Тексты и дискуссию см.: M-L, N 65; *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 124–128*; *Cole J. W. Perdiccas and Athens. P. 66*; *ATL, III, P. 319, 325*; *Mattingly H. B. The Methone Decrees // CQ. 1961. Vol. 11. P. 154–165.*

трудности в выплате подати, которые, вероятно, были вызваны торговыми ограничениями, установленными македонской стороной. Чтобы решить эту проблему, были предприняты серьезные дипломатические меры. В одном декрете говорится об отправке трех послов к Пердикке, чтобы просить его не мешать мефонцам свободно торговать на море и на суше (последнее могло относиться только к торговле древесиной) и не проводить македонские войска через территорию мефонцев без разрешения. Очевидно, что Пердикка оказывал давление на Мефону, и город жаловался своему патрону. Уступки, предложенные мефонцам афинянами, могут свидетельствовать о желании Афин держать торговлю лесом под своим контролем. При этом находившиеся на Халкидике афинские гарнизоны могли следить за тем, чтобы условия договоренности выполнялись.

Как кажется, теперь имелась шаткая договоренность между Пердиккой и Афинами, предполагавшая, что афиняне не предпринимают никаких враждебных действий против трона Аргеадов или македонских общин, а царь Македонии соглашается на *status quo* для городов, плативших подать Афинам. Подобная договоренность не была взаимовыгодной, если не считать того, что каждая сторона на какое-то время получила возможность посвятить себя другим делам. Но, как замечают издатели «The Athenian Tribute Lists» (III, P. 325), труда, являющегося одним из наиболее показательных образцов недостаточного внимания к македонской истории, «иметь дело с Пердиккой было не просто».

В период 20-х гг. IV в. до н. э. Пердикка и Спарта находились в контакте друг с другом, так как спартанцы тогда искали для себя союзников⁴⁶. К 424 г. до н. э. хрупкое единство Македонского государства оказалось вновь под угрозой, возникшей на сей раз в Верхней Македонии в лице Аррабея, царя линкестийцев. Причины этого разлада неизвестны, однако он, очевидно, возник недавно, поскольку линкестийцы, вероятно, не были враждебны по отношению к Пердикке, когда его войска собирали союзников в Западной Македонии для участия в походе на Акарнанию в 429 г. до н. э.⁴⁷ Пердикка воспользовался своими контактами со Спартой и вместе с некоторыми халкидиянами стал призывать ее отправить войско на север. Спартанцы и сами хотели совершить подобную вылазку, поскольку в последнее время испытывали определенное военное давление поблизости

⁴⁶ Thuc., II, 67, 1; IV, 50, 1.

⁴⁷ Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. P. 546.

от границ своего государства. Спартанец Брасид уже готовил экспедицию во Фракию (Thuc., IV, 70, 1; 78, 1). Фукидид (IV, 79, 2) поясняет, что, хотя Пердикка из-за своих старых распрей с афинянами желал присоединиться к городам Халкидики, к тому времени уже отправшим от Афин, его основной целью было заручиться военной поддержкой против Аррабея, с которым он поссорился и которого теперь хотел себе подчинить. В очередной раз Пердикка, чтобы сохранить большое Македонское царство, искал поддержки одной крупной державы и жертвовал отношениями с другой. Можно подозревать, что для достижения подобной цели он был готов продать душу дьяволу, и, похоже, в 30–20-е гг. IV в. до н. э. среди представителей различных сторон были те, кто полагал, что он уже это сделал⁴⁸.

Демонстрируя доброе расположение к спартамцам, Пердикка обратился к своему фессалийскому другу Никониду с просьбой обеспечить для 1700 гоплитов под командованием Брасида безопасное прохождение через Фессалию. Пелопоннесцы вступили в Македонию, вероятно, через перевал Петра⁴⁹. Услышав об их прибытии, афиняне разорвали свой союз с Пердиккой и начали отправлять подкрепления на Халкидику. Пердикка присоединился со своими воинами к воинам Брасида и пошел войной на Аррабея. Вступив в Эордею через перевал выше Эдессы, объединенное войско прошло через эту область, бывшую лояльной к Аргеадам, и достигло перевала Кирли Дирвен, расположенного к западу от озер Петрон и Острово⁵⁰. Здесь, на границе с Линкестидой, Брасид предложил провести переговоры с Аррабесом, надеясь привлечь его к числу пелопоннесских союзников, ибо линкестийский царь в то время, похоже, правил землями, простиравшимися вплоть до Охридского озера. Аррабей действительно выразил желание представить свой спор с Пердиккой на третейский суд Брасида. В ответ Пердикка напомнил Брасиду, что он оплачивает половину расходов на содержание пелопоннесского войска (вторую половину предположительно оплачивали халкидяне) и что он привел Брасида сюда, чтобы тот уничтожил врагов Пердикки (тех, кого он укажет), а не выступал в роли третейского судьи. Однако Брасид с упорством, достойным упорства самого Пердикки, продолжил общение с Аррабесом, и тот убедил его уйти. Разгневанный Пердикка не мог сделать ничего, кроме

⁴⁸ Так, афиняне полагали, что поход Брасида на север был инициирован Пердиккой (Thuc., IV, 82). То, что сказано ниже, основывается на рассказе Фукидида: IV, 78–84.

⁴⁹ Хотя был возможен и альтернативный путь. См. ниже Приложение Б.

⁵⁰ См. выше. Подробнее см.: Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. 103–105.

как уменьшить на одну треть свою долю расходов на содержание пелопоннесцев, что, впрочем, было всего лишь жестом.

Брасид отбыл в восточном направлении, преследуя свои интересы (а не Пердикки) — проведение кампании на Халкидике и во Фракии⁵¹. К зиме 424/3 г. до н. э. при поддержке некоторых халкидян он выступил против Амфиполя. Пердикка, кажется, исчез со сцены, хотя, как нам сообщается, он помог спровоцировать восстание в Аргиле, городе, который был уязвлен уменьшением своего значения с тех пор, как неподалеку был основан Амфиполь. Брасид осадил Амфиполь, и, несмотря на спешное прибытие немногочисленных афинских сил с Фасоса под командованием историка Фукидида, город сдался спартанцу. Фукидид занял оборонительную позицию в Эйоне, в устье Стримона. Брасид попытался взять Эйон штурмом с помощью флотилии речных судов, но афиняне смогли удержать город. Вскоре после этого Пердикка прибыл в Амфиполь, чтобы разделить успех своего спартанского союзника и, вероятно, выяснить, как использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Потеря Амфиполя вызвала большую тревогу в Афинах, поскольку он был полезен афинянам благодаря торговле, а также благодаря своей роли сборщика дани с близлежащих городов. Но самой значительной его ценностью было то, что он давал афинянам доступ к корабельному лесу. Едва ли Брасид мог бы нанести Афинам более чувствительный удар. Утрата Амфиполя спустя всего лишь дюжину лет владычества афинян в дальнейшем привела к изменению их политики на севере и в конце концов оказала влияние на отношения между Афинами и Македонией.

В течение остальной зимы 424/3 г. до н. э. Брасид пытался вывести другие города Халкидики из состава Афинского морского союза, что было теперь упрощено захватом Амфиполя. Отступничество от Афин в то время казалось привлекательным как никогда. Весной 423 г. до н. э. между Афинами и Спартой было заключено перемирие сроком на один год (Thuc., IV, 117), ибо афиняне хотели оценить сложившееся положение вещей, предотвратить дальнейшие мятежи и восстановить силы после недавних потерь. Однако Брасид, в нарушение перемирия, продолжил проводить свою политику на Халкидике, направленную на отпадение здешних городов от Афинского морского союза (Thuc., IV, 122–123). И Афины начали готовить отправку войска на север, чтобы вступить в бой с Брасидом в недавно отпавшей от них Менде.

⁵¹ Thuc., IV, 102–108.

В данный момент Брасид согласился вновь присоединить свои силы к войску Пердикки, чтобы возобновить военные действия в Западной Македонии (Thuc., IV, 124, 1). Трудно понять решение Брасида оставить Халкидику перед лицом ожидаемого появления здесь афинян, если только Пердикка не угрожал отказать ему в поддержке. Войско самого Пердикки было усилено гоплитами из близлежащих греческих городов⁵². У Брасида было 3000 тяжеловооруженных воинов, халкидская и македонская кавалерия насчитывала 1000 воинов, и, кроме того, в войске находилось много «варваров»; в общем оно представляло собой значительную военную силу⁵³. Пройдя вновь по своему прошлогоднему маршруту, Брасид и Пердикка вступили в Линкестиду, чтобы встретиться со своим давним противником — Аррабесом. На равнине Пелагонии, у современного города Битола, основные силы Аррабея были разбиты. Но вместо того чтобы незамедлительно преследовать противника, Брасид и Пердикка решили подождать прибытия союзников македонского царя — иллирийцев, народа, отличавшегося свирепостью на поле брани. При этом между македонянином и спартанцем возникли новые разногласия. Пердикка хотел вести военные действия против линкестийских селений, но Брасид, тревожащийся относительно возможности прибытия в его отсутствие афинян к Менде, предпочитал отступить.

Пока они ссорились, пришла весть о том, что иллирийцы перешли на сторону Аррабея. Паника охватила македонское войско, и оно бежало под покровом ночи. На рассвете за ними последовал и Брасид. Однако его отступление оказалось под угрозой, так как иллирийцы захватили перевал Кирли Дирвен — единственный выход с равнины Линкестиды. Предприняв отважное нападение, Брасид занял высоту на перевале и пробился на территорию, подвластную Пердикке, к Арнисе⁵⁴. Иллирийцы не стали его преследовать, и пелопоннесцы,

⁵² В частности, из Стрепсы и Пидны (*Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. P. 612*). Рассказ Фукидида о второй кампании против линкестийцев: IV, 124–128.

⁵³ Использованное Фукидидом слово βαρβάρους не поддается однозначному истолкованию, хотя кажется, что обычно он включал в данную категорию по крайней мере некоторых македонян. См.: Thuc., IV, 125, 3; *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. P. 613, 615–616* (комментарии к Thuc., IV, 124, 1; 126, 3; 126, 5 соответственно). Относительно топографии этой второй кампании: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 104–108*.

⁵⁴ Эордея была подвластна Пердикке; комментарий Фукидида (IV, 128, 4) позволяет нам определить границы владений Пердикки в 424/3 г. до н. э. Арниса располагалась в Эордее недалеко от Линкестиды (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 106*),

оказавшиеся теперь в безопасности, обратили свою злобу на дезертировавших македонян, ограбив обоз Пердикки и убив вьючных животных. Враждебность была взаимна, и с тех пор Пердикка питал неприязнь к Брасиду и пелопоннесцам, что, как пишет Фукидид (IV, 128, 5), было необычно в случае с тем, кто являлся недругом Афин.

Пердикка теперь принял характерное для себя решение. Поскольку попытка присоединить к своим владениям Линкестиду потерпела неудачу, царь хотел избавиться от Брасида, на которого он был зол и который больше ему был ненужен. Пердикка вошел в контакт с афинскими воссначальниками на Халкидике и предложил им прийти к некоторым договоренностям. Информация была передана в Афины, и в результате был заключен официальный союз на условиях, которые могли считаться привлекательными только для афинян: они получали древесину и союзника против пелопоннесцев. Полагают, что фрагменты декрета, найденные на афинском акрополе, являются частями именно этого союзнического соглашения, хотя данный вопрос — один из самых горячо обсуждаемых и спорных в истории афинско-македонских отношений V в. до н. э.⁵⁵ Согласно этому документу, Пердикка и афиняне должны были иметь общих друзей и врагов, а кроме того, Афинам давались исключительные права на приобретение земель из Македонии. Второй документ, выбитый на том же камне, говорит о дружбе между афинянами и линкестийцем Аррабеем. Остальные строки посвящены процедурным вопросам, связанным с осуществлением этих союзнических соглашений, а также содержат список членов дома Аргеадов, которые принесли клятвы по поводу обеспечения достигнутых договоренностей.

Эта надпись фрагментарна, и большая часть ее текста восстанавливается. Попытки датировать данный декрет зависят от эпиграфических критериев (формы букв и длины строк), а также контекста. В результате появилась серия предположений, включающая в себя даты от приблизительно 435 г. до приблизительно 413 г. до н. э.⁵⁶ Аргументация в пользу отнесения документа к середине 30-х гг. V в.

а не там, где находится современная Арнисса — на северо-восточном берегу озера Острово, около входа на перевал, ведущий к Эдессе.

⁵⁵ Текст надписи: IG, I³, 89 (с библиографией).

⁵⁶ К примеру, 436 г. (ATL, III, P. 313, n. 61); 431 г. (Hoffman R. J. Perdikkas... P. 367–377); 423/2 г. (Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. P. 612; Die Staatsverträge des Altertums / hrsg. von H. Bengtson. Bd. II. München; Berlin, 1962. N 186; Cole J. W. Perdikkas and Athens. P. 69); 417–413 гг. (Lewis: IG, I³, 89); ок. 415 г. (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 134–136); ок. 413 г. до н. э. (Edson Ch. F. Early Macedonia. P. 34).

до н. э. основывается как на восстановлении длины недостающих строк, так и на сообщении Фукидида (I, 57, 2), где, напомним, говорится о разрыве отношений между Афинами и Пердиккой, которые прежде были союзниками. Но мы уже видели (см. выше), что язык Фукидида не обязательно предполагает в данном случае официальный союз. Что же касается формы букв и длины строк, то по этому поводу среди эпиграфистов существуют значительные разногласия. Вместе с тем это является ключевым моментом, ибо восстанавливаемые имена Аргеадов, приносивших клятвы, дают ключ к определению даты договора, и реконструкция этих имен должна соответствовать предлагаемой длине строки.

Плохое состояние текста, однако, сводит на нет всякий решающий аргумент, базирующийся на восстанавливаемых именах в строках неясной и лишь предполагаемой длины. Иными словами, эпиграфическая основа для датировки этих декретов слаба, а потому мы вынуждены искать для них наиболее подходящий исторический контекст. Думается — хотя в этом и нет полной уверенности, — что подобный союз лучше всего соответствует ситуации, сложившейся в 423 г. до н. э.⁵⁷ Пердикка к тому времени оставил свои попытки завоевать Линкестиду и хотел сохранить здесь безопасный для себя *status quo*, как свидетельствует второй декрет, в котором Афины обещали примирить Аррабея и македонского царя. Отсюда, впрочем, не следует, что именно Пердикка выступил инициатором мира с Аррабесом. Это могла быть идея афинян, не желавших повторения неудачного опыта Брасида в Западной Македонии. Стабильная обстановка установилась в ту пору на всей территории Македонского государства. У нас нет сведений о состоянии казны Пердикки, за исключением информации о частичном финансировании им войска Брасида. Стало ли для Пердикки получение доходов в тот момент серьезной проблемой, мы не знаем, а найденные монеты, относящиеся к концу его правления, не дают на этот счет никакой дополнительной информации. Достижение соглашения с Афинами было тогда выгодно Пердикке по нескольким причинам. Оно означало установление стабильности на западных рубежах его царства, приобретение сильного союзника против Брасида, к которому Пердикка (быть может, несправедливо) испытывал неприязнь, и, кроме того, согласно договору, Афины становились гарантированным рынком сбыта для македонской древесины.

⁵⁷ О датировке союза см. ниже Приложение В.

Статер Пердикки II

Об этом последнем обстоятельстве нужно сказать особо. С падением Амфиполя годом ранее афинянами был утрачен основной источник корабельного леса. При этом в договоре ясно говорится, что македоняне должны поставлять весла исключительно в Афины. Потребность в веслах была крайне высока во время войны и мира. Весла часто терялись или ломались, и афинскому флоту в V в. до н. э. требовалось их сотни тысяч⁵⁸. Каждое весло вырезалось из молодого хвойного дерева, как сообщает Феофраст (*Hist. plant.*, V, 1, 7), и в то время ничто не могло идти в сравнение с македонской древесиной как по количеству, так и по качеству. Можно предположить, что до сих пор афиняне приобретали лес для своих нужд на открытом рынке в Македонии/Фракии, а также в других местах. Между тем союз 423/2 г. до н. э. означал нечто новое: гарантированное снабжение древесиной и прекращение поставки весел другим. С учетом того, что Амфиполь был недавно потерян для Афинской империи, соглашение с Пердиккой было заключено в наиболее подходящий для афинян момент.

Фукидид (IV, 128, 5; 132, 1) говорит, что в 423 г. до н. э. Пердикка начал переговоры, приведшие к заключению союза, и далее отмечает (V, 6, 2), что на следующий год афинянин Клеон попросил Пердикку оказать военную помощь, согласно условиям союзного договора. При

⁵⁸ *Borza E. N. Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks // PAPS. 1987. Vol. 131. P. 34:* на каждой триере было 170 весел плюс 30 запасных. Между 480 и 410 г. до н. э. Афины могли построить 1500 триер, так что только в этот период число необходимых весел составляло 300 тыс. Однажды в IV в. до н. э. в афинском арсенале хранилось почти 50 тыс. весел для 253 триер (*Meiggs R. Trees and Timber... P. 131*).

этом Пердикка продемонстрировал свою лояльность по отношению к Афинам, убедив своих друзей в Фессалии отказать спартамцам в прохождении их подкреплений через ее территорию в сторону Македонии (Thuc., IV, 132, 2; V, 13). Причин для заключения союза у обеих сторон было достаточно: Афинам, утратившим Амфиполь, было важно получить исключительное право на поставку весел, а Пердикке — обрести союзника, стабильность, быть отмщенным и обеспечить свои доходы. Фрагментарно сохранившийся афинский декрет, о котором идет речь, вполне согласуется с рассказом Фукидида и отлично укладывается в соответствующий исторический контекст.

Союз между Пердиккой и Афинами был опасен для Брасида. Военачальник афинян Клеон, сосредоточив в Эйоне крупные воинские силы, попросил Пердикку, согласно заключенному союзному договору, о военной поддержке при нападении на Амфиполь; правда, не известно, откликнулся ли Пердикка на подобную просьбу. Тем временем Брасид усилил оборону Амфиполя, объединившись с фракийцами-эдонами, а также взяв к себе на службу в качестве наемников других фракийцев. Но все его усилия пошли прахом, ибо он погиб в бою у стен Амфиполя.

К 421 г. до н. э. первый этап Пелопоннесской войны плавно подошел к своему концу, и есть искушение предположить, что потеря Амфиполя Афинами (несмотря на договор с Пердиккой о гарантированных поставках весел), возможно, внесла свой вклад в решение афинян заключить мир. Как показывают условия Никиева мира, Афины пытались спасти остатки своей империи на севере. Но эти договоренности, достигнутые с пелопоннессцами, не принимали во внимание тот факт, что многие из городов Халкидики и Фракии уже вкусили автономии и не желали возвращаться под афинское крыло даже на более либеральных основаниях⁵⁹. Вместе с тем положение греческих городов севера стало весьма нестабильным, с конфликтами, продолжавшимися почти весь мирный период: эти города стремились заключить и заключали союзные соглашения с пелопоннессцами, чтобы отстаивать свои собственные интересы.

В течение нескольких лет Пердикке удалось оставаться в стороне от всех этих событий и сохранять верность своему договору с Афинами. Несмотря на то что по Никиеву миру предполагалось, что Амфиполь вернется под афинский контроль, город отверг такую

⁵⁹ Обзор положения дел на Халкидике сразу после заключения Никиева мира: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 131–133.* В данном случае я следую за Хэммондом.

перспективу и тем самым приобрел независимость, которая продлится вплоть до времени Филиппа II. При этом местные раздоры, в которые погрузилась Халкидика, не представляли опасности для Македонии, пока на север не двинулось бы большое афинское либо спартанское войско, что на тот момент было, однако, невозможно по условиям Никиева мира.

Ситуация изменилась в 418/7 г. до н. э., и Пердикка снова оказался впутанным в клубок греческих дел. В этот год спартанцы и аргивяне заключили союзный договор на пятьдесят лет (Thuc., V, 80, 2), который предполагал и оказание поддержки ряду городов Халкидики. Весной 417 г. до н. э. пелопоннесские послы отправились на север, чтобы склонить на свою сторону македонян и халкидян. Несомненно, подобный демарш был направлен против Афин. Пердикка являлся союзником афинян с момента заключения с ними соглашения в 423/2 г. до н. э. Он покинул Брасида, а вместе с ним и своих прежних халкидских союзников и искал защиты Афин. По условиям договора Афины получили контроль над городами, которые защищали проходы в Македонию в двух стратегически важных местах: Гераклеоном в Пиерии, близ Темпейского прохода, и Бормиском, близ перевала Рендина, ведущего из бассейна Стримона в коридор озер Болба и Короней. Связи Пердикки с Афинами в период 423–417 гг. до н. э. были прочными, и ряд ученых полагает, что Македония тогда фактически являлась частью Афинской империи⁶⁰.

Между тем Пердикку убедили присоединиться к союзу Аргоса и Спарты, хотя он, по-видимому, еще не был готов к разрыву отношений с Афинами. Остается только гадать, что побудило его присоединиться к новой коалиции. Возможно, он стал подозревать Афины в возобновлении ими агрессивных устремлений на север, о чем свидетельствовало включение Гераклеона и Бормиска в конце 20-х гг. V в. до н. э. в число афинских союзных городов, облагавшихся податью. Кроме того, Брасида уже не было в живых, гнев Пердикки на него утих, в то время как спартанцы были готовы отказаться от того, чего Брасид достиг на севере⁶¹. Приглашение присоединиться к союзу,

⁶⁰ См. ниже Приложение В.

⁶¹ Так полагает Эндрюс (*Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxford, 1970. P. 146*). Эндрюс игнорирует замечание Фукидила, что Пердикка присоединился к аргивянам, поскольку его предки были из Аргоса (V, 80, 2). Легко согласиться с Эндрюсом в том, что Аргос едва ли был важен для интересов Пердикки. Однако остается удивляться, почему Фукидид сделал такое замечание. Можно также задаться вопросом: воспользовались ли сами аргивяне предполагаемой связью

видимо, позволяло Пердикке возобновить игру, в которой он уже был мастером и в которой он мог использовать постоянно меняющуюся дипломатическую ситуацию в интересах Македонии.

С тех пор как в 418 г. до н. э. был заключен союз между Спартой и Аргосом, Афины предприняли против него ряд шагов⁶². Весной 417 г. до н. э. афиняне готовили экспедицию на север, чтобы бросить вызов коалиции пелопоннесцев и их союзникам на Халкидике. Но решение Пердикки присоединиться к этой коалиции лишило Афины их основного союзника в данном регионе, и флот так и не вышел в море (Thuc., V, 83, 4). Афиняне, конечно, были в ярости от отступничества Пердикки, и зимой 417/6 г. до н. э. устроили блокаду македонского побережья. Главной целью подобной блокады было, судя по всему, затруднить ведение Македонией торговли лесом. Сложно сказать, насколько эффективной была такая блокада, хотя она могла облегчаться использованием афинянами своих нескольких баз в регионе — Гераклеона, Мефоны, Потидеи и Бормиска. Следующей зимой (Thuc., VI, 7, 3) афиняне высадили экспедиционный корпус в Мефоне, продолживший совершать нападения на близлежащие македонские земли.

Надгробие воина
(ок. 420 г. до н. э.),
Вергина

между Аргосом и Македонией как основой для их обращения к Пердикке, и считал ли Пердикка — каковы бы ни были его подлинные мотивы для присоединения к данной коалиции — выгодным для себя использование подобной связи в качестве публичного оправдания его новой позиции? Относительно монет как свидетельства откровенно проаргивской политики македонского царя в этот период см. также: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 121, 133.*

⁶² Свидетельства приведены Эндрюсом (*Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. P. 153–154*); кроме того, см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 132.*

Однако наказание Пердикки и лишение его новых союзников доступа к древесине не решало проблемы постоянной потребности Афин в корабельном лесе. Теперь, когда Амфиполь обрел независимость, а македонские поставщики стали врагами, афинянам пришлось искать лес в других местах. Очевидно, что лесные ресурсы Южной Италии и Сицилии были первостепенной целью афинской экспедиции, которая отправилась на запад в 415 г. до н. э.⁶³ Афинская армада, вероятно, была построена в основном из македонского дерева, поставлявшегося по условиям соглашений 423/2 г. до н. э. и Никеева мира, а также частным образом⁶⁴. Что побудило Пердикку выйти из союза с пелопоннесцами и снова присоединиться к Афинами, неизвестно. Но к 414 г. до н. э. мы находим его участвующим вместе с афинским стратегом Эветием и фракийским войском в нападении на Амфиполь (Thuc., VII, 9). Возможно, увидев, что сицилийская экспедиция не развивается успешно, Афины сделали Пердикке выгодные предложения, чтобы возобновить отношения, которые позволили бы афинянам приобретать македонский лес. Кроме того, ему могло представляться, что непоследовательная политика Спарты на севере не несет Македонии никакой пользы (спартанцы оказались не в состоянии убедить своих союзников-халкидян, чтобы те помогли Пердикке отразить нападения афинян зимой 416/5 г. до н. э.). И македонский царь, как обычно, выбрал то, что лучше всего соответствовало его собственным интересам⁶⁵. Далее о Пердикке ничего не известно, и большинство современных исследователей считает, что он скончался в 413 г. до н. э., оставив трон своему сыну Архелаю⁶⁶.

Теперь суммируем то, как развивались дипломатические отношения Пердикки с Афинами:

до конца 30-х гг. V в. до н. э.: друг и союзник Афин;

⁶³ Thuc., VI, 90, 3; VII, 25, 2, хотя сложно понять, являлся ли лес целью сицилийской экспедиции, или же подобное обоснование для нее появилось *post factum*. Потребность в древесине не была частью афинских дебатов по вопросу отправки этой экспедиции (Thuc., VI, 9–18). О ценности для Афин древесины с запада см.: Meiggs R. *Trees and Timber*... P. 124, 131, 139.

⁶⁴ См.: Borza E. N. *Timber and Politics*... P. 44, n. 52.

⁶⁵ Хэммонд находит Пердикку одиноким, уступающим требованиям момента правителем, действующим скорее как жертва обстоятельств, нежели как инициатор в сфере политики (Hammond N. G. L., Griffith G. T. *A History of Macedonia*. Vol. II. P. 103–104).

⁶⁶ Свидетельства о дате смерти Пердикки: Cole J. W. *Perdiccas and Athens*. P. 71; Hammond N. G. L., Griffith G. T. *A History of Macedonia*. Vol. II. P. 103–104.

к 432 г.: враг Афин, которые поддерживают брата Пердикки; Пердикка поощряет антиафинское восстание на Халкидике;

432 г.: соглашение с Афинами во время осады Пидны; Афины выступают на Потидею;

432 г.: вскоре после этого Пердикка оставляет афинян и присоединяется к халкидянам;

431 г.: примирение с Афинами; Ферма возвращается Пердикке, и Македония объединяется с Афинами против халкидян;

429 г.: враг Афин, Пердикка поддерживает политику пелопоннессцев в Западной Греции; Афины — союзник Ситалка, вторгшегося в Македонию;

середина 20-х гг. V в.: шаткая договоренность с Афинами; время декрестов, касающихся Месфоны;

424 г.: враг Афин, союзник восставших городов Халкидики и Брасида в кампаниях против Амфиполя и линкестийца Аррабея;

423/2 г.: Пердикка оставляет Брасида, ищет и заключает союз с Афинами;

417 г.: присоединяется к союзу Спарты и Аргоса;

к 414 г.: союзник Афин в кампании против Амфиполя.

Перед нами исключительный пример переменчивого поведения, которое, без всякого сомнения, внесло свой вклад в создание в Афинах образа Пердикки как вероломного человека. Показательно, однако, что один афинянин, не понаслышке знавший ситуацию на севере, историк Фукидид, не делает акцент на вероломстве как характерном качестве Пердикки. И нужно признать вслед за Хэмондом, что двуличность македонского царя вполне соответствовала стандартам, практиковавшимся в те времена и Спартой, и Афинами⁶⁷.

При оценке Пердикки следует всякий раз принимать во внимание, что македонский правитель не считал, что он сам и его царство должны покориться, подобно многим государствам, Афинской империи. Александр I сделал Македонию независимой, и Пердикка, казалось, пытался сохранить это положение. В отличие от небольших островных и приморских городов, вынужденных следовать в фарватере афинской политики, Македония была слишком велика и слишком далека от побережья, чтобы легко подчиниться морскому

⁶⁷ *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 134.* Кроме того, см. содержательное обсуждение у Коула (*Cole J. W. Perdikkas and Athens. P. 71–72*), ряду суждений которого я следую.

могуществу Афин. К тому же Македония находилась в отдалении от греческого мира, и греки не испытывали желания прилагать значительные усилия на длительные кампании на севере. И все же Пердикка не мог защищать самого себя и навязывать свою волю традиционным силовым путем, ибо у Македонии не было ни сплоченного населения, ни военной организации. Таким образом, не имея возможности действовать агрессивно, чтобы обеспечивать национальные интересы, Пердикка был вынужден находиться в обороне, реагировать на постоянно меняющуюся военную и дипломатическую ситуацию, обусловленную междоусобной борьбой греков.

Лесные ресурсы Македонии, столь необходимые для греческих флотов (особенно афинского), дали в руки Пердикки исключительно действенное дипломатическое оружие, компенсировавшее малочисленность и дезинтеграцию македонского населения, а также слабый военный потенциал царства. С трудом преодолевшему превратности внутренней розни (победившему оппозицию, представленную его братьями и князьями Западной Македонии и поддерживаемую Афинами) и неспособному сделать свое государство сопоставимым по военной мощи со Спартой и Афинами, Пердикке приходилось использовать конфликт этих великих держав, а также их особую нужду в древесине. В боевых действиях на севере Эгейского моря войска Пердикки, будучи союзными той или иной стороне, играли весьма скромную роль. И все же путем ловкой дипломатии Пердикка не только смог защитить целостность Македонского государства от агрессивных притязаний греков, но и сделать свое слабое царство важным фактором политической жизни того времени.

С помощью хорошо продуманной и ловкой дипломатической игры, в которой не признавалось ничего, кроме македонских интересов (переход царя в афинский лагерь из-за злости на Брасида, похоже, является единственным политическим поступком, продиктованным эмоциями), Пердикке удалось внести свою лепту в ослабление Афинской империи на севере Эгеиды и в то же время не позволить пелопоннесцам прочно утвердить здесь свое влияние. Периодически побуждая халкидян к борьбе за независимость от афинской власти, Пердикка серьезно подорвал гегемонию Афин в данном регионе. Но ценой за это, которую будут платить его пресмники в IV в. до н. э., стало непредумышленное создание сильного Халкидского союза во главе с Олинфом, который в дальнейшем бросит вызов македонской гегемонии.

Излишне полагать, что все это было частью некоего плана, выработанного Пердиккой. Доказательств для того, чтобы придавать проводимой им политике стратегическое качество, нет. Пердикка лишь хотел защитить целостность своего царства и собственную власть. Но отсутствие продуманной схемы, лежавшей в основе действий Пердикки, отнюдь не умаляет его важного исторического значения и той роли, которую он сыграл как македонский монарх: несмотря на свои весьма ограниченные ресурсы и при небольших воинских и территориальных потерях он смог сохранить независимость правления Аргеадов в Македонии.

Многое, однако, могло быть иначе. Самой серьезной угрозой для Македонского государства стал союз фракийцев во главе с Ситалком, против которой ловкая «лесная» дипломатия Пердикки не могла быть результативной. Лишь слабые амбиции и нетерпеливость Ситалка, а также неудача фракийцев в создании эффективного военного союза с Афинами спасли Македонию, а возможно, и большую часть остальной Северной и Центральной Греции. Более того, если бы спартанцы не проявили недальновидности, отказавшись от идеи обеспечить для себя и своих союзников постоянный источник корабельного леса в Амфиполе или каких-то других местах на севере, Пелопоннесская война могла бы завершиться несколькими годами ранее⁶⁸.

Наконец, не будь Афины столь откровенно агрессивными на севере, устанавливая и пытаясь удержать силой доступ к лесным ресурсам, они могли бы сохранить северные владения своей империи и гарантированно приобретать древесину у Пердикки. Для этого Афинам и Македонии потребовалось бы заключить долгосрочный обоюдовыгодный договор, какого греческой мир тогда еще, впрочем, не знал⁶⁹. Чтобы получить доступ к необходимым товарам, греки использовали кратковременные соглашения, ограниченное применение силы, а также установление господства. Кроме того, практика создания запасов жизненно важных продуктов шла в разрез с греческим взглядом на экономику, для которой не были характерны излишки и перспективное планирование⁷⁰. Имеющиеся у нас свидетельства говорят, что македонские цари были готовы вести мирную

⁶⁸ Thuc., IV, 108, 7; *Michell H. The Economics of Ancient Greece. Cambridge, 1940. P. 281–282.*

⁶⁹ Более подробное обсуждение: *Borza E. N. Timber and Politics... P. 49–52.*

⁷⁰ См.: *Samuel A. E. From Athens to Alexandria: Hellenism and Social Goals in Ptolemaic Egypt. Louvain, 1983; Borza E. N. Timber and Politics... P. 51.*

торговлю лесом, если только для них не возникало какой-то политической угрозы. С 423 по 417 г. до н. э., когда Пердикка начал испытывать давление из-за возобновления активности Афин на севере и кампании против Амфиполя, Македония, по-видимому, мирно торговала с афинянами. Как мы увидим, в конце V в. до н. э. наследник Пердикки Архелай также осуществлял успешную торговлю лесом (без договора) с Афинами, которые к тому времени отказались от своих притязаний на македонских рубежах.

В ходе Пелопоннесской войны Пердикка не брал на себя никаких внешних идеологических или политических обязательств. Его основной заботой была защита своего царства от агрессивных устремлений греков и фракийцев. И не так важно, превзошел ли он современников в умении эксплуатировать других в собственных политических интересах. Царство, унаследованное его сыном Археласом, во многих отношениях было ничуть не хуже того, которое в свое время сам Пердикка получил от Александра. Сын Пердикки смог осуществлять свою политику, не испытывая серьезных угроз извне, и относительное спокойствие, характерное для периода правления Архелая, возможно, явилось отчасти результатом тех более чем 40 лет, в течение которых его предшественник вел борьбу за существование Македонского государства.

Глава 7

АРХЕЛАЙ

В диалоге «Горгий» (471 а–с) Платон передает ужасающую историю о том, как Архелай, незаконнорожденный сын Пердикки и рабыни Алкеты, брата Пердикки, незаконно занял македонский трон, умертвив всех других претендентов. Жертвами стали Алкета, его сын Александр (сверстник Архелая) и безымянный семилетний сын Пердикки. Итак, чтобы Архелай принял царский титул, погибли его дядя, двоюродный брат и младший сводный брат.

Эта история¹ была популярна в античности, но в современную эпоху ее достоверность была поставлена под сомнение в целом и в частностях². Был ли Архелай как старший сын Пердикки законным наследником или нет — суждение, которое основывается на нашей интерпретации роли первородства в порядке наследования власти в Македонии. Сведений по данному поводу, помимо фактической последовательности царей, очень мало, и обстоятельства вокруг вступления на трон некоторых из них, из-за плохого состояния наших источников, неясны. Если допустить, что принцип первородства не был абсолютным правилом (см. ниже), то тогда возможно, что законным наследником был брат Пердикки Алкета.

Это подтверждается списком представителей македонской знати, содержащимся в договоре 423/2 г. до н. э. между афинянами и македонянами (IG, I³, 89). Приведенные в данном списке лица, вероятно, расположены по своей значимости: за Пердиккой следует Алкета, а сразу за ним Архелай. Но вопрос затрудняется тем, что временно исполняющим обязанности правителя во время своего

¹ О ее широкой известности см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 135.*

² К примеру, см.: *Geyer F. Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II. München; Berlin, 1930. S. 86;* кроме того, см. полезное обсуждение Хэммондом вопроса о восшествии на престол Архелая: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 133–137.*

похода на Потидею в 432 г. до н. э. Пердикка назначил не Алкету, а Иолая (Thuc., I, 62, 2). Поэтому у нас остаются некоторые сомнения относительно положения Алкеты в порядке престолонаследования. Вопрос же о месте Архелая как предполагаемого наследника или регента менее труден. В списке договора Архелай поставлен впереди всех других (после Алкеты). Кроме того, на основании сведений о достоинствах, проявленных Архелаем позднее в качестве царя, допустимо, что Пердикка, подобно Филиппу II, мог назначить своего наследника исходя из его качеств. Насколько же усилие содействовало приходу к власти Архелая, зависит от того, до какой степени мы будем доверять рассказу Платона³.

Точное время вступления Архелая на престол неизвестно. Пердикка воевал под Амфиполем летом 414 г., а Архелай осаждал Пидну зимой 411/10 г. до н. э.⁴ Так как Архелай был убит в 399 г. до н. э. (Diod., XIV, 37, 5–6), и сообщается, что его правление длилось 14 лет, мы можем остановиться на 413 г. до н. э. как вероятной дате его прихода к власти, хотя продолжительность его царствования является предметом обычных разногласий античных хронографов⁵.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЕННАЯ РЕФОРМА

Греческий мир встретил вступление на престол Архелая крахом афинских амбиций на западе. Катастрофа, постигшая Афины в Сицилии, оказалась для них чревата не только огромными человеческими потерями (Thuc., VII, 87, 6), но и спровоцировала ряд военных и политических последствий. Имперские устремления Афин на западе были оставлены. Ее армаду требовалось восстанавливать, и при недоступной теперь италийской и сицилийской древесине и совершенно независимом Амфиполе афинянам пришлось обратиться к лесным ресурсам Македонии. Таким образом, когда Архелай начал осуществлять меры по внутренней реорганизации и усилению своего

³ В противоречии со скептицизмом Гейера и Хэммонда по поводу деталей этой истории Платона находится суждение Доддса, который относится к ней с доверием в целом (*Plato. Gorgias: A Revised Text and Commentary* / ed. by E. R. Dodds. Oxford, 1979. P. 241–242). В свою очередь, Грин заметил мне, что еще одна династическая «кровавая баня» в Македонии вполне вероятна не только сама по себе. Платон, приводя очень подробный рассказ об этом событии спустя всего лишь несколько десятилетий, также придает ему вес. О возможном месте этого рассказа Платона в более широком контексте афинской пропаганды против Архелая см. ниже.

⁴ Thuc., VII, 9, 1; Diod., XIII, 49, 1–2.

⁵ Syncell., p. 482, 500 (Dind.) — 14 лет; Euseb., I, 227 — 17 лет.

государства, Афины были готовы стать его союзником. В 410 г. до н. э. афинский флот под командованием Ферамна присоединился к Архелаю, испытывавшему трудности при осаде Пидны, греческого города на территории Македонии, независимости которого царь решил положить конец. Подкрепления афинян переломили ход событий. Пидна была взята, перенесена в глубь материка почти на две с половиной мили и вновь основана, но уже как македонский город⁶.

Возможно, что афинский флот, прибывший к Пидне, был построен из македонского леса и с применением македонской смолы, ибо после губительной кампании в Сицилии Афинам требовалось восстановить свои морские силы скорейшим образом, используя как государственные, так и частные средства (Thuc., VIII, 1, 3). Не исключено, что связи Афин с Македонией были установлены еще до осады Пидны: отдельным афинянам македонский царь даровал позволение экспортировать весла, в то время как дополнительное их количество было поручено раздобыть афинским пробулам⁷. Вероятно, корабельные плотники уже работали в Македонии к тому моменту, когда в 407/6 г. до н. э. афиняне издали декрет в честь Архелаю за его помощь в строительстве кораблей⁸. Декрет даровал Архелаю и его детям титулы проксессов и эвергетов за ряд особых услуг, заключавшихся в предоставлении материалов и оборудования для строительства кораблей в Македонии⁹.

⁶ Diod., XIII, 49, 1–2; *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 128–129.* Обзор событий правления Архелаю: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 137–141.*

⁷ Andoc., II, 11. В какое-то время после 411 г. до н. э. Андокиду — по причине старых связей его семьи с Аргеадами — было дано Археласом позволение вырубать и продавать македонский лес для весел в Афины; *Aristoph. Lys., 421–423*; также см.: *Borza E. N. Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks // PAPS. 1987. Vol. 131. P. 44–45.*

⁸ M–L, N 91 (IG, I³, 177); *Walbank M. B. Athenian Proxenies of the Fifth Century B. C. Toronto, 1978. N 90; Meritt B. D. Archelaos and the Decelean War // Classical Studies Presented to E. Capps on His 70th Birthday. Princeton, 1936. P. 246–252.*

⁹ Меррит полагает, что верфи располагались в Гераклеоне в Южной Пиерии или Бормиске на северо-востоке Халкидики (*Meritt B. D. Archelaos... P. 248, n. 8*). Последний из вариантов, однако, маловероятен, ибо лес для использования его в Бормиске нужно было бы брать с близлежащих горных склонов бассейна Нижнего Стримона, области, теперь подвластной Амфиполю. Место для верфи в Пиерии — в Гераклеоне — более подходящее, так как оно находилось бы близко к лесам на горах Олимпа и Пиерии, контролируемым Аргеадами, и имело лучший доступ к южным морям. Предполагают и некое место в Северной Пиерии, такое, как Мефона или даже Пидна, что могло бы объяснить совместные афинско-македонские действия против последней в 410 г. до н. э.

Похоже, что Архелай воспользовался своей царской прерогативой распоряжаться запасами древесины по собственному усмотрению, чтобы не связывать Македонию договором. Тем самым он обеспечивал за собой формальный нейтралитет, которого придерживался в конце Пелопоннесской войны¹⁰. Афины, хотя это в конечном итоге и принесло им мало пользы, приобретали все необходимое для постройки кораблей при намного более благоприятных условиях, чем те, что давали им договоры и применение силы во время правления Пердикки. Архелай же, используя необычную для македонского царя возможность действовать с выгодой, начал проводить политику внутренней реорганизации и возрождения своего государства, которая отчасти должна была финансироваться за счет доходов от продажи леса и смолы в Афины. Это были самые взаимовыгодные отношения, которые когда-либо существовали между македонянами и афинянами.

Помимо оказания услуг афинянам, Архелай, кажется, воздерживался от участия в финальных схватках Пелопоннесской войны. Амфиполь продолжал оставаться независимым, и пока берега Македонии, Халкидики и Фракии находились вдалеке от борьбы греков, Македонское государство было предоставлено само себе. Непокойные западные рубежи, однако, постоянно требовали пристального внимания. Архелай, похоже, унаследовал от Пердикки борьбу против верхнемакедонских племенных царств и обитавших за ними иллирийцев. Он продолжил осуществление военных походов против линкестийско-иллирийской коалиции и предпринял меры к тому, чтобы нейтрализовать эллиотов посредством династического союза. С целью усилить свое положение в борьбе против линкестийца Аррабея II и иллирийца Сирры (сына и зятя противника Пердикки Аррабея) Архелай отдал свою старшую дочь в жены Дерде II (сыну Дерды, старого врага Пердикки), царю Элимеи¹¹. Тем самым Архелай смог сохранить шаткий баланс сил с некоторыми западномакедонскими племенами, с трудом поддерживаемый его предшественниками. Кроме того, его действия послужили предупреждением другим, что Аргеады были готовы воевать.

На восточных рубежах Архелай вновь установил контроль над Бисалтией и ее богатыми рудниками. Возможно, отсутствие интереса афинян к этому региону вкупе с уменьшением фракийского могу-

¹⁰ [Herod.] *Περὶ πολιτ.*, 19.

¹¹ Arist. *Pol.*, 1311 b; Хэммонд датирует этот брак ок. 400 г. до н. э. (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 139*).

щества дали Архелаю доступ на восток, закрытый для его отца. Возобновление чеканки прекрасной серебряной монеты, не появлявшейся со времен царствования Александра I, способно служить доказательством приобретения Архелаем этого источника драгоценных металлов¹². Без сомнения, доходы от бисалтских серебряных рудников вместе с доходами от торговли лесом обеспечили те средства, которые были необходимы для осуществления программы военных и культурных преобразований Архелая.

Единственная внешнеполитическая инициатива Архелая была предпринята, кажется, к концу его правления, когда его пригласили явиться в Фессалию для поддержки Алевадов, правящего олигархического рода, против более умеренной политической группировки. Фессалия — обширная плодородная равнина, окруженная горами и расположенная сразу к югу от Македонии — в то время претерпевала переход от традиционного общества, управляемого обладающей землей и выращивавшей коней аристократией, к обществу, для которого был характерен подъем городов и новых политических и экономических групп. Этот переход был отмечен внутривнутриполитической борьбой, сходной с той, которую пережили некоторые греческие города в конце VII — начале VI в. до н. э. К Лариссе, главному городу Фессалии, были отправлены македонские войска, где они с успехом поддерживали местных олигархов. Архелай разместил в городе гарнизон, взял заложников и, возможно, получил гражданство Лариссы. При этом в обмен за предоставленные услуги македонскому царю была уступлена Перребия¹³.

Перребия имела важное стратегическое значение, ибо оба прохода из Македонии, Пистра и Волустана, соединялись и вступали в эту область, когда спускались с западных склонов горной гряды Олимпа в Фессалию. Взятие под контроль этих путей согласовывалось

¹² К примеру, см. изображения серебряных статеров: Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulou. Athens, 1980. N 13; *Price M. Coins of the Macedonians*. London, 1974. N 49, 51.

¹³ Hammond N. G. L., Griffith G. T. *A History of Macedonia*. Vol. II. P. 139, 141. Хэммонд считает обеспечение Архелаем безопасности западных рубежей Македонии посредством брака (см. выше) необходимым условием для обладания Перребией. В целом о деятельности Архелая в Фессалии см.: Westlake H. D. *Thessaly in the Fourth Century B. C.* London, 1935. P. 51–59; Cloché P. *Histoire de la Macédoine jusqu'à l'avènement d'Alexandre le Grand*. Paris, 1960. P. 87–90; Hornblower S. *The Greek World*, 479–323 B. C. London; New York, 1983. P. 82. По поводу аристократического правления в архаической и классической Фессалии полезен обзор Мартина: Martin T. R. *Sovereignty and Coinage in Classical Greece*. Princeton, 1985. P. 61–67.

с политикой Архелая, направленной на обеспечение защиты ключевых проходов, ведущих в Македонию. Правда, у нас недостаточно сведений для того, чтобы установить, была ли возможность приобрести контроль над Перребией основанием для македонского вмешательства в фессалийские дела. Те, кто противостоял в Фессалии Алесвадам и их македонскому союзнику, обратились за помощью к Ликофрону из Фер (фессалийского города близ современного Волоса у Пагасейского залива), а также к Спарте. Спартанцы, пытавшиеся играть роль гегемона в Греции в период после их победы в Пелопоннесской войне, осудили действия Архелая. Начало конфликта между Спартой и Македонией было предотвращено либо уходом македонского царя из Фессалии (не желавшего большой войны со Спартой), либо случившейся вскоре после этого его смертью. Была ли Фессалия близка к тому, чтобы стать провинцией Македонии, как полагает Уэстлейк, неясно¹⁴. Однако сохранилось замечание Фрасимаха, автора речи «От имени лариссян»: «Должны ли мы, греки, быть рабами Архелая, варвара?» — фраза, приписываемая также Эврипиду¹⁵.

Мы видели, что в V в. до н. э. внешняя сила Македонии больше зависела от способности ее царей использовать географическое положение и природные ресурсы страны, чем от войск, которые они были в состоянии выставить для подкрепления своих политических устремлений. Войска были малы — немногочисленная конница (состоящая, видимо, из представителей знати и дружины царя, тех, кто мог приобрести коня и оружие) и неважная по качеству пехота. У царства, возможно, до сих пор не имелось достаточного числа людей и должной организации населения, чтобы ввести воинскую повинность для граждан или постоянную профессиональную армию. Во время Пелопоннесской войны Пердикка старался восвать как можно мень-

¹⁴ Westlake H. D. Thessaly... P. 57. Многое в трактовке Уэстлейком вопроса отношений Архелая и Фессалии зависит от доверия к позднему риторическому источнику, ошибочно приписываемому Героду Аттику и косвенно подтверждаемому Аристотелем (Pol., 1311 b). Хэммонд (см. выше примеч. 13) более осторожен, чем Уэстлейк в оценке деталей, сообщаемых Псевдо-Геродом относительно деятельности Архелая в Фессалии. См.: Westlake H. D. Thessaly... P. 51–54; Hornblower S. The Greek World... P. 305, n. 1; Errington R. M. Geschichte Makedoniens. München, 1986. S. 232, Anm. 2.

¹⁵ Fr. 2 (Diels⁶). Даскалакис утверждает, что Фрасимах упоминал о варварах не в обычном смысле этого слова. Он доказывает, что данный пассаж следует рассматривать как «риторическое представление различия между передовыми и отсталыми греками в интеллектуальном отношении» (Daskalakis A. The Hellenism of the Ancient Macedonians. Thessaloniki, 1965. P. 234). Это объяснение весьма натянуто и неубедительно.

ше, и когда ему приходилось вступать в боевые действия, он обычно делал это вместе с союзниками. Несмотря на то что привлечь статистические данные трудно, представляется, что македоняне не могли выставить армию более чем в одну-две тысячи человек. Кроме того, эти войска не имели высокой выучки, как показала союзная кампания Брасида и Пердикки против Аррабсея. Короче говоря, македонская армия до Архелая была, вероятно, похожа на армии других балканских народов — плохо обученную и слабо вооруженную, состоящую из людей, которые воевали ради убийства, или добычи, или потому что были принуждены сражаться из-за вассальной зависимости, и которые на поле боя были столь же опасны друг для друга, сколь для своих врагов¹⁶.

Реорганизованная армия Архелая была частью его общего плана по укреплению царства и присоединению к нему таких стратегически важных областей, как Перребия, граничащая с Фессалией, и (возможно) Демир Капу, ущелье Аксия, являющееся главными воротами из срединных районов Балкан к побережью Эгейского моря. При этом Архелай был уверен в своих силах настолько, что совершил вторжение в Фессалию. Правда, мы не можем сказать, замышлялось ли это вторжение как временное политическое средство для получения Перребии или должно было превратиться в постоянное присутствие македонян в Фессалии, сорванное лишь угрозой конфликта с могущественной Спартой. К тому времени, когда в конце V в. до н. э. Фукидид писал (или редактировал) вторую книгу своего сочинения (II, 100, 2), Архелай не только построил крепости в стране (предположительно на путях, ведущих в Македонию и к незащищенным городам), но также проложил прямые дороги и произвел улучшения в армии.

В вышеупомянутом отрывке Фукидид ясно говорит о том, что македонские конница, гоплиты и прочие рода войск стали сильнее. Но его оценка ограничена сравнением с восьмью предшественниками Архелая. Ничего иного здесь не имеется в виду, и наделять Архелая военным гением — значит находить у Фукидида то, чего у него не сказано. Большая часть информации, которой мы располагаем о реорганизации и превращении македонского войска в первоклассную военную силу, относится ко времени Филиппа II и Александра Великого. Какой бы ни была сущность его реформ, Архелай, вероятно,

¹⁶ Об этом см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 147–148.*

был первым македонским царем, который стратегически мыслил относительно военного потенциала Македонии. Остается гадать, могли Архелай, проживи он дольше, предвосхитить попытку Филиппа урегулировать отношения с греками на постоянной основе.

ПЕЛЛА

Архелаю обычно приписывается перенос столицы царства из Эг в Пеллу¹⁷. С основанием этой новой столицы связаны две проблемы. Во-первых, что подразумевается под «столицей»? Столица предполагает административный центр государства более сложного, чем то, которое, возможно, в действительности существовало в Македонии в V–IV вв. до н. э. В самом деле, одно древнее государственное образование — более разнородное и более обширное, чем Македония, — имело три «столицы». В Персидской империи Сузы являлись административным центром и царской резиденцией, Персеполь — главным местом ежегодного подтверждения покоренными народами верности Царю царей, а Экбатаны — летним местопребыванием правителей. Кроме того, Вавилон был центром традиционной религиозной деятельности. Мы также видели, что у фракийцев не имелось столицы, а скорее существовал ряд резиденций, из которых странствующая царская семья могла осуществлять свои функции. Таким образом, в нашем случае аналогии следует находить в тогдашней Азии или на Балканах, а не более позднем Западе, ибо македонская практика в использовании нескольких городов как государственных центров, кажется, была ближе к персидскому обычаю, чем, скажем, к римскому.

Если под «столицей» мы подразумеваем царскую резиденцию, то похоже, что Пелла в данном качестве действительно заменила Эги где-то во времена Архелая. Но с переносом царской резиденции в Пеллу значение Эг как места погребения представителей династии Аргеадов сохранилось. К тому же наличие здесь театра, изысканного дворца раннеэллинистического времени, проведение праздников и торжеств предполагают, что Эги оставались центром значительной царской активности. Дион, расположенный в Пиерии у подножия Олимпа и принижено охарактеризованный Фукидидом (IV, 78, 6)

¹⁷ Ibid. P. 150. Общее описание истории и археологического изучения Пеллы, но без учета результатов самых последних раскопок, большинство которых, правда, все еще не опубликовано, см.: *Petsas Ph. Pella, Alexander the Great's Capital. Thessaloniki, 1978.*

как незначительный город во времена Брасида, стал при Археласе местом религиозной деятельности и проведения праздников (Diod., XVII, 16, 3–4). Итак, позволительно говорить, что у македонян было три главных города: Дион и Эги — для ритуальных, праздничных и погребальных целей, а Пелла — в качестве царской резиденции и административного/военного центра в той мере, в какой подобные сферы тогда различались. Можно предположить, что управление государством в те времена было скорее неформальным и что ось деятельности царства проходила рядом со входом в покои правителя, в каком бы месте они ни находились.

Вторая проблема возникает в связи с отсутствием информации об основании Пеллы как столицы. Это место было обжитым еще с древнейших времен, и, вероятно, именно Архелай решил перенести царскую резиденцию и администрацию (в том виде, в каком она существовала) на другую от Эг сторону равнины. Эта мера должна была быть связана с военными реформами Архелая и, вероятно, новым интересом македонян к северной границе по Аксию-Вардару. Находясь теперь в мире с греками и не испытывая угроз в районе Термического залива, Халкидики и долины Стримона, с которыми приходилось иметь дело его предшественникам, Архелай озабочился безопасностью македонских рубежей в глубине материка. Основной путь из внутренних районов Балкан в Центральную Македонию лежал по долине Вардара-Аксия. Приблизительно в 25 милях выше от современной греко-югославской границы эта река прорезает горную гряду, образуя узкое ущелье в Демир Капу, где руины большого укрепления конца V в. до н. э. предполагают нахождение в нем гарнизона¹⁸. При отсутствии достаточных македонских параллелей конца V в. до н. э. мы не можем с определенностью датировать этот форт временем Архелая. Однако соблазнительно допустить — но не более — возможность того, что стены и башня в Демир Капу имеют отношение к преобразованиям Архелая. Фукидид (II, 100, 1) хвалит Архелая за то, что тот улучшил ситуацию с фортами и укреплениями в сельской местности после того, как македоняне использовали подобные места как убежища при вторжении Ситалка с севера по пути, идущему вдоль теснин Аксия. Был ли этот форт попыткой защитить новую столицу в Пелле, или перенос столицы в Пеллу свидетельствует о македонском

¹⁸ См.: *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. 174; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 146* (со ссылками на отчеты археологов).

интересе к северу, проявлением чего было укрепление прохода, узнать невозможно. Итак, связь между фортом в Демир Капу и Пеллой остается слабой.

Данные о переносе столицы Археласом в Пеллу косвенные. Поздний источник¹⁹ сообщает нам о том, что Архелай потратил много денег на свой дворец и при этом нанял знаменитого художника Зевксида и поэта Агафона²⁰. Также имеется немало свидетельств о пребывании в Пелле трагика Эврипида, где он создал, по крайней мере, «Вакханок» и «Архелая» и где умер ок. 406 г. до н. э. «Перипл» Скилака, относящийся к IV в. до н. э., называет Пеллу столицей (Βασίλειον), а Ксенофонт (Hell., V, 2, 13) описывает ее как «крупнейший город Македонии». Правда, по греческим стандартам, Пелла оставалась небольшим городом вплоть до времени Филиппа II, который ее расширил (Strab., VII, fr. 20). В свою очередь, все афинские ораторы, жившие в эпоху Филиппа, говорят о Пелле как об официальном центре Македонии (и источнике зла). Кроме того, этот город являлся местом рождения Александра Великого. Таким образом, хотя нет определенности в том, что именно Архелай сделал Пеллу царской резиденцией — а это и должно стать нашим определением «столицы», — косвенные данные приводят нас как раз к подобному выводу: свидетельств о важном значении Пеллы до царствования Архелая не существует; вместе с тем есть указания на то, что Архелай приглашал к своему двору греческих художников и выстроил дорогостоящий дворец (его месторасположение не установлено); такая строительная программа не согласуется с деятельностью ни одного македонского монарха этого периода, кроме Архелая; Эврипид, которому покровительствовал Архелай, работал в Пелле; и в течение жизни одного поколения Пелла стала крупнейшим из городов Македонии. Она оставалась таковой до того, как была разрушена римлянами в 168 г. до н. э.

Окончательно проблему основания Пеллы может решить только археология. Раскопки, проводившиеся Греческой археологической службой на протяжении трех последних десятилетий, открыли огромный эллинистический город с фундаментами богатых зданий и декори-

¹⁹ Aelian. Var. hist., XIV, 17; свидетельства о Пелле: Παπακωνσταντίνου-Διαμαντοπούλου Δ. Πέλλα. Τ. Ι. Αθήνα, 1971. Σ. 101–147.

²⁰ О поэтах, приехавших в Пеллу, см. данные, собранные Хэммондом (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 149, n. 1) и Бэдианом (Badian E. Greeks and Macedonians // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 46, n. 18).

рованными архитектурными фрагментами IV–II вв. до н. э., несколько самых ранних и великолепных из мозаик до-римской эпохи и большое число мелких находок, включающих бронзовые украшения, ювелирные изделия, монеты и терракотовые статуэтки. К сожалению, город был сильно разграблен римлянами после победы при Пидне, положившей предел независимости Македонии, а позднее его руины служили каменоломней для близлежащих деревень. Таким образом, установить точную датировку для многого из того, что было найдено, трудно. При этом пространство, которое занимала Пелла, сделало раскопки менее систематическими, чем они могли бы быть на не столь обширном месте. Из-за огромных расходов и времени, которые нужны, чтобы раскопать территорию, занимающую площадь в сотни тысяч квадратных метров, пройдет много лет, прежде чем археологи приблизятся к ответу на вопрос об основании Пеллы.

То, что было обнаружено при раскопках, подтверждает отзывы античных авторов о великолепии Пеллы. Выбор Архелаем места, несомненно, был обусловлен пониманием им важности стратегического положения города на пересечении основных путей, идущих с востока на запад и с севера на юг Балкан. Взгляда на карту достаточно, чтобы стала ясна центрированность этого места в стратегическом отношении. Иначе говоря, Архелай, возможно, понимал ценность данного места, которое обеспечивало доступ к более обширной территории, нежели только к центральной равнине Македонии. Чтобы из Эг достичь по суше восточных областей, нужно было описать широкую дугу, проходившую

Надгробие воина
(конец V в. до н. э.), Пелла

по периметру заболоченной Эмафийской равнины. События V в. до н. э., когда македонские цари нередко действовали в областях восточнее Аксия, должны были привести их к осознанию неудобности расположения древней столицы. Пелла была расположена выгоднее, чем Эги, чтобы контролировать и защищать пути, которые шли на запад в Верхнюю Македонию, на восток через Аксий на Халкидику и в бассейн Стримона и на север в сердце Балканского полуострова.

Пелла расположена у современного шоссе, которое соединяет Салоники с Эдессой и Западной Македонией²¹. Современная дорога фактически совпадает с древней. К югу от нее расположен отлогий холм, отмечающий собой Фак — порт Пеллы, поселение, восходящее к бронзовому веку. К северу от дороги местность постепенно повышается, доходя до невысокого горного края, с гребня которого открывается широкая панорама центральной равнины, верхней части Термического залива, а вдалеке — вершин Олимпа, Вермиона и Пьерейских гор. Территория, включающая в себя античный город, составляет более полутора квадратных миль. Он был построен по сетчатому плану, блоками приблизительно 50 на 100 м, удивительно сходными по размеру на протяжении обширного пространства. Сразу к северу от современного шоссе расположен ряд искусно сделанных частных домов, в которых были обнаружены прекрасные напольные мозаики, являющиеся самыми ценными экспонатами скромного местного музея. Эти большие мозаики из гальки, украшавшие полы комнат и коридоров вилл Пеллы, изображают различные сцены, в том числе Диониса, сидящего на пантере, охоту на льва, амазономахию и величественную охоту на оленя с подписью художника Гносиса. Здесь использованы многие приемы живописи: ракурс и другие формы перспективы, затенение, скульптуроподобное изображение человеческих фигур, изящные бордюрные узоры и гармоничная композиция. Подобные мозаики говорят о богатстве и вкусе и представляют собой важный, хотя еще не вполне четко осознанный компонент в развитии греческого искусства в Македонии²².

²¹ См. ниже Приложение В.

²² Не исключено, что прототипы этих мозаик начала эллинистической эпохи были придуманы при Археласе. Робертсон полагает, что Пелла конца V в. до н. э. могла также оказать влияние на искусно выполненные внутреннюю отделку и мозаики, найденные несколько позднее в домах Олинфа и Афин (*Robertson M. Early Greek Mosaic // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 240–249*). Кроме того, см.: *Pollitt J. J. Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1986. P. 40–41, 210–216*.

К северу от зданий лежит отлично обустроенная агора, где были обнаружены остатки магазинов и сложная дренажная система.

На возвышенности к северо-западу находятся руины того, что, кажется, было громадным дворцовым комплексом. Отсутствие керамики и плохое состояние развалин — уцелели лишь фундаменты построек — затруднили датировку этого сооружения. На основе стиля архитектурных фрагментов были предложены датировки, колеблющиеся от эпохи Филиппа II до времени правления Кассандра в конце IV в. до н. э. Если верно первое, то тогда данное здание достойно быть местом рождения Александра Великого, покрывая ок. 60 000 м² (15 акров). Просторная веранда с перистилем, выходящая на город (сходный большой балкон существовал также в эллинистическом дворце в Вергине), широкие внутренние дворы и регулярная планировка комнат создают осевую симметрию, которая не только четко укладывается в сетчатый план города, но и заставляет задуматься, не существует ли аналогичное сооружение в нераскопанной зоне к западу. Этот комплекс зданий мог вполне служить и как царская резиденция, и как центр администрации.

Дворец Архелая не найден, хотя едва ли он лежит под этим огромным сооружением конца IV в. до н. э. Возможно, он находится в нижнем городе, в пространстве ворот, домов и кладбищ, чья датировка до сих пор не прояснена. Не найден также и театр, в котором Эврипид ставил свои драмы (см. ниже). Правда, нам трудно предположить, какого рода сооружение следует искать, поскольку образцов театров конца V в. до н. э. в македонских городах нет. Иными словами, Пелла Архелая еще ждет своего часа среди руин более позднего города. Вместе с тем имеется достаточное количество предметов архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства IV в. до н. э., чтобы свидетельствовать не только о богатстве Пеллы, но и о высоком греческом стиле, который македонские богатства смогли привить национальным традициям.

Перенос столицы в Пеллу представляет собой новую военную и культурную ориентацию в истории македонской монархии. Эги, которые приобрели свой статус по историческим причинам, не потеряли своего значения ритуального центра и места погребения македонского царского дома. Но новая «витрина» Македонии, предназначенная для того, чтобы произвести впечатление на греков и, возможно, поспорить с ними своей архитектурой и культурной жизнью, была частью программы первого Аргеада, который «заключил Грецию в свои объятия». К сожалению, до сих пор лишь немногие

остатки Пеллы, столь основательно разрушенной римлянами и позднейшими захватчиками, были раскопаны лопатой археолога. До сих пор мы все еще в основном зависим от письменных источников, чтобы представить ее великолепие.

ФИЛЭЛЛИНИЗМ АРХЕЛАЯ

Создание впечатляющей македонской столицы в Пелле было, как мы видели, не только новшеством в политической и военной сфере, но и важным событием в области культуры. Привлечение греческих писателей, художников и архитекторов в качестве творцов и постоянных участников македонской придворной жизни придало городу беспрецедентный в истории Аргеадов филэллинский оттенок. Не то чтобы до Архелая в Македонском царстве не было греческого влияния; греки, которые жили в Македонии ранее, включая тех, кто служил Пердикке, принесли с собой — внешне — свою культуру, и она, возможно, частично впиталась македонянами²³. Но Архелай — это первый македонский царь, который, согласно нашим сведениям, принял сознательно и публично ряд аспектов греческой культуры. Значение этого феномена широко обсуждалось в современной научной литературе. Некоторые исследователи полагали, что Архелай намеревался ввести Македонию в греческий мир как греческое государство. Однако Хэммонд совершенно справедливо отверг эту точку зрения и указал на то, что важное место Македонии в балканско-эгейском мире было не результатом принятия некоторых аксессуаров греческой культуры, но скорее «существенного *отличия* [курсив мой] в политической и социальной структуре, а также в экономическом развитии» царства²⁴.

Но остается вопрос, насколько «греческими» в действительности являлись Архелай и Македония в целом. Внешние проявления греческой культуры должны были быть заметны в Пелле. И, по-видимому, едва ли Эврипид написал бы здесь трагедии, которые не могла бы понять по крайней мере избранная македонская публика. В самом деле, приглашение Эврипида может служить метафорой восхищения искусством и литературой Греции, которое было присуще правящим кругам Македонии. Позднее подобная приверженность иностранной

²³ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 148–149. И Александр I, и Пердикка II принимали при дворе заезжих греческих писателей.

²⁴ Ibid. P. 149–150 (с указанием более ранней литературы по вопросу).

культуре будет характерна также для дворов римских императоров и русских царей. Но, как показывает Хэммонд, значение греко-македонского культурного симбиоза заключалось в том, что македоняне приняли и использовали филэллинизм для сугубо своих целей²⁵. Действительно, можно добавить, что принятием внешних форм греческой культуры в конечном счете не изменило ничего фундаментального в македонском обществе. Многие представители македонской элиты были способны изъясняться как греки, одеваться как греки, подражать, ввозить и восхищаться произведениями греческого искусства, но они жили и действовали как македоняне — народ, чья политическая и социальная системы были чужды тому, во что верили, о чем писали и что практиковали греки. Так что не так трудно понять смысл заявления Фрасимаха, которое мы приводили выше.

Рекламное изображение легенды, показывающей, что Аргеады были потомками греков-аргивян, является одним из наиболее важных примеров распространения филэллинизма. Мы видели, что история о происхождении Аргеадов из Аргоса не может быть прослежена ранее Геродота, который, кажется, услышал ее от ее возможного автора — Александра I. Насколько нам известно, основа этой легенды оставалась неизменной до прибытия в Македонию Эврипида²⁶. Его трагедия «Архелай» прославляла покровителя драматурга посредством изобретения мифического Архелая, храброго молодого человека и потомка Геракла, который по указанию Аполлона основал Эги. Эврипид, возможно, сочинил также трагедию «Темен» или «Темениды», где появлялся прародитель Архелай²⁷. Можно довольно точно

²⁵ Так (Ibid. P. 150), греческая Пидна была основана заново как македонский город; греки, поселенные в качестве воинов гарнизона в Демир Капу, должны были служить в данном месте македонским целям; празднества, учрежденные в Дионе и Эгах, были связаны с македонскими особенностями богочитания; новая, выглядевшая на греческий манер столица в Пелле была ориентирована на континентальные, а не на эгейские интересы Македонии.

²⁶ Упоминание Фукидида о восьми предшественниках Архелая (II, 100, 2) основывается на первоначальном списке царей, появление которого относится ко времени Александра I.

²⁷ Harder A. Euripides' Kresphontes and Archelaos. Leiden, 1985. P. 129–137, 288–290 (эта работа теперь особенно важна для понимания проблем, имеющих отношение к творчеству Эврипида в Македонии). В отличие от Хадзопулоса (Hatzopoulos M. B. *Strepsa: A Reconsideration, or New Evidence on the Road System of Lower Macedonia* // *Two Studies in Ancient Macedonian Topography*. Athens, 1987. P. 42) я не считаю, что эта связь мифического Архелая с Эгами подтверждает связь между историческим Археласом и Эгами как его столицей. Вероятно, Эврипид связал их потому, что Эги как первоначальная столица просто лучше всего подходили для основополагающего мифа.

датировать это изменение основополагающей легенды, так как Эврипид прибыл в Македонию в 408 г. и умер там в 406 г. до н. э.²⁸ Трагедия «Архелай», вероятно, имела целью прославить греческое происхождение царя Архелая в то время, когда он и Афины хотели упрочить мирные узы друг с другом. Невозможно сказать, где именно была написана эта трагедия. Во времена Архелая проводился праздник в Дионе (театр был построен несколько позже), а к эпохе Филиппа II и театр, и праздник существовали также и в Эгах. Вместе с тем театр до сих пор не обнаружен, не имеется сведений и о празднике в Пелле.

В монетах Архелая также нашла отражение пропаганда аргивского происхождения его рода. С возвращением шахт Бисалтии на восточных рубежах царства низкопробные монеты Пердикки II уступают место качественным, полновесным серебряным монетам, предназначенным для стимулирования внешней торговли, — стандартам, которые будут в ходу вплоть до правления Филиппа II²⁹. Ряд изображений на аверсе связан с сюжетом легенды: все чаще здесь появляется голова Геракла, предка Теменидов; используется изображение головы юноши, возможно, мифического Архелая или (позднее) Карана; снова возникает изображение козьей головы, связывающей Архелая с основанием Эг. Лучшие серебряные монеты, как обычно, предназначались для внешней торговли — объекта передаваемой посредством их пропаганды. Вместе с тем при Архелее появились и первые македонские бронзовые монеты — факт, который предполагает все большее усложнение экономики, требующей монет для внутреннего обращения. Наконец, все монеты Македонии, начиная с монет Архелая, несут на себе имя царя. Таким образом, монеты дают сведения

²⁸ Гардер относит создание «Архелая» к 408/7 г. до н. э. (*Harder A. Euripides' Kresphontes and Archelaos. P. 125*). По одной легенде, Эврипид был разорван на части в Пелле охотничьими собаками Архелая, по другой — его ждала та же участь от пастушьих собак в Бормиске (передана Стефаном Византийским [s. v. Βορμισκος] и принята без какого-либо комментария в данной связи Хэммондом [*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 139*]), а по третьей — в Аретузе (также принята Хэммондом [*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 196; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 160, 162*, где, кроме того, приведены свидетельства о погребении Эврипида в Македонии]). О теме насильственной смерти поэтов как литературном топосе см.: *Lefkowitz M. R. The Lives of the Greek Poets. Baltimore, 1981. P. 96–97*.

²⁹ *Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976. P. 119, 144, N 505, 507–508; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 138; Philip of Macedon. P. 28* (изображение статера Архелая с эмблемой козы). Вместе с тем следует подчеркнуть, что пропагандистская ценность монет Архелая, подобно монетам Пердикки и Александра до того, сочетается с их экономической значимостью (см. выше).

Статер Архелая

не только о легенде происхождения династии Аргеадов, но и о росте статуса и власти самой македонской монархии.

В Дионе Архелай учредил празднества в честь Зевса, включавшие в себя «Олимпийские игры» и поэтические состязания в честь Зевса и Муз³⁰. Дион, расположенный на приморской равнине Пиерии у самого подножия Олимпа, являлся отличным местом для празднеств в честь Зевса Олимпийского. Здесь Олимп и Пиерийские горы круто поднимаются из узкой долины, образуя круглогодично фон из лесистых горных участков, тянущихся к скалистым и снежным вершинам. Археологам еще предстоит найти место данных состязаний. Раскопки этого большого города и святилища находятся в начальной стадии: к настоящему моменту открыты впечатляющие памятники римской эпохи; находки же более раннего времени являются sporadическими. Однако качество уже найденных (хотя пока в основном

³⁰ Diod., XVII, 16, 3–4; Arr. Anab., I, 11, 1. Арриан, возможно ошибочно, помещает празднество в Эгах; в этом я следую Босуорту (*Bosworth A. B.* 1) *Errors in Arrian* // CQ. 1976. Vol. 26. P. 119–121; 2) *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. Oxford, 1980. P. 97), а не Хэммонду (*Hammond N. G. L., Griffith G. T.* *A History of Macedonia*. Vol. II. P. 150–151) и Хадзопулосу (*Hatzopoulos M. B.* *The Oleveni Inscription and the Dates of Philip II's Reign* // *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage* / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 39–41). Однако я не считаю вопрос закрытым. Литературные свидетельства значения Диона как религиозного святилища Зевса собраны в работе: *Baegel W.* *De Macedonium Sacris*. Diss., Halle, 1913. P. 10–12. В надписи (Tod, N 158, стк. 9; см. ниже) с текстом союза Филиппа II с халкидянами (356 г. до н. э.) оговаривается, что договор будет обнародован в Дионе в святилище Зевса, — факт, подтверждающий важность данного места в эпоху этого македонского царя.

неопубликованных) эпиграфических материалов, бронзовых изделий, скульптур и вотивных фигурок IV в. до н. э. предполагает, что Дион — один из богатейших городов Македонии, вероятно, крупный центр религиозной деятельности в период, берущий свое начало с правления Архелая, македонская Олимпия.

Почему Архелай захотел учредить свои собственные Олимпийские празднества или, по выражению Бэдиана³¹, «контр-Олимпийские игры», — вопрос, который ведет к сути проблемы филэллинизма. Можно сказать, что учреждение Археласом Олимпийского празднества было частью его общей программы привнесения греческого в Македонию, но с особым македонским характером: празднества в честь Зевса в месте под названием «Дион» (форма греческого слова, связанного с чем-то божественным, а возможно, даже с Зевсом) на самом пороге обители богов. Однако кажется маловероятным, чтобы кто-нибудь заинтересованный в признании его греском рискнул вызвать недовольство собой в эллинском мире, учредив конкурентное празднество для самого знаменитого из всех панэллинских празднеств, если, конечно, Архелая, как македонянину, не было запрещено принимать участие в настоящих Олимпийских играх и он не был вынужден учредить свои собственные, в которых могли состояться македоняне. Судя по всему, греки продолжали сомневаться в эллинском происхождении Аргеадов, которым поэтому могло быть запрещено состязаться в Олимпии. Похоже, что ни один македонский царь до Филиппа II не участвовал в панэллинских играх³². То, что Филиппу это удалось, может служить свидетельством как его огромных политических способностей, подкрепленных грозной военной мощью, так и признания греками в какой-то мере его греческого происхождения.

Из этих отрывочных свидетельств, кажется, можно создать представление о филэллинской политике Архелая. Несомненно, что он хотел установить более тесные связи с греческим миром. Единственный сохранившийся документ, относящийся ко времени его правле-

³¹ В тексте, содержащем побуждающий к размышлениям анализ деятельности Архелая в Дионе; см.: *Badian E. Greeks and Macedonians*. P. 35.

³² Солин (IX, 16) сообщает, что Архелай состязался в Олимпии и Дельфах, победив в ристаниях колесниц, запряженных четверкой коней. Хэммонд принимает эту информацию, не комментируя ее (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. P. 150). Однако Бэдиан обращает внимание на несколько странных утверждений Солина и убедительно высказывается за то, чтобы признать это свидетельство несостоятельным (*Badian E. Greeks and Macedonians*. P. 35, 46, п. 16). О предполагаемом участии в играх Александра I см. выше.

ния, — надпись, касающаяся поставок Археласм леса в Афины, — говорит о мирных и выгодных отношениях с этим городом. Было ли вторжение Архелая в Фессалию попыткой продемонстрировать способность Македонии занять равноправное положение в кругу греческих держав, или оно было прежде всего средством обезопасить ее южные рубежи — это дискуссионный вопрос. Монеты Архелая и украшение им новой столицы Пеллы указывают как на принятие и использование им филэллинизма, так и на самопровозглашение себя как могущественного монарха. Приукрашивание мифа об аргивском происхождении македонского царского рода является, возможно, самым ярким свидетельством желания Архелая получить признание гресков. Однако из этого отнюдь не следует, что ко времени Архелая Аргеады не верили в данную историю — они почти наверняка верили в нее. Но в нее не верили греки.

Действительно, хотя Архелая и удалось привлечь некоторых гресков для придания Пелле греческого блеска и хотя он искусно поддерживал взаимовыгодные дипломатические и экономические отношения с Афинами, он, однако, продолжал пользоваться дурной репутацией у многих афинян конца V — начала IV в. до н. э. Как мы видели, клиентами Архелая в Македонии стали Эврипид и некоторые другие греки. Возможно, принял приглашение царя и Фукидид³³, но Сократ, согласно Аристотелю (*Rhet.*, 1398 a 24), отказался это сделать. Аристофан (*Ranac*, 85) высмеивал одного из тех, кто предпочел участвовать в пирах в Македонии, а традиция, переданная Афинеем (345 d), рассказывает о поэте Хериле, который тратил на роскошь и еду огромные деньги, выплачиваемые ему Археласм.

Покровительство Архелая, видимо, стало в Афинах философской/литературной темой: чужеземный царь, проложивший себе путь к трону убийствами и пытавшийся продемонстрировать свою цивилизованность, покупая известных гресков для придания блеска своей столице и двору. Вероятно, в Афинах были те, кто завидовал возможностям, предложенным некоторым современникам для улучшения их положения. Но присутствовало также и искреннее отвращение к тому, что, казалось, олицетворял собой Архелай. В этой связи моралисты имели большой успех. Архелай представлял идеально плохим человеком при сравнении с идеально хорошим Сократом, который

³³ Согласно Виламовицу-Меллендорфу (*Wilamowitz-Moellendorff U., von. Die Thukydideslegende // Hermes. 1877. Bd. 12. S. 353–356*).

отказался стать клиентом при македонском дворе³⁴. Чтобы усилить контраст между Сократом и теми, кто был связан с Македонией, софист Горгий, которого часто представляли антиподом «босоногого мудреца», подвергся резкой критике со стороны моралиста Антисфена за то, что учил фессалийцев Алевадов, в то время друзей Архелая³⁵. И остается гадать, является ли предание об Эврипиде, убитом собаками Архелая (в отличие от преданий с участием анонимных собак, см. выше), дополнением к враждебной традиции об этом македонском царе. Начинаясь лучше понимать рассказанную Платоном ужасающую историю о восшествии Архелая на престол, когда ее рассматриваешь на фоне подобной риторической враждебности. Знал ли Архелай о своей плохой репутации среди части афинян и был ли этим обеспокоен, это лучше оставить в области предположений. Впрочем, ясно, что вопреки своей дурной славе Архелай, покупая услуги некоторых выдающихся афинян, создал видимость укоренения в Македонии греческой культуры.

Если отношение греков-современников — как его можно представить, к примеру, по замечанию Фрасимаха, к запрету македонянам принимать участие в панэллинских состязаниях и нападкам на тех, кто был связан с Археласом, — что-нибудь значит, многие не были уверены в греческом происхождении македонского царя и не приветствовали его попыток утвердить эллинизм при своем дворе посредством покровительства художникам, мыслителям и писателям Греции. Что значило для Архелая подобное к нему отношение, неясно. Можно предположить, что вторжение Архелая в Фессалию являлось демонстрацией того, что в конечном счете отрицание греками эллинизма Македонии не имеет никакого значения перед мощью македонского оружия. Если это так, то Архелай был в этом отношении предшественником Филиппа II.

Хэммонд справедливо считал, что нет оснований думать, будто Архелай хотел, чтобы Македония вошла в большой мир как *греческое* государство. При этом можно было бы добавить, что вся символика, монеты, привнесение извне греческой культуры, македонские Олимпийские игры, попытки поддерживать хорошие отношения с Афинами и истории об эллинском происхождении Аргеадов являются показателями, характерными не для того, кто живет в раболепном прекло-

³⁴ Об этом см.: *Plato. Gorgias: A Revised Text and Commentary* / ed. by E. R. Dodds. P. 241. Сократ и Архелай умерли в один и тот же год (399 г. до н. э.), что не могло пройти незамеченным для тех, кто искал между ними параллели.

³⁵ Athen., 220 d; *Wade-Gery H. T. Kiritias and Herodes* // CQ. 1945. Vol. 39. P. 25, n. 4.

Прорисовка эпитафии на надгробии Каллимаха
(конец V в. до н. э.), Вергина

нении перед достижениями греков, но того, кто независим и не желает быть отвергнут как еще один варвар. Архелай стремился не к признанию себя эллином, а к уважению. Греческая культура воспринималась на Западе как эталон, которым цивилизованные народы измеряли свою состоятельность. Принятие этой культуры было одним из средств приобретения уважения. Другим же средством была сила.

СМЕРТЬ АРХЕЛАЯ И БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ

Архелай ушел из жизни в 399 г. до н. э., будучи, согласно Диодору, случайно убитым: на охоте своим любовником Кратером³⁶. Подобную версию можно было бы принять, не высказывая на ее счет сомнений, если бы не имелось иной, которую мы находим у Аристотеля (Pol., 1311 b 11–12). Ввиду того что Аристотель был более

³⁶ Diod., XIV, 37, 6. Кратер известен также как Кратей (Arist. Pol., 1311 b 11), Кратея ([Plut.] Amat., 368 f) и Кратева (Ael. Var. hist., VIII, 9, 1). Хэммонд, который в других случаях предпочитает рассказ Аристотеля (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 166–167), дает версию имени (Кратева), присутствующую у Элиана. Платон хотя и рассказывает об убийстве (Alc., 2141 d), но имя убийцы не называет.

близок по месту и времени к описываемым событиям, этой версии следует уделить внимание. Она приводится Аристотелем в контексте рассуждений о том, что некоторые цари страдают от своих собственных постыдных поступков. Аристотель рассказывает об интриге среди дворцовой молодежи, кульминацией которой и стало убийство Архелая Кратсеем (Кратером у Диодора). Здесь присутствует любовная ссора, а также политические амбиции. При этом эпизод усложняется намеком на иностранный заговор, ибо одним из злоумышлявших против царя был Гелланократ из Лариссы. Гелланократ был любовником Архелая. Царь пообещал вернуть юношу на родину, но не сдержал слова, хотя и продолжал использовать его физически.

Для Аристотеля, чью версию следует предпочесть, убийство Архелая произошло как по политическим, так и по личным причинам³⁷. В его рассказе содержатся элементы, которые воскрешают в памяти другие македонские заговоры, — например против Филиппа II, приведший к его гибели, а также придворных пажей против Александра во время его азиатской кампании. Карни провела убедительный анализ общих тем: ненадежного принципа первородства при престолонаследии, персональной (в противоположность институциональной) царской власти, а также двора, наполненного интригами, которые были обусловлены утвердившейся практикой педерастии. Если сюда добавить соперничество за брак в царской семье и использование царских детей для политических браков, результатом будет гремучая смесь. Когда политические и личные мотивы становились практически неразделимы, мог появиться заговор с целью убить царя.

На период в шесть лет после гибели Архелая пришлось то, что лучше всего может быть описано как династическая борьба³⁸. Конфликт разгорелся между тремя ветвями рода Аргеадов, происходившими от Пердикки, Менелая и Аминты, сыновей Александра I. Две

³⁷ Карни справедливо отмечает, что, хотя контекст этого пассажа Аристотеля — убийство правителей по личным мотивам, причина убийства Архелая была в основном политической (*Carney E. Regicide in Macedonia*. P. 262–263). Карни цитирует дополнительную литературу по данной проблеме. Хэммонд же (см. выше примеч. 37) полезен в вопросе критики источников.

³⁸ Обсуждение см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. P. 168–172 (чьей реконструкции событий я следую в общих чертах), с описанием и библиографией обычных хронологических проблем, связанных с продолжительностью правлений. В лучшем случае хронология этого периода может быть лишь предположительной. Свидетельства: *Diod.*, XIV, 37, 6; 84, 6; 89, 2; XV, 60, 3.

другие линии не уцелели: линия, идущая от Филиппа, была истреблена Пердиккой и Ситалком, а линия, идущая от Алкеты была уничтожена, вероятно, Археласом. Орест, сын Архелая и Клеопатры (иначе не известной, но имеющей распространенное македонское имя), унаследовал трон после смерти своего отца. Будучи малолетним, он правил при регентстве Аэропа (его дяди?), который, похоже, узурпировал престол ок. 398/7 г. до н. э. Нам известно, что Аэроп в середине лета 394 г. до н. э. был все еще у власти, когда он вступил в конфликт со спартанским царем Агесилаем. Мы уже видели, что спартанцы были против вторжения Архелая в Фессалию ок. 400 г. до н. э. Когда они начали войну против персов в Малой Азии и им было нужно провести свои войска сухопутным путем через Фессалию и Македонию, они нашли последнюю враждебной. Позднее, когда Коринф восстал против спартанской гегемонии, Аэроп встал на сторону восставших и выступил против армии Агесилая, но был перехитрен и вынужден заключить со Спартой договор³⁹. Дальнейших сведений, касающихся политики Аэропа, нет. Но похоже, что он и фессалийцы прилагали общие усилия к тому, чтобы помешать действиям Агесилая на севере.

Говорят (Diod., XIV, 84, 6), что Аэроп умер от болезни где-то в конце 395/4 г. до н. э. Следующий год стал свидетелем правления трех царей. Престол перешел от линии Архелая к Аминте II («Малому»), сыну Менелая⁴⁰. Аминта был убит неким Дердой, который мог быть членом царской семьи. Его имя было распространено в царском доме Элимен, с которым Аргеады заключали династические браки⁴¹. Если убийство Аминты Дердой было элимиотским заговором, то он оказался неудачным, ибо власть вернулась к линии Архелая. Трон не достался Филиппу, сыну Аминты, а перешел к сыну Аэропа Павсанию. Павсаний ушел из жизни вскоре после своего избрания. Он, вероятно, был убит (Diod., XIV, 89, 2) другим Аминтой (который будет править как Аминта III), внуком Аминты, сына Александра I. Линия Пердикки II и Архелая прервалась, и большинство македонских царей IV в. до н. э. (если не все), включая Филиппа и Александра,

³⁹ Polyacn., II, 1, 17; IV, 4, 3; Xen. Hell., IV, 3, 3–8, 10; Ages., 2, 1–2.

⁴⁰ Здесь я следую за Хэммондом (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 168–169). Эррингтон (Errington R. M. Geschichte Makedoniens. S. 233, Anm. 6) считает точку зрения Хэммонда неубедительной и делает Аминту II сыном Архелая.

⁴¹ Свидетельства о переменах на троне в 394/3 г. до н. э.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 169–170.

будет происходить от Александра I через его сына Аминту, а не через Пердикку. Династическая борьба 90-х гг. IV в. до н. э. показывает, что принцип первородства при престолонаследии мог играть незначительную роль в выборе македонских царей, когда не имелось сильных естественных наследников.

Одним из интересных аспектов этого противоборства было его влияние на дальнейшее развитие легенды о происхождении Аргеадов. Мы видели, что Эврипид заменил Пердикку Археласом в качестве основателя царского рода. Теперь, во время новой борьбы за трон, Архелай был заменен нейтральным Караном (дорийское слово, обозначающее «господин» или «правитель»), чем была уменьшена значимость Пердикки и Архелая⁴². И хотя у нас нет прямых свидетельств, заманчиво предположить, что появление этого Карана произошло при Аминте II или Аминте III, потомках Менелая и Аминты. Как бы то ни было, борьбу выиграл Аминта III, чье вступление на престол обеспечило принятие нового списка царей, выдумал ли он его или нет. Пересмотренный список царей является еще одним примером того, как Аргеады переписывали свою собственную историю в целях политической пропаганды.

⁴² Убедительно доказывается Гринуолтом (*Greenwalt W. S. The Introduction of Caranus into the Argead King List // GRBS. 1985. Vol. 26. P. 43–49*, с приведением свидетельств). Дополнительные цари древнейшего периода внесены в список македонских правителей писателями конца IV в. до н. э. См. выше.

Глава 8

ДОМ АМИНТЫ III

ПРАВЛЕНИЕ АМИНТЫ III

Для исследователя древней Македонии события первой половины IV в. до н. э. представляют собой источниковедческий кошмар. Нет ни одного античного нарративного источника по истории правлений Архелая и его наследников. Случайная информация, содержащаяся в сочинениях Ксенофонта, Исократа, Диодора, Юстина, Плутарха и некоторых афинских ораторов, а также небольшое количество фрагментарных свидетельств, сохранившихся у поздних хронографов, дают нам привлекающий внимание, но голый контур событий; мало чем способна помочь тут и археология. Этот период македонской истории остается одним из самых туманных, и любая его реконструкция является сомнительной, становясь таковой еще больше после десятилетий исследований — скорее изобретательных, нежели убедительных. Так, понимание истории правления Аминты III особенно осложняется возможностью того, что в рассказе Диодора присутствует дублирование событий (ср.: XIV, 92, 3–4 и XV, 19, 2–3; см. ниже Приложение В). Если признать, что в этих пассажах Диодор говорит — случайно или намеренно — об одном и том же событии, то получается, что Аминта терял свой трон в результате вторжения иллирийцев лишь один раз. Если же данные пассажи не дублируют друг друга и в них речь идет о двух разных, но похожих событиях, то тогда Аминте пришлось покидать свое царство дважды, сначала в 393, а затем ок. 383/2 г. до н. э. Так или иначе, замечание Юстина (VII, 4, 6), согласно которому в правление Аминты III велись «тяжкие войны с иллирийцами и олинфянами», вполне передает дух эпохи.

Едва Аминта занял престол в 394/3 г. до н. э., как на его царство напало мощное иллирийское войско, которое, вероятно, возглавлял

Статер Аминты III

Бардил, царь дарданов¹. У иллирийцев не было государства в строгом смысле слова, но скорее существовал союз племен². Посредством греков известны отдельные названия этих племен, и не похоже, чтобы они рассматривали себя как часть какой-то большой политической общности. То, что иллирийцы оказались объединены в одну группу, — результат их восприятия греками и римлянами: они — варвары, подобно кельтам, пеонийцам и фракийцам. Как многие варвары, иллирийцы не сохранили по себе письменных свидетельств, и то, что мы о них знаем, известно со слов иноземцев. В отличие от фракийцев,

¹ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 172; Hammond N. G. L. The Kingdoms in Illyria ca 400–167 B. C. // BSA. 1966. Vol. 61. P. 248, 252–253. В распоряжении читателя, желающего больше узнать об иллирийцах, доступных работ немного. Наиболее полезные исследования: Dell H. J. The Illyrian Frontier to 229 B. C. Diss., University of Wisconsin, 1963; Islami S., Anamali S., Korkuti M., Prendi F. Les Illyriens. Tirana, 1985. Последнее из них было недавно опубликовано Албанской академией наук. Эта книга хотя отчасти и является политическим сочинением, имеющим ярко выраженную идеологическую направленность, тем не менее легко читается и отражает современное состояние науки и библиографии по теме. К сожалению, в данной книге нет примечаний. Что же касается труда Стипчевича (Stipčević A. The Illyrians: History and Culture / Engl. Transl. by S. C. Burton. Park Ridge, 1977), то он малоудовлетворителен (см. выше).

² Хэммонд (Hammond N. G. L. The Kingdoms in Illyria... P. 239–242) убедителен в критике точки зрения Папазоглу о том, что существовал иллирийский союз, членами которого были цари (Papazoglou F. Les origines et la destinée de l'Etat illyrien: Illyrii proprie dicti // Historia. 1965. Bd. 14. P. 143–179). Хэммонд справедливо считает иллирийцев самостоятельными племенами, для которых был характерен постоянно меняющийся баланс сил.

которые были более высоко организованы и которые испытали на себе влияние персов и греков, археологические данные об иллирийцах фактически отсутствуют. Их племена находились в постоянном движении, и у страны, известной по грекам как «Иллирия», нет четких сухопутных границ. Иллирия занимала, грубо говоря, обширную территорию к северу от Эпира и Западной Македонии, от Адриатического побережья до Динарских гор. Время от времени иллирийцы вторгались на плодородные земли в Юго-Восточной Сербии, Косово и югославской Македонии.

Если свидетельству Юстина (VII, 2, 5–13) можно доверять, то пограничные стычки между иллирийскими племенами и македонянами происходили уже в конце VI в. до н. э., и большая часть того, что мы знаем о македонских царях до Александра I, связана с их противостоянием вторжениям иллирийцев³. Эти набег иллирийцев должны были совершаться на Западную Македонию и угрожать территории Аргеадов на центральной равнине. Век спустя, во время похода Брасида и Пердикки II против линкестийского князя Аррабеса, иллирийцы продолжили оказывать давление на Македонское государство, присоединившись к линкестийцам⁴. Некоторые иллирийцы, отдельные люди и племена, играли периферийную роль в Пелопоннесской войне, особенно в ситуациях, когда их устрашающая военная репутация и близость могли использоваться греками в борьбе за контроль над побережьем Эпира и Акарнании. Но вторжения иллирийцев в правление Аминты III имели мало общего с греческой политикой. Они должны рассматриваться скорее в контексте внутренней пограничной борьбы, которая была характерна для истории Балкан в античное время.

Вторжение иллирийцев, которое последовало вскоре после вступления на престол Аминты III, было достаточно серьезным, чтобы прогнать его с трона и из страны⁵. Отчаянно нуждаясь в помощи,

³ *Dell H. J. The Illyrian Frontier...* P. 32. Юстин сообщает, что после одного из поражений македонян, чтобы воодушевить воинов, к передней линии строя был вынесен царь-младенец Аэроп. Это первый зафиксированный пример македонского обычая, согласно которому царь должен был лично присутствовать в сражениях.

⁴ См. выше. Делл убедительно ставит под сомнение утверждение, что Аррабей был иллирийцем (*Dell H. J. The Illyrian Frontier...* P. 37–38).

⁵ *Diod.*, XIV, 92, 3–4; и, возможно: XV, 19, 2–3. Заявление Исократ (VI, 46), что Аминта остался в Македонии в укрепленном месте, откуда вернул свое царство за три месяца, нельзя согласовать с рассказом Диодора. Кроме того, среди тех, кто считает, что в двух пассажах из сочинения Диодора говорится о разных вторжениях иллирийцев, существуют разногласия насчет того, о каком вторжении упоминает писавший

Аминта предложил Олинфу часть собственной, пограничной с олинфской территории, возможно, ту же самую землю в коридоре озер Болба и Коронья, которую Пердикка II временно уступил олинфянам в 432 г. до н. э. Нет данных о том, что Олинф тогда оказал македонянам помощь. Вернуть престол Аминте в конце концов помогли фессалийцы, которые были дружественно расположены к македонянам со времен Архелая⁶. Был ли Аминта замещен на престоле на короткий период в конце 90-х гг. IV в. до н. э. Аргесом, неясно⁷. То, что мы знаем о вторжениях иллирийцев, позволяет предположить, что это были набеги ради добычи, а не ради политических изменений, предусматривающих приведение к власти марионеточных царей (*cui bono?*). Свидетельства о царствовании Аргея чрезвычайно скудны, и попытка найти для него место в списке македонских царей — слишком сложная задача, чтобы полагаться на единственное, позднее по времени указание, присутствующее у Диодора. Интерпретации, предложенные в данной связи историками, непримиримы. Вместе с тем осторожность требует того, чтобы мы признали, что не знаем наверняка, кем был Аргей, если он вообще правил, и если правил, то когда.

Где-то в это время Аминта заключил союз с халкидскими городами, возглавляемыми Олинфом⁸. Уцелевшие части договора, найденные на двух сторонах камня в Олинфе, говорят об установлении военного союза между Аминтой и халкидиями, а также сообщают о ряде условий экспорта леса. Халкидиям было позволено свободно вывозить смолу и древесину для строительства и сооружения кораблей. Единственное ограничение состояло в том, что продажа ели для корабельного леса должна одобряться Аминтой и с нее должны уплачиваться соответствующие пошлины. При этом были выработаны условия вывоза, транзита, а также установлены пошлины на другие товары. Наконец, оба партнера соглашались не заключать, кроме как

в середине 60-х гг. IV в. Исократ: 393/2 г. (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 173*) или 383/2 г. до н. э. (*Ellis J. R. Amyntas III, Illyria and Olynthos, 393/2–380/79 // Μακεδονικά. 1969. Т. 9. P. 3–4*).

⁶ Фессалийскими друзьями Аминты были, вероятно, Алевады из Лариссы, возглавляемые Медиом, которым удалось поставить под свой контроль значительную часть Фессалии и утвердить себя как грозную силу в регионе; свидетельства: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 172–173*.

⁷ О царствовании Аргея см. ниже Приложение В.

⁸ Tod, N 111, где этот договор датируется ок. 393 г. до н. э. Перевод и комментарий см.: *Hornblower S. The Greek World, 479–323 B. C. London; New York, 1983. P. 205; Greek Historical Documents: The Fourth Century B. C. / ed. by J. Wickersham, G. Verbrughe. Toronto, 1973. N 12*.

по общему согласию, дружбу с Амфиполем, Аканфом, Мендой или боттийцами. Договор односторонен, он благоприятствует интересам халкидян, предоставляя им практически беспрецедентную свободу торговли древесиной, традиционно находившейся под контролем Македонии, и устанавливая основные принципы изоляции главных соперников Олинфа в регионе.

Сложность и долгосрочный характер этого договора плохо согласуется с тем отчаянием, в котором находился накануне вторжения иллирийцев только что вступивший на престол Аминта, когда он в панике предоставил олинфянам право на использование части своих земель и оставил свое царство. Аминта, вероятно, бежал тогда в Фессалию (не на Халкидику), где у Аргеадов имелись давние друзья, которые спустя незначительное время помогли ему вернуться на престол. Поэтому кажется, что лучше всего отнести данный договор, заключенный на пятьдесят лет, ко времени после возвращения Аминты в Македонию, когда он приступил к заключению некоторых долгосрочных соглашений для обеспечения безопасности своего государства⁹. То, что договор благоприятствовал интересам халкидян, показывает, насколько уязвим был Аминта, и какую цену он был готов заплатить, чтобы иметь союзников на своих восточных рубежах.

Следующие несколько лет продолжается возвышение халкидян во главе с Олинфом. В ответ Аминта пытается найти дополнительных союзников, видимо, не только против возможного нового вторжения иллирийцев, но и против соседей-халкидян — ныне значительной самостоятельной силы. Где-то вскоре после 386 г. до н. э. Аминта, похоже, установил связи с амбициозным и падким до удовольствий Котисом, правителем восстановивших свое могущество одрисов. По примеру своих предшественников Котис выдал собственную дочь за видного афинянина на его службе — полководца Ификрата. Этот Ификрат был позднее усыновлен Аминтой, возможно, в знак признания последним его военных связей с фракийцами¹⁰.

⁹ Здесь я пересматриваю дату договора, предлагавшуюся мной раньше: *Borza E. N. Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks* // PAPS. 1987. Vol. 131. P. 45 (по: Tod, N 32–33). Я не могу датировать этот договор с точностью, кроме как отнести его ко времени после возвращения Аминты. Датировка Хэммонда — ок. 391 г. до н. э. (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 173*) — столь же хороша, как и любая другая, хотя я не разделяю его мнения, что земля вокруг озера Болба была возвращена (см. ниже). Источники об этом молчат.

¹⁰ Aesch., II, 25, где говорится об афинской дружбе и услугах Аминте. Афинея (IV, 131 a–f) сообщает о легендарной роскоши свадьбы Ификрата с фракийской принцессой. Современная библиография: *Ellis J. R. Amyntas III...* P. 7. Некоторые фракийские

К 385/4 г. до н. э. иллирийцы вновь активизировались на западе, напав на Эпир в попытке восстановить на троне эпиротов изгнанного молосского царя Алкету. Около 15 тыс. молоссов погибли в битве, и ситуация оказалась достаточно серьезной, чтобы побудить спартанцев отправить на север войско для изгнания иллирийцев¹¹. Положение Аминты было шатким: он остерегался возможного нового вторжения иллирийцев через западные области Македонии, а также амбиций своего союзника Олинфа на юго-востоке. Фессалийцы были дружелюбны со времен Архелая, и новое объединение с фракийцами — и косвенно с Афинами — явилось попыткой Аминты укрепить собственную безопасность. Трудно выяснить, почему фракийцы согласились на установление отношений с Македонией. Фессалийцы, возможно, видели в сильной Македонии буфер против беспокойных иллирийцев. Не исключено, что и фракийцы рассматривали Македонию сходным образом.

Предположение, что возрождение активности иллирийцев на западе действительно привело к их вторжению в Македонию, зависит, как мы видели, от доверия ко второму пассажи из рассказа Диодора (XV, 19, 2–3). На мой взгляд, здесь сообщение об иллирийцах лишь повторяет то, что сказано в предыдущем пассаже (XIV, 92, 3–4), являясь не более чем напоминанием о событиях 393 г. до н. э., однако то, что за этим следует, имеет самостоятельное значение¹². Так, мы узнаем отсюда кое-что новое — то, что олинфяне пользовались землями Аминты и доходами с них и не собирались их возвращать, — ситуация, которая сложилась с 393 г. до н. э. В самом деле, олинфяне распространили теперь свою власть и на территории самой Македонии, сначала приобретя контроль над ближайшими городами, а затем и далее, пока, как сообщает нам Ксенофонт, они не овладели «множеством других македонских гордов, включая даже Пеллу, крупнейший город в Македонии»¹³. Положение Аминты стало шатким, его царство

серебряные сосуды с надписями из рогозенского клада относятся к правлению Котиса; см.: *Fol A., Nikolov B., Hoddinott R. F. The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria*. London, 1986. P. 11–12, 24; N 28–31, 40–43, 45–47.

¹¹ Diod., XV, 13, 1–3.

¹² Согласно Диодору (XV, 19, 2), Аминта вновь отдал часть пограничных земель в обмен на помощь Олинфа против иллирийцев. Однако для Аминты не было никакой необходимости делать это во второй раз: теперь он был связан с олинфянами союзом, заключенным ок. 391 г., по которому они обязывались оказывать военную помощь, и нет сведений о том, что земля, отданная им в первый раз в 393 г. до н. э., была когда-либо возвращена Аминте. Проблема дублирования неразрешима, и представленная интерпретация является умозрительной.

¹³ Xen. Hell., V, 2, 13, предполагая, кстати, что Пелла уже была столицей.

теперь сократилось, вероятно, до границ родовых владений Аргеадов — района Пиерии вокруг Эг. Несмотря на то что новая столица Архелая имела важное стратегическое значение, Аминта, оказавшись осажденным, возможно, отступил к изолированным укреплениям своих предков.

В этой критической ситуации Аминта вернулся к политике предшественников Архелая, правивших в V в. до н. э.: он обратился за помощью к великой греческой державе. В период после Пелопоннесской войны Спарта проводила активную внешнюю политику на нескольких фронтах — в Азии и Восточной Греции, на Сицилии, в Египте и на севере¹⁴. Пока спартанцы под предводительством Агесилая отсутствовали, сражаясь в Малой Азии, ряд греческих государств, включавший Афины, Фивы и Коринф, возглавили восстание против спартанской гегемонии в Греции. Эта так называемая Коринфская война (395–387 гг. до н. э.) оказала сдерживающее влияние на амбиции спартанцев на севере, где Фракия, Македония и Фессалия считались жизненно важными для спартанских военных коммуникаций с Малой Азией. Непреодолимые сложности, с которыми столкнулось маленькое греческое государство, ведущее войну на двух континентах, вынудили спартанцев оставить их азиатскую авантюру. Соглашение с персами, известное как Царский мир (387/6 гг. до н. э.), благоприятствовало интересам Спарты в Греции, и, разрушив союзы, заключенные против спартанцев, освободило им руки для возобновления активной политики в Греции. Поэтому спартанцы оказались теперь способными отправить войско против иллирийцев в Эпир в 385/4 г., и поэтому в 383 г. до н. э. они смогли прислушаться к призывам с севера ограничить растущее могущество Олинфа.

Аполлония и Аканф (последний был одним из городов Халкидики, с которыми, согласно македонско-олинфскому союзу 391 г. до н. э., нельзя было находиться в состоянии дружбы) отправили послов в Спарту с просьбой о помощи против Олинфа. Посол Аканфа Клиген привел сильную аргументацию против олинфской агрессии в регионе и предрек угрозу того, что афиняне и фиванцы способны присоединиться к Олинфу¹⁵. Призрак появления на севере Олинфской империи, поддерживаемой Афинами и Фивами, был невыносим для

¹⁴ Анализ спартанской политики в этот период (с источниками и библиографией): *Hornblower S. The Greek World...* P. 181–191; *Hamilton C. D. Amyntas III and Agesilaus: Macedon and Sparta in the Fourth Century* // *AM*. 1986. Т. IV. P. 239–245.

¹⁵ *Xen. Hell.*, V, 2, 11–20; также см.: *Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece, 386–362 B. C.* // *Athenaeum*. 1974. Vol. 52. P. 41–42.

Фрагмент украшения щита (IV в. до н. э.), Вергина

Спарты, особенно если врагом Олинфа была Македония, которая не участвовала в Царском мире. Македонская политика долгое время была нейтральной и даже дружелюбной по отношению к южным грекам, при условии, конечно, что интересам Македонии ничто не угрожало. Возможно, Спарте казалось выгодным сохранить нейтралитет и независимость Македонского государства — никому не угрожающего и не находящегося под угрозой — как лучшую гарантию свободного прохода спартанских войск на север и, возможно, как заслон против балканских варваров. Таким образом, когда Аминта Македонский, уже собрав собственное небольшое войско для борьбы с олинфской оккупацией своего царства, обратился к спартанцам за помощью, к его обращению отнеслись со всей благосклонностью¹⁶.

Ответ спартанцев на просьбы Аминты и двух халкидских городов, Аполлонии и Аканфа, не заставил себя долго ждать. Союзный аван-

¹⁶ Diod., XV, 19, 3. Возможно, Аминта даже был не в состоянии собрать народное ополчение; «собственное войско» Аминты состояло, вероятно, из его людей и наемников (по: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 177).

гард под руководством Спарты прибыл на север весной 382 г. до н. э. и захватил Потидею¹⁷. Основное же войско во главе с Телевтием, братом Агесилая, двинулось на север, взяв по пути Фивы. Телевтий заранее обратился к Аминте, предложив ему на вербовать наемников и добиться помощи соседних царей с помощью денежных подарков (Xen. Hell., V, 2, 38–41: о доверии спартанцев войску Аминты). Аминта, возможно, получил какое-то количество фракийских наемников благодаря своим связям с Ификратом. При этом очевидно, что «соседними царями», упомянутыми в инструкции Телевтия, были князья Западной Македонии. Спартанский командующий вступил в контакт с правителем элимиотов Дердой, предупредив его, что олинфяне намереваются захватить его царство, подобно тому, как они сделали это с царством Аминты (Ibid.). Хорошо обученная конница Дерды, которая вызвала восхищение и похвалы спартанцев, отличилась в битве с халкидянами, предоставив тем самым возможность сравнить ее действия с блеклыми действиями войск Аминты.

Однако Телевтий в своих кампаниях против Олинфа, пришедшихся на 382–381 гг. до н. э., оказался в трудном положении и, чтобы спасти ситуацию, нуждался в подкреплениях из Спарты. Новый спартанский командующий Агесиполид сумел скоординировать действия своих северных союзников, включая Аминту (Isoc. Paneg., 126), Дерду и некоторых фессалийцев. У нас нет информации об участии Македонии в последних стадиях войны, но известно, что Олинф капитулировал в 379 г. до н. э. Халкидский союз был распущен и в вопросах внешней политики вынужден подчиняться Спарте. Аминте были возвращены его территории, как центральные земли царства, так, по видимому, и те, которые он передал олинфянам в 393 г. до н. э.¹⁸

Но фортуна была весьма переменчива в древнегреческом мире. Поражение Олинфа в 379 г. до н. э. не лишило беспокойных греков спланировавшей их идеи сопротивления спартанской гегемонии. В течение года Афины и ряд других городов объединились для создания нового антиспартанского союза, который мы знаем как Второй Афинский морской союз¹⁹. Аминта отреагировал на новую ситуацию с проворством, достойным его предшественников на троне Аргеадов,

¹⁷ Рассказ о кампании спартанцев на Халкидике и источники по данному событию см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 177–178.

¹⁸ Или территории в коридоре между озерами Болба и Коронья, или Антем (отданный в 383/2 г. до н. э., как думает Хэммонд: Ibid. P. 173, 178).

¹⁹ О нем см.: Cargill J. The Second Athenian League: Empire or Free Alliance? Berkeley; Los Angeles; London, 1981.

начав сближение с Афинами. Отношения между Македонией и Афинами, сравнительно неплохо отраженные в документах для периода 70-х гг. IV в. до н. э., были взаимовыгодны. Аминта продолжал искать поддержку против угроз независимости Македонии, а афиняне зависели от македонского леса для нужд своего флота в IV в. не меньше, чем в V в. до н. э.²⁰ При этом Аминта, возможно, извлекал доходы от продажи древесины, хотя у нас нет сведений о росте благосостояния во время его царствования или о тратах, на которое они могли бы пойти²¹. Очевидно, что афиняне были уверены в поставках македонского леса в середине 70-х гг. IV в. до н. э. (Xen. Hell., VI, 1, 11), и несколько позднее Аминта и Афины заключили союз²². Несмотря на то что два плохо сохранившихся фрагмента договора не говорят конкретно о лесе, заключение подобного союза, несомненно, имело целью формализовать отношения между двумя государствами, чтобы обеспечить продолжение продажи древесины, которая уже осуществлялась некоторое время. К примеру, ок. 370 г. до н. э. Аминта пожаловал корабельный лес афинянину Тимофею для его морских предприятий. Это было частное соглашение между Аминтой и иностранцем, согласующееся с прерогативами македонских монархов в осуществлении ими контроля над лесными ресурсами²³. Хотя у нас нет данных о каких-то официальных отношениях Аминты со Вторым Афинским морским союзом, договор с афинянами и частные продажи леса в конечном счете способствовали укреплению мощи этого нового политического объединения греков.

Одним из свидетельств возобновления уверенности в себе македонской монархии к концу правления Аминты является его дипло-

²⁰ Ценное обсуждение вопроса см.: Cawkwell G. L. Athenian Naval Power in the Fourth Century // CQ. 1984. Vol. 34. P. 334–345. Ранее, когда казалось, что судьба Олинфа меняется к лучшему ок. 383 г. до н. э., Афины вынудили его заключить союз, вероятно, чтобы получить доступ к ресурсам древесины севера; см.: Tod, N 119 (с комментарием и библиографией по поводу спорной датировки этого договора).

²¹ Во время правления Аминты появилось несколько замечательных серебряных дирахм. Хэммонд, как обычно, связывает улучшение качества македонских монет с возвращением серебряных шахт Бисалтии (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 180). Это объяснение, однако, не учитывает возможности того, что серебро могло приходить и из другого источника, к примеру, от продажи леса.

²² Tod, N 129, который традиционно датируется 375 или 373 г. до н. э.; см.: Cargill J. The Second Athenian League... P. 85–87.

²³ Borza E. N. Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks // PAPS. 1987. Vol. 131. P. 40. Древесина отправлялась из Македонии в дом Тимофея в Пирее (Dem., XLIX, 26–30). О Тимофее, его связях с Ификратом и роли обоих в политике на севере: Kallet L. Iphikrates, Timotheos and Athens, 371–360 // GRBS. 1983. Vol. 24. P. 239–252.

матическое вмешательство в дела соседей. В Фессалии тиран Ясон Ферский сверг Алевадов из Лариссы, старых друзей Аргеадов, однако Аминта нашел для себя удобным достичь соглашения с новым правителем (Diod., XV, 60, 2). В Западной Македонии Аминта выступил арбитром в пограничном споре между элимиотами и перребями²⁴. А в 371 г. до н. э. посланник Аминты принял участие с правом голоса на съезде, созванном спартанцами и афинянами для того, чтобы договориться об общем мире (Aesch., II, 32). Македония здесь поддержала претензии Афин на Амфиполь, изменив свою давнюю позицию поощрения его независимости. Представитель Македонии участвовал в этом съезде как независимый союзник Афин, возможно, приглашенный ими в таком качестве для того, чтобы поддерживать их политику в отношении Амфиполя. Стремление Афин вернуть контроль над Амфиполем (с его доступом к ресурсам древесины в регионе) являлось возвратом к их политике середины V в. до н. э. и явно было вредным для экономических и политических интересов Македонии. Остается гадать, было ли положение Аминты тогда столь слабым, что он был так зависим от желаний Афин²⁵. У нас нет сведений о мотивах Аминты, но если он как подлинный Аргеад действовал в манере своих предшественников, то он мог, исходя из собственной слабости, совершать некий краткосрочный тактический маневр, не имевший далеко идущих последствий. Кажется маловероятным (и это подтверждают дальнейшие события), чтобы македонский царь был готов отказаться от того красуемого камня политики, который вполне соответствовал интересам его страны на протяжении более чем полувека.

История правления Аминты — это история выживания²⁶. Смерть Архелая, который был на пути к установлению македонской гегемонии на Нижних Балканах, а также династическая борьба 90-х гг. IV в. до н. э. привели к ослаблению власти Македонии. К несчастью для Аргеадов, эта внутренняя смута совпала с давлением на их государство иллирийцев во главе с Бардилом и экспансией Олинфа. Первое было

²⁴ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 178.

²⁵ Доказывается Хэммондом (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 179), который указывает также на то, что Македония не считалась греческим государством и не принимала участие на равных с общинами греков в этой панэллинской конференции. Каргилл (Cargill J. The Second Athenian League... P. 85–86) полагает, что македоняне не были членами Второго Афинского морского союза.

²⁶ Ценное подведение итогов его деятельности и характеристику состояния царства в период его правления (с источниками) см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 179–180.

несожиданным, представляя собой результат исторического передвижения балканских племен, но последнее имело основу, невольно заложенную Пердиккой II во время его борьбы с Афинами. Часть правления Аминты пришлось на иностранные вторжения и оккупацию страны. Это принесло значительное разорение, и, чтобы подтвердить степень разрушений, нужно ждать дальнейших раскопок в местах, подобных Пелле. Македонское войско, которое подавало некоторые надежды при Археласе, пришло в жалкое состояние. Аминте пришлось находиться в зависимости от олинфян, фессалийцев, фракийцев и в конце концов афинян. Некоторые из них имели традиционные связи с Македонией; другие верно оценивали слабость Македонии и были намерены использовать ее в своих интересах.

Все это наглядно показывает, насколько иллюзорным было богатство и внешнее величие Македонии в правление Архелая, и даже при отсутствии прямых свидетельств о македонских институтах с очевидностью предполагает, что социальная, экономическая и политическая инфраструктура царства была еще примитивной и неспособной противостоять внешним вызовам. Несмотря на фасад эллинизма, который возводился в стране в конце V в. до н. э., и на то, что иногда на исторической сцене появлялись македоняне, пытавшиеся строить отношения с греческими городами на равных, Македония все еще оставалась отсталым балканским царством, почти всецело зависящим от своей нестабильной военной мощи, а также удачи и способностей своих правителей.

ПРЕЛЮДИЯ К ПРАВЛЕНИЮ ФИЛИППА II

Пережив столько опасностей — включая, если верить Юстину (VII, 4, 7–8), и заговор против него его жены Эвридики и ее любовника, — Аминта умер в преклонном возрасте и оставил трон своему старшему сыну Александру. Это было в 370/69 г., возможно, в конце 370 г. до н. э.²⁷ Передача престола, исходя из права первородства, и очевидное улучшение положения Аминты в конце его царствования,

²⁷ Isoc., VI, 46; Diod., XV, 60, 3; Just., VII, 4, 8. В источниках нет свидетельств для подтверждения заявления Хэммонда, что «народ избрал» Александра на трон (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 181*); слова Юстина «regno maximo ex filiis Alexandro tradito» («передав царство Александру, старшему из сыновей»). — М. Х.) могут быть поняты так же легко буквально, как и фигурально. По поводу мнения Хэммонда, что в Гробнице I в Вергине покоились останки Аминты, см. ниже Приложение В.

казалось, предвещали неплохое будущее для Македонии. Но дальнейшие события показали обратное. В 60-е гг. IV в. до н. э. Македонское царство снова погрузилось в династический кризис, осложненный постоянными угрозами извне. Так, в начале своего правления Александр был вынужден откупаться от иллирийцев. Правда, неясно, выдал ли он им тогда в качестве заложника своего младшего брата Филиппа (будущего Филиппа II), или нет²⁸.

В Фессалии был убит грозный Ясон Ферский, который, если бы остался в живых, мог предвосхитить объединение Балкан, осуществленное позднее Филиппом II. Пресмник Ясона также был убит²⁹. Алевады из Лариссы увидели теперь удобный случай для восстановления своей независимости от Фер и обратились за помощью к своему традиционному союзнику — царю Македонии. Предупреждая действия Фер, Александр II взял Лариссу и вернул Алевадов. В это время имело место и движение других фессалийцев в пользу Алевадов, без сомнения, поощряемое обещанием Александра о самоуправлении Фессалии и страхом перед Александром Ферским — одним из наследников Ясона, представлявшим для них угрозу. Александр Македонский, однако, изменил своему слову, предав давнюю дружбу Алевадов и Аргеадов, и отказался выводить свои войска из фессалийских городов. В этой сложной для себя ситуации Алевады призвали на помощь Пелопида из Фив. Бсотийское войско освободило Лариссу от македонян, а владения Александра Ферского ограничило его

²⁸ Хэммонд считает, что Филипп был заложником у иллирийцев (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 181*), предпочитая свидетельство Юстина (VII, 5, 1) свидетельству Диодора (XVI, 2, 2), который подчеркивает инициативу иллирийцев в вопросе взятия Филиппа в заложники и затем передачи его фиванцам. Как Диодор (XV, 67, 3), так и Плутарх (*Pelop.*, 26, 4), упоминающие о пребывании Филиппа в Фивах, ничего не сообщают об иллирийском периоде его заложничества. Хронология событий говорит против этого. Новое вторжение иллирийцев не могло произойти до (самое раннее) конца зимы 370/69 г., а значит, соглашение Александра с иллирийцами имело место, возможно, весной или летом 369 г. до н. э. В какой-то момент в течение года (368 г., по хронологии Хэммонда) Филипп был отправлен заложником в Фивы. Кажется маловероятным, чтобы принц Филипп перемещался таким образом из одного места в другое (что побудило иллирийцев отказаться от него?). Временной интервал слишком узок, и Диодор, наш лучший источник по истории Филиппа, дает противоречивые указания по поводу его заложничества у иллирийцев. Гриффит также высказывает сомнения по поводу пребывания Филиппа в Иллирии (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 204, n. 5*).

²⁹ Обзор событий в Фессалии в данный период см.: *Westlake H. D. Thessaly in the Fourth Century B. C. London, 1935. P. 160–216; Martin T. R. Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985. P. 89–113.*

собственным городом. Александр II покинул Фессалию как потому, что его сил было недостаточно, чтобы ее удержать, так и потому, что у него возникли значительные трудности дома.

В Македонии вызов Александру был брошен Птолемеем из Алора, вероятно, тем же лицом, которое упоминается в качестве посла в надписи, где речь идет о заключении союза между Аминтой III и Афинами ок. 375–373 гг. до н. э. (см. выше). Почетное место Птолемея в списке послов предполагает, что он занимал высокое положение в македонской иерархии. Как считает Хэммонд, он был сыном Аминты II и, стало быть, потомком Менелая, сына Александра I³⁰. Если это так, то притязания на власть Птолемея являются последним вызовом дома Менелая линии Аминты, брата Менелая. Источники не позволяют четко представить положение Птолемея в царской семье, его связь с Алором и хронологию его отношений с Эвридикой, вдовой Аминты III³¹. Мы можем только гадать, почему решительная Эвридика вступила в любовную связь с Птолемеем: то ли чтобы оспорить вступление на трон Александра, исходя из неких политических оснований, которые нам не известны, то ли чтобы отстранить от власти род Аминты, участвуя в иностранном заговоре (см. ниже), то ли чтобы просто возвести на трон своего любовника, составив с ним заговор. Как бы то ни было, Пелопид был приглашен в качестве арбитра в споре между группировками³². Похоже, его миссия ему удалась. Но ценой соглашения, заключенного с Пелопидом в 368 г. до н. э., была отправка заложниками в Фивы ряда сыновей видных македонян, в том числе брата Александра — Филиппа. Филипп, тогда тринадцати или четырнадцати лет от роду, был поселен в доме Паммена, где прожил три года, до 365 г. до н. э.³³ Предполагалось, что заложники воспрепятствуют возобновлению Македонией действий в Фессалии.

³⁰ Относительно того, о чем сказано ниже, также см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 181–183.*

³¹ *Just.*, VII, 4, 7–8; 5, 4–8. Если верить Юстину, Эвридика и Птолемей были любовниками, несмотря даже на то, что Птолемей был женат на дочери Эвридики и Аминты. Любовники решили убить Аминту, их замысел был раскрыт, но они остались безнаказанными, чтобы спасти от страданий дочь Аминты, к которой царь был глубоко привязан. См.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 183* (почти ничему из этой истории не верит); *Green P. Alexander of Macedon. Harmondsworth, 1974. P. 14* (верит большей части этой истории).

³² *Plut. Pelop.*, 26, 3; *Diod.*, XV, 67, 4.

³³ *Plut. Pelop.*, 26, 5; *Diod.*, XVI, 2, 2; *Just.*, VII, 5, 3. Последние двое, вероятно ошибочно, думают, что Филипп жил в доме Эпаминонда. См. обсуждение вопроса у Гриффита: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 204–206.*

Вскоре после этого, возможно весной 367 г. до н. э., Александр был убит на празднестве, которое включало в себя исполнения телесий — военного танца. Ответственность за убийство возлагают на Птолемея³⁴. Заговор удался, и Птолемей теперь встал во главе Македонии. Правил ли он как царь или как регент при юном Пердикке, вопрос спорный. То, что Птолемей унаследовал трон, не является доказательством того, что он не участвовал в убийстве Александра II³⁵. Даже хотя некий Аполлофан из Пеллы и был казнен за свое участие в убийстве царя (Dem., XIX, 194–195), он мог быть всего лишь пешкой в заговоре, организованном другими. Что же касается причастности Эвридики к заговорщической деятельности, то тут сложно понять, что следует принять, а что отвергнуть. Очевидно, что при дворе имела место большая интрига, достаточная для того, чтобы связать с ней имя Эвридики, пусть даже Плутарх и Диодор и не упоминают о ней как о заговорщице.

До сих пор македонские женщины — жены и дочери — в основном лишь упоминались по именам. Они показаны предназначенными для рождения детей, передачи легитимности и выдачи замуж за иностранцев или представителей побочных ветвей клана Аргеадов по тем или иным политическим или дипломатическим причинам. Но Эвридика выступит как самостоятельная фигура, сильная и независимая, хотя, по-видимому, и бесчестная. Ее мать была дочерью царя линкестийцев Аррабея (против которого восстали Пердикка II и Брасид), а ее отцом — Сирра, один из иллирийских князей, который, возможно, являлся союзником Аррабея или его сына³⁶. То, что Аминта III должен был жениться на женщине линкестийско-иллирийской крови в то время, когда на западных рубежах Македонии было неспокойно, вполне согласуется с практикой Аргеадов заключать браки с иностранцами из политической необходимости. К сожалению, имеющиеся свидетельства позволяют нам не более чем допустить возможную

³⁴ Diod., XV, 71, 1 (Птолемей лично); Mars. Mac. ap. Athen., XIV, 629 d = Fgr Hist 135/6 F 3 (люди Птолемея).

³⁵ Хэммонд считает, что для того чтобы расследовать убийство царя и выбрать преемника, собралось собрание македонян (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 183–184), хотя нет сведений о том, что такое собрание существовало формально, какими были его полномочия или что оно собралось по данному поволу.

³⁶ Strab., VII, 7, 8; имя «Сирра» теперь подтверждено надписью, которая будет рассмотрена ниже. О семейных связях Эвридики см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 14–16; и особенно: Badian E. Eurydice // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 103–104.

связь с западными соседями в заговорщических попытках свергнуть Аминту и Александра II.

Недавняя находка на месте Эг дала нам первое, хотя не полностью понятное материальное свидетельство об Эвридике. На пологом склоне вниз от дворца эллинистической эпохи, на пространстве чуть дальше театра был раскопан маленький храм или святилище. Вблизи с самим зданием обнаружены постаменты трех статуй, на одном из которых имеется надпись: «Эвридика, дочь Сирры, [воздвигла эту статую] Эвклею»³⁷. Надпись сделана искусным резчиком и датируется по форме букв второй половиной IV в. до н. э.

Эвклея — второстепенная богиня, олицетворяющая славу, добрую репутацию и честь, абстракция, почитание которой иногда имело политическое значение³⁸. Посвящения этой богине хорошо засвидетельствованы в Греции, включая храм в Афинах³⁹. Описывая свою прогулку по афинской агоре, Павсаний (I, 14, 5), путешественник II в., говорит о храме Эвклеи, вероятно, располагавшемся на северо-западном склоне Акрополя, как напоминании о битве при Марафоне. По аналогии с этим Андроникос полагал, что храм Эвклеи в Эгах прославлял победу Македонии над греками в битве при Херонее в 338 г. до н. э.⁴⁰ Однако все упоминания об Эвклею в Афинах относятся к Эвклею Эвномии, и кажется более вероятным, что Эвклея в Эгах должна ассоциироваться с Артемидой Эвклеей. Артемида Эвклея широко почиталась в Беотии, а середина IV в. до н. э. была тем периодом в македонской истории, когда, как мы видели, связи Македонии с Беотией были необычайно тесны. Кроме того, согласно Плутарху (Arist., 20, 6), некоторыми считалось, что Эвклея была дочерью-девой Геракла (мифического предка македонян) и Мирто. Ей оказывали божественные почести беотийцы и локры, и, как сообщает Плутарх, на каждом рынке воздвигались ее алтарь и избира-

³⁷ Описание и фотографии см.: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984. P. 49–51; Το ἔργον τῆς ἐν Αῠθῖναις Ἀρχαιολογικῆς Ἐταιρείας. 1983. Σ. 29–30.*

³⁸ О других примерах подобных абстракций см.: *West W. C. Hellenic Homonoia and the New Decree from Plataea // GRBS. 1977. Vol. 18. P. 308, n. 2.*

³⁹ Свидетельства: *Wycherley R. E. The Athenian Agora. Vol. III. Princeton, 1957. P. 58–59.* Далее в связи с афинскими памятниками см.: *Culley G. R. The Restoration of Sacred Monuments in Augustan Athens (IG, II/III², 1035). Diss., University of North Carolina, 1973. P. 187–192;* кроме того, см. его эпиграфический комментарий: *Culley G. R. The Restoration of Sanctuaries in Attica: IG II² 1035 // Hesperia. 1975. Vol. 44. P. 207–223.*

⁴⁰ *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs... P. 51; Το ἔργον... 1983. Σ. 30.*

женис, где приносили жертвы те, кто собирался вступить в брак. Поэтому можно предположить, что памятник, посвященный Эвридикой Эвклес, не только отражает связи с Беотией и является свидетельством общественной литургии видного члена царской семьи, но также помогает определить месторасположение агоры Эг.

Очевидно, что подобный вывод не окончателен. Даже если оставить в стороне тот парадокс, что, как получается, скандально известная Эвридика посвятила статую Эвклес-деве для принесения жертв во имя счастливых браков (разумеется, в данном случае нельзя исключать искупление, о чем знают поклонники византийской императрицы Феодоры), датировка этого посвящения недостаточно точна, чтобы помочь определить ее назначение. Едва ли Эвридика спустя три десятилетия после прекращения своего правления была все еще активна при дворе, все еще жива, чтобы воздвигнуть статую в память о победе при Хероне. Если сооружение военных памятников и встречалось в македонской жизни, то скорее всего именно царю, как полководцу и победителю, следовало бы оказывать такого рода почести. Кроме того, данный вопрос затрудняется обнаружением второй надписи «Эвридика, дочь Сирры» в раннехристианском храме в деревне Вергина, расположенной поблизости⁴¹. Стоит дождаться появления окончательного отчета о раскопках святилища Эвклеи, который поможет датировать данный памятник и тем самым, возможно, свяжет его с некой стороной деятельности Эвридики.

Неспокойное правление Птолемея и Эвридики (мы, конечно, должны упомянуть здесь и ее, хотя «официально» женщины не могли властвовать в Македонии) продлилось менее трех лет. Наиболее серьезный вызов им исходил от Павсания, чье происхождение туманно, хотя он, вероятно, принадлежал к боковой ветви рода Аргеадов⁴². Каким бы, однако, ни было его происхождение, Павсаний, кажется, имел значительную поддержку в Македонском царстве, все еще расколотом из-за смерти Александра II и занятия престола Птолемеем. Около 367 г. до н. э. Павсаний, возможно, отправленный в изгнание

⁴¹ Краткое сообщение об этом см.: Το ἔργον... Σ. 30. Археолог и автор данного сообщения заявлял, что обнаружение второй надписи подтвердило прежние гипотезы относительно посвящения Эвклес. Однако, наоборот, вторая надпись вызывает новые вопросы.

⁴² Источники: Aesch., II, 27–29; Suda, s. v. Κάρανος; Diod., XVI, 2, 4–6, хотя рассказ последнего является безнадежным объединением воедино событий нескольких лет, сжатых в рамки одного года — года восшествия Филиппа на престол в 360/59 г. до н. э. Хэммонд видит в Павсании потомка Архелая (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 184).

Аминтой III, вернулся, вторгнувшись в Македонию с некоторым количеством греческих наемников. Тот факт, что наряду с другими пунктами им были захвачены Антем, Ферма и Стрепса, предполагает, что он двигался из Халкидики, откуда, возможно, исходила поддержка его предприятия. Эвридика обратилась к афинянину Ификрату, который тогда находился во главе небольшого флота у Амфиполя⁴³. Напомним, что Птолемей упоминается в качестве посла в договоре, заключенном между Аминтой III и Афинами в период, когда Македония обязывалась поддерживать попытки Афин вернуть Амфиполь. Но согласие Ификрата помочь Птолемею и Эвридике против Павсания было связано не только с этим обстоятельством. Подобная помощь давала афинянам возможность вмешаться в дела Македонии с надеждой на продолжение ее поддержки на севере. При содействии Ификрата Павсаний был изгнан из Македонии. Правда, он еще появится на короткое время в 360/59 г. до н. э. в качестве одного из соперников Филиппа II в борьбе за трон⁴⁴.

Если афиняне ожидали благодарности от Птолемея за то, что спасли его власть, то они недооценили собственные интересы Македонии. Птолемей просто вернулся к политике своих предшественников по противодействию поползновениям Афин в отношении Амфиполя. Возмущение Эсхина (II, 29–30) поведением Птолемея оправданно с афинской точки зрения, но вместе с тем призыв к чести, звучащий из города, чье отношение к Македонии было эксплуататорским на протяжении почти столетия, выглядит курьезным. Примерно в это же время (367 г. до н. э.) фиванец Пелопид вторгся в Македонию во второй раз за период менее чем двух лет, откликнувшись на призыв группировки, считавшейся лояльной к покойному Александру и Эвридике. Фивы были сильной державой, и Птолемею пришлось согла-

⁴³ Хэммонд относится со скепсисом к слезному обращению Эвридики к афинскому полководцу (Aesch., II, 28–29; повторено: Nep. Iph., 3) как в значительной степени риторическому (и даже чуть более) приему Эсхина (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 184).

⁴⁴ Миллер попытался показать, что Павсаний чеканил монету от собственного имени во время его выступления против Аминты. Аргументация ученого базируется на приписывании претенденту Павсанию монеты, до того относимой к царю Павсанию (394–393 гг. до н. э.) (Miller M. C. J. The Macedonian Pretender Pausanias and His Coinage // AW. 1986. Vol. 13. P. 23–25). Хотя я не нахожу позицию Миллера, основывающуюся на весьма скудных данных, убедительной, он выдвигает интересный тезис о том, что все претенденты на македонский престол в период 367–360 гг. до н. э. выпускали монеты, которые должны были способствовать осуществлению их властных притязаний. В данной связи необходимо больше свидетельств.

ситься на унижительные условия примирения. С Фивами был заключен союз, по которому македоняне обязывались поддерживать фиванскую политику, а для обеспечения их верности от них были взяты заложники⁴⁵. Мы не можем сказать, была ли антиафинская политика Птолемея в вопросе с Амфиполем результатом того, что он был вынужден следовать пожеланиям Фив — врага Афин, или это было просто возвращение к традиционной позиции Македонии в подобном вопросе, как было предположено выше. Источники не дают достаточно точной последовательности событий в этой связи, хотя и очевидно, что здесь фиванская и македонская политика совпали.

К смерти Птолемея, пришедшейся на 365 г. до н. э., был причастен второй сын Аминты III — Пердикка, при котором Птолемей, возможно, был регентом⁴⁶. Пал ли Птолемей в результате заговора Пердикки против него, или Пердикка достиг совершеннолетия, стал царствовать и затем избавился от своего бывшего регента, неясно. Какова была роль Эвридики во всем этом, мы не знаем, поскольку наши литературные источники больше о ней не упоминают. Младший брат Пердикки Филипп, которому тогда было шестнадцать или семнадцать лет, вскоре вернулся домой из Фив, где он находился в качестве заложника в течение трех лет. Отношения с беотийцами были подтверждены, и недавно найденный декрет Беотийского (Фиванского) союза где-то от 365 г. до н. э. чествует македонянина Афиня как проксена и эвергета. Вполне вероятно, что этот Афиней был советником лидера фиванцев Эпаминонда по вопросам морской программы, осуществлявшейся в то время Фивами, а также служил связующим звеном между беотийцами и македонянами с их ресурсами древесины⁴⁷.

⁴⁵ Хэммонд отвергает точку зрения Гейера, согласно которой это и стало поводом для заложничества Филиппа II в Фивах. Подобное суждение основывается на идее, что в двух пассажах Плутарха (Pelop., 26, 4; 27, 3) информация о вторжении(-ях) Пелопида в Македонию дублируется (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 184–185, п. 3*). Реконструкция Хэммонда, которой я и следую, предполагает два вторжения фиванцев — в 368 и в 367 г. до н. э.; Филипп стал заложником после первого из них. Были ли взяты заложники в 367 г., чтобы гарантировать то, что Птолемей останется регентом и не отберет трон у малолетнего Пердикки (которого фиванцы поддерживали), зависит от мнения относительно того, был ли Птолемей регентом или царем. Свидетельства: *Ibid. P. 183, n. 2*.

⁴⁶ *Diod., XV, 77, 5; XVI, 2, 4; Aesch., II, 29* (ἐπίτροπος — «регент»). Относительно Пердикки см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 185–188; Geyer F. Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II. München; Berlin, 1930. S. 134–139; Errington R. M. Geschichte Makedoniens. München, 1986. S. 41–42*.

⁴⁷ *Borza E. N. Timber and Politics... P. 46, n. 59; Roesch P. Un décret inédit de la Ligue thébaine et la flotte d'Épaminondas // REG. 1984. T. 97. P. 45–60*. Полезный обзор фиванско-

После поражения Спарты от фиванцев под предводительством Эпаминонда и Пелопида при Левктрах в 371 г. до н. э. фиванское могущество продолжало расти, и Эпаминонд был близок к тому, чтобы бросить Афинам вызов на море. Македонский лес был необходим беотийцам, но в отличие от афинян они благоразумно осознали, что дипломатические соглашения с Аргеадами — более эффективное средство получения древесины, чем применение силы. Союз между Фивами и Македонией был естественным: лес в обмен на поддержку против поползновений афинян на севере. Это был частичный возврат ко внешней политике Македонии V в. до н. э.

Тимофей, афинский командующий на севере, был грозным противником. Его флот был силен, и вполне возможно, что некоторые из его кораблей были построены из древесины, предоставленной Аминтой III в 370 г. до н. э. (см. выше). В Термическом заливе было установлено афинское присутствие. Пидна, Мефона и Потидея были захвачены афинянами в качестве баз, откуда можно было угрожать Македонии и Халкидике. Кроме того, были заключены союзы с князьями, правившими землями на границах с Македонией. Лишенные защиты нижних македонян от набегов иллирийцев оресты присоединились к Молосскому царству, члену Второго Афинского морского союза. К северу от Орестиды князь Пелагонии предоставил помощь Афинам против халкидян и амфиполитов. Не исключено, что и фракийцы-одрисы встали на сторону афинян благодаря старым связям, установленным Ификратом. Казалось, Афины находятся на пути к восстановлению своей прежней империи на севере⁴⁸.

К 364/3 г. до н. э. под непреодолимым натиском Пердикка был вынужден подчиниться афинской воле, и в течение короткого времени он помогал Тимофею в его кампании против халкидян. Но Амфиполь оставался непокоренным даже с македонской помощью. Можно догадываться, насколько эффективной была поддержка Пердиккой афинского нападения на Амфиполь, если сохранение этим городом независимости от Афин было ключевым моментом македонской

македонских отношений в середине IV в. до н. э. может быть найден у Хадзопулоса: *Hatzopoulos M. B. La Béotie et la Macédoine à l'époque de l'hégémonie thébaine: le point de vue macédonien // Colloques internationaux du CNRS, «La Béotie antique». Paris, 1985. P. 247–257.*

⁴⁸ Детали и источники см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 186–187.* Другие фракийцы, возможно бисалты и местные фракийцы, которые обычно поддерживали независимый Амфиполь, оказали помощь в обороне этого города.

политики со времен Пердикки II. Так или иначе, но союз Македонии с афинянами был недолговечен⁴⁹. Возможно, ободренный теперь тем, что Эпаминонд, казалось, был близок к противостоянию Афинам на море, Пердикка прекратил оказывать им помощь. Но из морских планов Эпаминонда ничего не вышло, и его скорая смерть в битве при Мантинее в 362 г. до н. э. сорвала претензии Фив на установление своей гегемонии в Греции. Несмотря на крах фиванских амбиций, Пердикка все же продолжил проводить антиафинскую политику, отправив войска на помощь Амфиполю, и к 360 г. до н. э. Тимофей прекратил осаду этого города. Почти шестьдесят лет Афины пытались вернуть под свой контроль свою бывшую колонию и терпели неудачи. Но через три года, когда трон Македонии будет занимать Филипп II, Амфиполь окажется уже в его руках.

Македонские успехи в конце 60-х гг. IV в. до н. э. были двойственны. Внешняя политика царства по-прежнему зависела от великих держав, и действие Пердикки можно охарактеризовать лишь как балансирование на канате между дипломатией и войной, которое было присуще и для его пытавшихся выжить предшественников на троне Аргеадов V в. до н. э. И все же это было больше, чем простое выживание, так как Македония не только сохраняла достаточную независимость для того, чтобы способствовать провалу попыток Афин вернуть Амфиполь, но и стала перестраивать свою внутреннюю структуру. Очевидно, что были получены какие-то доходы от продажи леса Фивам, и реорганизация финансов изгнанником Каллистратом во время правления Пердикки удвоила ежегодную прибыль от портовых сборов с 20 до 40 талантов⁵⁰. Эти доходы, возможно, помогли Пердикке организовать, обучить и вооружить свою армию, а также начать процесс возрождения Македонии, находившейся в состоянии крайнего упадка в период правления Аминты III. Кавалерия македонян хорошо проявила себя на Халкидике в 363 г. до н. э. (если прав Хэммонд), Пердикка отправил войска на помощь Амфиполю против Тимофея, а к 359 г. до н. э. в него был введен македонский гарнизон (Diod., XVI, 3, 3). И хотя Пердикка потерял 4000 человек и погиб сам, потерпев сокрушительное поражение от иллирийцев в 359 г. до н. э. (Diod., XVI, 2, 4–5), тот факт, что Македония смогла выставить так много людей на поле боя, весьма показателен.

⁴⁹ *Hatzopoulos M. B.* La Béotie et la Macédoine... P. 255–256.

⁵⁰ [Arist.] *Oec.*, II, 1350 a. См.: *Borza E. N.* Timber and Politics... P. 41; *Hammond N. G. L., Griffith G. T.* A History of Macedonia. Vol. II. P. 187 (в противоположность позиции Гейера: *Geyer F.* Makedonien... S. 137).

Проблемы на западе были обусловлены возобновлением активности Бардила, вождя иллирийского союза⁵¹. Это вторжение иллирийцев было больше чем пограничным набегом, о чем свидетельствует размер высланного против них македонского войска. Поход Пердикки примечателен, так как он демонстрирует, что этот македонский царь, не имея обычных оградительных союзов в западных областях, предпринял масштабную военную инициативу. Переживи Пердикка это поражение иллирийцев, он мог бы предвосхитить многое из того, что позднее осуществил его младший брат и наследник Филипп. Но правление Пердикки оборвалось слишком быстро, не дав узнать, каковыми были бы его свершения в дальнейшем. Так погиб в битве второй сын Аминты III. Несмотря на то что он, похоже, вернул государство на путь возрождения, опасности были очевидными, ибо балканские варвары, халкидяне и южные греки угрожали Македонии со всех сторон. В момент гибели Пердикки в 360 или 359 г. до н. э. никто не смог бы предвидеть, что младший сын Аминты III менее чем за два десятилетия оживит Македонию, завоюет Грецию и будет планировать распространение македонской власти даже на Азию.

⁵¹ См.: *Dell H. J. The Illyrian Frontier... P. 59–61; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 188* (в обеих работах приведены источники и даны комментарии). Как и Делл, я отношусь со скепсисом к тому, что Эвридика (Just., VII, 5, 6–9) была причастна к смерти Пердикки, совершив предательство. Наши лучшие источники повествуют, что он пал в битве с иллирийцами, и у нас нет свидетельств о деятельности Эвридики со времени восшествия на престол Пердикки.

Глава 9

«...ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ ЦАРЕЙ В ЕВРОПЕ...»

«Величайший из царей в Европе...» Так заканчивает Диодор Сицилийский энкомий человеку, который завоевал Грецию, сделал Македонию сильнейшей державой на Балканах и планировал вторгнуться в Азию (цв. ил. 10)¹. До недавнего времени, однако, современная наука уделяла Филиппу Македонскому меньше внимания, чем, возможно, любой другой крупной фигуре классической античности. Отчасти подобная невнимательность была обусловлена тем, что Филипп оказывался в тени своего сына Александра. К примеру, Тарн, вероятно, наиболее влиятельный (и наиболее упорствующий в своих заблуждениях) в XX в. исследователь свершений Александра Великого, фактически не касался в своих работах истории Филиппа и того македонского фона, на котором разворачивалась деятельность его героя. Кроме того, Филиппу не повезло в том, что его противником был самый одаренный оратор той эпохи — Демосфен, и большинство ученых, авторов фундаментальных исследований XIX–XX вв., находясь под влиянием силы красноречия Демосфена, видели в Филиппе варвара, решившего покончить со свободой греческих городов-государств. Звучные обвинения Демосфена в адрес Македонии стали причиной формирования крайне афиноцентричного взгляда на события середины IV в. до н. э. И те незначительные материальные свидетельства и немногие новые трактовки литературных источников, которые имелись тогда для данной эпохи, были неспособны привести к пересмотру подобного взгляда.

В конце XIX в. Хогарт первым стал собирать македонские надписи и предпринимать путешествия в тех районах Балкан и Малой Азии, которые были очевидцами походов Филиппа и Александра.

¹ Diod., XVI, 95, 1.

Опубликовав в рамках одной книги биографии двух этих царей², Хогарт отверг сентиментальную проафинскую точку зрения своих предшественников. Он прославлял Филиппа как государственного деятеля и военачальника, тем самым рсанимировав похвалы Диодора, сделанные почти двадцать столетий назад в адрес этого царя. Впрочем, подобная позиция Хогарта оказала мало влияния на дальнейшие исследования, не изменив идущего от Демосфена взгляда на македонских царей, а также не поспособствовав возбуждению интереса к деяниям Филиппа. В первой половине XX в., за исключением двух глав в «Кембриджской древней истории» и двух книг европейских ученых, крупных трудов, посвященных Филиппу, не появилось³.

Подчас считается, что всплеск интереса к Филиппу II в наши дни обусловлен недавними археологическими открытиями в Македонии, прежде всего открытиями Андроникоса, заявившего, что он нашел гробницу Филиппа (см. ниже). Конечно, впечатляющие раскопки греческих археологов в 70–80-е гг. XX в. сыграли в этом свою роль. Однако оживление исследований, посвященных отцу Александра, было в равной степени связано и с работой тех трех ученых, чьи труды были написаны еще до того, как македонская земля начала уступать останки своих царей⁴. Основа для появления значительного количества недавних исследований была заложена опубликованной в 1937–1938 гг. статьей Хэммонда, в которой он подверг

² *Hogarth D. G. Philip and Alexander of Macedon*. London, 1897. Подробнее о Хогарте: *Borza E. N. David George Hogarth: Eighty Years After* // *AW*. 1978. Vol. 1. P. 97–101; также см.: *Borza E. N. Philip II and the Greeks* // *CPh*. 1978. Vol. 73. P. 236–239 (обзор современных исследований по истории Филиппа).

³ *CAH*. Vol. VI. 1953. Ch. 8–9; *Momigliano A. Filippo il Macedone*. Firenze, 1934; *Wüst F. R. Philipp II. von Makedonien und Griechenland in den Jahren 346 bis 338*. München, 1938.

⁴ *Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism*. London, 1976; *Cawkwell G. L. Philip of Macedon*. London, 1978; *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. Oxford, 1979 (раздел о Филиппе, написанный Гриффитом). Критическую оценку этих трех трудов (плюс коллективного сборника очерков, опубликованного после обнаружения некрополя македонских царей в Вергине в 1977–1978 гг.: *Philip of Macedonia* / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos. Athens, 1980) см.: *Errington R. M. Review-Discussion: Four Interpretations of Philip II* // *AJAH*. 1981. Vol. 6. P. 69–88. Новая небольшая книга о Филиппе, написанная Виртом (*Wirth G. Philipp II*. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1985), попала в мои руки слишком поздно, и я не смог использовать ее в настоящей работе. Книга Вирта представляет собой первый том запланированной серии «Geschichte Makedoniens»; второй том, написанный Вилем и опубликованный в 1986 г., посвящен Александру Великому. Таким образом, в середине 80-х гг. XX в. история Македонии все еще кое-где начинается с биографий Филиппа и Александра.

анализу XVI книгу Диодора — наш главный источник по истории Филиппа, а также книгами Клоше, вышедшими в свет несколько позднее⁵. Сейчас создалась небольшая «коттеджная индустрия» работ о Филиппе, причем активность ученых, интересующихся его деятельностью, может сравниться разве что с активностью тех, кто пишет о его легендарном сыне. Одним из результатов усиления внимания к Филиппу было то, что теперь стала признаваться важность высказывания Диодора о свершениях этого экстраординарного человека. Другим было то, что в настоящее время ученые стали менее склонными, чем их предшественники, принимать одну из сторон в конфликте между афинянами и македонянами⁶. Нет сомнения, что теперь начинает возникать более сложная картина времени Филиппа, обогащаемая ежегодными археологическими открытиями, столь многочисленными и потенциально важными, что их обнародование вне публичной прессы сильно запаздывает, оставляя историка не вполне осознающим их значение.

При таком испростом положении дел попытка рассмотреть свершения Филиппа на нескольких страницах может показаться на первый взгляд не имеющей смысла. И все же, как кажется, будет отнюдь не лишним затронуть некоторые проблемы царствования Филиппа, продолжающие вызывать особый интерес и споры в современной науке, поместив их в контекст общего хода македонской истории. Вместе с тем большое количество и высокое качество исследований по истории Филиппа, появившихся в последние годы, избавляют нас от необходимости повторять то, что было подробно изложено другими⁷.

⁵ *Hammond N. G. L. The Sources of Diodorus Siculus XVI // CQ. 1937. Vol. 31. P. 79–91; 1938. Vol. 32. P. 137–151; Cloché P. 1) Un fondateur d'empire: Philippe II, roi de Macédoine (383/2–336/5 avant J.-C.). Saint-Étienne, 1955; 2) Histoire de la Macédoine jusqu'à l'avènement d'Alexandre le Grand. Paris, 1960.*

⁶ Следы этой старой полемики, однако, сохраняются и в наши дни. Так, Коквелл пишет: «Я критиковал Демосфена как защитника свободы не потому, что он пытался ее защищать, а потому, что он делал это плохо. К тому же я считаю Филиппа великим человеком, а следовательно, и великой угрозой свободе Греции» (*Cawkwell G. L. Philip of Macedon. P. 10*).

⁷ То, чем я обязан Гриффиту, Эллису, Коквеллу и др. (см. выше), станет очевидно всем, кто знаком с их работами. В последующем изложении критика источников будет минимальна. Даже простое перечисление всех источников и соответствующих комментариев сделало бы эту главу слишком громоздкой. Я ограничился наиболее важной и современной библиографией, надеясь на то, что читатель, стремящийся подробно изучить затрагиваемые здесь вопросы, в конечном счете познакомится со всей научной литературой.

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ ФИЛИППА

Первые годы правления Филиппа II ясны не до конца, и даже дата его прихода к власти ныне вызывает споры. Согласно общепринятой точке зрения, смерть Пердикки III и начало правления Филиппа имели место летом 359 г. до н. э. Однако недавно на основе археологических и литературных свидетельств было предположено, что Филипп сменил Пердикку на троне в конце лета — начале осени 360 г. до н. э.⁸ Этот вопрос остается нерешенным. Другой вопрос, имеющий отношение к приходу Филиппа к власти, состоит в том, взшел ли он на трон сразу, или действовал какое-то время как регент (ἐπίτροπος). После смерти Пердикки III наиболее вероятными кандидатами на престол были малолетний сын Пердикки Аминта и брат Пердикки Филипп. Многие ученые считают, что Филипп был регентом при Аминте около трех лет. Данная точка зрения основывается на фразе, которая содержится в надписи из Лебадеи в Беотии (IG, VII, 3055, ок. 359/8 г. до н. э.) и может быть прочитана как «Аминта, сын Пердикки, царь македонян», а также на сообщении Юстина (VII, 5, 6–10) о том, что Филипп стал царем не сразу, а действовал короткий отрезок времени как опекун Аминты. Подробно проанализировав данный вопрос, Гриффит отверг точку зрения, согласно которой Филипп какое-то время действовал как регент⁹. Я склонен согласиться с Гриффитом (хотя и не считаю данный вопрос окончательно решенным) и могу мало что добавить к его построениям, кроме как поддержать вывод этого ученого следующими соображениями. Кажется совершенно невероятным, чтобы в момент, когда македонские границы ока-

⁸ Обстоятельно доказывается Хадзопулосом (*Hatzopoulos M. B. The Oleveni Inscription and the Dates of Philip II's Reign // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 21–42*).

⁹ *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 208–209, 702–704*, где ценность таких свидетельств, как беотийская надпись и слова Юстина, поставлена в данной связи под сомнение и где отмечается, что если Филипп и был какое-то время регентом, то нигде не сообщается о том, как и когда он стал царем. Наиболее сильный аргумент в пользу регентства Филиппа предложил Тронсон, который указал на то, что, согласно Сатиру, Филипп правил 22, а не 24 года, как сообщает Диодор (XVI, 1, 3; 95, 1) (*Tronson A. Satyrus the Peripatetic and the Marriages of Philip II // JHS. 1984. Vol. 104. P. 120–121*). Но если правление Филиппа, убитого в 336 г., насчитывает 24 года от его фактического прихода к власти (в 360 г., как доказывает Хадзопулос [*Hatzopoulos M. B. The Oleveni Inscription... P. 42*], приводя в качестве параллели пример Антигона Досона) и действовал он как регент до своего воцарения в 358 г. до н. э., то источники могут быть согласованы: Диодор говорит о всем периоде правления Филиппа, тогда как Сатир — только о годах его царствования.

зались незащищенными, выбор пал на ребенка Аминту, а не на способного взрослого представителя царской семьи. Кроме того, затем Аминта продолжал жить в безопасности при дворе и женился на дочери Филиппа — едва ли такая ситуация была характерна для соперничества между представителями царского дома, особенно если учесть общую склонность Аргеадов избавляться от своих соперников и действия самого Филиппа по ликвидации претендентов на трон (см. ниже). Как бы то ни было, но этот вопрос имеет значение больше для историков-придир: со смерти Пердикки III македонская политика направлялась Филиппом, регентом или царем, и было бы весьма затруднительно сказать в таком случае, в чем разница.

Подробности признания македонянами Филиппа царем неизвестны¹⁰, но он не терял времени зря, предприняв меры по подавлению оппозиции и по получению для себя опоры на местах. Положение его было крайне сложным: иллирийцы и пеонийцы готовились совершить вторжение, фракийцы поддерживали одного претендента на македонский трон (Павсания), а афиняне — другого (Аргея)¹¹. Как явствует из сообщения Диодора (XVI, 2, 6–3, 6), Филипп действовал сразу по всем направлениям. От пеонийцев ему удалось откупиться, равно как и от поддержки фракийцами Павсания. Когда Аргей с отрядом из Афин прибыл к Эгам и попросил у жителей этого города признания, он его не получил. Затем на него напал Филипп, внезапно появившийся с небольшим войском. Об обоих этих претендентах на престол (Павсании и Аргее) больше ничего не известно. Соединение дипломатических акций с мелкими боевыми действиями дало Филиппу время подготовиться к будущим крупным битвам. При этом в сознании молодого царя наверняка должен был отпечататься тот факт, что первыми греками, которые противостояли ему в момент его прихода к власти, являлись афиняне.

Примечательно, что Филипп с самого начала осознал, что, подобно его предшественникам из рода Аргеадов, ему придется иметь дело с непрекращающимися попытками Афин утвердиться на севере. Их целью, конечно, был Амфиполь, которому, как мы видели, удавалось упорно отстаивать свою независимость со времен Брасида. Действуя решительно (и не без обмана), послы Филиппа убедили афинян заключить мир на том основании, что у македонского царя не имелось

¹⁰ О порядке вступления на престол у Аргеадов см. ниже.

¹¹ По Диодору (XVI, 3, 3), этот Аргей однажды уже был царем; впрочем, см. ниже Приложение В.

никаких интересов в отношении Амфиполя. Таким образом Филипп смог отсрочить крупное столкновение с Афинами, чтобы собрать силы против более серьезной опасности, постоянно исходившей от иллирийцев.

Филипп подготовился к весне 358 г. до н. э.¹² Недавняя смерть царя псонийцев предоставила ему удобный случай проверить свою армию в деле. Короткая кампания окончилась капитуляцией псонийцев и появлением в их лице союзника на северо-восточной границе Македонии. Теперь Филипп двинулся в труднопроходимые горы северо-запада, где иллирийцы оккупировали ряд македонских городов, вероятно, в Линкестиде. Иллирийский царь Бардил предложил мир на основании *status quo*, но Филипп настаивал на уходе иллирийцев из этого региона. Бардил отказался, и начались боевые действия. Противники были равны по силам: по 10 000 человек пехоты у каждой стороны, при небольшом, от 600 до 500 человек, перевесе македонян в коннице.

Сражение Филиппа с Бардилом является первым подробным описанием битвы с участием македонян, битвы, окончившейся их полной победой. Согласно Диодору, на поле боя остались лежать убитыми более 7000 иллирийцев. В связи с этим сражением можно отметить два интересных момента. Во-первых, по своей численности войско, собранное македонянами, намного превосходило все известные формирования, которые они выставляли прежде¹³. Очевидно, что Филипп потратил немало усилий, набирая и обучая это войско. Во-вторых, остается гадать, была ли победа над Бардилом результатом крупномасштабной реорганизации македонской армии или искусного тактического применения ресурсов, уже находившихся в распоряжении Филиппа. Кажется маловероятным, чтобы ему удалось реформировать армию за короткий период времени в несколько месяцев зимы 358/7 г. до н. э. Диодор (XVI, 4, 4–6) сообщает, что последняя успешная атака македонян на иллирийцев проходила при комбинированном использовании пехоты и кавалерии, — особенность действий армий, позднее возглавляемых Филиппом и Александром. У нас недостаточно информации для того, чтобы сказать, играл ли уже к этому моменту царь роль командующего конницей. Кажется, в сражении с Бар-

¹² Далее изложение дано согласно Диодору (XVI, 4, 2–7).

¹³ Общее число в более чем 21 000 воинов с обеих сторон, в основном пехотинцев, предполагает, что битва произошла на широком пространстве на севере Линкестийско-пелагонийской равнины, возможно, где-то между современными Флоринной и Битолой, в коридоре, по которому проходил главный путь из Иллирии в Македонию.

диллом, как и почти два десятилетия спустя при Херонее, Филипп лично возглавлял группу отборной пехоты на правом фланге, но, как и при Херонее, это было продиктовано, возможно, тактическими соображениями, характерными только для данной битвы. Видимо, легендарная роль царя как командующего конницей должна быть скорее связана с Александром и равнинами Азии, чем со сражениями на, как правило, относительно узких пространствах Балкан, где пехота являлась тактической, а не преимущественно оборонительной единицей.

Главная черта македонской стратегии на поле боя в эпоху Филиппа и Александра состояла в использовании конницы как атакующей силы против вражеского строя, который либо был растянут (и в результате в нем образовывались брешы), либо надежно сдерживался пехотинцами-копьеносцами македонской фаланги. В битве с Бардилом, однако, конница произвела отвлекающую атаку во фланг и тыл иллирийцев, тогда как основной удар был нанесен ведомой Филиппом пехотой¹⁴. В скоординированных действиях македонских кавалерии и пехоты нашла отражение фиванская стратегия, хотя обстоятельства боя с Бардилом потребовали несколько отличной тактики от той, которая привела фиванцев к победе над Спартой в сражении при Левктрах (371 г. до н. э.)¹⁵. То, в какой степени Филипп, будучи заложником в Фивах, изучил новшества фиванцев в военном деле и затем применил эти уроки в Македонии, — вопрос, конечно, спорный. Войско, разгромившее Бардила, еще не было той силой, которая победила греков при Херонее и в дальнейшем завосвала Азию. Для превращения конницы в единицу, осуществляющую стремительную атаку, нужно было дождаться появления кавалерийской пики-сариссы, а также увеличения количества коней и всадников, что зависело от доступа к пастбищам Халкидики и Фессалии, пока еще не находившимся в распоряжении Филиппа¹⁶. Мы поступим верно, если

¹⁴ Разбор битвы: *Dell H. J. The Illyrian Frontier... P. 67–70; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 213–214.*

¹⁵ О сражении при Левктрах см., в частности: *Cawkwell G. L. Epaminondas and Thebes // CQ. 1972. Vol. 22. P. 254–278.*

¹⁶ Маркл выдвинул предположение, что, возможно, впервые сарисса была использована македонской кавалерией в битве при Херонее (338 г. до н. э.) (*Markle, Minor M., III. The Use of the Sarissa by Philip and Alexander of Macedon // AJA. 1978. Vol. 82. P. 486*). Эта работа Маркла, а также те обстоятельные статьи, на которых она основана (*Markle, Minor M., III. 1) The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armor // AJA. 1977. Vol. 81. P. 323–339; 2) Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington,*

примем мнение Гриффита, что реформирование армии Филиппа происходило в течение длительного времени и что ее история представляет собой также часть социальной истории; иначе говоря, преобразование армии не может быть отделено от перемен в людских и материальных ресурсах Македонского государства¹⁷. Войско, которое сокрушило иллирийцев, вероятно, испытало на себе лишь первые попытки реформирования. Поспешно набранное в течение предыдущей зимы, оно было многочисленнее и лучше обученным, чем прежде. При доминировании пехоты эта армия не пренебрегала конницей, чья тактика согласованных с пехотой действий отражала идеи, которые Филипп перенял в Фивах. Печать новизны здесь очевидна, но это лишь начало того, что появится в дальнейшем. Для создания той боевой машины, которую мы ассоциируем с Филиппом и Александром, потребуются еще долгие годы развития, и многое в политике Филиппа на протяжении следующего десятилетия должно рассматриваться в свете его потребности приобрести ресурсы и территории, необходимые для поддержания подобной силы.

Подробная информация об армии Филиппа зависит главным образом от источников по правлению Александра, поскольку, как считает большинство авторитетных ученых, войска последнего, если не считать результатов особых реформ, которые были им проведены, являлись теми, что он унаследовал от своего отца. Ограничимся далее кратким изложением вопроса¹⁸. Рост численности армии при Филиппе был обусловлен не только тем, что управление людьми и делами, связанными с вооружением, стало более эффективным, но также и включением в состав Македонского государства дополнительных

1982. P. 87–111), будут полезны для каждого, кто интересуется подобного рода вопросами. Вместе с тем я признателен Эллису, который в момент нашего первого совместного посещения северо-западной Халкидики в 1973 г. указал мне на значение пастбищ Антема и Крусиды для царя, стремящегося создать многочисленную конницу.

¹⁷ *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 213–214.*

¹⁸ Это краткое изложение во многом основывается на работах Гриффита, который дал наиболее подробное на настоящий момент описание армии Филиппа (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 405–449*), а также Эллиса, любезно позволившего мне познакомиться с его главами по истории этого македонского царя до их публикации в готовящемся к выходу в свет новом издании «Кембриджской древней истории». Как и оба этих автора, я считаю, что именно Филипп, а не его предшественники, несет главную ответственность за организацию тех вооруженных сил, которые завоевали Грецию и подвластную персам Азию. Гриффиту, в свою очередь, принадлежит ценный, снабженный прекрасными иллюстрациями очерк о полководческом искусстве Филиппа (*Griffith G. T. Philip as General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos. Athens, 1980. P. 58–77*).

территорий, прежде всего областей Западной (Верхней) Македонии, и соответственно увеличением свободного населения, способного носить оружие. Ядро армии состояло из отрядов легкой и тяжелой пехоты, организованной Филиппом (Diod., XVI, 3, 1–3) в плотное ударное соединение — фалангу. Входившие в нее воины, педзетайры, имели необычно длинное копье — сариссу, маленький щит и другое незначительное защитное вооружение. У таких пехотинцев было несколько преимуществ перед своими тяжеловооруженными греческими противниками-гоплитами. В эпоху, когда большинство воинов должно было вооружать себя самостоятельно, финансовые (т. е. связанные с собственностью) требования для службы в Македонии были значительно ниже, чем в большинстве городов-государств Греции, что позволяло Филиппу привлекать в армию огромное количество людей. Длинная сарисса (16–18 футов) давала возможность македонскому пехотинцу сражаться с врагом, находясь вне пределов досягаемости его копья. Нателный доспех был уменьшен, равно как и размер щита, освобождая тем самым воина от обременяющего веса и неудобства защитного снаряжения гоплита и позволяя ему действовать сариссой, своим основным оружием, обеими руками. Действительно, фалангиты могли не носить нагрудника, который, видимо, стал во многом не нужен для воинов, которые были способны биться со своими противниками на дистанции¹⁹. При интенсивной тренировке и суровой дисциплине эти отряды копьеносцев оказались в конце концов эффективнее на поле боя, чем их более тяжело вооруженные греческие «коллеги». В кампаниях Александра на Балканах и в Ассирии тактическая маневренность фаланги позволяла ей замыкать свои ряды, чтобы пропускать сквозь себя вражеские повозки и колесницы²⁰. Пехотинцы, чьи отдельные соединения представляли собой несколько разновидностей, отличавшихся по базовому пехотному вооружению и обучению для выполнения особых задач, в массе своей набирались из класса мелких землевладельцев-крестьян. Они служили в армии как граждане-воины, и этот их статус определялся службой царю (цв. ил. 27–28).

Кавалерия включала в себя «тяжелые» и «легкие» соединения, различающиеся между собой вооружением и тактикой. Отборная кавалерия, гетайры, формировалась из знати, преимущественно крупных землевладельцев, которые, как и в других древних обществах,

¹⁹ См. ниже Приложение В.

²⁰ Агг. Anab., I, 1, 8–10; III, 13, 5–6.

могли обеспечить себя конем и должным вооружением²¹. Они служили царю лично, и со временем Александр создал особый царский эскадрон — символ статуса служивших в нем воинов. В остальном большой кавалерийский корпус делился на эскадроны всадников, вооруженных несколько облегченной и укороченной версией пехотной сариссы. Они носили нательный доспех и шлем, но вопрос, были ли у них щиты, вызывает большие споры. Археологические свидетельства на данный счет скудны. Рассчитывать на обнаружение неметаллических щитов, конечно, нельзя. Но до сих пор не было найдено и ни одного металлического боевого щита (см. ниже Приложение В). На большой мозаике, которая хранится в Археологическом музее в Неаполе и изображает Александра в битве с Дарием (цв. ил. 24), а также на рисунке сражающегося всадника, который некогда украшал «Гробницу Кинча» близ Наусы (цв. ил. 21), кавалерийские щиты отсутствуют²². Главной целью конницы было воспользоваться брешью, которая уже появилась или должна была появиться во вражеском строю. Быстрота, с которой действовал кавалерийский эскадрон, была убийственной для дезорганизованной пехоты и представляла собой решающий тактический прием в битвах македонян, начиная с поражения Бардила от Филиппа в 358 г. до н. э. и до окончательной победы Александра над Дарием при Гавгамелах двадцать семь лет спустя.

Новая македонская армия отличалась высокой скоростью передвижения, разнообразием в тактике и вооружении, а также координацией действий пехоты и конницы. Спустя время Филипп создал корпус инженеров. Поощряемые Филиппом и Александром инженеры развили многие из тех механизмов, которые возвестили наступление вска осадных машин. Наконец, нет сомнений в том, что необыкновенные личные и военные способности македонских царей обуславливали достоинства македонской армии, отражались и в то же самое время зависели от них, ибо цари и простые смертные в данном случае дополняли друг друга. Осуществленная Филиппом рево-

²¹ О развитии разных видов кавалерии, их наступательном и защитном вооружении см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 408–414* (с обширной библиографией).

²² См. ниже. Несколько босых щитов изображено на фризах так называемого саркофага Александра, выставленного в Археологическом музее Стамбула (цв. ил. 22–23). Однако неясно, принадлежит ли какой-нибудь из них всаднику. Македонские щиты эллинистического времени с характерным изображением солнца (или звезды) с исходящими лучами хорошо известны по монетам и скульптуре. См., к примеру: *Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulou. Athens, 1980, fig. 37* (Гробница Лисона и Калликла); *Price M. Coins of the Macedonians. London, 1974. N 70* (тетрадрахма Ангигона Гоната).

люция в искусстве войны решительным образом изменила военное дело на Западе. Македонская армия превратилась как в инструмент политики Филиппа, так и в средство, с помощью которого выражалась идентичность македонян, служивших царю и тем самым «национальной» воле.

Итак, Филипп рано проявил свои способности как на военном поприще, так и в дипломатии. Его последующая жизнь будет отмечена стремлением уравнивать применение силы с тактичными переговорами, в зависимости от того, чего требовала та или иная ситуация²³. Филипп привел своих соседей к покорности благодаря возрожденной им армии. Но в равной степени он был успешен и в заключении династических браков, нацеленных на то, чтобы более основательно обезопасить пограничные районы своего царства. Нам посчастливилось в том, что фрагмент из сочинения биографа эллинистического времени Сатира, сохранившийся у Афиня (XIII, 557 b–e), дает нам подробный перечень браков Филиппа с их политическим подтекстом. Нужно ли следовать тому порядку данных браков, в котором они приведены у Сатира, — вопрос, остающийся спорным. Кроме того, мы должны помнить, что отношение македонян к супружеской неверности, романтической любви, моногамии и полигамии не имело ничего общего с суждениями об этих вопросах современного представителя среднего класса²⁴. В античности была широко известна склонность Филиппа, по словам Сатира, «жениться при каждой новой войне». И хотя остаются основания для дискуссий об очередности и легитимности некоторых любовных связей Филиппа, мнение античного мира имело свой резон: пристрастие Аргеадов заключать браки с иностранцами по политическим мотивам достигло своей кульминации именно в браках Филиппа. Я полагаю, что все они были легитимными как из-за аргументированности перечня

Филипп II. Золотой медальон
(начало III в. н. э.)

²³ Diod., XVI, 93, 3–4: «Говорят же, что и сам Филипп более гордился своими полководческими способностями и успехами, достигнутыми в результате переговоров, чем своим мужеством на поле брани» [Пер. с др.-греч. М. М. Холода].

²⁴ Подробнее о сексуальных и брачных обычаях Аргеадов см.: Green P. Alexander of Macedon. P. 26–27.

Сатира, так и потому, что имеют исторический смысл в свете политических целей Филиппа²⁵. Свидетельства, однако, не позволяют нам определить соответственный статус законных жен либо в моногамной, либо в полигамной системе отношений; в случае с Филиппом это, кажется, был неважный вопрос, если не считать интриг, вызванных душевными страданиями. Приведем фрагмент сочинения Сатира, в котором перечисляются жены Филиппа:

«Он был женат на Авдате из Иллирии и имел от нее дочь Кинну, и на Филе, сестре Дерды и Махаты; чтобы породниться с фессалийцами, он завел детей от двух фессалийских жен, одна из которых, Никесиполида Ферская, родила ему Фессалонику, а другая, Филинна Ларисейская, родила ему Арридея. А Молосское царство он приобрел, женившись на Олимпиаде, принесшей ему Александра и Клеопатру. Когда он покорил Фракию, к нему пришел фракийский царь Кофела с дочерью Медой и большим приданым; и он ввел ее в дом второй женой, рядом с Олимпиадой. После всех этих женщин он влюбился и женился на Клеопатре, сестре Гиппострата и племяннице Аттала, и тоже ввел ее в дом рядом с Олимпией, и этим расстроил и погубил свою жизнь. Ибо тут же, еще во время свадьбы, Аттал сказал: «Вот теперь, царь, у тебя будут рождаться законные сыновья, а не ублюдки!» — на что Александр швырнул в него чашей, которую держал в руке, а тот в Александра свосю. После этого Олимпиада бежала к молоссам, Александр к иллирийцам, а Клеопатра родила Филиппу дочь Европу».

Некоторые современные ученые, следуя предположению, сделанному много лет назад Белохом, пытались изменить порядок браков Филиппа, данный у Сатира²⁶. Несмотря на то что полная ясность здесь невозможна, резонно допустить, что или иллириянка Авдата, или элимейка Фила могли возглавлять «парад» жен Филиппа. Если правление Филиппа (в качестве регента либо царя) началось в 360 г. до н. э., то он был способен вскоре после этого жениться на Филе, сестре Дерды из Элимси, чтобы таким образом укрепить слабые западные границы Македонии, которым угрожали иллирийцы (заметим, кстати, что все подобные политические браки имеют больше смысла, когда они заключаются с царем, а не с регентом). Затем, приобретя

²⁵ Согласно Гриффиту (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 214–215*) и Тронсону (*Tronson A. Satyrus the Peripatetic... , особ. P. 121–122*); последний на основе данного текста убедительно доказывает, что все семь женщин были скорее женами, нежели любовницами или наложницами Филиппа. [Далее фрагмент сочинения Сатира приведен в пер. под ред. М. Л. Гаспарова. — *М. X.*]

²⁶ Библиография: *Tronson A. Satyrus the Peripatetic... P. 116, n. 5–7.*

действительную царскую власть в 358 г. до н. э., он женился на иллирийке во исполнение одного из положений мирного договора, последовавшего за его победой над Бардилом. Однако если брак с Авдатой был первым и случился в 358 г. до н. э. (независимо от того, когда Филипп стал царем) по указанной причине, то тогда не остается времени для рождения на свет ребенка и второго брака, с Филой, до фессалийских браков, пришедшихся на 358/7 г. до н. э. Это предполагает последовательность браков, что, однако, кажется, было не так: Сатир-Афиней сообщает нам, что Филипп ввел домой и фракиянку Меду, и македонянку Клеопатру, все еще будучи женатым на эпирской принцессе Олимпиаде. Таким образом, неясно, иллирийский или элимиотский брак был заключен первым. Иными словами, следует ли принять наш, по-видимому, надежный источник дословно (сохраняя возможность полигамии с самого начала), либо нужно попытаться внести изменения в список в соответствии с более вероятными историческими обстоятельствами. Оба брака могут быть отнесены к тому периоду, когда Филипп был поглощен проблемами западных границ Македонии.

Хотя наш источник не сообщает нам точной причины браков с Авдатой и Филой, соотнесение с политикой Филиппа в отношении Иллирии и Элимеи плюс наша информация о его последующих женитьбах делают их, похоже, обусловленными политическими соображениями. Кроме своей последней любовной связи Филипп вступал в браки с иноземками в продолжение своей политики по обеспечению безопасности балканских и греческих границ: иллирийка и элимиотка (или в обратном порядке), две фессалиянки, молосска и фракиянка. Его последний брак был, однако, не таков, ибо Филипп женился по любви. Но и в этом случае не следует недооценивать значение связи с домом видного македонского вельможи Аттала; Филипп еще не женился на представительницах Македонии. Кроме того, как известно, Филиппу недоставало сыновей. Арридей, кажется, плохо подходил для власти²⁷, а Александр хотя и отлично годился в наследники, постоянно рисковал как воин на поле брани. В век, когда не было известно о том, что пол ребенка определяют хромосомы отца, цари подчас оставляли одну жену ради другой в попытках увеличить число отпрысков мужского пола²⁸. Таким образом, в женитьбе Филиппа

²⁷ Хотя он был и не настолько неподходящим для этого, насколько его представляют некоторые ученые; см. ниже.

²⁸ Практика, которая, как показывают современные среднеазиатские правители, не ограничивается эпохой Филиппа Македонского или Генриха VIII Английского.

на Клеопатре, возможно, была и государственная необходимость. Но Сатир подчеркивает, что он женился по любви, и мы должны допустить вероятность того, что воитель средних лет оказался без памяти от девушки, которая была моложе его более чем в два раза. Политически умудренная Олимпиада, которая без видимого конфликта допустила в дом фракиянку Меду, теперь подняла переполох, вероятно, рожденный ревностью к женщине (намного) моложе ее и нашедший соответствующее отражение в интриге, проявившейся в скандале на свадебном торжестве Филиппа и Клеопатры²⁹. Остается гадать, посещали ли когда-нибудь Филиппа мысли о соединении политики с любовью.

В недавних исследованиях (см. выше) дан подробный разбор сложных вопросов 50–40-х гг. IV в. до н. э., эпохи, изучение которой отмечено большими методологическими проблемами. Помимо Диодора, нашего единственного нарративного источника, здесь мы зависим от скудных и широко рассыпанных свидетельств, сохранившихся в трудах ряда более поздних писателей, плюс от опубликованных речей афинских политиков — современников эпохи. Для последних характерны партийная пропаганда, риторика, апеллирование к патриотизму и чувству страха, затемнение и искажение фактов, а также попытки управлять общественным мнением по политическим вопросам города, в котором отношения с македонским царем на протяжении почти четверти века были навязчивой идеей.

Вместо того чтобы идти по стопам других через эту источниковедческую трясиину, нам лучше приступить к рассмотрению общих черт стратегической политики Филиппа, какой она возникает из современных компетентных исследований. Но нужно постоянно держать в уме один базовый принцип: у нас недостаточно свидетельств, чтобы полагать, что Филипп следовал по predetermined пути, ведущему к завоеванию Греции и осуществлению похода в Азию. Для историка соблазнительно представлять события прошлого намного более упорядоченными и рациональными, чем они были на самом деле. Так, на первый взгляд может показаться, что Филиппу было необходимо обезопасить границы, прежде чем обратить свое внимание на греков. Однако в действительности это происходило одновременно. Очевидно,

²⁹ См. выше. Нет нужды считать детали этой сцены достоверными, хотя можно согласиться с тем, что лежащая в ее основе традиция интриги при дворе Филиппа была фактически укоренена. Более подробные изображения этого знаменитого инцидента: *Plut. Alex.*, 9, 3–5; *Just.*, IX, 7, 3–5; *Ps.-Callisth.*, I, 20; кроме того, см. комментарий Тронсона: *Tronson A. Satyrus the Peripatetic...* P. 124.

что, как только Филипп упрочил свое положение на троне, он начал вести свои дела как с греками, так и со своими балканскими соседями. В 50–40-е гг. IV в. до н. э. в круг вопросов, занимавших Филиппа, входили постоянные попытки обезопасить пограничные районы Македонского государства, распространить свою власть на территории к востоку от Стримона, достичь благоприятных соглашений с греками на Халкидике и в Фессалии, а также заключить прочные договоры с крупными греческими городами на юге, что позволило бы ему повести свою армию в Азию. Но логически последовательная политика, которая, как кажется, вырисовывается из разнообразных действий Филиппа, может быть столь же конструкцией исторической ретроспекции, сколь и данью устойчивому образу македонского царя.

Филипп в целом предпочитал дипломатию применению силы. И хотя македонский царь был всегда готов вывести войска на бой — иногда даже по малейшему поводу, — он являлся слишком компетентным полководцем, чтобы не понимать того, что в вооруженных конфликтах, которых можно избежать, гибнут даром хорошие воины. Походы Филиппа против его балканских соседей, у которых приемы дипломатии, вероятно, были не так изысканны, как в греческом мире, перемежались с брачными союзами, заключавшимися с представителями их стороны и македонским царским домом. И все же именно применение силы в конце концов сформировало границы Македонии с «варварским» миром. Филипп, возможно, этого ожидал. А вот его надежда на то, что дипломатия сработает в связи с греками, разбилась о хитросплетения их внутренней и внешней политики и общее их недоверие к намерениям Филиппа. В итоге именно обращение к македонским копыям обеспечило успех политики Филиппа в отношении греческих общин, с которыми он пытался до того решать дела посредством переговоров.

ФИЛИПП И БАЛКАНСКИЕ РУБЕЖИ

Филиппу удалось включить области Западной Македонии в Македонское царство на постоянной основе³⁰. До его правления данные горные районы были фактически независимыми и часто враждебными, и одной из первейших задач для Филиппа стало стабилизировать

³⁰ *Dell H. J. The Illyrian Frontier... P. 62–99; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 14–31, 650–656; Hammond N. G. L. The Western Frontier of Macedonia in the Reign of Philip II // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981, особ. P. 212–217.*

здесь границу. Это оставалось предметом его постоянных забот на протяжении почти восемнадцати лет, равно как затем и Александра. После разгрома Бардила в 358 г. до н. э. Филипп установил контроль Аргеадов над территориями к западу от Эордеи, в областях Орестиды и Линкестиды, и провел новую границу вдоль Пинда, простирающуюся вплоть до озер Преспа и Охридского озера (Diod., XVI, 8, 1). Данный регион включал в себя бассейн Верхнего Галиакмона и богатые Линкестийскую и Пелагонийскую равнины, которые образовывали основной коридор, идущий с Северо-Западных Балкан в Западную Македонию. Филипп теперь контролировал высокогорный, покрытый лесом перевал Писодери, соединяющий малое озеро Преспа с Линкестийской равниной, а также низкогорный перевал между живописным Охридским озером и Битолой, через который проходила Эгнатиева дорога с Адриатики на Пелагонийскую равнину. Сразу к югу от Битолы находилась великолепная и сейчас едва раскопанная Гераклея Линкестийская, вероятно, основанная Филиппом в качестве города-крепости, защищающего северо-западную границу его государства. Все, кто двигался в Македонию из прибрежной Иллирии и с севера, должны были проходить через Гераклею. Вместе с новыми территориями Филипп приобрел как людские и природные ресурсы, так и контроль над главными путями, ведущими с северо-запада Балкан в Македонию.

Результатом усилий Филиппа стало появление на западе страны устойчивого пограничья, которое будут пытаться защищать еще и пресмники Аргеадов в эллинистическую эпоху. Благодаря присоединению этих западных горных областей Филипп получил для своего царства новый важный источник рекрутов. Вероятно, кого-то из них имел в виду Александр, подвергая своих воинов упрекам в Описе в 324 г. до н. э.: по его словам, Филипп свел их с гор на равнины, прилично одел и превратил в цивилизованный народ и вызывающую уважение армию³¹. Одна из трагедий македонской истории состояла в том, что относительно большие людские ресурсы, которые были нужны Филиппу и Александру для осуществления своих военных

³¹ Arr. Anab., VII, 9, 2–3 (ср.: Just., VIII, 5), принимая во внимание преувеличения в речи, предназначенной для успокоения мятежа солдат. Современную оценку этой речи, включая некоторые сомнения относительно ее ценности, сделанные на основании как историографии, так и собственно ее содержания, см.: *Montgomery H. The Economic Revolution of Philip II — Myth or Reality? // SO. 1985. Vol. 60. P. 38–39.* Некоторые из этих западных македонян были приняты на царскую службу и заняли самое высокое положение. Один из них, царский телохранитель Павсаний из Орестиды, был убийцей Филиппа (Diod., XVI, 93, 3).

предприятий, безжалостно эксплуатировались последним. Десятки тысяч человек были посланы сражаться и умирать в далекую Азию. Впоследствии Македония страдала от жесткой нехватки людей, ибо следствием неослабевающего аппетита Александра к новым рекрутам с родины явилось то, что было названо «никогда не прекращающейся пляской смерти»³².

Филипп присоединил горные области Западной Македонии как источник рекрутов и как буфер от племен, которые жили далее. Но он, подобно своим царственным предшественникам, никогда не имел целью аннексировать иллирийскую территорию, за исключением пограничных земель вокруг Охридского озера. Македонская политика на западе была оборонительной³³. Бардил, которого Делл видел прототипом иллирийского национального лидера, исчез со страниц истории вскоре после своего поражения от Филиппа в 358 г. до н. э. Однако в последующие десятилетия иллирийцы нашли себе новых воинственных вождей³⁴. Македоняне будут продолжать воевать с ними фактически до конца правления Филиппа. И симптомом неурегулированного положения дел в данном случае было то, что одной из первых забот Александра явилась борьба против иллирийцев, которые поднялись на восстание вслед за новостью о смерти Филиппа в 336 г. до н. э.

Эпир также страдал от набегов иллирийцев. В 357 г. до н. э. между Филиппом и главой молоссов Аррибой был заключен антииллирийский союз, скрепленный, в частности, браком Филиппа с племянницей Аррибы Олимпиадой. Область Орестиды, имевшая давние связи с племенем молоссов, где-то в это время снова перешла под власть Македонии. Был ли предусмотрен возврат Орестиды Аргеадам молосско-македонским соглашением, неясно³⁵. Вместе с тем Филипп усилил связи с Эпиром, приняв при македонском дворе брата Олимпиады Александра. В 342 г. до н. э. последний сменил Аррибу, и через этого зависимого царя Филипп укрепил свой контроль над Эпиром.

³² См.: Bosworth A. B. *Alexander the Great and the Decline of Macedon* // JHS. 1986. Vol. 106. P. 1–12 (цитата: P. 12).

³³ Показано Деллом и Хэммондом (см. выше), хотя последний акцентирует внимание на экономической и социальной реорганизации района Филиппом (*Hammond N. G. L. The Western Frontier of Macedonia in the Reign of Philip II* // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson*. Thessaloniki, 1981. P. 216–217).

³⁴ Dell H. J. *The Illyrian Frontier*... P. 72.

³⁵ Обсуждение см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. P. 215.

Олимпиада. Золотой медальон
(начало III в. н. э.)

Геополитическое значение Эпира трудно переоценить³⁶. Он не только блокировал южную границу Иллирии, но и давал Филиппу доступ к главному проходу через снежный Пинд с Адриатики на равнину Фессалии. Современный путешественник может проследовать этим путем, двигаясь по живописному шоссе, которое начинается от Яннины в Эпире, идет вверх вдоль реки Месовитикос и далее, минуя очаровательную горную деревню влахов Мецово, до перевала Катара, а затем постепенно спускается на Фесса-

лийскую равнину у Калабаки. К тому же контроль над Эпиром обеспечивал за Филиппом и параллельные пути, пролегающие с севера на юг по обеим сторонам Пинда, важные для доступа в Западную Грецию. Но, помимо стратегической безопасности, которую давала Филиппу область молоссов, он, кажется, более никак их не использовал. Они почти не привлекались на македонскую военную службу, что, возможно, объясняется как сложностью личных отношений между Филиппом и его эпирской царицей, так и заинтересованностью царя в наличии у эпиротов их собственного войска, которое было бы способно противостоять иллирийцам.

Стратегический подтекст деятельности Филиппа не остался незамеченным его балканскими соседями. Будучи не в состоянии в одиночку противостоять тому, что они рассматривали как угрозу, иллирийцы, пеонийцы и фракийцы стали искать помощь извне и — это следует считать необычным — объединили свои усилия, чтобы противостоять Филиппу (Diod., XVI, 22, 3). Причины, побудившие эти балканские народы так действовать, были разными. Одни из них, несомненно, понимали, что их свободе совершать набеги теперь угрожает новый политический порядок, устанавливаемый Македонией, а другие, возможно, полагали, что военная активность Филиппа была прелюдией к захвату их территорий. По крайней мере один из фракийских правителей Керсеблепт, кажется, был полон решимости вновь

³⁶ В данной связи см. фундаментальное исследование региона, вышедшее из-под пера Хэммонда: Hammond N. G. L. Epirus. Oxford, 1967.

объединить под своей властью прежнее царство Котиса, но это его стремление было блокировано македонской экспансией на земли к востоку от реки Стримон. Афины, для которых восстание их союзников в северной части Эгсиды (так называемая Союзническая война) грозило нарушить поставки зерна из Черного моря, заключили с балканскими державами альянсы в 357, а затем и в 356 г. до н. э., хотя это и не могло принести много пользы в деле оказания афинянами военной помощи в войнах против Филиппа³⁷.

В своей военной деятельности Филипп, по-видимому, довольствовался защитой удобных для обороны границ, в частности длинной стены гор, которая отделяла Македонию от основной части Балкан к северу. Она примерно совпадает с современной греческой границей с Югославией и Болгарией. Брешы в этом труднопреодолимом барьере (особенно ущелья рек Аксия и Стримона) были укреплены, и большинство проводившихся Филиппом операций к северу от Родопов имело своей целью установить порядок и основать несколько военных опорных пунктов в регионе. В этих северных и восточных областях, как и в Иллирии, Филипп не предпринимал попыток присоединить территории к Македонскому царству. Видение им здешних границ Македонии едва ли отличалось от того, которое имели его предшественники. Отличие состояло лишь во включении им в состав царства района между реками Стримон и Нест, района, который до тех пор считался фракийским. То, что в данном случае совершил Филипп, было организацией и обороной земель, контролировавшихся с переменным успехом Александром I и Археласом, а также аннексией территории сразу к востоку от Стримона.

Что же касается земель к востоку, то сразу после своего восшествия на престол Филипп, как казалось, прекратил поддержку независимости Амфиполя. Но это было сделано македонским царем главным образом для того, чтобы успокоить афинян на то время, пока он ликвидировал более важную для себя угрозу на границе с Иллирией³⁸. Теперь же Филипп изменил линию поведения и напал на этот старый аванпост Афин. В 357 г. до н. э., пробив брешы в стенах своими осадными орудиями (Diod., XVI, 8, 2), он захватил Амфиполь, тем самым совершив за несколько недель то, что не удавалось сделать афинянам на протяжении более чем шестидесяти

³⁷ Фрагменты надписей с текстами договоров об этих альянсах см.: Tod, N 151, 157 (с комментариями и дополнительной библиографией).

³⁸ Diod., XVI, 3, 3–4; Polyæn., IV, 2, 17.

лет³⁹. Амфиполь сохранил свою демократическую конституцию, хотя, вероятно, и под надзором македонских наблюдателей. Имя в виду существующую экономическую и политическую инфраструктуру в бассейне Нижнего Стримона, в городе был установлен гарнизон, и он стал региональной столицей Восточной (за Стримоном) Македонии. Постепенно греческие археологи извлекают Амфиполь из земли. Их раскопки открывают преуспевающий и красивый греческий город с некоторыми македонскими чертами, нашедшими отражение прежде всего в ряде гробниц со сводчатыми камерами. Несмотря на то что Амфиполь сохранил большую часть своих местных установлений, он платил царю налоги и не имел автономии во внешних делах. Население города оставалось в основном греческим, однако включало теперь и некоторое число знатных македонян и греков, получивших македонское гражданство. Они обозначались как «македоняне из Амфиполя», сходно с подобной категорией населения в других городах царства⁴⁰. Амфиполь стал, по сути дела, греческим городом, включенным в состав Македонского государства. Примечательно, что после тринадцати лет афинского правления он сохранял свою независимость — вопреки всем сложностям в переменчивом и полном угроз регионе — на протяжении двух трестей века, вплоть до его аннексии Филиппом в 357 г. до н. э.

Впервые Македония, ведомая своим энергичным двадцатипятилетним царем, утвердилась в долине Стримона, и это событие имело широкие последствия. Афиняне, столкнувшись с восстанием своих северных союзников, не знали, как реагировать на произошедшее. Воспользовавшись их замешательством, Филипп в конце 357 г. до н. э. спешно выступил на захват афинского опорного пункта — Пидны, а в 354 г. до н. э. завершил начатое успешной осадой Мефоны (Diod., XVI, 31, 6; 34, 4–5). Таким образом, все побережье Термического залива оказалось в руках Филиппа. Правда, за это он заплатил лично: пущенная при осаде Мефоны вражеская стрела стоила ему одного глаза⁴¹. В условиях, когда македоняне прочно закрепились на по-

³⁹ Надпись, найденная на месте, сообщает детали изгнания противников Филиппа из Амфиполя после взятия им города (Tod, N 150). Всестороннее обсуждение вопроса захвата македонским царем Амфиполя и его реорганизационной деятельности в связи с этим городом см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 230–242 (включая анализ ныне отвергаемой истории о том, что Филипп блокировал Амфиполь под предлогом обмена его на Пидну), 351–356.

⁴⁰ Список таких «македонян» приведен у Гриффита: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 359–360. Свидетельства в основном эпиграфические.

⁴¹ Правого, если доверять сообщению группы патологоанатомов, обследовавших фрагменты черепа из основного погребения в Гробнице II в Вергине. Некоторые сомнения

бережье с обеих сторон от Халкидики, а контролируемые афинянами близлежащие города охватило смятение, Афины более не могли колебаться. Они объявили Филиппу войну (зима 357/6 г. до н. э.). При этом, отмечает Гриффит, афиняне, возможно, рассматривали конфликт с македонским царем как часть более масштабной Союзнической войны⁴².

Как было сказано выше, действия Филиппа привели Афины к союзу с иллирийским, пеонийским и фракийским царями, основанному на взаимных интересах. Вождь фракийцев Кетрипорис правил самой западной частью Фракийского царства, территорией, лежавшей приблизительно между Стримоном и Нестом. Однако беспокоил его в первую очередь не захват Филиппом Амфиполя, а скорее интерес македонского царя к Кренидам, горнодобывающему центру в верховьях долины реки Ангитиды. Крениды, незадолго до того вновь основанные фасосцами, служили главным местом переработки золота из шахт в их окрестностях, а также из тех, которые находились у горы Пангей. Они были важны не только как источник дохода, но и как стратегический опорный пункт на восточной окраине расширившегося царства Филиппа. Ситуация осложнялась тем фактом, что на Крениды, хотя они и находились формально на территории царства Кетрипориса, также претендовал вождь восточных фракийцев Керсеблепт⁴³, который намеревался вновь объединить фракийцев, отобрав власть у Кетрипориса. Филипп вмешался во фракийские раздоры и взял Крениды в середине 356 г. до н. э. Спасал ли он их при этом от нападения Керсеблепта, неясно. Со временем Филипп переименовал город в Филиппы (первый в греческом мире известный пример того, что основатель города назвал его в свою честь) и извлекал огромный доход от добычи здешнего золота и его обработки⁴⁴. Филипп

по данному поводу см.: *Borza E. N.* 1) *A Macedonian Skull* // *Association of Ancient Historians Newsletter*. 36 (April 1985); 2) *The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia of Alexander the Great* // *Phoenix*. 1987. Vol. 41. P. 106, n. 5.

⁴² *Hammond N. G. L., Griffith G. T.* *A History of Macedonia*. Vol. II. P. 242–244 (с убедительными выводами и обзором свидетельств).

⁴³ Его имя, в частности у Диодора (XVI, 34, 4) и Демосфена (XIX, 174, 181, 334; XXIII, 107), передано как «Керсеблепт», за чем следуют Гриффит (*Hammond N. G. L., Griffith G. T.* *A History of Macedonia*. Vol. II) и Коквелл (*Cawkwell G. L.* *Philip of Macedon*). Но правильная форма — «Керсеблепт» (Tod, N 151, сткк. 10, 19, 21), которая теперь подтверждена находкой фракийского серебряного кубка с его именем; см.: *Fol A., Nikolov B., Hoddnott R. F.* *The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria*. London, 1986. N 44.

⁴⁴ По Диодору (XVI, 8, 6–7), более 1000 талантов ежегодно, вероятно, включая доходы, получаемые со всего района долины реки Ангитис — горы Пангей. Обсуждение

превратил регион в витрину достижений своего царства, осушив близлежащие болота, увеличив продуктивность шахт, переселив сюда поселенцев и превратив бывшие Крениды в красивый город. От времени Филиппа не осталось практически ничего, но величественные руины римских Филипп являются свидетельством продолжительного процветания города и его округа.

Керсеблепт, союзник Афин, не обескураженный упреждающим продвижением Филиппа в регион Кренид, продолжал свою попытку объединить фракийцев на Восточных Балканах, подчас делая это за счет расположенных здесь греческих городов. Редко упускавший возможность вмешаться в ответ на призывы о помощи со стороны осажденных городов, Филипп совершал походы против Керсеблепта на восток вплоть до Византия и Перинфа до 352 г. до н. э. К осени этого года правитель фракийцев вышел из союза с Афинами и был вынужден стать вассалом македонского царя. Из наших скудных свидетельств неизвестно, были ли кампании Филиппа на Херсонесе и в районе Пропонтиды частью его усилий по защите восточных пределов Македонии, или они являлись сигналом афинянам о том, что македоняне теперь в состоянии перерезать афинские пути торговли зерном, взяв под контроль северо-западную часть Эгейского моря⁴⁵. Филипп не стал продолжать свои кампании в этом регионе, а вместо этого вернулся к делам ближе к дому, и в частности к делам, связанным с Халкидикой. Тем не менее потеря афинянами их фракийского союзника в районе Геллеспонта должна была заставить некоторых из них начать тревожиться о безопасности их морских путей, ведущих в Черное море.

Экспансия Филиппа на восток впервые поставила под полный контроль Аргеадов весь бассейн Стримона и территорию, простирающуюся фактически до Неста, включая богатые горнорудные районы горы Пангей и Кренид/Филипп. Диодор (XVI, 8, 6–7) прямо говорит, что доходы от шахт данной местности сделали Филиппа богатым человеком. Новые материальные средства также позволили Филиппу набирать наемников в македонское войско, служба солдат которого царю была частью их обязанностей и которая могла вознаграждаться только через земельные пожалования. Поселения ветеранов требовали земель, и следует думать, что по крайней мере одной из причин

вопроса о статусе Филиппа при македонянах см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 358–361.*

⁴⁵ Проблема рассматривается в деталях Гриффитом: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 281–285.*

Тетрадрахма Филиппа II

распространения власти Филиппа на Халкидику и Восточную Македонию было стремление к увеличению количества пахотных земель, пригодных для подобного использования (см. ниже).

То, что Филипп осуществил аграрную революцию, не подлежит сомнению, но то, что она внесла основной вклад в возросшее благосостояние его царства, — вопрос, к которому нужно подходить с осторожностью⁴⁶. Те экономические реформы, которые приписывают Филиппу (осушение болот, вырубка лесов, переселения людей и основание городов), сами по себе являются затратными проектами и даже в случае успеха потребовались бы годы, чтобы они существенно увеличили материальное благополучие государства. Таким образом, если предпринятые Филиппом реформы могли оказать в долгосрочной перспективе сильный эффект на экономическую и социальную стабильность македонского народа, то достигнутые результаты были не в состоянии прямо повлиять на реализуемую им непосредственно военную программу, кроме как предоставив больше земель для разведения лошадей и поселения ветеранов.

⁴⁶ В числе тех, кто считает, что экономическая «революция» Филиппа сделала возможным процветание страны, обеспечив тем самым воплощение в жизнь его военной программы: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 657–662; Cawkwell G. L. Philip of Macedon. P. 17–18.* Главным их оппонентом является Монтгомери (*Montgomery H. The Economic Revolution of Philip II...*), ряд критических замечаний которого в данной связи заслуживает самого пристального внимания. Об освоении равнин Эмафии и Филипп см. также: *Borza E. N. The Natural Resources of Early Macedonia // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 16–17.*

Что же касается значения золотых и серебряных рудников Восточной Македонии, то источники в данном случае противоречивы. Диодор (XVI, 8, 7) сообщает нам, что доходы от этих рудников использовались на вербовку наемников и подкуп греков. Какой бы ни была величина издержек на подкуп, нет сомнений как в усилении при Филиппе серебряной чеканки, так и в введении им золотых монет (филиппиев). Впрочем, наиболее подробное исследование, посвященное монетам Филиппа, относит появление филиппиев не ранее конца 40-х гг., и в нем отмечается рост числа серебряных монет к середине 40-х гг. IV в. до н. э.⁴⁷ Естественно, золото и серебро использовались и на другие нужды, что подтверждает множество предметов из драгоценных металлов, найденных в македонских гробницах. Однако эти предметы также относятся к концу царствования Филиппа, времени после его гибели или имеют спорные датировки. Таким образом, неясно, как Филипп финансировал начальные этапы своих военных операций. Конечно, приращение новых территорий значительно увеличило количество населения, на которое он мог рассчитывать, и могло быть правдой то, — хотя это ныне и недоказуемо, — что многие сельскохозяйственные земли давно были розданы под поместья (см. ниже). Кроме того, нет сомнений в постоянном источнике доходов от продаж македонского леса, осуществлявшихся под царским контролем. Несмотря на то что нельзя быть уверенным относительно того экономического фундамента, на котором основывалась политика Филиппа, он смог создать крупные вооруженные силы⁴⁸, и роскошное празднество, которое македонский царь организовал в Эгах в 336 г. до н. э., подтверждает то, что он располагал большими материальными ресурсами.

ФИЛИПП И СЕВЕРНЫЕ ГРЕКИ

Деятельность Филиппа стала с самого начала привлекать внимание как тех греков, которые были его соседями на Халкидике и в Фессалии, так и тех, которые жили в некотором отдалении — в государствах на юге. Вскоре после того как завоеватель Амфиполя взял Пидну, а затем обозначил свои претензии на территории к вос-

⁴⁷ *Le Rider G.* Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. Paris, 1977. P. 435; *Kraay C.* Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976. P. 138–147.

⁴⁸ Филипп выставил при Херонее 30 000 пехоты и 2000 конницы (Diod., XVI, 85, 5), что в три раза превосходило македонские силы, собранные против иллирийцев Бардила в 358 г. до н. э.; войска его предшественников Аргеадов были в сравнении с этим малочисленны.

току от Стримона, между ним и халкидянами был заключен союз (зима 357/6 г. до н. э.). Нам посчастливилось, что в плане эпиграфики этот период является богатейшим в истории Аргеадов, и надпись, обнаруженная археологами близ Олинфа, даст дополнительную информацию о дипломатии Филиппа⁴⁹. Хотя сама надпись фрагментарна и касается в основном процедурных вопросов, она тем не менее предполагает, что это был военный союз достаточной важности, чтобы потребовать тщательных дипломатических и религиозных консультаций, включая обращение в Дельфы. Данное соглашение было ответом Филиппа на союз афинян с тремя балканскими царями. Он использовал традиционные подозрения халкидян по отношению к Афинам и обещал передать им Потидею. После тяжелой осады летом 356 г. до н. э. Потидея была взята Филиппом, который затем и исполнил обещание, данное им халкидянам.

Однако в течение следующего десятилетия положение Филиппа на севере укрепились, и надобность в союзе с халкидянами стала меньшей. Между тем Олинф, центр Халкидского союза и, судя по руинам, крупнейший греческий город на севере, совершил дрейф в сторону Афин⁵⁰. Возможно, было неизбежным то, что Олинф, давний соперник Македонии на севере и время от времени союзник Афин, стал помехой для Филиппа в его намерении обезопасить границы своего царства со всех сторон. Из этого, однако, отнюдь не следует, что компромисс и политическое урегулирование не были тогда возможны, и кажется, что сами халкидяне разнились во мнениях о том, как правильно поступить в данном случае. Что лучше для города: быть другом Филиппа или его врагом? В конце 50-х гг. IV в. до н. э. Филипп начал испытывать свой союз с халкидянами, совершая небольшие рейды в их регион, но скудность данных наших источников не позволяет нам реконструировать события того времени, приведшие к падению Олинфа⁵¹.

В 349 г. до н. э. под предлогом, в правдивость которого едва ли можно верить (что-де Олинф отказался вернуть Филиппу двух его

⁴⁹ Tod, N 158 (с комментариями); Diod., XVI, 8, 3–5; Dem., XXIII, 107–108; II, 7, 14; VI, 20. Также см. обсуждение: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 243–246.

⁵⁰ Подробности см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 296–304; Cawkwell G. L. Philip of Macedon. P. 69–90 (с приведением многочисленных свидетельств из антимакедонских речей Демосфена).

⁵¹ Как указывает Гриффит, наш главный нарративный источник Диодор (XVI, 52, 9–10) охватывает события, происходившие в материковой Греции в 349/8 г. до н. э., всего в двух предложениях (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 319).

сводных братьев, которые нашли здесь убежище во время более ранней кампании [Just., VIII, 3, 10]), македонский царь вторгся на территорию Халкидики. Олинфяне, столкнувшись с развалом Халкидского союза ввиду наступления Филиппа, обратились за помощью к Афинам. Увлеченные мощью красноречия Демосфена, продемонстрированного им в его «Олинфских речах», афиняне проголосовали за то, чтобы выслать помощь, но отправили чисто символические силы. Вместе с тем на короткое время Олинф был избавлен от полномасштабного нападения македонской армии, так как внимание Филиппа отвлекли фессалийские дела. Впрочем, передышка эта не была использована для укрепления обороноспособности Олинфа, ибо афиняне сами оказались вовлечены в военные действия поблизости от своих границ. Хотя на помощь олинфянам против Филиппа Афины отправили еще два отряда, все же их помощь своему халкидскому союзнику была в целом спорадической и неэффективной. Нельзя не испытывать той же симпатии к олинфянам, которую испытываешь по отношению к фиванцам, восставшим против Александра Великого в 335 г. до н. э. Оба города сопротивлялись македонянам каждый по своим причинам, но были воодушевлены на это обещанием помощи от Афин, которое в полной мере не реализовывалось ни в одном случае. Похоже, афиняне всегда предпочитали бороться с македонянами до последней капли крови своих союзников.

Весной 348 г. до н. э. Филипп вернулся под стены Олинфа, и, судя по большому числу наконечников македонских стрел и пращевых ядер с именем царя, найденных во время современных раскопок, город подвергся энергичной осаде (цв. ил. 15)⁵². Наши источники не сообщают многих подробностей о последних днях Олинфа (к примеру: Diod., XVI, 53, 2–3), но кажется, что, несмотря на переход некоторых олинфян на сторону македонского царя, остальные держались в отчаянном и тщетном сопротивлении до конца. В стенах Олинфа были пробиты бреши, и в начале осени город пал⁵³.

⁵² Относительно падения Олинфа см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 321–328 (с ценным анализом источников); Cawkwell G. L. 1) Philip of Macedon. P. 82–90; 2) Cawkwell G. L. The Defense of Olynthus // CQ. 1962. Vol. 12. P. 122–140 (где четко изложена политика Демосфена). Место Олинфа отлично описано в археологических отчетах Робинсона (Robinson D. M., Mylonas G. E., Graham J. W., Clement P. A., Albright F. P., Angel J. L. Excavations at Olynthus. Vol. I–XIV. Baltimore, 1929–1952). О металлических снарядах с именем Филиппа см. ниже Приложение В.

⁵³ Спор о точной дате — либо сентябрь, либо октябрь 348 г. до н. э. — см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 327, n. 4. Кстати, падение Олинфа в 348 г. до н. э. дает одну из немногих точных дат, находящихся в распоряжении

То, что последовало за прекращением сопротивления олинфян, возможно, явилось неожиданностью. Город не только был разграблен, но и разрушен до основания, а его жители проданы в рабство. Олинф, величайший город северных греков, перестал существовать. Конечно, это был ужасный конец, но в век, когда права победителя в отношении побежденного были абсолютны, могло произойти, и часто происходило, все что угодно. Немногие греческие города были способны заявить, что всегда проявляли милосердие, когда решали судьбу побежденных народов. В этом отношении македоняне действовали не хуже, а часто даже лучше своих современников. Гриффит доказывал, что на то, чтобы уничтожить Олинф, у Филиппа было несколько разных причин (Diod., XVI, 53, 3). Он не только извлек доход от продажи добычи и жителей, но и показал грекам Халкидики, что представляют собой их союзнические отношения. Вместе с тем этот акт устрашения адресовался также и другим. Олинф был большим и важным городом, и его полное разрушение было впечатляющим событием, тем более что инициатором этого разрушения был человек, который постоянно предлагал политические соглашения и играл роль остроумного и разумного эллинизированного царя. То, что подобный человек мог сочетать как цивилизованное, так и жестокое поведение с хладнокровием, могло вполне вывести из спокойствия его потенциальных противников. Какими бы ни были другие выгоды, которые македоняне получили от уничтожения Олинфа, этот урок не мог, как надеялся Филипп, пройти для Афин незамеченным.

Предметом спора является вопрос о том, насколько Филипп реорганизовал и эксплуатировал территорию Халкидики⁵⁴. Северная гористая часть полуострова богата лесом и полезными ископаемыми, тогда как южная — широкая равнина, плавно спускающаяся с Холомонтских холмов к морю, — прекрасно подходит для занятий земледелием и скотоводством. То, что и Филипп, и Александр практиковали раздачу поместий македонянам и грекам, и некоторые из этих земель находились на Халкидикe, в этом нет сомнений⁵⁵. Однако если

археологов, создавая тем самым важный хронологический ориентир для датировки греческой керамики. Но, поскольку недавно было установлено, что город был занят вновь, 348 г. до н. э. как *terminus ante quem* для разного рода находок, обнаруженных в Олинфе, следует использовать с осторожностью.

⁵⁴ Вопрос обстоятельно обсуждается Гриффитом: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 365–379.

⁵⁵ К примеру, см.: Theopomp. ap. Athen., 260 d–261 a = Fgr Hist I 15 F 225 b; Plut. Alex., 15, 3; Dem., XIX, 145; Just., XI, 5, 5, хотя маловероятно, что царь раздал своим людям всю царскую землю. При этом пассажи из сочинений Плутарха и Юстина (см. выше) столь

наблюдения Гриффита верны, то в то время не было осуществлено ни значительного распределения халкидских земель в пользу людей царя, ни массового заселения региона македонянами. Вероятно, тогда имело место использование захваченных земель, особенно территорий разрушенных, подобно Олинфу, городов, для разведения лошадей и поощрения македонской элиты посредством дарения ей поместий. Но эта практика едва ли изменила характер населения региона, которое было в основном греческим. Теперь, при уничтоженном Олинфе, объединяющая сила для возобновления противостояния халкидян Македонии отсутствовала, и Филипп мог себе позволить не менять ничего на большей части территории Халкидики ради собственной эксплуатации ресурсов региона — его населения и городов как будущих союзников, а также для превращения этого в публичный жест, адресованный южным грекам.

Мы видели, что цари из династии Аргеадов, начиная со времени Александра I, признавали важность фессалийской границы для безопасности Македонии. Еще в 358 г. до н. э. Филипп подтвердил традиционный союз с Алевадами из Лариссы, поддержав их против тирана Фер. Состоявшаяся тогда его женитьба на Филинне из рода Алевадов была показателем того, что Филипп намревался продолжать политику своих предшественников в отношении Фессалии, чтобы использовать связи с фессалийцами для защиты южных рубежей Македонии⁵⁶.

Но было здесь и кое-что новое. В Фессалии, служащей в качестве буфера между Македонией и запутанным миром греческих городов и союзов, Филипп мог избирательно поддерживать своих союзников в их отношениях с южными греками и таким образом стать одним из политических игроков в Центральной Греции, не нуждаясь ни в отказе от усилий по укреплению своего положения на севере, ни в осуществлении полномасштабной военной интервенции на юге. На протяжении почти всех 50–40-х гг. IV в. Филипп поддерживал этот хрупкий

подозрительно похожи, что предполагают в данном случае наличие дублирования. Открытие в 1982 г. надписи близ поселения Каламото в северной Халкидике отчасти подтверждает практику пожалований царской земли Александром (подтверждая Plut. Alex., 15, 3); см.: *Βοκοτόπουλου Ι. Η επιγραφή των Καλινδοίων* // АМ. 1986. Т. IV. Σ. 87–114.

⁵⁶ О македонянах и фессалийцах в этот период см.: *Griffith G. T. Philip of Macedon's Early Interventions in Thessaly (358–352 B. C.)* // CQ. 1970. Vol. 20. P. 67–80. Кроме того, см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 218–230, 259–295.* Филинна родит ему сына Арридея, который будет царствовать после Александра Великого как Филипп III (323–317 гг. до н. э.).

баланс с большим успехом. К тому же ок. 352 г. до н. э. он ухитрился выступить в качестве лидера (тага) фессалийских городов и победоносно сражался, защищая интересы фессалийцев против постоянно мятежного города Феры. Вероятно, выполняя одно из положений соглашения, подведшего черту под войной против Фер, Филипп женился на представительнице местной знати Никессиполиде. Их дочь, которая станет сводной сестрой Александра Великого, а позже женой Кассандра, была названа в честь победы Филиппа в Фессалии — Фессалоника. В 315 г. до н. э. Кассандр основал на месте или поблизости от древней Фермы большой город, который до сих пор носит ее имя⁵⁷.

Когда в ходе своих кампаний Филипп захватил портовый город Пагасы (рядом с современным Волосом) и установил в нем гарнизон, вероятно, многим грекам показалось, что занятие македонянами этого стратегически важного пункта у Пагасейского залива перешло границы простого союза. Однако Филипп принес мир и стабильность расколотым на группировки фессалийцам, и этот факт большинством из них мог оцениваться по достоинству⁵⁸. От своего фессалийского предприятия выиграл и Филипп. Буфер, защищающий Южную Македонию, теперь расширился почти до Центральной Греции. Филипп получал доходы с некоторых фессалийских территорий, и его положение тага Фессалии вкуче с географической близостью этой области к Центральной Греции сделали македонского царя такой силой в регионе, с которой приходилось считаться. Наконец, он включил в свою армию значительное число фессалийских союзников. Во время походов Александра конница фессалийцев, служившая под командованием Пармениона, выделялась как самое боеспособное греческое союзное соединение и оставалась таковым вплоть до его роспуска после окончания сопротивления персов.

К 348 г. до н. э. через прямую аннексию или союзы Филипп контролировал практически все земли к северу от Ламийского залива. Из крупных государств Греции больше всех от этого потеряли Афины, хотя не столько в территории, населении и ресурсах, сколько

⁵⁷ 2300-летняя годовщина основания Фессалоник была по достоинству отпразднована греческим народом, но в неверный год (1985 г.). Этим была повторена арифметическая ошибка, допущенная при праздновании 2300-летней годовщины смерти Александра Великого в 1977 г. (вместо правильного 1978 г.). Исчисляя, сколько лет назад от какого-то года нашей эры/времени после Рождества Христова было то или иное событие, случившееся до Рождества Христова, нужно помнить, что «нулевого» года не существует.

⁵⁸ В данном случае я следую за Гриффитом: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 295.*

в том, что их традиционным экспансионистским устремлениям в северной части Эгеиды был положен конец. Кроме того, утрата афинянами союзников на Херсонесе и у Пропонтиды представляла потенциальную угрозу их кораблям, следовавшим с зерном из Черного моря. Не удивительно поэтому, что некоторые афиняне видели в Филиппе силу, которая угрожала самой независимости их города.

ФИЛИПП И ЮЖНЫЕ ГРЕКИ

До сих пор македонское присутствие было отдалено от Фив и Афин на сотни миль и несколько горных хребтов. Однако события в Центральной Греции привели македонян на порог Беотии и Аттики. Древним религиозным объединением греческих племен был союз амфикитионов, центром которого являлись священные для всех эллинов Дельфы. Амфикитиония, чьей главной задачей было обеспечение неприкосновенности священных земель, впрочем, не оставалась в стороне от политики и иногда использовалась соседними государствами для продвижения в жизнь собственных планов. Так, в 356 г. до н. э. возник спор, завершившийся оккупацией Дельф фокидскими войсками. В следующем году амфикитиония объявила войну против Фокиды. К 354 г. до н. э. ряд греческих общин, действуя каждая по своим причинам, присоединились к фокидянам. В результате многие из ведущих государств встали на ту или другую сторону в конфликте, который известен как Священная война: в частности, Фивы выступили против Фокиды, тогда как Афины ее поддержали. Филипп же оказался вовлечен в этот конфликт благодаря своему лидерству в Фессалии, и он также занял враждебную по отношению к фокидянам позицию. Священная война продолжалась sporadически на протяжении следующих нескольких лет, в основном без участия македонян.

Но к 348 г. до н. э. более ничего не стояло между войсками Филиппа и Фермопилами — воротами как в Центральную Грецию, так и в Дельфы, оккупированные мятежниками. Фокидяне, похоже, были на грани краха, однако Фивы уже были слишком истощены, чтобы воспользоваться ситуацией. Призыв фиванцев к Филиппу о помощи был встречен с нехарактерными для него колебаниями. Правда, нерешительность македонского царя проистекала не из страха или занятости другими делами. Как подтверждают последующие события, Филипп не колебался в том, чтобы вторгнуться в Центральную Грецию. Однако было необходимо осуществить это так, чтобы избежать согласия между Фивами и Афинами. Ни один из этих городов не был опасен Ма-

кедонии поодиночке, но объединенные Афины и Фивы — сама по себе исключительная перспектива для этих старых противников — могли сорвать планы Филиппа по вторжению в Малую Азию (см. ниже), не столько угрожая нападением на Македонию, сколько оказывая постоянное выматывающее сопротивление в Центральной Греции и Эгейском море. Поэтому стремлением Филиппа было избежать военного противостояния с антимакедонской коалицией Афин и Фив, которое потребовало бы от него большого напряжения сил. Желая сохранить свой союз с Фивами, он надеялся в то же время добиться согласия с Афинами в качестве цены за интервенцию против фокидян⁵⁹.

Мало что — если вообще что-либо — из этого было известно в Афинах, где с большой тревогой ждали неминуемого вторжения Филиппа в Центральную Грецию. Афиняне предприняли ряд контрмер, включая возобновление давних отношений с Керсеблептом и подтверждение связей с фокидянами. Тем самым они стали приближаться к тому, чего Филипп надеялся избежать: к войне между афинянами и македонянами. И все же на время верх взяла осторожность, и весной 346 г. до н. э. афинское посольство прибыло в Пеллу, чтобы представить позицию Афин и узнать условия Филиппа⁶⁰. Встреча послов с Филиппом прошла без враждебности, и они вернулись в Афины с убеждением, что македонский царь желает мира и не только отказывается от всяких претензий в отношении Херсонсса, за исключением приведения к покорности вновь восставшего Керсеблепта, но и гарантирует афинскую гегемонию в ряде районов близ Аттики. Филипп настаивал только на том, чтобы детали его предложений широко не оглашались, не желая возбуждать раздражения Фив. В середине апреля афинский народ начал обсуждение предложений Филиппа, сформулированных для этого Филократом, который до того настаивал на переговорах с македонянами. Не без сложностей проект Филократа, получивший поддержку даже у Демосфена, был принят. В Пеллу было отправлено второе посольство, чтобы разрешить ряд разногласий по интерпретации первоначальных предложений и рассмотреть некоторые важные вопросы, упущенные из виду на предыдущих переговорах.

⁵⁹ В этом кратком рассказе я следую схеме Эллиса (*Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism*). Кроме того, см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II*, где изложение существенно не отличается от изложения Эллиса, но намного подробней. Нужно помнить, однако, что то, что кажется нам, имеющим преимущество исторической перспективы, столь простым в стратегическом отношении, могло вовсе не быть таковым для Филиппа.

⁶⁰ Детали см.: *Aesch., II, 15–39*.

Соглашение, хотя и со сложностями вновь было достигнуто. Были даны клятвы, и затем Филипп сопроводил послов, возвращавшихся в Афины, до самых Фер.

Однако дела начали принимать дурной оборот. Фивы были раздражены перспективой урегулирования, которое, казалось, игнорировало их интересы и прощало фокидян, если бы те вернули Дельфы амфикинии. Филипп двинулся к Фермопилам, проходу в Центральную Грецию, и приготовился исполнить свою часть соглашений. Демосфен, который, похоже, до сих пор не выступал против договоренностей с македонским царем, теперь высказался против ведения дальнейших переговоров, отклонив Фермопилы как место встречи третьего посольства с македонским царем. Вместо этого он начал энергично возбуждать общественное мнение против Македонии, эксплуатируя глубоко укоренившиеся в афинянах подозрения относительно Филиппа. В ситуации, когда фиванцы собирали свое войско, а афиняне нарушали свои обязательства перед их македонским союзником, Филипп обратился к Совету амфикиионов, чтобы избежать войны. Собравшись в конце лета в Фермопилах, Совет проголосовал за то, чтобы исключить фокидян из амфикинии и заменить их царем македонян. Фокидяне были сурово наказаны за свои действия против амфикинии, но крайностей, на которые их соседи — особенно фиванцы — были способны пойти, удалось избежать благодаря присутствию македонских воинов. Итак, перед лицом надвигающейся войны Филипп обратился к дипломатии. С мятежом фокидян было покончено, амфикиния одержала верх, война с Фивами была предотвращена, Афины стали союзниками Македонии, а Филипп отныне обладал правом голоса в союзе амфикиионов. Эти достижения можно рассматривать как дипломатическую победу Филиппа, однако более широкое и постоянное соглашение, к которому он стремился, по-прежнему ускользало от него.

Договоренности, к которым пришли Филипп и афинские послы и которые затем были ратифицированы народным собранием Афин, известны как Филократов мир⁶¹. Наряду с мирным договором между сторонами заключался двусторонний оборонительный союз на постоянной основе, распространяющийся и на их союзников. Каждый из партнеров признавал права другого на территории, удерживаемые

⁶¹ Подробности см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 338–339* (со свидетельствами). Источники по Филократову миру: *Die Staatsverträge des Altertums / hrsg. von H. Bengtson. Bd. II. München; Berlin, 1962. N 329.*

на данный момент, и оба обязывались заботиться о безопасности мореплавания и бороться с пиратством. Несмотря на противодействие Демосфена, а также укоренившееся в афинянах беспокойство насчет Филиппа и разочарование от того, что урегулирование, завершившее Священную войну, не соответствовало афинским интересам полностью, известная поддержка заключенному миру в Афинах все же еще оставалась, особенно среди послов, которые вели о нем переговоры. Но, поскольку общественное мнение все более и более склонялось к позиции Демосфена, мир начал превращаться в пустую формальность и Афины стали дрейфовать в сторону войны.

Получив равноправное место в совете греческих держав в амфикинии, Филипп вернулся в Пеллу, возможно, чтобы начать подготовку к вторжению в Азию, хотя отсутствие общей системы обеспечения стабильность в Греции по-прежнему было для него приоритетом. Продолжая выставлять себя защитником малых государств, Филипп в 344 г. до н. э. заключил союзы с некоторыми пелопоннесскими городами, которые были враждебны Спарте. Поэтому кажется, что, поскольку Филиппу было отказано в общем соглашении, которое он предложил при заключении Филократова мира, он пытался создать его по частям посредством большого количества двусторонних договоров⁶². Когда поднялись протесты против

Демосфен. Римская копия греческого оригинала работы Полиевкта (280 г. до н. э.), Ватикан

⁶² Политика Филиппа в Пелопоннесе подробно проанализирована в ряде аспектов Гамильтоном: *Hamilton C. D. Philip II and Archidamus // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 61–83.*

растущего числа договоров между греческими городами и Македонией, Филипп в 346 г. до н. э. вновь предложил, чтобы был заключен общий мир (κοινὴ εἰρήνη), который бы стал заменой для существующих двусторонних союзов и был бы открыт для всех желающих к нему присоединиться. Афиняне внесли поправки в это предложение так, чтобы оно оказалось неприемлемым для Филиппа. Македонский царь, похоже, отныне стал навязчивой темой политической жизни Афин. Эсхин доказывал, что афиняне должны извлекать из Филократова мира собственную выгоду, тогда как Демосфен предлагал использовать его как лицензию на ниспровержение Филиппа. На этом фоне афинский оратор и эссеист Исократ, который на протяжении сорока лет призывал греков оставить свои извечные распри и объединиться для совершения панэллинского «крестового похода» против персов, в памфлете «Филипп» и в своих двух письмах к македонскому царю убеждал, чтобы Филипп предоставил наиболее благоприятную возможность для объединения городов-государств⁶³. Горячие дебаты, ведшиеся тогда в Афинах, были отмечены злобной клеветой, затемнением фактов и сознательным превратным толкованием намерений как местной оппозиции, так и македонян.

К 340 г. до н. э. откровенное сопротивление его предложениям начало приводить Филиппа к сомнениям в том, что компромисс с Афинами возможен, особенно после того как афиняне стали поддерживать антимакедонские силы на севере Эгейского моря. Филипп был вынужден вести боевые действия на Херсонесе и в районе Пропонтиды, а в конце лета 340 г. до н. э., в ходе защиты завоеванной им с таким трудом гегемонии на севере, он захватил афинский флот с зерном. Сползание к войне теперь пришло к логическому концу. Афины под руководством Демосфена убедили фиванцев присоединиться к ним против Филиппа, в то время как более слабые или свободные от обязательств государства были принуждены вступить в их коалицию. Это вылилось в то, чего Филипп пытался избежать: военную конфронтацию между Грецией и Македонией. Ее исход был решен в конце лета 338 г. до н. э. в долине мелководной реки Кефис близ тихого городка Херо-

⁶³ Относительно поддержки Филиппа афинскими интеллектуалами см.: Markle, *Minor M., III. Support of Athenian Intellectuals for Philip: A Study of Isocrates' Philippus and Speusippus' Letter to Philip* // JHS. 1976. Vol. 96. P. 80–99. Маркл приходит к заключению, что сторонники Исократы — сами не демократы — считали, что политика Филиппа лучше всего способствует их материальному благосостоянию и отвечает их философским взглядам, даже если это и означало бы утрату Афинами части автономии в международных делах.

нси на дороге, ведущей к Фивам. В битве, которая должна считаться кульминацией результатов военных реформ Филиппа, македонская армия нанесла сокрушительное поражение союзным войскам Афин и Фив. Эта битва возвестила новую эпоху в военном деле, ибо македоняне под предводительством своего царя и помогавшего ему семнадцатилетнего Александра преподали грекам жестокий урок о ценности точной координации действий маневренной кавалерии и многочисленной дисциплинированной пехоты (цв. ил. 29)⁶⁴.

ПОСЛЕ ХЕРОНЕИ

Сразу после своей победы Филипп приступил к урегулированию дел для подготовки того соглашения, на которое он давно возлагал надежды. Предпочитая примирение наказанию, он решал вопросы с рядом греческих городов индивидуально. С государствами (такими, как Афины), которые были его союзниками до их отступничества в недавней войне, он просто возобновил старые договоры об альянсе⁶⁵. С некоторыми другими он, возможно, заключил новые договоры, тогда как в случае с третьими, по-видимому, путем политического давления утвердил у власти группировки, настроенные дружелюбно по отношению к македонянам. Все эти мероприятия были подготовкой к установлению им общего мира.

Большой мирный конгресс был созван зимой 338/7 г до н. э. в Коринфе либо, быть может, в почитаемом всеми греками центре, располагавшемся поблизости в Истмии, месте, в большей степени отвечавшем духу декларируемой Филиппом панэллинской политики. Примечательно, что из ведущих греческих государств только Спарта отказалась прибыть на конгресс, впрочем, Филипп не настаивал на этом. Вторгнуться в Лаконику и уничтожить даже пусть и находившуюся

⁶⁴ О битве при Херонее см.: Diod., XVI, 85, 5–86, 6; Just., IX, 3; Plut. Alex., 9, 3; Polyae., IV, 2, 2; 7. Гриффит дает ценный обзор основных проблем, с которыми сталкиваются ученые при реконструкции хода данной битвы (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 596–603*), битвы, являющейся поворотной точкой в истории Запада, но очень скупо освещенной античными авторами. Маркл (*Markle, Minor M., III. The Use of the Sarissa... P. 486–497*) доказывает, что конница, возглавляемая Александром, возможно, была вооружена сариссами; а вот пехота, стоявшая на правом фланге под командованием Филиппа, вероятно, не смогла бы совершить тактическое отступление, имея она длинные копья. Неизвестно, использовала ли сариссы пехота, располагавшаяся в центре.

⁶⁵ В этом я следую за Гриффитом (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 608–609*).

в упадке Спарту было бы для осмотрительного полководца излишней тратой хороших воинов, особенно тогда, когда та же цель — нейтрализация спартанцев — могла быть достигнута изоляцией их в кольце государств, участвующих в общем мире. В данный момент это казалось мудрым решением, и то, что случившееся позднее выступление спартанцев против македонской власти в 331 г. могло бы быть предотвращено, если бы Филипп покорил Спарту в 338 г. до н. э., остается лишь темой досужих рассуждений.

При зловещем напоминании о том, что македонский гарнизон закрепился поблизости, на вершине впечатляющих склонов Акрокоринфа, греческие делегаты приступили на Истме к задаче оформления общего мира, которого так давно добивался Филипп. К счастью, сохранились два фрагмента копии договора данного союза, известного в наше время как Коринфская лига⁶⁶. Это был договор и об общем мире, и о военном союзе греческих городов-государств. Согласно ему, ни одному государству не позволялось вести войну против другого и ни одна из политических группировок не должна была изменять конституций, функционировавших в городах на тот момент, когда приносились клятвы (т. е. предусмотрительно установленных правительств, бывших лояльными Филиппу). Запрещалась любая попытка ниспровергнуть царскую власть Филиппа и его потомков (τῇ βασιλείᾳ τῇ Φιλίππου καὶ τῶν ἐκγόνων), а равно помощь любому, кто попытается нарушить положения союзного договора. Филипп должен был выступать гарантом последнего; иначе говоря, это был союз между греками и союз между греками и царем македонян. Создавался Совет (синедрион) с пропорциональным представительством, основополагающий принцип которого неясен ввиду повреждений камня. Это был «нормальный» союз как по своей концепции равенства между рядом малых государств, видящих в крупной силе гаранта, так и по своей персонификации Македонии в лице ее царя и его потомков, а не преемников. Позднее представители членов созданной лиги собрались, чтобы избрать Филиппа главнокомандующим войсками для войны в Азии.

Мир, навязанный грекам силой оружия в 338/7 г. до н. э., не отличался от того, что Филипп впервые предложил грекам дипломатиче-

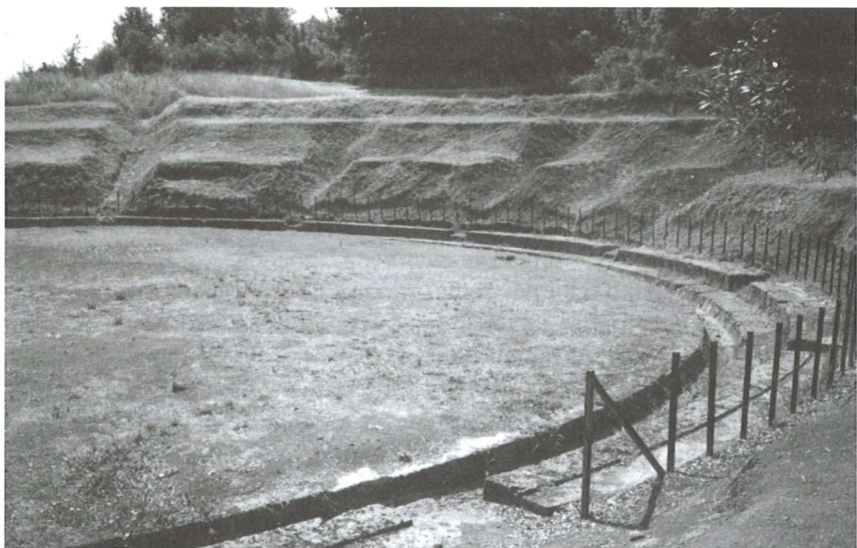
⁶⁶ Tod, N 177 (текст и комментарий). Этот договор обстоятельно исследовался учеными; в частности, см.: *Roebuck C. The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C. // CPh. 1948. Vol. 43. P. 73–92; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 623–646. Также см.: Wilcken U. Alexander the Great / Engl. Transl. by G. C. Richards; ed. by E. N. Borza. New York, 1967. P. 42–49.*

ским путем почти десятью годами ранее. Данный факт остается наиболее важным и единственным аргументом в пользу искренности этих первоначальных предложений. Если соглашение на Истме не было именно таким, каким его представлял себе Филипп в 346 и 344 г. до н. э., то в этом он должен был винить в основном Афины. В конце концов подобное промедление, возможно, отсрочило экспедицию в Азию где-то на десятилетие, в зависимости от того, в какой момент Филиппа впервые посетила идея о войне с Персией. Когда же «крестовый поход» в Азию был наконец предпринят, во главе его оказался человек гораздо моложе и во многих отношениях иного сорта.

Филипп вернулся в Македонию и, вероятно, убежденный в том, что греческие дела были устроены более или менее так, как ему хотелось, занялся подготовкой азиатского похода. В Малую Азию были отправлены передовые части, с местными правителями установлены дипломатические контакты⁶⁷ и были предприняты меры, чтобы начать восточную кампанию весной 335 г. до н. э. Филипп женился по любви на молодой македонянке Клеопатре, которая родила ему дочь. Осенью 336 г. до н. э. Филипп отметил свои достижения пышным празднеством в Эгах. Сюда были приглашены представители греческого мира, чтобы принять участие в играх и религиозных церемониях, а также стать свидетелями свадьбы дочери царя (Клеопатры от Олимпиады) и Александра Эпирского. После более двух десятилетий войн и дипломатической деятельности Филипп теперь, казалось, приготовился насладиться религиозными церемониями, олицетворяющими собой завоевания и обустройство им большей части Балкан к югу от Дуная.

Во время процессии в театре в Эгах один из царских телохранителей Павсаний нанес Филиппу смертельный удар кинжалом. Убийца попытался добежать до лошадей, стоявших поблизости, но был схвачен и умерщвлен на месте. Было бы недостаточно просто сказать, что убийство Филиппа было неожиданным и несвоевременным. В нынешней науке этому событию уделено пристальное внимание. Попытки связать убийство царя с неким внутренним или иностранным политическим заговором, на мой взгляд, малоубедительны. В античных источниках приводится совершенно правдоподобный мотив: личная неприязнь по отношению к Филиппу, издавна питаемая Павсанием. Кроме того, сам публичный характер убийства в среде людей,

⁶⁷ О растущей независимости местных правителей в западных сатрапиях Персидской державы см.: *Burn A. R. Persia and the Greeks* // CHU. Vol. II. 1985. P. 368–391.

Современное состояние театра в Эгах (Вергине),
где в 336 г. до н. э. был убит Филипп II. Фото Ю. Н. Кузьмина

которые, имея из них кто-нибудь желание избавиться от царя по политическим мотивам, были знакомы с различными изощренными и тайными способами умерщвления, подтверждает ту точку зрения, что покушение было результатом ярости, проистекавшей от личной обиды Павсания⁶⁸. Кажется, не подтверждается и факт широкого заговора, помимо возможности того, что Павсаний намечал не одну жертву и что ему помогали⁶⁹. Александр без промедления был представлен македонскому войску и провозглашен царем. Никогда не воз-

⁶⁸ Несколькими месяцами или даже годами ранее Павсаний стал объектом насмешек при македонском дворе и был оскорблен кем-то из людей Аттала. Когда Павсаний пожаловался царю, Филипп ничего не предпринял, возможно, не желая ссориться с Атталом, влиятельным македонским «бароном». По-видимому, Павсаний затаил обиду на Филиппа и до поры до времени никак ее не проявлял. В этом вопросе я во многом поддерживаю взгляды Эллиса (*Ellis J. R. The Assassination of Philip II // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 99–137*) и Хэммонда (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 684–691*), опирающихся на надежный источник того времени — *Arist. Pol.*, 1311 b 2–4. Основное изложение событий, связанных с гибелью Филиппа, см.: *Diod.*, XVI, 91, 4–94, 4.

⁶⁹ Два наших источника (*Diod.*, XVI, 94, 4; *Just.*, IX, 7, 9) совершенно определенны в данной связи: они упоминают «лошадей» (во множественном числе), а это предполагает, что убийца был не один, или что, по крайней мере, кто-то снаружи должен был ему помочь бежать.

никало сомнений в том, что Филипп намечал Александра в качестве своего наследника. До сих пор все в карьере юноши — даже принимая во внимание вспышки гнева, которые иногда портили отношения между спокойным Филиппом и горячим и нетерпеливым Александром — указывало на то, что отец готовил своего сына к бременю правления. Александр, вероятно, был лучше подготовлен к царствованию, чем кто-либо другой в истории Македонии. И он доказал, что во многих отношениях является достойным наследником.

Какими бы ни были таланты Филиппа как государственного деятеля и дипломата — а они были значительными (Diod., XVI, 95, 2–4), — он первый сделал Македонию военной державой мирового уровня. В отличие от ряда своих предшественников, которые, не имея необходимых военных ресурсов для поддержания своей дипломатии, выживали в основном за счет собственного ума и двуличности, Филипп мог подкреплять свои дипломатические жесты угрозой задействовать внушительную армию. Поэтому в своих отношениях с греками он был в состоянии позволить себе действовать более откровенно. При этом задасшься вопросом: не возникла ли частично подозрительность к нему, которой характеризовались греко-македонские отношения в данный период, из неверия греков — и особенно афинян — в то, что македонский царь был способен держать свое слово?

Панэллинские устремления Филиппа были подлинными, но они отнюдь не основывались на какой-то необходимости для него доказывать грекам свою принадлежность к их миру. В сущности, это было чисто практическое дело: его желание защитить Дельфы от разорения фокидянами было настолько же — если не в большей степени — средством замаскировать свое вступление в союз амфикионов и тем самым утвердиться на политической сцене Центральной Греции, насколько и проявлением уважения к богам. Строительство Филиппейона в Олимпии и участие Филиппа в состязаниях на колесницах на Олимпийских играх в свою очередь говорили о том, чтобы к царю Македонии теперь относились как к равному. И создание панэллинской лиги по соглашению 338/7 г. до н. э. свидетельствовало о необходимости обеспечения безопасности и стабильности в Греции под бдительным надзором македонских гарнизонов.

Греция для Филиппа, кажется, была промежуточным этапом на пути к Востоку⁷⁰. Она была второстепенна по отношению к его давнишней

⁷⁰ Здесь я модифицирую тезис, высказанный более десятилетия назад Эллисом (Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism). Недавняя его критика Эррингтоном

цели. Если не считать своей культурной притягательности, Греция была слишком бедна для того, чтобы быть целью македонского царя, для которого предметом вожделения были богатства Азии, — слишком бедна во всем, кроме качества своих людей. Греческие воины, после воинов самого Филиппа, были лучшими в то время, и неискренность греков в сфере дипломатии могла бы продолжать испытывать македонскую реакцию. Осмотрительный завосватель, направлявший свои помыслы к Азии, явно не хотел оставить греков противниками в своем тылу. Несобходимость добиться безопасности и союза в Греции была неслепенным условием для осуществления конечных устремлений: военных целей и богатств Востока. Греки — и в частности Демосфен, — возможно, считали дипломатию и военные акции Филиппа лишь средством сего вторжения в Грецию, тогда как он, кроме того, подготавливал выход македонян за пределы Европы в Азию. Возможно, одним из парадоксов этого времени было то, что афиняне, отягощенные своей замкнутой гордостью и сложившимися отношениями с Аргеадами в прошлом, не могли вообразить себе того, что македоняне или не интересовались. «Варвар» с севера проводил столь последовательную и прагматичную внешнюю политику, что она была совершенно чужда представлениям греков.

Откуда же такое влечение к Азии? Очевидно, что Филипп задумывал большую военную кампанию в Азии. Однако замышлял ли он решительное наступление на Персидскую державу (по образу того, что было в реальности осуществлено Александром), или только экспедицию в Малую Азию, где многие местные сатрапы и тираны являлись уже фактически независимыми от слабой центральной власти персов, остается вопросом⁷¹. Неясно также, когда именно появился план экспедиции в Азию и каковой была связь будущей азиатской политики Филиппа с сего действиями в Греции. Мнение Эллина и Коквелла, согласно которому Филипп задумал кампанию против персов уже в начале 40-х гг. IV в. до н. э. и она затем служила фоном для сего греческой политики, было оспорено Эррингтоном⁷². Хотя

(Errington R. M. Review-Discussion... P. 73–83), хотя и не вполне убедительная, имеет достаточно достоинств для того, чтобы они стали основанием для появления пожелания в сего адрес обратиться к проблеме стратегических целей Филиппа полнее.

⁷¹ О персидском контексте деятельности Филиппа см.: Burn A. R. *Persia and the Greeks*. P. 368–391; Hammond N. G. L., Griffith G. T. *A History of Macedonia*. Vol. II. P. 458–463, 517–522; кроме того: Errington R. M. Review-Discussion... P. 77–84.

⁷² Errington R. M. Review-Discussion... P. 77–84. Взгляды Эррингтона по данному вопросу в большей степени согласуются со взглядами Гриффита, чем Эллина и Коквелла.

Эррингтон правильно указывает на то, что свидетельства в пользу «раннего» азиатского плана не так убедительны, как кажется на первый взгляд, ясно также, что ко времени битвы при Херонее и последующего панэллинского дипломатического и военного соглашения в 338/7 г. до н. э. события развивались в сторону азиатской экспедиции. Эррингтон считает, что план персидской кампании был составлен по итогам неудачной политики Филиппа в Центральной Греции и что принятие, судя по всему, популярного «крестового похода» против общего врага — Персии был жестом, направленным на то, чтобы обеспечить нейтралитет нескольких ведущих греческих государств этого региона.

И все же, как признает Эррингтон, в источниках нет подтверждения для его гипотезы. Более того, вопрос, насколько политика Филиппа в Центральной Греции была неудачной, является вопросом интерпретации. Можно равно легко предположить, что хотя Филипп и не достиг в середине 40-х гг. IV в. до н. э. общего мира, к которому он стремился, ему все же удалось добиться урегулирования, которое было вполне действенным в сложных обстоятельствах. Возможно, его единственной «неудачей» была отсрочка азиатской кампании на десятилетие, но подобное суждение целиком исходит из исторической ретроспективы, ибо не исключено, что поменять его планы могли и другие, не связанные с южными греческими факторы. Наверное, также нельзя узнать, когда именно впервые появился план Филиппа напасть на персов. Это не тот вопрос, о котором мы могли бы ожидать хорошей осведомленности наших современных событийных источников, или, даже если они знали об этом, открытости в передаче соответствующей информации⁷³.

Трудно представить, что Греция была конечной целью политики Филиппа. Как только его балканская граница была защищена, общий курс македонского царя, кажется, был направлен на утверждение стабильности в Греции, а не на завоевание. Филипп обычно вначале использовал дипломатические средства, хотя за ними и зримо маячили македонские копья. Неизменно осторожный полководец, он знал, что лучше не жертвовать хорошими воинами, если его намерение

⁷³ Диодор (XVI, 60, 4–5) впервые упоминает о планах Филиппа в отношении Персии в своем рассказе об урегулировании царем дел в Центральной Греции в 346 г. до н. э., однако, возможно, он делает это, исходя из знания последующих событий. И хотя Исократ в «Филиппе» (написан в 346 г. до н. э.) говорит о походе в Азию (9, 83–84), этот факт отнюдь не демонстрирует его осведомленности о планах Филиппа, и нам неизвестно, когда именно данное сочинение прочитал македонский царь и прочитал ли он его вообще.

могло быть осуществлено мирным путем. С самого начала его политика была последовательна: достигнуть безопасности в Греции. Поскольку нет свидетельств о том, что Греция была *целью* политики Филиппа — он не получал богатств из Греции и оставил здесь мало войск в качестве гарнизонов, — в его мыслях должно было быть какое-то другое устремление. Эта гипотеза бездоказательна, но она согласуется и может даже объяснить действия Филиппа в Греции в 40–30-е гг. IV в. до н. э.

Равным образом трудно определить степень воздействия на Филиппа давнишних обличений Исократом греческой нестабильности и поощрения им панэллинских усилий, направленных против старого общего врага — Персии. Филипп, похоже, находил взгляды Исократа подходящей опорой в городе, чью поддержку он ценил для претворения в жизнь политики, которую уже сформулировал, исходя из других причин. Можно подозревать, что ограниченные амбиции и политика греческих городов-государств не были привлекательны для македонского царя, стремившегося к созданию обширной империи. Кроме того, для монархии, которая сама развила многие внешние атрибуты и институты Востока — вместе с ее эллинскими украшениями, — Азия, возможно, выглядела более естественным выходом для выражения военных талантов Филиппа Македонского. Он был первым царем Македонии с амбициями за пределами Балкан. Жаль, что мы никогда не узнаем, каковым Филипп, столь успешный в Европе, оказался бы в Азии.

Глава 10

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ЭПОХУ ФИЛИППА И АЛЕКСАНДРА

Филипп унаследовал слабое и раздробленное балканское царство и, как мы видели, превратил его в крупную европейскую державу, которая оказала сопротивление, бросила вызов, победила и объединила ранее никем не управляемые города-государства Греции. Его сын Александр, история завоеваний которого выходит за рамки данной работы, переправил македонскую армию в Азию и покончил с двухсотпятидесятилетней гегемонией Персии, дав тем самым возможность укорениться некоторым элементам греческой цивилизации в Восточном Средиземноморье. То, что эти два человека совершили за треть века, пока длились их царствования, едва ли можно было предсказать, когда Филипп пришел к власти.

Интересно, в какой степени экстраординарные свершения этих двух самых знаменитых сынов Македонии опирались на традиционные македонские институты, в какой степени они были результатом тех изменений, которые произвели Филипп и Александр, а также в какой мере в них нашли отражение личные качества каждого из этих царей? Исследование личных качеств Филиппа и Александра я оставляю другим. Но, кажется, будет полезным рассмотреть здесь те политические институты, которые относятся к эпохе этих царей, попытаться поместить их в контекст возникновения Македонского государства и выявить некоторые новые черты соответствующих правлений.

Мы видели, что сведения как относительно внутренней структуры, так и материальных благ Македонии до царствования Филиппа, достаточно скудны. Ранее источники по македонской истории были высшими и либо не проявляли интереса, либо игнорировали македонские институты, если не считать передачи придворных сплетен. Правление Филиппа впервые отмечается наличием чего-то подобного

современным свидетельствам, даже свидетельствам очевидцев, сохранившимся в сообщениях более поздних писателей. Имются, к примеру, богатые, хотя часто и весьма пристрастные документы из Афин, ибо Филипп был фигурой, приковывавшей к себе общественное внимание в этом городе.

Но появление относительного обилия информации несет с собой опасность, так как есть соблазн перенести реалии конца IV в. до н. э. на более раннее время. Цепочка анахронизмов может дать ложное впечатление о македонской жизни до времени Филиппа. Методологически важно, чтобы всякое представление о ранней Македонии соответствовало современным ей свидетельствам. Если нижеследующая реконструкция македонских институтов покажется консервативной и даже минималистской, то это результат отказа от ряда интерпретаций, которые могут в большей степени отражать идеи (и надежды) их авторов, нежели описывать то, как сами древние македоняне в действительности жили. Мы поступим верно, если примем осторожную позицию одного нынешнего исследователя, который в ответ на современную замысловатую реконструкцию македонских политической и юридической систем написал: «...манера системного формализованного мышления в отношении Македонского государства — не античный, а современный феномен»¹.

Рост могущества Македонии при ее двух выдающихся монархах IV в. до н. э. неизбежно привлек ученых к изучению институтов данного царства. Подобно многому другому в связи с историей народа, который в основном хранит о себе молчание, реконструкция этих институтов зачастую была скорее изобретательной, чем убедительной. Нигде вымысел не проявлялся так ясно, как в исследовании македонского «конституционализма». Для историков естественно искать порядок в хаосе событий (а подчас даже и причину), и фрагментарные свидетельства о внутренней истории македонян создают проблему для тех, кто желает знать, посредством чего этот народ достиг такого исторического величия. К сожалению, древним македонянам недостает Полибия, который описал институты, сделавшие Рим знаменитым. Те же, кто упоминает македонские обычаи, были либо врагами Македонии, либо позднейшими биографами Филиппа и Александра, либо дилетантами — собирателями сплетен и диковинок. Всякая попытка реконструировать внутреннюю маке-

¹ Errington R. M. The Historiographical Origins of Macedonian «Staatsrecht» // AM. 1983. Т. III. Р. 101.

донскую историю, исходя из такого фрагментарного материала, является делом крайне сложным.

Существуют два основных научных направления по вопросу македонской «конституции», если под данным словом понимать обычаи и институты, которые упорядочивали общество, — немецкое *Staatsrecht*. Одни считают, что Македонское царство управлялось в соответствии с общепринятым набором обычаев; в их рамках различные группы обладали и осуществляли свои традиционные права, за которыми следил и которые гарантировал царь. Это — «конституционалистская» позиция. Другие полагают, что главным в Македонском царстве было самовластие монарха, который делал именно то, что хотел или, точнее, что втесняшивал себе в голову.

В мои намерения не входит обсуждение подобного вопроса заново: короткого обзора здесь будет достаточно. Различные позиции были подробно изложены их защитниками, и новой важной информации, которая бы имела отношение к данному предмету, нет. Почти все сведения о македонских политических и социальных институтах восходят к эпохе Филиппа и Александра — знаменитых царей, правления которых относительно хорошо освещены в источниках, и любая попытка перенести эту информацию на более раннюю македонскую историю требует допущения (если не решительного признания) того, что имела место непрерывная связь институтов V — начала IV в. с институтами конца IV в. до н. э. и эллинистического периода. И если защитники конституционализма используют эту эволюцию или подобную связь как рабочее методологическое допущение, то им также следует обнаружить существование данных институтов в эллинистическую эпоху или, если нет, объяснить, почему здесь произошел разрыв.

Позиция «конституционалистов» была подробно изложена более чем полвека назад Граниром, и с тех пор развернулась оживленная дискуссия, в которой одни поддерживали, другие развивали, а третьи выступали против его суждений². Используя свидетельства

² Основная литература по вопросу (в алфавитном порядке): Adams W. L. Macedonian Kingship and the Right of Petition // AM. 1986. T. IV. P. 43–52; Anson E. M. Macedonia's Alleged Constitutionalism // CJ. 1985. Vol. 80. P. 303–316; Aymard A. 1) Sur l'assemblée macédonienne // REA. 1950. T. 52. P. 115–137; 2) Βασιλεὺς Μακεδόνων // RIDA. 1950. T. 4. P. 61–97; Briant P. Antigone le Borgne: Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne. Paris, 1973; De Francisci P. Arcana imperii. T. II. Milano, 1948. P. 345–391; Errington R. M. 1) Macedonian «Royal Style» and Its Historical Significance // JHS. 1974. Vol. 94. P. 20–37; 2) The Historiographical Origins... P. 89–101; 3) The Nature of the Macedonian State under the Monarchy // Chiron. 1978. Bd. 8. P. 77–133; Granier F. Die makedonische Heeresversammlung: Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1931;

в основном эллинистического времени, Гранир считал, что царская власть в Македонии эволюционировала от примитивной власти военного вождя, подобно той, что мы встречаем у гомеровских греков или описанных в «Германии» Тацита древних германцев, у которых царь был первым среди равных, избранным своими товарищами по оружию. После того как институты Македонии приобрели более формальный характер, появилась организация македонских воинов, ознаменовав собой переход к чему-то похожему на верховное собрание войска³. Когда же население стало более оседлым и македоняне превратились из общества воинов в общество с землевладельческой аристократией, знать узурпировала верховную власть народа. Но в IV в. до н. э. собрание было возрождено, чтобы обеспечить монарху поддержку против знати. Войсковое собрание получило некоторые судебные функции и даже избирало царя или регента. Все члены македонского общества знали о своих правах, хотя на практике царь правил как самодержец. При этом, однако, две имевшие законную силу функции войскового собрания регулировали отношения между монархом и народом: право избирать царя и право действовать как суд. Отметим, что книга Гранира сразу приобрела большое влияние в научном мире, и хотя ее некоторые незначительные положения были вскоре найдены ошибочными, основной тезис о том, что македоняне жили согласно традиционным обычаям, долгое время не вызывал возражений.

В 1950 г., почти два десятилетия после выхода в свет работы Гранира, Эмар развил его теорию, предположив, что македоняне имели право свободно высказываться и апеллировать к царю. Царская власть сама по себе была государственным институтом, подвластным обычаям и традициям, — взгляд, основанный на информации, касающейся двора Александра Великого, а также происходящей из эллинистического периода. Если у нас немного свидетельств о том, что войсковое собрание действительно играло роль в определении политики, то это только потому, что оно сознательно воздерживалось от использования своих полномочий. Дальнейшее развитие концепции Гранира было осуществлено Брианом в 1973 г., который утверж-

Lock R. The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // *CPh.* 1977. Vol. 72. P. 91–107; кроме того, см. соответствующие разделы в трудах: *Errington R. M.* Geschichte Makedoniens. München, 1986. S. 196–212; *Hammond N. G. L., Griffith G. T.* A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 150–165, 383–404.

³ Можно задать вопрос: как сильно повлиял труд Моммзена «*Römisches Staatsrecht*» на работу Гранира? См.: *Errington R. M.* The Nature of the Macedonian State... P. 77.

дал, что наравне с войсковым существовало еще второе — народное собрание. Хэммонд⁴, отвергая точку зрения Бриана о существовании гражданского собрания, соглашался с тем, что «македоняне» были «македонянами-воинами» и что их собрание обладало правом избирать царя или регента, свободно высказываться, судить, определять вид наказания в важных случаях и осуществлять целый ряд других мелких дискреционных функций.

Эта теория «конституционалистов» привлекательна, несмотря на тот факт, что в поддержку своего рода политической эволюции, предположенной Граниром, античных свидетельств нет. Кроме того, та фрагментарная информация, которая использовалась для доказательства существования собрания во все периоды македонской истории, была почерпнута у поздних авторов, весьма отдаленных от места действия или рассказывающих о событиях эпохи эллинизма. Основным критиком теории «конституционалистов» стал Эррингтон⁵, получивший затем некоторую поддержку в данной связи от Лока и Энсона. Позиция критиков может быть суммирована таким образом: (1) Гранир и другие построили теоретическую модель, основанную на неприемлемом допущении, что права народа признавались македонскими царями, но не реализовывались на практике; (2) сведения, которые использовались в поддержку этой модели, относятся главным образом к эллинистическому периоду, однако тезис, что между Македонией раннего времени и эллинистического периода существовала преемственность в области институтов, не доказан; (3) свидетельства, относящиеся к правлению Александра Великого, которые говорят о случающихся время от времени собраниях армии в определенных судебных целях, описывают особую ситуацию — исключение из правил, а не само правило и, наконец (4), в поддержку этой теории нет информации, происходящей от надежных писателей, современных эпохе (к примеру, Аристотеля). Источники, появившиеся столетиями позже, в основном умалчивают о раннемакедонских институтах и анахроничны в описании институциональных элементов и процедур.

В свою очередь, можно было бы добавить, что наличие «аристократии» в Македонии — если под этим термином понимать класс, чей статус определяется землей и кровью, — фактически

⁴ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 160–162.

⁵ См. особенно: Errington R. M. 1) The Nature of the Macedonian State...; 2) The Historiographical Origins... В критике концепции Гранира Эррингтона в известной мере опередил де Франчини (см. выше). Однако взгляды последнего оставались в основном неизвестными, пока их не реанимировал и не развил Эррингтон.

не засвидетельствовано для раннего периода. Всякая модель, которая постулирует конфликт между царской властью и знатью, насколько бы она ни была правомерна для других древних обществ или Европы позднего средневековья и раннего Нового времени, имеет отдаленное отношение к македонянам. Кроме того, античные источники, происходящие извне, представляют события в Македонии исключительно в связи с царской властью, и в этом смысле описание действий македонян как осуществления монаршей воли ближе к сообщениям об азиатских государствах, чем к рассказам об обществах (к примеру, о греческих городах-государствах), где важное значение имели сложные институциональные структуры. То, что античные писатели делают акцент на персональном характере македонской монархии, практически не описывая другие институты, должно значить больше, нежели просто игнорирование ими этих последних; следует думать, что данный факт предполагает передачу ими в известной степени правды.

Кажется, что современные критики к настоящему моменту нанесли существенный удар по позиции «конституционалистов», которой суждено оставаться тем, чем она всегда и была, — теоретической конструкцией, не подтвержденной античными свидетельствами. Можно было бы доказывать, что развивать теоретическую модель, экстраполируя информацию из относительно хорошо обеспеченного документами периода на эпоху, которой недостает источников, методологически вполне корректно; иначе говоря, если бы была возможность показать, что в эллинистический период существовала конституционная система, схожая с системой эпохи Филиппа и Александра, то в таком случае было бы резонно подозревать, что ее происхождение восходит к более раннему периоду македонской истории, для которого нет свидетельств. Но исследователи показали, что данные институты не существовали в правление династии Антигонидов в эллинистической Македонии. Вместе с тем, если полагать, что они существовали ранее, тогда возникает вопрос: что заставило их исчезнуть? Единственный ответ в данном случае может быть связан с правлениями Филиппа и Александра; самовластие последнего было легендарным и оно, по-видимому, задушило все конституционные структуры, какие бы ни имелись. Однако это тот самый монарх, от правления которого, как указывается, и происходит большая часть нашей информации о правах македонян. Таким образом, получается невероятный вывод, что конституционные механизмы македонской монархии были разрушены абсолютизмом того самого царя, чье правление и даст свидетельства их существования. Более правдо-

подобная альтернатива состоит в том, что взаимодействие между Александром, его полководцами и собираемыми на собрание воинами было уникально, являясь результатом экстраординарных обстоятельств. Мы вернемся к этому вопросу чуть позже.

Нарисовать минималистскую картину македонских институтов, отвергнув концепцию «конституционалистов» и в то же время не предоставив ничего взамен, — позиция, которую нельзя признать полностью удовлетворительной. Все, что можно предложить при отсутствии свидетельств, — теоретическую модель. Однако какую? «Гомеровская» модель привлекательна, но она также полна источниковых и методологических проблем, которые являются частью продолжающихся споров вокруг периода «темных веков» в Греции. Кроме того, у нас нет информации о социальной и экономической базе македонских монархов для сравнения с тем, что нам известно об опоре власти гомеровских вождей и их отношениях с другими членами общества. К тому же очевидно, что македонский царь был более автократичен. Отсутствует и современная той эпохе греческая модель; это явно не конституционно ограниченная царская власть у спартанцев и, возможно, у молоссов. На ум приходят иллирийская и фракийская модели, но они, кажется, были слишком племенными, да и являются еще недостаточно изученными. Македония V–IV вв. до н. э. могла испытывать влияние персов, однако нельзя предложить в данной связи никакого серьезного анализа, пока у нас не будет более четкого представления о македонско-персидских отношениях в IV в. до н. э., до Филиппа и Александра⁶. Итак, мы остаемся без теоретической модели, которую пытался создать Гранир в качестве помощи для понимания развития македонских институтов, и отсутствие свидетельств вынуждает нас описывать то, как у македонян вершились дела, в импрессионистской манере.

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

То, что монархическая власть в Македонии оставалась в руках одной-единственной династии с ранней архаики и до смерти Александра IV (сына великого царя-завоевателя) ок. 310 г. до н. э., а затем так же в руках другой династии на протяжении большей части эпохи эллинизма, примечательно и озадачивает. Хэммонд⁷ считал, что греческое

⁶ Вместе с тем см. ниже.

⁷ *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 152.*

происхождение Аргеадов (у Хэммонда — Теменидов) выделило их в достаточной мере, чтобы поднять над распрями, которыми, возможно, были охвачены другие знатные македонские фамилии. Иначе говоря, долгое правление Аргеадов обуславливалось отчасти их особым этническим происхождением: греки, правящие македонянами. Кроме того, продолжает Хэммонд, царская семья почиталась народом, и «единство» государства было результатом этого почитания. Однако мы видели, что традицию о греческом происхождении Аргеадов можно проследить, по всей видимости, не ранее пропаганды Александра I, и, стало быть, она не способна служить свидетельством непрерывности правления династии Аргеадов в древнейший период. К тому же теория об их греческом происхождении не в состоянии объяснить стабильность македонской династии Антигонидов в эллинистическую эпоху. Что же касается распрей среди македонских семей, то они не наблюдаются до времени Филиппа II, и даже тогда большинство свидетельств указывает на враждебность между домами Западной Македонии и Аргеадами. Если точка зрения Хэммонда верна, то в таком случае трудно объяснить долголетие Капетингов и Бурбонов во Франции или монархий в Англии и в Центральной и Восточной Европе, где династии правили веками даже при том, что были этнически едины с остальными знатными (и остро соперничавшими) родами.

Причины долгого правления Аргеадов, вероятно, лежат за пределами нашего понимания, хотя я бы отметил, что сведения о сильной аристократии, которая могла бы угрожать престолу, отсутствуют. (И здесь я не провожу сравнения с современными королевскими династиями, ибо на эволюцию европейских монархий наших дней оказывали влияние условия землевладения, вассальная зависимость и римское, каноническое и обычное право, которым нет аналогов в античной Македонии.) Это явное отсутствие «нобилитета» само по себе делает развитие примитивного македонского общества совершенно отличным от того, как развивалось большинство греческих и многих итальянских общин в античности, и тем самым, вероятно, лишает нас ряда теоретических моделей, которые могли бы быть использованы для сравнения (см. ниже). Единственное серьезное испытание для македонского царского рода имело место сразу после смерти Александра Великого, когда против его слабых наследников из династии Аргеадов выступила группа опытных восначальников, у которых во время походов Александра появился вкус к жизни в рамках империи и которые впервые в истории Македонии имели в своем распоряжении достаточные военные силы, чтобы узурпиро-

вать власть. Но это была особая ситуация, и когда после борьбы между преемниками Александра «осела пыль», новая династия заняла македонский трон и правила до тех пор, пока Македония не была сокрушена Римом. Наконец, нет никакой информации о том, что именно македонский «народ» думал о своих царях (и обо всем другом), если не считать того уважения, которое солдаты обыкновенно питают к хорошим полководцам.

Монархия, похоже, была персональной, т. е. не македоняне, а царь олицетворял собой нацию. Он, кажется, обладал практически неограниченными полномочиями. Их краткая сводка такова:

(1) Царь контролировал природные ресурсы страны. Мы видели много свидетельств о праве короны на распределение урожая, продажу и экспорт леса, что давало царю источник дохода и одно из самых эффективных средств в его дипломатическом арсенале. С наступлением правления Филиппа II копи драгоценных металлов Восточной Македонии попали, в чем почти нет сомнений, также под царский контроль.

(2) В той мере, в какой царь участвовал в панэллинских событиях, — что было едва ли до времени Филиппа II, — он действовал как отдельное лицо, а не как представитель народа.

(3) Все дошедшие до нас свидетельства говорят о внешнеполитических союзах, заключенных непосредственно с царем, который в соответствующих договорах указывается отдельно. При этом неясно, заключался ли всякий союз — за исключением тех, в текстах которых упоминаются и царские наследники, — навечно. Другие важные персоны, которые называются в сохранившихся текстах договоров, являются членами царского рода.

(4) Царь осуществлял главное командование над армией, и, возможно, ни в одной другой сфере его власть не была столь абсолютной. Не исключено, что он также обладал правом объявлять войну и заключать мир.

(5) Царь, по-видимому, выступал в роли судьи. Привлечь или нет других к судебному процессу оставалось на усмотрение царя.

(6) Царь надзирал за осуществлением ритуалов и празднеств. Они включали в себя принесение жертв богам и прославление Гераклидов, предков царского рода⁸.

⁸Здесь прежде всего см. свидетельства (все относятся к эпохе Филиппа и Александра), собранные Хэммондом (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 155–156*).

(7) Царь определял внешнюю политику.

(8) Царь назначал своего преемника, хотя неопровержимых доказательств на данный счет нет⁹.

Короче говоря, ограничения власти царя были не институциональными, а ситуационными. Иными словами, способность царя действовать зависела от ряда факторов, включая силу самой его личности, баланс сил, существовавший между ним, другими Аргеадами, «баронами» и воинами, внешнеполитическую ситуацию, в которой находился царь, и довольно смутный набор обычаев и традиций. Царь мог делать ровно то, что втемяшивал себе в голову. Бремя доказательств того, что существовали институциональные ограничения его полномочий, лежит на защитниках «конституционализма», которым, однако, пока не удалось доказать свою правоту¹⁰.

В Македонии не правил закон джунглей, но она не была и городом-государством — подобно Афинам или раннему Риму, — в котором имела место эволюция конституционных форм для защиты власти и собственности землевладельческой элиты от сельских или городских средних и низших классов. Такие государства создавали свой конституционный порядок, когда одна группа приобретала достаточную социальную и экономическую сплоченность, чтобы бросить вызов другой. В получающейся в результате «конституции» оформлялся баланс сил между соперничающими группами с целью обеспечить каждой из них участие в политическом процессе, достаточное для сохранения взаимной заинтересованности в порядке. Отсюда формализация прав и полномочий мелких землевладельцев в Афинах по «конституциям» Драконта и Солона с постепенным движением в сторону вовлечения бедных (низших) классов в более справедливую систему правосудия и политических возможностей. В случае с Римом это процесс последовательного приобретения определенных гражданских

⁹ См.: Anson E. M. Macedonia's Alleged Constitutionalism. P. 303–316, где собраны данные по эллинистическому периоду, а также показано влияние, которым обладали крупные македонские «бароны»; ср.: Hatzopoulos M. B. Succession and Regency in Classical Macedonia // АМ. 1986. Т. IV. P. 279–292.

¹⁰ Точка зрения противников «конституционалистов», наиболее развернуто представленная Эррингтоном, имеет своих современных критиков. Несмотря на признание верными многих исправлений концепции Гранира и др., есть те, кто, считая взгляды Эррингтона слишком радикальными, предпочитают в данном случае умеренную позицию. См. обсуждение вопроса Муреном (Mooren L. The Nature of the Hellenistic Monarchy // Egypt and the Hellenistic World. Proceedings of the International Colloquium, Leuven, 24–26 May 1982. Louvain, 1983, особ. P. 210–232), суждения которого были поддержаны Адамсом (Adams W. L. Macedonian Kingship... P. 44–45).

прав некоторыми плебсами без жертвования аристократией своей политической власти, являвшейся ее традиционной прерогативой.

Но откуда появилась сплоченность в македонском обществе? Кто составлял «народ»? Кто являлся «аристократами», если под этим словом подразумевать землевладельцев, которые в интересах своей общности требовали власти по праву рождения? Где информация о борьбе среди подобных групп, результатом которой было «конституционное» урегулирование? Очевидно, что свидетельств для того, чтобы описывать отношения между царем и другими членами общества в терминах, которые используются при анализе исторического развития городов-государств, недостаточно. Лучшей моделью могли бы быть здесь феодальные протогосударства средневековой Европы¹¹ или даже некоторые европейские абсолютные монархии эпохи Людовика XIV. Однако и они неподходящи, чтобы служить аналогом для Македонского государства. Ему не будет соответствовать модель «благородной дикости», как и невозможно его описание в терминах греческих и итальянских городов-государств, с которыми Македония имела мало общего.

При конституционном строе реальная власть монарха покоится на балансе, установившемся между ним и конкурирующими фракциями: соперничающими аристократическими группировками, религиозным истеблишментом, собраниями, народным мнением, законом, обычаями и т. д. Осуществление на деле своей власти монархом (либо императором, канцлером, президентом, премьер-министром и др.) обычно зависит от его/ее способности взаимодействовать с другими силами общества. Степень, до которой может осуществляться его личная власть, выявляет, кто «сильный», а кто «слабый» даже при развитии конституционного строя. В Македонии эти силы, однако, представляются неопределенными. Здесь не существовало аристократических группировок, которые могли бы бросить вызов царской династии (на манер более поздней европейской модели), а имелись только соперничающие ветви рода Аргеадов и их случайные союзники — включая западных македонян, чьи связи с Аргеадами, по крайней мере

¹¹ В побуждающей к размышлению статье, подтверждающей это предположение, Сэмюэл приводит доказательства, согласно которым то, что связывало царя и македонян, было завоевание новых земель (*Samuel A. E. Philip and Alexander as Kings: Macedonian and Merovingian Parallels* // AHR. 1988. Vol. 93. P. 1270-1286). Царь был «вождем, более похожим на королей викингов, чем на оседлого восточного деспота» (Р. 1286), и народ следовал за ним по пути завоеваний в ожидании получения взаимных выгод. Недавно обнаруженные в Македонии надписи говорят о земельных пожалованиях царя своим ветеранам (см. выше).

на протяжении правления Филиппа II, оставались в лучшем случае слабыми, — которые были вполне готовы использовать убийство в качестве средства проявления своей оппозиции. Другие факторы, которые определяли силу царя, находились вне рамок конституционализма: его собственная личность, физическое окружение (на родине и за рубежом), внешние вызовы, а также богатства, получаемые от шахт и леса. Нет даже никакой информации о том, что царя экономически поддерживали «бароны». Наш вывод, таким образом, должен согласовываться с мнением тех, кто отстаивает в высокой степени персональную природу македонской монархии, где способность царя действовать основана на неконституционных факторах.

Мудрый монарх осознавал пределы, в которых его власть способна простирается, и он сдерживал себя, чтобы избежать злоупотреблений, которые могли бы привести к его гибели. Но то, что выглядит здравым в теории, часто не работает на практике. Несмотря на видимую стабильность правления одной династии, почти половина царей Аргеадов V–IV вв. до н. э. пала от рук убийц: Архелай был убит любовником, Аминта II — Дердой, Павсаний (вероятно) — Аминтой III, Александр II — Птолемеем, Птолемей — Пердиккой III, Филипп II — Павсанием, Филипп III — Олимпиадой, а Александр IV — Кассандром. К тому же, помимо этого, случались заговоры, по крайней мере против Аминты III и Александра III, и целый ряд потенциальных соперников был уничтожен в борьбе за наследование трона Архелая, Филиппа II и Александра Великого. Действительно, вопрос о престолонаследии оставался одним из самых неотрегулированных в монархии Аргеадов, где право первородства играло лишь второстепенную роль¹². Если бы мы ничего не знали о македонской истории кроме богатой насильем истории ее царской власти, то могли бы посчитать, что здесь господствовал закон джунглей. Однако для тех, кто хочет охарактеризовать монархию, конституционализм едва ли применим к истории престолонаследия. Македонские цари, и даже успешные среди них, подобно Архелая, должны были проявлять осторожность

¹² В своей недавней статье Хадзопулос доказывает, что при передаче престола приоритет отдавался старшему сыну, рожденному (или зачатому) после восшествия царя на трон (*Hadzopoulos M. B. Succession and Regency... P. 279–292*). Несмотря на то что Хадзопулос ставит некоторые полезные вопросы о наследовании и регентстве, я не убежден, что сами македоняне отдавали себе отчет обо всех трудно уловимых тонкостях, на которые обращает внимание ученый. Недавний ответ Хадзопулосу в этой связи см.: *Greenwalt W. S. Polygamy and Succession in Argead Macedonia // Arethusa. 1989. Vol. 22. P. 19–43*.

не только по отношению к внешним угрозам, но и к внутренним врагам. Не удивительно, что грекам классического периода — в городах-государствах которых установилась относительная внутренняя стабильность — македоняне казались варварами.

СОВЕТ И НАРОД

Хэммонд считал, что при македонском царе имелся совет, состоявший из его товарищей (ἑταῖροι) и друзей (φίλοι)¹³. Впрочем, свидетельств — как литературных, так и археологических, — позволяющих предположить существование официального совета, нет. На чем бы основывалось членство в подобном совете? На возрасте? Происхождении? Богатстве? Военном статусе? Нам не известно о наличии советников до царствования Александра Великого¹⁴. Для правления последнего имеется много данных о том, как обменивались советами и мнениями отдельные лица и группы. Очевидно, что «товарищи» были соратниками царя, отобранными, чтобы сопровождать его на войне. Они сзидили верхом, сражались и пили вместе, а также, несомненно, советовались друг с другом по военным и политическим вопросам. Ничто из этого, однако, не предполагает существование официального совета. Все приводимые Хэммондом свидетельства о «товарищах» царя, «друзьях» и полководцах указывают на солдатское братство, ставшее, возможно, более тесным из-за удаленности от дома. Различия, которые источники делают между «товарищами» и «друзьями», не должны нас смущать, ибо в употреблении этих терминов античными писателями довольно мало понимания и постоянства¹⁵.

То, что было обычным в лагере Александра и, вероятно, Филиппа, это — симпозиумы-пиры, на которых неформально встречались

¹³ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 158–160.

¹⁴ Хэммонд приводит пассаж из сочинения Геродота (VIII, 138, 1), чтобы доказать существование формального совета в начале V в. до н. э. (Ibid. P. 158). Но этот пассаж лишь в общих чертах говорит об истолковании поступка, данном царю. Геродот, который, как грек, знал о советах, не использовал здесь точную терминологию, чего можно было бы ожидать, если бы он описывал официальный орган. В свою очередь, Гриффит признает, что совещательный и консультативный процесс был неформальным (Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 397–398).

¹⁵ Стагакис доказывает, что гетерия предполагала взаимные отношения между ее членами, в которых участвовал и сам царь в качестве гетайра (Stagakis G. S. Observations on the Hetairoi of Alexander the Great // AM. 1970. T. I. P. 86–102, с приведением более ранней литературы). Ценное обсуждение вопроса об отношениях между царем и «товарищами»: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 395–404. См. также: Borza E. N. The Symposium at Alexander's Court // AM. 1983. T. III, особ. P. 53.

ближайшие царские соратники. Как «товарищей» Александра можно идентифицировать по именам от 65 до 70 человек. Но были и другие друзья, также участвовавшие в симпозиях¹⁶. Здесь они с аппетитом ели, сильно пили¹⁷, веселились, состязались друг с другом, а иногда и составляли заговоры. При отсутствии официального совета симпосий был средством, с помощью которого определялись люди внутреннего круга царя. Он являлся не менее важным, нежели совет, но не был институционализирован. Это был общественный форум, на котором македоняне соперничали, добываясь внимания царя, и фиксировали свой статус при дворе. На нем давались и иногда принимались советы. Правда, участникам следовало беспокоиться насчет того, что было ими сказано и как это понято в тумане алкогольного опьянения. Симпосий был ареной, где подчас разыгрывались смертельно опасные политические игры македонян.

Все споры о существовании симпосиев до правлений Филиппа и Александра умозрительны. Впрочем, было бы вполне резонным полагать, что македонский симпосий эволюционировал как традиционное солдатское мероприятие, модифицированное знакомством с греческим симпосисом. В результате раскопок в Пелле и в эллинистическом дворце в Вергине были открыты залы для питья и обедов, такие же, как в Олинфе и в Афинах (цв. ил. 25–26). При этом очевидно, что этот общественный аспект жизни своей родины македоняне перенесли в Азию¹⁸. Александр использовал симпосии как средство отдыха от тягот пути и вместе с тем как «политический полигон». Здесь противопоставлялись друг другу люди и идеи — как в случае с введением восточных ритуалов при македонском дворе, — что давало царю возможность прощупать настроения и определить потенциальных сторонников и противников по тому или иному поводу. В этом смысле симпосий исполнял многие функции формального совета, но без ограничений конституционными рамками. Таким об-

¹⁶ Берве фиксирует имена 64 гетайров (*Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I. München, 1926. S. 31*), Гамильтон добавляет к ним еще несколько (*Hamilton J. R. Plutarch. Alexander: A Commentary. Oxford, 1969. P. 37*). Были, без сомнения, и другие, до сих пор нам неизвестные.

¹⁷ Об употреблении македонянами спиртных напитков см.: *Borza E. N. The Symposium... P. 47–50*.

¹⁸ *Ibid.* P. 46. Диодор (XVII, 16, 4) и Афиней (XII, 538 с — 539 d) рассказывают о «шатре с сотней лож», который служил местом празднования для Александра в Дионе накануне похода на Восток и использовался по меньшей мере еще дважды в Азии. Симпозиумы проводились также и в иной обстановке.

разом, это было полезно для обеих сторон, однако царю при всем том не требовалось стремиться к какому-либо консенсусу с другими.

Совещания по разным вопросам происходили и в иных ситуациях. Правда, как обычно, большая часть наших сведений в данной связи относится ко времени правления Александра. Царь обсуждал военные и политические дела со своими высшими полководцами и советниками непосредственно (к примеру, см.: *Plut. Alex.*, 11, 2): именно так Александр общался с Парменионом, Эвменом, Каллисфеном и др. Кроме того, в момент смертельной болезни царя собралась небольшая группа, чтобы выслушать его последнюю волю о престолонаследии¹⁹. Когда Александра спросили, кому он передает свою власть, умирающий ответил: «сильнейшему» (или «способнейшему»). Было ли это расхожим ответом, зависит от точки зрения каждого. Наши источники в данном рассказе используют термины, значение которых неопределенно: βασιλεία (Диодор и Арриан), *regnum* (Курций) и *imperium* (Юстин), т. е. «царство», «власть» или «область, управляемая царем». Предполагает ли это, что империя должна перейти к сильнейшему, а Македонское царство (отдельное понятие) остаться за Аргеадами, из которых имелись два возможных кандидата — совершенно неспособный править сводный брат Александра Арридей и еще не родившийся ребенок царя от его жены Роксаны? Трудно понять, означает ли использование слова «царство» (βασιλεία) то, что азиатские земли, приобретенные в результате завоевания, теперь считались присоединенными к старому Македонскому царству, либо, как было предположено выше, сохранялось различие между империей и этим царством. И не сталкиваемся ли мы здесь с попыткой сделать данное различие, которое слабо проглядывается в наших источниках, либо игнорировавших, либо не знавших о каком-то подобном значении, заключенном в предсмертных вопросе и ответе, и в любом случае имевших преимущество писать, оглядываясь на прошлое? Проблема эта требует решения.

Перстень царя был отдан Пердикке, который не был Аргеадом. Однако, насколько можно судить, это не означало передачи ему власти, если только не поверить в то невероятное, что Александр имел намерение отстранить Аргеадов от трона. Решение обеспечить наследование престола за Арридеем и подождать рождения Роксаны ребенка от Александра (как оказалось, сына, который в конечном итоге стал соправителем под именем Александра IV) было принято высшими полководцами, которые учили колебания армии, сбитой с толку

¹⁹ *Diod.*, XVII, 117, 4; XVIII, 1, 4; *Arr. Anab.*, VII, 26, 3; *Curt.*, X, 5, 5; *Just.*, XII, 15, 8.

происходящим. Это единственное имеющееся у нас свидетельство о группе македонян, решающих вопрос о престолонаследии. Если для избрания царя собиралось «войсковое собрание» (как считают некоторые ученые), почему тогда оно не собралось в июне 323 г. до н. э.? И почему (если доверять рассказу о последних словах царя) небольшая группа полководцев спрашивала умирающего Александра о выборе им наследника? Кто бы претворил в жизнь такое решение? Во время случившегося тогда всеобщего брожения Пердикка получил перстень (что бы этот факт ни значил), Птолемей предложил правление узкого круга военных, а воины в массе решительно потребовали возведения на престол Арридея²⁰. Это была экстраординарная ситуация, и хотя не каждая деталь дошедших до нас сведений может быть принята как исторически точная, общий смысл того, что произошло, неоспорим. В данном случае все можно свести к следующему. Из всей истории Аргеадов сохранилось детальное описание лишь этой сцены передачи престола, отмеченной хаосом, честолюбием, страхом и политическими маневрами. Если и существовала конституционная процедура избрания царя, то она не наблюдается в данный момент²¹. Это были чрезвычайные обстоятельства, осложненные как безответственностью последних слов Александра (если они были теми, о которых сообщается), так и тем фактом, что армия оказалась без предводителя вдали от дома. Подобная ситуация была уникальной в истории Аргеадов из-за особого характера деятельности и личности Александра и из-за его смерти на чужбине. Похоже, никакой конституционной процедуры для избрания преемника Александра не было осуществлено; обстоятельства этой передачи престола не могут считаться моделью для чего-либо еще. Полководцы, несмотря на разницу их амбиций, были более едины и находились в лучшем положении для влияния на события, чем армия. Принимая во внимание настроения воинов, от сотрудничества с которыми зависели их собственные планы, полководцы представили армии свое компромиссное решение как *fait accompli* вместе с версией последней воли и завещания Александра²².

²⁰ Самое подробное изложение данных событий принадлежит Курцию (X, 5–10). Анализ см.: Martin T. R. Quintus Curtius' Presentation of Philip Arrhidaeus and Josephus' Accounts of the Accession of Claudius // AJAH. 1983. Vol. 8. P. 161–190. Полезное обсуждение вопроса о престолонаследии у Аргеадов см.: Greenwalt W. S. Studies in the Development of Royal Authority in Argead Macedonia. Diss., University of Virginia, 1985. P. 73–118.

²¹ См. Приложение В ниже.

²² Что бы Пердикка ни прочел войскам как последнюю волю Александра, это было сделано не для того, чтобы представить ее для вынесения ими свободного решения

Есть более или менее подробные описания передачи престола трем Аргеадам в IV в. до н. э.: Филиппу II, Александру Великому и Арридею. Насколько позволяют судить ограниченные свидетельства, процедура во всех трех случаях была разной. В избрании Филиппа могло участвовать собрание какого-то рода; по крайней мере царь обращался именно к собранию как части этого процесса²³. При этом вступление на трон Филиппа было вскоре оспорено Аргеєм, который двинулся на Эги, чтобы добиться поддержки местного населения. Но подобный демарш был тогда упрежден Филиппом²⁴. В связи с воцарением Александра не упоминается никакого собрания, пусть даже и изображается, что он искал расположения и получил поддержку благодаря своим продуманным заявлениям²⁵. Обстоятельства прихода к власти Арридея описаны выше.

Сведения об этих случаях вступления на трон в середине — конце IV в. до н. э. позволяют сделать следующие выводы. В избрании царя участвовали группы, в которые, вероятно (но не обязательно всякий раз), входили члены царской семьи, крупные «бароны» и военачальники, а также часть армии и гражданского населения. Свидетельства определенно предполагают, что избрание царя не происходило согласно установленной конституциональной процедуре, а носило случайный характер, завися от сложившейся на тот момент политической и военной обстановки. Царь, сколь бы ни автократичным он мог быть, тем не менее нуждался в поддержке важных персон и, видимо, также армии, с определенными подразделениями которой, возможно, советовались, если ситуация требовала военной поддержки, как это было в случаях с Филиппом II и Арридеєм. Шумное одобрение армии, которое могло быть обычной частью процесса, не является тем же самым, что и избрание армией. Подобное одобрение представляло собой публичное демонстративное выражение поддержки кандидата,

на данный счет, а чтобы осмотрительно добиться отвержения армией ряда непопулярных, дорогих и тщеславных проектов. В конце концов у полководцев были лучшие условия, чтобы это сделать. См.: *Badian E. A King's Notebooks // HSCP. 1968. Vol. 72. P. 183–204.*

²³ Diod., XVI, 3, 1. Я согласен с Гриффитом в том, что Филипп был избран царем сразу, а не являлся регентом при Аминте IV (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 208–210, 702–704*). См. также выше.

²⁴ Diod., XVI, 3, 5; *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 211–212.*

²⁵ Diod., XVII, 2, 2. Юстин (XI, 1, 8) использует слово *contio*; то же самое слово употребляет и Курций (X, 7, 13), чтобы описать толпу, собравшуюся во время избрания Арридея. Но оно не должно считаться обозначением официального собрания, избирающего царя (так же см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 391*).

чье фактическое избрание было уже определено политическими соглашениями и компромиссами, достигнутыми на более высоком уровне. Сведений, демонстрирующих, что на какую-то группу лиц было возложено верховное право избрания царя, нет. Переход престола, кажется, был скорее результатом серии политических и военных решений, принятых теми, кто был способен это делать, и манера, в которой они вели себя, зависела от сложившихся на тот момент обстоятельств.

Будучи избран, царь поддерживал с армией отношения, которые были чем-то большим, нежели просто отношения между полководцем и его войсками. Прозорливый генерал, как заметил фельдмаршал Монтгомери, общается со своими солдатами, держит их в курсе происходящего, обращается к ним накануне битвы и хвалит за победу. При этом Монтгомери отнюдь не имел в виду, что командующий должен советоваться со своими войсками по военным и политическим делам: долг солдата — исполнять приказы и хорошо сражаться. Македонский царь как полководец поддерживал контакт с воинами, чтобы повысить дееспособность армии. Но как царь македонян, входящих в состав многонациональных сил, Александр особые отношения поддерживал с македонским ядром войска, представители которого, возможно, искали в нем поддержку в чужеродном окружении.

Одним из аспектов этих отношений было право македонянина обращаться к своему царю. Почти нет сомнений в том, что по крайней мере в IV—III вв. до н. э. некоторые македоняне считали, что они вправе подать петицию царю для удовлетворения своих жалоб²⁶. Но у нас недостаточно свидетельств для того, чтобы доказать, что царь был обязан выносить свой вердикт в согласии с официальным сводом законов, или что он был ограничен в своих решениях общественными институтами, такими как собрание либо совет. Он выслушивал петиции в манере Соломона, римского императора или современного шейха. Большие усилия были потрачены на интерпретацию пассажа у Арриана (*Anab.*, IV, 11, 6), где описывается спор между двумя придворными Александра — Каллисфеном и Анаксархом по вопросу введения проскинесиса в церемониал македонского двора²⁷. В науке внимание в основном фокусируется на том, поднял ли Кал-

²⁶ Свидетельства собраны Адамсом (*Adams W. L. Macedonian Kingship...*).

²⁷ О конфликте Каллисфена и Анаксарха см.: *Borza E. N. Anaxarchus and Callisthenes: Academic Intrigue at Alexander's Court // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 73–86.*

лисфен, по сути дела, конституционный вопрос: следовало ли Александру заставлять македонян, привыкших к своей собственной манере приближаться к царю, перенять этот восточный церемониальный поклон? В ученых спорах был не замечен конец истории: Александр пытался ввести обычай, считавшийся македонянами чуждым, и когда против этого поднялось значительное недовольство, он оставил данную попытку. Такой способ обращения к царю с восточным раболепием не был поставлен на рассмотрение какого-то совещательного органа, наделенного правом принять или отвергнуть подобную практику. Скорее, это был вопрос, предложенный царем или кем-то из его окружения, который обсуждался на симпозиональных или других неформальных собраниях и был отвергнут, когда сопротивление ему оказалось сильным. Это была ситуация, где восторжествовал *mos maiorum* — не писанный, а передаваемый из уст в уста обычай, который и послужил ограничением свободы действий царя. Данный инцидент, вероятно, имеет большое значение для объяснения того, как в действительности осуществлялся совещательный процесс между царем и его подданными без необходимости в официальных конституциональных процедурах.

Несмотря на то что информации об избирательной и законодательной функциях собрания не хватает, есть основания верить в то, что оно обладало функцией судебной, по крайней мере в случаях преступлений, карасмых смертной казнью. Этот тезис основывается на одном небольшом пассаже у Курция (VI, 8, 23–25), который сохранил обрывки сведений об обычаях и внутренних процедурах македонян. На суд по обвинению в измене своего полководца Филоты, сына Пармениона, Александр созвал собрание как из воинов, так и из гражданских помощников и слуг, которых было много в обозе²⁸. По древним обычаям, расследование таких преступлений вел царь, а армия выносила вердикт — в мирное время это было прерогативой простого народа, — и власть царя не имела значения, если раньше не выявилось мнение масс²⁹. Исходя из сообщения Курция, получается,

²⁸ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 390.

²⁹ Curt., VI, 8, 25: *De capitalibus rebus vetusto Macedonum modo inquirebat rex, iudicabat exercitus — in pace erat vulgi — et nihil potestas regum valebat, nisi prius valuisset auctoritas.* Слова *rex* и *iudicabat* восстановлены современным издателем. Если их пропуск отражает то, что Курций в действительности писал, то тогда царь играл скромную роль в подобного рода судопроизводстве и зависел главным образом от своей *auctoritas* при влиянии на исход событий. Полезный анализ этого пассажа см.: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 389, n. 3.

что обычно (в «мирное время») преступления, наказываемые смертной казнью, рассматривало гражданское судебное собрание. При этом интересно отметить, что Александр обеспечил, чтобы те гражданские, кто участвовал в походе, были созваны на собрание вместе с армией. Таким образом, мы в состоянии заключить, что, согласно обычаю, «народ» — либо полевая армия, как в этом особом случае, либо гражданское население на родине — мог собираться для разбора подобных преступлений. Однако очевидно, что царь анонсировал условия судебного разбирательства, включая (в данном случае) то, кто мог на нем присутствовать. И, по-видимому, он также был способен, если не хотел, не созывать суд либо организовать показательный политический процесс, как в случае с Каллисфеном и царскими пажами, обвиненными в заговоре против царя³⁰. Наши источники — и Арриан, и Курций — обвиняют Александра в нарушении надлежащей процедуры; и данное обстоятельство предполагает как то, что надлежащая процедура существовала, так и то, что он пренебрегал ею³¹.

К сожалению, мы сталкиваемся здесь со старой методологической проблемой: самая подробная информация о конституционных процедурах относится к эпохе Александра, чье царствование во многих отношениях было особенным. Иначе о правовых процедурах мы знаем мало. Впрочем, мы поступим правильно, если отнесем наше неведение на счет отсутствия свидетельств. Македония была большой страной, и македоняне привыкли решать свои внутренние вопросы и иметь дело с иностранцами³². Поскольку от царя ожидали действий в качестве судьи в некоторых случаях, определенный объем судебной власти должен был быть обязательно делегирован, хотя и неизвестно, то ли резидентным, то ли окружным судьям.

Трудно выяснить, было ли в Македонии что-то подобное «правительству», судя даже по относительно простым стандартам греческих городов-государств. Внешняя политика была исключительно прерогативой царя. Все договоры заключались с царем лично, и другие македоняне, упоминавшиеся в них в качестве подписантов, принад-

³⁰ Plut. Alex., 55, 2–5; Arr. Anab., IV, 14, 1–4; Curt., VIII, 6, 1–8, 23.

³¹ Напротив, считалось, что Филипп II был хорошим судьей; свидетельства и комментарий: Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 394.

³² К примеру, в ряде договоров с Афинами имелись положения о судебном разрешении споров, связанных с заключенными соглашениями; свидетельства см.: Borza E. N. Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks // PAPS. 1987. Vol. 131. P. 41.

лежали к царской семье³³. Исполнять особые задачи назначались доверенные лица, такие, как один македонский советник, отмеченный почестями у фиванцев ок. 365 г. до н. э.³⁴ Представители царя были задействованы на уровне дипломатических контактов (в разное время) с Афинами, городами Халкидики, Спартой, Фессалией и балканскими царствами. Кроме того, использование богатых лесных угодий Македонии в целях получения прибыли и дипломатии явно требовало штата наблюдателей, которые бы заведовали вырубкой леса, его отправкой на условиях торговых или дипломатических соглашений, а также обложением налогами и сбором доходов³⁵. Военные дела — набор, обучение, снабжение и размещение войск — были всецело под контролем царя как главнокомандующего. Имеются соблазнительные намеки на то, что в Македонии имелись государственные служащие, но совершенно невероятно, чтобы здесь существовало нечто, отдаленно похожее на систему министерств. Вопросы бюрократического характера, по-видимому, решались лицами, назначенными царем и непосредственно ответственными перед ним, и, кажется, так было как в самой стране, так и во время походов. Ни литературные, ни археологические свидетельства пока не поддерживают какой-то иной вывод в данной связи.

Ведущие раскопки в Пелле и Эгах могут со временем представить дальнейшую информацию о физическом местонахождении «правительства». Вместе с тем заманчиво предположить, что более богатые сведения даст эпиграфика. До некоторых пор македоняне, похоже, не были особо склонны отображать свои официальные процедуры и документы на камне (если не считать, конечно, религиозных и погребальных посвящений), а те немногие надписи, которыми мы располагаем, являются «царскими», т. е. они повествуют о делах, связанных с царями. Самые большие надежды на появление информации о деталях внутренней организации Македонии можно возлагать на эпоху Филиппа II, ибо организация им своего царства, похоже, требовала осуществления некоторых мер административного характера, особенно на македонских восточных и западных рубежах. Есть надежда на то, что монарх, который указывал свое имя на терракотовой кровельной черепице, выставленной теперь в Археологическом музее

³³ Так: IG, I³, 89; Tod, N 177; см. выше.

³⁴ См.: Borza E. N. *Timber and Politics...* P. 46, n. 59.

³⁵ Следует напомнить, что в 60-е гг. IV в. до н. э. Каллистрат усовершенствовал систему доходов Пердикки III; [Arist.] *Оец.*, II, 1350 а 22.

в Пеллсе, и на наконечниках стрел, которыми македоняне осыпали Олинф (цв. ил. 15), мог также оставить потомкам какие-то надписи, рассказывающие, как он управлял своим царством.

НЕКОТОРЫЕ НОВОВВЕДЕНИЯ ФИЛИППА И АЛЕКСАНДРА

До сих пор мы описывали монархию, в центре которой стояла фигура военного вождя или полководца, представителя одного правящего рода. Македонский царь, возможно, твердо держался некоторых освященных веками обычаев, которыми определялись его отношения с подданными. Однако эта монархия оставалась примитивной и в значительной степени персональной. Если теоретизировать по поводу эволюции такой царской власти, то можно было бы предположить — используя исторические модели других эпох, — что со временем власть вождя должна была в известной степени потерять свой авторитарный характер в пользу «конституционно» организованного общества, в котором отношения между царем и остальными стали бы более регулироваться обычаями и законами. Позволительно также думать, что эта примитивная царская власть могла развиваться во что-то более автократичное.

Кинаст выдвинул убедительный тезис о том, что в IV в. до н. э. при македонском дворе усилилось персидское влияние³⁶. При Филиппе происходило если не введение, то во всяком случае утверждение ряда установлений, связанных с монархией Ахеменидов. В их числе были образование корпуса царских пажей, принятие многоженства и титулов, учреждение должности царского секретаря и архива, появление личной охраны царя и усиление религиозной роли последнего. Пожалуй, самым важным среди подобных нововведений были предпринятые Филиппом шаги к обретению божественных почестей. Существует весьма достоверный рассказ о последних днях царя³⁷. Либо в августе, либо в октябре 336 г. до н. э. Филипп устроил грандиозный праздник в честь богов, на котором состоялась свадьба его дочери Клеопатры с Александром, царем молоссов³⁸. На этом празднике также намечались пиршества, состоя-

³⁶ Kienast D. Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achaimeniden. München, 1973, особ. S. 7–37.

³⁷ Далее по Диодору: XVI, 91, 4–92, 5.

³⁸ Август — общепринятая дата, но есть и привлекательная альтернатива — октябрь, — предложенная Хадзопулосом: Hatzopoulos M. B. The Oleveni Inscription and

зания и чествование царя греческими городами. Кроме того, он должен был в целом продемонстрировать щедрость Филиппа, чтобы произвести впечатление на греков и создать подходящий фон для человека, собиравшегося возглавить панэллинский «крестовый поход» в Азию. Во время роскошного шествия, состоявшегося на заре рокового для Филиппа дня, несли пышно украшенные статуи двенадцати богов, к которым была добавлена тринадцатая — также достойная быть статусей бога — самого царя³⁹. Это была великолепная сцена, которую внезапно прервал удар кинжала убийцы, лишившего Филиппа жизни.

Каково было значение статуи Филиппа, выполненной как для бога и помещенной в окружении двенадцати богов, является предметом спора. Фредриксмейер предложил развернутую аргументацию в пользу того, что Филипп задумывал добиться божественных почестей, включая и установление культа правителя для своей семьи⁴⁰. Это было частью его плана по утверждению абсолютной монархии. Имея именно такую власть, Филипп намеревался править своей европейской и азиатской империей. При этом обожествление царской власти дало бы идеологическое основание для подобного нововведения. В своей убедительной критике этой точки зрения Бэдиан показал, что не существует надежных свидетельств, указывающих на обожествление персоны македонского монарха при Филиппе, и их нет вплоть до того момента, когда в последние четыре года правления Александра впервые был учрежден его культ⁴¹.

То, что Филипп претендовал на нечто большее, чем устремления простого смертного, ясно, и это было отчасти продемонстрировано необычной религиозной процессией в Эгах. Получил ли он действительно божественные почести при своей жизни — а я думаю, что

the Dates of Philip II's Reign // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 37–42. Хадзопулос связывает празднования в Эгах с Олимпийскими праздниками, которые проходили каждый год в македонском месяце Дие (приблизительно — октябрь). Это подтверждается утверждением Арриана (Anab., I, 11, 1), что Олимпийские игры проводились в Эгах. Более традиционную точку зрения см. выше.

³⁹ Diod., XVI, 92, 5: συνθρονον ἑαυτὸν... τοῖς δώδεκα θεοῖς.

⁴⁰ Fredricksmeyer E. A. 1) Divine Honors for Philip II // TAPA. 1979. Vol. 109. P. 39–61; 2) On the Background of the Ruler Cult // Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 145–156; 3) On the Final Aims of Philip II // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 85–98.

⁴¹ Badian E. The Deification of Alexander the Great // Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. Thessaloniki, 1981, соб. P. 67–71.

это маловероятно, — не так важно, как то, что он двигался к новой концепции македонской монархии, которая должна была вывести его царскую власть за рамки того, что считалось традиционным в греко-македонском мире. Желал ли Филипп для себя какой-то особой формы почитания или подлинного обожествления, это всего лишь предмет спора наших дней⁴².

Таким образом, хотя и можно поставить под сомнение некоторые детали того, что было предложено Кинастом и Фредриксмейером, основная суть их точек зрения должна восприниматься серьезно. К примеру, где-то между битвой при Херонсе и своей смертью Филипп приказал построить на священной территории в Олимпии круглое здание, предназначенное для демонстрации статуй членов его семьи (Paus., V, 20, 9–10)⁴³. Данный памятник не относится ни к одному известному азиатскому или греческому архитектурному стилю, а к какому-то специфически «македонскому», в котором сочетаются элементы обоих, — обстоятельство, предполагающее работу македонского архитектора. Здание было завершено при Александре, который поручил афинскому скульптуру Леохару создать для него выполненные в хрисозлефантинной технике статуи — свою, т. е. Александра, в центре, а по бокам его родителей — Филиппа и Олимпиады, и родителей Филиппа — Аминты III и Эвридики. Отметим, что подобная техника обычно использовалась для культовых статуй, однако нет свидетельств того, что это здание предназначалось или использовалось как место религиозного поклонения. Применение здесь хрисозлефантинной техники (чья бы эта идея ни была) сразу наводит на мысль о гигантской статуе Зевса работы Фидия в храме этого бога, расположенном едва ли не в ста метрах рядом. Мы можем видеть в данном македонском памятнике в Олимпии материальное выражение новой концепции монархии, возвышающей и прославляющей Аргеадов в новых для греческого мира формах и сочетающей в себе европейские и азиатские влияния.

⁴² См.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 695.* Об истоках культа правителя в греческом мире, с предположением, что будь обстоятельства несколько отличными полвека ранее, божественные почести могли бы появиться у Аргеадов еще в 394 г. до н. э., см.: *Flower M. A. Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult // CQ. 1988. Vol. 38. P. 134.*

⁴³ О том, что сказано ниже, см.: *Miller S. G. The Philippeion and Hellenistic Macedonian Architecture // MDAL(A). 1973. Bd. 88. P. 189–218;* также см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 691–695,* где делается предположение, что это здание использовалось в светских целях.

В момент убийства Филипп находился в процессе трансформации македонской царской власти в монархию, обладающую некоторыми признаками азиатского абсолютизма. Внезапная гибель этого царя не дает нам понять конечную цель его устремлений, но очевидно, что примитивная царская власть Аргеадов прежних дней превращалась в нечто более сложное. Из этого, однако, отнюдь не следует, что традиционная идея царя как командующего и товарища по оружию была бы заменена новыми установлениями. Насколько нам известно из доступных источников по истории Филиппа и Александра, традиционная роль царя как воина и олицетворения македонской нации оставалась центральной для их власти. И в самом деле, можно было бы доказать, что подобные традиционные военные и «национальные» качества стали причиной их значительных успехов в дипломатии и военном деле, поскольку это позволило двум таким талантливым личностям вести последовательную политику, используя людские ресурсы Македонии. Идея македонской монархии, поднятой до приближения к божественному статусу, однако, не пережила Филиппа и Александра. Среди монархий эллинистического мира, которые имели своими родоначальниками полководцев Александра, Антигониды в Македонии вернулись к чему-то сходному с традиционной концепцией царской власти Аргеадов.

И Филипп, и Александр не преуспели в создании устойчивых политических конструкций за пределами самой Македонии. Каким бы разумным ни казалось соглашение Филиппа с греками, оно не предотвратило их восстаний после его смерти, во время правления Александра и после смерти последнего. В своей межконтинентальной

Александр Великий.
Римская копия греческого
оригинала работы Лисиппа
(30-е — 20-е гг. IV в. до н. э.),
Лувр

империи Александр так никогда и не продвинулся дальше роли завоевателя, и нет добротных сведений о том, что он когда-либо стремился к чему-то иному.

Интересно, чего бы удалось достичь в результате трансформации македонского двора при Филиппе, за исключением, возможно, повышения статуса собственно царской власти? Последнее было призвано обеспечить более эффективное управление многонациональной империей. Иными словами, Филипп и Александр пытались управлять «большим» Македонским государством, используя внешнюю сторону возвеличенной ими монархической власти. Другим компонентом, необходимым для успешного управления империей — вроде Персидской или Римской, — была опора на эффективно функционирующую бюрократию. Нам не известно о планах Филиппа на этот счет. Александр же внес совсем немного изменений в уже существовавшую в Азии административную систему. Но сама царская власть была модифицирована. И в этом смысле это была новая царская власть Аргеадов. Александр I и Архелай, пожалуй, удивились бы тому, какую форму придали ей их потомки.

Как представляется, свершения Филиппа и Александра были настолько же обусловлены личными качествами этих царей и обстоятельствами момента, насколько и являлись продуктом того, что они получили в наследство. Когда мир оправился от калейдоскопа событий, которыми были отмечены их правления, и македоняне уgomонились под властью новой династии в эллинистический период, страна в тени Олимпа все еще очень напоминала старую Македонию. Данный факт заставляет нас усомниться в переходном характере правлений этих царей и предположить, что если мы хотим отыскать какие-либо кардинальные долгосрочные последствия их свершений, то нам следует взглянуть за пределы Македонии.

Глава 11

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ФИЛИППА И АЛЕКСАНДРА

РАСКОПКИ В ВЕРГИНЕ: ПАМЯТНИКИ ЭГ

Сердцем Македонского царства была Эмафийская равнина. В античные времена эта область ограничивалась небольшим морским заливом и бесплодными болотами, которые примыкали к предгорьям, поднимающимся к высотам Пиерийских гор на юге, горой Вермион на западе и горой Пайкон на севере. С востока она выходила к долине Аксия и Термическому заливу. XX век изменил Эмафию. Болота были осушены, а русла рек Галиакмона и Лудия изменили греческие и американские инженеры, чтобы ликвидировать бушевавшую здесь прежде малярию и сделать почву плодородной. Сейчас это один из самых богатых сельскохозяйственных районов Европы, специализирующийся на выращивании хлопка, табака, зерна, фруктов и винограда.

Галиакмон появляется из впечатляющего по красоте ущелья в юго-западной части равнины и некоторое время течет вблизи ее южной оконечности, прокладывая путь вдоль покрытых лесом берегов. Вскоре земля начинает плавно повышаться, образуя предгорье Пиерии. На месте соединения равнины с его склонами расположена деревня Вергина¹. Своими разбросанными, невысокими, покрытыми штукатуркой домами она с виду ничем не примечательна, подобно множеству других македонских деревень, современная история которых восходит к расселению греческих беженцев во время обменов населением с турками в 20-е гг. XX в. За деревней земля поднимается

¹ В освещении вопросов, касающихся различных памятников в Вергине, я многим обязан дискуссиям, которые велись мной как непосредственно на этом месте, так и за его пределами с профессором Андроникосом и доктором Саацоглу-Палиадели, чью благодарность на протяжении нескольких последних лет я с благодарностью признаю и чьи публикации помогли мне при рассмотрении вергинских находок.

более круто, достигая покрытых лесом холмов, являющихся останцами Писерийских гор. В 60-е гг. XIX в. французский путешественник Озе открыл и описал огромный памятник, расположенный менее чем в миле выше от этой деревни, где-то на полпути к вершине холма. Это одно из крупнейших — $104,5 \times 88,5$ м — сооружений, известных в греко-македонском мире, и вполне возможно, что оно было дворцом царей Македонии эллинистической эпохи (цв. ил. 25–26)². Благодаря своему расположению на холме, возвышающемся над равниной, оно должно было быть хорошо видимым и представлять собой великолепное зрелище. Дата его строительства неясна. Относимое к периоду между концом IV и второй половиной III в. до н. э., это сооружение могло принадлежать как ко времени правления Кассандра (ок. 315–297 гг. до н. э.), так и ко времени царствования Антигона Гоната (276–239 гг. до н. э.). Расположение же царской резиденции V в. до н. э. неизвестно. Исследования фундамента более позднего дворца с целью получения информации о более раннем мало что дали, отчасти потому, что изучению подверглась недостаточная площадь, а отчасти потому, что неустойчивость склона и многочисленные античные насыпные вкрапления затрудняют стратиграфический анализ. Нам даже трудно понять, что следует искать, ибо мы не знаем, на каком уровне вели строительство ранние Аргеады и в каком виде.

От более позднего дворца остался только фундамент вместе с беспорядочными россыпями разрушенного антаблемента в дорическом стиле и кровельной черепицы, но планировка сооружения дворца ясна. Двухэтажное здание состояло из ряда церемониальных, обеденных и ритуальных помещений, окружающих и выходящих на большой открытый внутренний двор. В северной части находилось то, что, похоже, было огромной верандой с видом на равнину. Сегодня можно сесть посреди развалин, устроить пикник и насладиться молчаливой красотой данного места. Позади вздымаются кручи покрытых лесом Писерийских гор. На западе находятся дефиле и несколько холмов, которые отделяют Вергину от ущелья Галиакмона. На востоке — плавно поднимающееся вверх предгорье, где холмы встреча-

² Описание см.: *Heuzey L., Daumet H. Mission Archéologique de Macédoine*. Т. I–II. Paris, 1876. Подробно о «дворце» см.: *Andronikos M. Vergina: The Prehistoric Necropolis and the Hellenistic Palace*. Lund, 1964; с учетом последующих данных: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City*. Athens, 1984. P. 38–46 (приведен добротный современный план). Обсуждение архитектурных деталей см.: *Miller S. G. Hellenistic Macedonian Architecture: Its Style and Painted Decoration*. Diss., Bryn Mawr College, 1972. Миллер датирует этот дворец началом последней трети IV в. до н. э. (P. 98).

ются с равниной и где расположена деревня Палатиция — ближайшее из дюжины других поселений³. Под богатыми полями и садами лежит сокровищница македонских древностей, ожидающая лопаты исследователя. А впереди на два десятка миль простирается сама великая равнина. Если воздух чист (все более и более редкое явление), то вддали — как северная граница равнины — виднеется гора Пайкон, и иногда можно разглядеть еще дальше покрытые снежными шапками неприступные вершины гор на греко-югославской границе.

Кое-что изменилось с тех пор, как македонские цари выходили на веранду этого дворца. Вместо плодородных полей на равнине они смотрели на болота и, возможно, на воду небольшого морского залива, который в те дни довольно глубоко вдавался в материк. Но вид далеких гор был тем же, как, наверное, и симбиоз прилегающих поселений и полей. После того как Архелай ок. 400 г. до н. э. сделал Пеллу административным центром, данное место перестало быть «столичным». Впрочем, Эги оставались убежищем, местом царских церемоний, похорон и отдыха. Это огромное здание, должно быть, предназначалось для развлечений. Его помещения были спланированы для обедов и пиров, церемониальных торжеств, расслабления и атлетических состязаний. Это был своего рода царский курорт, поднявшийся над сыростью и неудобством болот и удаленный от грязи и жары Пеллы, место, с которого можно было обозреть большую часть царства. В конце дня отсюда открывается одна из лучших панорам в Македонии.

Сразу ниже дворца расположен театр, раскопанный в 1981 г.⁴ Андроникос отнес его к IV в. до н. э., но свидетельства в пользу этой датировки (керамика, стратиграфия, архитектурный стиль) не были представлены, и некоторые черты данного сооружения могут указывать как на более раннее, так и на более позднее время. Зрительный зал довольно невелик и даже примитивен по сравнению с греческими театрами IV в. до н. э. Каменные сиденья были только в первом ряду, и большинство публики, по-видимому, рассаживалось либо на склоне

³ Я отдаю предпочтение форме «Палатиция» перед менее принятой формой «Палатица» в согласии с соответствующим обозначением, присутствующим на большинстве греческих карт, и местным использованием. Андроникос, раскапывавший данное место, как-то уверял меня, что «Палатиция» (ср. р., мн. ч. — «маленькие дворцы») — это правильная форма, и именно ее он употребляет в своих отчетах о раскопках; к примеру, см.: *Andronikos M. 1) Vergina: The Royal Tombs...* P. 31 ff.; 2) *Some Reflections on the Macedonian Tombs* // BSA. 1987. Vol. 82. P. 9 ff.

⁴ Описание см.: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 46–49.

холма, либо на уже давно исчезнувшей открытой деревянной трибуне. Места, специально предназначенные для жрецов или царя, отсутствовали. Однако нет оснований соглашаться с предположением Андроникоса, что их отсутствие восполнял временный деревянный трон. Действительно, единственный ряд каменных сидений вполне мог вместить до ста человек, т. е. почти в точности число тех, кто составлял ближайший круг царя («друзей» и «товарищей») при Александре, и число «шатра ста лож», который этот монарх использовал как в Македонии, так и в Азии.

Что примечательно в данном театре, так это размеры орхестры — почти 28,5 м в диаметре, — намного превышающие самые большие из известных сооружений подобного рода⁵. Площадь орхестры значительно превосходила ту площадь, которая была нужна для драматических представлений, и наши сведения позволяют полагать, что в таких местах проводились разные ритуальные церемонии, т. е. театр использовался и в качестве амфитеатра. К примеру, на празднестве, на котором был убит Филипп II, отмечалась свадьба его дочери Клеопатры и Александра, царя молоссов. Свадебные торжества включали в себя драматические и музыкальные представления, а также большое религиозное шествие⁶. Мы можем допустить, что большие размеры этой орхестры предназначались для того, чтобы имелось необходимое пространство для пышных церемоний, парадов и ритуалов, соответствующих демонстрируемой таким образом царской — т. е. национальной — значимости. Поэтому театр в Эгах столь отличался от греческих театров классической и раннеэллинистической эпох по размерам зрительного зала и орхестры и по размещению сидений. Кажется, что он был спланирован для нужд именно македонян, однако наше понимание его как сооружения ограничивается отсутствием параллелей с другими театрами на периферии греческого мира и сложностями его датировки. Если этот театр относится к середине IV в. до н. э., то тогда у нас имеется подлинное место убийства Филиппа II.

В свою очередь, на склонах выше Вергины был обнаружен ряд других частей античных Эг, включая стены акрополя, которые тянутся по холму за большим дворцом. Будущие раскопки откроют дополнительные элементы этих укреплений, но очертания городских стен — вполне ожидаемо повторяющие естественный топографический ри-

⁵ Для сравнения: диаметр орхестры в Эпидавре ок. 19,5 м, что обычно для театров материковой Греции.

⁶ Diod., XVI, 91, 4–94, 4.

сунок — уже определены на южной, восточной и западной сторонах. Продолжаются поиски северной стены, в то время как при помощи замеров магнитометра и пробных траншей пытаются обнаружить что-либо связанное с городским планом, а также новые памятники, требующие систематических раскопок. Памятник Эвклеи, описанный нами ранее (см. выше), способен дать ключ к установлению местонахождения агоры, а маленькое здание, расположенное почти у западной стены, может являться остатками административного или торгового сооружения. Если это так, то оно станет первым обнаруженным строением, которое не было местом для отдыха и не имело религиозного назначения. Весь склон объявлен археологической зоной, и, похоже, нет сомнений в том, что постепенно, в течение нескольких последующих лет, миру откроются внешние очертания древнего города и таким образом появится важная информация о жизни в Эгах V–IV вв. до н. э.

ЦАРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Ниже деревни Вергины к востоку находятся обширные земли для пастбищ с множеством небольших погребальных курганов. Именно здесь в течение ряда лет трудился археолог Андроникос, терпеливо раскапывая погребальную утварь и человеческие останки, а также разрабатывая хронологию, связанную с обитателями здешних мест в период железного века⁷. В ходе этой деятельности внимание археолога привлек огромный курган (110 м в диаметре и 12 м в высоту) рядом с центром деревни. К 1976 г. условия оказались благоприятны для его раскопок, и при значительной поддержке Университета им. Аристотеля в Фессалониках и греческого правительства начались работы. Итогом было одно из самых важных археологических открытий в Греции за последние полвека. Раскопки в 1977 и 1978 гг. трех гробниц IV в. до н. э., две из которых оказались неразграбленными, принесли множество ценных погребальных предметов, богатство которых было сопоставимо с общественным интересом к их обнаружению. Обычное возбуждение, сопровождающее обнаружение такого количества золотых и серебряных предметов, было усилено тем, что первоначально одна из гробниц и человеческие останки в ней были идентифицированы как захоронение Филиппа II. Раскопки в Вергине

⁷ См.: *Ανδρόνικος Μ. Βεργίνα Ι. Το νεκροταφείον των τύμβων. Αθήνα, 1969*; суммировано: *Andronikos M. 1) Vergina: The Prehistoric Necropolis... P. 3–5; 2) Vergina: The Royal Tombs... P. 25–30.*

Надгробие из Большого кургана
в Вергине

подробно описаны и не требуют здесь подробного рассмотрения⁸. Мы остановимся на двух аспектах этих экстраординарных раскопок: полемике вокруг идентификации гробниц и том вкладе в наше понимание истории античной Македонии, который внесли подобные находки.

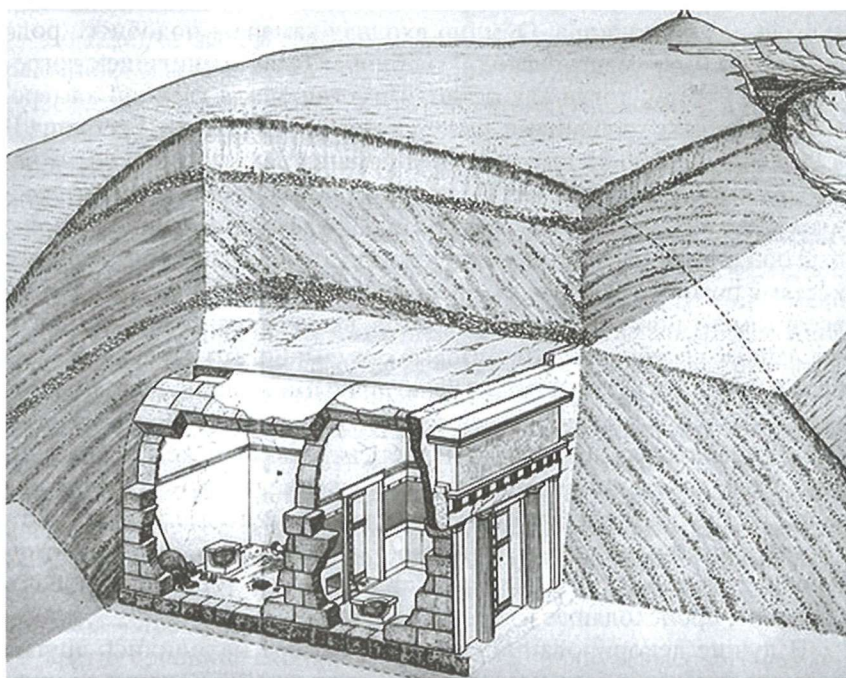
В большом кургане в Вергине были обнаружены четыре сооружения. Одним из них было небольшое здание, от которого уцелел только фундамент, идентифицированное как героон, или святилище, предназначенное для почитания умершего (Филиппа II? однако см. ниже). Рядом находилась простая ящичная гробница (Гробница I), покрытая каменными плитами и состоящая из единственного помещения 3,5 м в длину, 2,09 м в ширину и 3 м в высоту. Гробница была

разграблена, и из ее содержимого сохранилось лишь несколько разбросанных костей, которые, как установлено, принадлежали мужчине, бывшей чуть моложе его женщине и ребенку⁹. Три стены внутри были покрыты замечательными фресками, наиболее впечатляющей из которых была монументальная композиция, демонстрирующая знаменитую мифологическую сцену — похищение Персефоны (цв. ил. 3)¹⁰. Эта фреска является шедевром и вносит

⁸ Самые последние описания, сделанные Андроникосом: *Andronikos M.* 1) *Vergina: The Royal Tombs...* (с избранной библиографией); 2) *Βεργίνα: αρχαιολογία και ιστορία // Φίλια έπε εις Γ. Ε. Μυλωνάν. Τ. Ι. Αθήνα, 1986. Σ. 19–37.* Наиболее обширная библиография: *Borza E. N.* 1) *The Macedonian Royal Tombs at Vergina: Some Cautionary Notes // AN. 1981. Vol. 10. P. 84;* 2) *Those Vergina Tombs Again // AN. 1982. Vol. 11. P. 9.*

⁹ *Andronikos M.* *Vergina: The Royal Tombs...* P. 87.

¹⁰ Иллюстрация: *Andronikos M.* *Vergina: The Royal Tombs...* P. 86–95 (с обсуждением). Полезные комментарии в данной связи см.: *Von Blanckenhagen P. H.* *Painting in the Time of Alexander and Later // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 257.*

Гробница II под Большим курганом
в Вергине

значительный вклад в наши представления о живописи IV в. до н. э. Андроникос предположил, что, возможно, она принадлежала кисти знаменитого художника Нихомаха, который, как сообщает Плиний (N.H., XXXV, 109), создал картину на подобный сюжет. Если это так, то в данном случае мы сталкиваемся с продолжением традиции македонских царей заказывать работы выдающимся грекам, и можно задаться вопросом, что за человек, захороненный здесь, приказал осуществить такой важный проект?

Гробница II совершенно иная. Это камерная гробница — прямоугольное сооружение с цилиндрическим сводом, разделенное на входную и чуть большую по размеру главную камеры и украшенное фасадом, который должен был производить впечатление небольшого здания в дорическом стиле, — то, что стало известно как гробница в «македонском стиле» (цв. ил. 4). Один дверной проем вел со стороны фасада во входную камеру, а другой соединял два внутренних помещения. В обоих случаях двери были запечатаны до того, как гробницу

скрыли внутри кургана. Обычно входная камера в подобного рода сводчатых (или «македонских») гробницах была хранилищем погребальной утвари, тогда как останки находились в главной камере. По сравнению с гробницами, обнаруженными до сих пор, Гробница II в Вергине уникальна тем, что в ней останки находились в *обеих* камерах, — факт, который, как мы увидим, привел к некоторым интересным размышлениям историков. В грубо отделанной главной камере был обнаружен искусно выполненный золотой ларец с обгоревшими костями покойного (мужчины средних лет). Рядом находился богатый ассортимент погребальных предметов, включая паноплию и многочисленные серебряные и бронзовые сосуды. Богато украшенная мебель и набор того, что, похоже, было личными вещами, дополняются остальными предметами, помещенными в главной камере. Большинство погребальных предметов следует связывать с македонским воином: наступательное и защитное вооружение, а также сосуды для вина. Разнообразие и богатство этих вещей, которые предположительно являлись личной собственностью покойного, более напоминают погребения египтян и этрусков, чем какое-либо известное погребение, происходящее из греческого мира.

В лучше декорированной входной камере находились другие останки, помещенные в несколько более простой, но сходно сделанный золотой ларец. Обгоревшие кости идентифицированы как принадлежавшие молодой женщине. Пол усопшей подтверждается и отсутствием симпозиальных предметов и восковой параферналии, за исключением нескольких вещей, специально помещенных у запечатанных дверей, ведущих в главную камеру, и явно предназначенных для того, чтобы ассоциироваться с тамошним захоронением. Среди этих вещей — пара позолоченных бронзовых поножей, украшенная рельефным рисунком золотая обкладка горита (плоского колчана, в котором держали лук и стрелы) и большое количество наконечников стрел — все, что осталось от самих стрел и кожаного колчана. Примечательно, что входная камера, по сравнению с главной камерой, намного больше, чем в любой другой македонской гробнице, чьи размеры мне известны (цв. ил. 6–14, 16–18)¹¹.

¹¹ Площадь входной камеры — 14,65 м², главной — 19,89 м², что составляет пропорцию 1:1,28; иными словами, площадь входной камеры составляет $\frac{3}{4}$ от площади главной камеры. Сравнительную статистику площадей и пропорций расположенных поблизости двукамерных гробниц конца IV — начала III в. до н. э. см.: *Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia of Alexander the Great // Phoenix. 1987. Vol. 41. P. 121.*

Доминанта фасада гробницы — весьма красочный фриз, простирающийся фактически на всю ширину сооружения (5,56 м) и в высоту более чем на метр (цв. ил. 4–5). Сюжетом прекрасно выполненной композиции является сцена охоты, большая часть которой уцелела в общих чертах¹². Это сцена царской охоты с изображением трех конных и семи пеших фигур. Охотники и их собаки вовлечены в несколько этапов действий — выслеживание, столкновение и умерщвление диких зверей, среди которых — два оленя, вепрь, медведь и лев. Центральной является фигура всадника, занесшего копье надо львом. Композиция полна динамики, но она не могла быть задумана в качестве изображения действительной охоты¹³. Изображение далеко от реальности — четыре разных вида животных, на которых охотятся в одной сцене, — с разнообразием охотничьих действий, совершаемых на узком пространстве. Это декларация о талантах художника, который с успехом показал столь много событий на ограниченной площади. Вместе с тем если данный фриз остается блестящим свидетельством энергичности македонской придворной жизни, то идентификация какой-либо из этих фигур с реально существовавшей личностью — проблематична.

Третья гробница сходна со второй, она — двухкамерного «македонского» типа и также не разграблена¹⁴. Единственное захоронение в главной камере состоит из костей юноши, помещенных в серебряный сосуд. Великолепный набор серебряных сосудов и изображений

¹² Длительность захоронения привела к некоторым разрушениям изображения. К сожалению, фотографии не способны должным образом передать исключительное качество прорисовки и точность уцелевших деталей. Лучшие иллюстрации с анализом данного изображения см.: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 101–119; кроме того, см.: *Von Blanckenhagen P. H. Painting...* P. 257–258.

¹³ В отличие от Андроникоса, я не уверен в правильности предположения, что какая-либо фигура может здесь считаться портретом таких известных лиц, как Филипп и Александр. Тот, кто идентифицирует всадника, занесшего копье надо львом, с Филиппом II на основании черт лица (*Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* Pl. 71), усматривает слишком многое в плохом состоянии изображения в данной части фриза и чересчур полагается на точность известных «портретов» Филиппа. отождествление Александра со всадником по центру — тоже слишком смелый шаг, как и признание в качестве его портрета маленькой головки из слоновой кости, найденной в гробнице среди других погребальных вещей. Кроме того, зададимся вопросом: зачем портреты Александра, живого царя, украшали гробницу его отца? Здравый анализ изображения на фасаде гробницы см.: *Carroll-Spillecke M. Landscape Depictions in Greek Relief Sculpture: Development and Conventionalization.* Frankfurt am Main; Bern; New York, 1985. P. 151–155.

¹⁴ Гробница и ее содержимое обсуждены и хорошо проиллюстрированы в кн.: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 198–217.

из слоновой кости свидетельствует о богатстве и вкусе царской семьи. Действительно, почти нет сомнений в том, что это погребальный курган Аргеадов. Несмотря на то что ни в одной из трех гробниц нет надписи, удостоверяющей имя какого-либо покойного, они находятся в Эгах, хорошо известных как место погребения членов царской династии¹⁵. Кроме того, хотя многие предметы в гробницах Вергины представляют собой лишь более богатые и изящные варианты тех, которые находят в гробницах в других районах Македонии, определенные черты однозначно указывают на их принадлежность царской семье: диадема, необычная роскошь многих предметов, защитного и наступательного оружия, а также сцена царской охоты в качестве украшения одного из захоронений. Гробницы в Вергине отражают общую македонскую погребальную культуру, однако вместе с тем они демонстрируют некоторые аспекты, которые согласуются с принятым взглядом на статус царской семьи в обществе Македонии.

Идентификация царственных особ, захороненных в этих трех гробницах, — один из самых горячо обсуждаемых вопросов в современных анналах археологических штудий. Андроникос, многие его греческие коллеги, греческое правительство и несколько иностранных ученых считали, что Гробница II является местом погребения Филиппа II. Некоторые греческие и ряд иностранных археологов и историков были более скептичны. В случае принятия хронологии, предложенной Андроникосом, — что все эти гробницы относятся к последней трети IV в. до н. э., — только несколько представителей царской семьи подходят по своему рождению, статусу или браку для захоронения в Эгах в то время¹⁶. Если кости в Гробнице III действительно принадлежат юноше, то это сооружение должно быть последним пристанищем Александра IV, сына великого завосвателя и бактрийской принцессы Роксаны. Он был последним Аргеадом, и с его убийством Кассандром ок. 310 г. до н. э. наступил конец династии. Когда дым

¹⁵ Юстин (VII, 2, 2–5) сообщает нам, что Пердикка, первый македонский царь, призвал к себе своего преемника Аргея и приказал, чтобы его кости и останки всех последующих царей погребались в Эгах, сказав, что, пока его потомков будут погребать здесь, его род сохранит трон. Продолжая, Юстин указывает, что некоторые думают, что Аргеады потеряли царский венец потому, что Александр был захоронен в другом месте (в Александрии). Рассказ Юстина об утрате Аргеадами власти сочинен *post factum*, а присутствующие в нем детали о Пердикке и Аргее — миф. Однако это отнюдь не умаляет ценности главного пункта данной истории — того, что Эги были местом упокоения Аргеадов.

¹⁶ См.: Green P. The Royal Tombs of Vergina: A Historical Analysis // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 129–151 (со сводной таблицей: P. 140–141).

ученых споров вокруг Гробницы II рассеивается, остаются только две группы кандидатов для этого уникального парного погребения: Филипп II и его последняя жена Клеопатра и Филипп III Арридей и его жена Эвридика.

Вслед за убийством Филиппа II в Эгах в 336 г. до н. э. царем был провозглашен Александр. Вскоре он покинул Эги и занялся подавлением восстаний на границах. В его отсутствие Олимпиада, мать Александра и опальная жена Филиппа, возвратилась в Эги и умертвила вдову Филиппа Клеопатру и ее маленького ребенка. Когда вернулся Александр, он возмутился поступком Олимпиады. Вероятно, Александр похоронил молодую царицу в Эгах¹⁷. Почти два десятилетия спустя (317 г. до н. э.), во время жестокой македонской гражданской войны, были схвачены и умерщвлены по приказу Олимпиады Арридей и Эвридика. Однако к 316 г. до н. э. Кассандр убил Олимпиаду и захоронил царскую чету с официальными почестями в Эгах¹⁸.

Можно суммировать аргументы в пользу идентификации усопших Гробницы II с Филиппом II и Клеопатрой: Гробница II была построена в два отдельных этапа, причем главная камера имеет следы поспешности создания и грубой отделки. Это хорошо согласуется с известными историческими обстоятельствами: спешкой после убийства Филиппа II, когда Александр, вероятно, наблюдал за погребением своего отца и опечатыванием главной камеры, прежде чем броситься на подавление восстаний. Входная камера была оставлена для не столь торопливого завершения. Возвратившись и узнав об убийстве жены Филиппа и ее ребенка, Александр, видимо, изменил план погребения, чтобы разместить второе отдельное захоронение во входной камере, обычно используемой для церемониальных целей. Связь Клеопатры с могущественными македонскими «баронами», поддержка которых была нужна Александру, возможно, побудила его захоронить ее рядом с мужем, так, как подобает царице.

Первоначальное изучение костей обоих погребенных предполагает возраст, совпадающий с возрастом Филиппа и Клеопатры в момент их смерти — 46 или 47 и ок. 20 лет соответственно¹⁹. Другое

¹⁷ Данные об этих событиях см.: *Borza E. N. The Macedonian Royal Tombs at Vergina...* P. 76–77.

¹⁸ Свидетельства приведены в работе: *Adams W. L. The Royal Macedonian Tomb at Vergina: An Historical Interpretation* // *AW. 1980. Vol. 3. P. 67–72.*

¹⁹ Это совпадает, однако, и с возрастом Арридея (40 с небольшим) и Эвридики (20 с небольшим) в момент их смерти. Леман была первой, кто оспорил отождествление

независимое исследование останков из главной камеры обнаружило следы травмы и заживления глазной впадины и скулы мужского черепа, согласующиеся с потерей глаза, постигшей Филиппа во время осады Мефоны в 354 г. до н. э.²⁰

Доказательства захоронения Арридея и Эвридики в Гробнице II строятся на комплексном анализе нескольких видов источников. Начнем с того, что гробница содержит керамические предметы, которые были определены как афинские и надежно датированы на стилистическом и нумизматическом основаниях концом IV в. до н. э., по меньшей мере поколением позже гибели Филиппа II²¹. Наличие материалов конца IV в. делает фактически невозможным то, что гробница принадлежала Филиппу и Клеопатре, которые ушли из жизни в 336 г. до н. э. Вместе с тем, если предложенная датировка — ок. 315 г. до н. э. или позднее — керамических материалов верна, вероятность того, что это гробница Арридея и Эвридики, погребенных в 316 до н. э., повышастся. Кроме того, наличие входной камеры, почти равной по размеру главной камере, говорит скорее в пользу захоронения Эвридики как части запланированного двойного погребения, чем в пользу захоронения Клеопатры, помещение останков которой в том, что задумывалось как церемониальное помещение, было непредвиденным.

Далее существует целый ряд стилистических черт Гробницы II, которые способны быть лучше связаны с периодом после вторжения Александра в Азию²². Цилиндрический свод является архитектурной особенностью, которая могла быть привнесена в Македонию и Грецию только во время походов Александра или позднее. Охота на льва, которая составляет часть охотничьей сцены, изображенной на внешнем фризе, — тема, отсутствовавшая в греческом искусстве с конца периода восточного влияния в VII в. до н. э. вплоть до ее реанимации

Андроникосом Гробницы II с местом захоронения Филиппа II. Она предпочитала связывать ее с Арридеем и Эвридикой; см.: *Lehmann Ph. W. The So-Called Tomb of Philip II: A Different Interpretation // AJA. 1980. Vol. 84. P. 527–531.*

²⁰ Аргументируется в работе: *Musgrave J. H., Neave R. A. H., Prag A. J. N. W. The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedon // JHS. 1984. Vol. 104. P. 60–78.* Подробнее об останках см. ниже Приложение В.

²¹ *Rotroff S. I. 1) Royal Saltcellars from the Athenian Agora // AJA. 1982. Vol. 86. P. 283; 2) Spool Saltcellars in the Athenian Agora // Hesperia. 1984. Vol. 53. P. 343–354; Kroll J. H. Nailing Down the Archaeological Chronology of Early Hellenistic Athens // AJA. 1983. Vol. 87. P. 241–242; Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia... P. 107, n. 6.*

²² Детали для дальнейшего изложения см.: *Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia... P. 107–110.*

и внезапной популярности после походов Александра²³. Охота на льва изображалась как развлечение азиатских царей, охотились ли они на подобных зверей в действительности или нет. Между тем сцена охоты на льва на фризе Гробницы II является центральной деталью композиции. Кроме того, в роще деревьев, составляющих задний план сцены, изображена высокая колонна, что говорит об охоте в официальном парке (παράδεισος) на персидский манер. При этом некоторые импрессионистские черты картины напоминают великую эллинистическую мозаику из Археологического музея в Неаполе, показывающую битву Александра с Дарием. Эта мозаика, вероятно, копировала произведение, созданное Филоксеном из Эретрии, который, как сообщается (Plin. N.H., XXXV, 110), нарисовал для Кассандра картину с таким сюжетом²⁴. Да и защитное вооружение из главной камеры может предполагать конец IV в. до н. э. Реставрированный железный с золотом панцирь, который в ней найден, сходен с тем, что носит Александр на мозаике из Помпей²⁵. В свою очередь, железный шлем — уникальный в археологии Македонии, — обнаруженный в той же главной камере, согласуется с описанием Плутархом (Alex., 32, 5) шлема, который был на Александре в битве при Гавгамелах и похож по типу на тот, что изображен на царя на монете данной эпохи²⁶.

Таким образом, аргументы как археологического, так и стилистического плана предполагают, что Гробница II относится к периоду после азиатских походов Александра. Вместе с тем кажется возможным определить происхождение некоторых погребальных предметов в свете свидетельств о том, что часть личных вещей этого царя сохранялась во время войн его преемников.

²³ Robertson M. Early Greek Mosaic // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 246; Pollitt J. J. Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1986. P. 38, 40. Охота на льва — сюжет одной из больших мозаик в Пелле, датируемой концом IV — началом III в. до н. э.

²⁴ Подробности см.: Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia... P. 109–110, 117.

²⁵ Изображение панциря см.: Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs... P. 138–139. Обсуждение мозаичной копии картины Филоксена см.: Pollitt J. J. Art in the Hellenistic Age. P. 45–46; Maiuri B. T. Museo nazionale Napoli. Novara, 1971. P. 70–74; Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Hellenistic Art (330–50 B. C.) / Engl. Transl. by P. Green. New York, 1973. P. 114–118 (с иллюстрациями).

²⁶ Изображение шлема см.: Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs... P. 140–141, с обсуждением, где Андроникос признает сходство между шлемом из Гробницы II и шлемом, описанным Плутархом (P. 144). Подробнее: Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia... P. 112–114; также см. ниже дополнительные ссылки на работы, в которых уделяется внимание этой монете.

Согласно Курцию, в момент смуты, наступившей сразу после смерти Александра в Вавилоне в июне 323 г. до н. э. и проявившейся в расколе полководцев и армии царя по вопросу престолонаследия, Пердикка продемонстрировал царский трон, украшенный диадемой, одеянием и оружием Александра²⁷. Вскоре после этого Арридей был объявлен наследником и надел одеянием своего брата, то самое, которое было помещено на троне²⁸. О том, взял ли Арридей также диадему и оружие, как бы вероятным это ни казалось, в наших источниках не упоминается. Еще одно упоминание у Курция о личных вещах Александра встречается в описании приготовления тела последнего к погребению, где нам сообщается (довольно загадочно), что на его голову был возложен знак его сана (*fortunae eius insignia*)²⁹. Если доверять этим сведениям, то Арридей упрочил первоначальную слабость своего положения как наследника, взяв себе по меньшей мере царские одеяния, что, возможно, было его правом в качестве последнего Аргеада и сына Филиппа II.

У Диодора сохранился рассказ о происшествии, которое проливает дополнительный свет о месте кое-чего из париферии Александра³⁰. Эвмен из Кардии был представителем группы одаренных греков, попавших на службу при македонском дворе. Он служил Филиппу, был секретарем Александра и одним из нескольких греков, которые достигли значительного положения в окружении царя. После смерти Александра он проявил себя преданным династии Аргеадов. Будучи

²⁷ Curt., X, 6, 4: *in qua diadema vestisque Alexandri cum armis erant*. О ценности труда Курция как источника по данным событиям см.: Martin T. R. Quintus Curtius' Presentation of Philip Arrhidaeus and Josephus' Accounts of the Accession of Claudius // AJAH. 1983. Vol. 8. P. 161–190; Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia... P. 110.

²⁸ Curt., X, 7, 13: *... vestem fratris, eam ipsam quae in sella posita fuerat induitur*.

²⁹ Curt., X, 10, 12–13. Этот пассаж нужно использовать с осторожностью, ибо в нем также говорится, что оставленное без ухода тело царя пролежало на ложе семь дней без следов разложения в вавилонскую жару середины июня.

³⁰ Diod., XVIII, 60, 3–61, 3, основан на сообщении Гieronима из Кардии, который, вероятно, был очевидцем событий. Имеются менее подробные версии: Diod., XIX, 15, 3–4; Plut. Eum., 13, 3–4; Nep. Eum., 7, 2–3; Polyae., IV, 8, 2; отголосок: Curt., X, 6, 15 (предложение Птолемея, чтобы правила хунта полководцев); впрочем, кажется, что все сообщения, за исключением, возможно, сообщения Курция, восходят к одному источнику, который был использован Диодором. «Шатер Александра» привлекает значительное внимание ученых; обсуждение вопроса и библиографию см.: Mooren L. The Nature of the Hellenistic Monarchy // Egypt and the Hellenistic World. Proceedings of the International Colloquium, Leuven, 24–26 May 1982. Louvain, 1983. P. 238, n. 146; Errington R. M. Alexander in the Hellenistic World // Alexandre le Grand. Image et réalité. Vandoeuvres; Genève, 1976. P. 140–141; Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia... P. 111, n. 20.

этническим греком, он не мог претендовать на власть во время борьбы македонян друг с другом и предложил свои услуги уцелевшим членам царской семьи³¹. Стремясь сохранить династию Аргеадов у власти, Эвмен попытался выступить посредником между соперничающими македонскими полководцами. Он созывал совет, используя следующую стратегию: брал вещи из царской сокровищницы и помещал в красивом шатре трон, диадему (διάδημα), скипетр (σκῆπτρον) и вооружение (ὄπλα) Александра. Располагая подобными предметами, Эвмен присоединялся к горячим спорам остальных полководцев, происходившим как будто в присутствии самого Александра.

Таким образом, мы обладаем письменными свидетельствами того, что кое-что из параферналии Александра не сопровождало похоронный кортеж царя (уведенный Птолемеем в Египет) и что эти предметы были в руках преданного Аргеадам Эвмена. Более того, за исключением трона, образцы всех предметов, которые, по Диодору, использовал Эвмен, найдены в Гробнице II в Вергине: панцирь, сходный с тем, что показан на мозаике из Помпей, изображающей Александра в битве с Дарием, железный шлем, похожий на тот, что описан Плутархом как шлем Александра, и великолепная позолоченная серебряная диадема, пригодная к ношению не только непосредственно на голове, но и для украшения традиционного македонского головного убора, кавсии, как ее использовал Александр, согласно Афинею (XII, 537 c–f).

Также были опубликованы сообщения, включая ряд сообщений самого Андроникоса, о нахождении в Гробнице II двухметрового, покрытого золотом скипетра³². Однако упоминания о скипетре исчезли из современной литературы без объяснений, и дальнейшее описание этого предмета не может быть сделано. Вероятность того, что в Гробнице II был обнаружен скипетр, тем не менее может иметь некоторое значение для датировки и идентификации захоронений в ней. Трудно объяснить наличие скипетра, если это гробница Филиппа II, ибо подобный символ царской власти, надо полагать, должен был обыкновенно переходить от царя к царю, и кажется вероятным, что скипетр Филиппа II был унаследован Александром. Действительно, у нас есть подтверждение того, что у Александра был скипетр. Та самая монета — редкая серебряная декадрахма, названная

³¹ Этническая основа предубеждений против Эвмена очевидна; к примеру, см.: Plut. Eum., 3, 1; 8, 1; 18, 1; Diod., XVIII, 60, 1–3; 62, 7; XIX, 13, 1–2.

³² Библиографию и детали см.: Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia... P. 115–116, n. 38.

Декадрахма, отчеканенная в честь победы Александра
в битве при Гидаспе в 326 г. до н. э.

«медальоном Пора», — на которой Александр изображен в шлеме того же типа, что был найден в Гробнице II, показывает его держащим нечто наподобие жезла в левой руке. Исходя из роста самого царя на монете, жезл этот имеет длину около двух метров, что соответствует длине предмета из Гробницы II, который Андроникос одно время считал скипетром³³. Можно предположить, что, когда Кассандр захоронил Арридея, он захоронил не только старшего сына Филиппа II, но и параферналию Александра, включая скипетр Аргеадов. Это был знак того, что старый порядок завершился; через несколько лет сын и жена Александра будут убиты, и Аргеадов больше не останется³⁴.

Кроме того, в главной камере Гробницы II был открыт церемониальный щит, изящно украшенный слоновой костью, золотом, стеклом

³³ Общепризнанно, что «медальон Пора», отчеканенный для увековечивания победы Александра над индийским царем, был выпущен при македонском монархе и, таким образом, является его единственным прижизненным портретом, дошедшим до наших дней. По данному вопросу существует специальная литература. См.: *Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia...* n. 29, 39. Кроме того, изображение этой монеты см.: *Davis H., Kraay C. M. The Hellenistic Kingdoms: Portrait Coins and History.* London, 1973. N 10–12; *The Search for Alexander: An Exhibition.* New York, 1980. N 21.

³⁴ Дополнительные подробности и анализ декора Гробницы II, а также погребальных предметов, которые могли быть связаны с Александром, плюс некоторые рассуждения о том, как они туда попали, см.: *Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia...* P. 116–118.

и деревом. Концентрические полосы декора окружают центральную композицию, которая состоит из двух фигурок из слоновой кости — откинувшейся назад, женщины и стоящего над ней мужчины. Обнаруженный предмет был распадавшимся на тысячи фрагментов, но благодаря высочайшему умению реставраторов это изысканное произведение искусства теперь выставлено в Археологическом музее Фессалоник. Данный щит, который является величайшим творением античного искусства, уникален, и заслуживающие доверия античные источники напоминают нам о том, что у Александра был церемониальный щит, взятый им из храма Афины Илионской и хранимый Певкестом, одним из его высокопоставленных офицеров (цв. ил. 14)³⁵.

Таким образом, можно *предположить*, что великолепное оружие и символы царской власти из Гробницы II, способные по другим причинам датироваться временем после Филиппа II, принадлежали Александру Великому. Конечно, это еще не доказательство того, что данные предметы из Гробницы II были вещами Александра, но некоторые из них уникальны в археологическом плане и относятся к тому же типу вещей, которые, как свидетельствуют античные источники, имелись у этого македонского царя. Более того, небольшой героон, руины которого находятся на периметре кургана с царскими гробницами, мог бы, таким образом, быть интерпретирован как указание на героическую фигуру, связанную с этим местом, возможно, не Филиппа II (который, как мы видели, взял курс на свое обожествление), а того, чьи личные вещи были помещены в Гробницу II.

Имеется мало свидетельств, и при этом ни одного прямого, с помощью которых можно было бы идентифицировать Гробницу II с гробницей Арридея и Эвридики. Однако косвенно мы располагаем конкретной информацией о том, что они были похоронены в Эгах вместе. Между тем сама гробница и часть ее содержимого, похоже, относятся к эпохе Александра и времени немногим позднее. Метод исключения указывает на Арридея и Эвридику.

Где же тогда был похоронен Филипп II? Антропологический анализ останков, найденных в Гробнице I, не опубликован, а все остальное в ней было разграблено. Эта ящичная гробница стилистически

³⁵ Arr. Anab., VI, 9, 3; 10, 2; Curt., IX, 5, 14–18; Plut. Alex., 63, 4. Подробнейшее описание щита из Гробницы II см.: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 136–140, fig. 91–94. Кое-что из украшений на ручке щита предполагает азиатское происхождение (*Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia...* P. 115, n. 37).

сходна с Гробницей Б, обнаруженной в Дервени, к северу от Салоник, которая относится к 30-м гг. IV в. до н. э.³⁶ Таким образом, в царском некрополе Аргеадов есть гробница, датируемая временем Филиппа II и содержащая останки взрослого мужчины, более молодой женщины и ребенка. При этом на ум приходит соответствующий возраст Филиппа и Клеопатры, а также тот факт, что Олимпиада убила Клеопатру только после того, как заставила молодую царицу смотреть на смерть своего ребенка³⁷. К тому же прекрасную роспись данной гробницы, изображающую похищение Персефоны, следует признать достойной царственного заказчика.

Итак, можно предположить, что эти три гробницы должны рассматриваться в их естественном порядке: Гробница I принадлежит Филиппу II, царице Клеопатре и их ребенку; Гробница II — Филиппу III Арридею и царице Эвридике, а также содержит кое-что, относящееся к царской параферналии Александра Великого; Гробница III — Александру IV, последнему из Аргеадов.

Подобная гипотеза ограничена неясными и неполными свидетельствами. Одни вопросы могут быть решены после полной публикации окончательных отчетов о раскопках и с помощью новых археологических находок, которые каждый год приносят очередную впечатляющую информацию. Другие вопросы останутся без ответа из-за недостаточных документальных свидетельств о практике погребения македонских царей. В этих рамках всякая попытка объяснить, каковым является контекст появления тех или иных македонских погребальных предметов, останется, по крайней мере отчасти, гипотетичной. Мы располагаем полным набором материалов из Вергины: архитектура, живопись, человеческие останки, защитное и наступательное вооружение, ювелирные изделия, металлические и керамические сосуды и разные иные практические и церемониальные предметы. Эти материалы достаточно богаты и важны, чтобы нарисовать для нас возможную сцену исторической драмы, едва известной нам по литературным источникам. Мы испытываем танталовы муки от близости материальных остатков и документальных свидетельств и рискуем поддаться искушению связать этот экстраординарный ряд предметов с событиями из жизни (и смерти) некоторых наиболее значимых

³⁶ *Treasures of Ancient Macedonia* / ed. by K. Ninou. Athens, 1980. N 184; *The Search for Alexander: An Exhibition*. N 127. Наличие в Гробнице I нескольких керамических черепков середины IV в. (*Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 86) подтверждает идею отнесения ее к 30-м гг. IV в. до н. э.

³⁷ Paus., VIII, 7, 7; Just., IX, 7, 12–14.

личностей эпохи. Но, как это всегда происходит в сфере исследований, предполагающих новые открытия, нужно проявлять сдержанность в выдвижении любой интерпретации, которую невозможно прочно утвердить, если при этом отсутствуют неизменные свидетельства.

РАСКОПКИ ВНЕ ВЕРГИНЫ

Открытия в Вергине — лишь часть широкой картины археологического исследования Македонии. Под влиянием работ Андроникоса прежде спорадические раскопки в этом регионе были интенсифицированы и стали более систематическими. Археология Македонии теперь извлекает пользу как из большей финансовой поддержки, так и из значительного общественного интереса, примерами чего могут служить выставка ряда македонских предметов, совершившая турне по музеям Северной Америки, ввод в строй нового крыла в Археологическом музее Фессалоник, а также серия богато иллюстрированных изданий. Результатом стало настоящее извержение археологических материалов из македонской земли. Число найденных камерных гробниц выросло столь быстро, что, не располагая для их большинства публикациями, если не считать газетных сообщений, никто не знает точно, сколько таких гробниц уже обнаружено. Действительно, одним из самых заветных желаний историка Македонии является составление новейшего каталога гробниц и погребальных предметов, ибо в настоящее время качество анализа зависит от количества материала, доступного для изучения³⁸. К сожалению, негибкая бюрократия, трудности с публикацией и стремление некоторых археологов (в отличие от тех, кто работал в Вергине) сохранять полный личный контроль над объектами изысканий препятствуют тому, чтобы сведения о подобных открытиях распространялись рациональным образом. Таким образом, вряд ли многие из этих объектов найдут свое отражение в научной литературе в обозримом будущем или вообще когда-либо. Впрочем, заинтересованному лицу достаточно просто посетить археологические музеи Македонии — к примеру, в Салониках, Дионе, Пелле и Кавале, — чтобы исследовать многие из тех предметов, которые гордо в них выставлены. Кроме того, доступен и ряд хорошо

³⁸ Ценное и всестороннее описание македонских гробниц см.: *Gossel B. Makedonische Kammergräber*. Berlin, 1980. Впрочем, эта работа имеет некоторые недостатки из-за ошибочности и неполноты данных, приводимых археологами, раскапывавшими подобные гробницы; в любом случае ныне она устарела.

выполненных, богато иллюстрированных изданий, сообщающих о подобного рода находках³⁹.

Что же стало известно о македонянах благодаря недавним археологическим раскопкам? Начнем с того, что мы узнали об обыденной македонской жизни чуть больше, чем знали прежде. Гробницы были гробницами богатой элиты, включая и царскую семью. Огромное движимое богатство данных гробниц фактически ничего не говорит нам о лежащих в основе экономической системе и социальных отношениях македонян, за исключением очевидного: того, что у них под рукой находились значительные ценности, что погребальные предметы были, похоже, личными вещами, сопровождавшими усопшего в загробный мир, и что в регионе существовала весьма развитая традиция металлообработки, со всем тем, что тому сопутствует — рудными ресурсами и искусными ремесленниками. Что же касается могил македонских крестьян и пастухов, то они, как и могилы простых людей во многих других подобных культурах, дают нам мало чего по части вещей. При этом мы можем предположить, что грамотность была слишком низкой, чтобы пролить свет на жизнь простого населения в той степени, которая достигается, к примеру, надписями на некоторых греческих и многих римских погребальных памятниках. Даже гробницы богатых людей были лишены надписей вплоть до периода эллинизма. Таким образом, материалы из захоронений освещают лишь часть македонской жизни. Впрочем, в будущем должно появиться больше информации, а следовательно, и более тонкий анализ инфраструктуры македонского общества. Поэтому мы с нетерпением ждем продолжения публикаций надписей учеными из греческих археологических служб, университетов и Национального греческого исследовательского фонда⁴⁰.

³⁹ Особенно см.: *Treasures of Ancient Macedonia* (издание, выпущенное Археологическим музеем Фессалоники); *Philip of Macedon* / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos. Athens, 1980; *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982; *The Search for Alexander: An Exhibition* (каталог выставки македонских древностей, которая совершила турне по США и Канаде в 1980–1983 гг.).

⁴⁰ Демонстрация Саацоглу-Палиадели надгробных стел преимущественно IV в. до н. э. из кургана в Вергине (*Σαατζόγλου-Παλιαδέλη Χ. Τα ἐπιτάφια μνημεῖα ἀπὸ τῆς Μεγάλῃς Τοῦμτα τῆς Βεργίνας*. Θεσσαλονίκη, 1984. q. v.) является важным вкладом в наши представления о ряде македонских имен собственных. Однако я не могу разделить вывод Андроникоса (*Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 83–84) о том, что наличие звучащих по-гречески имен, написанных на греческом языке, является доказательством того, что македоняне были греческим племенем (см. выше).

Гробницы и их содержимое позволили оценить богатство, вкус и погребальные обычаи македонской знати и, конечно, царской династии. Как уже отмечалось, некоторые погребальные предметы из Вергины уникальны: диадема, церемониальный щит, необычное защитное и наступательное вооружение и другие предметы, определенные как царская параферналия. Однако большинство данных погребальных вещей сходно — хотя богаче или более тонко отделано — с теми, что были найдены в захоронениях в других районах Македонии. Серебряные и бронзовые сосуды, оссуарии для останков усопших, поножи, ювелирные изделия, декоративные диски и разнообразный мелкий инвентарь рисуют картину общей погребальной культуры по всей стране. Эта культура многим обязана греческому, особенно афинскому, влиянию. Тем не менее очевидно также и то, что формы некоторых сосудов — балканские, прежде всего фракийские, тогда как на другие наложили свой отпечаток образцы из Персидской империи, возможно, прямо, но, вероятно, через посредничество восточных гресков⁴¹. Клад фракийских сосудов, обнаруженный в 1986 г., предоставляет более широкую базу для анализа сходных черт между металлическими предметами из Македонии и такими же предметами из соседних областей Балкан⁴².

Действительно, эклектизм македонского вкуса впечатляет. Предметы, известные из иных мест, широко представлены в гробницах в Македонии. Тем не менее македонские ремесленники были вольны рабски не подражать деталям, формам или материалам иностранных моделей. Вопрос, до какой степени местные ремесленники были странствующими или оседлыми в мастерских Македонии, все еще остается открытым. Однако ясно, что они были мастерами металлообработки, особенно серебра и золота. Своим происхождением некоторые предметы из драгоценных металлов обязаны вещам, сделанным

⁴¹ Чужеземное влияние на македонские сосуды из металла анализируется в работе: *Barr-Sharrar B. Eastern Influences on the Toreutic Art of Macedonia before the Conquests of Alexander the Great* // AN. 1984. Vol. 13. P. 1–12. Обзор по поводу македонских чеканных изделий см.: *Barr-Sharrar B. Macedonian Metal Vases in Perspective: Some Observations on Context and Tradition* // *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 122–139 (мое собственное изложение в значительной степени обязано данной работе). Я также глубоко признателен Барр-Шаррар, хотя она может и не разделять всех моих взглядов, за многочисленные дискуссии и совместное исследование большого числа самих этих предметов.

⁴² Ср.: *Treasures of Ancient Macedonia*; *Fol A., Nikolov B., Hoddinott R. F. The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria*. London, 1986.

Фрагмент бронзового кратера из гробницы в Дервени
(вторая половина IV в. до н. э.), Салоники

из других материалов. Предшественники золотых погребальных ларцов из Гробницы II в Вергине были, вероятно, деревянными⁴³, а позолоченная серебряная диадема имитирует матерчатую повязку. Анализ данных вещей только начался, и специалистам предстоит установить более точную хронологию их стилистической эволюции в Македонии, а также в связи с внешними культурными влияниями.

Конечно, предметы в захоронениях свидетельствуют о погребальной практике и, вероятно, проливают свет на македонские религиоз-

⁴³ Adams J. P. The Larnakes of Tomb II at Vergina // AN. 1983. Vol. 12. P. 1–7. Наиболее близкая македонская параллель — большая серебряный оссуарий IV в. до н. э. из гробницы в Амфиполе, выставленный ныне в Археологическом музее Кавалы; изображение: Treasures of Ancient Macedonia. N 396 (pl. 55).

ные верования во всех слоях общества. Мы уже видели, что македоняне поклонялись многим из тех же богов, что и греки. Вместе с тем ясно и то, что проявления богопочитания были у них ощутимо отличными. Так, для периода Аргеадов до сих пор не обнаружено ничего похожего на греческий храм, т. е. большое общественное религиозное сооружение. Из этого, однако, вовсе не следует, что македоняне не прославляли своих богов публично, поскольку существует масса свидетельств эпохи Филиппа и Александра о македонских празднествах и ритуалах. При этом не исключено, что недавняя находка в Вергине памятника Эвклес (см. выше) может стать предвестником обнаружения в Македонии других подобных сооружений.

Погребальные обычаи, как свидетельствуют гробницы, также предполагают нечто совершенно отличное от обычаев подобного рода в Греции того времени. Македоняне, которые оставили нам данные о своей погребальной практике, явно считали необходимым захоронение вместе с усопшим разных предметов, связанных с его занятиями в жизни, в частности защитного и наступательного оружия, а также сосудов для вина. В погребальных камерах подчас помещалось церемониальное каменное ложе (κλίνη), часто украшенное рельефом или росписью с дионисийскими либо симпозиальными сценами. В Вергине ложе в Гробнице II было из дерева, давно разрушившееся, но сохранившее некоторые из своих накладных украшений, включая фигурки из слоновой кости⁴⁴. Фигурки из слоновой кости из Гробницы II не уникальны: человеческие головки и конечности были найдены в «гробнице с пальметтами» в Лесфадии; также сходные фигурки из гробницы в Дионе выставлены в местном археологическом музее⁴⁵. Иногда в погребальной камере помещали и мраморный трон, как в гробнице воина в Палатиции или как в случае с огромным, больше, чем в нормальную величину, трон в «гробнице Ромэоса» в Вергине⁴⁶.

⁴⁴ Подобные ложа можно увидеть в археологических музеях Салоник и Кавалы. Реконструкция разрушившегося ложа из Гробницы II в Вергине приведена в кн.: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 122. Изображения ложа-саркофага в крупнейшей гробнице в Палатиции см.: *Ibid.* P. 34.

⁴⁵ По поводу фигурок из Лесфадии см.: *Rhomiopoulou K. A New Monumental Chamber Tomb with Paintings of the Hellenistic Period near Lefkadia (West Macedonia) // AAA. 1973. T. 6. P. 87–92.* Относительно фигурок из Диона см. иллюстрации в путеводителе по городу со страницами без нумерации: *Pandermalis D. Dion: The Sacred City of the Macedonians at the Foothills of Mt. Olympus. Thessaloniki [s. a.];* кроме того: *Οι αρχαιολόγοι μιλούν για την Πιερία. Θεσσαλονίκη, 1985. Πίν. 1.*

⁴⁶ Палатиция: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 32–33, 36; «гробница Ромэоса»: *Miller S. G. Macedonian Tombs: Their Architecture and Architectural Decoration //*

Некоторые гробницы как ящичного, так и камерного типа, кажется, были богато обставлены, как если бы они были небольшими симпозиальными помещениями, со всеми подходящими атрибутами⁴⁷. Но что впечатляет больше всего, так это необычайное разнообразие сосудов для вина, в основном металлических. Эти кубки, чаши, кувшины, ковши и сита для процеживания рисуют впечатляющую картину искусства обработки серебра. Все известные виды питейных приборов представлены здесь в изобилии, кроме кратера, сосуда, предназначенного для смешивания вина с водой. В отличие от греков, македоняне имели обыкновение пить вино неразбавленным — практика, которая могла способствовать убеждению некоторых греков, что македоняне немногим лучше варваров⁴⁸. В македонских гробницах было найдено лишь пять кратеров, и один (но не исключено, что и остальные), который, возможно, не предназначался для использования как подлинно смесительная чаша⁴⁹. Только обнаружение namного большего числа принадлежностей для вина способно установить, были ли кратеры действительно столь редки по сравнению с другими сосудами; пока же археологические данные, похоже, подтверждают представление, что македонская знать была сильно пьющей.

Итак, предметы, предназначенные для охоты, войны и питания, говорят нам о том, что македоняне, захороненные в гробницах, считали важным в жизни и что по их желанию должно было сопровождать их после смерти⁵⁰. То, что они рассматривали смерть как переход в загробную жизнь, понятно из изображения на фасаде огромной раннеэллинистической гробницы, открытой Пецасом в Лefкадии⁵¹. На этом фасаде нарисованы четыре фигуры в натуральную величину, по две с обеих сторон от входа. Крайняя слева (если стоять к гробни-

Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 157, fig. 9.

⁴⁷ К примеру, в ящичной гробнице в Ставруполе был найден серебряный стул на четырех ножках; см.: *Treasures of Ancient Macedonia*. N 292, pl. 39.

⁴⁸ См., в частности: Diod., XVI, 87, 1; Athen., XII, 537 d. О македонских традициях винопития: Borza E. N. *The Symposium at Alexander's Court* // *AM*. 1983. Т. III. P. 47–49.

⁴⁹ *Treasures of Ancient Macedonia*. N 157, pl. 25; 174 (Дервени, Гробница А), 184, pl. 27; 223, pl. 36 (Дервени, Гробница В); 270, pl. 40 (Ставруполь). Конечно, македоняне могли смешивать вино с водой и в других сосудах, в таких, как их изящно сделанные серебряные ситы (вид сосудов), найденные в изобилии.

⁵⁰ После смерти они «предпочитали пить больше из серебряных сосудов, чем из глиняных» (*Barr-Sharrar B. Eastern Influences on the Toreutic Art of Macedonia...* P. 4).

⁵¹ Изображение: Πέτσας Φ. Μ. *Ο τάφος των Λευκαδίων*. Αθήνα, 1966. Πίν. Ζ-Ι; 5–10; реконструкция: Touratsoglou J. *Lefkada*. Athens, 1973. P. 9; Miller S. G. *Macedonian Tombs...* P. 152, fig. 3.

це лицом) — фигура умершего воина. Рядом с ним — Гермес, проводник в подземный мир. Фигуры справа от входа — Эак и Радамант, судьи в царстве мертвых. Таким образом, взгляд зрителя переходит от усопшего воина (как считает Пецас, одного из ветеранов Александра) через проводника к судьям. Это не только один из наиболее технически искусно выполненных образцов живописи, сохранившихся от того периода, но и драматическое свидетельство перехода из этого мира в иной⁵².

Одной из наиболее примечательных идей, выросших из современного интереса к македонским камерным гробницам, является признание того, что их архитектурная конструкция и декор должны создавать иллюзию⁵³. В данном случае архитектурный фасад — это зачастую фасад небольшого здания в дорическом или ионическом стиле, иногда с фронтоном. Оно выглядит таковым только спереди. Его фасад — не часть структуры (как у греков), а украшение. Он призван подражать греческой архитектуре, но полностью скрывает то, что находится за ним: как правило, простой цилиндрический свод с одной или двумя камерами. Здесь главный архитектурный принцип — создание иллюзии. Нет необходимости соответствовать канонам архитектурной или декоративной целостности, и прежде всего потому, что фасад не является существенным структурным компонентом здания.

Македоняне не только создавали ложные фасады, но и широко использовали полихромную живопись, как для того, чтобы подчеркнуть архитектурные детали, так и для того, чтобы покрыть стены и своды рисунками⁵⁴. Живопись у македонян зачастую высокого качества, с использованием ярких цветов, нежных тонов и ракурса. Она также способствовала принципам иллюзорности, ибо ряд декоративных архитектурных деталей, которые на греческих зданиях были бы вылеплены или вырезаны в виде рельефа, на македонских

⁵² Эта македонская тема перехода в иной мир может быть визуально сравнима, пожалуй, только с росписями египетских гробниц. Комментарий относительно качества изображения см.: *Pollitt J. J. Art in the Hellenistic Age*. P. 188; к сожалению, фигуры сильно пострадали.

⁵³ Первой была работа: *Miller S. G. Hellenistic Macedonian Architecture...* Тезис об иллюзорности см.: *Miller S. G. Macedonian Tombs...*

⁵⁴ Богатейшей из расписанных гробниц является «гробница с пальметтами» в Лефкадии. Некоторые иллюстрации: *Rhomiopoulou K. A New Monumental Chamber Tomb...* К сожалению, эта наиболее изысканно расписанная из всех македонских гробниц все еще не нашла отражения (если не считать старого короткого сообщения) в публикации спустя двадцать лет после ее открытия. Особенно трагично то, что плохие условия сохранности способствуют драматическому разрушению этого прекрасного памятника.

гробницах нарисованы на штукатурке. Более того, в «гробнице с пальметтами» в Лефкадии широкий нижний регистр под расписанным сводом входной камеры — это штукатурка, искусно раскрашенная, чтобы выглядеть как разноцветный мрамор (цв. ил. 20). Подобную технику можно увидеть и на покрытой штукатуркой стене, расписанной под дорогой камень и выставленной ныне в галереях археологического музея в Пелле. На гробнице в Лефкадии с ее фасадом в ионическом стиле на фронте изображены мужчина и женщина почти в натуральную величину, по-видимому, усопшие. Ввиду того, что уцелевшее содержимое данной гробницы, разграбленной еще в античные времена, не было опубликовано полностью, сказать что-либо больше о ее датировке и захоронении(-ях) невозможно.

О греческой живописи этого периода известно так мало, что помещение декоративной живописи македонских гробниц в соответствующий контекст затруднительно. Однако использование рисунков, вероятно, не следует отделять от архитектурных принципов иллюзорности, также формы украшения. То и другое является относительно дешевым способом создать для умершего достаточно впечатляющий памятник в качестве подходящего хранилища значительного движимого богатства. Но гробница — это нечто большее, чем просто вместилище для человеческих останков и погребальных предметов. В противном случае декорированный фасад был бы не нужен; сохранность костей и вещей требует для этого всего лишь надежного сооружения и захоронения, помещенного либо в туннеле в склоне холма, либо под курганом. В украшенной гробнице — иногда с выстроенным проходом, или дромосом, — очевидно, необходимо видеть не только пристанище для усопшего, но и свидетельство богатства, выступающего напоказ в части изысканной погребальной церемонии.

Нам все еще не известно о происхождении этой формы погребения, поскольку хронологическое развитие македонских гробниц — как ящичного, так и камерного типа — пока остается неясным. Если постулировать, что ящичный тип гробниц предшествовал камерному (и продолжал сосуществовать с ним позднее), то имеются свидетельства того, что очень простые ящичные гробницы, такие как в Дервени, содержали богатые погребальные предметы уже в 40–30-е гг. IV в. до н. э. Однако мы не знаем, когда македоняне начали сооружать камерные гробницы, и в какой степени они стали замещать собой ящичные гробницы. Роскошь вещей в ящичных гробницах в Дервени предполагает, что усопшие были богаты. Но число ящичных гробниц конца IV в. до н. э. недостаточно, чтобы узнать, заместили ли собой полностью ка-

Ящичная гробница с колоннами (IV в. до н. э.), Вергина

мерные гробницы ящичные или нет, либо последние продолжили использовать теми, кто не мог позволить себе камерные гробницы⁵⁵.

Некоторые исследователи выдвинули предположение, что камерная гробница с цилиндрическим сводом появилась только с азиатскими походами Александра, так как до того в греческой архитектуре цилиндрический свод отсутствовал и этот прием совершенно внезапно стал использоваться в Греции и Македонии после знакомства македонян с соответствующей идеей на Востоке⁵⁶. Если удастся показать, что Гробница II в Вергине содержит останки Филиппа II, то у нас будет надежная дата (336 г. до н. э.) для существования подобной гробницы. Впрочем, то, что это гробница Филиппа, как мы видели, неясно.

Доводы в пользу поздней (т. е. после времени правления Филиппа) даты для появления этих гробниц основывались на наличии у них цилиндрического свода⁵⁷ и в основном игнорировали развитие или введение декоративных ложных фасадов. Малая Азия изобиловала

⁵⁵ См. ниже Приложение В.

⁵⁶ Подробную аргументацию и библиографию см.: *Borza E. N. The Macedonian Royal Tombs at Vergina...* P. 75–77.

⁵⁷ К примеру: *Tomlinson R. A. Vaulting Techniques of Macedonian Tombs* // *AM*. 1977. Т. II. P. 473–479; *Boyd T. The Arch and Vault in Greek Architecture* // *AJA*. 1978. Vol. 82. P. 83–100. Работы Томлинсона и Бойда были уже в печати, когда стало известно о находках

небольшими гробницами с архитектурными фасадами⁵⁸. Использование вырубленных в скале камерных гробниц было широко распространено в Азии на протяжении веков, но в Южной Анатолии они приобрели измененную форму с добавлением греческих — обычно в ионическом стиле — фасадов. Эти фасады были часто покрыты штукатуркой, а архитектурные детали раскрашены. О датировке данных гробниц спорят, ибо многие из них были построены или использованы вновь для более поздних захоронений, вплоть до эпохи Римской империи. По всей видимости, когда во второй четверти IV в. до н. э. в этот регион была привнесена греческая культура, фасады греческих сооружений были соединены с привычными вырубленными в скале гробницами.

Подобных гробниц много, в частности в Карии и Ликий, областях, которые были свидетелями похода Александра. И мы знаем, что сам Александр посетил Пасаргады, рядом с Персеполем, где он видел отдельно стоящую камерную гробницу Кира⁵⁹. Поэтому возможно, что в македонской погребальной практике переход от простых ящичных гробниц к гробницам с архитектурными фасадами был обусловлен идеями, привнесенными теми, кто сопровождал Александра на Восток⁶⁰. Подобное предположение поддерживается отсутствием для Македонии и материковой Греции археологических свидетельств об эволюции цилиндрического свода и архитектурного фасада⁶¹. Тот

Андроникоса в Вергине, а потому они не связаны с последующими дебатами по поводу идентификации Гробницы II.

⁵⁸ Обзор эволюции вырубленных в скале анатолийских гробниц см.: Kurtz D. C., Boardman J. *Greek Burial Customs*. London, 1971. P. 283–297 (с иллюстрациями). Подробности: Roos P. 1) *The Rock-Cut Tombs of Caunus*. Göteborg, 1972; 2) *Survey of Rock-Cut Chamber Tombs in Caria*. Göteborg, 1985. Шесть групп гробниц насчитывают 166 отдельных памятников только в Кавне.

⁵⁹ Curt., V, 6, 10; Strab., XV, 3, 7; Arr. Anab., III, 18, 10; VI, 29, 4–11. Изображение гробницы, в частности, см.: Ghirshman R. *Persia from the Origins to Alexander the Great* / Engl. Transl. by S. Gilbert, J. Emmons. London, 1964. Pl. 185; Huot J.-L. *Persia*. Vol. I / Engl. Transl. by H. S. B. Harrison. London, 1967. Pl. 68.

⁶⁰ На это впервые было указано Курцем и Бордманом (Kurtz D. C., Boardman J. *Greek Burial Customs*. P. 288), которые с осторожностью предположили, что греческие архитектурные фасады вырубленных в скале анатолийских гробниц, возможно, «сыграли некоторую роль в утверждении подобного приема в Македонии». См.: Borza E. N. *The Royal Macedonian Tombs and Paraphernalia*... P. 108–109; использование данной интерпретации может помочь в датировке Гробницы II в Вергине.

⁶¹ Вырубленные в скале гробницы существуют и в Македонии, а именно в Верии и Сидерокастро. Первые надежно датируются концом III — началом II в. до н. э., а вторые — вероятно, аналог первых — должны быть отнесены к тому же времени. См.: Δρούγου Σ., Τουράτσογλου Ι. *Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βεροίας*. Αθήνα, 1980. Σ. 187–190.

и другой появляются довольно неожиданно в конце IV в. до н. э., причем в совершенно развитом виде. Многие из ветеранов, которые уцелели в азиатских походах Александра и последовавших затем войнах его преемников, приобрели значительные богатства, часть которых была потрачена на впечатляющие гробницы. К богатым погребальным вещам, которые издавна были характерной чертой македонских захоронений, теперь добавилось сооружение, подражавшее элементам как греческой, так и азиатской архитектуры и приспособленное (в македонской манере в некоторых малых искусствах) к местным вкусам и привычкам. Если данная гипотеза верна, то она дает нам еще один пример заимствования и приспособления македонянами компонентов чужих культур к своим собственным нуждам.

Равнины и холмы Македонии представляют собой захватывающую перспективу для раскопок. Находки, последнего десятилетия (или около того), кажется, дают соблазнительное видение будущего, но они также поднимают вопросы, которые были неизвестны предыдущим поколениям ученых. Так, хотя мы многое узнали о македонских погребениях, особенно представителей богатых слоев общества, у нас по-прежнему есть трудности, связанные с вопросом расположения этих гробниц. Обычной практикой в классическом греческом мире было хоронить усопшего за пределами городских стен; на территории, прилегающей к городу, все считалось посвященным местным богествам. Иначе говоря, древние, похоже, проводили четкое различие между городом живых и городом мертвых. Поэтому привычно находить некрополи, группирующиеся за стенами греческих городов; действительно, в некоторых средиземноморских общинах расположение такого рода земель для погребения помогает проследить рост границ городского поселения на протяжении долгого периода времени.

Но в Македонии ситуация в чем-то более сложная. Хотя, к примеру, северные городские стены Эг точно не определены, мало сомнений в том, что царский некрополь находился снаружи, так сказать, обычным образом. Вместе с тем большая «гробница Ромеоса» — прекрасная камерная гробница с цилиндрическим сводом конца IV — начала III в. до н. э. — располагается довольно близко к ряду уже раскопанных общественных сооружений: памятнику Эвклею, театру и маленькому административному зданию, чья постройка может помочь установить месторасположение агоры Эг. Нередко гробницу обнаруживают в пределах священной территории, прилегающей к городу, но, как правило, это древняя гробница, построенная за его

Надгробие из Эаны (середина IV в. до н. э.)

стенами, когда община была меньше, и оказавшаяся позднее, когда город расширился, внутри периметра стен. Однако это не случай Эг, где и названная гробница, и близлежащие памятники принадлежат, грубо говоря, к одному и тому же периоду.

Четыре большие гробницы были обнаружены в районе Лефкадии, среди фруктовых садов ниже Наусы. Две — раскопанные Пецасом и Ромиопулу — находятся в двухстах метрах друг от друга. «Гробница Кинча» лежит от них на большем расстоянии, как и «гробница Лисона и Калликла»⁶². Эти гробницы, похоже, не являлись частью одной группы, и их нельзя связать с городским некрополем. Насколько мы

⁶² Библиографию и описание этих и других гробниц см.: *Gossel B. Makedonische Kammergräber*; *Miller S. G. Macedonian Tombs...*

знаем, никакого города поблизости не существовало. Миеза, в которой Аристотель учил Александра, располагалась более чем в миле в стороне, на склоне, ведущем к современной Наусе. Однако остается спорным, была ли Миеза собственно городом. Вероятно, это были «поместные» захоронения, т. е. захоронения на земле поместий и/или рядом с близлежащими святилищами.

Кроме того, ряд отдельных камерных гробниц конца IV—III вв. до н. э. был открыт вдоль главных дорог, ведущих из Фермы/Фессалоник. Кроме того, отдельные гробницы обнаружены помимо многих других мест в Кердилии, близ переправы через Стримон, рядом с Пидной и вдоль берегов Галиакмона на пути между Верией и Вергиной. Группы гробниц найдены в Палатиции и Дервени, т. е. в местах, в которых не было известных античных поселений, а также неподалеку от греческих городов — Пидны, Амфиополя и Олинфа. Эkleктизм македонских погребальных обрядов и расположение гробниц в IV в. до н. э. — начале эпохи эллинизма больше напоминают римскую практику в Лации в середине и конце республики, нежели что-либо в греческом мире того времени. Итак, расположение и большие размеры многих македонских гробниц отличаются от греческих погребений, которые, как правило, были простыми и концентрировались на территории некрополей.

Это многообразие проявлений македонской материальной культуры IV в. до н. э. — начала эллинистического периода мешает нам создать одно-единственное мерило, под которое подпадали бы все будущие находки. Очевидно, что во многих отношениях македоняне в эпоху Филиппа и Александра (и немногим спустя) не были связаны канонами греческой практики. И действительно, при изучении материала данного периода возникает впечатление об открытости

Афина Алкидема.
Статуэтка из Пеллы
(эллинистический период)

македонян к использованию разнообразных влияний. Основным из них, конечно, было греческое, прежде всего афинское, но также можно различить здесь и следы фракийского и азиатского влияния. Кажется, что македонская материальная культура, как и македонские политические и военные институты, была результатом разнообразного исторического опыта народа, который развил свою самобытность, находясь на геополитическом перекрестке древнего мира.

Вышеизложенные построения следует считать предварительными, ибо мы ждем дальнейших раскопок и обнаружения уже найденных материалов. К примеру, анализ печатей на амфорах в таких македонских городах, как Пелла, даст нам информацию о торговле. Новые надписи наверняка предоставят свежие данные о внутренней экономической и политической организации Македонии, по крайней мере с IV в. до н. э., и смогут сказать больше о ее контактах с миром греков. Пожалуй, самые многообещающие перспективы связаны с раскопками греческих поселений на Халкидике, на границе Македонского царства. Продолжающееся археологическое изучение Пеллы, Эг и Диона позволит нам лучше понять, как в царстве Аргеадов развивались города, которые были собственно македонскими, в отличие от тех, которые были унаследованы от греков. Необходимо найти больше захоронений простых македонян, чтобы прояснить те сферы македонской жизни, которые все еще остаются почти неизвестными. Начинающиеся только сейчас полевые исследования в горных проходах и коридорах Западной Македонии предоставят первые сведения о местной культуре и постепенном включении областей этого региона в «большое» Македонское царство.

Кроме того, с обнаружением новых материалов из македонских гробниц (в сельской местности все еще могут оставаться сотни ненайденных) мы сможем продолжить разговор о развитии местных и заимствованных вкусовых предпочтений. В конечном счете нам удастся оценить Македонию как страну, в которой усваивались чужеземные влияния, и македонян как народ, ряд аспектов материальной культуры которого оказал воздействие на современных им греческих соседей, а со временем и на их римских завоевателей.

Глава 12

ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Мы уделяли особое внимание отношениям македонян с миром греков потому, что сохранившиеся литературные свидетельства почти полностью происходят из греческих источников. Действительно, одно из препятствий на пути исследования ранней македонской истории состоит в том, что мы зависим от того, что греческие писатели и политики знали об обширной территории, лежащей к северу, и особенно от того, какое влияние этот регион оказывал на их историю. Мы знаем очень немного о балканских соседях Македонии, в частности о фракийцах и иллирийцах, если не считать их редких контактов с греками и конфликтов с македонянами. При этом македоняне оставили свой след в истории благодаря грекам — вначале через эллинизацию их царского дома, затем завоевав и объединив греческие города-государства и, наконец, став средством для распространения ряда элементов греческой цивилизации на обширных пространствах Западной Азии. Итак, Македония появилась из сумерек балканской предыстории в мире, в котором доминировали греческие государства и который определяли их поступки и идеи.

Что касается древних греков, то они находили македонян иными. Некоторые из греков, по-видимому, верили в македонское предание о том, что династия Аргеадов имела предков-эллинов из Аргона. Но подавляющее число свидетельств говорит о том, что македоняне как народ считались не-греками. Я попытался показать, что сведения об эллинском происхождении Аргеадов восходят к единственному источнику V в. до н. э. — пропаганде Александра I, как о ней рассказывает Геродот. Более вероятно то, что македонский царский дом был туземным, возвысившимся из некоего древнего племенного лидерства естественным, эволюционным путем.

Признав миф об аргивском происхождении царского дома тем, чем он был, мы можем сосредоточить свое внимание на самих македонянах. Выше мы видели, что их ранняя история по-прежнему

остается в основном открытым вопросом. Не исключено, что они имели греческие корни: какой бы процесс ни породил носителей греческого языка (если это именно то, что определяет «греска»), живших к югу от Олимпа, он мог породить и македонян, пришедших с западных гор, чтобы создать свой дом и царство в Пиерии. Но, к сожалению, нет достаточных лингвистических и археологических свидетельств, чтобы подтвердить эту точку зрения.

Пожалуй, в настоящий момент самыми желаемыми свидетельствами являются археологические данные для Македонии V в. до н. э. Внутреннее развитие Македонии, по крайней мере в том, что касается ее политических и социальных институтов, значительно отличалось от внутреннего развития Греции, где существовали города-государства. Сравнительно более богатые материалы археологии, имеющиеся для второй половины IV в. до н. э., демонстрируют наличие у македонян царской и аристократической материальной культуры, многим обязанной грекам и несущей на себе следы азиатского и фракийского влияний. Однако эти памятники и погребальные вещи в основном относятся к более позднему периоду, когда в Македонии на связях с Грецией делался особый акцент. Таким образом, в конце IV в. до н. э. мы имеем социально-политическую систему, которая мало похожа на что-либо в современной Греции, но которая декорирована внешними атрибутами культуры последней.

V в. до н. э. стал свидетелем возникновения важных связей Македонии с Грецией. Эта эпоха является ключом к пониманию того, как глубоко греческая культура проникла в Македонию — в той степени, в которой археология позволяет ответить на подобный вопрос. Тогда как наши литературные источники вносят мало ясности в вопрос, погребальные предметы и публичные памятники македонян, если бы они оказались доступны, позволили бы понять их туземную культуру до начала процесса официальной эллинизации. Раскопки в близлежащих греческих городах Халкидики или в греческих колониях во Фракии и Пиерии могли бы предоставить руководство для оценки местной культуры. Обширные раскопки в Синде, расположенном в бассейне Нижнего Аксия, открывают культуру, которая — если не учитывать введенные греческие предметы — во многих отношениях чужда греческому миру. Однако, как мы видели, все еще не ясно, было это поселение македонским или принадлежало какому-то другому балканскому народу. До тех пор пока не будет вестись гораздо больше раскопок памятников, относящихся к этому важнейшему

периоду, и пока их результаты не станут широко известны ученым, вопрос об этническом характере македонян останется открытым.

При малочисленности сведений нельзя определить степень греческого влияния на Македонию до времени Александра I. Правление последнего отмечено самой ранней из известных попыток связать две культуры, проявившейся в возникновении предания о том, что Аргеады были греческим родом из Аргоса, происходящим от Геракла. Мы видели, что история эта возникает как элемент филэллинской политики Александра, и почти нет сомнений в том, что она была частью его усилий утвердить себя — и свое царство — в мире, в котором все более активно действовали греческие города-государства. К сожалению, мы не в состоянии сказать что-то конкретное о важном завершающем этапе правления Александра I и начале царствования Пердикки II. Македонская история середины V в. до н. э. практически неизвестна, ибо попадает в лакуну между окончанием повествования Геродота и началом интереса Фукидида к Македонии как к участнице Пелопоннесской войны. Когда Пердикка в конце концов появляется на сцене, он действует как манипулятор, обладающий относительно слабыми военными силами, очень протяженными границами своего царства и вынужденный бороться за его целостность против вызовов извне и изнутри. Вероломство, которым, кажется, отмечалось правление Пердикки, было его попыткой выжить.

Показное и поверхностное восприятие греческой культуры Археласом было, как отметил Хэммонд, его способом вступления в мир гресков. Ко времени Архелая македонская царская династия, похоже, окончательно вошла в греческую орбиту. Однако цель Аргеадов состояла не в том, чтобы превратиться в гресков, а в том, чтобы подчинить эллинизм прагматическим интересам Македонии. Во внешней политике Архелай и его преемники приняли курс, в котором отношениям с греками — во вражде, нейтралитете или дружбе — уделялось более важное внимание, чем отношениям с балканскими соседями. Впрочем, этот курс подвергался изменениям, о чем свидетельствует непрерывная борьба македонян против набегов иллирийцев, а также взгляд Филиппа II на Грецию как на «трамплин» для переправы в Азию. В сфере культуры интерес к Греции был более сильным. Так, исследование погребений середины IV в. до н. э. показывает, что, какие бы балканские влияния еще ни сохранялись, особенно в некоторых видах изделий из металла, задавали стандарты вкуса греческие вещи. Иначе говоря, вместе с установленными

Аргеадами политическими связями с Грецией параллельно развивался и спрос македонской знати на греческие вещи.

Македонская монархия к середине IV в. до н. э. обладала двумя отличительными чертами. Одна из них — филэллинизм, или панэллинизм. Возможно, наличие этой черты было естественным результатом того культурного и политического курса, который начал развиваться со времен Архелая, если не раньше. Нет свидетельств в пользу того, что македоняне хотели быть греками. Скорее, имела место попытка македонских царей добиться признания равенства с ними, чтобы на основе обоюдной выгоды решать с греками государственные дела, вопросы войны и мира. Филэллинская политика могла быть одним из средств, которые использовали Аргеады для того, чтобы добиться своих выгод в ненадежном мире, где амбиции греческих городов-государств были значимой и постоянной угрозой.

Тем не менее по своему восприятию жизни, в симпатиях и на практике Македонское государство являлось монархией балканской (соответствующей своему происхождению), на которую все более оказывал влияние абсолютизм Востока. И в этом отношении она отличалась от греческого мира с его институтами. Точка зрения, согласно которой политическая жизнь Македонии становилась постепенно конституционной, опирается на шаткое основание. Период, о котором мы имеем больше всего сведений, — эпоха Филиппа и Александра. Но в случае с этими царями монархии все больше приобретали, по крайней мере внешне, восточный характер. Кроме того, археологи открыли такое великолепие, которое требует терминологии, обычно используемой при описании азиатских реалий. Таким образом, в конце IV в. до н. э. мы видим монархию *sui generis*, обладающую многими атрибутами культуры классической Греции с вкраплениями балканских и новоприобретенных восточных качеств.

Однако одним из примечательных аспектов этого мультикультурного феномена было отсутствие у него идеологической и сентиментальной связи с «новым порядком». Македоняне — и здесь мы имеем в виду больше, чем просто Аргеадов — усваивали иностранные обычаи и вкусы, а также ассимилировали чужеземцев в практических целях, не жертвуя своей традиционной македонской идентичностью. Имперская администрация Александра — именно тот случай. В начале своего правления он усилил панэллинскую политику Филиппа, поддерживал соглашения, которые его отец навязал Греции, и включил в собственную армию греческие контингенты. По пути в Индию и обратно в гражданском окружении Александра появились азиатские

(в основном персидские) администраторы. Но к моменту его смерти практически все греческие воины, за исключением наемников, уже были отправлены домой, а азиаты на ключевых военных и административных постах постепенно замещены македонянами. Этнические греки всегда занимали мало важных должностей, и их признанные способности в административной, спортивной и артистической сферах Александр использовал в целом почти так же, как это делали ранее Дарий и Ксеркс. При самой абсолютной монархии в своей истории македоняне оказались в Азии ужасно этноцентричными, не обладающими даже той терпимостью, которую демонстрировали их предшественники-персы. В свите Александра мы видим множество примеров предубеждений и трений между македонянами, с одной стороны, и греками и персами — с другой, и это, без сомнения, было реакцией на чуждое окружение. В период политической нестабильности, последовавшей сразу за смертью Александра, одному из наиболее способных администраторов царя-завоевателя — греку Эвмену было отказано в возможности соперничать за престол не потому, что он не принадлежал к Аргеадам, а потому, что он не являлся македонянином.

И все же мы видели, что македоняне были весьма способны как заимствовать, так и модифицировать иностранные влияния, приспособивая их к своим нуждам. Использование эллинизма и ориентализма Филиппом, возможно, преследовало достижение особой цели: править как греками, так и азиатами при сохранении традиционной власти над самими македонянами. Если это так, то часть того, что попытался осуществить Александр, не является нововведением. Однако в конце своей жизни Александр, похоже, потерял поддержку македонян, бывших ядром его армии, как потому, что он погубил многих из них, преследуя свою мечту о завоеваниях, так и потому, что они не хотели принимать чужое — эллинское или восточное в отличие от царей. Впрочем, пытаясь описать загадочный характер македонян, нужно учитывать, что он еще до прихода к власти их самого знаменитого царя всякий раз заявлял о себе и что в Македонии после окончания правления Аргеадов произошло возвращение к более традиционным устоям.

Македоняне вышли из балканской среды, которая долгое время была свидетелем соперничества между несколькими не-эллинскими народами: фракийцами, псенийцами, иллирийцами и др. Возвышение македонян среди этих народов произошло благодаря совокупности ряда факторов. Так, очевидно, что длительные контакты македонян

с греками, жившими вдоль северного побережья Эгейского моря, позволили им впитать кое-что из более развитой культуры Греции. К тому же Македония была одарена обилием естественных ресурсов и доступом к морю, что делало ее экономически самодостаточной и тесно связанной с оживленным миром Эгеиды. Но поскольку данные факторы были более или менее постоянны, то мы должны поискать и другой, чтобы объяснить взлеты и падения Македонии. И этим переменчивым фактором — вдобавок к некоторым внешним событиям, над которыми македоняне были не властны, — было различие способностей царей Аргеадов. В отличие от Рима, который смог выдержать чередование своих беспокойных монархов благодаря устойчивости своих имперских административных институтов, судьба Македонии, как кажется, во многом зависела от способности ее царей вынести внутреннюю смуту и отвечать устремлениям нации.

Итак, при исследовании истории Македонии возвращаешься к ее в высокой степени персональной монархии. Дело не в том, что мы вынуждены довольствоваться здесь доминированием македонских царей просто потому, что о других сторонах македонской жизни в наших источниках почти не сообщается. Сами древние — или по крайней мере те, чьи свидетельства и мнения о македонянах сохранились, — по-видимому, признавали, что все в македонской политике являлось отражением деятельности или личных качеств царей. Отсутствие информации о политических институтах Македонии — это не всего лишь еще один случай утраты сведений об античной истории; вероятно, данный факт воспроизводит реалии жизни, предполагая, что причина дефицита упоминаний о македонских институтах состоит в том, что они не были весьма сильно развиты.

Выступление царства македонян из мрака балканской племенной жизни произвело сильное впечатление на чужеземцев, от древних персидских царей и греческих политиков, которые открыли важность этого северного региона, до римских сенаторов, которые — правильно или нет — осознали, что Македонское государство является угрозой, а потому покончили с его независимостью.

Однажды я задался вопросом: была ли Македония самым древним национальным государством в Европе? Хэммонд и другие показали, что македоняне были этнической группой, ведущей свое происхождение от македонов и в историческое время определявшейся своей службой царю. В этом смысле они были народом, или этносом, с общим набором обязанностей и общим историческим опытом. И хотя их обычаи все еще в основном остаются для нас загадкой,

нужно полагать, что некий круг общепринятых *mores* связывал их вместе, поскольку альтернативой здесь могла быть только тоталитарная монархия, руководящая репрессивным управленческим аппаратом, в пользу чего информации нет. Возможно, что сама простота македонской царской власти позволила Аргеадам сохранять незыблемость монархического правления на протяжении столь многих столетий. Вместе с тем имеется мало сведений относительно того, что именно увеличение значения и властных полномочий других македонских институтов стало причиной роста морального авторитета безличного государства. Очевидный недостаток сложных институциональных механизмов со всей весомостью предполагает, что, хотя македоняне и были нацией, достичь им самим государственной власти мешала их постоянная зависимость от примитивной и персональной монархии.

Македонский народ служил буфером, который защищал греков от набегов не-эллинских балканских народов, — важный фактор, сыгравший свою роль в развитии греческой цивилизации. Само существование Македонии как могущественной балканской державы оказало большое влияние на ход римской истории в III–II вв. до н. э. Завоевания самого известного царя Македонии коренным образом изменили историю Греции, а вместе с тем и восточносредиземноморского и западно-азиатского мира. Новшества в военном деле, введенные Филиппом и Александром, стали уроком, который не остался неучтенным теми, кто жил позднее, хотя и может быть аргументированно доказано, что некоторые из этих военных реформ уже были начаты греками. Вне всякого сомнения, македонские цари, правившие после Александра, способствовали распространению общегреческой культуры и институтов по всему Восточному Средиземноморью, поддерживая также монархическую власть в землях, где они правили. Однако, если не считать немногих инноваций в области живописи, металлообработки и архитектуры, как носители особой культуры македоняне оставили слабый отпечаток в мире. Впрочем, возможно, этого и следовало ждать от народа, выдающимися деятелями которого были полководцы, институты которого в самой Македонии остались примитивными и который, когда его воодушевлял сильный монарх, лучше всего изъяснялся при помощи своих копий.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

НЕКОТОРЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Далее делается попытка облегчить груз подстраничных сносок, которые и так получились громоздкими. Там, где это было возможно, я старался давать библиографию в них, чтобы сразу ознакомить читателя с литературой по рассматриваемому материалу. Но мне показалось также полезным собрать в одном месте основную библиографию по вопросам, которые подробно не разбираются в повествовании. Быть может, читатель найдет это полезным при дальнейшем обращении к сюжетам, оставшимся за рамками настоящего труда. Перечисленные ниже работы также включены в общий библиографический список, помещенный в конце издания.

Доисторическая Македония

Основные материалы, касающиеся этого все еще недостаточно исследованного периода, публикуются в научных журналах. Раздел по доисторической Македонии в настоящей книге многим обязан следующим работам: *Wardle K. A. The Northern Frontier of Mycenaean Greece // BICS. 1975. Vol. 22. P. 206–212*; *Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. Ch. 7–17*, где отдается должное работе Хертли как первопроходца в данной области (*Heurtley W. A. Prehistoric Macedonia. Cambridge, 1939*); *Rodden R. J. Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedeia, Greek Macedonia (1961 season) // PPS. 1962. Vol. 28. P. 267–288*; *Caskey J. L. Greece, Crete and the Aegean Islands in the Early Bronze Age // CAH³. Vol. I. Pt. 2. 1971. Ch. 26 a, ocoб. P. 771–775*; *Crossland R. A. Immigrants from the North // CAH³. Vol. I. Pt. 2. 1971. Ch. 27, ocoб. P. 845–850*; *Caskey J. L. Greece and the Aegean Islands in the Middle Bronze Age // CAH³. Vol. II. Pt. 2. 1973. Ch. 4 a, ocoб. P. 135–140*; *Hammond N. G. L. The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age // CAH³. Vol. II. Pt. 2. 1975. Ch. 36 b, ocoб. P. 681–689, 702–712*; *Chadwick J. The Prehistory of the Greek Language // CAH³. 1975. Vol. II. Pt. 2. Ch. 39 a*;

Hammond N. G. L. Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge, 1976. Ch. 4–6; *Desborough V. R. d'A. The Last Mycenaeans and their Successors.* Oxford, 1964. Каждый, интересующийся этим ранним периодом, пожалуй, поступит верно, вспомнив замечание Гейера, сделанное им почти полвека назад, о том, что «время для доисторической Македонии пока не пришло» (*Geyer F. Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II.* München; Berlin, 1930. S. 19).

Археологические отчеты

Продолжающийся прогресс в области археологического изучения Македонии (и других регионов Греции) можно отслеживать по ежегодным «Archaeological Reports», публикуемым совместно Обществом по содействию эллинских исследований и Британской школой в Афинах, по «Chronique des fouilles et decouvertes archéologiques en Grèce» в «Bulletin de correspondance hellénique», по «Το ἔργον τῆς ἐν Αθήναις Αρχαιολογικῆς Εταιρείας» и по «Χρονικά» в «Ἀρχαιολογικὸν δελτίον». Также полезный обзор македонских исследований после Второй мировой войны см.: *Πέτσας Φ. Μ. Χρονικά Αρχαιολογικά, 1966–1967 // Μακεδονικά.* 1969. Τ. 9. Σ. 101–223. Кроме того, только что началась публикация важного ежегодного обзора археологического изучения Македонии, который, к сожалению, появился слишком поздно, а потому его материалы не были использованы в настоящей книге. Первый том данного издания вышел в свет как «Τὸ ἀρχαιολογικὸ ἔργο στὴ Μακεδονία καὶ Θηράκη» за 1987 г. (Θεσσαλονίκη, 1989). Многие из наиболее активно работающих сейчас в Македонии археологов представили здесь новейшие отчеты о раскопках ряда мест, упомянутых в настоящей книге. Этот том — плод совместных усилий министерства по делам Македонии и Фракии, министерства культуры Греции и Университета им. Аристотеля в Фессалониках.

Международное научное сотрудничество

Частые коллоквиумы, такие как греческие международные симпозиумы по античной Македонии (труды публикуются как «*Αρχαία Μακεδονία*») и болгарский конгресс «*Terra antiqua balcanica*» стремятся уменьшить научную изоляцию. Впрочем, старые привычки сохраняются. Так, современное греческое издание надписей Западной Македонии (*Ριζάκης Α., Τουράτσογλου Γ. Επιγραφές Ἀπὸ Μακεδονίας (Ελίμεια, Εορδαία, Νότια Λυγκηστίς, Ορεστίς).* Τ. Ι. Αθήνα, 1985; см. ниже) включает в себя эпиграфический материал, происходящий из античных кантонов Западной Македонии, в том числе и из «Южной» Линкестиды.

Однако «Северная» Линкестида сейчас находится на территории Югославии. И очень жаль, что надписи из важного античного района Линкестиды должны пока разделяться современной политической границей, и лишь те, которые найдены к югу от югославно-греческой границы, удостоены публикации в этом томе.

Эллинистические цари

Дальнейшую информацию об эллинистических царях см. особенно: *Fortina M.* Cassandro, re di Macedonia. Torino, 1965; *Manni E.* Demetrio Poliorcete. Roma, 1951; *Mueller O.* Antigonos Monophthalmus und «das Jahr der Könige». Bonn, 1973; *Wehrli C.* Antigone et Démétrios. Genève, 1968; *Tarn W. W.* Antigonos Gonatas. Oxford, 1913; *Walbank F. W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1940; *Briant P.* Antigone le Borgne: Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne. Paris, 1973, где приведена весьма полезная библиография по истории эллинистического периода. Самые свежие материалы могут быть найдены в соответствующих главах книги Виля (*Will Ed.* Histoire politique de monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)². T. I–II. Nancy, 1979–1982), «Кембриджской древней истории» (CAH². Vol. VII. Pt. 1. 1984), а также — по Антигонидам — в главах труда Уолбанка и Хэммонда (*Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988).

Специальные темы

По вопросам, связанным с институтами Македонии, включая военные и политические сюжеты, полезны следующие работы: *Geyer F.* Makedonien...; *Hampf F.* Der König der Makedonen. Weida, 1934; *Edson Ch. F.* Early Macedonia // AM. 1970. T. I. P. 17–44; *Granier F.* Die makedonische Heeresversammlung: Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1931; *Errington R. M.* The Nature of the Macedonian State under the Monarchy // Chiron. 1978. Bd. 8. P. 77–133; *Aymard A.* Sur l'assemblée macédonienne // REA. 1950. T. 52. P. 115–137; *Engels D. W.* Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley; Los Angeles, 1978.

Надписи

Первый том македонских надписей в серии «Inscriptiones Graecae» был издан Эдсоном (IG. Vol. 10. Pt. 2. Facs. 1). Он включает в себя эпиграфические материалы, которые происходят исключительно из района Салоник и датируются временем не ранее III в. до н. э. Недавно вышел

в свет первый том новой серии: Ριζάκης Α., Τουράτσογλου Γ. Επισυρφεύς Ἀνω Μακεδονίας... Кроме того, отдельные собрания надписей, относящихся к тому или иному месту, периодически публикуются в качестве приложений к отчетам об археологических раскопках.

Литературные источники

В целом мы испытываем недостаток в античных литературных источниках по истории македонян. Для тех же источников, которые у нас есть, имеют значение следующие издания: *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I–III. Oxford, 1957–1979* (важно для истории правления Филиппа V); *Hammond N. G. L., Griffith G. T., Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. I–III. Oxford, 1972–1988* (где заботливо приведены и проанализированы источники по всем периодам). Также см. комментарии к трудам Геродота (*How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I–II. Oxford, 1928*), Фукидида (*Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I–V. Oxford, 1945–1970*), Плутарха (*Hamilton J. R. Plutarch. Alexander: A Commentary. Oxford, 1969*) и Аппиана (*Bosworth A. B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander the Great. Vol. I. Oxford, 1980*).

Монеты

Впервые фракийско-македонские и македонские монеты были классифицированы и описаны в 1919 г. тогдашним директором Нумизматического музея в Афинах Свороносом (*Svoronos J. N. L'hellénisme primitif de la Macédoine. Paris, 1919*). Несмотря на то что данное издание в значительной степени пропитано политической пропагандой того времени и несмотря на то что некоторые из атрибуций Свороноса более не признаются верными, оно все же остается фундаментальным трудом для изучения истории племен региона. Большее значение сейчас имеет, однако, другой труд: *Raymond D. Macedonian Regal Coinage to 413 B. C. New York, 1953*. Он особенно полезен для изучения племенной и гражданской символики в доцарский период и в период раннего царства, — тем самым можно увидеть связь между монетами царей Македонии V в. до н. э. и их предшественников. В работе отражены эмиссии только до конца правления Пердикки II, так как монеты Архелая и царей IV в. до н. э. вплоть до Филиппа II серьезно не исследовались.

Справочник по монетам Британского музея Прайса (*Price M. Coins of the Macedonians. London, 1974*) дает превосходную краткую интерпретацию основных типов монет Македонии и отмечен отличным

знанием исторических реалий. Как и Рэймонд, Прайс прослеживает общемакедонскую символику в доцарский период и в период раннего царства. Вместе с тем с нетерпением ожидается выход в свет нового каталога македонских монет Британского музея, который бы заменил прежний, к настоящему моменту уже устаревший (хотя и отлично изданный): *Head B. V., Poole R. S. A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum: Macedonia, etc. London, 1879.* Один важный пробел в литературе был недавно заполнен: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Arrhidaeus, British Museum. London, 1991.* Среди хорошо представленных больших коллекций македонских монет — коллекция Эшмольевского музея, Оксфорд, публикация которой была осуществлена под руководством Крэя: *Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. V: Ashmolean Museum. Pt. 3: Macedonia. London, 1976.* При этом полезную сводку монет Македонии можно найти в другом превосходном труде этого же ученого: *Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976. P. 131–147.*

Два других более старых образцовых издания: *Head B. V. Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics*². Oxford, 1911, где имеется раздел по Македонии (Р. 192–244, с полезными классификацией и сводкой типов монет); *Gaebler H. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Bd. III. Abt. 2: Makedonia und Paionia. Berlin, 1906–1935.*

Монеты Филиппа II (прижизненные и посмертные эмиссии) рассмотрены в кн.: *Le Rider G. Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. Paris, 1977* (см. при этом предостережения Прайса: *Price M. The Coinage of Philip II // NC. 1979. Vol. 139. P. 230–241*). Монеты Александра Великого, как и можно было бы ожидать, исходя из их серий и большого числа, — источник неисчислимых проблем. До сих пор никто не взял на себя сложную задачу их всестороннего исследования. Основные проблемы представлены в кн.: *Bellinger A. R. Essays on the Coinage of Alexander the Great. New York, 1963* (с подробной библиографией). В свою очередь, трудности, связанные с монетами Александра, иллюстрируются дискуссией, которая развернулась в журнале «*The Numismatic Chronicle*» (1982. Vol. 142.) под заголовком «*The Earliest Coins of Alexander the Great*» между Зервосом (*Zervos O. 1. Notes on a Book by Gerhard Kleiner. P. 166–179*) и Прайсом (*Price M. 2. Alexander's Reform of Macedonian Regal Coinage. P. 180–190*).

НЕКОТОРЫЕ ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Оресто-тимфейская граница

Хэммонд пишет: «Нижняя граница Орестиды устанавливается маршем Александра, когда тот прошел из Эордеи в Элимею через перевал Сиатиста (Arr. Anab., I, 7, 5). Вероятная граница *сразу к северу от выхода из этого перевала определяется водоразделом между реками Праморицей и Гревенитикос*» (курсив мой) (Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. 110). Однако водораздел между этими двумя притоками Галиакмона находится к западу-юго-западу от выхода из перевала Сиатиста, а не к северу, как считает Хэммонд. На самом деле этим водоразделом является горный кряж, тянувшийся с востока на запад и возвышающийся над долиной реки примерно на 500–1000 футов; он лежит в 4–5 милях к северу-северо-западу от Гревены. После того как Александр прошел через перевал Сиатиста, он повернул прямо *на юг*, в Элимею. Если бы царь двинулся прямо на запад (что подразумевает предположение Хэммонда), то он оказался бы в Орестиде (*contra* Арриан). Пройдя немного на юг, Александр повернул на запад в направлении современной Гревены, но к этому моменту он был южнее Орестиды и, стало быть, уже в Тимфее.

Расположение Эг

Тезис Хэммонда о том, что Эги находились рядом с современными деревнями Вергина и Палатиция, был выдвинут в 1968 г. в докладе, представленном на Первом международном симпозиуме по древней Македонии и опубликованном как «The Archaeological Background to the Macedonian Kingdom» (AM. 1970. Т. I. P. 53–67, особ. P. 65–67), и более подробно в первом томе «Истории Македонии» (P. 156–158). Аргументация Хэммонда состоит из двух частей. Во-первых, исходя из античных литературных и эпиграфических источников, он показал, что Эги и Эдесса (ранее считавшаяся Эгами) были в действительности двумя разными

местами. Дополнительная поддержка в данной связи пришла от Хаксли (*Huxley G. Baanes the Notary on «Old Edessa» // GRBS. 1983. Vol. 24. P. 253–255*). Во-вторых, Хэммонд поместил Эги рядом с Вергиной на основании литературных свидетельств, касающихся особых характеристик места: на склоне Олимпа-Пиерии, впереди — равнина, сзади — горные кручи, ближе к Фессалии, чем Эдесса, и, наконец, они — цель атаки наемников в 359 г. н. э., которая должна была осуществиться с расстояния не более дня пути от их базы в Мэфоне (см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 211–212*).

Подобный тезис Хэммонда получил подтверждение благодаря осуществленным Андроникосом, начиная с 1977 г., археологическим открытиям царских гробниц IV в. до н. э., театра, стен и акрополя в Вергине. В том же самом районе находится и много руин эллинистической эпохи, исследованных еще в XIX в. Озе; все памятники хорошо подходят к Эгам.

Миеза и «борборос»

По Плутарху (*De exil.*, 603 с), Феокрит Хиосский бранил Аристотеля за то, что тот предпочитает скорее жить «у устья грязи [или мути]» (*Βορβοῦρον ἐν προχοῇς*), нежели в Академии. Плутарх дает такое объяснение этому «устью»: близ Пеллы протекала река «Борборос». Подобная река иначе не известна, однако Хэммонд (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 148*) считает, что это был мутный приток Аксия, который тогда впадал в озеро Лудий ниже Пеллы. Я предлагаю иную трактовку. Аристотель обычно ассоциируется с Миезой, а не с Пеллой. Не могли ли тогда иметься здесь в виду речки, текущие в районе Наусы? Текст поврежден, и чтение «Пелла» — не бесспорное. К тому же возможно, что в данном случае мы сталкиваемся с каламбуром — *βόρβορος*–*βάρβαρος*, — который Плутарх не понял. Итак, игра слов Феокрита становится ясной: устье речки (не известный иначе Борборос) близ Миезы, с одной стороны, и образ великого мыслителя, предпочитающего жить у устья варваров — с другой.

Уровень моря в античности

Точка зрения Хэммонда, что уровень моря поднялся с античных времен на несколько футов, основывается на суждениях греческих моряков, изменении уровня Северного моря и существовании полдюжины древних поселений у западного побережья Греции, которые находятся на 5–6 футов ниже морской поверхности. Он нигде не допускает того, что такое оседание почвы часто является результатом изменений мест-

ного характера, — феномена нередкого в столь геологически активном регионе, как Средиземноморье.

Кроме того, практически невозможно найти древнюю стабильную геологическую формацию, которая могла бы служить ориентиром при измерении эвстатических (общих) изменений уровня моря. Остатки доков на мысе Суний и в Пирее классической эпохи показывают, что уровень моря фактически не изменился; это же предполагается и выводами, сделанными самим Хэммонд в его исследовании битвы при Марафоне (*Hammond N. G. L. The Campaign and Battle of Marathon // JHS. 1968. Vol. 88. P. 13–57*). Вместе с тем следы канала, прорытого Ксерксом через узкий перешеек полуострова Афон, фиксируются на несколько футов *выше* современной морской поверхности. По данной проблеме существует обширная научная литература (кстати, не используемая Хэммондом), и в ней отмечается общий подъем уровня моря в исторические времена лишь где-то на 30 см; все же остальные изменения происходят из-за местных особенностей.

См.: *Shackleton J. C., Van Andel T. H., Runnels C. N. Coastal Paleogeography of the Central and Western Mediterranean during the Last 125,000 Years and its Archaeological Implications // JFA. 1984. Vol. 11. P. 307–314; Scarre C. Archaeology and Sea-level in West-central France // WA. 1984. Vol. 16. P. 98–107; Kraft J. C., Kayan I., Aschenbrenner S. E. Geological Studies of Coastal Change Applied to Archaeological Settings // Archaeology Geology / ed. by G. Rapp, Jr., J. A. Gifford. New Haven; London, 1985. P. 57–84. Подробный анализ источников с указанием предшествующей научной литературы см.: *Borza E. N. Some Observations on Malaria and the Ecology of Central Macedonia in Antiquity // AJAH. 1979. Vol. 4. P. 110–111.**

Озеро Лудий на протяжении веков

Греческая армейская карта 20-х гг. XX в. в масштабе 1:75,000 показывает озеро Лудий (как раз до его осушения), расположенным лишь в 4–5 милях к северу от Галиакмона, с протяженностью в более чем 15 миль, что составляет половину длины равнины. Лик же в 1806 г. описывал Лудий как простирающееся на большую часть последней (*Leake W. M. Travels in Northern Greece. Vol. III. London, 1835. P. 436*). Вместе с тем карта в масштабе 1:250,000 британской GSGS демонстрирует, что озеро и его болота занимают почти треть равнины. Однако, как отмечал Хэммонд, в 1869 г. путешественник с высот в Яннице видел почти одну болотистую местность (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 144*). В свою очередь, несколько путеводителей XIX–XX вв. указывают разные размеры озера Лудий. Несмотря на то что дно осушенного озера ныне

один из богатейших сельскохозяйственных районов Греции (с множеством фруктовых садов и полей с табаком и хлопком), несколько миль равнины, где Галиакмон, Лудий и Аксий почти соединяются перед впадением в Термический залив, по-прежнему остаются в основном болотистой местностью. А в некоторых местах в пределах нескольких сотен ярдов от автомобильного потока, движущегося по национальному шоссе, имеются и непроходимые топи. В исторические времена равнина в целом была необитаема; см.: *Borza E. N. The Natural Resources of Early Macedonia // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 3–7.*

Путь Дария в Македонию

Хэммонд заявляет, что «нет сомнений относительно пути», которым прошли персы в Македонию ок. 510 г. до н. э. Подобное его суждение отчасти основывается на размещении им озера Прасиада в северной части бассейна Стримона (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 58*). Геродот (V, 17) сообщает, что путь от озера Прасиада в Македонию — «короткий путь». Короткий путь от Нижнего Стримона идет по коридору, образованному озерами Короней и Болба. Это «короткий путь через внутреннюю часть страны», как говорит Геродот (IX, 89), описывая поспешное отступление персов из Греции после Платей. Подтверждает это и Эсхил (*Persae*, 494). В свою очередь, короткий путь от Верхнего Стримона следует по коридору, идущему под горой Керкини до верховий реки Эхедор (современный Галлик). В отличие от Хэммонда я нахожу невозможным определить местоположение озера Прасиада наверняка (*Borza E. N. Some Toponym Problems in Eastern Macedonia // АНВ. 1989. Vol. 3. P. 60–61*). При этом рассказ Геродота о движении персов от Стримона в Македонию полон сложностей; к примеру, см. *Hdt.*, VII, 124, — пассаж, не имеющий смысла с точки зрения географии. Какова бы, однако, ни была истина, мнение Хэммонда, что заболоченность Озерного коридора препятствовала использованию данного пути небольшим отрядом, опровергается тем фактом, что это был тот самый путь, которым отступала из Греции персидская армия несколько лет спустя.

Путь Ксеркса вокруг Темпейского прохода

Было многое сказано относительно упоминаний Геродотом (VII, 128; 173) Гонна как места, располагавшегося на выходе из Темпейской долины. Козьи тропы у Гонна, идущие вдоль Темпейского прохода, непри-

годны для следования по ним огромной армии, и армия Ксеркса потратила некоторое время на строительство дороги вместо того, чтобы совершить обход, как было ею сделано позднее в Фермопилах.

Притчетт предлагает правдоподобную альтернативу перевалу Петра (*Pritchett W. Xerxes' Route over Mount Olympos* // *AJA*. 1961. Vol. 65. P. 369–375). Имеется современный путь, который начинается от южной части прибрежной равнины Пиерии в Лептокарии (около античного Гераклеона) и поднимается к Зилианскому ущелью между Олимпом и Нижним Олимпом. Приблизительно 15 миль в глубь материка — и путь поворачивает к югу, проходя через возвышенности бассейна осушенного озера Незеро и вдоль западного склона Нижнего Олимпа, а затем плавно спускается к современному Гонну, обойдя таким образом Темпейскую долину. На этом пути нет серьезных преград, и возможно, именно им воспользовалась римская армия в 191 г. до н. э. (*Liv.*, XXXVI, 10, 11). Здесь же разворачивалась одна из кампаний Второй мировой войны, в которой были задействованы немецкие моторизованные войска. Подобно пути через перевал Петра, этот путь имеет преимущество быть поддержанным замечанием Геродота (VII, 131) о том, что Ксеркс прождал в Пиерии несколько дней, пока прокладывалась дорога для персидской армии.

Предложенный Притчеттом путь проще с точки зрения топографии, однако путь через перевал Петра гораздо лучше согласуется со словами Геродота. Вероятно, Гонн был ближайшим ориентиром для Геродота, когда он описывал путь через перевал Петра, огибающий Олимп и вступающий на Фессалийскую равнину приблизительно в десяти милях к западу от современного Гонна: фразы *Περραιβοῦς παρὰ Γόννον πόλιν* (VII, 128) и *κατὰ Γόννον πόλιν* (VII, 173) могут означать «позади» и «около» Гонна. Кроме того, дорога через перевал Петра была известна как путь, использовавшийся в военных целях: так, возможно, им последовал Брасид в 424 г. до н. э., когда он пришел из Перребии в Македонию к Диону (*Thuc.*, IV, 78, 6); в свою очередь, его важность была признана и в кампании римлян против царя Персея в 169 г. до н. э. (*Liv.*, XLVI, 6, 5–17, где имеется краткое, но информативное описание проходов, включая Темпейский, которые вели из Фессалии в Македонию).

При этом путь из Центральной Македонии в Фессалию через ущелье Галиакмона и перевал Волустана не подходящ (см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia*. Vol. II. P. 100. n. 2), ибо ущелье Галиакмона непроходимо. Обзор литературы по вопросу обхода Ксерксом Темпейской долины см.: *Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 B. C.* // *JHS*. 1976. Vol. 96. P. 100–120; *Pritchett W. Xerxes' Route...* P. 369–375.

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Hesiod. Cat. gyn., fr. 4

Неясная фраза Ἄλοος ἵπποχάρμης у Гесиода (Cat. gyn., fr. 4) была передана Хэммондом так: «Эол, который сражался с колесницы» (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. 272*). Ср.: Hesiod. Cat. gyn., fr. 3 (Loeb), где слово ἵπποχάρμῃν также трудно понять, хотя, на мой взгляд, оно означает не того, кто ведет бой с колесницы, а скорее (как и во фр. 4) того, кто рад лошадям. Какими бы ни были реалии военного дела в Греции бронзового века, эпическая литературная традиция наделяла героев колесницами (рудименты памяти о героическом величии) как транспортом к месту битвы (вроде примитивной службы военного такси), а не как платформами, с которых сражались. См.: *Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973. Ch. 1–3*. Характер местности в Греции в общем не вполне подходит для массовых атак колесниц, широко применявшихся на Ближнем Востоке. Так или иначе, использование колесниц, насколько нам известно, никогда не было частью более поздних военных традиций македонян. См. также: LSJ⁹, s. v. χάρμα; χάρμη.

Достоверность сообщений Страбона о Македонии

Я не согласен с трактовкой Хэммондом фр. 11 VII книги «Географии» Страбона (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 421*). То, что Страбон не упоминает македонян в своем описании иллирийского вторжения в Эмафию, явно указывает на период где-то до 650 г. до н. э., а не ограничивает со всей определенностью, как считает Хэммонд, зону их расселения прибрежными районами Македонии. Отсутствие упоминания македонян в этом фрагменте может означать или то, что они еще не спустились с западных гор в Эмафию, или то, что Страбон (либо его средневековый эпитоматор) получил неверные сведения. Действительно, чем чаще обращаешься к Страбону — и особенно к фраг-

ментам его труда — по вопросам, связанным с Македонией, тем меньше становишься уверенным в способности делать на их основе однозначные выводы.

Фрагменты VII книги сочинения Страбона совершенно неровны по своей ценности, и цитировать его в связи с чем-либо, касающимся Македонии, рискованно. К примеру, что мы должны думать об авторе (или его источнике), который делает западной границей Македонии побережье Адриатики (fr. 10), который проводит ее южную границу по Эгнатиевой дороге (fr. 10) и у которого устье Галиакмона отделяет Дион от Пидны и Мефоны (fr. 20 и 22)? Я принимаю предложенную Хэммондом реконструкцию ранней македонской экспансии (см. выше), но скорее из-за ее общей вероятности в стратегическом и географическом отношении, чем из-за использования им Страбона в качестве источника.

Персидская сатрапия в Европе

Вопрос о том, организовали ли персы сатрапию в Европе или нет, является предметом острой дискуссии. В числе основных работ в данной связи см.: *Balcer J. M.* 1) *The Persian Occupation of Thrace, 519–491 B. C.: The Economic Effects* // *Actes de IIe Congrès International des études du sud-est européen* (Athènes, 7–13 mai 1970). Т. II. Athènes, 1972. P. 241–258; 2) *Persian Occupied Thrace (Skudra)* // *Historia*. 1988. Bd. 37. P. 1–21; *Castritius H.* *Die Okkupation Thrakiens durch die Perser und der Sturz des athenischen Tyrannen Hippias* // *Chiron*. 1972. Bd. 2. S. 1–15. Хэммонд считает, что персы создали большую европейскую сатрапию во Фракии (называемую «Скудра»), которая включала в себя не только прибрежные районы Эгейского моря, но и внутренние земли к северу от Родоп (*Hammond N. G. L.* *The Extent of Persian Occupation in Thrace* // *Chiron*. 1980. Bd. 10. P. 53–61). Эту точку зрения не разделяют Балсер (*Balcer J. M.* *The Persian Occupation...*) и два автора, участвовавшие в написании второго тома «Кембриджской истории Ирана»: Кук указывает на то, что археологических свидетельств персидской оккупации внутренней Фракии не существует, а свобода передвижения греков и фракийцев равно и в прибрежных районах ставит под вопрос, была ли даже Южная Фракия оккупирована персами вплоть до преддверия их вторжения в Грецию (*Cook J. M.* *The Rise of the Achaemenids and the Establishment of Their Empire* // *CHI*. Vol. II. 1985. Ch. 5. P. 266–267); по мнению Берна (*Burn A. R.* *Persia and the Greeks* // *CHI*. Vol. II. 1985. Ch. 6. P. 306), «военная оккупация в глубь от моря» отсутствовала.

Я склоняюсь к аргументации Балсера (*Balcer J. M.* *The Persian Occupation...*) и Айзека (*Isaac B.* *The Greek Settlements in Thrace until the*

Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 17–18), из которых последний полагает, что главной целью персов во Фракии (по-видимому, до похода Ксеркса) был контроль над приморскими путями. Это подтверждается отсутствием персидского интереса к использованию минеральных ресурсов области Стримона-Пангея и в целом мирными отношениями между различными силами в регионе. Нет сомнений в том, что персы здесь присутствовали. Однако, за исключением нескольких гарнизонов в стратегически важных пунктах страны, их присутствие не было обременительным, и греки с фракийцами продолжали жить в этом регионе почти так же, как раньше.

Экспедиция Аристея к Потидее

Гомм удивляется тому, как Аристей мог миновать Пидну, которая была осаждена афинянами, и Ферму, которая находилась тогда в руках сторонников Филиппа (*Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945. P. 215*). Отсутствие удовлетворительного ответа на подобный вопрос является результатом того, что он неверно задан. Путь по суше был невозможен не только потому, что большая его часть в Македонии находилась в руках врагов, но и потому, что 40 дней — недостаточный срок, чтобы: (теперь следуем за Фукидидом — I, 60) новости о восстании Потидеи достигли Коринфа, были собраны отряды из разных частей Пелопоннеса и сформирована армия, а затем совершен марш к Потидее на Халкидику. Если придерживаться сорокадневной хронологии Фукидида, то эти силы — согласно здравому смыслу — должны были прибыть к Потидее на кораблях. Хотя Фукидид и не говорит о кораблях в I, 60, они упоминаются в I, 65, 1–2, где Аристей пользуется ими, чтобы вырваться из осажденной Потидеи. Итак, проблема исчезает: Аристей прибыл на Халкидику и покинул ее на кораблях.

Путь афинян от Пидны к Потидее

Из Пидны Фукидид (I, 61, 4–5) направляет афинян к Берое (совр. Верия) и Стрепсе (если принимать исправление в тексте; см. комментарий Гомма к этому пассажи) в северной части Термического залива, которые они атаковали без успеха. Затем афиняне вернулись к своему маршруту и по суше направились к Потидее, сопровождаемые двигавшимися вдоль берега кораблями. В данном пассаже Фукидида содержится ряд непреодолимых проблем, которые нельзя решить никакими исправлениями и изобретательными предположениями. Во-первых, если целью движения афинян была Потидея, почему тогда они просто не погрузились на ко-

рабли, чтобы без труда пересечь залив и оказаться на Халкидике? Если, однако, их целью было атаковать ряд македонских городов — тем самым нарушив свой недавний союз с Пердиккой, — зачем тогда нападать на Берою? Почему не на Эги, мимо которых они должны были пройти по пути к Берое? Или Фукидид ошибся, и в действительности имела место неудачная атака афинян на Эги? Однако нападение на македонский город, лежавший как раз в противоположном направлении от цели афинской экспедиции (т. е. от Потидеи), кажется маловероятным, особенно в свете того недостатка времени, которое афиняне, похоже, испытывали в связи с прибытием в Потидею Аристия. Кроме того, первая половина этой афинской «одиссеи», возможно, была проделана на судах, если мы со всей серьезностью принимаем упоминание Фукидида о том, что после нападения на Берию (и Стрепсу) афиняне прошли по суше (κατὰ γῆν) в три коротких перехода к Гигону в северо-западной части Халкидики, поддерживаемые 70 кораблями, плывшими вдоль берега. Тем не менее Берия никогда не была доступна для кораблей, хотя Стрепса, возможно, и была. Вместе с тем этот «Эмафийский итинерарий» имеет смысл только в том случае, если считать, что целью афинской стратегии после Пидны было устроить города Центральной Македонии. Но это не то, что говорит Фукидид. Причиной ухода из-под Пидны была Потидея, и именно к ней направился с кавалерией сам Пердикка.

Короче говоря, данный пассаж лишен смысла и является результатом путаницы событий у Фукидида. Некоторые изобретательные попытки (все с дополнительной библиографией) разрешить сложности см.: *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. P. 215–218; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 213; Hatzopoulos M. B. Strepsa: A Reconsideration, or New Evidence on the Road System of Lower Macedonia // Hatzopoulos M. B., Loukopoulou L. D. Two Studies in Ancient Macedonian Topography. Athens, 1987. P. 54–60*, который резонно полагает, что ряд трудностей преодолевается признанием того факта, что дорога шла из Пидны к Берое, прежде чем повернуть на север и восток, чтобы пересечь северную часть равнины по направлению к бассейну Аксия.

Датировка IG, I³, 89

Предлагаемая мной датировка македонско-афинского союза — ок. 423 г. до н. э. — не совпадает с той, которую отстаивает Хэммонд (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 135*). Он доказывает, что ситуация в Македонии в 423 г. до н. э. была неподходящей для заключения подобного союза, отчасти потому, что власть

Пердикки находилась тогда «почти в полном упадке». Это суждение предполагает, что союза добиваются только с позиции сильного, а не слабого, хотя в действительности союза может искать любая сторона, считающая, что его заключение ей выгодно. На самом же деле, несмотря на то что Пердикке не удалось присоединить к своим владениям Линкестиду, его позиция была в то время прочной как никогда. И хотя союз Пердикки с Афинами должен был повлечь за собой потерю им некоторых халкидских и пелопоннесских союзников, македонский царь получал поддержку Афин. Последний из доводов Хэммонда в пользу ок. 415 г. как даты заключения данного союза основывается на анализе им имен из списка в IG, I³, 89 — уцелевших и восстанавливаемых этим ученым — и, по моему мнению, может также служить подтверждением для датировки союза 423/2 г. до н. э.

Македонское государство в составе Афинской империи?

Хэммонд выдвинул предположение, что в период 423–417 гг. до н. э. Македонское государство было фактически частью Афинской империи (*Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. P. 133*). Подобное предположение привлекательно, но малоубедительно. В отличие от меня, Хэммонд считает Пердикку более слабым и более зависимым от Афин в это время. Отчасти расхождение в интерпретации основывается на моем убеждении, что афинско-македонские отношения в 423–417 гг. регулировались и в чем-то ограничивались договором 423/2 г. до н. э., который Хэммонд относит к более поздней дате (см. выше). Насколько нам известно, Пердикка снабжал тогда Афины только веслами (а не «лесом для строительства кораблей», как думает Хэммонд). Царь не предоставлял афинянам никакой иной военной помощи, и он мог вполне довольствоваться поддержанием в силе этого договора до тех пор, пока внешние перемены в общей военной/дипломатической ситуации не вынудили Пердикку отказаться от него. Вместе с тем нужно признать, что аргумент Хэммонда, что Пердикка в этот период не чеканил монету, серьезен, хотя, как мы видели ранее, любой довод, основанный на статистике нумизматических находок, не может быть решающим.

Раскопки в Пелле

Я весьма обязан Сиганиду, эфору древностей округа Пеллы и руководителю раскопок в этом месте, а равно ее коллегам, которые неоднократно щедро делились со мной своими знаниями о данном районе

и результатами ведущихся ими работ. Пецас, чьи более ранние раскопки в Пелле открыли многое в нижней части города, подробно обсуждал со мной историю и сложность проведения археологических работ в этом месте и помог мне поместить последнее в исторический контекст. Мои собственные интерпретации, связанные с данным городом, конечно, предварительны и остаются предметом для дополнений и исправлений посредством официальных публикаций отчетов о раскопках. Современное состояние археологических работ в Пелле суммируется в «*Archaeological Reports*» (1986–1987. Р. 39–40; 1987–1988. Р. 50–51). Кроме того, следует отметить и недавно высказанную Хадзопулосом точку зрения, согласно которой имеющиеся у нас свидетельства говорят в пользу переноса столицы в Пеллу не Архелаем, а Аминтой III (*Hatzopoulos M. B. Strepasa...* Р. 41–44), — предположение, которое я нахожу интересным, но не вполне убедительным.

Предполагаемое царствование Аргея

Диодор (XIV, 92, 3–4), рассказав о восстановлении Аминты на троне и определив длительность его царствования 24 годами, добавляет, что «некоторые говорят», что после изгнания Аминты македонянами в течение двух лет правил Аргей, после чего Аминта и вернул себе власть. Это единственное упоминание об Аргее. Ислами делает Аргея линкестийцем, возведенным на престол иллирийцами (*Islami S., Anamali S., Korkuti M., Prendi F. Les Illyriens. Tirana, 1985. Р. 57–58*). Хэммонд же доказывает, что Аргей являлся сыном царя Архелая (прямых свидетельств на этот счет нет, а аргументы выведены ученым логическим путем) и был посажен иллирийцами на трон в качестве царя-марионетки на почти двухлетний период — 393/2–392/1 гг. до н. э. (*Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Р. 172*). Кажется, это противоречит мнению Хэммонда, что Аминта был низложен македонянами, а Аргей избран ему на замену (*Ibid. Р. 175*). Даже если мы примем сомнительное предположение, что у македонян подобная «конституционная» процедура действовала, возникает вопрос: как и почему к ней прибегли во время иллирийской оккупации? Итак, изысканная реконструкция Хэммонда без примирения или объяснения имеющихся в источниках различий вызывает больше вопросов, нежели наши скудные сведения позволяют дать ответов.

В свою очередь, Эллис считает, что хронология событий Диодора и Исократa не оставляет достаточного времени для двухлетнего правления Аргея после иллирийского вторжения 393 г. до н. э. Действуя методом исключения, Эллис предлагает для правления Аргея 385–383 гг.

до н. э. и превращает его в царя-марионетку олинфян (*Ellis J. R. Amyntas III, Illyria and Olynthos, 393/2–380/79 // Μακεδονικά. 1969. Т. 9. Р. 5–8*); это согласуется и с мнением Гейера (*Geyer F. Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II. München; Berlin, 1930. S. 116–118*), но по иным причинам. Доводы Эллиса привлекательны, ибо предлагаемый им период совпадает с оккупацией олинфянами значительной части Центральной Македонии, включая Пеллу (*Xen. Hell., V, 2, 13*).

Эллис задает правильный вопрос: «Правил ли вообще Аргей, и если да, то когда?» К сожалению, не связав эти два компонента вопроса, он пытается ответить на его вторую часть, не обращая внимания на первую. Кроме того, помещение им правления Аргея в 80-е гг. IV в. до н. э. нарушает ясный порядок событий в изложении Диодора, который связывает вступление на престол Аргея с потерей власти Аминтой во время иллирийского вторжения 393 г. до н. э. Кажется, хронология Хэммонда предпочтительнее, хотя он и делает гораздо больше выводов относительно событий 393–391 гг. до н. э., чем того позволяют свидетельства.

И Хэммонд, и Эллис оспаривают прежнюю точку зрения, согласно которой пассажи XIV, 92, 3 и XV, 19, 2–3 Диодора дублируют друг друга. Довод Хэммонда (*Ibid. P. 174*), что к наличию повторения в труде Диодора нужно относиться в принципе критически, неудовлетворителен. Так, у этого античного автора имеется явное дублирование, когда описание им Мертвого моря в XIX, 48 почти дословно повторяет то, что он излагал в II, 48, 6–9. По вопросу повторений у Диодора с дополнительными примерами см.: *Simpson R. H. Abbreviation of Hieronymus in Diodorus // AJPh. 1959. Vol. 80. P. 376*. Диодор подчас не контролировал свой материал, а потому каждый случай у него должен оцениваться исходя из присущих соответствующему фрагменту качеств. И Хэммонд, и Эллис (*Ibid. P. 2*) находят значительные различия между двумя указанными пассажами, чтобы представить основание для их рассмотрения в качестве сообщений об отдельных событиях — двух иллирийских вторжениях. Однако между этими пассажами существует и много сходного (возможно, даже больше, чем различного), чтобы оправдать суждение о них как о дублирующих друг друга, т. е. как о двух версиях одного и того же события. Ни отрицание, ни признание наличия дублирования в данном случае не может считаться бесспорным, но я все же склоняюсь к признанию такового.

Гробница Аминты в Вергине?

Точка зрения Хэммонда, согласно которой расписанная ящичная гробница (Гробница I) в Большом кургане в Вергине (Эгах) была местом погребения Аминты (*Hammond N. G. L. The Evidence for the Identity of*

the Royal Tombs at Vergina // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 115–116), является лишь догадкой. Разбросанные по полу гробницы фрагменты костей принадлежали крупному мужчине, молодой женщине и ребенку либо утробному плоду (свидетельства на этот счет см.: *Borza E. N. The Macedonian Royal Tombs at Vergina: Some Cautionary Notes* // AN. 1981. Vol. 10. P. 81, n. 54). Будучи предположительно останками погибших, они не могут быть связаны с Аминтой. Кроме того, архитектура гробницы и ее великолепная внутренняя роспись были отнесены ко времени после смерти Аминты. (Живопись была связана со школой художника Никомаха, работавшего в конце 30-х — начале 20-х гг. IV в. до н. э.; см.: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City*. Athens, 1984. P. 90–91; см. также выше.) Наконец, мнение Хэммонда, что две миниатюрные головки из слоновой кости, найденные помимо других в Гробнице II, — портреты Аминты и Эвридики (*Hammond N. G. L. The Evidence...* P. 120), нельзя поддерживать. В македонских гробницах были обнаружены дюжины подобных головок, и практически ни одна из них не является репрезентативным портретом. Даже руководитель раскопок отошел от своего первоначального предположения, что эти головки из Гробницы II должны считаться изображениями родителей Филиппа II. См.: *Borza E. N. Macedonian Royal Tombs...* P. 79–81 (с библиографией); *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 130–132. Короче говоря, ничто из пока найденного в царских погребениях в Вергине не может быть связано с Аминтой и Эвридикой.

Престолонаследие и конституционный порядок

В 326/5 г. до н. э., когда Александр был серьезно ранен во время осады города маллов (Art. Anab., VI, 12, 1–3), воцарился хаос. Армия, опасаясь, что царь умер, пребывала в горе, задаваясь вопросом, кто поведет ее домой. Растерянность воинов в этой ситуации говорит не только об их боязни в связи с потерей лидера, но и об отсутствии процедуры избрания его преемника.

Отметим, однако, иную точку зрения Хадзопулоса, который доказывает, что наследование престола «не имело силы до тех пор, пока не оказывалось официально ратифицированным македонским собранием» (*Hatzopoulos M. B. Succession and Regency in Classical Macedonia* // AM. 1986. Т. IV. P. 291). Я не нахожу достаточных свидетельств, указывающих на то, что подобная процедура существовала, как и не могу принять мнение Хадзопулоса, что с Аргеадами македонский

народ связывал «моральный договор». Кроме того, отсутствие стабильности как в самой Македонии, так и в осколках империи Александра в период между его смертью и теми соглашениями, которые оформили будущий эллинистический политический порядок (323–297 гг. до н. э.), предполагает неустойчивость конституционного механизма.

Македонское защитное вооружение

Скудные литературные и археологические свидетельства о защитном вооружении македонян см.: *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. P. 422–423; Markle Minor M., III. The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armor // AJA. 1977. Vol. 81. P. 326–329.* Примечательно, что при раскопках в Македонии найдено мало панцирей и щитов, и возможно, что только македонские офицеры имели защитное вооружение. Лично я видел лишь один боевой щит — неопубликованный бронзовый образец эпохи эллинизма, — показанный мне куратором музейного хранилища. Даже принимая во внимание тот факт, что крупные металлические предметы, которые столь привлекательны для грабителей из-за ценности самого металла, как правило, не сохраняются, необычная малочисленность обнаруженного в македонских гробницах защитного вооружения предполагает достаточно небольшую долю его использования в античное время.

Метательные снаряды с именем Филиппа из Олинфа

Общепризнанно, что бронзовые наконечники стрел, найденные в Олинфе с надписью ΦΙΛΙΠΠΙΟ, — македонские (*Robinson D. M. et al. Excavations at Olynthus. Vol. X. Baltimore, 1941. P. 382–383. N 1907–1911; также см.: The Search for Alexander: An Exhibition. New York, 1980. N 104; цветная ил. 16).* Однако на многочисленных македонских пращевых ядрах из Олинфа (*Robinson D. M. et al. Excavations... Vol. X. P. 418–443. N 2176–2380*) с именем Филиппа (N 2228–2240) оно стоит в обычном родительном падеже — ΦΙΛΙΠΠΙΟΥ, что означает «от Филиппа» или «Филиппа». При этом обнаружены и другие пращевые ядра с именами некоторых полководцев Филиппа, приведенными также в родительном падеже. Можно задаться вопросом: а не являются ли наконечники стрел с именем Филиппа на самом деле олинфскими, имеющими надпись в местной форме дательного падежа («Филиппу»)? Есть, однако, резон полагать, что ΦΙΛΙΠΠΙΟ не укороченная форма родительного падежа

(ΦΙΛΙΠΠΟ[Υ]), а скорее укороченная форма именительного (ΦΙΛΙΠΠΟ[Σ]), как в случае с некоторыми пращевыми ядрами, на которых написано ΑΙΣΧΡΟ[Ν] ΔΟΡΟ[Ν] («неподходящий подарок»); относительно последнего см.: *Robinson D. M. New Inscriptions from Olynthus and Environs* // ТΑΡΑ. 1931. Vol. 62. P. 56. Значительный интерес могут представлять и комплекты наконечников стрел с именем Филиппа, найденные за стенами на западном склоне северного холма Олинфа, а также в одном из олинфских домов. Есть еще очень многое, что можно сказать по этой проблеме, и я надеюсь рассмотреть ее всесторонне в ближайшем будущем.

Останки в Гробнице II в Вергине

Мою критику построений Масгрейва и др. (*Musgrave J. H., Neave R. A. H., Prag A. J. N. W. The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedon* // JHS. 1984. Vol. 104. P. 60–78) см.: *Borza E. N. A Macedonian Skull* // Association of Ancient Historians Newsletter. 36 (April 1985). Первоначальный отчет антропологов не обнаружил признаков ни повреждения, ни заживления на черепе мужчины, погребенного в Гробнице II; см.: *Xirotiris N. I., Langenscheidt F. The Cremation from the Royal Macedonian Tombs at Vergina* // Αρχαιολογική εφημερίς. 1981. T. 120. P. 142–160.

Андроникос продолжает считать (совсем недавно: *Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs...* P. 186, 189, 231), что пара неодинаковых по размеру позолоченных поножей из входной камеры указывает на то, что погребенный воин — Филипп II, который, как известно, перенес тяжелые ранения ноги и бедра. *Левая* из поножей значительно короче и меньше в диаметре. Однако я уже отмечал (*Borza E. N. Macedonian Royal Tombs...* P. 78–79), что все македонские поножи, для которых мне удалось найти данные, имеют неодинаковую длину (хотя размеры этой пары необычно диспропорциональны). К тому же общепризнанно, что тяжелая рана бедра (Филипп был пригвожден копьем к своей лошади) у взрослого мужчины не укорачивает ногу. Более того, на основе античных свидетельств Грин показал, что Филипп был ранен в *правую* ногу (*Green P. The Royal Tombs of Vergina: A Historical Analysis* // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 135–136). К сожалению, кости ног не подвергались такому тщательному антропологическому исследованию, как кости черепа. Если не считать определения возраста и пола погребенного, на кости из гробницы обращают мало внимания с целью выявления их особенностей.

Переходная ящичная/камерная гробница?

Интересная — и загадочная — гробница, которая могла бы пролить свет на проблему трансформации македонских гробниц, была обнаружена близ Катерини, у входа в перевал Петра со стороны Пиерии. Это небольшая ящичная гробница, покрытая плитой. Внутри нее находятся две камеры почти одинакового размера с разделительной стеной и дверями. У нее отсутствуют лишь цилиндрический свод и фронтальный вход истинно македонской гробницы. Данная гробница, исходя из найденных в ней случайных фрагментов керамики и монеты Аминты III, датируется второй четвертью IV в. до н. э. На первый взгляд она могла бы показаться переходной формой между ящичным и камерным типами гробниц. Однако это единственный пример, к тому же по времени она предшествует многим из найденных ящичных гробниц. Одна эта гробница — у которой отсутствуют внешние архитектурные украшения, — недостаточное свидетельство для того, чтобы на нем строить какую-либо теорию о переходных формах. Отчеты раскопавшего ее археолога см.: *Δεσποίνη Α.* 1) 'Ο τάφος της Κατερίνης // ΑΑΑ. 1980. Τ. 13. Σ. 198–209; 2) 'Ο τάφος της Κατερίνης // Οι αρχαιολόγοι μιλοῦν γιὰ τὴν Πιερία. Θεσσαλονίκη, 1985. Σ. 43–46.

1 — золотая погребальная маска и шлем «иллирийского» типа, Синд
(конец VI в. до н. э.)

2.1

2.2

«Гробница Эвридики» в Вергине.

2.1 — погребальная камера;

2.2 — спинка мраморного трона с изображением Аида и Персефоны

3 — фреска из Гробницы I в Вергине. Похищение Персефоны Аидом

4 — вид фасада Гробницы II в Вергине

5 — реконструкция фрески на фризе Гробницы II в Вергине

6

7

8

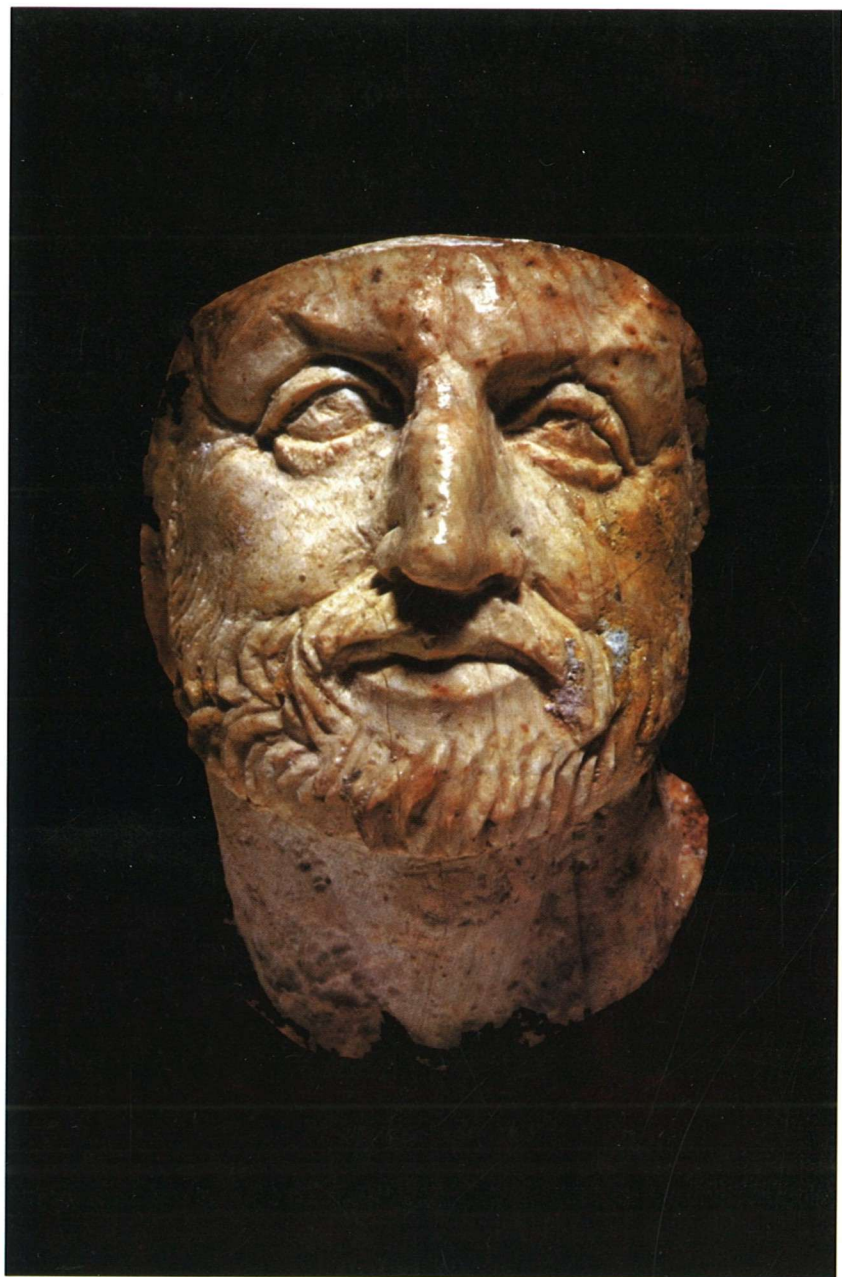
9

6 — железный панцирь из Гробницы II в Вергине

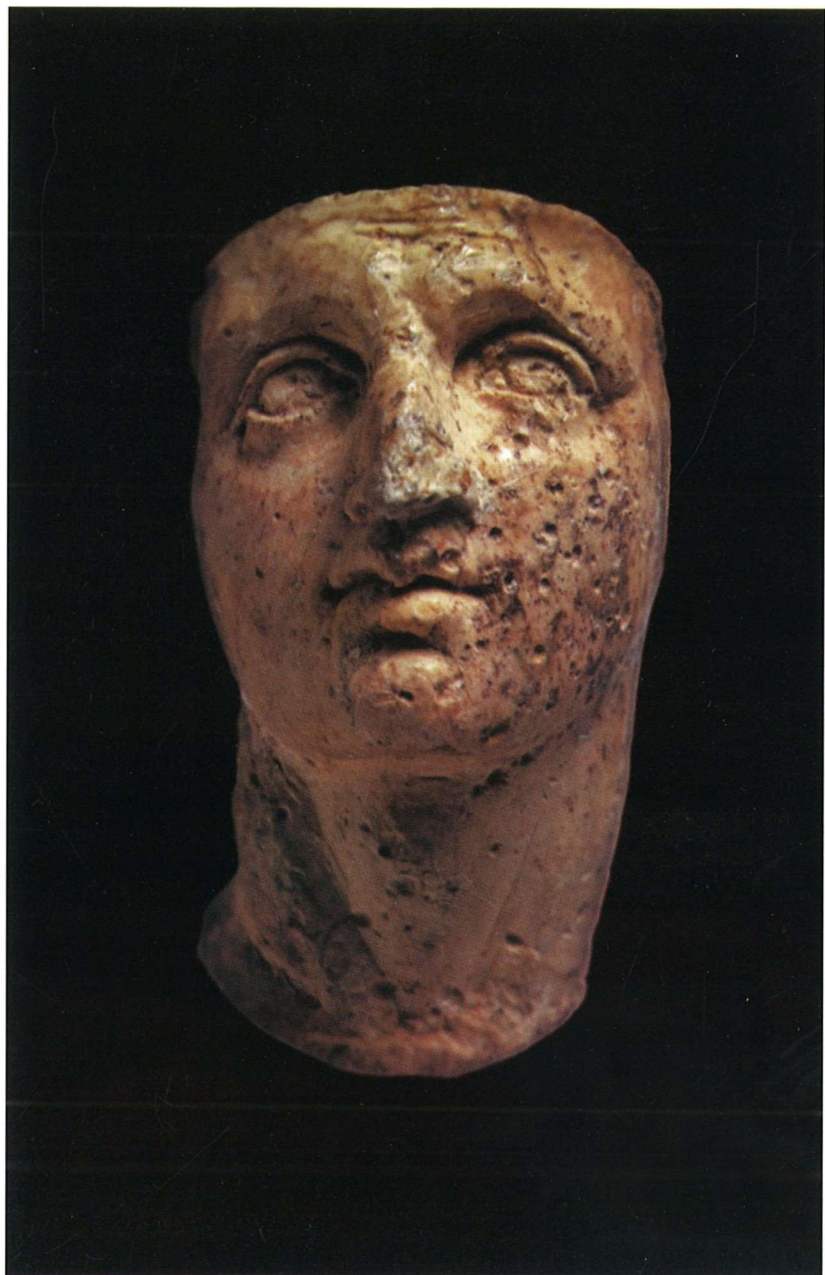
7 — пара позолоченных бронзовых поножей из Гробницы II в Вергине

8 — золотой горит из Гробницы II в Вергине

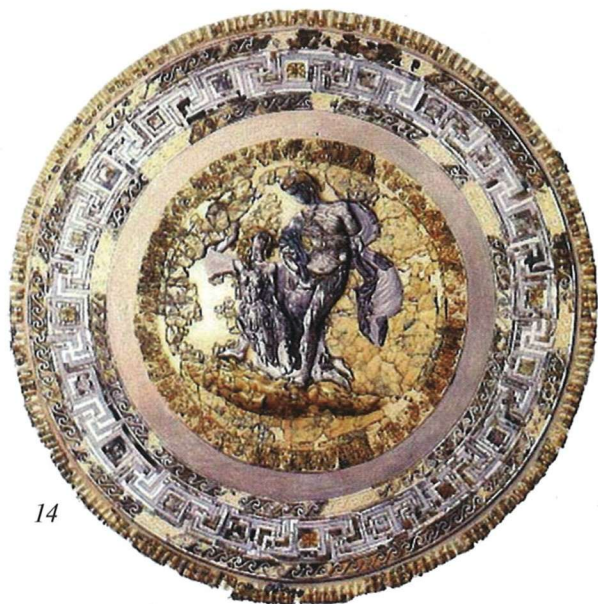
9 — золотой венок из Гробницы II в Вергине

10 — головка из слоновой кости из Гробницы II в Вергине. Филипп II?

*11 — головка из слоновой кости из Гробницы II в Вергине.
Александр Великий?*

14

13

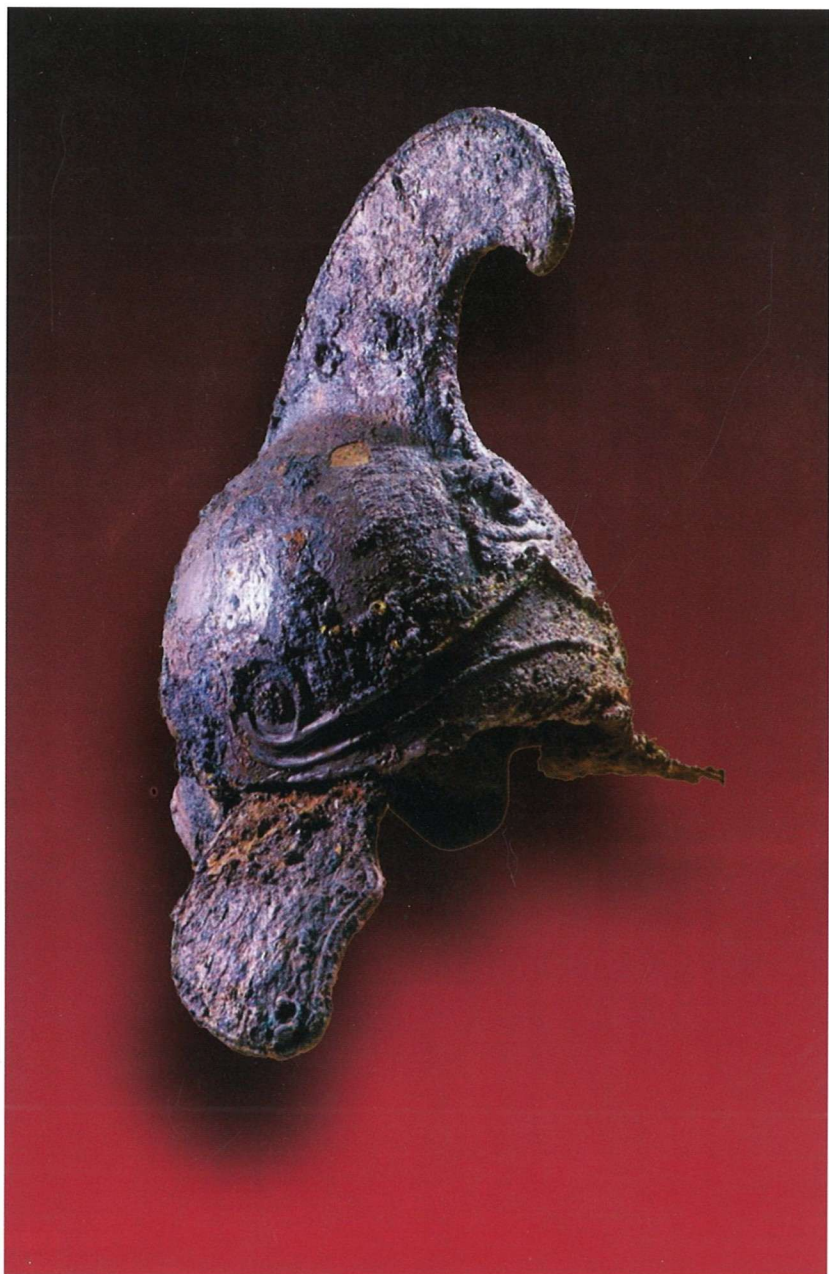

15

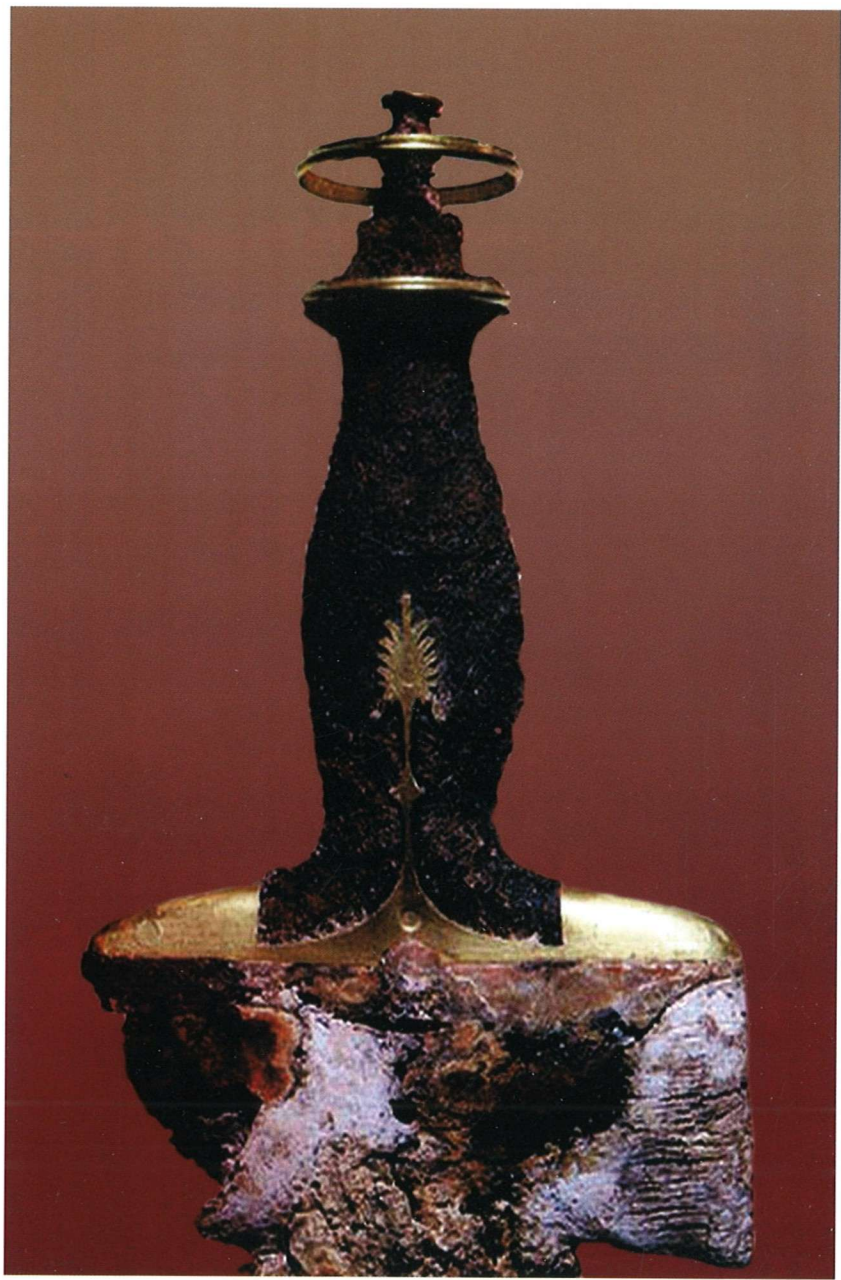

12

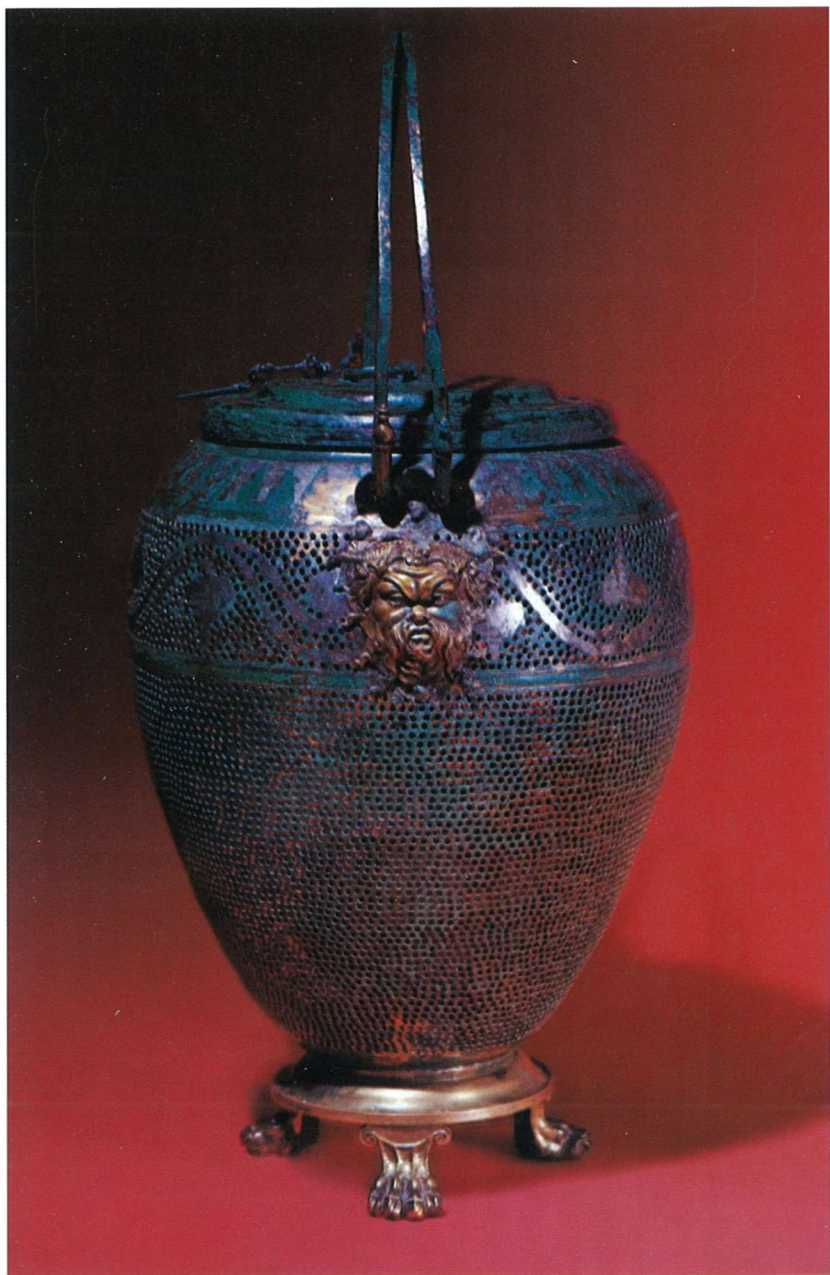
- 12 — позолоченная серебряная «диадема» из Гробницы II в Вергине
 13 — золотая погребальная урна из Гробницы II в Вергине
 14 — щит из Гробницы II в Вергине
 15 — бронзовый наконечник стрелы с надписью ΦΙΛΙΠΠΟΥ, Олиф

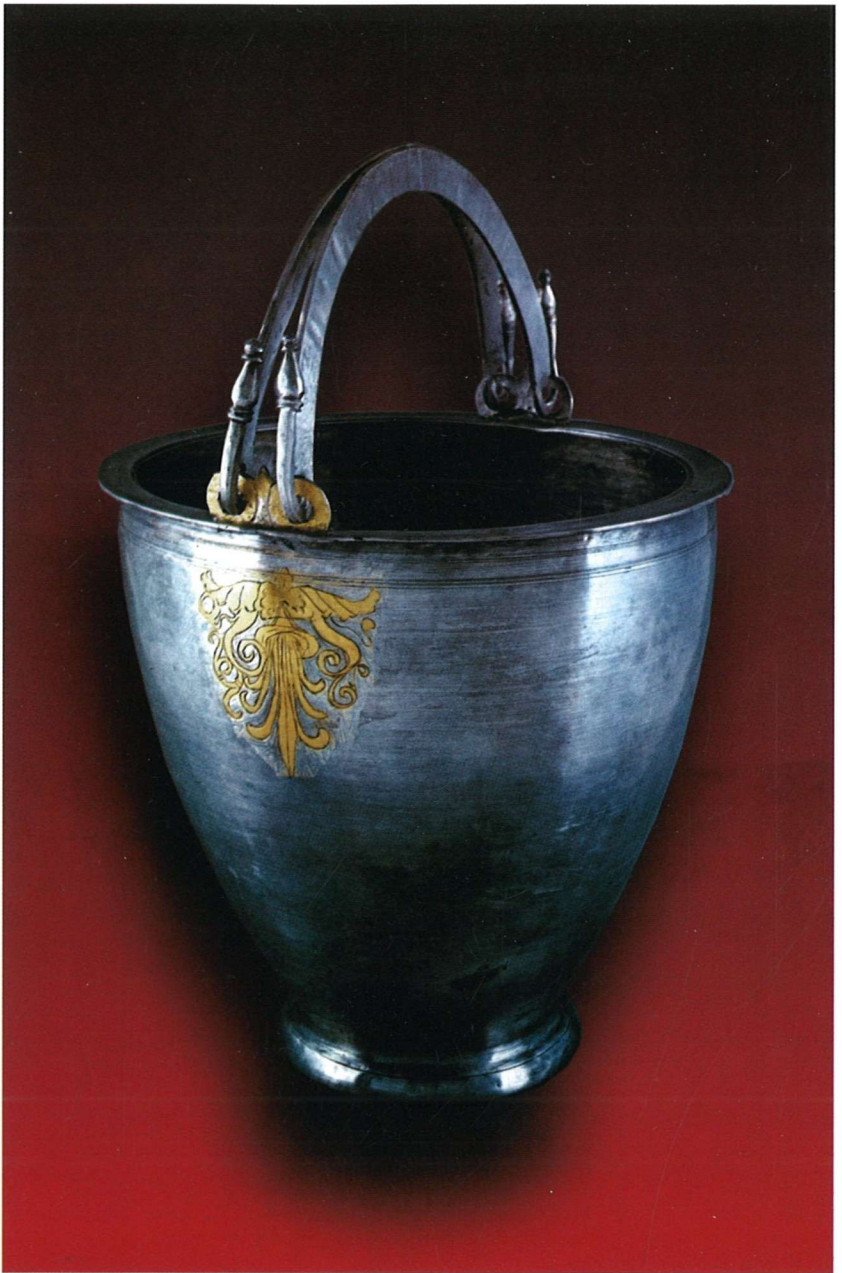
16 — железный шлем из Гробницы II в Вергине

17— рукоятка меча из Гробницы II в Вергине

18 — бронзовый светильник из Гробницы II в Вергине

19 — серебряный сосуд для воды или вина из Гробницы III в Вергине

20.1

20.2

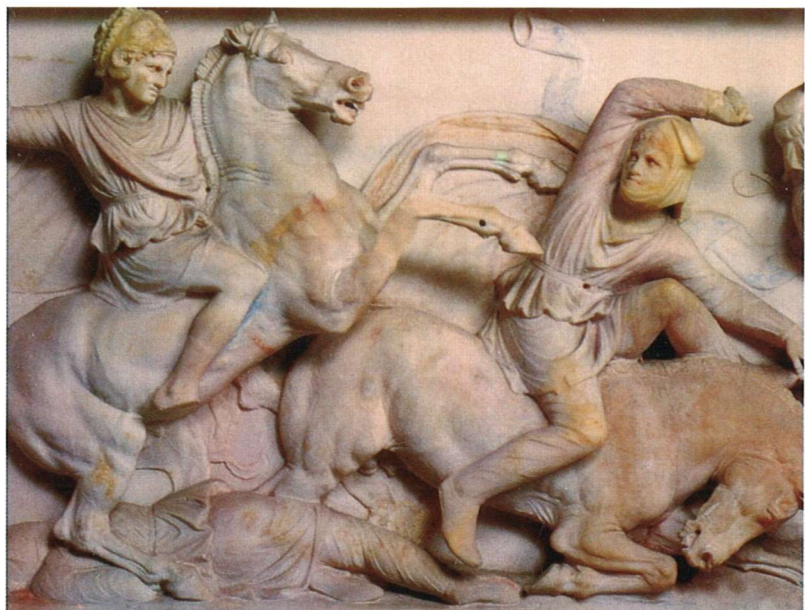
«Гробница с пальметтами», Лефкадия (первая половина III в. до н. э.).
20.1 – фасад; 20.2 – погребальная камера

21 — фреска на фасаде «Гробницы Кинча» (конец IV — начало III в. до н. э.). Македонский всадник, атакующий перса

22 — «Саркофаг Александра», Стамбул. Общий вид

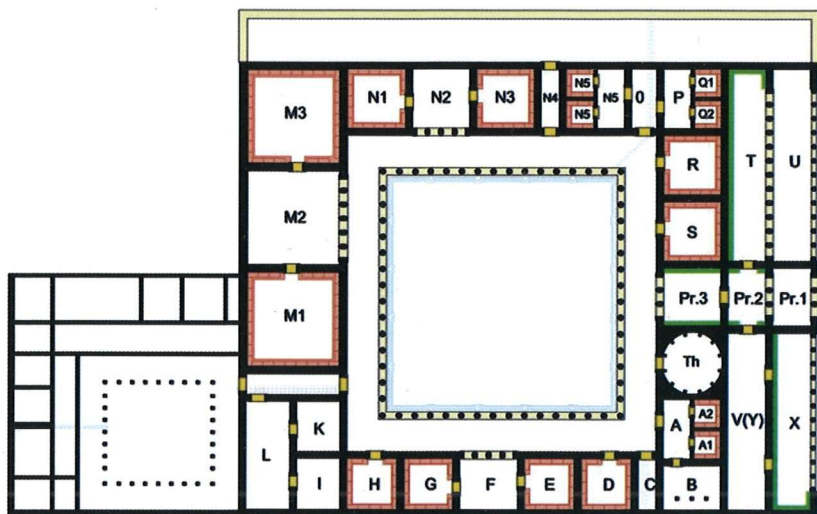
23 — «Саркофаг Александра».
Битва македонян с персами, фрагменты фриза

24 — «Мозаика Александра» из Помпей, Неаполь.
Сражение Александра Великого с Дарием III

25 — руины дворца в Вергине

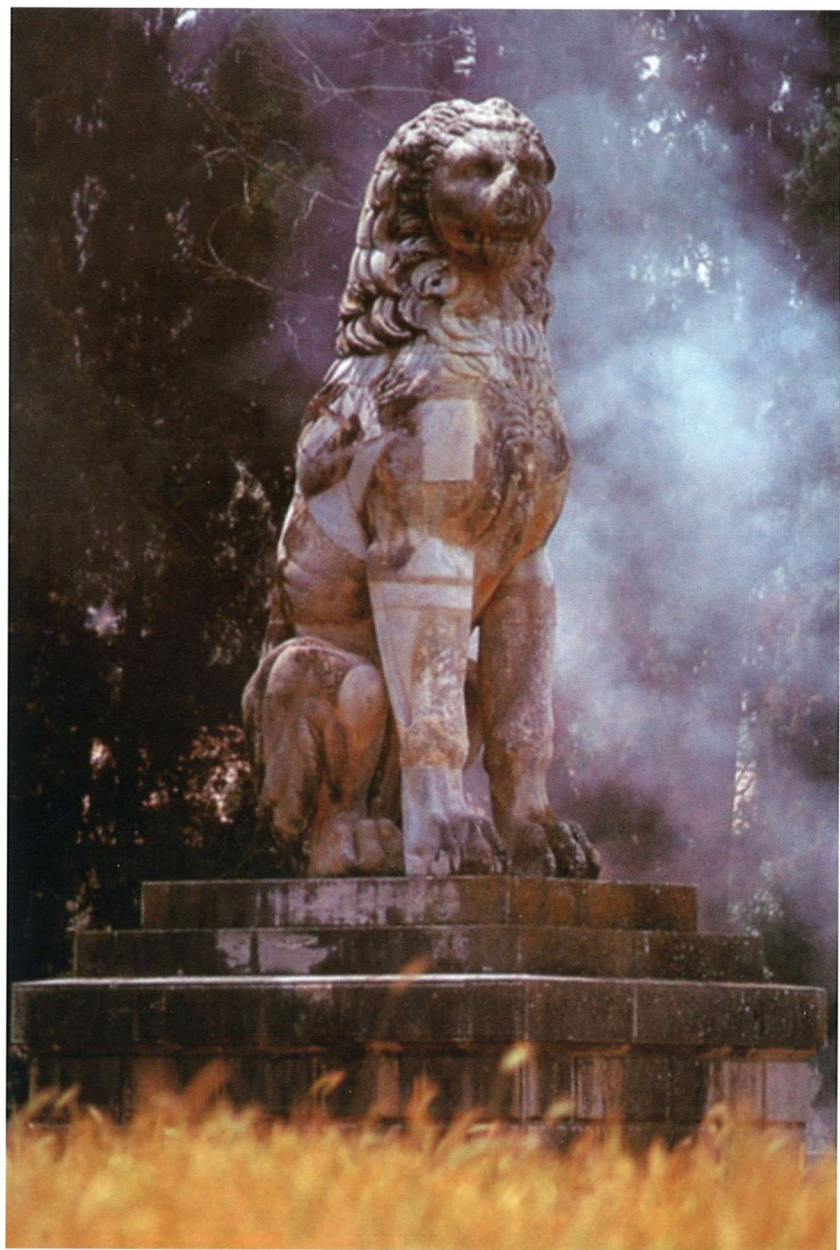
26 — план дворца в Вергине

27 — гробница в Айдос Афанасиос (последняя четверть IV в. до н. э.).
Македонские воины, фрагменты росписи фасада

28 — изображения македонских воинов слева и справа от входа в гробницу
в Айос Афанасиос

29 — Херонейский лев. Памятник фиванцам, погибшим в битве при Херонее в 338 г. до н. э.

ДОПОЛНЕНИЯ К ИЗДАНИЮ В МЯГКОЙ ОБЛОЖКЕ

Когда мне представилась возможность опубликовать пересмотренное и исправленное издание настоящей книги, я связался с рядом ученых, занимающихся изучением античной Македонии, и попросил их указать на ошибки и огрехи в первоначальном тексте, а также сообщить предложения, касающиеся новых и иных трактовок сюжетов, рассмотренных здесь. Я благодарен коллегам как из этой страны, так и из-за рубежа, которые откликнулись на эту мою просьбу с их обычной учтивостью и великодушием, и мне приятно отметить их помощь, а именно: У. Линдсей Адамса, Манолиса Андроникоса, Эрнста Бэдиана, Уильяма Бирса, Костаса Буразелиса, Стэнли М. Берстейна, Элизабет Карни, Джека Р. Эллиса, Малкольма Эррингтона, Питера М. Грина, Уильяма Гринуолта, Николаса Хэммонда, Кеннета Харла, Вальдемара Хэккела, Чарльза А. Херша, Фрэнка Л. Холта, Саймона Хорнблауэра, Джонатана Масгрейва и Ольги Палагии.

В первоначальный текст и примечания были внесены поправки. Где это было возможно, к тексту, примечаниям и приложениям я сделал некоторые незначительные добавления, но так, чтобы сохранить прежнюю нумерацию страниц. Библиография и указатели остались без изменений¹. Таким образом, настоящее приложение служит для того, чтобы представить в нем новый материал. Я не пытался включить сюда всю научную литературу, которая появилась за те пять лет, которые прошли с завершения мною изысканий для оригинального издания. Чтобы учесть все, мне понадобилось бы либо переписать значительную часть книги, либо составить приложение, которое оказалось бы громоздким. Вместо этого я выбрал отдельные вопросы, в изучении которых наметились новые тенденции и знакомство с которыми дало бы возможность серьезному читателю приступить к их изучению в деталях.

¹ [Работы, указанные в данном Приложении, были внесены в библиографический список, заключающий русский перевод обеих книг Ю. Борзы. — *М. Х.*]

Некоторая информация археологического плана взята мною из газетных сообщений и докладов, произнесенных на различных конференциях. Впрочем, ничто из этого неспособно стать удовлетворительной заменой научных публикаций материалов раскопок. Возможно, что в данном случае самый простой путь идти в ногу со временем — это читать ежегодные краткие сообщения о раскопках и обзоры в разделах «Archaeological Reports», посвященных Македонии.

В настоящем приложении после краткого введения, посвященного новым книгам об античной Македонии, дополненный материал организован по названиям глав оригинального издания. Поэтому я советую читателю пользоваться этими новыми примечаниями, соотнося их с соответствующими главами. Таким образом можно будет познакомиться с современными идеями и открытиями, а также заметить, насколько быстро трактовки (включая и некоторые трактовки автора) способны меняться вследствие появления новых свидетельств и критики старых взглядов.

Несколько недавних публикаций

Недавно появились три новые книги по истории античной Македонии. Так, англоязычные читатели рады приветствовать перевод книги Эррингтона «Geschichte Makedoniens» (München, 1986); см.: *Errington R. M. A History of Macedonia / Engl. Transl. by C. Errington. Berkeley; Los Angeles, 1990*). Труд опубликован без изменений, если не считать исправленных опечаток.

Из-под пера неутомимого Хэммонда вышли две новые книги. О содержании его «The Macedonian State: Origins, Institutions, and History» (Oxford, 1989) можно понять из самого названия работы. В ней Хэммонд подробно и при этом со ссылками на античные свидетельства и некоторую современную литературу высказывает многие суждения, представленные в его «A History of Macedonia» (Vol. I–III. Oxford, 1972–1988). Автор не переменял сколько-нибудь существенно своих взглядов по основным вопросам, связанным с происхождением и институтами македонян. Его книга «The Miracle That was Macedonia» (London; New York, 1991) была написана для серии «Great Civilizations» издательства «Sidgwick & Jackson». Она слишком обстоятельна и строга для простого читателя, на которого она, по-видимому, рассчитана, а из-за отсутствия в ней примечаний и новых интерпретаций не подходит для специалистов. Так что труд Эррингтона по-прежнему остается лучшим введением в историю античных македонян. Подробный обзор, в котором сравниваются «Македонское государство» Хэммонда, «История Македонии» Эррингтона и настоящий труд, см.: *Carney E. Review Essay on Macedonian History // АНВ. 1991. Vol. 5. P. 179–189.*

Книга Грина «Alexander of Macedon», впервые опубликованная в 1974 г. издательством «Penguin» в серии «Pelican Biography», была перепечатана издательством Калифорнийского университета (Berkeley; Los Angeles, 1991), и именно ею будут пользоваться до тех пор, пока этот ученый не завершит подготовку нового издания этого труда. Несмотря на то что книга Грина устарела в некоторых вопросах, она остается самой доступной и ярко написанной из всех современных биографий Александра и заслуживает внимания каждого, кто интересуется самым легендарным из царей Македонии.

Наконец, нужно отметить появление еще одного труда, хотя основная его тема и находится за временными пределами настоящей книги. Это важное исследование, посвященное жизни и деятельности одной из наиболее значительных переходных фигур между эпохой Филиппа и Александра и временем войн диадохов — Антигона Одноглазого: *Billows R. A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley; Los Angeles, 1989.

Глава 1. К истории древней Македонии

Балканская политика

Слабая надежда, которую я первоначально выразил по поводу мира и международного сотрудничества на Балканах, была развеяна недавними событиями. Конец Советской империи в Восточной Европе и наблюдаемый развал Югославского государства — или, по крайней мере, сокращение его размеров после объявленного несколькими республиками суверенитета — придают «македонскому вопросу» новую форму. Югославская Македония объявила о частичной независимости, хотя то, что она является одной из самых бедных республик, делает ее подлинную автономию от Югославии проблематичной.

Греческая реакция на возможность появления славянской Македонии была недружественной. Позиция Греции состоит в том, что в настоящее время «Македония» имеет исключительно географическое значение и что, поскольку не существует македонского этноса, не может быть и македонского национального государства. (Греческие газеты регулярно говорят о Македонской республике как о «Республике Скопье».) Граждане югославской Македонии считают себя этническими македонянами, подобно некоторым западным болгарам. Позиция болгарского правительства поэтому противоречива, хотя создание независимого македонского государства на западных границах Болгарии может, вероятно, нанести ущерб ее интересам. Этот вопрос продолжает оставаться провокационным, причем не только на самих Балканах, но и в балканских эмигрантских

кругах по всему миру. Национальная враждебность, подавлявшаяся долгое время, вышла наружу: мы являемся свидетелями напряженности, напоминающей о 1912–1913 гг., т. е. о времени сразу после краха владычества Турции и до установления нового политического порядка по итогам Первой мировой войны. Сковывающее воздействие современных событий на серьезное исследование истории древних Балкан самоочевидно и не сулит в будущем ничего хорошего. Недавно появившееся ясное описание состояния современного «македонского вопроса» см.: *Kaplan R. D. History's Cauldron // Atlantic Monthly (June 1991). P. 92–104.*

Глава 2. Земля Македонии

Район Гревены

Одним из наименее изученных районов Западной Македонии являются земли вокруг Гревены. Исчерпывающее географическое, археологическое и историческое исследование района, осуществленное совместной греко-американской группой под руководством профессора Уилки, локализовало (на 1989 г.) 267 поселений, начиная с доисторической поры и до современности. См.: *Archaeological Reports. 1990. Vol. 36. P. 49–50.*

Местоположение Мефоны

Обстоятельное исследование проблемы местоположения(-ий) Мефоны, включая вопрос возможного переоснования этого города, теперь см.: *Hatzopoulos M. B., Knoepfler D., Marigo-Papadopoulos V. Deux sites pour Methone de Macédoine // BCH. 1990. Т. 94. P. 639–668.* Так или иначе, местоположение Мефоны в классическую эпоху нужно перенести на двести миль севернее, чем это показано на картах, приведенных в настоящей книге.

Глава 3. Доисторическая Македония

Новое открытие, относящееся к доисторическому периоду

Возможно, что *archanthropos petraloniensis* имеет более древнего «родственника». Широко сообщалось, что летом 1991 г. Раннелс из Бостонского университета обнаружил на дне палеолитического озера в Западной Греции, в окрестностях Никополя близ залива Акции, кремневое рубило. Это орудие, у которого есть аналоги в Западной Европе, было изготовлено, как считают, в период от 200 000 до 500 000 лет тому назад.

Археологическое изучение Албании

Трудности с получением информации о древней Албании теперь частично преодолены работой Пренди (*Prendi F. The Prehistory of Albania* // САН². Vol. III. 1982. P. 187–237).

Микенцы в Македонии

Продолжающиеся раскопки на прибрежной равнине Пиерии между Темпейской долиной и землями у горы Олимп, возможно, открыли, согласно отчетам археолога Пулаки-Пандермали, несколько микенских некрополей. Пока неясно, являются ли обнаруженные при раскопках этих некрополей предметы микенцев свидетельством существования в данном районе их *поселений* (со всем, что должно сопутствовать поселениям), либо же просто импортированными сюда товарами. Для обоснованного вывода на этот счет нужно ждать исчерпывающей публикации соответствующих материалов.

Новые исследования

Несколько важных работ по историческим, лингвистическим и археологическим проблемам в период позднего бронзового века — архаическую эпоху в Македонии опубликованы в издании: *Magna Grecia, Epiro, e Macedonia. Atti del Ventiquattresimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto, 5–10 Ottobre 1984. Taranto, 1985.* Здесь особенно см.: *Vokotopoulou J. La Macédoine de la protohistoire à l'époque archaïque.* P. 133–166; *Kilian K. Magna Grecia, Epiro e Macedonia durante l'eta del ferro.* P. 237–288.

Глава 4. Кем были македоняне?

Археология железного века

Обзор см.: *Hammond N. G. L. Illyris, Epirus and Macedonia in the Early Iron Age* // САН². Vol. III. 1982. P. 619–656; для Македонии см. особ. P. 642 ff. Надо, однако, иметь в виду, что многое, касающееся данной эпохи, подвергается сейчас переоценке из-за быстрого увеличения объема информации вследствие ведущихся археологических раскопок.

Этническая принадлежность

В оригинальном издании я надеялся положить конец запутанному вопросу об этнической принадлежности древних македонян (1) выработкой некоторых стандартов, по которым можно определить национальность древнего народа, и (2) попыткой отделить этот спорный вопрос от современной политики. И хотя я по-прежнему придерживаюсь

принципов первого пункта, я признаю, что потерпел неудачу по второму. Ничто не способно удержать многих греков от того, чтобы не связывать их современную историю с эллинским македонским прошлым; это остается насущным политическим вопросом в Греции наших дней.

Единственное новое свидетельство, имеющее отношение к вопросу об этнической принадлежности древних македонян, эпиграфическое. Так, на Втором международном конгрессе македонских исследований, состоявшемся в Мельбурне в 1991 г., Акаматис сообщил, что обнаружение в «обычном» захоронении в Пелле свинцовой таблички с текстом проклятий на греческом языке, датируемой концом V в. до н. э., поддерживает ту точку зрения, что применение этого языка не ограничивалось лишь эллинизированными высшими слоями македонского общества. Будем надеяться, что публикация данной таблички — и анализ ее диалекта — внесет вклад в до сих пор ведущийся спор о языке македонян.

Как теперь представляется, широкое использование письменного греческого языка в македонском обществе могло относиться к более раннему времени, чем думали прежде. Вместе с тем моя основная точка зрения не изменилась: подходящих по качеству свидетельств все еще недостаточно, чтобы стало возможным точно определить этническую принадлежность македонян, исходя только из языка. Необходимо, чтобы имелось более обстоятельное исследование греческого диалекта(-ов), используемого в Македонии в каждый конкретный период. До сих пор речь шла о формах ионийского, дорийского, эолийского, а также стандартного аттического греческого языка. Зададим в качестве методического такой вопрос: почему регион, расположенный в трех сотнях миль к северу от Афин и не колонизированный ими, мог пользоваться аттическим диалектом, если тот не был сюда привнесен? Иначе говоря, аттический диалект едва ли мог быть местным, и его применение является, вероятно, частью процесса эллинизации. Поставим тогда вопрос по-другому: если родным языком македонян был греческий, то каким был его *македонский* диалект?

Македоняне, возможно, были, а возможно, не были связаны с другими известными этническими группами, такими как греки, которые жили от них к югу. При всем том, однако, ясно, что, хотя их монархи и бароны и подверглись во многих отношениях довольно сильной эллинизации, они оставили свой след в античности как *македоняне*, а не как племя какого-то иного народа.

Синд

Для многих предметов, обнаруженных при раскопках некрополя в Синде (античный Анхиал) — к примеру блюд, гранулированных юве-

лирных изделий, железных «игрушек», — и некогда считавшихся нетипичными для македонских погребений (были ли в таком случае жители этого поселения македонянами?), теперь обнаружены аналоги в столь далеко отстоящих друг от друга местах, как Эани (в Верхней Македонии близ нынешнего Козани) и Эги на центральной равнине.

Глава 5. Александр I

Фракийские исследования

Подробнее о фракийцах, знание истории и культуры которых требует дальнейшего археологического изучения, см. полезный комментарий к нашему лучшему из сохранившихся письменных источников в данной связи: *Asheri D. Herodotus on Thracian Society and History // Hérodote et les peuples non Grecs. Vandoervres; Genève, 1990. P. 131–169.*

Эллинизм в Западной Македонии

Открытие в районе Козани высокоразвитого поселения, идентифицированного как античные Эани, включая общественные и частные здания, гробницы (как камерного, так и ящичного типов), начиная с VI в. до н. э. и вплоть до эпохи эллинизма, керамику и скульптуру, предполагает, что Элимея едва ли была изолированным и бедным регионом. Раскопки данного поселения дают важную информацию о процессе эллинизации Западной Македонии. Обнаруженный материал необычайно эклектичен, и мы с нетерпением ждем его исчерпывающей публикации, а также обсуждения архитектуры, гробниц и погребальной утвари Эани. Неожиданное богатство этого поселения относится к тем сюрпризам, которыми в последние годы характеризуется археологическое изучение Македонии, и подтверждает ту точку зрения, что мы находимся лишь в начале постижения этого замечательного региона. См.: *Archaeological Reports. 1986–1987. Vol. 33. P. 40; 1987–1988. Vol. 34. P. 49–50; 1988–1989. Vol. 35. P. 74–75; 1989–1990. Vol. 36. P. 56.*

Глава 6. Пердикка II

Новые нумизматические данные

В 1989 г. из земли был извлечен большой клад тетроболов, включающий в себя 197 серебряных монет царей Македонии. Клад содержит практически весь набор македонских легких тетроболов V в. до н. э., удвоив тем самым известное до тех пор число монет этого типа, отчеканенных при Александре I, и почти утроив число подобного рода монет Пердикки II. Вес и сплав легких тетроболов не показывает какого-то серьезного их

ухудшения между стабильным правлением Александра и неустойчивым царствованием Пердикки, подтверждая, таким образом, мое мнение о том, что нельзя судить об успешности правлений только по анализу качества монет. Я благодарен Хершу за то, что он сообщил мне об этой важной нумизматической находке, предоставив оттиск своей статьи: *Hersh Ch. A. A Fifth-Century Circulation Hoard of Macedonian Tetrobols // Mnemata: Papers in Memory of N. M. Waggoner. New York, 1991. P. 3–19, pl. 1–8.*

Глава 7. Архелай

Пелла

Гринуолт поделился со мной мыслью о том, что Архелай, который предпринял крупную монетную реформу, возможно, видел в развитии Пеллы также значительную экономическую выгоду. Несомненно, что Пелла вместе с ее портом Факом занимала превосходное положение для эксплуатации ресурсов долины Аксия. Продолжающееся археологическое изучение города может предоставить материальные свидетельства положения Пеллы как экономического центра. Раскопки в этом месте продолжаются быстрыми темпами, хотя до сих не обнаружено никаких следов дворца эпохи Архелая; самая древняя часть найденного дворца относится к середине IV в. до н. э.

Глава 8. Дом Аминты III

Эвридика

В своей новой работе Мортенсен убедительно доказывает, что нелестный портрет Эвридики, присутствующий в античных источниках, особенно у Юстина (VII, 4, 5–5, 8), отчасти является результатом древней пропаганды и отражает недоверие к талантливой и сильной женщине (можно вспомнить о сходной враждебности по отношению к Олимпиаде и Клеопатре VII). Мортенсен полагает, что все усилия Эвридики были направлены на сохранение трона за своими сыновьями и что ее образ, представленный у Эсхина (II, 25–27) и Плутарха (Mor., 14 a–c), ближе к действительности (*Mortensen K. Eurydice: Demonic or Devoted Mother? // ANB. 1992. Vol. 6. P. 156–171*).

Среди других недавних работ, посвященных македонским царственным женщинам в целом и Эвридике в частности, см.: *Carney E. 1) What's in a Name?: The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period // Women's History and Ancient History / ed. by S. B. Pomeroy. Chapel Hill, 1991. P. 154–172; 2) The Career of Adeia-Eurydice // Historia. 1987. Bd. 36. P. 496–502.*

В 1987 г. Андроникос раскопал большую сводчатую двухкамерную гробницу в Вергине рядом с гробницей Помэоса (ее описание: *Andronikos M. Some Reflections on Macedonian Tombs* // BSA. 1987. Vol. 82. P. 1–16). Хотя данная гробница была разграблена, остатки погребальных приношений указывают на то, что это было женское захоронение, а богатство декора гробницы и приношений позволяет предположить, что в ней нашла последний приют какая-то известная персона. Андроникос считал, что это гробница Эвридики (цв. ил. 2), и может быть датирована концом 40-х гг. IV в. до н. э. (поддержано: *Hammond N. G. L. The Royal Tombs at Vergina: Evolution and Identities* // BSA. 1991. Vol. 86. P. 70–71). Подобная датировка базируется на обнаруженных в гробнице нескольких фрагментах аттической краснофигурной керамики и панафинейской амфоре, на которой указано имя афинского архонта 344/3 г. до н. э. Однако профессор Бирс напомнил мне, что такие сосуды обычно относятся к группе «фамильных ценностей», передаваемых по наследству; иными словами, обращение к ним для датировки захоронений проблематично. И хотя Андроникос на основании этой амфоры отнес открытую им сводчатую гробницу к 40-м гг. IV в. до н. э. (за ним последовал Хэммонд), я все же предпочитаю проявлять в данном случае осторожность. Кроме того, Андроникос считает, что памятник, посвященный Эвридикой Эвклее, прославляет победу македонян при Херонее в 338 г. до н. э. (см. выше). Но нельзя настаивать и на том, и на другом одновременно: женщина, захороненная в 343–340 гг. до н. э., посвятила монумент, прославлявший событие 338 г. до н. э.! Очевидно, что весь этот вопрос требует дальнейшего осмысления.

Гринуолту принадлежат две интересные статьи, посвященные Аргеадам середины IV в. до н. э.: *Greenwalt W. S. 1) Amyntas III and the Political Stability of Argead Macedonia* // AW. 1988. Vol. 18. P. 35–44; 2) *The Marriageability Age at the Argead Court: 360–17 B. C.* // CW. 1988. Vol. 82. P. 93–97.

Мефона

Хронология возобновленного присутствия Афин в регионе Термического залива и захвата Мефоны неясна. Эррингтон доказывает, что это не могло произойти до приблизительно 360 г. до н. э. См.: *Errington R. M. A History of Macedonia*. P. 36–37, 271, n. 5 (с источниками).

Глава 9. «Величайший из царей в Европе...»

Дата восшествия на престол Филиппа

Бэдиан сохраняет скепсис насчет того, что надпись из Олевени, которую Хадзопулос использует для отнесения восшествия на престол

Филиппа II к 360 г. (скорее, чем к 359 г. до н. э.), говорит о Филиппе II, а не о более подходящей альтернативе — Филиппе V. При этом Бэдиан убедительно анализирует еще две надписи («письмо» Александра относительно леса и калиндонский декрет; о них см. выше), чтобы продемонстрировать, насколько ненадежно использовать эпиграфические реставрации в споре о македонской царской титулатуре (*Badian E. History from «Square Brackets» // ZPE. 1989. Bd. 79. P. 59–70*). Это урок, который должен быть принят во внимание каждым изучающим античную историю.

Молосский царь Арибба

Подробнее об Ариббе см.: *Heskel J. The Political Background of the Arybbas Decree // GRBS. 1988. Vol. 29. P. 185–196*. Хэскел справедливо подчеркивает влияние амбиций Ариббы на Филиппа II в первые годы правления последнего.

Военные реформы Филиппа

Вопрос, в какой степени военные реформы Филиппа были действительно новаторскими (или, напротив, частью эволюции военного дела в IV в. до н. э.), в настоящее время находится в центре научных споров. Прежняя идея, что битва при Левктрах, в которой согласованные действия конницы и пехоты фиванцев привели к победе над негибкой спартанской фалангой, ознаменовала собой революцию в военном искусстве, должна быть пересмотрена. Теперь в данной связи см.: *Hanson V. D. The Leuctra Miracle // Military History Quarterly. 1990. Vol. 2. P. 54–59*.

Политическая нестабильность в персидской Анатолии

Одним из наиболее важных (и часто не принимаемых во внимание учеными) аспектов плана вторжения Филиппа II в Азию был учет нестабильности персидской власти в Анатолии. Вейскопф в своей выросшей в книгу диссертации, защищенной в Калифорнийском университете, доказывает, что античные источники неверно описывают общую, хорошо организованную угрозу власти Ахеменидов. Вместо этого он видит таковой нестабильность, ставшую результатом ряда выступлений местных анатолийских сатрапов (*Weiskopf M. The So-Called «Great Satraps' Revolt», 366–360 B. C.: Concerning Local Instability in the Achaemenid Far West. Stuttgart, 1989*). (Можно, конечно, задаться вопросом: а каков был на это взгляд Филиппа?) Критику тезиса Вейскопфа см.: *Moysey R. A. Diodorus, the Satraps and the Decline of the Persian Empire // ANB. 1991. Vol. 5. P. 113–122*.

Олинф по-прежнему привлекает внимание ученых. К примеру, см. дискуссию вокруг гипподамова плана городской планировки Олин-

фа и техники строительства: *Schwander E.-L. Sull'architettura ed urbanistica Epirotica nel IV secolo // Magna Grecia, Epiro, e Macedonia, Atti del Ventiquattresimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto, 5–10 Ottobre 1984. Taranto, 1985. P. 447–476, особ. P. 447–459.*

Филократов мир

В связи с тем, был ли Филократов мир κοινὴ εἰρήνη, см. исторический контекст, представленный Бэдианом: *Badian E. The King's Peace // Georgica: Greek Studies in Honour of G. Cawkwell / ed. by M. A. Flower, M. Toher. London, 1991. P. 25–48, особ. P. 70–71.*

Глава 10. Политические институты в эпоху Филиппа и Александра

Войсковое собрание

В своем недавнем исследовании Энсон развивает свою прежнюю точку зрения об отсутствии официальных конституционных механизмов в Македонии, доказывая, что результатом специфических обстоятельств похода Александра явилась трансформация войскового собрания. Если прежде войсковое собрание служило в основном в качестве «звуковой площадки» для царей, то во время азиатского похода оно эволюционировало в сторону политического органа, чьим голосом нельзя было пренебречь при выборе нового монарха (к примеру, при выборе Арридея). Вместе с тем Энсон (принимая во внимание замечание Курция [X, 7, 11] о новизне ситуации) видит причину данного развития в изменении качества армии, которая, находясь во время восточной кампании вдали от дома, стала менее «национальной» и более «персональной» (*Anson E. M. The Evolution of the Macedonian Army Assembly // Historia. 1991. Bd. 40. P. 230–247*). Если подобное мнение Энсона верно, то оно в значительной степени усиливает представление об эпохе Александра как рубеже между политической историей македонян на Балканском полуострове и их последующей деятельностью за его пределами.

Глава 11. Материальная культура в эпоху Филиппа и Александра

Новая литература о македонских гробницах

Книга Федака представляет собой исчерпывающее обобщение по теме эллинистических погребальных памятников в регионах Средиземноморья и Западной Азии (*Fedak J. Monumental Tombs of the Hellenistic Age. Toronto, 1999*). Несмотря на то что разделы этой книги, посвященные

македонским гробницам (Р. 104–109, 165–167), не содержат новых идей, в них дан прекрасный обзор по вопросам стиля и развития подобных сооружений. Федак высказывает имеющие под собой основание оговорки в отношении датировки Гробницы II в Вергине (и, следовательно, того, кто там покоем) и связывает ее фриз с эпохой Александра (Р. 213–214, п. 19). Ценность хорошо иллюстрированной книги Федака состоит в том, что в ней развитие македонских гробниц помещено в более широкий культурный и географический контекст.

Моя точка зрения (см. выше), согласно которой Гробницу II в Вергине следует датировать временем после Филиппа II, частично поддерживается Стаматиу (*Stamatiou A. Alexander the Great as a Lion Hunter // Praktika of the Twelfth International Congress of Classical Archaeology, Athens, 4–10 September 1983. Vol. II. Athens, 1988. P. 209–217*). Он приводит литературу, демонстрирующую отсутствие практики охоты на львов в Македонии до времени Александра, и относит фриз с подобной сценой из Гробницы II к 320–310 гг. до н. э. (см. особ. Р. 210, п. 2). В македонской жизни традиционным спортом была, конечно, охота на кабанов. Можно было бы отметить при этом, что появление на фризе как льва, так и кабана (вместе с другими зверями) показывает значительное смещение в данном случае новоазиатских и традиционных македонских тем.

В 1979 г. при раскопках на южной оконечности мыса Мегало Карабурну на восточном побережье Термического залива был открыт ряд гробниц IV в. до н. э., в большинстве своем ящичного типа. Это место было идентифицировано археологами как античная Энея, которая в V в. платила подать как член Афинской империи, а в IV в. до н. э. входила в Халкидский союз вплоть до завоевания Филиппом II где-то во время его кампании против Олинфа. В данных гробницах открыты не только элементы скелетов и богатый ассортимент погребальных предметов V–IV вв. до н. э., но и весьма искусно выполненная настенная живопись, которую ныне можно видеть на потрясающих цветных иллюстрациях у Вокотопулу: *Βοκοτοπούλου Ι. Οἱ ταφικοί τύμβοι τῆς Αἰνείας. Αθήνα, 1990*.

В свою очередь, с нетерпением ожидается уже близкий к выходу в свет труд Миллер с вводной частью, посвященной развитию македонских гробниц (*Miller S. G. The Tomb of Lyson and Kallikles: A Painted Macedonian Tomb. Mainz, 1993*).

Уровень археологической активности в Македонии столь высок и число находок увеличивается столь быстрыми темпами, что, вероятно, никто не знает, сколько гробниц как ящичного, так и камерного типа было обнаружено в последние годы. Сейчас необходимо, чтобы на место существующего хаоса сообщений пришел некоего рода постоянно обновляемый каталог, составители которого взяли бы на себя задачу

описания этих находок. Очевидно, что качество интерпретации в значительной степени зависит от доступности данных. Остается надеяться, что какое-то агентство или ведомство в Греции создаст центр сбора информации, который сделает доступной для всех ученых информацию об этом быстро растущем массиве македонских погребений.

* * *

Останки в Гробнице II в Вергине

Останки из Гробницы II в Вергине продолжают возбуждать интерес. Так, Прэг описывает применение античного медицинского инструмента — «ложки Диокла», которая, возможно, использовалась для того, чтобы извлечь наконечник стрелы из глазной раны Филиппа II, полученной при осаде Мефоны. При этом лицо Филиппа должно было тогда подвергнуться значительно меньшему искажению, чем представлялось раньше (*Prag A. J. N. W. Reconstructing King Philip II: The «Nice» Version // AJA. 1990. Vol. 94. P. 237–247*). Прэг, однако, ничего не добавляет по вопросу, принадлежат ли останки из главной камеры в Гробнице II Филиппу или нет, и полагается в части своих сведений и интерпретаций на туманную и устаревшую биографию этого царя, написанную в XVIII в.

Полное обсуждение сюжета о ранах глаза, ноги и ключицы Филиппа с цитированием античных свидетельств и анализом ложной литературной традиции, выросшей из истории этих ран, см.: *Riginos A. S. The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication // JHS. 1994. Vol. 114. P. 103–119*². При дальнейшем обсуждении вопроса о ранах Филиппа необходимо принимать во внимание данное исследование Ригинос, включая и ее утверждение, что на основе античных источников невозможно сказать, которая из ног Филиппа получила удар, бывший достаточно сильным, чтобы свалить лошадь царя.

Недавно обнаруженные в Македонии элементы скелетов, включая останки из Вергины, были изучены Масгрейвом из Отделения анатомии Медицинской школы Бристольского университета. Масгрейв считает, что кости из главной камеры Гробницы II принадлежат Филиппу. В 1990 г. на ежегодном заседании Американского археологического института состоялся коллоквиум, посвященный останкам из гробниц Вергины. Доклады, представленные там Масгрейвом об этих останках, Барр-Шаррар о хронологии серебряных сосудов, Карни о погребениях македонских

² [Вышла в свет уже после публикации настоящей книги. — М. Х.]

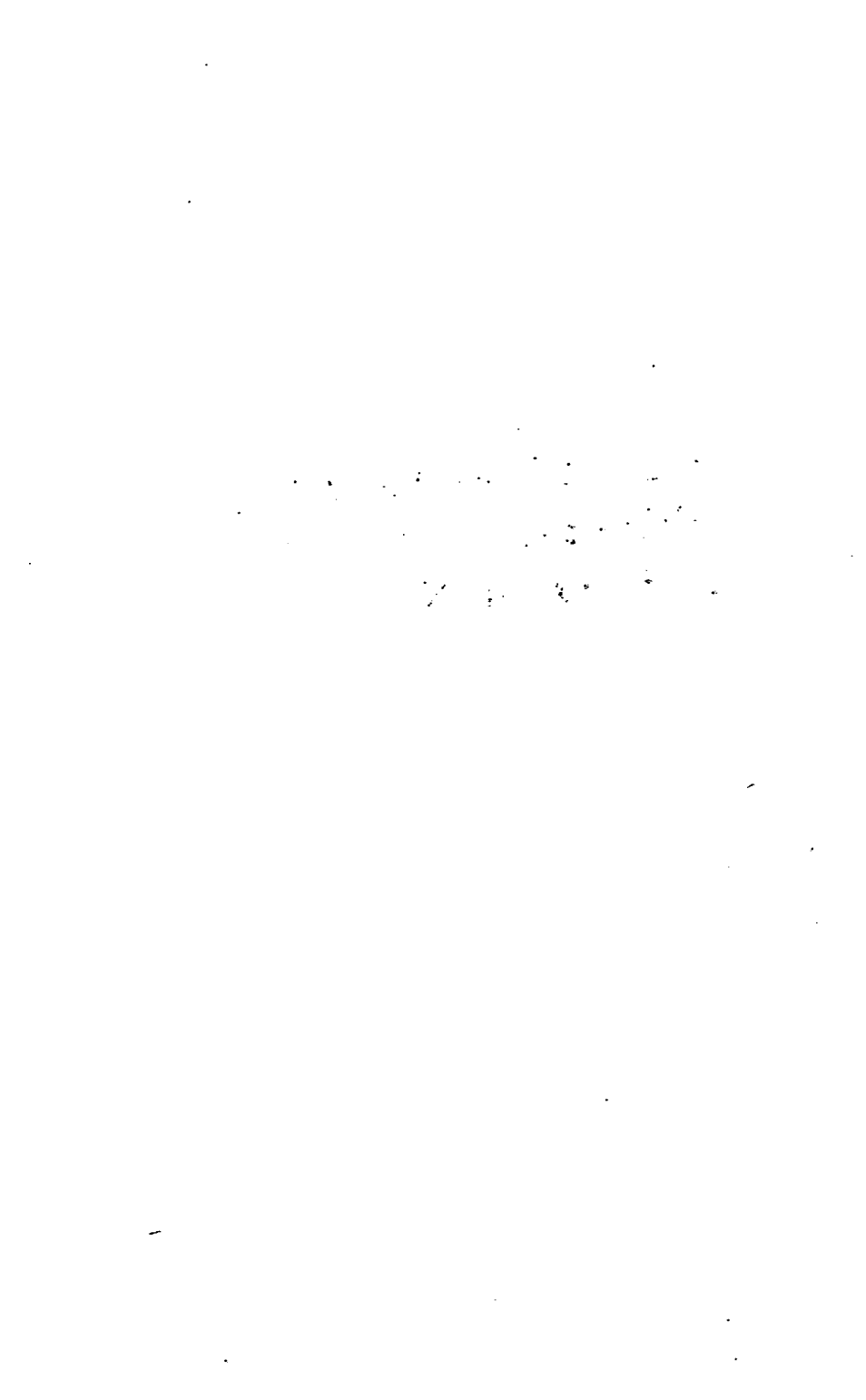
царственных женщин и Адамсом о возможности перезахоронения Александра IV как части политики Кассандра, а также комментарии автора настоящей книги были опубликованы в журнале «The Ancient World» (1991. Vol. 22.). В своем исследовании останков из Гробницы I Масгрейв делает вывод, что усопшими были мужчина средних лет, намного более молодая женщина и новорожденный.

Один из наиболее многообещающих путей для будущих исследований открывает план составления базы данных, которая предоставляла бы информацию обо всех останках, обнаруженных в Македонии. Масгрейв указывает на возможность узнать гораздо больше об обстоятельствах ингумации, кремации и перезахоронения посредством анализа подобных сведений. И действительно, это было бы желанной работой.

* * *

30 марта 1992 г. после продолжительной болезни скончался прославленный греческий археолог, изучавший царский некрополь в Вергине, Манолис Андроникос. Археологический вклад профессора Андроникоса в исследование македонской истории был отмечен энергичным обнародованием им своих открытий как в печатном виде, так и в лекциях. Он был необыкновенно щедр, делаясь с иностранными коллегами информацией о своих находках еще до их официальной публикации. Даже несмотря на то что я иногда придерживался взглядов, отличавшихся от его собственных, Андроникос всегда оставался учтив и любезен со мной. Он хорошо послужил своему народу и науке, и остается надеяться, что те, кто придет ему на смену, последуют проложенным им курсом.

**ДО АЛЕКСАНДРА:
КОНСТРУИРУЯ ИСТОРИЮ
РАННЕЙ МАКЕДОНИИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Для меня огромное удовольствие и честь присоединиться к моему коллеге и другу доктору Максиму Холоду из Санкт-Петербургского государственного университета в его стремлении донести перевод этой моей книги до российской аудитории. Он любезно предложил мне написать предисловие к ее русскому изданию, в котором я бы прокомментировал достижения в исследованиях по ранней истории античной Македонии, имевшие место с момента выхода в свет оригинального издания книги в 1999 г. Это предложение я сейчас и осуществляю. Кроме того, я выражаю свою признательность Ассоциации историков-антиковедов, которая в свое время субсидировала и инспирировала мою работу, а также лично Ричарду Бернсу из издательства «Regina Books», опубликовавшему оригинальную версию настоящего труда.

Прежде всего надо сказать, что в последние годы не появилось фактически никаких важных исследований по истории Македонии до времени правления Александра Великого в той области науки, которая основывается на традиционных литературных источниках античного времени. Действительно, в сочинениях греческих авторов той поры (таких, как Геродот и Фукидид) или в произведениях тех, кто писал спустя несколько столетий об Александре (к примеру, Диодор Сицилийский, Плутарх и Арриан), присутствуют лишь скудные фрагменты информации о ранних македонских царях и институтах. Источники первой группы не концентрируют свое внимание на македонянах, и о них здесь говорится, как правило, только кратко, когда македоняне вступают во взаимодействие с другими народами, главным образом греками и фракийцами. В источниках второй группы встречаются разрозненные ссылки на македонские институты, существовавшие несколькими веками ранее, но для авторов данных сочинений предметом главного интереса является Александр. Никаких новых интерпретаций, основанных на изучении античных литературных текстов, которые бы изменили или добавили что-либо к нашему пониманию ранней македонской истории, в последнее время не было предложено.

Вместе с тем совсем по-иному и более обнадеживающе обстоит дело в других областях науки, особенно в археологии. И здесь мы должны различать две основные категории источников: надписи и не-письменные артефакты. Важность эпиграфических свидетельств нельзя переоценить. Надписи не только информируют о македонских институтах, но и могут дать определенный ключ к языку(-ам), на котором говорили в Македонии в ранний период, предоставляя тем самым, с точки зрения ряда ученых, свидетельство относительно этнической принадлежности самих македонян (см. ниже). Однако если римская эпоха изобилует надписями на греческом и латыни, то для предшествующих периодов македонской истории имеется совсем немного письменных документов. Частично это может быть обусловлено тем фактом, что, в отличие от администраторов римской Македонии, у самих македонян в более раннюю пору не существовало традиции обнародования документов в камне, имевшейся как у римлян, так и у греков. Кроме того, сравнительно простые институты персональной македонской монархии, возможно, не требовали широкого использования текстов такого рода, что было характерно для институтов греческих городов-государств и римской администрации. Таким образом, нам остается довольствоваться небольшим числом надписей, датированных временем до Филиппа II, большинство из которых — копии экономических или политических соглашений между Македонией и греческими общинами. К ним еще можно добавить несколько религиозных документов, таких как свинцовые таблички с проклятиями из Пеллы, принадлежащие IV в. до н. э., и совсем немного погребальных надписей. В основном надписи составлены на аттическом диалекте греческого языка, некоторые — на других диалектах. Впрочем, эти надписи не являются достаточным свидетельством для определения того, какой именно диалект(-ы) греческого языка был родным для Македонии.

Итак, на самом деле нет ничего нового, что могло бы быть представлено по вопросу языка(-ов), на котором говорили македоняне. Если македонский язык, подобно фракийскому и иллирийскому, так и не превратился в формальную письменную систему, то мы, судя по всему, никогда не узнаем, каким был общий язык македонян. Однако отсутствие новых открытий и лингвистического анализа не ослабило яростного спора, который по-прежнему продолжает бушевать между теми, кто верит, что македоняне говорили на диалекте греческого, и теми, кто полагает, что их язык не был греческим. Подобного рода дебаты ведутся сейчас на веб-сайтах в Интернете, и их участники делятся приблизительно на три группы: греческих националистов

и их филэллинских сторонников, славянских националистов (в основном болгарских и славяно-македонских) и тех, кто не имеет политических предпочтений, но считает, что состояние наших знаний на сегодняшний день не позволяет судить о македонском языке определенно. Рискуя повторить то, что написано в оригинальном издании этой книги, позволю себе все же сделать несколько замечаний.

Во-первых, нужно проводить различие между языком, бывшим в ходу среди представителей высших классов македонского общества, и наречием, на котором говорили в сельской местности. Нет сомнений в том, что по крайней мере со времени царя Архелая (413–399 гг. до н. э.) и, возможно, уже раньше высшие классы общества в Македонии были весьма сильно эллинизированы. Греческий язык являлся языком дипломатии, международной торговли, искусства и некоторых аспектов религиозной практики. Но мы не знаем, каким был местный язык(-и) или диалект(-ы); нам известно только то, что он существенно отличался от стандартного греческого языка, поскольку для него требовались переводчики еще в эпоху Александра.

Во-вторых, что говорит нам использование языка об этнической принадлежности народа? Современные балканские националисты, спорящие по поводу того, были македоняне греками или нет, обычно устанавливают прямую и при этом единственную связь между языком и этнической принадлежностью. Так, например, они полагают, что если для кого-то родным языком является греческий, то данный человек должен быть греком. Однако этот аргумент теряет силу в свете представлений, господствующих сейчас в классической филологии, лингвистике и социальной антропологии. В соответствии с этими представлениями современные ученые не только считают язык всего лишь одним из компонентов этнической принадлежности, но и признают, что последняя подчас носит причудливый характер и нередко способна меняться независимо от языка. Иначе говоря, балканские националисты продолжают использовать примитивные и интеллектуально устаревшие аргументы для поддержания своих взглядов и не желают принимать во внимание научные достижения, имеющиеся сегодня в нашем распоряжении по вопросу этнической принадлежности народа в античную эпоху¹. Определение этнической принадлежности покоится как на том,

¹ В частности, см. прекрасный труд: *Hall J. Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge, 1997; также см.: *Hellenicity: Between Ethnicity and Culture*. Chicago, 2002; *Malkin I. The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity*. Berkeley; Los Angeles; London, 1998; *McKinerny J. The Folds of Parnassus: Land and Ethnicity in Ancient Phokis*. Austin, 1999. Эти авторы принадлежат к передовой группе молодых историков-антиковедов, которые

что народ сам думает о себе, так и на том, что о нем думают другие, и поскольку он меняется в культурном плане в ответ на исторические изменения, которые оказывают воздействие на всех нас, то и определение этнической принадлежности не останется неизменным.

К тому же ввиду отсутствия информации о том, на каком языке(-ах) или диалекте(-ах) говорили рядовые македоняне, любой аргумент, основывающийся на языке, всецело зависит от данных, содержащихся в надписях, и от того, какой язык использовался представителями высших классов македонского общества. Но аргумент подобного рода способен повести по неверному пути. К примеру, возможно ли установить этническую принадлежность племенных групп, живших в римской Галлии или Малой Азии, опираясь на греческие и латинские надписи, найденные там в изобилии? Или определить этническую принадлежность древних фракийцев, которые часто применяли для письма греческий язык, даже несмотря на то что Геродот говорит нам, что фракийцы не были греками? Или сказать что-то об этнической принадлежности народа, которым правили Петр Великий и Екатерина II, исходя из факта широкого использования французского языка и увлечения французской культурой при русском дворе? В целом проблема связи между языком, на котором говорит народ, письменной языковой системой последнего и его этнической принадлежностью очень сложна. В случае древних македонян большинство споров в ближайшее время, по-видимому, будет исходить не от беспристрастных ученых, а скорее от крикливых и неистовых балканских националистов, для которых нет границ между прошлым и настоящим.

По сей день остается неизменным тот факт, что Македония, насколько нам известно, развивалась отдельно от региона греческих поселений на юге. Исследования по этому поводу, указанные в оригинальном тексте моей книги, не были оспорены, а следовательно, не был поколеблен и их основной вывод: в Македонии не существовало ни одного микенского поселения. Но если здесь не было микенских поселений (а микенцы, по данным лингвистики, — ранние греки), то тогда тем, кто считает, что исторические македоняне являлись греками или грекоязычным народом, нужно объяснить, как народ,

пользуются этнографическими методами, разработанными современными социальными антропологами; в числе лучших работ представителей данной группы следует назвать: *Karakasidou A. Fields of Wheat, Hills of Blood: Passages to Nationhood in Greek Macedonia, 1870–1990. Chicago; London, 1997; Loring M. D. The Macedonian Conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World. Princeton, 1995; Brown K. The Past in Question: Modern Macedonia and the Uncertainties of Nation. Princeton; Oxford, 2003.*

который *не был* греческим вначале, стал греческим в постмикенскую, т. е. историческую, эпоху. Моя собственная точка зрения на этот счет остается прежней: какими бы ни были природа и происхождение македонян, часть их общества оказалась эллинизирована в исторические времена посредством заимствования ею некоторых аспектов традиционной греческой культуры, и то, что было перенято, легло поверх македонских национальных институтов (таких, как монархия) и языка(-ов).

Греческие археологи и те немногие иностранцы, которые работают в Македонии, продолжают вести раскопки в этом регионе. И хотя число раскапываемых ими мест постоянно растет — отчасти в результате естественного развития исследований по македонской истории, а отчасти из-за необходимости проведения спасательных археологических работ во все более и более урбанизируемом районе, — все же прогресс здесь медленен по причинам хорошо известным. Раскопки стоят немало, к тому же Греческое государство столкнулось с экстраординарными расходами в связи с недавним выделением им денег на Олимпийские игры и в связи со своим стремлением отвечать финансовым требованиям членства в Европейском союзе. Фактически все раскопки в Греции финансируются правительством, и археологическое сообщество должно конкурировать со многими другими, кто также вынужден искать материальной поддержки у государства. Кроме того, греческие археологи и их коллеги загружены тяжелой преподавательской и административной работой, а потому не имеют достаточно времени для изучения находок, полученных в результате раскопок, и их публикации. И едва ли нужно говорить, что публикации по археологии сами по себе нисобычайно дорогостоящи. Греческие исследователи продолжают сообщать о своих открытиях в газетных статьях и на ежегодных конференциях, но скорость выхода в свет исчерпывающих научных изданий остается крайне низкой.

Политическая нестабильность и финансовые трудности в Албании и Республике Македония сильно ограничивают археологические изыскания в районах, находящихся в пределах этих двух национальных государств. Данные районы важны для нашего понимания отношений между народами древних Балкан, особенно между македонянами и их соседями на западе и севере. С другой стороны, мы с удовольствием отмечаем быстрый темп археологических исследований в Болгарии и прежде всего недавние впечатляющие открытия, сделанные Китовым около Шипкинского перевала в Центральной Болгарии. Китов обнаружил здесь комплексную гробницу, которую он описал как место захоронения фракийского царя начала

IV в. до н. э. Севфа II, хотя неясность датировки найденного в ней материала пока все же не позволяет ее твердо идентифицировать. Погребальная утварь из бронзы, серебра и золота и искусно выполненный внутренний декор гробницы делают ее одним из самых замечательных захоронений, открытых на Балканах за последние годы². При этом в данной гробнице есть очень многое, что напоминает македонские погребения. Имелось ли некое родство между фракийцами и македонянами, или тому и другому народу были присущи некоторые аспекты общей культуры древних Балкан — это вопрос, который, по моему мнению, будет немало занимать исследователей в ближайшие несколько десятилетий. Таким образом, долгое время наше основное внимание было сосредоточено на отношениях македонян с греками, однако представляется несомненным, что по мере увеличения материала, добываемого археологами в результате раскопок в Болгарии, Македонии и Албании, связи между македонянами, фракийцами, иллирийцами и другими народами станут привлекать все больший научный интерес.

Что же касается идентификации человеческих останков, обнаруженных в Большой гробнице (Гробница II) в Вергине, то данные, опровергающие предположение, что она является захоронением царя Филиппа II Македонского, продолжают умножаться. К аргументам, представленным мной в оригинальном издании этой книги, я могу теперь добавить два новых.

Недавнее тщательное обследование скелетов из Гробницы II, осуществленное греческим антропологом Варциокасом, показало, что кости были «сухими», а не «влажными»³. Дело в том, что кости трупа, кремированного сразу после смерти (так называемые влажные кости), имеют особые характерные признаки, отличаясь, таким образом, от костей, кремированных спустя долгое время после человеческой смерти («сухие» кости). «Сухие» кости, найденные в Гробнице II, гораздо лучше соответствуют погребению Филиппа III Арридея, чье захоронение имело место почти год спустя после его смерти в 317 г. до н. э., чем погребению Филиппа II, который был кремирован и предан земле сразу после его убийства в 336 г. до н. э. Кроме того, осмотр Варциокасом фрагментов черепа, проведенный с помощью новых

² Официальной научной публикации, посвященной данному погребению, пока нет, но Китов и его коллеги создали несколько достаточно удачно разработанных веб-сайтов в Интернете на болгарском и английском языках, где представлено много прекрасных фотографий этой гробницы и обнаруженной в ней погребальной утвари.

³ Bartsioakas A. The Eye Injury of King Philip II and the Skeletal Evidence from the Royal Tomb II at Vergina // Science. 2000 (21 April). Vol. 288. P. 511–514.

методик в области макрофотографирования, не обнаружил никакого следа травмы, совместимого с тяжелым ранением глаза, которое Филипп II получил при осаде Мефоны в 354 г. до н. э. Итак, работа Варциокаса удостоверяла то, о чем говорилось в первоначальном антропологическом отчете: материал костных останков из Гробницы II не подтверждает того, что это захоронение Филиппа II, тем самым ставя под сомнение отчет британской команды, которая заявила, что на черепе виден след ранения царя.

Другой новый аргумент дает серебряное сито для вина, обнаруженное в этой гробнице⁴. На нем написано македонское имя Μαχάτας — возможно, мастера, — и указан вес изделия, который согласуется с афинской системой мер и весов. Известно, однако, что именно Александр Великий ввел в Македонии афинскую метрологическую систему. Таким образом, сито для вина датируется временем после смерти Филиппа II.

Эти новые факты, когда они берутся вместе с аргументами, приведенными мной в тексте оригинального издания настоящей книги, делают очевидным, что Гробница II не может быть гробницей Филиппа II. Ни одного свежего доказательства не было представлено в поддержку ее связи с данным царем, в то время как свидетельства в пользу того, что эта гробница датируется поколением, жившим после смерти Филиппа II, и является, вероятно, захоронением Филиппа III Арридея, все умножаются.

Я заканчиваю это предисловие выражением своей самой глубокой благодарности Максиму Холоду за его дружеское расположение и предложение подготовить издание моей работы для русскоязычных читателей. Он взял на себя труд по переводу книги и подготовки ее к изданию, несмотря на свою очень большую профессиональную и личную занятость. Это была весьма серьезная задача, и читатели настоящей книги должны быть ему благодарны, причем не только за то, что он сделал ее доступной для более широкой аудитории, но и за возможность продемонстрировать на данном примере ценность и важность российско-американского сотрудничества.

Механиксбург, Пенсильвания,
июнь 2005 г.

⁴ Θέμελης Π. Γ., Τουράτσογλου Ι. Π. Οι Τάφοι του Δερβενίου. Αθήνα, 1997. Σ. 214–217.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга является руководством в области изучения истории античной Македонии до конца правления Филиппа II. Она адресована историкам-антиковедам, которые не являются специалистами в области македонской истории (хотя есть надежда, что даже специалисты смогут найти здесь кое-что ценное для себя), и тем самым осуществить одну из целей данной серии монографий («Publications of the Association of Ancient Historians»). Если эта книга, кроме того, послужит нуждам и интересам историков, изучающих другие периоды, студентов университетов и их преподавателей, а также просто образованных читателей, то автор будет вполне удовлетворен тем, что педагогические цели Ассоциации историков-антиковедов окажутся, таким образом, достигнуты. В настоящей работе я предпочел сконцентрироваться на достижениях в науке примерно за последнее десятилетие, так как попытка рассмотреть в достаточно широком объеме исследования более раннего времени была предпринята в моей книге о ранней истории античной Македонии, появившейся в 1990 г. и переизданной с некоторыми дополнениями в 1992 г. Надеюсь, что тем самым я избежал ненужного повторения написанного мной тогда. Я посчитал нужным обратить здесь внимание только на начальный период македонской истории и сделал это по двум причинам. Во-первых, Бэдиан сейчас готовит для данной серии книгу, в которой он представит обзор современных исследований по истории Александра Великого; любая попытка с моей стороны осветить этот материал была бы излишней. Во-вторых, обзор исследований по истории эллинистической Македонии будет лучше оставить для более хороших, нежели я, специалистов по этому периоду.

Организация материала в настоящей книге продиктована тем неравномерным прогрессом, который был давно характерен для изучения истории древних македонян. С тех пор как я в последний раз дал обзор состояния исследований по македонской истории, продолжает сохраняться живой интерес к происхождению македонян и к правлению Филиппа II, тогда как внимание к истории Македонии V — начала

IV в. до н. э. остается довольно незначительным. Вместе с тем археология к настоящему времени достигла значительных успехов в изучении доисторического, позднеклассического и раннеэллинистического периодов македонской истории. Так что я посчитал за лучшее осветить недавние достижения в исследовании этих периодов в контексте общего обсуждения проблем источников и нарративной истории и рассмотреть в отдельных главах происхождение, этническую принадлежность, институты македонян, а также правление Филиппа II. Я надеюсь, что читатель простит меня за этот отчасти необычный подход.

В каждой главе книги обсуждаются современные тенденции в исследовании того отдельного периода или сюжета, который оказывается в центре моего внимания; здесь же дается основная библиография. Я отнюдь не пытался сделать обсуждение или библиографию исчерпывающими; скорее, каждая глава является руководством к той специальной литературе, которая, на мой взгляд, представляет интерес или ценность для изучающего историю античной Македонии. Приведение подробного комментария ко многим ссылкам, которые я представил, потребовало бы места, не соответствующего формату данной серии. Полагаю, что здесь будет достаточно указать только некоторые работы, которые характеризуют направления исследований примерно за последнее десятилетие; при этом я буду исходить из тех материалов, которые оказались доступны мне вплоть до конца 1998 г.

Я испытывал соблазн принять стиль примечаний, давно использующийся в естественнонаучных и общественно-научных работах, а также применяемый сейчас все чаще и чаще в журналах, посвященных классическим древностям, т. е. вместо подстрочных сносок дать простые ссылки в тексте — автор(ы) и дата публикации — с соответствующей библиографией в конце книги. Однако эта новая система служит лишь для того, чтобы заменить беспорядок в подстрочных сносках беспорядком в повествовательном тексте. Так что ради удобства читателя я сохранил традиционную систему сносок с полной библиографией в конце книги. С целью сделать настоящую книгу максимально легкой для использования я постарался избегать, насколько это было возможно, внутренних перекрестных сносок. Что же касается повторяющихся сносок, то я поступил, опять-таки ради удобства, так, что примечания в каждой главе образуют независимую единицу, причем, чтобы читателю лишний раз не нужно было перелистывать страницы, я привел названия работ в несокращенной форме.

Если я проявил настойчивость в своих соображениях относительно некоторых вопросов, то поступил я таким образом, надеясь, что

читатель примет это как прерогативу возраста и как искреннее осуществление права историка судить о работе и методах других ученых; вместе с тем я ожидаю, что моя собственная работа в свою очередь станет объектом их критики, как это было в прошлом.

Настоящая монография обязана появлением моим многочисленным друзьям и коллегам — ныне живущим и уже покойным, работы которых оказали на меня влияние, беседы с которыми часто были оживленными и вдохновляли (даже когда у нас имелись серьезные разногласия), комментарии которых по поводу моей работы были полезны и которые в течение многих лет служили для меня неиссякаемым источником поддержки, ободрения и удовольствия в нашем кругу исследователей македонской истории.

Я упомяну нескольких, это: У. Линдсей Адамс, Эрнст Бэдиан, Берил Барр-Шаррар, Уильям Бирс, А. Брайан Босуорт, Костас Буразелис, Стэнли М. Берстейн, Элизабет Карни, Джек Р. Эллис, Малкольм Эррингтон, Майкл Флауэр, Питер Грин, Уильям Гринуолт, Чарльз Гамильтон, Николас Хэммонд, Мильтиадис Хадзопулос, Фрэнк Л. Холт, Ричард Джонсон, Евгений Ладопулос, Стелла Г. Миллер-Коллстт, Джон Морган, Ольга Палагия и Нэнси Уилки. Не могу не назвать и других, тех, которых больше нет с нами, это: Манолис Андроникос, Гарри Дж. Делл, Чарльз Эдсон, Сэм Гринвуд, Мартин Прайс, Стюарт А. Уст и Юджин Вандерпул.

Особенно я хочу поблагодарить Стэнли М. Берстейна, предложившего идею монографической серии, в которой сейчас издается данная работа; Кэрол Дж. Томас, президента Ассоциации историков-антиковедов с мая 1993 по май 1999 г., продемонстрировавшую замечательный баланс терпения и настойчивости в отношении сильно запоздавшей рукописи этой книги; Джеймса Д. Мюли, Роберта А. Бриджеса-младшего и Нэнси А. Уинтер, предоставивших мне превосходные возможности для научных занятий и комфортные условия жизни в Американской школе классических исследований в Афинах.

Еще я нахожу удовольствие в том, что посвящаю настоящую монографию моим коллегам по Ассоциации историков-антиковедов.

В процессе подготовки книги к изданию некоторые важные положения были упущены мною из виду. К счастью, издатель Ричард Бернс дал мне возможность кое-что добавить к соответствующим главам в самый последний момент. Я благодарен ему за содействие в данном вопросе.

Фарго, Северная Дакота,
март 1999 г.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

ДРЕВНИЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ КОММЕНТАРИИ

Македоняне, подобно карфагенянам и спартанцам, принадлежат к числу «молчащих» народов древнего Средиземноморья. Почти все, что мы о них знаем, происходит из письменных сообщений других народов, причем, как и в случае с карфагенянами и спартанцами, эти сообщения несут на себе отпечаток либо плохой информированности, либо враждебности, а иногда и того, и другого.

В то время как горсть рассеянных фрагментов из литературных источников даст случайные и в основном мифологические частицы информации о македонской протоистории, самую первую попытку обращения к собственно истории македонян мы находим у Геродота. Геродот посетил Македонию, возможно, в 50-е гг. V в. до н. э., и, пока он там был, македоняне рассказали ему свои собственные версии их далекого прошлого. Эти рассказы сообщают об аргивском, т. е. греческом, происхождении царского дома Аргеадов, а именно о том, что беглецы из Аргоса в конце концов поселились в Македонии и установили свою власть над местным негреческим народом¹. Предания, изложенные Геродотом, обнаруживают сильную проэллинскую тенденцию, они рассеяны по всему повествованию о нашествии Ксеркса на Грецию и показывают царя Александра I (ок. 498/7 — ок. 454 гг. до н. э.) тайным союзником греков даже после его перехода на персидскую сторону. Если многое из описания Геродота, посвященного поведению Александра I во время персидского вторжения, заслуживает доверия, то рассказы о греческом происхождении царской семьи являются, вероятно, македонской филэллинской пропагандой,

¹ Ibid., VIII, 137–139.

предназначенной для обращения к греческому миру середины V в. до н. э.² В некоторых случаях Геродот выдает себя, комментируя такие рассказы словами: «македоняне говорят...» Независимого подтверждения данного македонского предания не существует. Примечательно, что Геродот с его знаменитой склонностью к этнографии, похоже, не слишком интересуется македонянами как народом и упоминает их царей только в контексте деятельности Александра I во время Греко-персидских войн.

Именно в указанном выше русле и стал рассматриваться в ряде исследований жизненный путь Александра I — самого раннего македонского царя, которого следует считать исторической фигурой³.

Недавно, однако, были сделаны попытки видоизменить эту картину. Так как Геродот является фактически нашим единственным источником, рассказывающим о деятельности Александра I, Скэйф и Бэдиан⁴ избрали несколько иной курс, предполагающий исследование написанного Геродотом портрета Александра через сложный литературный и источниковедческий анализ того, как работал Геродот. Подобный подход, конечно, ведет к неизбежной переоценке субъекта внимания Геродота, т. е. самого Александра. Результатом стал пересмотр портрета, созданного *inter alia* Эррингтоном, Коулом и мной. Скэйф доказывает, что неясно, встречались ли Геродот и Александр когда-либо и был ли Геродот на самом деле глашатаем македонской прогреческой пропаганды. Как и Бэдиан, Скэйф принимает надежность ряда свидетельств Геродота о деятельности Александра как до, так и во время вторжения Ксеркса и заключает, что рассказ Геродота о жизненном пути Александра отмечен некоторой двойственностью: он был греком, который продался персам. Бэдиан в своем анализе пошел еще на шаг дальше, предположив, что Геродот не только не одобрял мидизм Александра, но и умышленно переинтерпретировал события, которые связывали Александра, Афины и персов до вторжения Ксеркса, чтобы тем самым «намутить воду».

² Borza E. N. Athenians, Macedonians, and the Origins of the Macedonian Royal House // *Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to E. Vanderpool*. Princeton, 1982. P. 7–13.

³ Borza E. N. Athenians...; Errington R. M. Alexander the Philhellene and Persia // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson* / ed. by H. J. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 139–143; Cole J. W. Alexander the Philhellene and Themistocles // *L'Antiquité Classique*. 1978. T. 47. P. 37–49.

⁴ Scaife R. Alexander I in the Histories of Herodotus // *Hermes*. 1989. Bd. 117. P. 129–137; Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // *Greek Historiography* / ed. by S. Hornblower. Oxford, 1994. P. 107–130.

Посредством молчания и неясности Геродот скрыл правду о деятельности Александра, передав только ту традицию, которая, казалось, выставляла царя в прогреческом свете.

Фукидид, очевидно, воспринявший Геродотову/македонскую традицию, сообщает важную информацию о воснной и дипломатической активности македонских царей во время Пелопоннесской войны. Значительная часть этой войны пришлась на правление царя Пердикки II (ок. 454 — ок. 413 гг. до н. э.). Его царствование ознаменовалось вначале конфликтом с членами собственной семьи, а затем попытками сохранить независимость своего царства в связи с вторжениями главных противников в Пелопоннесской войне, происходившими из-за того, что Македония была богата лесом. Греческие города-государства, испытывавшие нехватку древесины и смолы для кораблей, пытались получить доступ к македонскому лесу и сражались, чтобы лишить доступа к нему своих противников. Как афиняне, так и спартанцы посылали армии на север. Старые греческие города на македонском и фракийском побережье, а также новые поселения, основанные во время афинской экспансии, в свою очередь угрожали македонскому суверенитету. Ответ Пердикки на подобную ситуацию заключался в том, чтобы заключать и разрывать союзы с обеими враждовавшими сторонами. Не имея достаточных военных возможностей для того, чтобы быть значительной силой в Пелопоннесской войне, македоняне мало что могли сделать, но предлагали свою помощь или оказывали сопротивление, когда позволяли условия. Пердикка был в состоянии вести такую политику, поскольку ни у одного из греческих городов-государств не было ресурсов, чтобы выдержать военное предприятие, достаточное для завоевания громадного северного царства, особенно когда для них имелись более существенные угрозы вблизи. Таким образом, македоняне периодически возникают и исчезают в повествовании Фукидида как своего рода третий фронт в конфликте, обычно считавшемся биполярным.

Бэдиан, используя метод, сходный с тем, который он применял при анализе рассказа Геродота об Александре I, исследует описание Фукидидом отношений между Пердиккой, афинянами и фракийским царем Ситалком⁵. Этот рассказ, где Пердикка и афиняне предают друг друга, а афиняне еще и упускают возможность потенциально

⁵ Badian E. Thucydides and the *Archē* of Philip // Badian E. From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore; London, 1993. P. 171–185.

выгодного для них союза с фракийцами, вызывает слабое доверие. Бэдиан доказывает, что Фукидид намеренно затушевал предательство афинянами Ситалка и поставил взамен собственную версию о мотивах и намерениях сторон.

Итак, недавние исследования открыли новые перспективы. Были сделаны попытки анализа деятельности македонских царей не только исходя из общеисторической правдоподобности, но и сквозь призму сообщений древних писателей, у которых были причины изменять свое историческое повествование в соответствии с собственной точкой зрения.

Для первой половины IV в. сохраняется та же дилемма, что и для V в. до н. э.: нет ни одного нарративного источника по македонской истории данного времени. Ксенофонт, Диодор Сицилийский, Исократ, Юстин, Плутарх и некоторые афинские ораторы сообщают лишь отрывочную информацию, причем обычно в связи с отношениями между македонянами и греческими городами-государствами. Оригинальные античные источники по этому периоду, к примеру сочинения Фсопомпа, Эфора, Каллисфена и, несколько позднее, Дурида, утрачены, и поэтому мы лишены возможности знать точно, до какой степени Македонское царство занимало место в умах и в политике греческих городов в этот период. Кроме того, тогда настали тяжелые времена для самой македонской монархии, охваченной внутренними конфликтами и серьезным давлением извне — со стороны фракийцев, иллирийцев и греческих городов Халкидики. На период между смертью Архелая в 399 г. до н. э. и восхождением на трон Филиппа II в 360 г. до н. э. приходится правление не менее чем восьми Аргеадов, и только про одного из них, Аминту III (393–370/69 гг. до н. э.), можно сказать, что он обладал сильной, стабильной властью своих предшественников V в. и наследников IV в. до н. э.

Учитывая фрагментарный характер исторической традиции, не удивительно, что так мало ученых пыталось заниматься эпохой, исследование которой, похоже, не обещает большой награды. И все же определенный прогресс здесь есть. В отличие от неизменных литературных свидетельств, которые можно только по-иному интерпретировать, нумизматический материал постоянно увеличивается и анализируется⁶. Так, наряду с прочими сюжетами, имеющими отношение к истории

⁶ Американское нумизматическое общество каждые полгода публикует «Numismatic Literature», обеспечивая тем самым информацию об исследованиях в области нумизматики.

монархии Аргеадов, македонская монетная система неоднократно оказывалась в центре внимания Гринуолта. В своей недавней статье⁷ он предположил, что царь Архелай (ок. 413–399 гг. до н. э.) принял новый весовой стандарт, предназначенный для того, чтобы облегчить торговлю с Афинами во время возросшего вывоза афинянами македонского леса. За это афинский народ сделал Архелая в 406 г. до н. э. своим прокшеном и эвергетом. Дезинтеграция царства, последовавшая за убийством Архелая в 399 г. до н. э., проявилась и в плохом качестве македонских монет. Действительно, согласно исследованию Гринуолта, качество монетной чеканки четко отражает то или иное состояние македонской монархии вплоть до времени Филиппа II⁸.

Марч в своем прекрасно аргументированном очерке еще раз изучил античные и раннесредневековые литературные свидетельства о македонских царях начала IV в. до н. э. и в связи с этим предложил исправленную хронологию списков царей Македонии⁹. Любое исследование такого рода сталкивается с трудностями, среди которых немалое значение имеет проблема того, как высчитывать годы правления македонских царей, а также вопрос, принимать или нет то, что царствование Аминты III было прервано кратковременным правлением некоего Аргея. Марч предложил правдоподобную, если не полностью убедительную, альтернативу для хронологии правлений царей, представленной, в частности, Эллисом и мной.

Гуковский обратился к сложной теме боковых ветвей царской семьи Аргеадов в IV в. до н. э.¹⁰ Он опубликовал тщательно выполненное

⁷ Greenwalt W. S. The Production of Coinage from Archelaus to Perdiccas III and the Evolution of Argead Macedonia // *Ventures into Greek History* / ed. by I. Worthington. Oxford, 1994. P. 105–134.

⁸ Самая важная работа о чеканке монет при Филиппе II — это, конечно же, труд Ле Риде: *Le Rider G. Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294*. Paris, 1977. В 1996 г. Центр изучения греческих и римских древностей Национального греческого исследовательского фонда проводил форум, на котором Ле Риде сделал обзор своей собственной классификации золотых монет, выпускавшихся монетными дворами в Пелле, Амфиполе, Пидне и Эгах, и ответил на возражения, высказанные сейчас уже покойным Прайсом.

Обзор взглядов Ле Риде — Прайса был также сделан Мартином и Хадзопулосом, а результаты опубликованы с превосходной библиографией, посвященной монетам Филиппа II, в издаваемой Центром изучения греческих и римских древностей монографической серии «Μελέτηματα»: *Le Rider G. Monnayage et finances de Philippe II. Un état de la question*. Athènes, 1996.

⁹ March D. The Kings of Macedon: 399–369 B. C. // *Historia*. 1995. Bd. 44. P. 257–282.

¹⁰ Goukowsky P. Les maisons princières de Macédoine de Perdiccas II à Philippe II // *Études d'Archéologie Classique*. 1991. T. 7. P. 43–66.

исследование, где попытался связать боковые ветви династии с определенными географическими районами Македонии (в случаях, о которых есть информация) и проанализировать роль, которую играли браки среди различных ветвей царской семьи. Каждый, кто хотя бы мельком видел генеалогическое древо Аргеадов на тот период, не сможет не поразиться его запутанностью. И остается только удивляться, как именно — без использования грубой силы — определялось престолонаследие: исходя ли из четко установленной и при этом неизвестной нам генеалогической линии или же исходя из власти и богатства, которые давал контроль над регионом. Не было ли это старым конфликтом между «правами» узкой царской кровной линии, с одной стороны, и усилившейся властью «феодальной» знати, связанной родственными узами с этой кровной линией, — с другой, конфликтом, который был характерен для ряда европейских феодальных монархий?

В свою очередь, Карни, которая вот уже целый ряд лет является вдушим исследователем роли женщин, принадлежавших к македонскому царскому дому, считает Аргеадов кланом, а женщин из царской семьи — его интегральной частью¹¹. То, что женщины, входившие в этот клан, обычно не носили официального царского титула, отнюдь не исключало их из «легитимной политической власти и деятельности», хотя объем играемой ими в данном случае роли варьировался в зависимости от обстоятельств. И правда, доказывает Карни, сама по себе «царская власть» в Македонии до сравнительно позднего времени не была (как в современных европейских монархиях) обеспечена соответствующим титулом.

Карни, обратив внимание на то, что на первый взгляд может показаться в свете главной темы ее статьи второстепенным сюжетом, затронула вопрос, весьма важный для нашего понимания македонской царской власти до эпохи Александра Великого. Носил ли какой-либо македонский правитель до Филиппа II официальный титул «царь» (βασιλεύς) — неясно; всякое относящееся к этому времени возможное указание данного титула вместе с именем царя является предметом спора¹². В договоре, который определял структуру так называемой

¹¹ *Carney E. D. Women and Basileia: Legitimacy and Female Political Action in Macedonia* // *CJ*. 1995. Vol. 90. P. 367–391.

¹² Трэйси предположил, что βασιλεύς, упоминаемый во фрагменте одного афинского декрета, может быть Филиппом II (*Tracy S. W. De Antipatro et Archedico Lamptransi. IG II² 402 + Agora I 4990 // Hesperia. 1993. Vol. 62. P. 249–251*), хотя это отрицает Бэдиан (*Badian E. A Reply to Professor Hammond's Article // ZPE. 1994. Bd. 100. P. 388–390*). В свою

Коринфской лиги, есть упоминание βασιλείαν τὴν Φιλίππου¹³, что, однако, обозначает здесь не более чем «правление» или «власть» Филиппа над его страной. В договорах же, заключенных между «царями» Македонии и греками в V — начале IV в. до н. э., македонские правители называются исключительно по имени. Таковы документальные свидетельства.

Что же касается греческих авторов той поры, то они, включая Геродота, Фукидида и афинских ораторов эпохи Демосфена, время от времени называют македонских монархов «царями»¹⁴. Впрочем, эти писатели используют титул βασιλεύς всего лишь как термин для обозначения «правителя» или «вождя» группы, обладающей политическим и/или этническим единством. А как грек того или иного времени мог бы обратиться к иностранному (или греческому) правителю? Гомер непоследователен в своем использовании терминов βασιλεύς или *Ῥάναξ*, говоря об Агамемноне, Алкиное, Менелее, Несторе, Одиссее и Парисе¹⁵. При этом исследователи «героической эпохи» давно

очередь, Пококом в начале XVIII в. и Ликом спустя примерно сто лет была скопирована беотийская надпись из Лебаден с текстом предписаний для консультации с оракулом Трофония, сохранившая перечень имен посетителей оракула. Хотя состояние камня значительно ухудшилось в период, прошедший между его осмотром Пококом и Ликом, есть некоторые совпадения в сделанных ими с него копиях, включая возможность упоминания Ἀμύντας ... βασιλεύς. Не имеет значения, указан ли здесь Аминта III, отец Филиппа II, или Аминта IV, при котором, как предполагают некоторые, Филипп исполнял обязанности регента до своего восхождения на престол; если реконструкция слова βασιλεύς правильна, то тогда это упоминание предшествует времени Филиппа II. К сожалению, сам камень уже давно утрачен, текст на копиях очень сомнителен, и этот документ, как и упомянутый выше афинский образец, является внешним для Македонии. Надпись из Лебаден была подробно изучена Эллісом: *Ellis J. R. Amyntas Perdikka, Philip II and Alexander the Great. A Study in Conspiracy* // *JHS*. 1971. Vol. 91. P. 15–24.

¹³ Tod, N 177; см. ниже.

¹⁴ К примеру: *Hdt.*, IX, 44 (Александр I); *Thuc.*, I, 57, 2 (Пердикка II); *Isoc. Paneg.*, 126; *Archid.*, 46 (Аминта III); *Phil.*, 106–107 (Филипп II: здесь используются термины «царская власть» (βασιλεία) и «монархия» (μοναρχία) как взаимозаменяемые); *Ep. ad Phil.*, I (Филипп II: в данном случае употребляются термины «царь» (βασιλεύς) и «царская власть» (βασιλεία)); *Demosth. Olynth.* I, 9; II, 15 (Филипп II). Я хотел бы выразить свою признательность профессору Моргану за исчерпывающее обсуждение проблемы использования термина «царь» (βασιλεύς) до времени Филиппа II как в литературных текстах, так и в надписях; при этом профессор Морган продемонстрировал великолепное знание надписей и умение компьютерного исследования данных. Насколько мне известно, любое применение термина «царь» (βασιλεύς) в отношении македонских царей более раннего времени происходит из немакедонских источников, для которых представляется совершенно естественным использование этого термина без какого-либо «технического значения». Вместе с тем я признаю, что открытие македонских версий греческих надписей способно изменить мою точку зрения.

¹⁵ См., к примеру: *Cunliffe R. J. Homeric Proper and Place Names*. London; Glasgow, 1931. *Passim*.

знают, что у Гомера и Гесиода встречаются бóльшие или меньшие по значению «цари» (βασιλεῖς), одни из которых были наследственными правителями общины, тогда как другие — главами семейств, составлявшими своего рода совет. Геродот мог называть Александра I Македонского «царем» (βασιλεὺς) и использовать тот же самый термин при упоминании властителей Египта. Нет сомнения, что Геродот, посетивший и Македонию, и Египет, отлично знал разницу между «царями» Македонии и *царями* Египта! Кажется, что греческие писатели были не очень последовательны в применении термина «царь» (βασιλεὺς) до конца IV в. до н. э., и нужно полагать, что он употреблялся тогда не иначе как синоним для слова «правитель».

Насколько мы знаем, самые ранние *македонские* примеры использования царского титула с собственным именем — βασιλεὺς Ἀλέξανδρος — относятся к начальному периоду правления Александра Великого, который трансформировал традиционное политическое лидерство Аргеадов в формальную «царскую власть»¹⁶, причем новая форма обращения стала распространяться в документах все больше и больше¹⁷. В свою очередь, самым ранним засвидетельствованным примером использования полного титула с именем правителя является надпись на постаменте статуи Кассандра, ныне хранящаяся в музее в Дионе: «Царь македонян Кассандр, сын Антипатра, Зевсу Олимпийскому» (Βασιλεὺς Μακεδόνων Κάσσανδρος Ἀντιπάτρου Διὶ Ὀλυμπίῳ)¹⁸. Таким образом, основываясь на лучших из доступных нам свидетельств — надписях, можно заключить, что, по-видимому, вначале имело место нечто, похожее на военную власть вождя, распространявшуюся на народ — македонян — и их землю; и кажется, что эта система трансформировалась в «собственно» царскую власть только при Александре Великом, напоминающую собой скорее восточные, чем какие-то греческие образцы. Модель «царской власти», установленная Александром, безусловно, имела огромное значение

¹⁶ Из двух царских надписей, найденных в Македонии, которые относятся ко времени перед самым началом похода Александра в Азию, в одной Александр назван только по имени (SEG, XXXIV, 664), а в другой с титулом — βασιλεὺς Ἀλέξανδρος (SEG, XXXVI, 626). Библиографию в связи с этими надписями см.: Hatzopoulos M. B. *Macedonians Institutions under the Kings*. Vol. II. Athens, 1996 (N 6, 62).

¹⁷ См.: Heisserer A. J. *Alexander the Great and the Greeks: The Epigraphic Evidence*. Norman, 1980. Passim.

¹⁸ SEG, XXXIV, 620. Изображение имеется в книге Хадзопулоса (Hatzopoulos M. B. *Macedonians Institutions*. Vol. II. Pl. XXVI a) и в путеводителе по Диону, месту находки надписи (Pandermalis D. *Dion. The Archaeological Site and the Museum*. Athens, 1997. P. 72).

для последующих поколений и всков, как это отмечали многие исследователи. Вместе с тем данная трансформация традиционного семейного политического лидерства в деспотизм вызвала беспокойство значительного числа тех, кто входил в македонское окружение Александра, и неудивительно, что после того как царь умер в Вавилоне, они вернулись к более традиционной модели монархии при сводном брате Александра и (позднее) его сыне.

Карни доказывает, что политическое лидерство клана Аргеадов было решающим и что женщины были частью этой βασιλεία. Женщины не играли заметной роли во время периодов стабильности, появляясь на сцене лишь в периоды кризисов, как это было в случае с Эвридикой — грозной вдовой Аминты III и матерью Филиппа II, другой Эвридикой — женой Филиппа III Арридея и, конечно, могущественной Олимпиадой. Подало ли это пример для сильных женщин из царских династий эпохи эллинизма, я оставляю для рассмотрения другим ученым¹⁹. В разросшемся правящем доме Аргеадов было мало мира: около половины монархов, о которых мы располагаем информацией, были убиты. И все же власть оставалась внутри семьи, переходя, когда появлялась необходимость, к боковым ветвям, что подкрепляет точку зрения Карни, согласно которой Аргеады были широко разветвленным кланом. Только со смертью Александра III, Филиппа III Арридея и Александра IV, а также женщин из царской семьи, скончавшихся в течение приблизительно двенадцати лет (323–311/10 гг. до н. э.), род Аргеадов угас, и Кассандр попытался заменить старый клан новым.

НАДПИСИ

В последние годы, возможно, никакая иная категория источников (кроме результатов археологических исследований) не играет такой большой роли в расширении наших знаний об античной Македонии, как надписи. Тодом было издано несколько важнейших афинско-македонских договоров V–IV вв. до н. э. с комментариями и библиографией²⁰. Одни из них представляют собой тексты соглашений о военных союзах, другие являются экономическими договорами между афинянами и македонским царем и, следовательно, сообщают

¹⁹ Карни подробно рассматривает вопрос о женщинах из македонских царских династий в своей монографии: *Carney E. D. Women and Monarchy in Macedonia*. Norman; London, 2000.

²⁰ *Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions*. Vol. I–II. Oxford, 1946–1948.

ценные сведения о значительной экономической и политической роли, которую играла царская семья. Эти надписи были известны ранее и изучались в течение некоторого времени, но они происходят из греческих городов, лежавших за пределами Македонского царства.

Особо желанным был эпиграфический материал с территории собственно Македонского царства, и этот пробел начал заполняться лишь сравнительно недавно публикацией македонских надписей. В 1972 г. появился давно ожидавшийся «македонский» том «*Inscriptiones Graecae*», изданный признанным лидером американских исследователей истории древней Македонии, теперь уже покойным Эдсоном²¹. Однако наиболее ранние надписи, опубликованные в томе Эдсона, датируются только серединой III в. до н. э. и почти весь материал происходит из Фессалоник. Такая ситуация была отчасти исправлена выходом в свет собрания надписей из районов Западной Македонии — Элимеи, Эордеи, Орестиды и Южной Линкестиды²². Это ценное издание, подготовленное Ризакисом и Турацоглу, расширило как географические, так и хронологические рамки корпуса македонских надписей, предоставив значительную информацию о регионе Верхней Македонии, хотя большая часть опубликованных в нем материалов относится к эллинистическому и римскому периодам. К сожалению, еще не вышел обещанный том комментариев к собранию эпиграфических текстов Ризакиса и Турацоглу, а географический охват существующего издания заканчивается на сегодняшней греческой государственной границе. Те части древнего Македонского царства, которые находятся на территории нынешней Албании и Республики Македония, сюда не включены, оказавшись жертвой отсутствия международного научного сотрудничества на современных Балканах²³.

Стало понятно, что необходим какой-то более систематический способ сбора и фиксирования эпиграфического материала, особенно

²¹ *Inscriptiones Graecae*. Vol. X. *Inscriptiones Epiri, Macedoniae, Thraciae, Scythiae*. Pars 2. *Inscriptiones Macedoniae*. Fasc. 1. *Inscriptiones Thessalonicae et viciniae* / ed. C. Edson. Berolini, 1972.

²² Ριζάκης Α., Τουράτσογλου Γ. *Επιγραφές Ανω Μακεδονίας (Ελίμεια, Εορδαία, Νότια Λυγκηστis, Ορεστis)*. Τ. Ι. Αθήνα, 1985.

²³ Нельзя не заметить, что в ежегодных выпусках «*Supplementum Epigraphicum Graecum*» (SEG), издающихся под руководством профессора Страуда и др., отлично фиксируются продолжающиеся исследования эпиграфических материалов. Несвязанные с современной политикой на Балканах разделы SEG, посвященные древней Македонии, выходят за границы современных национальных государств. Обзор десятка (или около того) последних томов SEG показывает заметный рост количества надписей и граффити на камне и керамике, которые датируются более ранним периодом, чем время Александра Великого.

в свете расширяющейся программы раскопок во многих древнемакедонских городах на территории Греции. Было решено основать архив македонских надписей под эгидой Центра изучения греческих и римских древностей в Национальном греческом исследовательском фонде, расположенном в Афинах. Центр издает монографическую серию «Μελετήματα», в которой ученые, связанные с этой организацией, публикуют результаты своих исследований. В данной серии в свет вышло уже почти 30 томов, причем особое внимание в них уделено македонской топографии и местным институтам, которые изучаются главным образом на материале надписей эллинистического и римского времени, найденных в пределах современной Греции. Из работ, изданных Центром, большого интереса заслуживают труды Татаки, посвященные просопографии Берои и Эдессы²⁴. В них впервые делается попытка представить ономастику древних македонских городов на основе подробного просопографического обзора. Различные связанные между собой индексы, которые имеются в этом издании, помогают прослеживать имена отдельных лиц, а также дают хронологию употребления имен в течение нескольких веков.

Необходимо отметить, что существует совсем немного эпиграфических материалов, относящихся к периоду, предшествующему римской организации Македонии. Есть некоторое число надписей эллинистической поры, но эпиграфические свидетельства, происходящие из более ранней эпохи — времени правления династии Аргеадов, действительно скудны. И тут мы сталкиваемся не просто с проблемой сохранности. Исходя из имеющихся данных, представляется, что независимо от того, каковой была степень организации царства в доэллинистический период, у македонян не существовало обычая писать на камне в такой мере, в какой это было у их греческих современников или их потомков в эллинистическую и римскую эпохи. Важно также указать, что самые ранние надписи, касающиеся македонян, происходят не из Македонии²⁵. Даже в наиболее полном

²⁴ *Tataki A. B.* 1) *Ancient Beroea. Prosopography and Society*. Athens, 1988; 2) *Macedonian Edessa. Prosopography and Onomasticon*. Athens, 1994. Во введении к книге об Эдессе приведено описание программы Центра, направленной на развитие просопографических исследований по древней Македонии.

²⁵ К примеру, надписи, которые опубликованы в сборнике Тода. Не будет ли слишком заманчивым предположить, учитывая греческое происхождение надписей, относящихся ко времени до Александра Великого, что уцелевшие копии — это результат настойчивости греков в фиксировании официальных отношений с македонянами и что сами македоняне с их более примитивными институтами, возможно, не чувствовали такой же необходимости?

исследовании македонских государственных институтов, появившемся недавно, приводится совсем небольшое количество надписей, относящихся ко времени до Александра Великого²⁶. В результате со всей очевидностью возникает проблема попытки переноса реалий из более поздних в более ранние периоды, т. е. из времени, когда существовала более сложная организация общества, в более простую в этом отношении эпоху, с вытекающей отсюда опасностью анахронизма. Возможно, что продолжающиеся археологические изыскания увеличат количество эпиграфического материала, происходящего из более ранних периодов, и тем самым улучшат наше понимание того, как было организовано македонское общество. Однако вряд ли мы будем когда-либо обладать чем-то, приближающимся к полному кругу документальных свидетельств по истории Македонии при царях из династии Аргеадов, в частности потому, что такие документальные свидетельства никогда не существовали.

Как дополнение к опубликованным в серии «Μελετήματα» фундаментальным исследованиям, основанным на эпиграфических данных, Татаки создала более полный просопографический труд, в который включены имена людей, засвидетельствованные и эпиграфическими, и литературными источниками²⁷. Несмотря на название «Македоняне за рубежом», в этой работе указаны имена фактически всех македонян, о которых известно, что они играли определенную роль в обществе. Тем самым данная книга является важным добавлением к стандартным просопографическим работам, посвященным эпохе Филиппа II и Александра Великого²⁸. В то время как большинство имен в ономастиконе Татаки относится к периоду, предшествующему римской оккупации Македонии, когда этноним Μακεδόνι начинает терять значение, самые ранние имена принадлежат к V в. до н. э. Представленный в книге материал прекрасно организован, снабжен несколькими индексами, в том числе индексом на греческом языке, который должен быть весьма полезен для эпиграфистов, и включает в себя около 3000 имен. Таким образом, главные достижения в становлении македонской просопографии были сделаны нашими коллегами в Афинах.

²⁶ *Hatzopoulos M. B.* Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I-II. Athens, 1996. По поводу обзора надписей, представленных в работе Хадзопулоса, см. ниже.

²⁷ *Tataki A. B.* Macedonians Abroad. A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia. Athens, 1998.

²⁸ *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I-II. München, 1926; *Heckel W.* The Marshals of Alexander's Empire. London; New York, 1992.

АРХЕОЛОГИЯ

До Балканских войн 1912–1913 гг. регион на юге Европы, называвшийся Македонией, был частью Османской империи, после чего область древнего Македонского царства была поделена между тремя государствами: Сербией (позднее — Югославия, затем — Республика Македония), Болгарией и Грецией (львиная часть — около 65% — была тогда присоединена к Северной Греции).

В 20–30-х гг. XX в. британские, французские и греческие ученые провели несколько достойных внимания обзорных археологических работ в греческой Македонии. Тем не менее настоящих раскопок здесь осуществлялось довольно мало, отчасти из-за относительной удаленности региона, а отчасти из-за того, что интересы греческих и зарубежных археологов были сосредоточены главным образом на исследовании прославленных центров бронзового века и классической цивилизации в Центральной и Южной Греции, а также знаменитых островных культур античности. Раскопки зарубежных археологов, начавшиеся в нескольких имевших важное значение местах (к примеру, в Фасосе на одноименном острове и в Филиппах — французами, в Олинфе — американцами), открыли замечательные греческие и/или римские памятники, мало связанные, однако, с ранней историей македонян, поскольку эти города находились за пределами македонской архэ до времени Филиппа II. Перед Второй мировой войной было раскопано несколько разграбленных камерных гробниц и некоторые разрозненные находки были помещены в музеи. При этом лишь небольшое количество построек, главным образом эллинистической эпохи, нашло тогда отражение в публикациях. Но памятники эпохи Филиппа II и более ранней поры должны были ожидать раскопок уже в послевоенное время. Таким образом, в данный период фактически не было материальных свидетельств, способных обогатить наше понимание истории правившей в Македонии династии Аргеадов.

60–70-е гг. XX в. ознаменовались быстрым прогрессом в области археологических раскопок, которые проводились прежде всего учеными из греческих университетов и Греческой археологической службой. Постепенно были раскопаны знаменитые древние македонские центры, до того известные только по литературным источникам: среди прочих — Пелла, Эдесса, Дион и Эги, причем в последних были обнаружены македонские царские гробницы Филиппа II, Филиппа III Арридея, Александра IV и членов их семей. В 80–90-х гг. XX в. были

найжены дюжины гробниц (и среди них несколько неразграбленных), давших значительное количество материалов, которые помогли пролить свет на македонские погребальные обычаи, отношение к смерти и загробной жизни, эстетические вкусы, а также ценные вещи. После этого стало ясно, что это было общество, которое (по крайней мере, его элита) воздавало должное материальному богатству и декоративному искусству. В находках отражено заимствование македонянами влияний и вкусов гресков, которые жили на юге и востоке, балканских народов (особенно фракийцев) и негреческих азиатов. В результате раскопок перед нами открылся народ, который был эклектичен в своих вкусах и создавал постройки и украшения в соответствии с тем, что он считал практичным, возможным и привлекательным, вне зависимости от какого-то строгого канона. Так, в своей книге о македонских гробницах Миллер-Коллетт описывает несколько вариаций в типах усыпальниц²⁹. Одна из трудностей, с которой сталкивались многие историки искусства, состоит в крахе попыток подогнать македонское декоративное и прикладное искусство под некий греческий шаблон. Вместе с тем решение проблемы достаточно просто: никакого македонского канона не существовало. Каждый предмет или постройку, обнаруженные в Македонии, следует изучать без всяких предубеждений.

Есть три главных источника информации о последних археологических изысканиях. Примерно каждые пять лет в Салониках (или поблизости) проводится крупный международный конгресс, на котором обнародуются новейшие достижения науки в сфере истории, эпиграфики, лингвистики, истории искусства и археологии древней Македонии. Большинство докладов, представленных на этих конгрессах, со временем публикуется в серии «*Αρχαία Μακεδονία*». Показателем роста исследований, посвященных античной Македонии, служит тот факт, что публикация материалов первого конгресса, проходившего в 1968 г., уместилась в одном томе (436 страниц), содержащем 33 статьи. Публикация докладов последнего конгресса (на момент написания настоящей книги) — это уже три тома, которые содержат 102 статьи³⁰. Конгресс настолько разросся, что были организованы проходящие в одно и то же время секционные заседания, и участнику, к сожалению, часто приходилось выбирать между смежными выступлениями, скажем, по истории и выступлениями по археологии.

²⁹ Miller S. G. The Tomb of Lyson and Kallikles: A Painted Macedonian Tomb. Mainz, 1992.

³⁰ AM. 1993. T. V (1–3) (доклады конгресса, состоявшегося в 1989 г.).

Чтобы сделать организацию последних конгрессов «Арχαία Μακεδονία» не слишком громоздкой, греческие археологи начали проводить регулярные ежегодные встречи, на которых делаются сообщения о раскопках в Македонии и Фракии. Публикация этих докладов в серии «Το αρχαιολογικό έργο στην Μακεδονία και Θράκη» позволяет быть в курсе последних археологических исследований в этих регионах. Несмотря на то что большинство докладов в этом издании публикуется на греческом языке, к ним прилагаются резюме, главным образом на английском языке. Наконец, каждый год «The Journal of Hellenic Studies» издает приложение — «Archaeological Reports», составленное сотрудниками Британской школы в Афинах из разных источников, включая греческие археологические журналы и монографии, популярную прессу и отчеты археологов и зарубежных археологических организаций, работающих в Греции. Этот полезный компендиум суммирует публикации предыдущего года, причем он удобно организован по географическому принципу: в пределах каждого региона места раскопок приведены в алфавитном порядке. Вероятно, данное издание является наиболее эффективным средством, позволяющим узнать о ведущихся археологических изысканиях. Необходимо, однако, подчеркнуть, что хотя материалы конгрессов и ежегодные археологические отчеты удобны для ознакомления с текущим положением дел, они тем не менее не могут заменить собой серьезных научных публикаций результатов раскопок, появление которых в их окончательном виде часто задерживается годами, если не десятилетиями.

Недавние раскопки показали, что македоняне создавали изящные изделия из золота, серебра и бронзы, были творцами великолепной настенной живописи и искусно выполненной миниатюрной скульптуры из слоновой кости. До какой степени в данных произведениях отражена немакедонская культура или, возможно, они вообще были созданы немакедонскими художниками и ремесленниками — это вопросы, ответы на которые потребуют будущих исследований. Македонская земля богата артефактами, и, кажется, что ее возможности приносить археологам такого рода «урожай» безграничны.

Если этот краткий обзор был сконцентрирован главным образом на археологических достижениях на территории Греции, то только потому, что в других областях Балкан, которые в древности имели македонские поселения и испытывали македонское влияние, в настоящее время людям приходится напрягать все силы для реорганизации

своей жизни в связи с недавними драматическими политическими переменами. У живущих здесь народов археологическая деятельность подчинена сейчас более неотложным нуждам.

СОВРЕМЕННАЯ НАРРАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Кэссон, служивший в британских войсках на Салоникском фронте в годы Первой мировой войны, провел раскопки в долине реки Аксий в начале 20-х гг. XX в. Вскоре после этого он выпустил в свет книгу, которую можно охарактеризовать как первую попытку написания нарративной истории Македонии, а также смежных районов Иллирии и Фракии³¹. Труд Кэссона оставался «стандартным» очерком истории древней Македонии более чем пятьдесят лет, хотя на момент его издания еще не было фактически никакого археологического и эпиграфического фундамента, а античные литературные источники, имеющие отношение к подобной теме, исследовались в связи с ней достаточно мало.

Изменить эту картину было суждено одному из тех, кто первым обратился к региональной македонской истории, — Хэммонду. У него имелся значительный полевой опыт работы в Эпире, Македонии и Фессалии, который он приобрел, будучи студентом, ученым и британским офицером, ответственным за связь с греческим движением Сопротивления в годы Второй мировой войны. Метод работы Хэммонда в области региональной истории заключался в комбинировании данных топографии, исторической географии и археологии с традиционным анализом дошедших до нас античных литературных и эпиграфических текстов. И хотя многие из его выводов впоследствии были оспорены, успех Хэммонда во введении широкого подхода к исследованию прошлого оставляет каждого современного и будущего историка у него в долгу. Впрочем, монументальный труд Хэммонда «История Македонии», несмотря на богатство приведенного здесь материала, отнюдь не является легкодоступной нарративной историей³². Удачную критику Эррингтоном раздела о Филиппе II, написанного Гриффитом для второго тома этого издания, можно отнести и ко всей работе в целом: нелегко выделить мнения авторов

³¹ Casson S. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926.

³² Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972; Vol. II. Oxford, 1979 (в соавторстве с Гриффитом); Vol. III. Oxford, 1988 (в соавторстве с Уолбанком).

из плотного, тяжеловесного текста, который «крайне сложно читать»³³. Этот труд представляет собой руководство — компендиум под-
вергнутых обстоятельному анализу источников, — которое нужно
читать не целиком, а использовать при случае, справляясь по поводу
деталей. В свою очередь, при знакомстве с ним возникает некоторое
ощущение избытка сюжетов, связанных с собственно Македонией,
и достаточно редких попыток поставить историю македонян в какой-
то более широкий исторический контекст. В итоге получается так,
что «за деревьями леса не видно». Словом, эта работа важна для
специалистов, но имеет сомнительную ценность для других. К тому
же вследствие неизбежного прогресса в области археологии многое
из приведенного материала по истории ранней Македонии в настоя-
щее время уже устарело.

Хэммонд попытался исправить ситуацию публикацией более удач-
но организованного обзора своих взглядов³⁴ и даже создал narra-
тивную историю древней Македонии для широкой публики³⁵. Первая
из этих книг — полезный свод идей автора по поводу македонских
институтов, идей, изначально выраженных в его «Истории Македо-
нии», но ставших теперь более доступными в рамках одного тома.
Что же касается второй книги, то она слишком подробна для широкой
аудитории, на которую, по-видимому, была рассчитана, и, лишенная
ссылок на самые последние научные достижения, не обладает цен-
ностью для специалистов. Вместе с тем замечу, что обе эти недавние
работы Хэммонда не предлагают какого-то развития или пересмотра
его ранних взглядов на историю македонян, а скорее являются пере-
ложением старого материала для различной публики.

Более перспективным для введения в курс истории древней Ма-
кедонии будет обращение к «Истории Македонии» Эррингтона³⁶.
Это отлично организованный и удачно написанный труд, в котором
основное внимание сосредоточено на эволюции политических ин-
ститутов; в нем представлены здравые суждения компетентного уче-
ного, базирующиеся на серьезном анализе античных литературных

³³ Errington R. M. Review-Discussion: Four Interpretations of Philip II // AJAH. 1981. Vol. 6. P. 86–87.

³⁴ Hammond N. G. L. The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxford, 1989.

³⁵ Hammond N. G. L. The Miracle that was Macedonia. London, 1991.

³⁶ Errington M. Geschichte Makedoniens. München, 1986. Эта книга была переиздана без исправлений на английском языке: Errington R. M. A History of Macedonia / Engl. Transl. by C. Errington. Berkeley; Los Angeles, 1990.

и эпиграфических источников. Чего здесь не хватает, так это согласования с последними важными достижениями в нашем понимании македонской материальной культуры, появившимися в результате обширных раскопок. Представить подобное согласование как раз и было моим намерением, когда я писал свою нарративную историю Македонии вплоть до смерти Филиппа II³⁷. Я доказывал, что македоняне были народом, который признавался в древности отличным от его греческих и балканских соседей и который, говоря словами Эдсона, нсвольно действовал как «щит», предохраняя греческие города-государства от случайных и подчас опустошительных вторжений захватчиков с севера.

Полезный аналитический очерк, в котором сравниваются все эти недавние попытки создания нарративной истории древней Македонии, был написан Карни³⁸.

При наличии общих контуров истории древних македонян, очерченных теперь некоторыми авторами, можно предсказать, что основная лепта в ее разработку в течение следующего десятилетия (или около того) будет вноситься публикациями в научных журналах и археологическими отчетами. И только «вооруженный» свежими достижениями науки будущий историк почувствует необходимость вновь создать общую историю македонян. Обсуждению основных вопросов, исследование которых могло бы стать перспективным для предстоящих научных изысканий, будут посвящены следующие главы этой книги.

³⁷ *Borza E. N.* In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon. Princeton, 1990 (rev. ed.: 1992). [См. первую часть настоящего издания. — *М. Х.*]

³⁸ *Carney E. D.* Review Essay on Macedonian History // АНВ. 1991. Vol. 5. P. 179–189.

Глава 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ИНСТИТУТЫ ДРЕВНИХ МАКЕДОНЯН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Несколько лет тому назад в своей книге я писал: «Кем были македоняне? Как вопрос, связанный с определением их этнической принадлежности, его лучше обходить стороной, поскольку современная политика старается затушевывать тот факт, что в действительности подобный вопрос не слишком важен. То, что они, возможно, были, а возможно, не были греками в целом или частично — хотя эта антропологическая проблема и представляет некоторый интерес, — в реальности не играет решающей роли в нашем понимании истории македонян. Они оставили свой след в прошлом не как греческое племя или какой-то иной балканский народ, а как *македоняне*»¹.

Два года спустя в пересмотренном и исправленном издании той же книги я выразил сомнение по поводу своего прежнего заявления: «В оригинальном издании я надеялся положить конец запутанному вопросу об этнической принадлежности древних македонян (1) выработкой некоторых стандартов, по которым можно определить национальность древнего народа, и (2) попыткой отделить этот спорный вопрос от современной политики. И хотя я по-прежнему придерживаюсь принципов первого пункта, я признаю, что потерпел неудачу по второму»².

¹ Borza E. N. In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon. Princeton, 1990. P. 26. [См. первую часть настоящего издания. — М. X.]

² Borza E. N. In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon. Rev. ed. Princeton, 1992. P. 305. [См. первую часть настоящего издания. — М. X.]

Данная неудача объясняется двумя взаимосвязанными событиями: во-первых, созданием в 1991–1992 гг. независимой Республики Македония в результате развала бывшей Югославской конфедерации, и, во-вторых, неадекватной реакцией многих греков на образование нового государства у их северных пределов, реакцией, нашедшей выражение в публичном и частном проявлении бурных чувств в связи с тем, что Республика Македония присвоила название и символы древнего народа, который, по мнению современных греков, был в древности греческого происхождения. Таким образом, избежать того, чтобы история древних македонян не попала на службу современных балканских политиков, оказалось невозможным³. Поэтому историк-антиковед, не зависящий от нынешнего напряженного соперничества на Балканах, далекий от него, должен попытаться ответить на вопросы: что говорят античные источники о происхождении и этнической принадлежности древних македонян, и какое отношение это имеет к истории Балкан в наше время?

Самый древний этап доисторического периода истории Македонии лучше всего оставить для освещения археологам. Представляется разумным ограничить настоящее обсуждение периодом позднего бронзового века и рассмотрением того, была ли или нет Македония частью микенского (т. е. греческого) мира. Если бы можно было показать, что Македония принадлежала к микенскому миру, то тогда можно было бы сделать вывод, что, разделяя общий доисторический период с южными греками, македоняне появились в историческое время как греческий народ.

Прошло девять десятилетий с тех пор, как Уэйс начал археологические исследования в сельской местности Македонии. И почти шестьдесят лет минуло со времени публикации Хертли первого систематического обзора доисторического периода истории Македо-

³ Для читателей, интересующихся нынешней полемикой между Греческой и Македонской республиками, существует все более и более увеличивающаяся в своем объеме соответствующая литература. Оставив в стороне как бесполезную пропаганду шовинистические по своему характеру публикации обеих сторон (полные фактических ошибок и курьезных толкований античной истории), отметим работы, которые представляют особую ценность: *Danforth L. M. The Macedonian Conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World*. Princeton, 1995; Human Rights Watch. *Denying Ethnic Identity. The Macedonians of Greece*. New York; Washington; Los Angeles; London, 1994; *Karakasidou A. N. Fields of Wheat, Hills of Blood: Passage to Nationhood in Greek Macedonia, 1870–1990*. Chicago; London, 1997; *Borza E. N. Macedonia Redux // The Eye Expanded. Life and the Arts in Greco-Roman Antiquity* / ed. by F. Titchener, R. F. Moorton, Jr. Berkeley; Los Angeles, 1999. P. 249–266.

нии⁴. Ожидалось, что раскопки македонских археологических памятников, относящихся к бронзовому веку, будут идти быстро, но, хотя количество открытого материала действительно значительно увеличило базу данных для этого периода, основные выводы, сделанные Хертли, остались почти без изменений. В двух самых последних исчерпывающих обзорах о Македонии бронзового века говорится: «Ни Македония, ни Эпир к западу не были когда-либо частью микенской Греции...»; «...Македония никогда не была частью микенского койнэ. В самом деле, необходимо признать, что, несмотря на свидетельства о контактах и обмене с соседними областями, расположенными севернее и южнее, у Македонии в бронзовом веке были свои характер и идентичность»⁵.

Микенское влияние на севере не вызывает вопросов. Более чем в пятидесяти местах в Македонии, Эпире и Албании найдены микенские артефакты, в том числе и самая ранняя импортированная микенская керамика, датируемая XVI в. до н. э. Однако, как полагал Хертли и как это подтверждается самыми последними исследованиями⁶, жители Македонии быстро научились имитировать микенскую керамику и оружие, хотя некоторые дорогостоящие мечи и наконечники копий продолжали импортироваться с юга с XIV в. до н. э. и до конца бронзового века. Местные подражания микенской керамике производились отдельно, как предметы роскоши, сосуществуя с более грубыми местными изделиями. Иначе говоря, материальная культура жителей Македонии испытала на себе некоторое микенское влияние. Однако влияние микенцев — это не то же самое, что их *постоянное поселение* в стране. Ввиду того, что часто трудно различить между собой импортированные микенские артефакты, местные подражания микенским изделиям и микенские материалы, показывающие наличие микенских поселений, ряд археологов оказался не в состоянии

⁴ *Heurtley W. A. Prehistoric Macedonia. An Archaeological Reconnaissance of Greek Macedonia (West of the Struma) in the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages. Cambridge, 1939.*

⁵ *Wardle K. A. Mycenaean Trade and Influence in Northern Greece // Wace and Blegen. Pottery as Evidence for Trade in the Aegean Bronze Age: 1939–1989 / ed. by C. Zerner, P. Zerner, J. Winder. Amsterdam, 1993. P. 117; Cambitoglou A., Papadopoulos J. K. The Earliest Mycenaeans in Macedonia // Wace and Blegen. Pottery as Evidence for Trade in the Aegean Bronze Age: 1939–1989 / ed. by C. Zerner, P. Zerner, J. Winder. Amsterdam, 1993. P. 289.*

⁶ См.: *Andreou S., Fotiadis M., Kotsakis K. Review of Aegean Prehistory V: The Neolithic and Bronze Age of Northern Greece // AJA. 1996. Vol. 100. P. 537–597 (о Македонии см. особ. P. 560–591).*

осознать значение таких различий. Появляются заявления о существовании микенских поселений в районах Македонии, соседних с горой Олимп, но, пока эти утверждения нельзя будет подкрепить полной научной публикацией свидетельств⁷, мы должны признать выводы, представленные в цитатах, приведенных выше. Таким образом, утверждение Фойера, высказанное несколько лет назад, все еще остается в силе: северная граница микенского мира проходила по Фессалии⁸.

Эти выводы создают дополнительную помеху для тех, кто считает, что Македония в более позднее время была частью греческого мира. Если корни греческого мира лежат в микенском периоде, а Македония не являлась частью микенского мира, то где же тогда греческие корни Македонии? Иначе говоря, если Македония не была «греческой» в период позднего бронзового века, то когда и при каких обстоятельствах она стала греческой? К примеру, не относится ли происхождение македонского «эллинизма» к эпохе греческой колонизации? Действительно, в период архаики греки основали города вдоль побережья Термического залива и на Халкидике, однако эти города неизменно оставались независимыми от Македонии до времени правления Филиппа II, при котором они были завосваны и включены в состав его царства. Таким образом, объяснить генезис македонского «эллинизма» либо в поздний доисторический, либо в ранний исторический периоды трудно. При современном состоянии наших знаний представляется возможным только один вывод: происхождение македонской культуры относится к какой-то другой

⁷ Так, Пулаки-Пандермали сообщила на нескольких конференциях об открытии ею «микенского» некрополя возле выхода из ущелья Петры, которое рассекает северную часть Олимпа из Фессалии до македонской прибрежной равнины Пиерии. Она также заявила, что обследовала и саму Пиерийскую равнину, но до сих пор не смогла ни предоставить свидетельств существования там микенского поселения, ни провести ни в одном из кратких археологических докладов, которые я слышал, различий между импортированными микенскими и местными изделиями. Другой археолог в связи с раскопками в Эани в Юго-Западной Македонии попыталась передвинуть границу микенской цивилизации на север из Фессалии в Македонию, но не привела свидетельств существования в Эани именно микенского поселения, а не торгового пункта и места контактов (*Καραμήτρου-Μεντεσίδη Γ. 1) Αιανή Κοζάνης. Θεσσαλονίκη, 1989; 2) Αιανή 1983–1997 // Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Θράκη. 1996. Τ. 10. Σ. 23–40).*

⁸ *Feuer B. The Northern Mycenaean Border in Thessaly. Oxford, 1983.* В своем обзоре региона Гревены в Юго-Западной Македонии Уилки пишет, что места, где найдены фрагменты микенской керамики, немногочисленны, а обнаруженные микенские изделия являются импортированными (*Wilkie N. The Grevena Project // AM. 1993. Τ. III. Ρ. 1747–1753).*

эпохе, возможно к эпохе железного века, характеризующейся на всех Балканах обширными заимствованиями из других культур.

В своем исследовании культур европейского и анатолийского железного века Боузек представил исчерпывающий обзор недавних исследований археологических материалов, принадлежавших к этому периоду⁹. Хотя Боузек уделил небольшое внимание проблеме континуитета между поздним бронзовым и железным веками в Македонии, он привел достаточные свидетельства крайне эклектичной природы культуры железного века у некоторых балканских и иных народов, которые в историческое время стали греками, скифами, фракийцами, иллирийцами, македонянами и т. д. Все они, похоже, много заимствовали как у своих предшественников, живших в бронзовом веке, так и у современников. Что же касается македонян, то мы не в состоянии проследить эволюцию их культуры от бронзового века и до исторического периода, но можем отметить, что культура Македонии железного века кажется такой же пестрой, как и ее предшественница позднего бронзового века, по крайней мере в том, что относится к материальной сфере. В железном веке появилось несколько балканских культур, которые были, по словам Боузека, культурными «сотрудниками» в их заимствованиях из ряда различных европейских и западно-азиатских источников. Не исключено, что происхождение культуры, которую мы ассоциируем с историческими македонянами, следует относить к этому периоду железного века.

Каков же характер македонской культуры? Какие характеристики являются для нее исходными, а какие — вторичными? Бесполезно искать истоки материальной культуры, которая представляется уникальной «македонской», в образующем периоде ранней архаической эпохи. Вместо этого артефакты показывают влияния греческого юга и греческого востока, Центральных и Северных Балкан и Западной Азии. В период, когда, как мы могли бы ожидать, македоняне развивали свою собственную культуру, мы видим, что они были, по словам Палагини (искусствоведа из Афинского университета), «губкой, впитывавшей в себя множество окружающих культур»¹⁰.

Эта практика эклектичных заимствований продолжилась также и в классическую эпоху. Барр-Шаррар показала, что македонские ремесленники, возможно работавшие под царским покровительством,

⁹ Bouzek J. Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations During the Early Iron Age. Jonsered, 1997.

¹⁰ Личное сообщение Палагини.

свободно выражали себя, в некоторых случаях имитируя в чистом виде привозные предметы, в других — развивая независимые местные традиции производства, но во всех случаях демонстрируя превосходную технику обработки металлов¹¹. В итоге появилось то, что может быть охарактеризовано как «местный» стиль, в значительной мере обязанный Греции, но с сильными балканскими и азиатскими влияниями на формы и украшения. Все это подтверждается и прекрасным анализом Миллер-Коллетт архитектуры и росписей македонских камерных гробниц¹². Показательно заметное разнообразие в ориентации, форме, украшениях и инвентаре погребальных приношений в гробницах IV–III вв. до н. э. Македоняне не были рабами какого-либо канона, их культурные свершения отличались разнообразием, свежестью и прагматизмом.

Признание многообразия македонской материальной культуры было бы важным при рассмотрении проблем происхождения македонян и их этнической принадлежности. Одна из причин (оставим в стороне современную политику), почему некоторые ученые считают, что македоняне были греческим народом, — это то, что македонская культура многим обязана греческим влияниям. Однако на самом деле в ранний период македонская материальная культура *менее всего* была греческой, но с течением времени все более становилась таковой, пока в конце концов не слилась с греческой цивилизацией койнэ. Похоже, это был процесс постепенной эллинизации народа, негреческого по происхождению. Остается только призывать, чтобы ученые приняли замечание о том, что македоняне действовали как «губка», а потому перестали оценивать раннюю Македонию сквозь «греческий фильтр». В конечном счете Македония и Греция слились так, что стали, в сущности, неотличимыми, исключая местные особенности, что было обычным в греческом мире: эллинизация Македонии была завершена. Можно сказать, что позднеримская и средневекковая Македония являлась частью греческого мира до периода славянских вторжений и даже после этого. Все, что я доказывал, — это то, что

¹¹ Barr-Sharrar B. 1) *Macedonian Metal Vases in Perspective: Some Observations on Context and Tradition* // *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 122–139; 2) *Eastern Influences on the Toreutic Art of Macedonia Before the Conquests of Alexander the Great* // *AN*. 1984. Vol. 13. P. 1–12 (пересмотренная версия данной статьи опубликована под старым названием в издании: AM. 1986. T. IV. P. 71–82).

¹² Miller S. G. *The Tomb of Lyson and Kallikles: A Painted Macedonian Tomb*. Mainz, 1992 (в данной работе имеется ценная библиография).

процесс эллинизации — одна из наиболее мощных и успешных культурных сил в Европе в древности, средневековье и Новое время — медленно начался в эклектизме македонского железного века, но не стал до конца преобладающей особенностью македонской жизни до эпохи эллинизма. В течение классического периода этот процесс только развивался¹³.

Достаточно познакомиться хотя бы с одним показательным образцом современной греческой археологической литературы о Македонии, чтобы увидеть, что некоторые утверждения об эллинском происхождении древних македонян опасно близки к так называемой националистической археологии, т. е. археологии, способствующей обеспечению национального единства в современном государстве посредством подчеркивания его славного прошлого. Независимо, впрочем, от того, считать ли националистическую археологию положительным, обоснованным и необходимым элементом политики или же подлинным проявлением глубоко укоренившейся в сознании и при этом спесивой по своему характеру культурной идеологии, она — не наука. Сейчас выходит в свет все больше работ, посвященных тому, что именуется «политической антропологией» националистической археологии (а равно археологии «империалистической» и «колониальной»)¹⁴, и можно заметить, что некоторые греческие археологи, изучающие специфику жизни в Македонии как в период бронзового века, так и в исторический период (вплоть до эпохи эллинизма), порой, похоже, столь же сильно заинтересованы в доказательстве эллинства древних македонян, сколь и в проведении беспристрастного анализа материальной культуры населения этого региона¹⁵.

¹³ Что касается эллинского характера сегодняшней Северной Греции, то он является результатом процесса *реэллинизации* данного региона в современный период, как это ясно показал в своей работе Каракасиду (*Karakasidou A. N. Fields of Wheat, Hills of Blood...*).

¹⁴ См., напр.: *Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology* / ed. by Ph. Kohl, C. Fawcett. Cambridge, 1995; *Diaz-Andreu M., Champion T. Nationalism and Archaeology in Europe*. London, 1996; обзор обеих этих работ дан в статье: *Hamilakis Y. Through the Looking Glass: Nationalism, Archaeology and the Politics of Identity* // *Antiquity*. 1996. Vol. 70. P. 975–978. Относительно важности национальной интерпретации истории древней Греции см.: *Hamilakis Y., Yalouri E. Antiquities as Symbolic Capital in Modern Greek Society* // *Antiquity*. 1996. Vol. 70. P. 117–129.

¹⁵ Описание проведенных ею раскопок в Эани в Юго-Западной Македонии Карамитру-Ментесиди *начинает* со спорного утверждения (цитируя главным образом идеи Хэммонда), что жители данного места были греками с раннего времени, и далее переходит к идентификации находок с точки зрения эволюции греческого поселения от микенской эпохи — через пору «дорийского нашествия» (см. ниже) — до исторического периода

Чтобы читатель не подумал, что я пристрастен, говоря только о греческих археологах, ему (ей) нужно взглянуть на проблему националистической археологии в целом. Действительно, других примеров такого рода существует множество, включая, в частности, попытки ряда исследователей по-новому определить этническую принадлежность англичан, опровергнув возможность их связи с кельтами доисторического периода¹⁶. Здесь же уместно вспомнить и одно из проявлений британской «империалистической» археологии, поборники которой, стремясь противостоять национализму греков-киприотов во времена английского колониального господства, фактически придумали «этеокиприотов» железного века как уцелевших представителей туземной неэллинской культуры на Кипре¹⁷. Исходя из «этео-

(*Καραήτρου-Μεντεσίδη Γ.* 1) Λιανή Κοζάνης; 2) Λιανή 1983–1997). Методологически подобная линия рассуждений весьма слаба, если она вообще имеет силу: если историческая предпосылка не верна, то анализ керамики также несостоятелен. Керамика, известная к настоящему моменту, представляет собой эклектичное смешение местных и импортных изделий, и едва ли правомочно «мерить» имеющиеся материалы чисто эллинской «меркой», когда очевидно, что и другие силы также участвовали в их производстве. Главный вывод, который должен быть сделан на основании археологических находок в Эани, — это несомненное утверждение, что «македонские греки» жили в данном месте в течение нескольких веков, а скорее то, что более чем обычное македонское поселение, отличающееся видимым повсюду эклектизмом, существовало в горах Верхней Македонии. В работе о древностях, находящихся в окрестностях Козани, Карамитру-Ментесиди повторяет прежний метод и использует определения вроде «общее происхождение и общая национальная идентичность» при описании здешних «македонских греков» (*Καραήτρου-Μεντεσίδη Γ. Κοζάνη, Πόλη Ελιμπίτιδος. Αρχαιολογικός οδηγός. Θεσσαλονίκη*, 1993). Жаль, что в своем прекрасном стремлении остановить разрушение древних памятников и привлечь внимание к богатому археологическому наследию этого района, исследователь обратилась за помощью к националистической археологии.

¹⁶ Megaw J. V. C., Megaw M. R. Ancient Celts and Modern Ethnicity // *Antiquity*. 1996. Vol. 70. P. 175–181.

¹⁷ Given M. Inventing the Eteocypriots: Imperialist Archaeology and the Manipulation of Ethnic Identity // *Journal of Mediterranean Archaeology*. 1998. Vol. 11. P. 3–29. Тому, кто интересуется широким распространением «националистической» археологии в столь разных местах, как Кипр, бывшая Югославия, Болгария, Турция, Ливан, Ирак, Израиль, государства Персидского залива и Египет, следует познакомиться с очерками специалистов по изучению этих регионов, имеющимися в кн.: *Archaeology under Fire. Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East* / ed. by L. Meskell. London, 1998. При этом особого внимания заслуживают работы Коцакиса о македонском регионе современной Греции и Брауна о бывшей Югославской Республике Македония.

В прессе много говорилось о том, что недавние раскопки в Северной Японии наводят на мысль, что происхождение японцев, возможно, связано с культурой дзёмон — доисторического туземного народа. Эта идея привлекательна для большинства японцев, поскольку она, казалось бы, изменяет общепринятый взгляд, согласно которому японская культура была продуктом китайских и корейских миграций. Однако многочисленные находки скелетов показывают, что люди культуры дзёмон, судя по всему, не были

киприотской» теории, получалось, что *настоящие* киприоты не были потомками древних гресков или в лучшем случае имели смешанное происхождение. Однако подобная попытка манипулировать этнической идентичностью древнего народа, чтобы поддержать современную политическую программу, потерпела неудачу: никто так и не был убежден в существовании этих «этеокиприотов», за исключением британской колониальной администрации и самих археологов, их придумавших. В свою очередь, и Уэллс в замечательном, но до сих пор неопубликованном докладе показал разительное отличие, существующее в отношении французов и немцев к римским границам, некогда проходившим по их землям¹⁸.

Остается фундаментальная проблема: в чем состоят археологические данные, с помощью которых возможно определить этническую принадлежность народа? На каком языке, если перефразировать покойного Чэдвика, говорят черепки, когда отсутствуют письменные источники? Нет сомнений, что наличие большого количества сходных черт, к примеру в керамике, ювелирных изделиях, металлических вазах, оружии, погребальных обрядах и утвари, декоративном искусстве и архитектуре (при том что имеющиеся свидетельства представлены в развитии), способно помочь определить древнюю культуру и этническую принадлежность. Но является ли это единственной детерминантой этнической принадлежности (см. ниже), в особенности когда смешение материальных остатков эклектично? А между тем подобная проблема выступает довольно остро в негреческих областях Балкан, где во многих местах обнаружено богатое разнообразие как греческих, так и негреческих материалов. В предыдущие годы можно было наблюдать развитие скептического, основывающегося на данных керамики и некоторых типах погребальной утвари, отношения к фиксированию миграций этнических групп в период позднего бронзового века и в последующие столетия. Сейчас ясно, что, какова бы ни была этническая принадлежность (если подобное выражение здесь уместно) древних народов, оставивших нам археологические свидетельства, многие из них отличались весьма переменчивым образом

похожи на современных японцев и что, со строго антропологической точки зрения, многие японцы имеют физическое строение более близкое со строением китайцев и корейцев, чем людей культуры дзёмон. Социальный подтекст этих разногласий в связи с определением корней японской культуры самоочевиден.

¹⁸ В своем первом варианте доклад был прочитан на ежегодной конференции Ассоциации историков-антиковедов несколько лет тому назад; с тех пор появились уже его переработанные версии. Я благодарен профессору Уэллсу за данное им разрешение упомянуть этот его доклад в настоящей книге.

жизни, вкусами и способами получения материальных благ. Стало быть, наличие, скажем, определенного типа фибулы или наконечника копья либо существование практики трупоположения или кремации при погребении оказываются недостаточными для идентификации конкретной культуры. Вероятно, в значительной степени то же самое можно сказать и о жителях Македонии в ранний исторический период. Коллапс теории «дорийского нашествия», произошедший в недавнее время из-за фактического отсутствия каких-либо чисто «дорийских» археологических свидетельств¹⁹, отлично подтверждает точку зрения Холла, что любая попытка определить этническую принадлежность древнего народа, когда археологические свидетельства являются *единственными*, имеет небольшие шансы на успех²⁰. Таким образом, необходимо быть чрезвычайно осторожным в использовании археологических материалов как этнографических свидетельств, особенно если подкрепляющие их письменные данные малочисленны или вообще отсутствуют.

Теперь должно быть понятно, что, на мой взгляд, попытки определить этническую принадлежность народа на основе скудных археологических и литературных свидетельств сопряжены с риском. Кроме того, я даже не уверен, что сами древние поняли бы те вопросы, которые задают современные ученые, даже такие искушенные, как Холл и др. Я в действительности не знаю, кем были македоняне античной эпохи и на каком языке они говорили²¹, и в отличие от тех, кто ссылками на древность подкрепляет современные политические и этнические притязания, не убежден, что эти вопросы вообще важны. Я стремился показать, что лица, утверждающие, что македоняне были греками, выдвигают сомнительные аргументы в поддержку своих взглядов, как потому, что данные аргументы основаны на ненадежных свидетельствах и умозаключениях, так и потому, что они чрезмерно упрощают весьма сложные вопросы, связанные с определением эт-

¹⁹ Забвение исследователями теории «дорийского нашествия» прекрасно продемонстрировано (с библиографией) Томас (*Thomas C. G. Myth Becomes History: Pre-Classical Greece*. Claremont, 1993. P. 69–73). См. также: *Borza E. N. In the Shadow of Olympus...* P. 65–69. [См. первую часть настоящего издания. — М. X.]

²⁰ *Hall J. M. Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge, 1997. P. 142. Каждый археолог и историк-антиковед, интересующийся взаимосвязью археологических и этнографических методов, извлечет пользу, прочитав эту книгу, особенно гл. 5.

²¹ Думаю, ясно, что я решительно выступаю против попыток представить македонян частью какого-то иного народа. Они были македонянами, уникальным в древности народом, который был постепенно эллинизирован и который не связан ни с каким современным народом.

нической принадлежности древнего народа. Многие принципы, разработанные в современной культурной антропологии²² для определения этнической принадлежности, недавно были восприняты группой главным образом молодых исследователей античности. В 1998 г. Американская филологическая ассоциация завершила трехгодичный colloquium, посвященный проблемам этнической принадлежности в древнюю и современную эпохи, на котором обсуждались методы, имеющие отношение к этнографии разных народов античного мира, в том числе греческих, кельтов, римлян, македонян, ливийцев и гуннов. Кое-что стало очевидным: этническая идентичность является вопросом как самоидентификации, так и внешнего восприятия. К тому же этническая идентичность неустойчива и параметры ее определения могут меняться с течением времени в соответствии с изменяющимися потребностями народа. Это ясно показал в своей недавней монографии Холл²³, где он доказывает, что среди динамичных изменений, которые претерпела древнегреческая этнография, общее происхождение не было столь важным для греков при самоопределении в V–IV вв. до н. э., сколь важным оно было в эпоху Гомера и Гесиода. Иначе говоря, мнение, согласно которому древние никогда не меняли собственные взгляды в подобных вопросах, должно быть отброшено.

Все это имеет особое значение, когда речь идет об определении этнической принадлежности македонян исходя из их общего происхождения с греками²⁴, — аргумент, часто используемый Хэммондом и его последователями. Действительно, как отмечает Холл²⁵, сами

²² См., к примеру: *Danforth L. M. The Macedonian Conflict; Karakasidou A. N. Fields of Wheat, Hills of Blood...*

²³ *Hall J. M. Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Необходимо также отметить книгу Малкина, который анализирует воздействие исследований архаической эпохи на эволюцию греческой этнической принадлежности (*Malkin I. The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity*. Berkeley; Los Angeles; London, 1998). Его аргументированные рассуждения о роли мифа могут вызвать беспокойство у тех, кто использует рассказы об общих прародителях как своего рода доказательство общей этнической принадлежности.

²⁴ Должно быть ясно, что в этой главе я веду речь о происхождении македонян как народа, а не об аргивском происхождении царского рода Аргеадов, которое предполагает, что, кем бы ни были македоняне, они управлялись греческим родом. История о том, как Аргеады пришли в Македонию, чтобы править ею, приведена у Геродота (VIII, 137–139); см. мой комментарий к мифу об их аргивском происхождении как образцу македонской царской пропаганды V в. до н. э.: *Borza E. N. Athenians, Macedonians, and the Origins of the Macedonian Royal House // Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to E. Vanderpool*. Princeton, 1982. P. 7–13.

²⁵ *Hall J. M. Ethnic Identity in Greek Antiquity*. P. 64.

свидетельства, приводимые Хэммондом, опровергают его же собственные утверждения: «Хотя упоминание Македонии в сообщении Геродота о странствованиях дорийцев часто привлекалось в качестве поддержки идеи об историчности вторжения с северных Балкан... оно сильно походит на позднее измышление. В “Каталоге женщин” эпоним-основатель Македонии — Македон — назван сыном Зевса и дочери Девкалиона Фии (Hesiod., fr. 7 Merk.—West). Данная линия происхождения *исключает* его из греческой генеалогии, а стало быть, косвенно и македонян из рядов эллинизма», — и это последнее ученый пытается далее подробно обосновать. Таким образом, Холл нанеся сокрушительный удар по методологическим основам использования Хэммондом античных источников для определения эллинского происхождения македонян, продемонстрировав, что самые ранние греческие тексты запечатлели процесс мифообразования и что в этих самых текстах нашел отражение продолжающийся процесс самоидентификации, который со временем претерпел изменения.

Что же касается проблемы македонского разговорного языка («стандартного» греческого, «македонского» диалекта греческого или негреческого языка/диалекта?), то значительных подвижек в ее исследовании в последние годы не наблюдалось. Пожалуй, можно сказать только, что позиции, прежде занимаемые учеными в данном вопросе, укрепились еще больше вследствие роста политической напряженности на Балканах, особенно в 90-е гг. XX в., когда из-за обретения независимости бывшей Югославской Республикой Македония в Греции усилилось ощущение того, что древние македоняне были греками. Продолжающиеся открытия на территориях, входивших в древности в состав Македонского царства, новых надписей на греческом языке в камне и на керамике, казалось бы, подтверждают мнение многих современных греческих исследователей, что древнемакедонский язык был формой греческого, хотя вместе с тем греческие надписи по-прежнему находят на предметах, имевших отношение к фракийцам — негреческому народу, который так никогда и не создал свою собственную письменную систему²⁶. К тому же, поскольку северная часть Эгеиды была районом активной тор-

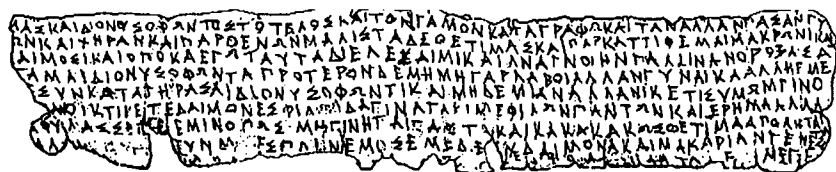
²⁶ В частности, в 1995 г. в ходе раскопок богатого фракийского погребения неподалеку от Казанлыка была найдена серебряная чаша, датируемая концом V — началом IV в. до н. э. с надписью ΔΥΝΤΟ ΖΗΜΥΙΟΣ («Динтос, [сын] Земмиса»), выполненной в местной греческой манере; таким образом, появился еще один пример того, что фракийские племена заимствовали «шрифт», бывший в ходу у соседних греческих прибрежных поселений. См.: *Theodossiev N. A New Thracian Inscription from Bulgaria // Kadmos. 1997. Bd. 36. P. 144.*

говли на протяжении архаического и классического периодов, здесь сохранилось большое количество неофициальных надписей на предметах, попавших сюда тем или иным способом²⁷. Короче говоря, никаких перемен в том, о чем я писал более десяти лет тому назад, не случилось: тогда как стандартный греческий язык был, несомненно, языком религии, администрации и общения между македонянами и чужеземцами (подобно латинскому и французскому, которые веками использовались в определенных частях Европы в качестве средства общения между местными жителями и иностранцами) и тогда как некоторые диалекты греческого языка должны обнаруживаться в Македонии на всем протяжении классического времени, имеются скудные свидетельства о наличии *македонского* диалекта греческого языка²⁸.

Знаменитый клад фракийских серебряных сосудов с греческими надписями был прекрасно описан в нескольких публикациях, среди которых: *Fol A., Nikolov B., Hoddinott R. F. The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria. London, 1986; Fol A. The Rogozen Treasure. Sofia, 1989.*

²⁷ К примеру: аттическая амфора VIII в. до н. э. с кипriotским граффити и аттический скифос конца V в. до н. э. с граффити, выполненным буквами карийского алфавита. См.: *Vokotopoulou J., Anastasios-Phoebus Ch. A Cypriot Graffito on an SOS Amphora from Mende, Chalcidice // Kadmos. 1995. Bd. 34. P. 5–12; Tzanavari K., Anastasios-Phoebus Ch. A Carian Graffito from the Lebet Table, Thessaloniki // Kadmos. 1995. Bd. 34. P. 13–17.*

²⁸ От «македонского», под которым я понимаю негреческий язык, сохранилось недостаточно, чтобы понять, каким был этот язык. Недавние исследования найденной в Пелле в 1986 г. таблички с текстом проклятия, датированной началом — серединой IV в. до н. э., допускают возможность того, что ее греческий диалект был не ионийским, а «македонским» (*Dubois L. Une tablette de malédiction de Pella: s'agit-il du premier texte Macédonien? // REG. 1995. T. 108. P. 190–197*). Так или иначе, нам удалось, вероятно, преуспеть только в обнаружении на данной табличке еще неустановившейся письменной системы; в любом случае, ясно, что *единственный* экземпляр, если это не настоящая билингва, — недостаточный статистический образец. Усложняющие проблему вариации, возникающие из-за неустоявшейся орфографии и местных диалектов, были рассмотрены в работе Панайоту (*Panayotou A. Dialectical Inscriptions from Chalcidice, Macedonia and Amphipolis // Ετιγραφές της Μακεδονίας. Third International Symposium on Macedonia, 8–12 December 1993. Thessaloniki, 1996. P. 124–163*). Панайоту полагает, что в Амфиполе не было большого субстрата грекоговорящих и что на Халкидике основным греческим диалектом являлся ионийский, который, однако, не был сильно распространен в собственно Македонии. Вместе с тем исследовательница делает ничем не обоснованный вывод, что «македонский» диалект редко использовался при письме и был родственен северо-западным греческим диалектам, а в начале IV в. до н. э. македоняне приняли аттическое койнэ как официальный письменный язык для дипломатических контактов с греками. (Остается только удивиться тому, как можно определить, что македонский язык/диалект был родственен северо-западному греческому, если он редко использовался при письме.) Таким образом, похоже, что никаких сдвигов в вопросе о национальном языке македонян не произошло.

Прорисовка свинцовой таблички из Пеллы
с текстом проклятия (ок. 400–350 гг. до н. э.)

Кроме того, македонский существенно отличался от греческого языка еще во времена Александра Великого, ибо требовал переводчиков и заставлял древних писателей отмечать соответствующие различия. Данный вопрос я рассматривал в своей недавней статье, где мной была сделана попытка показать, что, независимо от того, что бы мы ни хотели думать об этнической принадлежности древних македонян, *античные авторы*, писавшие об эпохе Александра и несколько более позднем периоде, считали, что греки и македоняне были двумя разными народами²⁹. И это, может быть, самый убедительный аргумент, поскольку он устраняет проблему, происходящую из того, что мы полагаем, и помогает определить этническую принадлежность так, как это делали древние народы.

ИНСТИТУТЫ

Сегодня мы знаем гораздо больше, чем десять лет назад, о структуре и институтах Македонского царства, в основном благодаря усилиям доктора Хадзопулоса и его коллег из Национального греческого исследовательского фонда в Афинах. Под руководством Хадзопулоса Центр изучения греческих и римских древностей стал активно заниматься сбором и публикацией древнемакедонских эпиграфических источников (см. выше). Одним из результатов этой работы стало издание монографии Хадзопулоса «Македонские ин-

²⁹ Borza E. N. *Greeks and Macedonians in the Age of Alexander: The Source Traditions // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History*, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. Norman; London, 1996. P. 122–139. Имеется одно свидетельство, которое я пропустил в этой статье: в биографии Антония Плутарх противопоставляет Клеопатру VII, которая владела многими иностранными языками, ее предшественникам из династии Птолемеев, которые не знали местного египетского языка, и добавляет, что некоторые из них даже перестали «говорить по-македонски» (Plut. Ant., 27, 5: ...τὸ μακεδονίζειν ἐκλίποντων). По-видимому, языком Птолемеев стал греческий. См. комментарий: Pelling C. B. R. *Plutarch. Life of Antony*. Cambridge, 1988 (*ad loc.*).

ституты при царях», первый том которой представляет собой детальную реконструкцию внутренней структуры Македонского царства, основывающуюся главным образом на эпиграфических свидетельствах, опубликованных во втором томе³⁰. Сбор и публикация надписей, изданных с исчерпывающей библиографией и эпиграфическими указателями, характеризуют работу Хадзопулоса как важный вклад в изучение истории Македонии.

Из 93 надписей, представленных у Хадзопулоса, основную массу составляют царские и гражданские документы эллинистической эпохи, и только совсем немного частных и царских документов относится к периоду, предшествующему правлению Кассандра. Таким образом, мы имеем необычайно богатое собрание материалов по истории Македонии времени Антигонидов. Оно определенно поможет следующему поколению ученых, которые продолжают исследование данной эпохи, особенно периода правления Филиппа V. Но по-прежнему остро стоит проблема: в какой степени мы можем использовать материалы этого более позднего времени для изучения истории монархии Аргеадов?

В своих работах Хэммонд приводит доводы в пользу следующей, достаточно формальной структуры Македонского государства при Аргеадах: царь, совет и войсковое собрание, которые действовали в соответствии с базовым законом или кодексом, регулировавшим их отношения друг с другом³¹. Я и другие историки придерживаемся более скептической позиции, полагая, что 1) свидетельства, относящиеся к периоду правления династии Аргеадов до Александра Великого, не позволяют реконструировать такое формальное устройство; 2) свидетельства, относящиеся к эллинистическому периоду, не стоит переносить, как это делает Хэммонд, в эпоху Аргеадов; 3) для изучения более раннего периода нельзя широко использовать ограниченные свидетельства времени кампании Александра Великого, так как это событие являлось аберрацией в македонской истории: тогда существовало «правительство» при царе, возглавлявшем армию в походе, со всеми участниками, находящимися вдали от обычных, расположенных на родине источников финансовой и политической поддержки.

³⁰ *Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I: A Historical and Epigraphic Study; Vol. II: Epigraphic Appendix. Athens, 1996.*

³¹ Обзор истории исследований македонских царских институтов см. в моей книге: *Borza E. N. In the Shadow of Olympus... Ch. 10.* [См. первую часть настоящего издания. — *М. X.*] Взгляды Хэммонда основаны на работах ученых более раннего времени и могут быть наиболее четко прослежены в следующем его труде: *Hammond N. G. L. The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxford, 1989. Ch. 2, 4, 7–8.*

В своей работе Хадзопулос представил точку зрения, близкую к концепции Хэммонда, хотя и основанную на гораздо более многочисленных документальных свидетельствах. Его пятисотстраничное исследование политической организации Македонского царства слишком непростое, чтобы быть здесь подробно освещенным. Тем не менее нужно сказать, что оно является необходимым и удачным «противоядием» для подхода «цари, а не объекты» («kings-‘n’-things»), который традиционно доминировал при написании работ по македонской истории. В самом деле, Хадзопулос внес полезную коррективу в нашу увлеченность знаменитыми монархами и их поступками, которая создавала впечатление (прежде всего из-за подобного рода направленности нарративных источников), что деятельность царей доминировала в жизни Македонии, тогда как в реальности большая часть людей, находившихся под властью македонских правителей, очевидно, мало знала о политике за пределами своей деревни или города³². И это описание организации царства на сельском и городском уровнях, основывающееся главным образом на десятках гражданских эпиграфических документов, собранных Хадзопулосом и его коллегами, представляет собой значительный вклад последнего в изучение македонской истории. Хадзопулос применяет метод использования свидетельств поздних источников, начиная с тех, что освещают римскую организацию Македонии в 167 г. до н. э., для изучения более ранней эпохи — метод, который является ценным для исследований эллинистического периода (однако см. ниже). Хадзопулос весьма тесно связывает македонские институты с греческими политическими структурами, но подчеркивает различие между греческими федеративными государствами (которые интегрировали существующие местные общины в этнические государства с соответствующим представительством на федеральном уровне) и северными «монархическими» государствами, где более примитивные местные городские институты не были интегрированы в большое этническое государство. Он отмечает некоторые нюансы, показывающие существование различий между региональными политическими организациями, однако считает их частью эллинского койнэ.

Несмотря на довольно утонченную аргументацию, которую приводит Хадзопулос, у меня имеется несколько замечаний по поводу его

³² Точка зрения, которую Хадзопулос высказывает повсюду; см., к примеру: *Hatzopoulos M. B. Epigraphie et villages en Grèce du Nord: Ethnos, Polis et Kome en Macédoine // L'epigrafia del villaggio / a cura di A. Calbi, A. Donati, G. Poma. Faenza, 1993. P. 151–171.*

попытки представить македонян иной группой греков (пусть отчасти и отсталой в своих политических институтах), аналогичной фессалийцам, беотийцам, этолийцам и остальным конфедерациям греческих городов и деревень. Действительно, древний мир запомнил фессалийцев и других как греков, а македонян как особый, отличный от прочих народ (или этническое государство). И причина этого коренилась, конечно, не в деяниях их наиболее известных царей IV в. до н. э., поскольку такое представление о македонянах, похоже, существовало до времени Филиппа II и продолжало сохраняться в течение эллинистического периода. Как я доказывал в другой своей работе, различие между македонянами и греками ясно отражено у античных авторов³³. Какими бы эллинизированными македоняне ни стали в своей культуре и гражданских институтах, в эпоху эллинизма они воспринимались как народ, отличавшийся от его греческих соседей. Но было бы слишком просто сказать, что это было так, ибо они не являлись греками, и не только потому, что подобное заявление превращается в «красную тряпку» в вопросе, чрезвычайно остром для нынешних Балкан, но и потому, что оно не даст достаточного основания для подвижных и гибких определений этнической принадлежности, которые мы недавно решили принять. Этнографы конца XX в. научили нас описывать процессы и реальность самоидентификации, однако имеется слишком мало информации о македонянах — даже в эллинистический период, — чтобы это сделать, тогда как внешнее восприятие македонян их современниками позднелатинской и раннеэллинистической поры, похоже, указывает на то, что они не признавались за греков.

И еще одно замечание. Метод использования позднего материала для изучения более раннего времени, применяемый Хадзопулосом, какова бы ни была его ценность для реконструкции царских и гражданских институтов Македонии эпохи эллинизма, упирается в ту же самую стену, которая стала препятствием для других ученых: документальные свидетельства быстро иссякают в период правления Филиппа II. Основываясь на довольно незначительных свидетельствах (хотя и не беспочвенно), Хадзопулос приписывает Филиппу II проведение административной реформы, которая предвосхитила более сложные схемы такого рода, относящиеся к эллинистической поре³⁴;

³³ *Borza E. N. Greeks and Macedonians in the Age of Alexander...*

³⁴ В работе, появившейся позднее, Хадзопулос кратко и категорично подтвердил свою точку зрения, что Филипп был архитектором административной реформы, в результате которой македонская территория была организована в границах ее городских центров, которые существовали в основном как автономные организации, признанные царской

однако исследователь не избегал полностью анахронистической ошибки Хэммонда, состоящей в переносе более поздних реалий в столь ранний период, как период Аргеадов, для которого свидетельств об обычаях и государственных институтах македонян практически не существует.

Несмотря на несколько этих оговорок, все же следует признать, что труд Хадзопулоса, безусловно, поднимет дискуссии о македонских институтах на более высокий уровень.

Дополнение

Наиболее детальным и всесторонним исследованием, посвященным поселениям и топонимам античной Македонии, является книга Папазоглу «Города Македонии в римскую эпоху»³⁵. В своем труде, который представляет собой крупное научное достижение, Папазоглу представила исчерпывающий обзор письменных свидетельств и археологических материалов, связанных с сотнями мест, рассыпанных по территории Македонии.

Нехватка точных и подробных карт античной Македонии вскоре будет исправлена благодаря проекту «Классический атлас», инициированному Американской филологической ассоциацией и финансируемому Национальным фондом гуманитарных наук, а также некоторыми другими общественными и частными организациями в США и за рубежом. Этот фолиант, публикуемый под редакцией Талберта, охватит древний мир от Атлантики до Индии. Карты 50 и 51 (масштаб 1 : 500 000) посвящены Македонии и Эгейской Фракии (здесь же приведена и библиография). Данное издание, названное «Barrington Atlas of the Greek and Roman World», намечено издательством Принстонского университета к выходу в свет осенью 2000 г.³⁶

властью и находившиеся под ее эгидой (*Hatzopoulos M. B. L'état Macédonien antique: un nouveau visage // CRAI. 1997. P. 7–25*). Однако эпиграфические свидетельства, предложенные Хадзопулосом в поддержку мнения, что Филипп был автором этой реформы, незначительны. Если Хадзопулос прав, то странно, что ни один античный писатель, включая даже Диодора, которого по времени сложнее всего назвать предубежденным из источников, повествующих о жизненном пути Филиппа, не упоминает о реорганизации, которая близка к революционной. Правда, можно сказать, что данное замечание основано на молчании древнего автора, который очень мало написал о Филиппе II в тот самый период, когда царь, вероятно, был занят своими реформами.

³⁵ *Papazoglou F. Les villes de Macédoine à l'époque romaine. Athènes; Paris, 1988.*

³⁶ [Этот атлас уже издан: *Barrington Atlas of the Greek and Roman World / ed. by R. J. A. Talbert. Princeton, 2000. — М. X*]

Глава 3

ФИЛИПП II

Всплеск интереса к царствованию Филиппа II возник не только в результате недавних выдающихся археологических открытий, сделанных на македонском царском некрополе в Вергине (древних Эгах). Так получилось, что раскопки в Вергине почти совпали по времени с публикацией нескольких работ, долгое время находившихся в стадии подготовки. О двух из них стоит упомянуть особо: это книга Эллиса «Филипп II и македонский империализм» и написанный Гриффитом раздел, посвященный правлению Филиппа, во втором томе «Истории Македонии» Хэммонда. Эллис представил первую за сорок лет новую, четкую интерпретацию жизненного пути Филиппа¹, нарисовав нам картину внешней политики Македонии с македонской точки зрения. Он утверждает, что действия Филиппа по отношению к грекам были обдуманными, осторожными и примирительными. Но, когда дипломатические усилия терпели крах, Филипп решительно брался за оружие. Гриффит дал полный обзор политической, военной и дипломатической деятельности Филиппа, основанный на неспрешенном и глубоком знании им античных свидетельств². Это — основа для всех нынешних работ, посвященных истории македонского царя.

Благодаря современным исследованиям Филипп наконец выступил из-за «ширмы» афиноцентричного видения событий. Не ослепляемые отныне силой громких обвинений Демосфена ученые в своем большинстве видят в Филиппе независимого монарха, который не только

¹ *Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism. London, 1976.* Эллисом был также предложен полезный обзор жизненного пути Филиппа в шестом томе «Кембриджской древней истории».

² *Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 203–646.* Хэммонд написал собственную книгу о Филиппе (*Hammond N. G. L. Philip of Macedonia. London, 1994*), но в ней мало нового или отличающегося от взглядов, изложенных им в других работах, а аргументы, основанные на археологическом материале, которые отчасти оправдывают появление этой монографии, в настоящее время уже устарели.

преследовал личные амбиции, но и отстаивал суверенитет Македонии от ее греческих и других балканских соседей. В то время как общие очертания жизненного пути Филиппа стали, таким образом, яснее, чем раньше, по-прежнему сохраняются важные вопросы, когда историки пытаются выяснить детали его деятельности. Среди этих вопросов некоторые связаны с хронологией.

Предметом споров остается год восшествия Филиппа на престол. В своей интерпретации так называемой надписи из Олевени Хадзопулос³ предложил исправить общепринятую дату — 359 г. — на другую — между июнем и октябрём 360 г. до н. э. Сама надпись противоречива, и целый ряд исследователей полагает, что она относится ко времени правления Филиппа V. Многие дискуссионные вопросы, связанные с этой надписью, вместе с кратким разбором проблем соотношения афинского и македонского календарей были рассмотрены Гуковским⁴. Лично я склонен принять хронологию Хадзопулоса и согласиться с Эллисом и Гриффитом в том, что Филипп никогда не был регентом при своем племяннике Аминте, а стал царем с самого начала. Полученная Филиппом царская власть, однако, сразу же оказалась под угрозой: Аргей, который, возможно, раньше недолго занимал македонский трон, попытался, пользуясь афинской поддержкой, его захватить, правда, безуспешно⁵. Филипп занялся реформой македонской армии и менее чем через два года после вступления на престол разгромил давних врагов македонян — иллирийцев, возглавляемых царем Бардилом, чей жизненный путь прескрасно описан Мортенсен⁶. Таким образом, Филипп превратил Македонию в существенную силу на Балканах, с которой необходимо было считаться. О военной организации, созданной Филиппом, невозможно написать

³ Hatzopoulos M. B. 1) The Oleveni Inscription and the Dates of Philip II's Reign // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. New York; London, 1982. P. 21–42; 2) La lettre royale d'Oleveni // Chiron. 1995. Bd. 25. P. 163–185.

⁴ Goukowsky P. Encore l'Inscription d'Oloveni [sic!] // Études d'Archéologie Classique. 1997. T. 9. P. 91–102.

⁵ См.: March D. The Kings of Macedon: 399–369 B. C. // Historia. 1995. Bd. 44. P. 257–282; Heskell J. Philip II and Argeios: A Pretender's Story // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. Norman; London, 1996. P. 37–56. Хескелл доказывает, что угроза со стороны Аргея была серьезной и что Филипп был вынужден не только разбить его, но и умиротворить афинян, которые поддерживали Аргея. Пройдут годы, прежде чем Филипп сможет отойти от уступок Афинам и окажется в состоянии расстроить афинские планы на севере.

⁶ Mortensen K. The Career of Bardylis // AW. 1991. Vol. 12. P. 49–59.

лучше, чем это было сделано в работе Гриффита⁷, дополненной в настоящее время кратким обзором Хэммонда и соответствующими частями статьи Кейсера⁸.

Еще более важный и, возможно, нерешаемый вопрос (обусловленный состоянием имеющихся у нас свидетельств) связан с хронологией отношений Филиппа с греческими городами-государствами. Нашим главным нарративным источником является XVI книга труда Диодора, хронологию рассказа которого нужно согласовывать с данными, почерпнутыми из VII–IX книг эпитомы Юстина и речей афинских ораторов. Вместе с тем эпитама Юстина, как известно, — сомнительный источник, а сведения, сообщаемые афинскими политическими деятелями, подчас не внушают доверия (см. ниже). Трагично, что утрачены труды двух крупнейших историков IV в. до н. э. — Эфора из Кимы и Феопомпа из Хиоса, оставивших современные свидетельства о возвышении Македонии. «История Филиппа» Феопомпа состояла из 58 книг (не все из них были посвящены Филиппу) и целиком охватывала период правления этого македонского царя; от нее сохранилось большое количество фрагментов в сочинениях поздних писателей. Труд Феопомпа был, возможно, отчасти основан на личном опыте автора, побывавшего при македонском дворе, и представлял собой подробный, хотя и в чем-то пристрастный рассказ об установлении власти Филиппа над греческими городами. В последние годы возник сильный интерес к Феопомпу, и этот критичный историк Филиппа нашел в наши дни ученого, соответствующего своей значимости: Флауэр, самым внимательным образом изучивший творчество Феопомпа⁹, пришел к заключению, что тот объяснял успехи Филиппа упадком у греков частной и общественной морали. Феопомп не только не вторил панэллинскому пылу Исократу, но фактически видел в Филиппе неприятную личность, варваризовавшую греческий мир. Маркл недавно показал, что одним из источников Диодора при описании им событий Священной войны было произведение Феопомпа, которое наряду с трудами Диилла

⁷ Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Ch. 12.

⁸ Hammond N. G. L. The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxford, 1989; Keyser P. T. The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great // AW. 1994. Vol. 15. P. 27–49. О возможности того, что Филипп также занимался широкомасштабной реформой, нацеленной на создание равновесия между гражданскими институтами и царской властью, см. выше.

⁹ Flower M. A. Theopompus of Chios. History and Rhetoric in the Fourth Century B. C. Oxford, 1994 (rev. ed. 1997).

из Афин, Дурида с Самоса и Демофила, сына Эфора, дало Диодору информацию о жизненном пути Филиппа¹⁰. Этот вывод ставит под сомнение опубликованное более шестидесяти лет назад классическое исследование Хэммонда, посвященное источникам XVI книги Диодора, в котором он полагал, что Диодор зависел здесь от Эфора, Диилла и Демофила¹¹.

Возвращаясь к теме хронологии, следует указать, что существует проблема определения на основе запутанных сообщений источников связи между событиями во Фракии и Северной Эгсиде и приходящейся на то же самое время деятельностью городов-государств, расположенных в Центральной Греции, и Афин. Как известно, в IV в. имело место возрождение афинского интереса к землям на севере Эгсиды, что, возможно, было нарочитой попыткой афинян каким-то образом восстановить свою империю V в. до н. э. Так или иначе, их продвижение на этом направлении остановилось с приходом к власти Филиппа II. Оставляя в стороне амбиции, преследуемые Филиппом в Центральной Греции, отмечу, что его столкновение с Афинами на севере, видимо, было неизбежным. Хескел в своей ценной диссертации признала, что для лучшего понимания этих сложных вопросов необходимо уточнить хронологию деятельности Филиппа¹². К тому же она поняла, что любое изучение внешней политики Филиппа покоится на знании общей ситуации, сложившейся в Северной Эгсиде до его восшествия на македонский престол. Данный сюжет исследовательница основательно рассмотрела в своей недавней монографии, выросшей из ее диссертации¹³. Здесь Хескел весьма подробно говорит о возобновившемся интересе афинян к северному направлению и об их конфликте с Олинфом из-за контроля над Амфиполем. Среди наиболее ценного, что содержится в этой монографии, нужно назвать более чем двадцатистраничную сравнительную хронологическую таблицу, в которой по годам отражены события, происходившие в одно и то же время в разных местах, включая Македонию, Афины, Халкидику, Пелопоннес, Фивы, Фессалию и т. д. Баклер в приложении к своему исследованию, по-

¹⁰ Markle M. M. *Diodorus' Sources for the Sacred War // Ventures into Greek History* / ed. by I. Worthington. Oxford, 1994. P. 43–69.

¹¹ Hammond N. G. L. *The Sources of Diodorus Siculus XVI // CQ.* 1937. Vol. 31. P. 79–91; 1938. Vol. 32. P. 137–151.

¹² Heskell J. *The Foreign Policy of Philip II down to the Peace of Philocrates*. Diss., Harvard University, 1987.

¹³ Heskell J. *The North Aegean Wars, 371–360 B. C.* Stuttgart, 1997.

священному Священной войне¹⁴, также обратился к ряду хронологических проблем, относящихся к событиям в Центральной Греции в период примерно с 356 по 346 г. до н. э., событиям, в которых принимали участие греки и македоняне. Таким образом, труды Хескел и Баклера способствовали лучшему пониманию того, что происходило в тех регионах, в дела которых Филипп в конце концов оказался глубоко втянут.

Исследование внешней политики Филиппа продолжает привлекать ученых, и я могу обозначить в связи с этим несколько вопросов, которые вызывали интерес в последнее время. Прежде всего это вопрос источников. Недавно Райдер¹⁵ снова выдвинул идею, согласно которой Демосфен, возможно, исправлял или редактировал свои речи, чтобы учесть в них более поздние события, хотя Треветт¹⁶ решительно отрицает то, что оратор когда-либо исправлял или публиковал (т. е. распространял) произнесенные им политические речи. В этом случае возникает очевидная проблема: до какой степени текст речи любого афинского оратора отражает то, что последний на самом деле говорил в конкретный день по поводу современной ситуации?¹⁷ Кроме того, даже если считать опубликованный текст точной записью сказанного, до какой степени эта речь является точным рассказом о подлинных дипломатических акциях Филиппа, противоположным желанием для оратора восприятию афинской аудиторией политики македонского царя? То, что мы знаем о дипломатических инициативах Филиппа по отношению к афинянам, проходило через фильтр произносимых речей, предназначенных для того, чтобы убедить афинский демос принять или отвергнуть определенную политику. Таплин развил данную тему, предположив, что Демосфен действительно намеревался опубликовать собственные речи, но его целью не было «создание исторического рассказа»¹⁸. В своем подробном разборе

¹⁴ Buckler J. Philip II and the Sacred War. Leiden, 1989.

¹⁵ Ryder T. T. B. The Diplomatic Skills of Philip II // *Ventures into Greek History* / ed. by I. Worthington. Oxford, 1994. P. 228–257.

¹⁶ Треветт доказывает, что все то, что уцелело от политических речей Демосфена, является набросками, написанными во время подготовки его речей, и эти наброски были собраны после его смерти. Таким образом, «спутанное состояние» корпуса речей Демосфена отражает неупорядоченное состояние бумаг оратора (*Trevett J. Did Demosthenes Publish his Deliberative Speeches?* // *Hermes*. 1996. Bd. 124. P. 424–441).

¹⁷ Эта проблема была рассмотрена Уорthingтоном: *Worthington I. Greek Oratory, Revision of Speeches, and Problem of Historical Reliability* // *C&M*. 1991. T. 42. P. 55–74.

¹⁸ Tuplin Ch. Demosthenes' *Olynthiacs* and the Character of the Demegoric Corpus // *Historia*. 1998. Bd. 47. P. 276–320.

порядка «Олинфских речей» Таплин доказывает, что традиционное положение этих речей относительно друг друга неочевидно. То, о чем Демосфен говорил, происходило, и то, что он сам думал, понятно из его речей. Но что делал Филипп — неясно, так как, за исключением информации Демосфена, у нас нет свидетельств о планах и поступках царя. Иными словами, нам известно только то, что Демосфен хотел поведать своей аудитории, поэтому исследователям нужно быть осторожными при использовании речей Демосфена как исторического источника.

Постепенное вмешательство Филиппа в дела Центральной Греции, сочетавшего в данном случае дипломатию, хитрость, силу и угрозу применения силы, привело к заключению в 346 г. до н. э. с трудом достигнутого мира, посредством которого македонский царь утвердился в этом регионе, получив к тому же место в Дельфийской амфикистии. Баклер полагает, что Филипп «пришел не как захватчик», а как защитник святилища Аполлона¹⁹. Тут, конечно, имеется в виду не столько проявление личного религиозного рвения македонского царя, сколько та публичная позиция, которую Филипп занял тогда перед греческим миром. И грекам, по сути, не оставалось ничего иного, как принять подобное его притворство. Таким образом, как показывает Баклер, междоусобная III Священная война была чрезвычайно разрушительной, и истощенные в ней греки пали жертвой политики Филиппа. При обсуждении дипломатических талантов Филиппа Райдер²⁰ доказывает, что число греческих государств, «чье покорение или сотрудничество прямо обуславливались использованием им силы, было сравнительно мало», вторя тем самым восхвалению Диодором (XVI, 95, 3–4) дипломатического искусства Филиппа. Сложная и многогранная дипломатия Филиппа опиралась на его богатство: обвинения в том, что он подкупил некоторые государства, не редки²¹. Впрочем, указывает Райдер, дипломатия Филиппа в итоге породила лишь временный мир и кратковременные союзы. Подтверждением тому стало начало IV Священной войны, которая столкнула Амфиссу с Дельфами и амфикистией. В своем исследовании

¹⁹ *Buckler J. Philip II and the Sacred War.*

²⁰ *Ryder T. T. B. The Diplomatic Skills...*

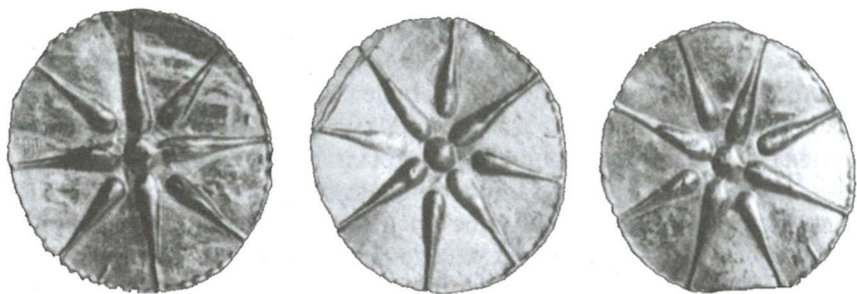
²¹ Демосфен поднял обвинения своих врагов во взяточничестве на уровень высшей формы искусства; к примеру, см.: Dem., XVIII, 294 sqq. См. также: *Cawkwell G. The End of Greek Liberty // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History*, 360–146 B. C., in *Honor of E. Badian / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. Norman; London, 1996. P. 100–104.*

этого события Лонди²² полагает, что новый конфликт явился следствием местной борьбы, а не заговором, организованным Филиппом для того, чтобы стать еще больше вовлеченным в дела Центральной Греции. По крайней мере, это являлось едва ли возможным в данный момент, так как у македонского царя были в ту пору другие проблемы — во Фракии. Но, начавшись как местный конфликт, эта война в конце концов вовлекла в себя посторонние силы, и Филипп, воспользовавшись ситуацией, бросил македонскую армию в бой, снова действуя как защитник Дельфийского бога. Поскольку же в конфликт оказались втянуты Афины и Фивы, сложившееся положение дел в итоге привело к битве при Херонее, которая и обеспечила окончательное решение проблем Филиппа в отношениях с греками.

Была ли, однако, битва при Херонее таким окончательным решением, если посмотреть с афинской точки зрения? В своем побуждающем к размышлению обзоре внешней политики Афин IV в. до н. э. Гардинг оспаривает общепринятое мнение, согласно которому она была беспорядочной и неспособной отвечать на действия такого самодержца, каким был Филипп²³. На протяжении семидесятилетнего периода, считает Гардинг, афиняне демонстрировали последовательный принцип: обеспечение свободы (ἐλευθερία) и автономии (αὐτονομία) своего государства было основополагающей целью их политиков, и его оборона, защита границ, гарантия продовольственного снабжения и экономическое преуспевание должны были достигаться посредством контроля над традиционно афинскими сферами влияния в Эгеиде (никакого узкого, не выходящего дальше укреплений Аттики мышления здесь не было!). Подобного рода аргумент, кстати, подкрепляет мысль Хескел, что в IV в. Афины пытались возродить свои интересы V в. до н. э. в Северной Эгеиде и вследствие этого столкнулись с македонской экспансией в данном регионе. По мнению Гардинга, в течение этого периода афиняне думали и действовали стратегически и в целом Афинам сопутствовала удача в противодействии замыслам Филиппа. Таким образом, Филипп был вынужден совершить вторжение в Грецию. Поражение афинян при Херонее не было для них столь суровым, сколь суровым оно оказалось бы для Филиппа, если бы он проиграл эту битву. Кроме того, Херонейское сражение — с афинской точки зрения — не было концом борьбы против Македонии,

²² *Londey P.* The Outbreak of the 4-th Sacred War // *Chiron*. 1990. Bd. 20. P. 239–260.

²³ *Harding Ph.* Athenian Foreign Policy in the Fourth Century // *Klio*. 1995. Bd. 77. P. 105–125.

Три золотых диска из Гробницы II в Вергине

так как афиняне и после него укрепляли городские стены, усиливали флот и продолжали готовить свою молодежь к военной службе. Изменил все не Филипп, а Александр. Завершением афинско-македонского конфликта стала не битва при Херонее или образование так называемой Коринфской лиги, а Ламийская война.

Еще одно замечание: жизненный путь Филиппа изучался главным образом на основании литературных свидетельств и с недавнего времени археологических памятников третьей четверти IV в. до н. э. Трэйси, однако, напомнил нам, что иногда в данной связи могут быть полезны и богатые афинские эпиграфические источники²⁴. Произведенное им соединение двух каменных стел показывает, что сразу после сражения при Херонее в Афинах находились те, кто был способен предлагать и принимать постановления, прославляющие в городе друзей Филиппа. Возможно, перед нами свидетельство некой доброй воли, ставшей результатом того, что Филипп отправил в Афины Антипатра, чтобы тот лично имел дело с афинским народом. Если это так, то здесь мы сталкиваемся с очередным нюансом дипломатии Филиппа.

Что же можно сказать о долгосрочных планах Филиппа?²⁵ В своей книге «Филипп II и македонский империализм» Эллис доказывал, что усилия, предпринимаемые Филиппом в Греции, были продикто-

²⁴ Tracy S. V. De Antipatro et Archedico Lamptrensi. IG II² 402 + Agora I 4990 // *Hesperia*. 1993. Vol. 62. P. 249–251. См. также: Tod, N 181. По поводу соглашений, заключенных Филиппом с афинянами после битвы при Херонее, см.: Tracy S. V. *Athenian Democracy in Transition*. Attic Letter-Cutters of 340–290 B. C. Berkeley; Los Angeles, 1995. P. 7–9.

²⁵ Этот вопрос не нов, он уже рассматривался немецкими учеными около столетия назад; см.: Badian E. Eduard Meyer's *American Paralipomena* // Eduard Meyer. *Leben und Leistung eines Universalhistorikers* / hrsg. von W. M. Calder III, A. Demandt. Leiden; New York; Köln, 1990. P. 1–38 (особ. P. 18–20).

ваны прежде всего его стремлением создать тут устойчивую базу для македонского вторжения в Азию²⁶. Богатства той ее части, которую он намеревался захватить, манили царя. У современных исследователей нет разногласий по поводу того, что урегулирование Филиппом греческих дел являлось неперменным условием для пересечения им Геллеспонта: ему было важно создать в Греции коалицию, обезопасить свой тыл и обеспечить военную помощь греков в предстоящем походе. Спор ведется по вопросу, *когда* Филипп впервые поставил перед собой такую грандиозную цель, как нападение на Персидскую империю. Кажется маловероятным, чтобы план азиатской экспедиции появился у Филиппа многим раньше 346 г. до н. э., даты, в связи с которой об этом впервые сообщает Диодор (XVI, 60, 4–5) (хотя и не исключено, что в данном случае последний просто воспользовался преимуществом ретроспективного взгляда). Вместе с тем нет никакой возможности узнать, какое влияние оказывали на Филиппа панэллинские увещевания Исократа, да и были ли планы Филиппа тому известны. Нет и намека на планы македонского царя относительно Персии в «Третьей Филиппике» Демосфена и в его же речи «О делах в Херсонесе». Как показал Рузика, положение персов в Анатолии в IV в. до н. э. становилось все более и более неустойчивым и ослабленным, что обуславливалось интригами при персидском дворе и откровенным восстанием сатрапов²⁷. Ситуация здесь ухудшилась в 50-е гг. и находилась совсем в плачевном состоянии в 40–30-е гг. IV в. до н. э. Конечно, проницательный македонский царь не мог не знать об уязвимости этого региона, но пока он занимался делами в землях, расположенных ближе к его царству, в отношении Анатолии им было предпринято немного.

Эррингтон в своем очерке оспаривает мнение Элліса о том, что Филипп давно планировал войну против Персии. Он полагает, что подобный план созрел у царя поздно, поскольку политика Филиппа, направленная на то, чтобы обеспечить стабильное положение в Греции, *провалилась*: призыв к общэллинскому «крестовому походу» против старинного врага должен был нейтрализовать ведущие государства Центральной Греции, чего оказалась не в состоянии достичь проводимая здесь Филиппом политика кнута и пряника, подкрепленная грозной македонской армией²⁸. Эррингтон доказывает, что нет

²⁶ Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism.

²⁷ Ruzicka S. A Note on Philip's Persian War // AJAH. 1985 (1993). Vol. 10. P. 84–91.

²⁸ Errington R. M. Review-Discussion: Four Interpretations of Philip II // AJAH. 1981. Vol. 6. P. 69–88.

сведений о существовании такого плана до 341 г. до н. э., и он прав, заявляя, что в любом случае ничего не могло быть сделано в этой связи до тех пор, пока Филипп не усмирил Восточную Фракию. Ученый приходит к выводу, что именно война с Афинами и Фивами, которой Филиппу не удалось избежать, и мотивировала появление у него плана войны с Персией: союзная экспедиция в Азию стала бы тем «драматическим жестом», который умиротворил бы греческие государства. Таким образом, план войны против Персии еще не обнаруживается полностью до битвы при Херонее. В исследовании, появившемся позднее, Баклер соглашается с Эррингтоном²⁹, добавляя, что между македонянами и персами не было вражды до тех пор, пока персидский царь не попытался помешать военной кампании Филиппа против Перинфа в 340 г. до н. э. Но даже при этом нет никаких оснований считать, что Филипп когда-то планировал что-либо дальше побережья Ионии, отказываясь тем самым от проведения традиционной политики в греческой Эгеиде.

Рузика напоминает нам, что, хотя невозможно узнать, каков был конечный план Филиппа (будут ли македоняне осуществлять его одни или же вместе с балканскими и греческими союзниками? как далеко царь намеревался углубиться в Азию?), отправка им — незадолго до своей гибели — Аттала и Пармениона в Малую Азию и его заинтересованность в дипломатическом урегулировании, проявившаяся в поступившем к нему предложении союза со стороны сатрапа Пиксодаара, наводят на мысль о том, что Филипп не встретил сопротивления в Малой Азии. Ситуация, однако, резко изменилась со смертью Артаксеркса III и Багоя и вступлением на трон Дария III, который решительно взялся за дело и фактически изгнал македонские передовые части из Азии. Таким образом, позднее Александр был вынужден сражаться в Западной Малой Азии, чего Филипп, по-видимому, изначально не планировал.

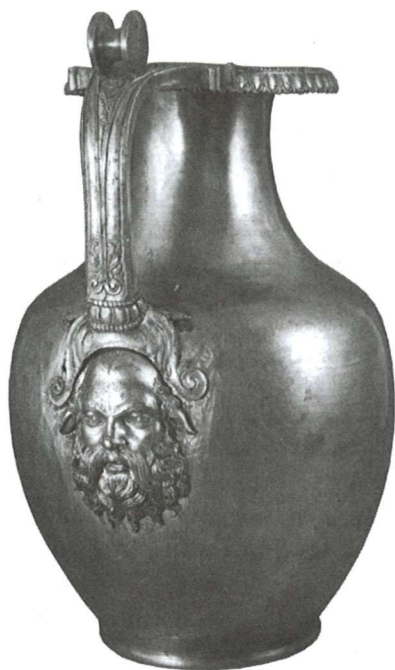
И последнее. Мы не в состоянии узнать, что было у Филиппа на уме, до какой степени его действия во Фракии или Центральной Греции были связаны с неким, неясно очерченным конечным проектом царя и когда план вторжения в Малую Азию превратился в рабочий компонент его внешней политики. Вместе с тем вполне вероятно, что ни один из наших античных источников также не обладал подобного рода информацией, по крайней мере в связи со временем до конца 40-х или

²⁹ Buckler J. Philip II, the Greeks, and the King, 346–336 B. C. // *Illinois Classical Studies*. 1994. Vol. 19. P. 99–122.

начала 30-х гг. IV в. до н. э. Есть только две возможные причины для ведения Филиппом военных действий против своих балканских или греческих соседей. Первой была необходимость защиты границ Македонии, которая в течение длительного периода подвергалась вторжениям гресков, иллирийцев, фракийцев и др. Чтобы защищать границы как от балканских соседей, так и от угрозы возобновившихся амбиций южных греков на севере, требовалось мощное войско. Македонская армия стала тем орудием, с помощью которого Филипп проводил свою внешнюю политику, и тем средством, благодаря которому удачливый царь и его воины достигли того высокого положения, которое македоняне заняли в тогдашнем мире. Вторая причина, обусловившая вторжение Филиппа в удаленные от Македонии местности, особенно в Центральную Грецию, заключалась в том, чтобы создать базу для осуществления конечной цели — нападения на Персидскую империю. При этом нельзя согласиться с тем, что возможной третьей причиной было завоевание ради завоевания, поскольку нет свидетельств того, что Филипп был заинтересован в «завоевании» Греции. Он не получил из Греции никаких богатств³⁰. Его политика в отношении греков была многогранной и представляла собой смесь дипломатии, подкупа и военной интервенции. Филипп не напал ни на один крупный город на юге Греции³¹. (Именно *Александр* разрушил Фивы.) Наконец, когда все другие способы были исчерпаны, он встретил и разгромил большую греческую коалицию при Херонее. Затем царь предложил грекам, оказавшимся после своего поражения в его власти, урегулирование дел, сходное с тем, которое он предлагал им, используя дипломатию и угрозу применения силы, восемь лет назад. *Завоевание* здесь не было главным, главными были мир и союз (см. ниже). Это правда, что Филипп был властителем Греции, но, кроме того, что он установил македонские гарнизоны в четырех стратегически важных местах страны (Филипп знал своих греков), он ушел отсюда, чтобы отпраздновать собственные победы и начать подготовку к походу

³⁰ Филипп был достаточно богат сам по себе; см.: *Hammond N. G. L. Philip's Innovations in Macedonian Economy* // SO. 1995. Vol. 70. P. 22–29.

³¹ В своей недавней статье, с общими выводами которой я согласен, Баклер доказывает, что нет никаких свидетельств о долгосрочных планах Филиппа, касающихся южных греков. Царь сочетал агрессию с оппортунизмом. Афины были для Филиппа камнем преткновения, и когда война между царем и афинянами стала неизбежной, он начал осознавать, что господство над всей Грецией не только желательно, но и возможно (*Buckler J. Philip II's Designs on Greece* // *Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History*, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. Norman; London, 1996. P. 77–97).

Серебряный кувшин для вина или воды из Гробницы II в Вергине

бочно называемой Коринфской лигой) «общим миром» (*κοινὴ εἰρήνη*) независимо от того, использовался или нет подобный термин для его описания в то время³². Впервые за долгие годы в Греции было заключено крупномасштабное соглашение без участия персидского царя. Был образован союз, членом которого персидский царь не являлся, союз, из которого он был молчаливо исключен. Видел ли Филипп эту организацию в таком свете, — вопрос спорный. Но ясно, что он намеревался использовать данный союз против персов, которые в последнее время показали свою уязвимость в Западной Малой Азии. Была ли долгосрочной целью Филиппа, когда он устраивал греческие дела, замена номинальной персидской гегемонии над греками его собственным фактическим лидерством, — это также спорный вопрос. Однако как бы ни развивалась политическая деятельность Филиппа,

в Азию. Какими бы кто ни пожелал представить конечные цели Филиппа, необходимо помнить, что его внешняя политика и военные кампании в Европе, кажется, изначально предназначались для того, чтобы обеспечить безопасность и стабильность в регионах, находящихся вблизи от македонской границы. Он погрузился в «трясину» дел Центральной Греции, когда стало очевидным, что здесь появились ведущие греческие государства, угрожавшие стабильности, к которой он стремился в других местах. Но когда именно Филипп начал рассматривать эту стабильность как неперемненное условие для своей азиатской экспедиции, по-видимому, узнать нельзя.

Баклер считает мирное соглашение 338/7 г. до н. э. (положенное в основу созданной тогда организации, обычно и вместе с тем оши-

³² Баклер приводит длинный перечень анахроничного использования Диодором термина *κοινὴ εἰρήνη* (Buckler J. Philip II, the Greeks... P. 119).

ее результат оказался блестящим. При этом, по словам Диодора (XVI, 95, 2–4), «расширение его гегемонии произошло не столько благодаря воинской доблести, сколько благодаря словесному общению и радушию царя. Говорят же, что и сам Филипп более гордился своими полководческими способностями и успехами, достигнутыми в результате переговоров, чем своим мужеством на поле брани»³³.

Убийство Филиппа в театре в Эгах, произошедшее (возможно) в октябре 336 г. до н. э., продолжает вызывать интерес ученых, хотя теории тщательно спланированного заговора, которые когда-то преобладали в научной литературе, посвященной этому знаменитому убийству, сейчас, к счастью, пошли на убыль. Весьма полезный обзор современной историографии по данному вопросу был сделан Карни, которая сама пришла к выводу, что сложные отношения Филиппа, Олимпиады и Александра в последние годы правления царя не были причиной его убийства³⁴. Согласно мнению Карни, обвинения, античные и современные, будто за заговором стояла мстительная Олимпиада, происходят из неправильного понимания — вследствие разницы культур — македонской практики царской полигамии. Как древнегреческие, так и современные предубеждения против полигамии вызвали неоправданное внимание к фигуре Олимпиады, хотя и нет никакого сомнения в том, что она была *способна* на страшные деяния: ее последующая жизнь является достаточным доказательством этого. Однако подозрение — а это не больше, чем подозрение, — в том, что Олимпиада была творцом заговора против Филиппа, не может быть убедительно подтверждено имеющимися у нас свидетельствами. В свою очередь, дискуссию по поводу собственно убийства Филиппа, детально описанного Диодором (XVI, 91, 1–94, 4), который, возможно, основывался в данном случае на сообщении очевидца,

³³ [Пер. с др.-греч. М. М. Холода.] Замечание Диодора встретило всеобщее одобрение современных историков. См., к примеру: *Cawkwell G. The End of Greek Liberty*. P. 98–121. Коквелл сопоставляет дипломатические достижения Филиппа с проявленными им превосходными полководческими способностями, доказывая, что непреодолимая македонская военная мощь была главной причиной конца греческой «свободы». Интересно, однако, имея в виду, сколь долго греческие города испытывали на себе разнообразные давления извне, представляла ли собой победа Филиппа всего лишь замену одного властителя на другого. Если под утратой «свободы» Коквелл подразумевает (он не уточняет этого) ее уничтожение *иностранной* силой, то тогда это подтверждает точку зрения, согласно которой македоняне не были очередной греческой угрозой для греков.

³⁴ *Carney E. The Politics of Polygamy: Olympias, Alexander and the Murder of Philip // Historia*. 1992. Bd. 41. P. 169–189.

обогатила работа Хэммонда³⁵. Он вернулся к этой теме и подвел итог предпринятому им ранее разбору информации в Р. Оху., 15, 1798, которая дополняет версию Диодора, а также рассмотрел точное расположение телохранителей (σώματοφύλακες) царя (одним из которых был убийца Павсаний), когда Филипп входил в театр в Эгах³⁶. В конце концов пока нет причин для того, чтобы не соглашаться с мнением лучшего авторитета по данному вопросу, современника событий — Аристотеля, который сообщает нам (Pol., 1311 b 2–4), что убийство Филиппа было результатом личной обиды Павсания на царя: ни одна современная попытка подвергнуть сомнению достоверность подобного свидетельства не была удачной.

Очевидно, никто из организаторов грандиозного праздника в Эгах не допускал и мысли о том, что Филипп будет убит в этот осенний день 336 г. до н. э. Тогдашний праздник проводился не только по случаю бракосочетания Александра, царя Эпира, с дочерью Филиппа Клеопатрой. По сути дела, это были кульминационные торжества в честь недавно обретенного Филиппом лидерства в греческом и македонском мире. Возможно, царь также намеревался представить данное событие как символ мира и единства при подготовке предстоящей экспедиции в Азию. В Эгах присутствовали послы из многих греческих городов, проводились игры, совершались жертвоприношения, имели место музыкальные состязания и симпозиы — праздник был обставлен как большая рекламная акция. Когда царская свита направилась в театр, впереди Филиппа несли искусно выполненные статуи двенадцати богов, а также тринадцатую статую, изображавшую самого царя, которая соответствовала тому, чтобы восседать на троне среди богов (Diod., XVI, 92, 5). Описание этой процессии привело к немалым спорам среди ученых о притязаниях Филиппа на божественные почести, если не на саму божественность. Данный вопрос важен, поскольку он не только касается возможного достижения Филиппом уникального статуса, но и, если это так, предопределяет возникновение позднее сходных устремлений у Александра и, в свою очередь, имеет значение для последующего появления божественной монархии в эпоху эллинизма.

³⁵ Hammond N. G. L. The Various Guards of Philip II and Alexander III // *Historia*. 1991. Bd. 40. P. 396–417.

³⁶ Хэммонд (Hammond N. G. L. The Various Guards...) прав, когда помещает сцену убийства в одном из проходов в оркестру. Но, в отличие от Хэммонда, я считаю невозможным на основании как археологических/топографических, так и литературных источников определить, через какой проход, левый или правый, Филипп входил в театр.

Описание Диодором сцены в Эгах не выдуманно. Это было публичное событие, происходившее на глазах многих очевидцев, составивших базовую версию(-и), которая и легла в основу рассказа Диодора. Сомнений в надежности Диодора как источника для данного эпизода почти нет, и ученые сосредоточили свое внимание на выяснении того, какое значение имела упомянутая древним историком тринадцатая статуя, стремясь тем самым определить четкие отличия между разными ступенями в движении от смертной монархии к божественной. В двух своих ранних статьях Фредриксмейер подробно изложил собственное мнение, что Филипп попытался установить теократическую основу для абсолютной монархии не позднее битвы при Херонее³⁷ и что по крайней мере один культ царя — в Афинах — существовал при его жизни. Бэдиан, соглашаясь отчасти с Фредриксмейером в том, что «Филипп претендовал на то, чтобы его считали более чем простым смертным», доказывал, однако, что Филипп на самом деле навряд ли удостоился культа где-либо вообще³⁸. Весьма полезный обзор этой проблемы был сделан Бейнхем, и его необходимо учитывать тем, кто желает войти в курс дела³⁹.

Говоря о последних днях Филиппа, нельзя не сказать о некоторых недавних достижениях на археологическом фронте. В ходе серии замечательных раскопок в 1977–1978 гг. ныне покойный профессор Андроникос открыл в Вергине в Большом кургане четыре гробницы конца IV — начала III в. до н. э. Две из них, представляющие собой большие двухкамерные сводчатые склепы с архитектурными фасадами, сохранились неразграбленными. Самая большая из этих гробниц — Гробница II — была объявлена Андроникосом хранилищем останков Филиппа II и его юной жены Клеопатры, убитой Олимпиадой после гибели царя. Богатое содержание этих гробниц демонстрировалось на больших международных выставках в Европе, Северной Америке и Австралии (цв. ил. 4–14, 16–18). Интерпретации находок, предложенные Андроникосом, получили широкое признание, несмотря на определенные оговорки, изначально высказанные некоторыми учеными. Спустя десять лет после открытий в Вергине (ввиду значительной

³⁷ *Fredricksmeyer E. A.* 1) *Divine Honors for Philip II* // *TAPA*. 1979. Vol. 109. P. 39–61; 2) *On the Background of the Ruler Cult* // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson* / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 145–156.

³⁸ *Badian E.* *The Deification of Alexander the Great* // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson* / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 27–71.

³⁹ *Baynham E.* *The Question of Macedonian Divine Honors for Philip II* // *Journal of Mediterranean Archaeology*. 1994. Vol. 7. P. 35–43.

перемены в своих взглядах) я опубликовал статью, в которой доказывал, что по ряду причин Гробницу II нужно относить к поколению, следующему после Филиппа II, и что некоторые из найденных в ней предметов, возможно, были личными вещами Александра Великого⁴⁰.

Недавно мои взгляды были подкреплены исследованиями группы ученых из Греции. Тогда как я не согласен с предположением Факлариса, что Эги должны были располагаться не в районе деревни Вергина⁴¹, а в ином месте, точки зрения Палагии, Темелиса и Турацоглу кажутся мне убедительными. Профессор Палагия, которая сейчас является, вероятно, крупнейшим искусствоведом в Греции, определила, что фриз на антаблементе Гробницы II относится ко времени правления Кассандра. Ее аргументация основана как на стилистических особенностях росписи, так и на иконографии сцены охоты, представленной на этом фризе (цв. ил. 4–5)⁴². В официальном издании, посвященном семи гробницам, обнаруженным в Дервени, в нескольких милях к северу от Салоник, Темелис и Турацоглу описали большую подборку керамики, которая позволяет датировать активный период захоронений в Дервени последней четвертью IV в. до н. э.⁴³

⁴⁰ Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia of Alexander the Great // *Phoenix*. 1987. Vol. 41. P. 105–121. В опровержении точки зрения Андроникоса, что Гробница II была усыпальницей Филиппа II, меня опередила профессор Леман, чья интуиция оказалась верной с самого начала, хотя в ту пору было еще недостаточно доступных археологических материалов, чтобы позволить ей развить данную тему полностью; см.: *Lehmann Ph. W.* 1) The So-Called Tomb of Philip II: A Different Interpretation // *AJA*. 1980. Vol. 84. P. 527–531; 2) The So-Called Tomb of Philip II: An Addendum // *AJA*. 1982. Vol. 86. P. 437–442. Примерно в это же время Адамс на основе главным образом литературных свидетельств показал возможность того, что в Гробнице II в Вергине находились останки Арридея, а не Филиппа II (*Adams W. L.* The Royal Macedonian Tomb at Vergina: An Historical Interpretation // *AW*. 1980. Vol. 3. P. 67–72).

⁴¹ *Faklaris P. B.* Aegae: Determining the Site of the First Capital of Macedonians // *AJA*. 1994. Vol. 98. P. 609–616. Взгляды Факлариса были компетентно оспорены, в частности Хадзопулосом (*Hatzopoulos M. B.* Aigéai: la localisation de la première capitale Macédonienne // *REG*. 1996. T. 109. P. 264–269) и Хэммондом (*Hammond N. G. L.* The Location of Aegae // *JHS*. 1997. Vol. 117. P. 177–179).

⁴² *Palagia O.* Hephaestion's Pyre and the Royal Hunt of Alexander // *Alexander the Great in Fact and Fiction* / ed. by A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford, 2000. P. 167–206. Работа Палагии имеет решающее значение в понимании того, как тема царской охоты на львов была заимствована с Востока, чтобы помочь наследникам Александра обосновать легитимность их власти посредством ассоциации с покойным царем, который не только сам охотился на персидский манер, но и приказал, чтобы погребальный костер Гесфестиона был украшен сценами охоты на львов. Я благодарен профессору Палагии за то, что она дала мне возможность познакомиться со своей статьей еще до ее публикации.

⁴³ *Θέμελης Π., Τουράτσογλου Γ.* Οι Τάφοι του Δερβενίου. Αθήνα, 1997 (по вопросу о хронологии гробниц: Σ. 183–185; англоязычная версия и ценные рассуждения относительно исторического контекста этих погребений: Σ. 220–224).

При этом имеются некоторые параллели между керамикой из погребений в Дервени и находками, датируемыми концом IV в. до н. э., из Афин и других мест. Часть этой керамики также ассоциируется с вещами из Гробницы II в Вергине, подтверждая тем самым датировку Ротрофф катушкообразных солонок, найденных в Гробнице II, последней четвертью IV в. до н. э.⁴⁴ Эти археологические свидетельства, когда они сочетаются с исследованием Палагии фриза Гробницы II с изображением охоты на льва, подтверждают аргументы, ранее представленные в моей статье 1987 г. и в моей книге по истории Македонии, усиливая тем самым «ревизионистскую» интерпретацию находок из македонских царских погребений: Гробница II в Вергине относится к более позднему времени, чем смерть Филиппа II в 336 г. до н. э.

Где же в таком случае находились останки Филиппа II? Гробницы, располагающиеся в Большом кургане, должны быть рассмотрены в их естественном порядке.

Гробница I — это ящичное погребение, которое было разграблено в древности, но в котором сохранились разбросанные кости трех человек. По заключениям антропологов, они принадлежали взрослому мужчине, женщине, которая была значительно моложе его, и новорожденному⁴⁵. Возможно, они соответствуют Филиппу II, его жене Клеопатре и их ребенку; согласно литературным источникам, двоих последних были убиты Олимпиадой. Хотя грабители вынесли из гробницы погребальную утварь, в ней сохранилась монументальная настенная роспись, сюжетом которой является похищение Персефоны. Кроме того, ящичный тип гробниц был в ходу до того, как стали

⁴⁴ *Rotroff S. I.* 1) *Royal Saltcellars in the Athenian Agora* // *AJA*. 1982. Vol. 86. P. 283 (резюме); 2) *Spool Salt Cellars from the Athenian Agora* // *Hesperia*. 1984. Vol. 53. P. 343–354.

⁴⁵ Официальное издание, посвященное Гробнице I, было замыслено Андроникосом как часть программы, в рамках которой должны были быть опубликованы материалы, имеющие отношение ко всем вергинским гробницам. Профессор Андроникос перед своей смертью в 1992 г. сам подготовил черновик тома, посвященного Гробнице I, который вышел в свет уже после кончины ученого: *Andronikos M. Vergina II. The «Tomb of Persephone»*. Athens, 1994. К сожалению, данный том знакомит только с росписями гробницы (в нем содержится и краткий рассказ о раскопках ее внешней стороны) и должен считаться неполным. Здесь ничего не сказано о человеческих костях, найденных в погребении, хотя и приведена фотография (Р. 46), ясно показывающая разбросанные в нем длинные кости. Андроникос полагал, что художником, ответственным за создание великолепной фрески с изображением похищения Персефоны на северной стене гробницы, был не кто иной, как прославленный Никомах, и что роспись датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (Р. 129–130). Эта дата, конечно, идеально совпадает по времени с убийством Филиппа II. Исчерпывающую дискуссию по поводу костей, обнаруженных в Гробнице I (с соответствующей библиографией), см.: *Carney E. Tomb I at Vergina and the Meaning of the Great Tumulus as an Historical Monument* // *AN*. 1992. Vol. 17. P. 1–11.

Серебряная чаша для питья из Гробницы III в Вергине

использоваться большие камерные усыпальницы. Гробница II была местом погребения Филиппа III Арридея и его жены Эвридики, убитых Олимпиадой в 317 г. до н. э. и после ее смерти захороненных вместе в Эгах Кассандром (Diod., XIX, 52, 5)⁴⁶. В данном случае археологические свидетельства не противоречат литературным. Гробница III сохранилась неразграбленной и содержала превосходный ассортимент погребальной утвари, включая множество изящных серебряных сосудов (цв. ил. 19). Погребальная урна в главной камере хранила останки юноши-подростка. Если комплекс гробниц в Вергине представляет собой царский некрополь, то эти останки не могут принадлежать никому другому, кроме Александра IV, сына Александра Великого и бактрийской принцессы Роксаны. Александр IV, последний из Аргеадов, был убит Кассандром в 311/10 г. до н. э. Гробница IV была почти полностью разрушена, и ее нельзя связать с каким-то конкретным человеком (или людьми), хотя на основе данных керамики она может быть отнесена ко времени правления Антигона Гоната⁴⁷.

⁴⁶ Диодор сообщает, что мать Эвридики — Кинна (или Киннана: античные авторы расходятся по поводу ее имени) — была похоронена в Эгах в то же самое время; см. фрагмент из сочинения Диалла (ар. Athen., IV, 155 a = Fgr Hist 73 F1), который сообщает аналогичную информацию о похоронах и, возможно, был источником Диодора. Место погребения Кинны/Киннаны остается неизвестным.

⁴⁷ Описание гробницы в Вергине дано в самой последней версии путеводителя по этому месту (Drougou S. et al. Vergina. The Great Tumulus². Thessaloniki, 1996), хотя читателю следует осторожно относиться к принятию «официальной» трактовки вопросов, которые все еще очень живо обсуждаются учеными. В конце концов, большее, что могут сделать «ревизионисты», — это переместить захоронение Филиппа II из одной вергинской гробницы в другую.

В течение более чем двадцати лет после раскопок гробниц в Вергине не было предложено ни одного нового доказательства в поддержку первоначального утверждения Андроникоса, что монументальная Гробница II является местом упокоения Филиппа II, тогда как ряд высказанных за это время соображений, основанных на переоценке имеющихся свидетельств, говорит в пользу альтернативного взгляда, представленного выше. Кроме того, до сих пор не опубликовано ни одного полного отчета о проведенных здесь раскопках, так что пока невозможно составить мнение о взаимосвязи гробниц в стратиграфическом плане и датировке случайной керамики, которая обычно сопровождает античные сооружения. Можно надеяться, что эти *desiderata* будут восполнены в ближайшем будущем. Когда писались данные строки, в Греции проходили публичные дебаты, в которых ученые (и не только они) использовали прессу и телевидение, чтобы представить «ревизионистский» взгляд на проблему погребений в Вергине. Их аргументы встретили сопротивление со стороны многих из тех, кто по-прежнему имеет отношение к раскопкам в Вергине. Некоторые, еще поддерживающие трактовку профессора Андроникоса, очевидно, полагают, что любой пересмотр взглядов последнего плохо отразится на его авторитете как ученого. Но наука — это не фиксированный предмет. Интерпретации меняются в свете появления новых данных или же в результате переоценки существующих свидетельств, и было бы крайне жаль, если трактовка находок из Вергины застыла бы на времени смерти Андроникоса в 1992 г. Отход от взглядов Андроникоса не уменьшает важности его достижений: у нас есть несколько прекрасных гробниц, богатое разнообразие погребальной утвари, великолепные росписи — то, что не только дало стимул для развития как исследований по истории античной Македонии, так и археологических изысканий в Северной Греции, но и весьма способствовало расширению наших знаний о древних македонянах.

Серебряный кувшин
из Гробницы II в Вергине

Немногие археологические открытия в Греции в нашем столетии привлекали такое же внимание, как раскопки царских гробниц в Вергине, и, быть может, существуют те, кто, интересуясь другими регионами и периодами, были удивлены широкой огласке этих раскопок. Есть, однако, веские причины, объясняющие, почему о находках из Вергины говорилось столь много. При изучении греческих и римских древностей редко раскапывались такие исторически важные гробницы, попадали в руки физические свидетельства захоронений знаменитых личностей. Открытие подобного рода предоставляет необыкновенную возможность для исследования связи между историческими (т. е. литературными) данными и физическими (полученными с помощью археологии) останками⁴⁸. Это сосуществование литературных и физических свидетельств, касающихся смертей и захоронений последних из Аргеадов, за исключением, конечно же, Александра, помогает нам понять преимущества и слабые стороны археологических данных, освещающих исторические свидетельства, и *vice versa*. При этом не следует полагать, что какая-то общая методологическая теория о связи литературных свидетельств с физическими может возникнуть из одной находки; скорее уроки, полученные благодаря последней, способны стать руководством для любых таких неожиданных открытий в будущем.

Дополнение

Первая глава книги Биллоуза «Цари и колонисты: аспекты македонского империализма»⁴⁹ представляет собой точный и полезный обзор подъема македонского империализма в правление Филиппа II. В этой прекрасной монографии Биллоуз специфически подходит к изучению масштаба влияния македонского империализма в эпоху, наступившую после смерти Александра Великого, и его обратного воздействия на саму Македонию.

⁴⁸ Не меньшее из преимуществ, которое происходит из археологического/исторического соответствия, заключается в возможности установления точной археологической даты, что — редкий случай. Если, к примеру, Гробница II в Вергине датируется 316 г., то из этого следует, что каждый предмет в ней относится к 316 г. до н. э. или к более раннему периоду, чем обеспечивается четкий ориентир для определения хронологии материалов конца IV в. до н. э.

⁴⁹ *Billows R. A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden; New York: Köln, 1995.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1980 г. я писал: «...можно предсказать, что эпоха достижений в исследованиях по македонской истории только начинается». Такое самонадеянное предсказание завершало мой доклад, представленный на исполненном эйфории открытии выставки «В поисках Александра» в Национальной галерее искусств в Вашингтоне¹. То был волнительный момент, поскольку великолепная коллекция македонских древностей, многие из которых были совсем недавно раскопаны, начала свое двухлетнее путешествие по музеям Северной Америки и Австралии. Когда оглядываешься на то время спустя почти двадцать лет, становится ясным, что мало кто из нас, имевших отношение к открытиям и интерпретации предметов, найденных в те годы, мог предвидеть, какое направление примут исследования по македонской истории. Мало кто из нас мог предсказать возникшие интенсивные и нередко враждебные дебаты по вопросу этнической принадлежности древних македонян. Не могли мы предвидеть и чрезвычайно эклектичную природу материалов, которые будут раскопаны в македонских погребениях. Мы буквально потеряли счет обнаруженным ящичным и камерным гробницам, а среди ученых развились фундаментальные разногласия по проблеме институтов македонской монархии. Использование слова «достижения» в 1980 г. было, по-видимому, наивным. И все же атмосфера открытий и споров, которая возникла с того момента, привлекла большое количество ученых, а также некоторую часть широкой общественности.

Литература, посвященная античности, изобилует информацией о македонских царях и их армиях. Долгое время, однако, они оставались историческими актерами, игравшими свои роли на сцене без декораций. В отличие, к примеру, от минойцев, для которых у нас есть великолепный физический и археологический фон, но почти никаких сведений о самом народе, македоняне, бывшие более известными

¹ Доклады, представленные на этом симпозиуме, были опубликованы отдельным изданием: *Macedonia and Greece in the Late Classical and Early Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982.

в древности, чем любые из их предшественников бронзового века, до недавних пор испытывали недостаток декораций, в которых можно было бы описать их деятельность. То, что наши греческие коллеги-археологи сделали в последние десятилетия, полностью изменило картину. Мы имеем десятки гробниц (многие из которых сохранились неразграбленными), места бывших городов, растущее количество погребальной утвари, прекрасную живопись и немало важных надписей. Мы можем теперь сконструировать сцену и снабдить ее реквизитом, чтобы представить македонскую жизнь, по крайней мере жизнь верхушки общества. И есть все основания полагать, что, пока на Южных Балканах царит мир, раскопки тех частей древнего Македонского царства, которые расположены в пределах современной Греции, будут продолжаться и по научным, и по политическим причинам. Эта успешная программа раскопок обогатила наше понимание письменных источников, да и сами они помогли нам оценить некоторые особенности археологических данных. Если наши знания жизни древней Македонии несовершенны, то только потому, что соответствующее поле деятельности еще так ново. Пройдет время, и они, конечно, станут полнее.

В настоящей книге я иногда пытался предупредить об опасности анахронистического подхода при изучении македонских институтов. Для историков довольно соблазнительно рассматривать монархию как форму правления, характеризующую статичными обычаями, и эта гипотеза не лишена оснований. Но, как мы видели, македонянам, похоже, не был присущ негибасмый консерватизм в их материальной культуре, и было бы удивительно, если бы они не были свободны и от фиксированного канона в том, что касается их политических и общественных институтов. Несомненно, Филипп II и Александр III были новаторами в некоторых аспектах своей государственной деятельности, в чем, возможно, отчасти и крылся успех их свершений. При отсутствии свидетельств нужно быть осторожным в попытке переноса политических институтов из более позднего периода македонской истории в более ранние эпохи. Факт состоит в том, что мы почти ничего не знаем о македонских институтах до времени Филиппа II. Многое из той информации, которая у нас есть, относится к эпохе Александра, но его правление может быть в данном случае абстракцией. Не исключено, что отношения Александра со своим окружением изменились под влиянием действительности, в соответствии с которой македоняне были армией, находящейся в походе в чужом и зачастую враждебном мире, вдали от своих земель и слуг,

с которых друзья царя обычно получали средства к существованию. Это было военное правительство на марше, образ жизни которого, по-видимому, отличался от того, которого македоняне придерживались у себя на родине как в правление Александра, так и в другие периоды. Кроме того, следует с осторожностью относиться к утверждению о прямолинейности развития Македонии со времени Аргеадов до конца правления Антигонидов. Эллинистическая Македония существовала в мире, отличном от мира эпохи Аргеадов, в мире, где практика македонских институтов отчасти являлась ответом греческим и балканским соседям македонян. Трудно понять, до какой степени изменились традиционные македонские институты или какие новые институты появились как результат ответа Антигонидов на политическое давление и культуру греческих лиг, больших и малых эллинистических царств и появление Рима. Отсюда, однако, вовсе не следует, что нужно отбросить инстинктивную привычку историков искать долговременные образчики и порядок. Это лишь должно напомнить, как в сущности нам мало еще известно.

Будущее исследований по македонской истории проблематично. Для археологических изысканий характерна медлительность и высокая стоимость, причем это относится как к самим раскопкам, так и к публикациям добытых в их ходе материалов. Греческие ученые стеснены материально, чрезмерно загружены преподавательской работой в своих университетах, испытывают сильные затруднения в связи с краткостью сезонов раскопок и недостатком времени, остающегося у них на научную деятельность, к тому же они обременены издательскими расходами. Исследователи, не имеющие отношения к университетам, но работающие в Археологической службе, имеют больше возможностей для раскопок и публикаций, нежели их академические коллеги, но они подчас зависят от капризов национального бюджета и конкуренции между собой десятков мест раскопок за обладание ограниченными финансовыми ресурсами. Я лично присутствовал в Пелле в 1985 г., когда однажды утром начальнице раскопок позвонили из Афин и объявили, что субсидии на продолжение ее проекта были неожиданно урезаны. После этого она была вынуждена уволить рабочих и тех, кто не находился на постоянном штатном жаловании.

На последнюю четверть XX в. пришлось впечатляющие достижения в области наших знаний о древних македонянах, народе, до тех пор известном в основном по деяниям его наиболее знаменитых царей. Археология и эпиграфика начали облекать в плоть скелет литературных

свидетельств, результатом чего стало появление нескольких нарративных исторических трудов о данном народе, а также биографий царей, поставленных теперь в контекст македонской национальной истории. Трудно угадать, какое направление примут в дальнейшем исследования, посвященные древней Македонии, хотя и не исключено, что историки сосредоточат свое внимание на изучении македонских институтов, основываясь на новой информации, полученной в результате раскопок, а также открытий и трактовок надписей. Кроме того, есть ряд серьезных хронологических проблем в исследовании истории Македонии IV в. до н. э. до времени правления Александра Великого, и здесь можно ожидать появления новых интерпретаций, базирующихся на существующих литературных свидетельствах, которые, хочется надеяться, будут дополнены эпиграфическими данными. Мы уверены, что продолжающаяся деятельность наших греческих коллег обогатит фонд источников. В свою очередь, мы ждем более стабильной политической обстановки на Южных Балканах, которая даст возможность ученым, живущим в странах, граничащих с современной Грецией, присоединиться к предпринимаемым сейчас усилиям по реконструкции истории древних македонян.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Предлагаемый список содержит только ту литературу, к которой я обращался при подготовке книг.

- Adams W. L.* The Royal Macedonian Tomb at Vergina: An Historical Interpretation // AW. 1980. Vol. 3. P. 67–72.
- Adams J. P.* The Larnakes of Tomb II at Vergina // AN. 1983. Vol. 12. P. 1–7.
- Adams W. L.* Macedonian Kingship and the Right of Petition // AM. 1986. T. IV. P. 43–52.
- Agro-Ecological Atlas of Cereal Growing in Europe / ed. by S. Broekhuizen. Vol. I: Atlas of Cereal Growing Areas of Europe. Wageningen; New York; London; Amsterdam, 1969.
- Andreou S., Fotiadis M., Kotsakis K.* Review of Aegean Prehistory V: The Neolithic and Bronze Age of Northern Greece // AJA. 1996. Vol. 100. P. 537–597.
- Andriotes N. P.* History of the Name «Macedonia» // Balkan Studies. 1960. Vol. 1. P. 143–148.
- Andronikos M.* Vergina: The Prehistoric Necropolis and the Hellenistic Palace. Lund, 1964.
- Ανδρόνικος Μ.* Βεργίνα Ι. Το νεκροταφείον των τύμβων. Αθήνα, 1969.
- Andronikos M.* Excavations at Vergina // AM. 1970. T. I. P. 168–171.
- Andronikos M.* Vergina: The Royal Graves in the Great Tumulus // AAA. 1977. T. 10. P. 1–72.
- Andronikos M.* Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984.
- Ανδρόνικος Μ.* Βεργίνα: αρχαιολογία και ιστορία // Φίλια έπε εις Γ. Ε. Μυλωνάν. Τ. Ι. Αθήνα, 1986. Σ. 19–37.
- Andronikos M.* Some Reflections on the Macedonian Tombs // BSA. 1987. Vol. 82. P. 1–16.
- Andronikos M.* Vergina II. The «Tomb of Persephone». Athens, 1994.
- Anson E. M.* The Meaning of the Term *Makedones* // AW. 1984. Vol. 10. P. 67–68.
- Anson E. M.* Macedonia's Alleged Constitutionalism // CJ. 1985. Vol. 80. P. 303–316.
- Anson E. M.* The Evolution of the Macedonian Army Assembly // Historia. 1991. Bd. 40. P. 230–247.
- Archaeology under Fire. Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East / ed. by L. Meskell. London, 1998.

¹ [Общая для обеих книг, вошедших в настоящее издание. — М. Х.]

- Οι αρχαιολόγοι μιλούν για την Πιερία. Θεσσαλονίκη, 1985.
- Asheri D. Herodotus on Thracian Society and History // Hérodotte et les peuples non Grecs. Vandoervres; Genève, 1990. P. 131–169.
- The Athenian Tribute Lists / ed. by B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor. Vol. I–IV. Cambridge (Mass.); Princeton, 1939–1953.
- Austro-Hungarian Documents Relating to the Macedonian Struggle, 1896–1912 / ed. by F. R. Bridge. Thessaloniki, 1976.
- Aymard A. Βασιλεὺς Μακεδόνων // RIDA. 1950. T. 4. P. 61–97.
- Aymard A. Sur l'assemblée macédonienne // REA. 1950. T. 52. P. 115–37.
- Badian E. A King's Notebooks // HSCP. 1968. Vol. 72. P. 183–204.
- Badian E. Alexander the Great, 1948–1967 // CW. 1971. Vol. 65. P. 37–56, 77–83.
- Badian E. Some Recent Interpretations of Alexander // Alexandre le Grand: Image et réalité. Vandoeuvres; Genève, 1976. P. 279–303.
- Badian E. The Deification of Alexander the Great // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 27–71.
- Badian E. Eurydice // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 99–110.
- Badian E. Greeks and Macedonians // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 33–51.
- Badian E. History from «Square Brackets» // ZPE. 1989. Bd. 79. P. 59–70.
- Badian E. Eduard Meyer's American Paralipomena // Eduard Meyer. Leben und Leistung eines Universalhistorikers / hrsg. von W. M. Calder III, A. Demandt. Leiden; New York; Köln, 1990. P. 1–38.
- Badian E. The King's Peace // Georgica: Greek Studies in Honour of G. Cawkwell / ed. by M. A. Flower, M. Toher. London, 1991. P. 25–48.
- Badian E. Thucydides and the *Archē* of Philip // Badian E. From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore; London, 1993. P. 171–185.
- Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // Greek Historiography / ed. by S. Hornblower. Oxford, 1994. P. 107–130.
- Badian E. A Reply to Professor Hammond's Article // ZPE. 1994. Bd. 100. P. 388–390.
- Baegel W. De Macedonium Sacris. Diss. Halle, 1913.
- Balcer J. M. The Date of Herodotus IV. 1: Darius' Scythian Expedition // HSCP. 1972. Vol. 76. P. 99–132.
- Balcer J. M. The Persian Occupation of Thrace, 519–491 B. C.: The Economic Effects // Actes de IIe Congrès International des études du sud-est européen (Athènes, 7–13 mai 1970). T. II. Athènes, 1972. P. 241–258.
- Balcer J. M. Persian Occupied Thrace (Skudra) // Historia. 1988. Bd. 37. P. 1–21.
- Barr-Sharrar B. Macedonian Metal Vases in Perspective: Some Observations on Context and Tradition // Macedonia and Greece in Late Classical and Early

- Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 122–139.
- Barr-Sharrar B.* Eastern Influences on the Toreutic Art of Macedonia before the Conquests of Alexander the Great // AN. 1984. Vol. 13. P. 1–12.
- Barr-Sharrar B.* Eastern Influences on the Toreutic Art of Macedonia before the Conquests of Alexander the Great // AM. 1986. T. IV. P. 71–82.
- Barrington Atlas of the Greek and Roman World / ed. by R. J. A. Talbert. Princeton, 2000.
- Baynham E.* The Question of Macedonian Divine Honors for Philip II // Journal of Mediterranean Archaeology. 1994. Vol. 7. P. 35–43.
- Beaumont R. L.* Corinth, Ambracia, Apollonia // JHS. 1952. Vol. 72. P. 62–73.
- Bellinger A. R.* Essays on the Coinage of Alexander the Great. New York, 1963.
- Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. I–III. München, 1937–1952.
- Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I–II. München, 1926.
- Best J. G. P.* Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969.
- Betancourt Ph. P.* The End of the Greek Bronze Age // Antiquity. 1976. Vol. 50. P. 40–47.
- Bevan E. R.* The House of Seleucus. Vol. I–II. London, 1902.
- Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles, 1989.
- Billows R. A.* Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995.
- Bintliff J.* The Plain of Western Macedonia and the Neolithic Site of Nea Nikomedia // PPS. 1976. Vol. 42. P. 241–262.
- Borza E. N.* An Introduction to Alexander Studies // Wilcken U. Alexander the Great / Engl. Transl. by G. C. Richards; ed. by E. N. Borza. New York, 1967. P. IX–XXVIII.
- Borza E. N.* David George Hogarth: Eighty Years After // AW. 1978. Vol. 1. P. 97–101.
- Borza E. N.* Philip II and the Greeks // CPh. 1978. Vol. 73. P. 236–243.
- Borza E. N.* Some Observations on Malaria and the Ecology of Central Macedonia in Antiquity // AJAH. 1979. Vol. 4. P. 102–124.
- Borza E. N.* Anaxarchus and Callisthenes: Academic Intrigue at Alexander's Court // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 73–86.
- Borza E. N.* The Macedonian Royal Tombs at Vergina: Some Cautionary Notes // AN. 1981. Vol. 10. P. 73–87.
- Borza E. N.* Athenians, Macedonians, and the Origins of the Macedonian Royal House // Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to E. Vanderpool. Princeton, 1982. P. 7–13.
- Borza E. N.* Those Vergina Tombs Again // AN. 1982. Vol. 11. P. 8–10.

- Borza E. N.* The Natural Resources of Early Macedonia // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 1–20.
- Borza E. N.* The Symposium at Alexander's Court // AM. 1983. T. III. P. 45–55.
- Borza E. N.* A Macedonian Skull // Association of Ancient Historians Newsletter. 36 (April 1985).
- Borza E. N.* The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia of Alexander the Great // Phoenix. 1987. Vol. 41. P. 105–121.
- Borza E. N.* Timber and Politics in the Ancient World: Macedon and the Greeks // PAPS. 1987. Vol. 131. P. 32–52.
- Borza E. N.* Some Toponym Problems in Eastern Macedonia // AHB. 1989. Vol. 3. P. 60–69.
- Borza E. N.* In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon. Princeton, 1990 (rev. ed.: 1992).
- Borza E. N.* Greeks and Macedonians in the Age of Alexander. The Source Traditions // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. Norman; London, 1996. P. 122–139.
- Borza E. N.* Macedonia Redux // The Eye Expanded. Life and the Arts in Greco-Roman Antiquity / ed. by F. Titchener, R. F. Moorton, Jr. Berkeley; Los Angeles, 1999. P. 249–266.
- Bosworth A. B.* Philip II and Upper Macedonia // CQ. 1971. Vol. 21. P. 93–105.
- Bosworth A. B.* ΑΣΘΕΤΑΙ ΠΟΙ // CQ. 1973. Vol. 23. P. 245–253.
- Bosworth A. B.* Errors in Arrian // CQ. 1976. Vol. 26. P. 117–139.
- Bosworth A. B.* Eumenes, Neoptolemus and PSI XII. 1284 // GRBS. 1978. Vol. 19. P. 227–237.
- Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander the Great. Vol. I. Oxford, 1980.
- Bosworth A. B.* Alexander the Great and the Decline of Macedon // JHS. 1986. Vol. 106. P. 1–12.
- Bosworth A. B.* Macedonian Manpower under Alexander the Great // AM. 1986. T. IV. P. 115–122.
- Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988.
- Bosworth A. B.* From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford, 1988.
- Bosworth A. B.* Philip III Arrhidaeus and the Chronology of the Successors // Chiron. 1992. Bd. 22. P. 55–81.
- Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. T. I–IV. Paris, 1903–1907.
- Bouché-Leclercq A.* Histoire des Séleucides. T. I–II. Paris, 1913.
- Bouzek J.* Macedonia and Thrace in the Early Bronze Age // AM. 1986. T. IV. P. 123–132.
- Bouzek J.* Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsared, 1997.

- Boyd T.* The Arch and Vault in Greek Architecture // *AJA*. 1978. Vol. 82. P. 83–100.
- Brailsford H. N.* Macedonia: Its Races and Their Future. London, 1906.
- Briant P.* Antigone le Borgne: Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne. Paris, 1973.
- Brunt P. A.* Anaximenes and King Alexander I of Macedon // *JHS*. 1976. Vol. 96. P. 151–153.
- Bryson R. A., Lamb H. H., Donley D. L.* Drought and the Decline of Mycenae // *Antiquity*. 1974. Vol. 48. P. 46–50, 228–230.
- Buckler J.* Philip II and the Sacred War. Leiden, 1989.
- Buckler J.* Philip II, the Greeks, and the King, 346–336 B. C. // *Illinois Classical Studies*. 1994. Vol. 19. P. 99–122.
- Buckler J.* Philip II's Designs on Greece // *Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian* / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. Norman; London, 1996. P. 77–97.
- Burn A. R.* Persia and the Greeks // *CHI*. Vol. II. 1985. Ch. 6.
- Bursian C.* Geographie von Griechenland. Bd. I–II. Leipzig, 1862–1872.
- Cambitoglou A., Papadopoulos J. K.* The Earliest Mycenaeans in Macedonia // *Wace and Blegen. Pottery as Evidence for Trade in the Aegean Bronze Age: 1939–1989* / ed. by C. Zerner, P. Zerner, J. Winder. Amsterdam, 1993.
- Cargill J.* The Second Athenian League: Empire or Free Alliance? Berkeley; Los Angeles; London, 1981.
- Carney E.* Regicide in Macedonia // *PP*. 1983. T. 38. P. 260–272.
- Carney E.* Olympias // *Anc. Soc.* 1987. Vol. 18. P. 35–62.
- Carney E.* The Career of Adeia-Eurydice // *Historia*. 1987. Bd. 36. P. 496–502.
- Carney E.* Review Essay on Macedonian History // *AHB*. 1991. Vol. 5. P. 179–189.
- Carney E.* What's in a Name? The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period // *Women's History and Ancient History* / ed. by S. B. Pomeroy. Chapel Hill, 1991. P. 154–172.
- Carney E. D.* The Politics of Polygamy: Olympias, Alexander and the Murder of Philip // *Historia*. 1992. Bd. 41. P. 169–189.
- Carney E. D.* Tomb I at Vergina and the Meaning of the Great Tumulus as an Historical Monument // *AN*. 1992. Vol. 17. P. 1–16.
- Carney E. D.* Women and *Basileia*: Legitimacy and Female Political Action in Macedonia // *CJ*. 1995. Vol. 90. P. 367–391.
- Carney E. D.* Women and Monarchy in Macedonia. Norman; London, 2000.
- Carpenter R.* Discontinuity in Greek Civilization. Cambridge, 1966.
- Carroll-Spillecke M.* Landscape Depictions in Greek Relief Sculpture: Development and Conventionalization. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1985.
- Cary M.* The Geographic Background of Greek and Roman History. Oxford, 1949.
- Caskey J. L.* Greece, Crete and the Aegean Islands in the Early Bronze Age // *CAH*³. Vol. I. Pt. 2. Cambridge, 1971. Ch. 26 a.

- Caskey J. L.* Greece and the Aegean Islands in the Middle Bronze Age // CAH³. Vol. II. Pt. 2. Cambridge, 1973. Ch. 4 a.
- Casson S.* Note on the Ancient Sites in the Area Occupied by the British Salonika Force during the Campaign 1916–1918 // BCH. 1916. T. 40. P. 293–297.
- Casson S.* Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926.
- Castritius H.* Die Okkupation Thrakiens durch die Perser und der Sturz des athenischen Tyrannen Hippias // Chiron. 1972. Bd. 2. P. 1–15.
- Cawkwell G. L.* The Defense of Olynthus // CQ. 1962. Vol. 12. P. 122–140.
- Cawkwell G. L.* Epaminondas and Thebes // CQ. 1972. Vol. 22. P. 254–278.
- Cawkwell G. L.* The Peace of Philocrates Again // CQ. 1978. Vol. 22. P. 93–104.
- Cawkwell G. L.* Philip of Macedon. London, 1978.
- Cawkwell G. L.* Athenian Naval Power in the Fourth Century // CQ. 1984. Vol. 34. P. 334–345.
- Cawkwell G. L.* The End of Greek Liberty // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. Norman; London, 1996. P. 98–121.
- Chadwick J.* The Prehistory of the Greek Language // CAH³. Vol. II. Pt. 2. Cambridge, 1975. Ch. 39 a.
- Chadwick J.* The Mycenaean World. Cambridge, 1976.
- Chadwick J.* Who Were the Dorians? // PP. 1976. T. 31. P. 103–117.
- Charbonneaux J., Martin R., Villard F.* Hellenistic Art (330–50 B. C.) / Engl. Transl. by P. Green. New York, 1973.
- Childe V. G.* The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.
- Cloch   P.* Un fondateur d'empire: Philippe II, roi de Mac  doine (383/2–336/5 avant J.-C.). Saint-  tienne, 1955.
- Cloch   P.* Histoire de la Mac  doine jusqu'   l'av  nement d'Alexandre le Grand. Paris, 1960.
- The Coinage in the Name of Alexander the Great and Arrhidaeus, British Museum. London, 1991.
- Cole J. W.* Perdikkas and Athens // Phoenix. 1974. Vol. 28. P. 55–72.
- Cole J. W.* Peisistratus on the Strymon // G&R. 1975. Vol. 22. P. 42–44.
- Cole J. W.* Not Alexander but Perdikkas (Dern. 23. 200 and 13. 24) // GRBS. 1977. Vol. 18. P. 25–32.
- Cole J. W.* Alexander Philhellene and Themistocles // L'Antiquit   Classique. 1978. T. 47. P. 37–49.
- Collart P.* Philippes, ville de Mac  doine. T. I–II. Paris, 1937.
- Cook J. M.* The Rise of the Achaemenids and the Establishment of Their Empire // CHI. Vol. II. 1985. Ch. 5.
- Cousinery M. E. M.* Voyage dans la Mac  doine. T. I. London, 1831.
- Crossland R. A.* Immigrants from the North // CAH³. Vol. I. Pt. 2. Cambridge, 1971. Ch. 27.
- Crossland R. A.* Linguistic Problems of the Balkan Area in the Late Prehistoric and Early Classical Periods // CAH². Vol. III. Pt. 1. Cambridge, 1982. Ch. 20 c.

- Culley G. R. The Restoration of Sacred Monuments in Augustan Athens (IG, II/III², 1035). Diss. University of North Carolina, 1973.
- Culley G. R. The Restoration of Sanctuaries in Attica: IG II² 1035 // *Hesperia*. 1975. Vol. 44. P. 207–223.
- Cunliffe R. J. Homeric Proper and Place Names. London; Glasgow, 1931.
- Curtius E. Griechische Geschichte⁶. Bd. I–III. Berlin, 1887–1889.
- Cvijić J. La péninsule balkanique: Géographie humaine. Paris, 1918.
- Danforth L. M. The Macedonian Conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World. Princeton, 1995.
- Daskalakis A. The Hellenism of the Ancient Macedonians. Thessaloniki, 1965.
- Davis H., Kraay C. M. The Hellenistic Kingdoms: Portrait Coins and History. London, 1973.
- De Francisci P. Arcana imperii. T. II. Milano, 1948.
- Dell H. J. The Illyrian Frontier to 229 B. C. Diss. University of Wisconsin, 1963.
- Dell H. J. The Western Frontier of the Macedonian Monarchy // *AM*. 1970. T. I. P. 115–26.
- Desborough V. R. d'A. The Last Mycenaeans and Their Successors. Oxford, 1964.
- Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972.
- Δεσποίνη Α. 'Ο τάφος της Κατερίνης // *AAA*. 1980. T. 13. Σ. 198–209.
- Δεσποίνη Α. 'Ο τάφος της Κατερίνης // *Οί αρχαιολόγοι μιλούν για την Πιερία. Θεσσαλονίκη*, 1985.
- Diaz-Andreu M., Champion T. Nationalism and Archaeology in Europe. London, 1996.
- Δρούγου Σ., Τουράτσογλου Ι. Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βεροίας. Αθήνα, 1980.
- Drougou S. et al. Vergina. The Great Tumulus. Archaeological Guide². Thessaloniki, 1996.
- Droysen J. G. Geschichte des Hellenismus². Bd. I–III. Gotha, 1877–1878.
- Dubois L. Une tablette de malédiction de Pella: s'agit-il du premier texte Macédonien? // *REG*. 1995. T. 108. P. 190–197.
- Dusing K. A. S. The Athenians and the North in Archaic Times. Diss. University of Cincinnati, 1979.
- Eddy C. B. Greece and the Greek Refugees. London, 1931.
- Edson Ch. F. Notes on the Thracian *Phoros* // *CPh*. 1947. Vol. 42. P. 88–105.
- Edson Ch. F. Strepsa (Thucydides I. 61. 4) // *CPh*. 1955. Vol. 50. P. 169–190.
- Edson Ch. F. Early Macedonia // *AM*. 1970. T. I. P. 17–44.
- Eduard Meyer. Leben und Leistung eines Universalhistorikers / hrsg. von W. M. Calder III, A. Demandt. Leiden; New York; Köln, 1990.
- Ehrenberg V. Early Athenian Colonies // *Aspects of the Ancient World*. Oxford, 1946. P. 116–143.
- Ellis J. R. Amyntas III, Illyria and Olynthos, 393/2–380/79 // *Μακεδονικά*. 1969. T. 9. P. 1–8.

- Ellis J. R.* Amyntas Perdikka, Philip II and Alexander the Great. A Study in Conspiracy // JHS. 1971. Vol. 91. P. 15–24.
- Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. London, 1976.
- Ellis J. R.* The Assassination of Philip II // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. J. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 99–137.
- Ellis J. R.* Macedon and North-West Greece // CAH². Vol. VI. 1994. Ch. 14.
- Ellis J. R.* Macedonian Hegemony Created // CAH². Vol. VI. 1994. Ch. 15.
- Engels D. W.* Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley; Los Angeles, 1978.
- Errington R. M.* Macedonian «Royal Style» and Its Historical Significance // JHS. 1974. Vol. 94. P. 20–37.
- Errington R. M.* Alexander in the Hellenistic World // Alexandre le Grand. Image et réalité. Vandoeuvres; Genève, 1976. P. 137–179.
- Errington R. M.* The Nature of the Macedonian State under the Monarchy // Chiron. 1978. Bd. 8. P. 77–133.
- Errington R. M.* Alexander the Philhellene and Persia // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. J. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 139–143.
- Errington R. M.* Review-Discussion: Four Interpretations of Philip II // AJAH. 1981. Vol. 6. P. 69–88.
- Errington R. M.* The Historiographical Origins of Macedonian «Staatsrecht» // AM. 1983. T. III. P. 89–101.
- Errington R. M.* Geschichte Makedoniens. München, 1986.
- Errington R. M.* A History of Macedonia / Engl. Transl. by C. Errington. Berkeley; Los Angeles, 1990.
- Faklaris P. B.* Aegae: Determining the Site of the First Capital of Macedonians // AJA. 1994. Vol. 98. P. 609–616.
- Fedak J.* Monumental Tombs of the Hellenistic Age. Toronto, 1999.
- Ferguson W. S.* Orgeonika // Commemorative Studies in Honor of T. L. Shear. Princeton, 1949. P. 130–163.
- Feuer B.* The Northern Mycenaean Border in Thessaly. Oxford, 1983.
- Flower M. A.* Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult // CQ. 1988. Vol. 38. P. 123–134.
- Flower M. A.* Theopompus of Chios. History and Rhetoric in the Fourth Century B. C. Oxford, 1994 (rev. ed.: 1997).
- Fol A., Nikolov B., Hodinott R. F.* The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria. London, 1986.
- Fortina M.* Cassandro, re di Macedonia. Torino, 1965.
- Fredricksmeyer E. A.* Alexander, Midas and the Oracle at Gordium // CPh. 1961. Vol. 56. P. 160–168.
- Fredricksmeyer E. A.* Divine Honors for Philip II // TAPA. 1979. Vol. 109. P. 39–61.
- Fredricksmeyer E. A.* On the Background of the Ruler Cult // Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 145–156.

- Fredricksmeier E. A.* On the Final Aims of Philip II // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 85–98.
- French D. H.* Index of Prehistoric Sites in Central Macedonia. Athens, 1967.
- Gaebler H.* Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Bd. III. Abt. 2: Makedonia und Paionia. Berlin, 1906–1935.
- Gardner E. A., Casson S.* Macedonia II: Antiquities Found in the British Zone, 1915–1919 // BSA. 1918–1819. Vol. 23. P. 10–43.
- Gerolymatos A. S.* The Proxenia of Alexandros I of Makedonia // LCM. 1986. Vol. 11 (N 5. May). P. 75–76.
- Geyer F.* Makedonia // RE. Bd. XIV. 1928. Sp. 638–771.
- Geyer F.* Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II. München; Berlin, 1930.
- Ghirshman R.* Persia from the Origins to Alexander the Great / Engl. Transl. by S. Gilbert, J. Emmons. London, 1964.
- Given M.* Inventing the Eteocypriots: Imperialist Archaeology and the Manipulation of Ethnic Identity // Journal of Mediterranean Archaeology. 1998. Vol. 11. P. 3–29.
- Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I–V. Oxford, 1945–1970.
- Gossel B.* Makedonische Kammergräber. Berlin, 1980.
- Goukowsky P.* Les maisons princières de Macédoine de Perdiccas II à Philippe II // Études d'Archéologie Classique. 1991. T. 7. P. 43–66.
- Goukowsky P.* Encore l'Inscription d'Oloveni // Études d'Archéologie Classique. 1997. T. 9. P. 91–102.
- Granier F.* Die makedonische Heeresversammlung: Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1931.
- Great Britain Admiralty, Naval Staff, Geographical Section. Notes on Climate and Other Subjects in the Eastern Mediterranean. London, 1916.
- Great Britain Admiralty, Naval Intelligence Division, Geographical Section. A Handbook of Macedonia and Surrounding Territories. London, 1920.
- Great Britain Admiralty, Naval Intelligence Division, Geographical Section. A Handbook of Greece. Vol. I–III. Cambridge, 1944–1945.
- Greek Historical Documents: The Fourth Century B. C. / ed. by J. Wickersham, G. Verbrughe. Toronto, 1973.
- Green P.* Alexander of Macedon. Harmondsworth, 1974 (re-ed.: Berkeley; Los Angeles, 1991).
- Green P.* The Royal Tombs of Vergina: A Historical Analysis // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 129–151.
- Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.
- Greenwalt W. S.* Studies in the Development of Royal Authority in Argead Macedonia. Diss. University of Virginia, 1985.

- Greenwalt W. S.* The Introduction of Caranus into the Argead King List // GRBS. 1985. Vol. 26. P. 43–49.
- Greenwalt W. S.* Amyntas III and the Political Stability of Argead Macedonia // AW. Vol. 18. P. 35–44.
- Greenwalt W. S.* The Marriageability Age at the Argead Court: 360–17 B. C. // CW. 1988. Vol. 82. 1988. P. 93–97.
- Greenwalt W. S.* Polygamy and Succession in Argead Macedonia // Arethusa. 1989. Vol. 22. P. 19–43.
- Greenwalt W. S.* The Production of Coinage from Archelaus to Perdiccas III and the Evolution of Argead Macedonia // Ventures into Greek History / ed. by I. Worthington. Oxford, 1994. P. 105–134.
- Griffith G. T.* Philip of Macedon's Early Interventions in Thessaly (358–352 B. C.) // CQ. 1970. Vol. 20. P. 67–80.
- Griffith G. T.* Philip as General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos. Athens, 1980. P. 58–77.
- Gruen E. S.* Macedonia and the Settlement of 167 B. C. // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 257–267.
- Habicht C.* Gottmenschentum und griechische Städte². München, 1970.
- Hall J. M.* Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge, 1997.
- Hamilakis Y.* Through the Looking Glass: Nationalism, Archaeology and the Politics of Identity // Antiquity. 1996. Vol. 70. P. 975–978.
- Hamilakis Y., Yalouri E.* Antiquities as Symbolic Capital in Modern Greek Society // Antiquity. 1996. Vol. 70. P. 117–129.
- Hamilton J. R.* Plutarch. Alexander: A Commentary. Oxford, 1969.
- Hamilton C. D.* Philip II and Archidamus // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 61–83.
- Hamilton C. D.* Amyntas III and Agesilaus: Macedon and Sparta in the Fourth Century // AM. 1986. T. IV. P. 239–245.
- Hammond N. G. L.* Prehistoric Epirus and the Dorian Invasion // BSA. 1931–1932. Vol. 32. P. 131–179.
- Hammond N. G. L.* The Sources of Diodorus Siculus XVI // CQ. 1937. Vol. 31. P. 79–91; 1938. Vol. 32. P. 137–151.
- Hammond N. G. L.* The Kingdoms in Illyria ca 400–167 B. C. // BSA. 1966. Vol. 61. P. 239–253.
- Hammond N. G. L.* Epirus. Oxford, 1967.
- Hammond N. G. L.* The Campaign and Battle of Marathon // JHS. 1968. Vol. 88. P. 13–57.
- Hammond N. G. L.* The Archaeological Background to the Macedonian Kingdom // AM. 1970. T. I. P. 53–67.
- Hammond N. G. L.* A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972.
- Hammond N. G. L.* Grave Circles in Albania and Macedonia // Bronze Age Migrations in the Aegean. Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973. P. 189–197.

- Hammond N. G. L.* The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age // CAH³. Vol. II. Pt. 2. Cambridge, 1975. Ch. 36 b.
- Hammond N. G. L.* Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge, 1976.
- Hammond N. G. L., Griffith G. T.* A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979.
- Hammond N. G. L.* The Extent of Persian Occupation in Thrace // Chiron. 1980. Bd. 10. P. 53–61.
- Hammond N. G. L.* The Western Frontier of Macedonia in the Reign of Philip II // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 199–217.
- Hammond N. G. L.* Illyris, Epirus and Macedonia in the Early Iron Age // CAH². Vol. III. 1982. P. 619–656.
- Hammond N. G. L.* The Evidence for the Identity of the Royal Tombs at Vergina // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 111–127.
- Hammond N. G. L.* Three Historians of Alexander the Great. Cambridge, 1983.
- Hammond N. G. L.* Venture into Greece with the Guerrillas, 1943–1944. London, 1983.
- Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C.³ Oxford, 1986.
- Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988.
- Hammond N. G. L.* The Macedonian State: Origins, Institutions, and History. Oxford, 1989.
- Hammond N. G. L.* The Miracle that was Macedonia. London; New York, 1991.
- Hammond N. G. L.* The Royal Tombs at Vergina: Evolution and Identities // BSA. 1991. Vol. 86. P. 70–71.
- Hammond N. G. L.* The Various Guards of Philip II and Alexander III // Historia. 1991. Bd. 40. P. 396–417.
- Hammond N. G. L.* Philip's Innovations in Macedonian Economy // SO. 1995. Vol. 70. P. 22–29.
- Hammond N. G. L.* The Location of Aegeae // JHS. 1997. Vol. 117. P. 177–179.
- Hampl F.* Der König der Makedonen. Weida, 1934.
- Hankey V., Warren P.* The Absolute Chronology of the Aegean Late Bronze Age // BICS. 1974. Vol. 21. P. 142–152.
- Hanson V. D.* The Leuctra Miracle // Military History Quarterly. 1990. Vol. 2. P. 54–59.
- Harder A.* Euripides' Kresphontes and Archelaos. Leiden, 1985.
- Harding Ph.* Athenian Foreign Policy in the Fourth Century // Klio. 1995. Bd. 77. P. 105–125.
- Hatzopoulos M. B.* The Oleveni Inscription and the Dates of Philip II's Reign // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 21–42.
- Hatzopoulos M. B.* La Béotie et la Macédoine à l'époque de l'hégémonie thébaine: le point de vue macédonien // Colloques internationaux du CNRS, «La Béotie antique». Paris, 1985. P. 247–257.

- Hatzopoulos M. B.* Succession and Regency in Classical Macedonia // AM. 1986. T. IV. P. 279–292.
- Hatzopoulos M. B.* Strepsa: A Reconsideration, or New Evidence on the Road System of Lower Macedonia // Hatzopoulos M. B., Loukopoulou L. D. Two Studies in Ancient Macedonian Topography. Athens, 1987.
- Hatzopoulos M. B., Knoepfler D., Marigo-Papadopoulos V.* Deux sites pour Methone de Macédoine // BCH. 1990. T. 94. P. 639–668.
- Hatzopoulos M. B.* Épigraphie et villages en Grèce du Nord: *Ethnos, Polis et Kome* en Macédoine // L'epigrafia del villaggio / a cura di A. Calbi, A. Donati, G. Poma. Faenza, 1993. P. 151–171.
- Hatzopoulos M. B.* La lettre royale d'Oleveni // Chiron. 1995. Bd. 25. P. 163–185.
- Hatzopoulos M. B.* Aigéai: la localisation de la première capitale Macédonienne // REG. 1996. T. 109. P. 264–269.
- Hatzopoulos M. B.* Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I–II. Athens, 1996.
- Hatzopoulos M. B.* L'état Macédonien antique: un nouveau visage // CRAI. 1997. P. 7–25.
- Head B. V., Poole R. S.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum: Macedonia, etc. London, 1879.
- Head B. V.* Historia Numorum: A Manual of Greek Numismatics². Oxford, 1911.
- Heckel W.* The Marshals of Alexander's Empire. London; New York, 1992.
- Heisserer A. J.* Alexander the Great and the Greeks: The Epigraphic Evidence. Norman, 1980.
- Herrin J.* Aspects of the Process of Hellenization in the Early Middle Ages // BSA. 1973. Vol. 68. P. 113–126.
- Hersh Ch. A.* A Fifth-Century Circulation Hoard of Macedonian Tetrobols // Mnemata: Papers in Memory of N. M. Waggoner. New York, 1991. P. 3–19.
- Heskel J.* The Foreign Policy of Philip II down to The Peace of Philoctrates. Diss. Harvard University, 1987.
- Heskel J.* The Political Background of the Arybbas Decree // GRBS. 1988. Vol. 29. P. 185–196.
- Heskel J.* Philip II and Argaios: A Pretender's Story // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian / ed. by R. W. Wallace, E. M. Harris. London; Norman, 1996. P. 37–56.
- Heskel J.* The North Aegean Wars, 371–360 B. C. Stuttgart, 1997.
- Heurtley W. A.* Prehistoric Macedonia. An Archaeological Reconnaissance of Greek Macedonia (West of the Struma) in the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages. Cambridge, 1939.
- Heuzey L., Daumet H.* Mission Archéologique de Macédoine. T. I–II. Paris, 1876.
- An Historical Geography of the Balkans / ed. by F. W. Carter. London; San Francisco; New York, 1977.
- History of the Hellenic World. Vol. I. Athens; London, 1974.

- Hoddinott R. F.* The Thracians. London, 1981.
- Hodlofski L. C.* Macedonian Relations with Athens to 413 B. C. Diss. Pennsylvanian State University, 1979.
- Hoffman R. J.* Perdikkas and the Outbreak of the Peloponnesian War // GRBS. 1975. Vol. 16. P. 359–377.
- Hogarth D. G.* In Macedonia // Macmillans Magazine (August 1889). P. 281–288.
- Hogarth D. G.* Philip and Alexander of Macedon. London, 1897.
- Hooker J. T.* Mycenaean Greece. London; Boston, 1976.
- Hornblower S.* The Greek World, 479–323 B. C. London; New York, 1983.
- How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Vol. I–II. Oxford, 1928.
- Human Rights Watch. Denying Ethnic Identity. The Macedonians of Greece. New York, Washington; Los Angeles; London, 1994.
- Huot J.-L.* Persia / Engl. Transl. by H. S. B. Harrison. Vol. I. London, 1967.
- Huxley G.* On the Erudition of George the Synkellos // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1981. Vol. 81.6. P. 207–217.
- Huxley G.* Baanes the Notary on «Old Edessa» // GRBS. 1983. Vol. 24. P. 253–257.
- Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.
- Islami S., Anamali S., Korkuti M., Prendi F.* Les Illyriens. Tirana, 1985.
- Johnson A. C.* Ancient Forests and Navies // TAPA. 1927. Vol. 58. P. 199–210.
- Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. I³–II². Berlin; Leipzig, 1926–1927.
- Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca; London, 1969.
- Kallérís J. N.* Les anciens Macédoniens: Étude linguistique et historique. T. I–II. Athens, 1954–1976.
- Kallet L.* Iphikrates, Timotheos and Athens, 371–360 // GRBS. 1983. Vol. 24. P. 239–252.
- Kaplan R. D.* History's Cauldron // Atlantic Monthly (June 1991). P. 92–104.
- Karakasidou A. N.* Fields of Wheat, Hills of Blood: Passage to Nationhood in Greek Macedonia, 1870–1990. Chicago; London, 1997.
- Καραμήτρου-Μεντεσίδη Γ.* Αιανή Κοζάνης. Θεσσαλονίκη, 1989.
- Καραμήτρου-Μεντεσίδη Γ.* Κοζάνη, Πόλη Ελμιώτιδος. Αρχαιολογικός οδηγός. Θεσσαλονίκη, 1993.
- Καραμήτρου-Μεντεσίδη Γ.* Αιανή 1983–1997 // Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Θράκη. 1996. Τ. 10. Σ. 23–40.
- Kastanas: Ausgraben in einem Siedlungshugel der Bronze-und Eisenzeit Makedoniens 1975–1979 / hrsg. von B. Hansel. Bd. I–III. Berlin, 1983–1984.
- Keyser P. T.* The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great // AW. 1994. Vol. 15. P. 27–49.
- Kelly T.* A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis, 1976.
- Kienast D.* Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achaimeniden. München, 1973.

- Kilian K.* Magna Grecia, Epiro e Macedonia durante l'eta del ferro // Magna Grecia, Epiro, e Macedonia. Atti del Ventiquattresimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto, 5–10 Ottobre 1984. Taranto, 1985. P. 237–288.
- Knoch K.* Klima-Karten von Europa. Bad Kissengen, 1951.
- Kofos E.* Nationalism and Communism in Macedonia. Thessaloniki, 1964.
- Kokkoros P., Kanellis A.* Découverte d'un crâne d'homme paléolithique dans la péninsule Chalcidique // L'Anthropologie. 1960. T. 64. P. 438–446.
- Kraay C.* Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976.
- Kraft J. C., Kayan I., Aschenbrenner S. E.* Geological Studies of Coastal Change Applied to Archaeological Settings // Archaeology Geology / ed. by G. Rapp, Jr., J. A. Gifford. New Haven; London, 1985. P. 57–84.
- Kroll H.* Bronze Age and Iron Age Agriculture in Kastanas, Macedonia // Plants and Ancient Man: Studies in Paleoethnobotany / ed. by W. van Zeist, W. A. Casparie. Rotterdam; Boston, 1984. P. 243–246.
- Kroll J. H.* Nailing Down the Archaeological Chronology of Early Hellenistic Athens // AJA. 1983. Vol. 87. P. 241–242 (abstract).
- Kurtz D. C., Boardman J.* Greek Burial Customs. London, 1971.
- Lauffer S.* Alexander der Grosse². München, 1981.
- Lazaridis D.* Thasos and Its Peraia. Athens, 1971.
- Λαζαρίδης Δ.* Αμφίπολις και Άργιλος. Αθήνα, 1972.
- Le Rider G.* Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. Paris, 1977.
- Le Rider G.* Monnayage et finances de Philippe II. Un état de la question. Athènes, 1996.
- Leake W. M.* Travels in the Morea. Vol. I–III. London, 1830.
- Leake W. M.* Travels in Northern Greece. Vol. I–IV. London, 1835.
- Leake W. M.* Topography of Athens². London, 1841.
- Leake W. M.* Numismatica Hellenica. London, 1856–1859.
- Lefkowitz M. R.* The Lives of the Greek Poets. Baltimore, 1981.
- Lehmann P. W.* The So-Called Tomb of Philip II: A Different Interpretation // AJA. 1980. Vol. 84. P. 527–531.
- Lehmann P. W.* The So-Called Tomb of Philip II: An Addendum // AJA. 1982. Vol. 86. P. 437–442.
- Lippold G.* Makedon (1–2) // RE. Bd. XXVII. 1928. Sp. 636.
- Liritzis Y.* A Critical Dating Re-evaluation of Petralona Hominid: A Caution for Patience // AAA. 1982. T. 15. P. 285–296.
- Lock R.* The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // CPh. 1977. Vol. 72. P. 91–107.
- Londey P.* The Outbreak of the 4th Sacred War // Chiron. 1990. Bd. 20. P. 239–260.
- Macan R. W.* Herodotus: The Fourth, Fifth and Sixth Books. Vol. I–II. London, 1895.
- Macedonia: 4000 Years of Greek History and Civilization / ed. by M. B. Sakellariou. Athens, 1983.

- Maiuri B. T.* Museo nazionale Napoli. Novara, 1971.
- Malkin I.* The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity. Berkeley; Los Angeles; London, 1998.
- Manni E.* Demetrio Poliorcete. Roma, 1951.
- March D.* The Kings of Macedon: 399–369 B. C. // *Historia*. 1995. Bd. 44. P. 257–282.
- Markle, Minor M., III.* Support of Athenian Intellectuals for Philip: A Study of Isocrates' *Philippus* and Speusippus' *Letter to Philip* // *JHS*. 1976. Vol. 96. P. 80–99.
- Markle, Minor M., III.* The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armor // *AJA*. 1977. Vol. 81. P. 323–339.
- Markle, Minor M., III.* The Use of the Sarissa by Philip and Alexander of Macedon // *AJA*. 1978. Vol. 82. P. 483–497.
- Markle, Minor M., III.* Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great // *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 87–111.
- Markle, Minor M., III.* Diodorus' Sources for the Sacred War // *Ventures into Greek History* / ed. by I. Worthington. Oxford, 1994. P. 43–69.
- Marsden J. H.* A Brief Memoir of the Life and Writings of the Late Lt-Col. William Martin Leake. London, 1864.
- Martin T. R.* Quintus Curtius' Presentation of Philip Arrhidaeus and Josephus' Accounts of the Accession of Claudius // *AJAH*. 1983. Vol. 8. P. 161–190.
- Martin T. R.* Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985.
- Martis N. K.* The Falsification of Macedonian History / Engl. Transl. by J. Ph. Smith. Athens, 1984.
- Mattingly H. B.* The Methone Decrees // *CQ*. 1961. Vol. 11. P. 154–165.
- Megaw J. V. C., Megaw M. R.* Ancient Celts and Modern Ethnicity // *Antiquity*. 1996. Vol. 70. P. 175–181.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969.
- Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972.
- Meiggs R.* Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World. Oxford, 1982.
- Mendel G.* Les travaux du Service archéologique de l'armée française d'Orient // *CRAI*. 1918. P. 9–17.
- Meritt B. D.* Archelaos and the Deceleian War // *Classical Studies Presented to E. Capps on His 70th Birthday*. Princeton, 1936. P. 246–252.
- Michell H.* The Economics of Ancient Greece. Cambridge, 1940.
- Mihailov G.* La Thrace et la Macédoine jusqu'à l'invasion des Celtes // *AM*. 1970. T. I. P. 76–85.
- Miller M. C. J.* The Macedonian Pretender Pausanias and His Coinage // *AW*. 1986. Vol. 13. P. 23–27.
- Miller S. G.* Hellenistic Macedonian Architecture: Its Style and Painted Decoration. Diss. Bryn Mawr College, 1972.

- Miller S. G. The Philippeion and Hellenistic Macedonian Architecture // MDAI(A). 1973. Bd. 88. P. 189–218.
- Miller S. G. Macedonian Tombs: Their Architecture and Architectural Decoration // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 152–169.
- Miller S. G. The Tomb of Lyson and Kallikles: A Painted Macedonian Tomb. Mainz, 1992.
- Missitzis L. A Royal Decree of Alexander the Great on the Lands of Philippi // AW. 1985. Vol. 12. P. 3–14.
- Momigliano A. Filippo il Macedone. Firenze, 1934.
- Montgomery H. The Economic Revolution of Philip II — Myth or Reality? // SO. 1985. Vol. 60. P. 37–47.
- Mooren L. The Nature of the Hellenistic Monarchy // Egypt and the Hellenistic World. Proceedings of the International Colloquium, Leuven, 24–26 May 1982. Louvain, 1983. P. 205–240.
- Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957.
- Mortensen K. The Career of Bardylis // AW. 1991. Vol. 12. P. 49–59.
- Mortensen K. Eurydice: Demonic or Devoted Mother? // AHB. 1992. Vol. 6. P. 156–171.
- Moysey R. A. Diodorus, the Satraps and the Decline of the Persian Empire // AHB. 1991. Vol. 5. P. 113–122.
- Mueller O. Antigonus Monophthalmus und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973.
- Musgrave J. H., Neave R. A. H., Prag A. J. N. W. The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedon // JHS. 1984. Vol. 104. P. 60–78.
- Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology / ed. by Ph. Kohl, C. Fawcett. Cambridge, 1995.
- Oost S. I. The Alexander Historians and Asia // Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 265–282.
- Palagia O. Hephaistion's Pyre and the Royal Hunt of Alexander // Alexander the Great in Fact and Fiction / ed. by A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford 2000. P. 167–206.
- Panayotou A. Dialectical Inscriptions from Chalcidice, Macedonia and Amphipolis // Επιγραφές της Μακεδονίας. Third International Symposium on Macedonia, 8–12 December 1993. Thessaloniki, 1996. P. 124–163.
- Pandermalis D. Dion: The Sacred City of the Macedonians at the Foothills of Mt. Olympus. Thessaloniki [s. a.].
- Pandermalis D. Dion. The Archaeological Site and the Museum. Athens, 1997.
- Παπαγγελος Ι. Χαλκιδική. Θεσσαλονίκη, 1982.
- Παπακωνσταντίνου-Διαμαντούρου Δ. Πέλλα. Τ. Ι. Αθήνα, 1971.
- Papastavrou I. Amphipolis: Geschichte und Prosopographie. Leipzig, 1936.
- Papazoglou F. Les origines et la destinée de l'Etat illyrien: Illyrii proprie dicti // Historia. 1965. Bd. 14. P. 143–179.

- Papazoglou F.* Les villes de Macédoine à l'époque romaine. Athènes; Paris, 1988.
- Pelling C. B. R.* Plutarch. Life of Antony. Cambridge, 1988.
- Πέτσας Φ. Μ.* Ο τάφος των Λευκαδίων. Αθήνα, 1966.
- Πέτσας Φ. Μ.* Χρονικά αρχαιολογικά, 1966–1967 // Μακεδονικά. 1969. Τ. 9. Σ. 101–223.
- Petsas Ph.* Pella, Alexander the Great's Capital. Thessaloniki, 1978.
- Picard Ch.* Les recherches archéologiques de l'armée française en Macédoine, 1916–1919 // BSA. 1918–1919. Vol. 23. P. 1–9.
- Plato.* Gorgias: A Revised Text and Commentary / ed. by E. R. Dodds. Oxford, 1979.
- Pollitt J. J.* Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1986.
- Poulianos A. N.* Petralona: A Middle Pleistocene Cave in Greece // Archaeology. 1971. Vol. 24. P. 6–11.
- Prag A. J. N. W.* Reconstructing King Philip II: The «Nice» Version // AJA. 1990. Vol. 94. P. 237–247.
- Prendi F.* The Prehistory of Albania // CAH². Vol. III. 1982. P. 187–237.
- Price M.* Coins of the Macedonians. London, 1974.
- Price M., Waggoner N.* Archaic Greek Coinage: The Asyut Hoard. London, 1975.
- Price M.* The Coinage of Philip II // NC. 1979. Vol. 139. P. 230–241.
- Price M.* Alexander's Reform of Macedonian Regal Coinage // NC. 1982. Vol. 142. P. 180–190.
- Pritchett W. K.* Xerxes' Route over Mount Olympos // AJA. 1961. Vol. 65. P. 369–375.
- Pritchett W. K.* Amphipolis Restudied // Studies in Ancient Greek Topography. Vol. III. California, 1980. P. 298–346.
- Pritchett W. K.* Chimney Corner Topography // Studies in Ancient Greek Topography. Vol. III. California, 1980. P. 347–369.
- Raubitschek A. E.* Theophrastos on Ostracism // C&M. 1958. T. 19. P. 73–109.
- Raymond D.* Macedonian Regal Coinage to 413 B. C. New York, 1953.
- Renfrew A. C.* Problems in the General Correlation of Archaeological and Linguistic Strata in Prehistoric Greece: The Model of Autochthonous Origin // Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973. P. 263–276.
- Renfrew A. C.* Archaeology and Language: The Puzzle of the Indo-European Origins. New York, 1988.
- Rey L.* Observations sur les premiers habitats de la Macédoine: Recueillies par le Service archéologique de l'Armée d'Orient, 1916–1919 // BCH. 1917–1919. T. 41–43. P. 1–270.
- Rhomiopoulou K.* A New Monumental Chamber Tomb with Paintings of the Hellenistic Period near Lefkadia (West Macedonia) // AAA. 1973. T. 6. P. 87–92.

- Riginos A. S.* The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication // *JHS*. 1994. Vol. 114. P. 103–119.
- Ριζάκης Α., Τουράτσογλου Γ.* Επιγραφές Ανω Μακεδονίας (Ελίμεια, Εορδαία, Νότια Λυγκηστίς, Ορεστίς). Τ. Ι. Αθήνα, 1985.
- Robertson M.* Early Greek Mosaic // *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 240–249.
- Robertson N.* The Thessalian Expedition of 480 B. C. // *JHS*. 1976. Vol. 96. P. 100–120.
- Robinson D. M., Mylonas G. E., Graham J. W., Clement P. A., Albright F. P., Angel J. L.* Excavations at Olynthus. Vol. I–XIV. Baltimore, 1929–1952.
- Robinson D. M.* New Inscriptions from Olynthus and Environs // *TAPA*. 1931. Vol. 62. P. 40–56.
- Rodden R. J.* Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedeia, Greek Macedonia (1961 season) // *PPS*. 1962. Vol. 28. P. 267–288.
- Roebuck C.* The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C. // *CPh*. 1948. Vol. 43. P. 73–92.
- Roesch P.* Un décret inédit de la Ligue thébaine et la flotte d'Épaminondas // *REG*. 1984. T. 97. P. 45–60.
- The Rogozen Treasure / ed. by A. Fol et al. Sofia, 1989.
- Roos P.* The Rock-Cut Tombs of Caunus. Göteborg, 1972.
- Roos P.* Survey of Rock-Cut Chamber Tombs in Caria. Göteborg, 1985.
- Roos P.* Alexander I in Olympia // *Eranos*. 1985. Vol. 83. P. 162–168.
- Rotroff S. I.* Royal Saltcellars from the Athenian Agora // *AJA*. 1982. Vol. 86. P. 283 (abstract).
- Rotroff S. I.* Spool Saltcellars in the Athenian Agora // *Hesperia*. 1984. Vol. 53. P. 343–354.
- Ruiperez M. S.* The Mycenaean Dialects // *Proceedings of the VIIth Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies* / ed. by J. Harmatta. Vol. II. Budapest, 1984. P. 461–467.
- Ruzicka S.* A Note on Philip's Persian War // *AJAH*. 1985 (1993). Vol. 10. P. 84–91.
- Ryder T. T. B.* The Diplomatic Skills of Philip II // *Ventures into Greek History* / ed. by I. Worthington. Oxford, 1994. P. 228–257.
- Σαατσόγλου-Παλιαδέλη Χ.* Τα επιτάφια μνημεία από τη Μεγάλη Τούμπα της Βεργίνας. Θεσσαλονίκη, 1984.
- Σαμσάρης Δ.* Ιστορική γεωγραφία της Ανατολικής Μακεδονίας κατά την Αρχαιότητα. Θεσσαλονίκη, 1976.
- Samuel A. E.* From Athens to Alexandria: Hellenism and Social Goals in Ptolemaic Egypt. Louvain, 1983.
- Samuel A. E.* Philip and Alexander as Kings: Macedonian and Merovingian Parallels // *AHR*. 1988. Vol. 93. P. 1270–1286.
- Scaife R.* Alexander I in the Histories of Herodotus // *Hermes*. 1989. Bd. 117. P. 129–137.

- Scarre C.* Archaeology and Sea-level in West-central France // *WA*. 1984. Vol. 16. P. 98–107.
- Schwander E.-L.* Sull'architettura ed urbanistica Epirotica nel IV secolo // *Magna Grecia, Epiro, e Macedonia, Atti del Ventiquattresimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto, 5–10 Ottobre 1984. Taranto, 1985.* P. 447–476.
- Schweigert E.* Epigraphical Notes // *Hesperia*. 1939. Vol. 8. P. 170–176.
- Seager R.* The King's Peace and the Balance of Power in Greece, 386–362 B. C. // *Athenaeum*. 1974. Vol. 52. P. 36–63.
- Sealey R.* Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. Oxford, 1993.
- The Search for Alexander: An Exhibition. New York, 1980.
- Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
- Semple E. C.* The Geography of the Mediterranean Region: Its Relation to Ancient History. London, 1932.
- Shackleton J. C., Van Andel T. H., Runnels C. N.* Coastal Paleogeography of the Central and Western Mediterranean during the Last 125,000 Years and Its Archaeological Implications // *JFA*. 1984. Vol. 11. P. 307–314.
- Simpson R. H.* Abbreviation of Hieronymus in Diodorus // *AJPh*. 1959. Vol. 80. P. 370–379.
- Σίνδος. Κατάλογος της Εκθέσεως στο Αρχαιολογικό Μουσείο Θεσσαλονίκης. Αθήνα, 1985.
- Snodgrass A. M.* Metal-work as Evidence for Immigration in the Late Bronze Age // *Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory* / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973. P. 209–214.
- Snodgrass A. M.* Climatic Changes and the Fall of Mycenaean Civilization // *BICS*. 1975. Vol. 22. P. 213–214.
- Sources for Greek History between the Persian and Peloponnesian Wars / ed. by G. F. Hill, R. Meiggs, A. Andrewes. Oxford, 1962.
- Die Staatsverträge des Altertums / hrsg. von H. Bengtson. Bd. II. München; Berlin, 1962.
- Stagakis G. S.* Observations on the Hetairoi of Alexander the Great // *AM*. 1970. T. I. P. 86–102.
- Stamatiou A.* Alexander the Great as a Lion Hunter // *Πρακτικά of the Twelfth International Congress of Classical Archaeology, Athens, 4–10 September 1983. Vol. II. Athens, 1988.* P. 209–217.
- Stipčević A.* The Illyrians: History and Culture / Engl. Transl. by S. C. Burton. Park Ridge, 1977.
- Stringer C. B., Howell F. C., Melentis J. K.* The Significance of the Fossil Hominid Skull from Petralona, Greece // *JAS*. 1979. Vol. 6. P. 235–253.
- Svoronos J.* L'hellénisme primitif de la Macédoine. Paris, 1919.
- Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. V: Ashmolean Museum. Pt. 3: Macedonia.* London, 1976.
- Tarn W. W.* Antigonos Gonatas. Oxford, 1913.

- Tatakis A. B.* Ancient Beroea: Prosopography and Society. Athens, 1988.
- Tatakis A. B.* Macedonian Edessa. Prosopography and Onomasticon. Athens, 1994.
- Tatakis A. B.* Macedonians Abroad. A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia. Athens, 1998.
- Θέμελης Π., Τουράτσoglou Γ. Οι Τάφοι του Δερβενίου. Αθήνα, 1997.
- Theodossiev N.* A New Thracian Inscription from Bulgaria // *Kadmos*. 1997. Bd. 36. P. 144.
- Thomas C. G.* Myth Becomes History: Pre-Classical Greece. Claremont, 1993.
- Tod M. N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. I–II. Oxford, 1946–1948.
- Tomlinson R. A.* Vaulting Techniques of Macedonian Tombs // *AM*. 1977. T. II. P. 473–479.
- Touratsoglou J.* Lefkadia. Athens, 1973.
- Tracy S. V.* De Antipatro et Archedico Lamprensi. IG II² 402 + Agora I 4990 // *Hesperia*. 1993. Vol. 62. P. 249–251.
- Tracy S. V.* Athenian Democracy in Transition. Attic Letter-Cutters of 340–290 B. C. Berkeley; Los Angeles, 1995.
- Treasures of Ancient Macedonia / ed. by K. Ninou. Athens, 1980.
- Trevett J.* Did Demosthenes Publish His Deliberative Speeches? // *Hermes*. 1996. Bd. 124. P. 424–441.
- Triantaphyllides H.* Macedonian Customs // *BSA*. 1896–1897. Vol. 3. P. 207–214.
- Tripodi B.* Sulla morte di Alessandro I di Macedonia // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Cl. let. e fil. Ser. 3*. 1984. T. 14. 4. P. 1263–1268.
- Tritsch F. J.* The «Sackers of Cities» and the «Movement of Populations» // *Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory* / ed. by R. A. Crossland, A. Birchall. London, 1973. P. 234–238.
- Tronson A.* Satyrus the Peripatetic and the Marriages of Philip II // *JHS*. 1984. Vol. 104. P. 116–126.
- Tuplin Ch.* Demosthenes' *Olynthiacs* and the Character of the Demegoric Corpus // *Historia*. 1998. Bd. 47. P. 276–320.
- Turrill W. B.* The Plant-life of the Balkan Peninsula: A Phytogeographical Study. Oxford, 1929.
- Tzanavari K. Anastasios-Phoebus Ch.* A Carian Graffito from the Lebet Table, Thessaloniki // *Kadmos*. 1995. Bd. 34. P. 13–17.
- Vartsos A.* The Foundation of Brea // *AM*. 1977. T. II. P. 13–16.
- Vickers M.* Therme and Thessaloniki // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson* / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 327–333.
- Vokotopoulou J.* La Macédoine de la protohistoire à l'époque archaïque // *Magna Grecia, Epiro, e Macedonia. Atti del Ventiquattresimo Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto, 5–10 Ottobre 1984*. Taranto, 1985. P. 133–166.

- Βοκοτοπούλου Ι.* Η επιγραφή των Καλινδοίων // AM. 1986. T. IV. Σ. 87–114.
- Βοκοτοπούλου Ι.* Οι ταφικοί τύμβοι της Αϊνειας. Αθήνα, 1990.
- Vokotopoulou J., Anastasios-Phoebus Ch.* A Cypriot Graffito on an SOS Amphora from Mende, Chalcidice // Kadmos. 1995. Bd. 34. P. 5–12.
- Von Blanckenhagen P. H.* Painting in the Time of Alexander and Later // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 251–260.
- Wace A. J. B.* North Greek Festivals and the Worship of Dionysos // BSA. 1909–1910. Vol. 16. P. 232–253.
- Wace A. J. B., Woodward A. M.* Inscriptions from Upper Macedonia // BSA. 1911–1912. Vol. 18. P. 166–188.
- Wace A. J. B.* The Mounds of Macedonia // BSA. 1913–1914. Vol. 20. P. 123–132.
- Wace A. J. B.* The Site of Olynthus // BSA. 1914–1915 (1915–1916). Vol. 21. P. 11–15.
- Wade-Gery H. T.* Kritias and Herodes // CQ. 1945. Vol. 39. P. 19–33.
- Walbank F. W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I–III. Oxford, 1957–1979.
- Wallace M. B.* Early Greek Proxenoι // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 189–208.
- Walbank M. B.* Athenian Proxemies of the Fifth Century B. C. Toronto, 1978.
- Walker E. M.* The Confederacy of Delos, 478–463 B. C. // CAH. Vol. V. Cambridge, 1927. Ch. 2.
- Walker S.* Women and Housing in Classical Greece // Images of Women in Antiquity / ed. by A. Cameron, A. Kuhrt. Detroit, 1983. P. 81–91.
- Wardle K. A.* The Northern Frontier of Mycenaean Greece // BICS. 1975. Vol. 22. P. 206–212.
- Wardle K. A.* Assiros Toumba // Ἀρχαιολογικὸν δελτίον. 1976. T. 31. P. 251–254.
- Wardle K. A.* Assiros: A Macedonian Settlement of the Late Bronze Age and Early Iron Age // AM. 1983. T. III. P. 291–305.
- Wardle K. A.* Mycenaean Trade and Influence in Northern Greece // Wace and Blegen. Pottery as Evidence for Trade in the Aegean Bronze Age: 1939–1989 / ed. by C. Zerner, P. Zerner, J. Winder. Amsterdam, 1993.
- Wardle K. A.* «Change or Continuity»: Assiros Toumba at the Transition from Bronze Age to Iron Age // Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Θράκη. 1996. T. 10. P. 443–460.
- Wehrli C.* Antigone et Démétrios. Genève, 1968.
- Weinberg S. S.* The Stone Age in the Aegean // CAH³. Vol. I. Pt. 1. Cambridge, 1970. Ch. 10.
- Weiskopf M.* The So-Called «Great Satraps' Revolt», 366–360 B. C.: Concerning Local Instability in the Achaemenid Far West. Stuttgart, 1989.
- West W. C.* Hellenic Homonoia and the New Decree from Plataea // GRBS. 1977. Vol. 18. P. 307–319.

- Westlake H. D.* Thessaly in the Fourth Century B. C. London, 1935.
- Westlake H. D.* The Medism of Thessaly // JHS. 1936. Vol. 56. P. 12–24.
- Wilamowitz-Moellendorff U., von.* Die Thukydideslegende // Hermes. 1877. Bd. 12. S. 326–367.
- Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee // SB, Berlin. 1929. N 28. S. 291–318.
- Wilcken U.* Alexander the Great / Engl. Transl. by G. C. Richards; ed. by E. N. Borza. New York, 1967.
- Wilkie N.* The Grevena Project // AM. 1993. T. III. P. 1747–1753.
- Will E.* Histoire politique de monde hellénistique (323–30 av. J.-C)². T. I–II. Nancy, 1979–1982.
- Will W.* Alexander der Grosse. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1986.
- Wirth G.* Philipp II. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1985.
- Woodhouse C. M.* The Struggle for Greece, 1941–1949. London, 1976.
- Worthington I.* Greek Oratory, Revision of Speeches, and Problem of Historical Reliability // C&M. 1991. T. 42. P. 55–74.
- Wüst F. R.* Philipp II. von Makedonien und Griechenland in den Jahren 346 bis 338. München, 1938.
- Wycherley R. E.* The Athenian Agora. Vol. III. Princeton, 1957.
- Xirotiris N. I., Langenscheidt F.* The Cremation from the Royal Macedonian Tombs at Vergina // Αρχαιολογική εφημερίς. 1981. T. 120. P. 142–160.
- Zervos O.* Notes on a Book by Gerhard Kleiner // NC. 1982. Vol. 142. P. 166–179.

ПРИЛОЖЕНИЯ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

М. М. Холод

ТЕНЬ ХЕРОНЕЙСКОГО ЛЬВА: УТВЕРЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕРХОВЕНСТВА МАКЕДОНИИ В БАЛКАНСКОЙ ГРЕЦИИ В 338 Г. ДО Н. Э.¹

Разыгравшееся в Беотии у города Херонеи 7-го метагитниона (либо 2-го августа, либо 1-го сентября) 338 г. до н. э. сражение между армией македонского царя Филиппа II, усиленной контингентами союзных ему эллинов, и войсками антимакедонской коалиции, возглавляемой Афинами и Фивами, закончилось полным поражением сторонников полисной свободы. На поле боя остались лежать убитыми свыше одной тысячи афинских граждан и около двух тысяч афинян оказались в плену (Lycurg. In Leocr., 142; Dem., XVIII, 264; Diod., XVI, 86, 5; Paus., VII, 10, 5; Plut. Camil., 19; [Demad.], 9); часть беотийского ополчения также попала в плен, а среди многочисленных погибших находился знаменитый «священный отряд», который во главе с фиванским стратегом Феагеном почти целиком пал в битве (Plut. De mulierum virtut., 24, p. 259 d; Pelop., 18; Alex., 12; Just., IX, 4, 6); большие потери понесли, несомненно, и формирования других союзников по коалиции. При этом остатки разгромленных греческих войск, отступивших к Лебадее ([Plut.] Vitae X or., p. 849 a), были уже не в состоянии продолжать борьбу и вскоре разошлись по собственным городам. Поле сражения — где впоследствии на могиле павших будет воздвигнут

¹ Настоящий очерк представляет собой значительным образом переработанный и при этом дополненный вариант работы, опубликованной ранее в издании: Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003. С. 185–218.

знаменитый памятник в виде льва (цв. ил. 29) — оказалось за торжествующим монархом Македонии².

Теперь, когда к югу от Фермопил не осталось силы, способной успешно противостоять армии македонского царя, вопрос о его политическом лидерстве в Греции был по существу решен. И действительно, в течение буквально нескольких недель после состоявшегося сражения один за другим все недавние эллинские противники Филиппа, заключив с победителем сепаратные договоры и тем самым урегулировав с ним свои отношения, покорились македонскому монарху; практически одновременно, если не раньше, покорность Филиппу так или иначе изъявили и другие греческие республики, за исключением Спарты; впрочем, для нее также не прошло бесследно поражение греков: на исходе осени Спарта была значительно ослаблена в результате предпринятой Филиппом экспедиции в Пелопоннес; наконец, факт подчинения эллинских полисов царю Македонии получил заключительное оформление, хотя и в несколько завуалированном виде, в общих соглашениях, которые были выработаны на всегреческом конгрессе, собранном Филиппом зимой 338/7 г. до н. э. в Коринфе³. Таким образом, период между сражением при Хе-

² О сражении при Херонее см. особенно: *Hammond N. G. L. The Victory of Macedon at Chaeronea // Studies in Greek History. A Companion Volume to A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1973. P. 534 ff.* (с исчерпывающими ссылками на источники и предшествующую научную литературу); основные положения этого очерка были уже выражены Н. Хэммондом в соответствующей части его более ранней работы: *Hammond N. G. L. The Two Battles of Chaeronea (338 B. C. and 86 B. C.) // Klio. 1938. Bd. 31. P. 186 ff.* Кроме того, см.: *Pritchett W. K. Observations on Chaironeia // AJA. 1958. Vol. 62. P. 307 ff.*; *Griffith G. T. The Reign of Philip the Second // Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 596 ff.*; *Rahe P. A. The Annihilation of the Sacred Band at Chaeronea // AJA. 1981. Vol. 85. P. 84 ff.*; *Buckler J., Beck H. Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, 2008. P. 254 f.* Следует отметить, что в результате проведенных в конце XIX в. раскопок на месте, где стоял Херонейский лев, были обнаружены останки 255 воинов. Что данный памятник возвышался именно над могилой павших в бою фиванцев (Paus., IX, 40, 10) (вероятно, из «священного отряда»), — это, насколько можно судить, сейчас ни у кого сомнений не вызывает: Н. Хэммонд, попытавшийся было — в след за Ю. Белохом (*Beloeh K. J. Griechische Geschichte*². Bd. III. Abt. 2. Berlin; Leipzig, 1923. S. 303 f.) — опровергнуть подобное мнение (он, как и Ю. Белох, доказывал, что это было захоронение македонян, см.: *Hammond N. G. L. The Victory... P. 553 ff.*), впоследствии признал свою ошибку (*Hammond N. G. L. Philip of Macedon. London, 1994. P. 156, 217, n. 6*). Об истории Херонейского льва теперь см.: *Ma J. Chaironeia 338: Topographies of Commemoration // JHS. 2008. Vol. 128. P. 72 ff.*

³ К сожалению, весьма трудно восстановить точно хронологию данных событий. Вместе с тем факт появления на заседании дельфийской коллегии напеев осенью 338 г. до н. э. представителей государств, участвовавших в войне против Филиппа, как кажется, ясно показывает, что к данному моменту их отношения с македонским царем были уже урегулированы (заметим, что большинство этих государств воздержалось от участия

ронее и созывом Коринфского конгресса стал временем окончательного распространения и утверждения македонского владычества в Греции. Именно тогда усилиями Филиппа здесь были заложены основы нового политического порядка, в результате чего была не только подготовлена надлежащая почва для последующего образования так называемой Коринфской лиги — организации, формально объединившей эллинские государства под гегемонией царя Македонии, но и вообще созданы необходимые реальные условия для дальнейшего осуществления македонской монархией достигнутого ею господства над миром балканских греков.

Приступая к рассмотрению событий данного периода, начнем с Афин. Когда известие о поражении при Херонее достигло этого города, оно произвело на его граждан вначале особенно тягостное впечатление. Всю ответственность за исход сражения поспешили тотчас возложить на командование: по обвинению Ликурга один из афинских стратегов, Лисикл, был привлечен к суду и казнен (Diod., XVI, 88; [Plut.] Vitae X or., p. 843 d). Жители пребывали в полной уверенности, что грозный победитель, находясь в трех днях пути от Афин, не преминет теперь свести счеты с их полисом. Некоторые даже пытались покинуть, как им казалось, обреченные Афины и найти для себя спасение за пределами страны. Однако основная масса граждан приготовилась к решительному сопротивлению (Lycurg. In Leocr., 16, 36–41; 52 sq.; Aesch., III, 252; Dem., XVIII, 195; 248; Din., I, 78, 80).

Чтобы пресечь любые стремления к бегству, народное собрание приняло постановление, согласно которому такого рода поступки считались государственной изменой и наказывались смертью (Lycurg. In Leocr., 53). С подачи Ликурга по этому постановлению были немедленно привлечены к ответственности член ареопага Автолик, выславший семью из Афин, и некий гражданин, пытавшийся отплыть на Самос (Lycurg. In Leocr., 53; Aesch., III, 252; [Plut.] Vitae X or., p. 843 d–e). Бежавший из Пирея на Родос афинянин Леократ стараниями того же

в предыдущем заседании). В свою очередь, факт присутствия здесь лакедемонских делегатов, по всей видимости, является показателем того, что поход Филиппа в Пелопоннес против Спарты еще не состоялся. Но, поскольку подобная экспедиция должна была произойти до открытия Коринфского конгресса, начавшего свою работу в самом конце этого — начале следующего года (для датировки начала работы этого конгресса см. прежде всего: Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des korinthischen Bundes // SB, München. 1917. Abh. 10. S. 24), очевидно, ее (экспедицию) следует датировать исходом осени (соответствующие списки наопсев см.: Cloché P. Les Naopes de Delphes et la politique hellénique de 356 à 327 avant J.-C. // BCH. 1916. T. 40. P. 117 (339 г. до н. э.), 123 (338 г. до н. э.); при этом ср. сказанное выше с рассуждениями П. Клоше по поводу хронологии данных событий: P. 124 ss.).

Ликурга предстал перед судом позднее, когда вернулся на родину, и едва был оправдан (Lycurg. In Leocr., passim; Aesch., III, 252; [Plut.] Vitae X or., p. 843 d–e).

В эти тревожные дни велась и активная деятельность по укреплению обороноспособности города. Население сельской округи стало в срочном порядке ввозиться под защиту афинских укреплений (Lycurg. In Leocr., 16). Принимались меры по обеспечению жителей продовольствием (Dem., XVIII, 248; [Plut.] Vitae X or., p. 851 b). На нужды момента обильно жертвовались деньги (Dem., XVIII, 248; 312; Din., I, 80; [Plut.] Vitae X or., p. 851 a). Производилась починка пришедших в ветхость стен, углублялись рвы, ставился частокол; причем необходимый материал брался тут же: рубились растущие поблизости деревья, шли в дело каменные плиты погребений (Lycurg. In Leocr., 49 sq.; Dem., XVIII, 248). Все граждане, способные носить оружие, были немедленно призваны на военную службу (Lycurg. In Leocr., 16, 37). В этой связи, по предложению Гиперида, народное собрание постановило вернуть изгнанников, восстановить в правах лиц, лишенных гражданского достоинства по приговору суда, ввести в число граждан метеков и предоставить свободу рабам (Hyperid. Contra Aristog., fr. 27–39 Burt; Lycurg. In Leocr., 41; [Dem.], XXVI, 11; [Plut.] Vitae X or., p. 848 f — 849 a). Для руководства обороной была намечена кандидатура последовательного противника македонского царя, стратега Харидема (Plut. Phoc., 16). Между тем делались попытки заручиться поддержкой извне. На Кеос, Андрос, в Эпидавр, Трезену и другие места были направлены посольства за помощью (Lycurg. In Leocr., 42). Не исключалась тогда, по-видимому, и вероятность обращения с такой же просьбой к Персии (ср.: Plut. Dem., 20).

Однако, вопреки ожиданиям, македонские войска не перешли границ Аттики (Aristid., XIII, 183 со схолиями; XIX, 258 Dind.)⁴. Филипп, должно быть, отчетливо представлял, прежде всего после недавних неудач

⁴ Впоследствии некоторые афиняне, пытаясь найти объяснение подобному поведению Филиппа, полагали, что македонский царь не начал тогда вторжение исключительно по причине неблагоприятных жертв, принесенных в его лагере (Aesch., III, 131; ср.: Schol. in Aristid., XIII, p. 183, 1 Dind.). Однако данное объяснение выглядит слишком несубstantialным. Вряд ли такой прагматик, как Филипп, был вообще склонен, исходя из результатов жертвоприношений, вносить изменения в свои намерения; скорее наоборот, результаты жертвоприношений, когда было нужно, приводились в соответствие с целями македонского царя. Не исключено, что в конкретном случае Филипп, спланировав, выгодно использовал неблагоприятный исход жертвоприношений. Тем самым, к примеру, он мог авторитетно оправдать собственную неспешность с наступлением на Аттику перед лицом македонских воинов, которые, будучи, разумеется, не прочь лишний раз поживиться за счет территории врага, иначе, возможно, оказались бы просто недовольны образом действий своего монарха в отношении Афин. Ср.: Griffith G. T. The Reign... P. 606, n. 5.

под Перинфом и Византием (340–339 гг. до н. э.), насколько трудной и неопределенной по своим итогам может оказаться для него осада Афин: мощные укрепления надежно защищали полис со стороны суши; афинский флот, по количеству и качеству превосходивший сравнительно слабую македонскую флотилию, безраздельно господствовал на море⁵; население города, лихорадочно готовящееся к обороне, было намерено бороться до конца. К тому же продолжение войны против влиятельных в греческом обществе Афин грозило усилить, в особенности если бы она затянулась, антимакедонские настроения в других частях Эллады и тем самым значительно усложнить Филиппу дальнейшее утверждение здесь собственного политического преобладания. Кроме того, в случае осады, афиняне были способны прибегнуть к помощи Персии, которая могла воспользоваться ею в качестве повода к очередному вмешательству в дела греков, что также являлось нежелательным для македонского царя. Наконец, Филиппу приходилось считаться и с тем, что довершение разгрома Афин, самого значительного города Эллады, бывшего ее экономическим и культурным центром, вряд ли бы благостным образом отразилось на репутации македонской монархии в греческом мире, выступившей бы тогда в глазах эллинов явно враждебной им силой. Поэтому в подобной ситуации для Филиппа было гораздо выгоднее попытаться нейтрализовать Афины — предложить им вполне почетный выход из войны и, сохранив при этом за собой право решающего голоса, обеспечить македонской стороне первенство в отношениях с ними⁶.

⁵ О мощи афинских укреплений можно судить из рассказа Фукидида (II, 13, 6); хотя, по-видимому, в последний раз стены Афин основательно ремонтировались в начале IV в. до н. э., они, несомненно, еще и теперь оставались для противника серьезным препятствием. Флот Афин в 330/29 г. до н. э. насчитывал 18 тетрер и 392 триеры (IG, II/III², 1627, сткк. 266, 275–278), причем вряд ли его количество слишком выросло с 338 г. до н. э. (заметим, что в 353/2 г. до н. э. у афинян было 349 триер); по поводу господства афинского флота на море в войне с Филиппом: Dem., XVIII, 146, 230. Об афинском флоте в период правления в Македонии Филиппа в целом см.: *Amit M. Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power*. Bruxelles; Berchem, 1965. P. 26 f. Для оценки македонской флотилии: *Hauben H. Philippe II, fondateur de la marine macédonienne // Anc. Soc.* 1975. Vol. 6. P. 51 ss.; *Hammond N. G. L. The Macedonian Navies of Philip and Alexander until 330 B. C. // Antichthon*. 1992. Vol. 26. P. 30 ff.

⁶ О причинах отказа Филиппа от нападения на Афины ср.: *Grote G. B. History of Greece*. Vol. XI. London, 1853. P. 701 f.; *Курциус Э. История Греции / пер. с нем. М. Корсак. Т. III*. М., 1880 (нем. изд.: Berlin, 1867). С. 705; *Bury J. B. A History of Greece to the Death of Alexander the Great*. London, 1900. P. 732; *Beloch K. J. Griechische Geschichte*². Bd. III. Abt. 1. Berlin; Leipzig, 1922. S. 571; *Pickard-Cambridge A. W. Macedonian Supremacy in Greece // CAH*. Vol. VI. 1927. P. 264; *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus*. Bd. I³. Leipzig; Berlin, 1927. S. 264 f.; *Wüst F. R. Philipp II. von Makedonien und Griechenland in den Jahren von 346 bis 338*. München, 1938. S. 169 f.; *Roebuck C. The Settlements of Philip II with the Greek States*

Итак, взвесив все «за» и «против», македонский царь посчитал нужным первым протянуть руку к примирению с Афинами. Для этого Филипп решил воспользоваться услугами попавшего к нему в плен афинского оратора Демада, который и согласился доставить в Афины мирные предложения македонского царя (Diod., XVI, 87; Suda, s. v. Δημάδης). Судя по всему, Демад должен был объявить в Афинах о том, что Филипп не имеет теперь ничего против освобождения афинских военнопленных и передачи тел павших при Херонее (ранее в этом городу было отказано — [Plut.] Vitae X or., p. 849 a). Подобным образом македонский царь, очевидно, рассчитывал поколебать отчаянную решимость афинян продолжать сопротивление и подтолкнуть их к сближению. Тому же должен был явно способствовать и выбор посредника в лице Демада, фигуры достаточно влиятельной на афинском политическом Олимпе. С его помощью Филипп надеялся убедить граждан в собственной доброжелательности и готовности заключить мир на сравнительно мягких для Афин условиях⁷.

Филипп не ошибся в своих расчетах. Теперь, когда с появлением в Афинах Демада стало ясно, что македонский царь расположен в отношении города вполне доброжелательно, первоначальный воинственный пыл афинского народа значительно ослабел. И вместе с этим в Афинах резко усилились стремления к миру.

В самом деле, неожиданная возможность разрешить конфликт с Филиппом мирным путем выглядела для граждан, несомненно, намного привлекательнее, чем неминуемые тяготы, которые принесла бы с собой дальнейшая борьба. Не могла не отразиться на позиции афинян, разумеется, и инициатива Филиппа в вопросе о возвращении пленных и погибших граждан: отныне в одних семьях появилась надежда на то, что их родственники, попавшие в македонский плен, в ближайшее время ока-

in 338 B. C. // CPh. 1948. Vol. 43. P. 80 f.; *Cloché P.* Un fondateur d'empire: Philippe II roi de Macédoine (383/2–336/5 avant J.-C.). Saint-Étienne, 1955. P. 266 s.; *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 49 [= Приложение II]; *Cawkwell G.* Philip of Macedon. London; Boston, 1978. P. 167; *Griffith G. T.* The Reign... P. 619; *Errington R. M.* A History of Macedonia / Engl. Transl. by C. Errington. Berkeley; Los Angeles; London, 1990. P. 84; *Sealey R.* Demosthenes and His Time. A Study in Defeat. New York; Oxford, 1993. P. 198 f.; *McQueen E. I.* Diodorus Siculus: The Reign of Philip II. The Greek and Macedonian Narrative from Book XVI. A Companion. Bristol, 1995. P. 165; *Шофман А. С.* Последние дипломатические акции Филиппа II // Античность: события и исследования. Казань, 1999. С. 21 сл.; *Rhodes P. J.* A History of the Classical Greek World, 478–323 BC. Oxford, 2006. P. 318; *Worthington I.* Philip of Macedonia. New Haven; London, 2008. P. 155 f.; *Gabriel R. A.* Philip II of Macedonia. Washington, 2010. P. 225; *Müller S.* Philip II // A Companion to Ancient Macedonia / ed. by J. Roisman, I. Worthington. Oxford, 2010. P. 177.

⁷ Сходные рассуждения см.: *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit². Bd. III. Leipzig, 1887. S. 24.

жуются дома, в других — что останки близких им людей, убитых при Херонее, будут достойно преданы земле.

Вследствие подобных настроений в Афинах изменилась внутривнутриполитическая обстановка: господствующее положение здесь получили прежде остававшиеся в тени промакедонские элементы⁸. Очевидно, под их непосредственным влиянием граждане поспешили теперь отказаться от тех крайних мер по защите города, которые ранее предлагал Гиперид и за которые впоследствии он будет привлечен к суду афинянином Аристогитоном (Hyperid. Contra Aristog., fr. 27–39 Burt; Lycurg. In Leocr., 41; [Dem.], XXVI, 11; [Plut.] Vitae X or., p. 848 f — 849 a; Suda, s. v. Ἀριστογείτων). При этом вместо Харидема руководство по обороне страны было отдано в руки стратега Фокиона (Plut. Phoc., 16), явно симпатизировавшего македонскому царю. Демосфен, по-видимому, найдя лучшим в создавшейся ситуации оставить Афины, под предлогом сбора средств с союзников и обеспечения жителей продовольствием уехал из города (Aesch., III, 159; Dem., XVIII, 248; Din., I, 80 sq.)⁹. Что же касается урегулирования дел с Филиппом, то для этого афинянами было решено отправить к нему посольство, в которое после своего избрания вошли Эсхин, Демад и, возможно, Фокион¹⁰ (Aesch., III, 227; Dem., XVIII, 282–284; Suda, s. v. Δημάδης; ср.: Plut. Phoc., 16).

⁸ Изменение внутривнутриполитической обстановки в Афинах произошло, скорее всего, не спонтанно, как полагают некоторые исследователи (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. I. S. 570 f.; Колобова К. М. Афины в борьбе за независимость // ВДИ. 1963. № 1. С. 221; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 50 [= Приложение II]; Fine J. V. A. The Ancient Greeks: A Critical History. Cambridge (Mass.), 1983. P. 675; ср.: Курциус Э. История Греции. Т. III. С. 706 сл.; Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960. С. 271), а было следствием приезда в город Демада, доставившего афинянам мирные предложения Филиппа. Именно так, к примеру, представляет дело Дж. Эллис: Ellis J. R. 1) Philip II and Macedonian Imperialism. London, 1976. P. 200; 2) Macedonian Hegemony Created // CAH². Vol. VI. 1994. P. 782.

⁹ Ellis J. R. Philip II... P. 200, 296, n. 88. Некоторые исследователи, однако, относят отъезд Демосфена еще ко времени до появления в Афинах Демада (Worthington I. 1) A Historical Commentary on Dinarchus. Rhetoric and Conspiracy in Later Fourth-Century Athens. Ann Arbor, 1992. P. 247, 250; 2) Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxford, 2013. P. 256; Sealey R. Demosthenes... P. 199; Buckler J. Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston, 2003. P. 504 f.).

¹⁰ Несмотря на то что причастность Фокиона к данному афинскому посольству не отмечена в источниках (ср.: Nep. Phoc., 1), ее, по-видимому, все же следует считать весьма возможной (не перечисляя другие работы, в которых высказано аналогичное суждение, сошлемся здесь только на: Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 25; Jehne M. Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungsbemühungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. Stuttgart, 1994. S. 143, Anm. 33; Corvisier J.-N. Philippe II de Macédoine. Paris, 2002. P. 256; Worthington I. 1) Philip of Macedonia. P. 156; 2) Demosthenes of Athens... P. 256). Согласно Диогену Лаэртскому, в посольстве

В современной историографии бытует суждение, согласно которому данное посольство должно было вести переговоры с Филиппом исключительно по поводу военнопленных¹¹. Действительно, в этой связи в «Суде» Демад назван «послом ради пленников» (s. v. Δημάδης: πρεσβευτῆς ὑπὲρ τῶν αἰχμαλώτων). Однако, принимая во внимание состав афинской делегации, все члены которой являлись сторонниками мирных отношений с Македонией, и ту склонность большинства афинян к сближению с Филиппом, которая появилась у них после внезапного возвращения в город Демада, подобное суждение представляется не совсем верным. Очевидно, все-таки стоит считать, что помимо обсуждения с Филиппом вопроса о пленных афинские послы были уполномочены также решить проблему мирного соглашения с македонским царем. Косвенное подтверждение этому можно найти в одном месте «Моралий» Плутарха, где описывается поведение Филиппа во время пребывания у него данного посольства. Плутарх сообщает, что македонский царь, когда речь зашла о заключении мирного договора, хотя и находился в состоянии сильного опьянения, «дал афинянам хорошо обдуманый и трезвый ответ» (Plut. Quaest. conv., VII, 10, 2, p. 715 c). То, что Филипп, судя по рассказу, «отвечал» афинской делегации (ἔδωκε τοῖς Ἀθηναίοις ἀπόκρισιν), предполагает, что именно афиняне начали с ним разговор относительно мира. При этом кажется маловероятным, чтобы они действовали в столь серьезном вопросе на свой страх и риск, превышая ранее полученные от сограждан инструкции. Кроме Плутарха на большие полномочия афинской делегации указывает и Эсхин, говоря, что посольство отправилось в тот момент из Афин к Филиппу «ради спасения города» (III, 227: ὑπὲρ τῆς σωτηρίας τῆς πόλεως).

Прибывшие в македонский лагерь афинские послы были встречены Филиппом весьма радушно (Dem., XVIII, 287; Theopomp. ap. Athen., X, 46, p. 435 b–c = Fgr Hist 115 F 236; Plut. Quaest. conv., VII, 10, 2, p. 715 c). В ходе завязавшихся переговоров, на которых, бесспорно, главной являлась тема мира и на которых, безусловно, преобладал голос Филиппа, были выработаны следующие условия мирного соглашения¹²: между

к Филиппу принимал участие и философ Ксенократ (IV, 2, 8 sq.), однако, по всей видимости, это едва ли верно (Schaefer A. Op. cit. Bd. III. S. 25, Anm. 2).

¹¹ Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 24 f. (правда, с некоторой оговоркой); Glotz G., Cohen R. Histoire grecque³. T. III. Paris, 1986 (Paris, 1936). P. 364; Roebuck C. The Settlements... P. 81 (совсем определенно); ср.: Griffith G. T. The Reign... P. 606.

¹² По поводу приведенных ниже условий мирного соглашения главным образом см.: Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 27–29; Roebuck C. The Settlements... P. 81; ср.: Belloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 572; Pickard-Cambridge A. W. Macedonian Supremacy... P. 265; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 364; Wiist F. R. Philipp II.

обеими сторонами заключались дружба и военный союз (см. ниже); Афины оставались формально свободной и независимой общиной, их политическое устройство не подвергалось никаким изменениям (это подтверждается всей последующей историей Афин; также см.: Paus., VII, 10, 5); македонским царем, по всей видимости, гарантировались неприкосновенность афинской территории и неиспользование в своих целях афинских гаваней; помимо собственно афинских владений на материке за Афинами удерживались основные внешние владения — острова Саламин, Лемнос, Имброс, Скирос (Aristot. Athen. pol., 61, 6; 62, 2) и Самос (Aristot. Athen. pol., 62, 2; Diod., XVIII, 56, 6; Plut. Alex., 28; Diog. Laert., X, 1, 1); сохранялся также афинский протекторат над Делосом (IG, II/III², 1652, сткк. 20 sqq.); Афины получали входивший с 366 г. до н. э. в состав Беотии город Ороп со святилищем Амфиарая (Hyperid. Pro Eux., 16–18 Burt; Paus., I, 34, 1; Schol. in Dem., XVIII, 99, p. 259, 10 Dind.; [Demad.], 9; ср.: Diod., XVIII, 56, 6)¹³, но, скорее всего, лишались теперь присутствия на Херсонесе Фракийском, контроль за которым, вероятно, переходил в македонские руки; наконец, Афины должны были распустить свой морской союз (Paus., I, 25, 3; ср.: Aesch., III, 134; Diod., XXXII, 4)¹⁴

von Makedonien... S. 168; *Cloch  P.* Un fondateur d'empire... P. 267 s.; *Schmitt H. H.* Die Vertr ge der griechisch-r mischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. (Die Staatsvertr ge des Altertums. Bd. III). M nchen, 1969. N 402. S. 1–3; *Ellis J. R.* Philip II... P. 199 f.; *Bengtson H.* Griechische Geschichte⁵. M nchen, 1977. S. 325; *Errington R. M.* A History of Macedonia. P. 84; *Hammond N. G. L.* Philip of Macedon. P. 157; *Sealey R.* Demosthenes... P. 199; *Jehne M.* Koine Eirene... S. 143; *McQueen E. I.* Diodorus Siculus... P. 165; *Хабихин Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху / пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М., 1999. С. 19 (нем. изд.: M nchen, 1995); *Corvisier J.-N.* Philippe II... P. 256; *Buckler J.* Aegean Greece... P. 506; *Worthington I.* 1) Philip of Macedonia. P. 156 f.; 2) Demosthenes of Athens... P. 257; *Gabriel R. A.* Philip II of Macedonia. P. 225 f.; *Engels J.* Philipp II. und Alexander der Grosse². Stuttgart, 2012. S. 38; о сохранении протектората Афин над Делосом, кроме того, см.: *Laidlaw W. A.* A History of Delos. Oxford, 1933. P. 86.

¹³ Предположение Д. Кн пфлера, согласно которому Ороп был передан Афинам не в 338 г. (как это обычно считается), а только в 335 г. до н. э., т. е. при Александре (*Knoepf-ler D.* 1) Un document attique   r consider : le d cret de Pandios sur l'Amphiaraion d'Oropos // Chiron. 1986. Bd. 16. P. 74; 2) *Luolf Wilhelm et la pent t r s des Amphiaraia d'Oropos: r examen de A. P. LIV 7   la lumi re du catalogue IG VII 414 + SEG I 126 // Aristote et Ath nes / ed. par M. P rart. Paris, 1993. P. 295), едва ли может быть признано убедительным: наши источники связывают подобное событие определенно с Филиппом (Paus., I, 34, 1; Schol. in Dem., XVIII, 99, p. 259, 10 Dind.; [Demad.], 9). Однако см. комментарий к надписи N 75 в сборнике Родса/Оборна, где точка зрения Д. Кн пфлера получила поддержку (P. 372 f.); так же: *Rhodes P. J.* A History... P. 319; неопределенно: *Whitehead D.* Commentary // Hypereides. The Forensic Speeches. Oxford, 2000. P. 207 (с дополнительной литературой).*

¹⁴ *Cargill J.* The Second Athenian League. Empire or Free Alliance? Berkeley; Los Angeles; London, 1981. P. 195. Сомнение С. Дмитриева в правдивости сообщения Павсания о роспуске II Афинского морского союза Филиппом после битвы при Херонее (*Dmitriev S.*

и, по-видимому, официально отказаться от притязаний на гегемонию в Эгеиде¹⁵.

На этих переговорах решилась и судьба афинских пленных: они были отпущены Филиппом домой без выкупа, и большинству из них даже была предоставлена необходимая в дороге одежда (Polyb., V, 10, 4; XXII, 16, 2; Diod., XVI, 87, 3; XXXII, 4; Plut. Reg. et imper. apophth., 25, 8, p. 177 f; Just., IX, 4, 5; Schol. in Aristid., XIII, p. 183, 1 Dind.; [Dem.] Epist., III, 12; [Demad.], 9). Устроив таким образом дела с македонским царем, афинская делегация вернулась на родину.

После того как в Афинах стали известны условия предполагаемого мирного соглашения, народное собрание, отдав, очевидно, должное их не слишком большой обременительности для Афинского государства, — это даже признавал Демосфен (XVIII, 231; ср. аналогичные суждения: Aesch., III, 57, 141; 159; Polyb., V, 10, 1–5; IX, 28, 4; XXII, 16, 1 sq.; Plut. Dem., 22), — утвердило представленный текст. Судя по всему, соответствующее постановление было тогда внесено Демадом ([Demad.], 9; ср.: Dem., XVIII, 285), по имени которого и стал позднее называться заключенный мир (Демадов мир)¹⁶. С македонской стороны при ратификации

The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece. Oxford, 2011. P. 80) совершенно безосновательно: будь так, в наших источниках, конечно, сохранилась бы хоть какая-то информация о дальнейшем существовании данного политического объединения (ср. многочисленные ссылки на союзников в речах афинских ораторов, говоривших о событиях до катастрофы 338 г. до н. э.).

¹⁵ Традиционно считается, что в тексте соглашения содержалось еще одно условие: обращенное к Афинам предложение присоединиться к будущей общегреческой лиге (см., к примеру: *Дройзен И.-Г.* История эллинизма / пер. с франц. изд. М. Шелгунова. Т. I. СПб., 1997 (М., 1890). С. 28 сл. (франц. изд.: Paris, 1883). С. 28; *Schaefer A.* Demosthenes... Bd. III. S. 29; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 572; *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. I. S. 265; *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee // SB, Berlin. 1929. N 18. S. 299 (так же во всех последующих работах У. Вилькена, в которых затронут этот сюжет); *Roebuck C.* The Settlements... P. 81; *Schmitt H. H.* Die Verträge... N 402. S. 3; *Sealey R.* Demosthenes... P. 199; *Хабихм X.* Афины... С. 19). Впрочем, как убедительно показал В. Г. Борухович, источники, обычно привлекаемые в данном случае ([Dem.], XVII, 30; Plut. Phoc., 16), не дают никаких оснований для подобного вывода. Действительно, следует полагать, что предложение Демада, о котором сообщает Плутарх, было выдвинуто позднее, в ответ на адресованное к афинянам приглашение Филиппа принять участие в работе намеченного им общегреческого конгресса в Коринфе; что же до оговорки, содержащейся в речи Псевдо-Демосфена, то она, вне всякого сомнения, являлась частью уже общих соглашений, принятых этим самым конгрессом (*Борухович В. Г.* Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения // Учен. зап. Горьковского гос. ун. 1959. Вып. 46. С. 202 сл.); так же: *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс... С. 50, примеч. 18 [= Приложение II]; ср.: *Griffith G. T.* The Reign... P. 609; *Worthington I.* Demosthenes of Athens... P. 262.

¹⁶ Предположение Я. Уорthingтона о том, что в надписи, которая традиционно считается частью афинского варианта общегреческого договора, выработанного на Коринфе-

соглашения присутствовали царевич Александр, Антипатр и, возможно, Алкимах¹⁷, накануне доставившие в город тела павших при Херонее афинян¹⁸ (Polyb., V, 10, 4; XXII, 16, 2; Diod., XVI, 87, 3; XXXII, 4; Plut. Dem., 21; Just., IX, 4, 4; [Plut.] Vitae X or., p. 849 a; Schol. in Aristid., XIII, p. 178, 16 Dind.).

Оценивая так называемый Демадов мир, нельзя не признать, что он оказался в целом сравнительно мягким для Афин. Но все же данный мир не был миром между равными партнерами. В содержании текста мирного договора отчетливо выразилось доминирование македонских интересов: некоторые его условия ощутимо подрывали могущество Афин, ставили город если не в прямую, то, несомненно, в косвенную зависимость от Македонии. В самом деле, с роспуском II Афинского морского союза значительным образом ослаблялось влияние Афин в Эгеиде, что давало македонскому царю теперь прекрасную возможность упрочить здесь собственные позиции. С уступкой Филиппу ранее подвластной афинянам части Херсонеса Фракийского, занимающего ключевое положение в зоне проливов, под македонский контроль попадала вся торговля Афин с Понтом, в том числе и снабжение населения Аттики

ском конгрессе 338/7 г. до н. э., нашел отражение текст именно Демадова мира (*Worthington I. IG II² 236 and Philip's Common Peace of 337 // Greek History and Epigraphy. Essays in Honour of P. J. Rhodes / ed. by L. Mitchell, L. Rubinstein. Swansea, 2008. P. 213 ff.*), интересно, но все же малоубедительно.

¹⁷ Присутствие Алкимаха, сына Агафокла, среди македонских послов хотя точно и не зафиксировано традицией, тем не менее обычно (ввиду тех высоких почестей, которых он несколько позднее удостоился от афинского народа, см. выше) принимается как вполне вероятное (см., в частности: *Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 27; Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München, 1926. N 47. S. 23; Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Oxford, 2006. P. 9 f.*). Заметим к тому же, что именно Алкимах был назначен Александром возглавлять македонскую делегацию в Афины в 335/4 г. до н. э. (*Berve H. Das Alexanderreich... I. c.*). Возможно, подобное назначение было обусловлено, помимо всего прочего, и тем обстоятельством, что Алкимаху уже приходилось исполнять роль посла к афинянам в 338 г. до н. э.

¹⁸ Дж. Эллис, впрочем, считает, что посольство Филиппа прибыло в Афины не на заключительном этапе переговорного процесса, а вначале, сразу вслед за прибытием в город Демада. По мнению исследователя, через своих послов, доставивших в Афины тела погибших, македонский царь сообщил афинским гражданам о готовности вернуть на родину пленных без выкупа. Только после этого, согласно Дж. Эллису, в лагерь Филиппа и было отправлено посольство афинян для дальнейших переговоров. См.: *Ellis J. R. 1) Philip II... P. 199; 2) Macedonian Hegemony... P. 782; так же: Worthington I. 1) Philip II of Macedonia. P. 155; 2) Demosthenes of Athens... P. 256; ср.: McQueen E. I. Diodorus Siculus... P. 165.* Следует, впрочем, указать в данной связи, что хотя предложенная Дж. Эллисом реконструкция соответствующих событий и не лишена оригинальности, все же она из-за очевидного противоречия с информацией наших источников, как кажется, едва ли способна считаться убедительной.

черноморским хлебом, что должно было впредь сдерживать афинян от враждебных демаршей против Македонии. На передаче Афинам Оропа также лежала печать македонской выгоды: подобное «подношение» было явно призвано поссорить афинян и беотийцев, сделать проблематичным сближение этих наиболее мощных греческих государств в будущем. С другой стороны, та обходительность, с которой Филипп отнесся к Афинам, не могла не способствовать, в особенности в первое время после заключения мира, увеличению в самом городе политического веса его сторонников (судебные процессы против Демосфена и Гиперида: Hyperid. Contra Aristog., fr. 27–39 Burt; Dem., XVIII, 249 sq.; [Dem.], XXVI, 11; Plut. Dem., 21; [Plut.] Vitae X or., p. 848 f — 849 a; Suda, s. v. Ἀριστοφάνη). Помимо того, до известной степени укреплялся здесь и личный авторитет македонского царя: афиняне почтили Филиппа бронзовой статуей (Paus., I, 9, 4)¹⁹, даровали ему и его сыну Александру права афинского гражданства (Plut. Dem., 22; Schol. in Aristid., XIII, p. 178, 16 Dind.), наградили проксенией и правами гражданства Антипатра и Алкимаха (Tod, 180; Hyperid. Contra Demad., fr. 77 Burt)²⁰, предоставили проксению некоему македонянину, который, по-видимому, оказал помощь афинским послам во время переговоров с Филиппом о мире (Ditt. Syll.³, 262 = Tod, 181); Демад, возможно, даже внес предложение обожествить Филиппа, впрочем, оно было отклонено (Apsines. Ars Rh., p. 470 Speng.)²¹, как было отклонено и его предложение наградить проксенией

¹⁹ Так как единственным царем, которому афиняне до того воздвигли статую в своем городе, был Эвагор Кипрский, подобная почесть Филиппу, надо полагать, знаменует собой следующий шаг в развитии здесь практики такого рода (*Krull I. Athens and the Hellenistic Kings* (338–261): *The Language of the Decrees* // CQ. 2000. Vol. 50. P. 115).

²⁰ В связи с указанным фрагментом речи Гиперида, который сохранился у Гарпократона в следующем виде: «Алкимаха и Антипатра мы сделали афинскими гражданами и проксенами» (s. v. Ἀλκιμαχος), А. Вильгельм замечает, что, поскольку в Афинах того времени гражданство и проксения не давались совместно, лишь один из этих македонских вельмож стал гражданином, а другой — проксеном (*Wilhelm A. Beschlüsse der Athener aus dem Jahre des Archon Apollodoros 319/8 v. Chr.* // JÖAI. 1908. Bd. 11. S. 91 f.). Ввиду того что до нас дошла афинская надпись о предоставлении Алкимаху проксении (Tod, 180 с комментарием), есть, по-видимому, необходимость уточнить замечание А. Вильгельма (если, конечно, оно верно): гражданские права в Афинах получил Антипатр, а проксению — Алкимах. Ср.: *Beloch K. J. Griechische Geschichte*. Bd. III. Abt. I. S. 573.

²¹ Заметим, однако, что историчность подобного предложения Демада обычно оспаривается современными исследователями (см., к примеру: *Griffith G. T. The Reign...* P. 692, n. 2; ср.: *Schaefer A. Demosthenes...* Bd. III. S. 32, Anm. 1; *Habicht Ch. Gottmenschen und griechische Städte*. München, 1956. S. 13). О предложенных тогда Демадом почестях Филиппу см. также: [Demad.], 9. В целом об оказанных почестях Филиппу и Александру в Афинах в это время: *Kotsidu H. ΤΙΜΗ ΚΑΙ ΔΟΞΑ*. Ehrungen für hellenisti-

олифянина Эвфикрата, судя по Гипериду, предателя родного города и пособника македонского царя (Hyperid. Contra Demad., fr. 76 Burt)²².

Однако все эти оказанные афинским народом почести несли на себе, по-видимому, слабый отпечаток искренности. Для большинства граждан было теперь предельно ясно, что истинным хозяином в Греции стал Филипп. Показательны в данном случае слова Ликурга, который, говоря об убитых при Херонее, заметил: «...в них одних только сохранилась свобода Эллады. Ведь когда они расстались с жизнью, была поработлена и Эллада, а вместе с их телами была погребена и свобода остальных эллинов» (In Leogr., 50 — пер. Т. В. Прушакевич). При этом весьма характерно, что афиняне в тот момент с большой охотой давали убежище в своем городе политическим изгнанникам из других греческих полисов, которые вынуждены были в новой ситуации покинуть родину (см. ниже). Характерен также и тот факт, что для произнесения погребальной речи над останками павших афинян граждане тогда выбрали именно Демосфена (Aesch., III, 152; Dem., XVIII, 285; Plut. Dem., 21). На могиле одного из погибших была следующая надпись:

Время, всевидящий бог, все дела наблюдающий смертных,
Всюду о нашей беде людям ты весть Расскажи,
Как мы, пытаясь спасти сей Эллады священную землю,
Пали на славных полях там в Беотийском краю.

(Tod, 176 — пер. наш; ср.: Anth. Pal., VII, 265)

sche Herrscher im griechischen Mutterland und in Kleinasien unter besonderer Berücksichtigung der archäologischen Denkmäler. Berlin, 2000. KNr.: 1 [L], 3 [L] с комментариями.

²² Оценку Демадова мира ср.: Grote G. B. History of Greece. Vol. XI. P. 699 f.; Κύρις Э. История Греции. Т. III. С. 709 сл.; Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 29 f.; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 572 f.; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 364 s.; Roebuck C. The Settlements... P. 81 f.; Cloché P. 1) Un fondateur d'empire... P. 267 s.; 2) Histoire de la Macédoine jusqu'à l'avènement d'Alexandre le Grand (336 avant J.-C.). Paris, 1960. P. 239 s.; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 50 [= Приложение II]; Cawkwell G. Philip of Macedon. P. 167; Griffith G. T. The Reign... P. 606-609. Для оценки настроений, царивших в Афинах после Демадова мира, в частности, см.: Ellis J. R. Philip II... P. 200; Errington R. M. A History of Macedonia. P. 84 f.; Worthington I. 1) Philip II of Macedonia. P. 157; 2) Demosthenes of Athens... P. 257 f. Дополнительную информацию в этой связи, возможно, способен представить еще один эпиграфический документ: восстанавливаемая путем соединения двух стел часть декрета, предложенного афинянином Архедиком из дема Ламптрени по поводу необходимости почтения «друзей царя и Антипатра» (впрочем, датировка этого декрета данным временем отнюдь не бесспорна); восстановление документа и соответствующий комментарий к нему: Tracy S. V. De Antipatro et Archedico Lamptrensi. IG II² 402 + Agora I 4990 // Hesperia. 1993. Vol. 62. P. 249 ff.; также см.: Tracy S. V. Athenian Democracy in Transition. Attic Letter-Cutters of 340-290 B. C. Berkeley; Los Angeles, 1995. P. 7 f.

Обращаясь еще раз к соглашению между Филиппом и Афинами, остановим теперь свое внимание на том, что, по Диодору, стороны в данном случае заключили друг с другом «дружбу и военный союз» (XVI, 87, 3: φίλιν τε καὶ συμμαχίαν). Подобное замечание Диодора, а точнее его замечание относительно заключения в тот момент военного союза, не находит, однако, подтверждения у других античных авторов: сообщение Юстина в этой связи подразумевает только заключение «мира и дружбы» (IX, 4, 5 — [sc. Philippus]... *Alexandrum filium cum amico Antipatro, qui pacem cum his amicitiamque iungeret*, Athenas misit); фраза же Полибия, согласно которой Филипп, проявив к афинянам великодушие, «обратил их из врагов в готовых на все соратников» (V, 10, 5: πρὸς πάντας τοὺς αὐτοὺς ἔσχε συναυσιωστὰς ἀντὶ πολεμίων), из-за своего слишком общего характера, как кажется, едва ли может считаться надежной опорой для выражения Диодора. Впрочем, указанное выше свидетельство сицилийского историка обычно не оспаривается в современной научной литературе и настоящий договор чаще всего интерпретируется как договор о мире и симмахии²³. Вместе с тем уже В. Шван, затронувший этот сюжет в связи с темой Коринфской лиги, поставил под сомнение заключение тогда наряду с миром военного альянса²⁴. Против В. Швана, правда, вскоре выступил Ф. Хампл, с целью поддержания своей концепции о Коринфской лиге опять вернувшийся к суждению о достоверности сообщения Диодора. С точки зрения Ф. Хампля, Коринфская лига базировалась исключительно на одном соглашении — об общем мире, военными же союзниками македонского царя ее греческие участники стали якобы на основании соответствующих договоров, заключенных Филиппом с каждым государством в отдельности непосредственно после сражения при Херонее, — именно в рамках этого процесса, по мнению немецкого историка, и появился договор о симмахии с Афинами²⁵. Тем не менее впоследствии К. Реубак, развив тезис В. Швана, снова высказался против истолкования интересующего нас соглашения как соглашения о мире и симмахии. Свое суждение о том, что это был лишь договор о мире, К. Реубак обосновывал следующим образом:

²³ См., к примеру: *Schaefer A.* Demosthenes... S. 27; *Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien... S. 299; *Glötz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. III. P. 364; *Wüst F. R.* Philipp II. von Makedonien... S. 168; *Колобова К. М.* Афины в борьбе за независимость. С. 221; *Schmitt H. H.* Die Verträge... N 402. S. 1–3; *Fine J. V. A.* The Ancient Greeks... P. 675; *Hammond N. G. L.* Philip of Macedon. P. 157.

²⁴ *Schwahn W.* Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. Leipzig, 1930. S. 36, Anm. 3.

²⁵ *Hampl F.* Die griechischen Staatsverträge des IV. Jahrhunderts v. Chr. Geb. Leipzig, 1938. S. 52 ff.

во-первых, среди восстанавливаемых условий договора между Филиппом и Афинами нет ни одного характерного для соглашений о симмахии; во-вторых, заключение военного альянса с Афинами, равно и заключение македонским царем подобных альянсов с другими полисами, являлось бы просто излишней процедурой перед принятием в Коринфе общего договора о военном союзе²⁶.

Аргументацию К. Реубака все же трудно признать убедительной. Что касается первого аргумента, то само по себе отсутствие в реконструируемом варианте сепаратного соглашения статей, предполагающих установление между Филиппом и Афинами военного союза, еще не дает права отрицать, ввиду весьма приблизительной реконструкции текста, существование таковых в подлинном варианте договора. Что касается второго аргумента, то, считая Коринфскую лигу, по сути как и К. Реубак²⁷, симмахией гегемонистского типа, базирующейся на общем мире, заметим, что, поскольку соответствующие образования обычно основывались на сети предварительных двусторонних симмахий между будущим гегемоном и его партнерами (к примеру, II Афинский морской союз), установление, а точнее восстановление Филиппом расторгнутых в 340 г. до н. э. союзнических отношений с Афинами стоит видеть отнюдь не лишним, но, наоборот, вполне логичным актом в преддверии общих коринфских соглашений.

Впрочем, не нужно думать, что процесс заключения македонским царем сепаратных соглашений о военном альянсе затронул после Херонейского сражения все эллинские республики без исключения, как на то указывал Ф. Хамплъ. Кажется совершенно бессмысленным повторное установление Филиппом подобного рода отношений с государствами, итак являвшимися тогда его союзниками, т. е. с теми, которые или активно помогали македонскому царю в состоявшейся войне, или оказались в ней нейтральными²⁸. Иначе говоря, следует полагать, что двусторонние договоры о симмахии заключались в тот момент Филиппом только с теми греческими общинами, которые или ранее разорвали с ним союзнические отношения, или таковых с македонским царем никогда не имели, т. е. со всеми членами побежденной антимакедонской коалиции (в данном случае вместе с договорами о мире) и, возможно, с остальными государствами, еще не связанными с Филиппом соглашениями о военном альянсе²⁹.

²⁶ Roebuck C. The Settlements... P. 73 f., 82, 89.

²⁷ Roebuck C. The Settlements... P. 74.

²⁸ Подробно о расстановке сил в Греции перед битвой при Херонее см.: Roebuck C. The Settlements... P. 75 f.

²⁹ Ср.: Griffith G. T. The Reign... P. 608 f.; Jehne M. Koine Eirene... S. 143, 146.

Вернемся теперь к нашему общему изложению. Совсем иначе, чем с Афинами, Филипп обошелся с другим своим основным противником в недавней кампании — возглавляемым Фивами Беотийским союзом: в данном случае македонский царь продиктовал побежденной стороне чрезвычайно суровые условия мира, которые она, — по всей видимости, не имея тогда иного выбора, — была вынуждена принять (Diod., XVI, 87, 3; Ael. Var. hist., VI, 1; ср.: Just., IX, 4, 6–10).

К сожалению, источники не дают возможности точно воспроизвести процедуру заключения мира. К. Реубак полагает, что сразу вслед за своей победой Филипп пришел к мирному соглашению исключительно с Фивами и лишь затем, когда этот полис оказался в его власти, — с Беотийским союзом в целом³⁰. Подобным образом исследователь пытается, в частности, объяснить существующее расхождение в традиции: у Юстина (IX, 4, 6–10) и Элиана (Var. hist., VI, 1) при данных обстоятельствах фигурируют фиванцы, а у Диодора — беотийцы (XVI, 87, 3). Впрочем, кажется неверным придавать слишком большое значение терминологии Юстина и Элиана, для которых Фивы — тогдашний гегемон союза, могли вполне ассоциироваться со всей Беотией; между тем Диодор оказывается, возможно, просто более точным, упоминая не фиванцев, а именно беотийцев. В свою очередь, не видится и каких-либо особых причин для того, чтобы македонский царь стал в то время усложнять процесс заключения мира до такой степени, что растянул его в два приема. Скорее, очевидно, стоит считать, что стороны пришли к мирному договору только однажды, и этот мирный договор единственный урегулировал их отношения после Херонейской битвы³¹.

Что касается решения вопроса о попавших в македонский плен и погибших при Херонее беотийцах, то Филипп занял по данному поводу весьма жесткую позицию, взыскав за выдачу тех и других выкуп (Just., IX, 4, 6)³². В соответствии же с условиями достигнутого тогда мира было сделано следующее³³: по-видимому, как и в случае с Афинами, между Филиппом и Беотийской федерацией, которая, судя по всему, осталась

³⁰ Roebuck C. The Settlements... P. 79 f.

³¹ Сомнения по поводу вышеизложенной точки зрения К. Реубака высказывает также Г. Гриффит (Griffith G. T. The Reign... P. 610, n. 3).

³² По-видимому, исключение было сделано им только для павших на поле боя фиванцев из «священного отряда» (Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 156).

³³ Относительно мер, предпринятых Филиппом против Беотии, далее ср.: Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 18 f.; Лырь С. Я. Беотийский союз. СПб., 1914. С. 249; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 361; Roebuck C. The Settlements... P. 79 f.; Clotché P. Un fondateur d'empire... P. 266; Пролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 48 [= Приложение II]; Griffith G. T. The Reign... P. 610 f.; Кумерзин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. Саранск, 1991. С. 151 сл.; Errington R. M. A History of Macedonia. P. 85;

существовать (см. ниже), заключался военный союз; Кадмею, акрополь Фив, оккупировал македонский гарнизон (Diod., XVI, 87, 3; XVII, 3, 4; 8, 3–4; 7; 12, 5; Arr. Anab., I, 7, 1; 9–10; 8, 6; 9, 9; Plut. Alex., 11; Dem., 23; Paus., IX, 1, 8; 6, 5; ср.: Din., I, 19); не только фиванские, но, вероятно, и прочие беотийские олигархи, изгнанные ранее демократами, были возвращены на родину; в Фивах по инициативе Филиппа из числа 300 олигархов образовался правящий совет и суд, который немедленно расправился с демократическими лидерами, частью предав их смерти, частью изгнав из отечества, в то время как имущество репрессированных было конфисковано (Just., IX, 4, 7–10); в остальных беотийских полисах власть, следует подозревать, также перешла в руки олигархических элементов, учинивших явно и здесь расправу над демократами.

Территориальные потери Беотии, правда, были незначительными: от беотийской территории в пользу афинян была отторгнута область Оропа (см. выше) и, очевидно, тогда же в пользу эвбейцев — часть прибрежной полосы напротив Халкиды (Strab., IX, 2, 3, p. 403; X, 1, 8, p. 447)³⁴; захваченная беотийцами в 339 г. до н. э. крепость Никея была теперь, несомненно, возвращена ее прежним владельцам — эпикнемидским локрам³⁵.

Таким образом, успех македонского оружия при Херонее обернулся для Беотийского союза, и в особенности для его главы — Фив, крайне тяжелыми последствиями.

Вместе с тем позволим себе не согласиться с рядом исследователей, представляющих подобную участь Беотии (Фив) не более чем реализо-

Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 156; Corvisier J.-N. Philippe II... P. 255; Buckler J. Aegean Greece... P. 507.

³⁴ Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 37; Brunt P. A. Euboea in the Time of Philip II // CQ. 1969. Vol. 19. P. 264.

³⁵ По окончании III Священной войны в 346 г. до н. э. крепость эпикнемидских локров Никея, занимавшая стратегически важное положение в районе Фермопил, согласно решению Совета амфикиононов, была оккупирована фессалийским гарнизоном (Aesch., II, 132 sq.; III, 140; Dem., VI, 22). Очевидно, в 342 г. до н. э. фессалийцев заменил македонский отряд, который контролировал крепость, вероятно, до 339 г. до н. э., когда она была захвачена войсками Беотийского союза. Пемногим позже Совет амфикиононов, несомненно, под влиянием македонского царя, постановил вернуть Никею эпикнемидским локрам (Philoch. ap. Didym., col. 11 = Fgr Hist 328 F 56 b) (тем самым, стоит полагать, Филипп надеялся снискать к себе расположение последних). Впрочем, беотийцы не вняли этому требованию и, присоединившись к антимакедонской коалиции, удерживали крепость, судя по всему, вплоть до своего поражения при Херонее. Однако теперь Филиппу, очевидно, ничто не мешало, выступив еще раз вершителем решений амфикиононов, передать Никею ее законным владельцам. Об истории Никей в данной связи см., в частности: Griffith G. T. The Reign... P. 587 ff.; Sánchez P. L'Amphictionie des Pyles et de Delphes. Recherches sur son rôle historique, dès origines au IIe siècle de notre ère. Stuttgart, 2001. P. 213 ss.; Harding Ph. Commentary // Didymos: On Demosthenes. Oxford, 2006. P. 224 ff.

ванным стремлением Филиппа наказать беотийцев (фиванцев) за ту неверность, которую они выказали ему в 339 г. до н. э., когда вопреки союзническим обязательствам перед Македонией³⁶ оказались на стороне Афин³⁷. Конечно, то, что Беотийская федерация примкнула в состоявшейся войне к антимакедонскому блоку и, играя в нем ведущую роль, активно боролась со своим бывшим союзником, не могло при решении Филиппом судьбы разгромленных беотийцев совершенно остаться без его внимания. Однако весьма сомнительно, чтобы данная сторона дела являлась тогда определяющей. В первую очередь, надо думать, македонский царь исходил все же здесь из соображений собственной выгоды, как раз и побудившей его действовать в отношении Беотии столь безжалостным образом. Цели подобного поведения Филиппа очевидны: с одной стороны — преподать тем самым наглядный урок другим грекам, боровшимся против него в настоящей войне; с другой стороны (наиболее важное) — поставить Беотийское государство в положение впредь максимально безвредное для политических интересов Македонии³⁸.

Вполне естественно поэтому, что особенно мощный удар пришелся тогда именно по Фивам — основному ядру Беотийского союза, его главной направляющей, консолидирующей и военной силе³⁹. Одновременно

³⁶ Военный союз Филиппа с Беотийской федерацией был заключен в какое-то время между 351 и 347 г. до н. э. (*Bengtson H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. (Die Staatsverträge des Altertums. Bd. II). München, 1962. N 327. S. 310.*)

³⁷ Так, к примеру, представляют дело: *Курциус Э.* История Греции. Т. III. С. 704; *Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 18; Pickard-Cambridge A. W. Macedonian Supremacy... P. 264; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 361; Шофман А. С.* История античной Македонии. С. 270; *Борухович В. Г.* Концеп свободной Греции // Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993. С. 568; *Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 156. P. 224; Worthington I. Philip of Macedonia. P. 154; Gabriel R. A. Philip II of Macedonia. P. 224.* В свою очередь, предположение Дж. Коквелла, что суровость Филиппа обуславливалась личной ненавистью, которую якобы питал македонский царь к Фивам со времени его пребывания там в качестве заложника (аналогично: *Worthington I. Philip of Macedonia. I. c.*), едва ли существенно: особых причин для того, чтобы македонский царь испытывал, тем более долгие годы хранил в своем сердце подобную ненависть, как представляется, не существовало (о пребывании Филиппа в Фивах особенно см.: *Griffith G. T. The Reign... P. 203 ff.*); кроме того, сомнительным выглядит и его предположение, что Филипп реализовал в данном случае свой гнев на Фивы за оказанную ими военную помощь персам в Египте в 344/3 г. до н. э. (*Diod., XVI, 44, 1-2*): поскольку, поступив так, фиванцы не нарушили никаких договоренностей с македонским царем (при этом война против Персии еще не была официально объявлена), винить ему их в данном случае, а тем более применять к ним определенные санкции (как и к аргивянам, которые также оказали тогда подобную поддержку персам) было явно не за что; см.: *Cawkwell G. Philip of Macedon. P. 168.*

³⁸ Ср.: *Ellis J. R. Philip II... P. 199.*

³⁹ Далее относительно мер против Фив ср.: *Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 18 ff.; Лурье С. Я.* Беотийский союз. С. 249; *Bury J. B. A History of Greece... P. 732; Пёльман P.*

с тем, что сами Фивы были отданы во власть промакедонски настроенных олигархов, опиравшихся на установленный в Кадмее македонский гарнизон, Филипп предпринял также шаги к тому, чтобы разрушить режим исключительного фиванского преобладания в Беотийской федерации, при котором она, несомненно, представляла бы для него потенциальную опасность: полисам Беотии, по всей видимости, возвращалась практически ими уже утраченная автономия, которую они, однако, могли осуществлять впредь только в рамках сохраненной федерации; явно ликвидировалось господство Фив в союзных учреждениях; по инициативе Филиппа началось восстановление и водворение на родину жителей некогда разрушенных фиванцами Платей, Орхомена и Феспий, в прошлом постоянных соперников Фив (Paus., IV, 27, 10; IX, 1, 8; 37, 8; Dio Chrys., XXXVII, 42⁴⁰; при Александре: Plin. H.N., XXXIV, 66; Plut. Alex., 34; Aristid., 11; Arr. Anab., I, 9, 10; ср.: Diod., XVII, 13, 5; Just., XI, 3, 8)⁴¹.

В результате Фивы совершенно утратили свое доминирующее влияние в Беотии, были низведены македонским царем до положения по сути дела рядовой беотийской общины, к тому же поставленной под его жесткий контроль. Кроме того, вследствие возрождения в регионе старых антифиванских центров, а также вследствие предоставления беотийским

Очерк греческой истории и источниковедения / пер с 4-го нем. С. А. Князькова под ред. С. А. Жебелёва. СПб., 1910. С. 287 (нем. изд.: Berlin, 1909). С. 287; *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. I. S. 569; Pickard-Cambridge A. W. Macedonian Supremacy... P. 264; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 361; Wüst F. R. Philipp II. von Makedonien... S. 169; Roebuck C. The Settlements... P. 79 f.; Ellis J. R. Philip II... P. 201; Кондратиюк М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30-20-х гг. IV в. до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 30; Griffith G. T. The Reign... P. 610 f.; Кумерзин В. Ф. Беотийский союз... С. 151 сл.; Sealey R. Demosthenes... P. 199; Jehne M. Koine Eirene... S. 142 f.; Errington R. M. A History of Macedonia. P. 85; Engels J. Philipp II. und Alexander der Grosse. S. 37 f.; Worthington I. 1) Philip of Macedonia. P. 154; 2) Demosthenes of Athens... P. 255; Gabriel R. A. Philip II of Macedonia. P. 226. Не исключено, что на то же была направлена и предпринятая Филиппом акция с переносом останков беотийского героя Липпа из Фив в Македонию (Paus., IX, 29, 8): возможно, это был символический жест, который должен был показать, что отныне не Фивы, а македонский монарх является покровителем беотийцев (*McQueen E. I. Diodorus Siculus... P. 166; Corvisier J.-N. Philippe II... P. 255*).*

⁴⁰ По поводу данного свидетельства Диона ср.: *Kotsidu H. ΤΙΜΗ ΚΑΙ ΔΟΞΑ. ΚΝρ.: *316 [L]* с комментарием.

⁴¹ О разрушении этих городов Фивами: *Buckler J. The Theban Hegemony, 371–362 BC. Harvard, 1980. P. 22, 182 ff.* Следует, однако, отметить, что их восстановление только началось при Филиппе; продолжение же подобный процесс получил уже в правление Александра (*Bosworth A. B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford, 1980. P. 91*; кроме того, относительно Платей в данной связи см.: *Wallace S. The Significance of Plataia for Greek *eleutheria* in the Early Hellenistic Period // Creating a Hellenistic World / ed. by A. Erskine, L. Llewellyn-Jones. Swansea, 2011. P. 147 ff.*).

городам известной политической самостоятельности, неизбежно отдалившей их от прежнего центра, и при том, что профивански ориентированные провинциальные демократы были на местах подавлены, Фивы оказались в Беотии в некоторой изоляции⁴². Вместе с тем своими действиями против Фив Филипп снискал к себе расположение определенной части беотийцев, прежде всего разного рода враждебных к ранее существовавшему порядку элементов (возможно, достаточно многочисленных), которые, найдя поддержку со стороны македонского царя, сделали теперь его основной внутренней опорой в регионе⁴³.

Прекрасной иллюстрацией резкого падения власти фиванцев в Беотии может служить тот факт, что на очередном заседании коллегии наопеев в Дельфах (осень 338 г. до н. э.) традиционно фиванские места были уже заняты представителями других беотийских полисов — Танагры и Феспий⁴⁴.

Все это, конечно, не могло не отразиться соответствующим образом на настроениях большинства фиванцев: даже несмотря на то, что фиванские демократические лидеры были казнены или отправлены в изгнание, в Фивах, однако, сохранилось весьма сильное недовольство происходящим (ср.: *Din.*, I, 19). Особенно примечательна в данной связи надпись, которая была высечена на могильной плите современника настоящих событий, некоего фиванца Аристона:

Горя, как друг, заключила, Аристон, тебя в свое лоно,
Давши счастливо тебе лучшие годы прожить.
Право ж, награда пришла как раз в подходящее время:
Жизнь наша стала тюрьмой — ты же на волю ушел.

(IG, VII, 2534 — пер. В. Г. Боруховича)⁴⁵.

Что же касается Беотийского союза, то весьма часто в научной литературе утверждается, что он после битвы при Херонее был по инициативе Филиппа распушен⁴⁶. На наш взгляд, однако, данная точка зрения

⁴² Изоляция Фив особенно ярко проявила себя в 335 г. до н. э., когда во время своего выступления против Македонии фиванцы оказались перед лицом врага в Беотии в полном одиночестве.

⁴³ Ср.: *Кондратьев М. А.* Коринфская лига... С. 30, где, как кажется, слишком преувеличивается недовольство беотийских полисов фиванским господством и, исходя из этого, поддержка ими македонского царя.

⁴⁴ *Cloché P.* Les Naopes de Delphes... P. 123, 125; ср.: *Ellis J. R.* Philip II... P. 135.

⁴⁵ *Борухович В. Г.* Концы свободной Греции. С. 570.

⁴⁶ См., в частности: *Дройзен И.-Г.* История эллинизма. Т. I. С. 28; *Schaefer A.* Demosthenes... Bd. III. S. 18; *Bury J. B.* A History of Greece... P. 732; *Glötz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. III. P. 361; *Шофман А. С.* 1) История античной Македонии. С. 270; 2) Последние

представляется маловероятной. С одной стороны, в традиции ничего не сообщается о каких-либо мерах, предпринятых македонским царем против союзной организации беотийцев. С другой стороны, Аристан в связи с изложением им событий фиванского восстания 335 г. до н. э. упоминает действовавших тогда беотархов (Αναβ., I, 7, 11); Гиперид в своей речи против Демосфена указывает на функционирование в 324 г. до н. э. в Беотии союзных собраний (Contra Dem., 18 Burt)⁴⁷; сохранение Беотийского союза подтверждается и нумизматическим материалом: на монетах этой поры вычеканено ΒΟΙ, ΒΟΙΩ или ΒΟΙΩΤΩΝ⁴⁸.

И хотя мы располагаем подобными сведениями только для времени Александра, едва ли стоит вслед за некоторыми исследователями думать, что Беотийский союз был сначала уничтожен Филиппом в 338 г. до н. э., а затем, в 335 г. до н. э., восстановлен его царственным сыном⁴⁹: во-первых, для этого не видится каких-то особых оснований; во-вторых, также как и факт роспуска союза Филиппом, факт его возрождения Александром совершенно не отмечен в источниках.

Таким образом, Беотийский союз, скорее всего, вообще не распускался и соответственно не восстанавливался в интересующее нас время⁵⁰.

Действительно, после того как Филипп покончил с господством фиванцев в Беотийском союзе, у македонского царя, как кажется, уже не было острой необходимости в уничтожении лишившейся своего могущественного и в то же время агрессивного лидера, ослабленной,

дипломатические акции Филиппа II. С. 21; *Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C.*³ Oxford, 1987. P. 570 (ср.: *Hammond N. G. L. Philip of Macedon*. P. 156); *Κυτρεμ Β. Φ. Беотийский союз...* С. 151; *Dmitriev S. The Greek Slogan of Freedom...* P. 80 ff.

⁴⁷ Правда, из-за порчи папируса это указание спорно: [καὶ Β]οι[ω]τῶ[ν] – восстановление Ф. Бласса, которому обычно и следуют; вместе с тем Ж. Колен предпочитает [καὶ τ]οι[οῦ]τῶ[ν], что, однако, выглядит менее убедительным. Относительно данного пассажа в речи Гиперида см. особенно: *Whitehead D. Commentary*. P. 414 ff. (с литературой).

⁴⁸ *Head B. V. Historia Nummorum. A Manual of Greek Numismatics*². Oxford, 1911. P. 352. Кроме того, см.: *Martin Th. R. Sovereignty and Coinage in Classical Greece*. Princeton, 1985. P. 166 f.

⁴⁹ Так, к примеру, считает С. Я. Лурье (*Лурье С. Я. Беотийский союз*. С. 249, 251).

⁵⁰ Аналогичного взгляда на судьбу Беотийского союза придерживаются: *Beloch K. J. Griechische Geschichte*. Bd. III. Abt. 2. S. 353; *Roebuck C. The Settlements...* P. 80; *Фролов Э. Д. Коринфский конгресс...* С. 18 [= Приложение II]; *Ellis J. R.* 1) Philip II... P. 201; 2) Macedonian Hegemony... P. 783; *Bengtson H. Griechische Geschichte*. S. 325, Anm. 2; *Кондратьев М. А. Коринфская лига...* С. 38; *Cawkwell G. Philip of Macedon*. P. 168; *Griffith G. T. The Reign...* P. 611; *Errington R. M. A History of Macedonia*. P. 85; *Hornblower S. The Greek World, 479–323 B. C.* London; New York, 1991. P. 259; *Sealey R. Demosthenes...* P. 199; *Jehne M. Koine Eirene...* S. 142; *Corvisier J.-N. Philippe II...* P. 255; *Buckler J. Aegean Greece...* P. 507; *Rhodes P. J. A History...* P. 318; *Worthington I. Philip of Macedonia*. P. 154; *Gabriel R. A. Philip II of Macedonia*. P. 226.

зависимой, а значит, не представляющей теперь для него непосредственной угрозы федерации. Более того, Филиппу даже было выгодно сохранить Беотийский союз, чтобы посредством него создать противовес остальным государствам Средней Греции и, не дав последним таким образом слишком усилиться, обеспечить на будущее в данном регионе удобное для себя политическое равновесие. К тому же сохранение Беотийской федерации было на руку Филиппу потому, что, только оказываясь нераспущенной, она была в состоянии являть собой определенную потенциальную опасность для своих соседей, а следовательно, служить дополнительной гарантией их лояльности в отношении македонского царя. Ко всему прочему Филипп мог вполне рассчитывать на то, что сохраненная им федерация будет служить его целям, станет впредь его верным и преданным союзником: в значительной степени децентрализованная, с македонским гарнизоном, расположенным в сильнейшем полисе Беотии, с правительствами из сторонников Филиппа во главе отдельных городов, с частью населения этих городов, предпочитающей македонскую гегемонию фиванской, — такая Беотийская федерация должна была теперь покорно следовать в русле державной политики Македонии.

Вместе с тем, стремясь совершенно предупредить возможность чрезмерного возвышения Беотийского союза в дальнейшем, Филипп позаботился о том, чтобы окончательно подорвать влияние беотийцев в Центральной Греции. Одновременно македонским царем были предприняты шаги и по упрочению здесь своего собственного положения.

Так, в непосредственной близости от Беотии при решительном содействии Филиппа возрождается если совсем не уничтоженная, то находившаяся после III Священной войны в крайне жалком состоянии Фокидская федерация⁵¹: союзная организация фокидян была, по-видимому, полностью реанимирована; восстановление фокидских городов, начатое еще до Херонейской битвы, — Филиппом в северных районах

⁵¹ Остается не совсем ясным, была ли союзная организация фокидян полностью уничтожена в 346 г. до н. э., или же она продолжала функционировать в каком-то объеме и после этого момента (если не была частично восстановлена в конце 40-х гг. IV в. до н. э.). По данному поводу, в частности, ср.: *Schober F. Phokis* // RE. 2. Reihe. Bd. XX. 1941. Sp. 489 f.; *Larsen J. A. O. Greek Federal States*. Oxford, 1968. P. 300; *Griffith G. T. The Reign...* P. 592, п. 2. Так или иначе, но именно с деятельностью Филиппа в 338/7 г. до н. э. следует связывать действительное возрождение федеративной жизни в Фокиде (*Roebuck C. The Settlements...* P. 77 f.; *Ellis J. R.* 1) Philip II... P. 201; 2) *Macedonian Hegemony...* P. 783; *Cawkwell G. Philip of Macedon*. P. 142; *Hammond N. G. L. Philip of Macedon*. P. 158; *Пролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики* (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 255 сл.). Однако см.: *Dmitriev S. The Greek Slogan of Freedom...* P. 65 f.

страны и его греческими противниками в южных (Paus, X, 3, 3; 33, 8; 36, 3; ср.: IV, 31, 5)⁵², — было не только продолжено, но даже облегчено тем, что Совет амфикионов, с явной подачи македонского царя, сократил ежегодный репарационный взнос фокидян в казну храма Аполлона с 60 до 10 талантов (Ditt. Syll.³, 230, С, сткк. 26 sq.)⁵³.

Вернув в результате этих мер к жизни силу, способную служить противовесом Беотийскому союзу, Филипп в то же самое время укрепил в Фокиде македонские позиции: проявленное им благоволение должно было не только поднять авторитет македонского царя в глазах фокидян, в значительной мере нейтрализовав при этом враждебное к нему отношение, но также увеличить в стране политический вес сторонников Македонии и как следствие этого обеспечить за ними ведущую роль в фокидских государственных делах (правда, в последнем случае, возможно, не обошлось и без откровенной поддержки со стороны Филиппа)⁵⁴; к тому же не исключено, что в некоторых полисах Фокиды уже под эгидой македонян были вновь установлены тиранические режимы, в свою очередь, ставшие македонской опорой в стране⁵⁵; кроме того, привязанность фокидян к Филиппу, надо полагать, определялась в немалой степени и сохранением по соседству с ними Беотийского союза, давнего фокидского оппонента; наконец, то, что Фокида по-прежнему находилась под контролем Дельфийской амфикионии, — ибо фокидяне еще продолжали выплачивать штраф в пользу святилища Аполлона (пусть теперь и уменьшенный), — это обстоятельство также должно было заставлять население страны оставаться послушным воле Филиппа, осуществлявшего фактическое руководство Советом данного религиозного союза эллинов (т. е. Советом амфикионов).

⁵² У Павсания, правда, говорится только о восстановлении фокидских городов афинянами и фиванцами. Однако весьма вероятно, что и Филипп, пытаясь в свою очередь заручиться содействием фокидян в войне, вел себя точно так же в оккупированном им районе Фокиды (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 573, Anm. 4; Schober F. Phokis. Sp. 490; Roebuck C. The Settlements... P. 78; Ellis J. R. Philip II... P. 194 f.; Griffith G. T. The Reign... P. 592 f.; Фролов Э. Д. Греция... С. 255 сл.). Ср.: Jehne M. Koine Eirene... S. 144.

⁵³ Отчеты о предыдущих и последующих выплатах фокидян см.: Ditt. Syll.³, 230–235 (частично: Tod, 172 = Rhodes/Osborne, 67).

⁵⁴ Ср.: Roebuck C. The Settlements... P. 78.

⁵⁵ Возможно, такой тиранический режим был установлен в Элатее (тирания Мнасона, сына Мнасса); см.: Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 39; Heekel W. Who's Who... P. 169; впрочем: Фролов Э. Д. Греция... С. 256, где историчность подобной тирании ставится под сомнение, хотя и не отрицается вероятность существования тогда в Фокиде других «коллаборационистских» тиранических режимов; ср.: Berve H. 1) Das Alexanderreich... Bd. II. N 534. S. 265; 2) Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. I. S. 298 f.; Bd. II. S. 674.

Таким образом, начавшееся возрождение Фокиды не принесло ей политической самостоятельности: эта греческая область и в новых условиях оказалась в прочной зависимости от македонской монархии.

Что касается Восточной Локриды, то ее общины, по всей видимости, признали над собой патронат Филиппа еще до Херонейской битвы (не исключено, что даже участвовали на его стороне в состоявшейся кампании)⁵⁶. Впоследствии македонский царь, несомненно, еще более укрепил здесь свое положение, в частности уже тем, что вновь передал эпикнемидским локрам ранее принадлежавшую им Никею (см. выше); очень может быть, что тогда же Филиппом были как-то поощрены и опунтские локры.

Западная Локрида попала под македонский контроль также до сражения при Херонее, а именно в ходе удачно проведенной Филиппом военной операции против Амфиссы. Обвиненная в святотатстве Амфисса, судя по всему, не подверглась уничтожению, хотя стены города, возможно, и были разрушены⁵⁷; вместе с тем амфиссейцы, бесспорно,

⁵⁶ *Glötz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 357; Roebuck C. The Settlements... P. 75; Ellis J. R. Philip II... P. 196; cp.: Griffith G. T. The Reign... P. 592.*

⁵⁷ Согласно Страбону, получается, что Амфисса после ее захвата Филиппом была полностью разрушена, причем античный автор повествует об этом, как если бы в его время она более не существовала (IX, 3, 4, p. 419; 4, 8, p. 427). Впрочем, другие данные позволяют не согласиться с подобным утверждением Страбона: Диодор совершенно определенно упоминает под 320 г. до н. э. осаду Амфиссы этолийскими войсками (XVIII, 38, 2); явный намек на ее существование в 319 г. до н. э. содержится и в диаграмме Филиппа III Арридея, текст которой приводит тот же Диодор (XVIII, 56, 5); кроме того, мы прекрасно осведомлены о полнокровной жизни этого города и в более позднюю эпоху, в том числе в эпоху Страбона (см., в частности, о монетах Амфиссы: *Head B. V. Historia Nummorum. P. 337*). При этом едва ли будет правильно думать, что Амфисса вначале была полностью уничтожена, а затем — восстановлена: в данном случае весьма показательно, — не считая очевидного отсутствия для того оснований, — сохранившееся посвящение Филиппу, сделанное амфиссейцами в Дельфах (IG, IX, 1, 2, 775). В связи с данной надписью см. особенно: *Arena E. 1) Filippo II e gli Anfissei in un'iscrizione delfica fra terza e quarta guerra sacra (IG IX, 1, 2, 775) // Minima epigraphica et papyrologica. 2004–2005. T. VII–VIII. Fasc. 9–10. P. 211 sgg.; 2) L'εἰκὼν di Filippo II e la dedica degli Anfissei a Delfi (IG, IX, 1, 2, 775) // AM. 2008. T. VII. P. 307 sgg.* Возможно, решение проблемы лежит в следующем — разрушению тогда подверглись лишь какие-то укрепления Амфиссы, сам же город хотя и понес определенное наказание, все же был пощажен. Против разрушения Филиппом Амфиссы выступают: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 567; Glötz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 359; Wüst F. R. Philipp II. von Makedonien... S. 163; Lerat L. Les Locriens de l'Ouest. T. II. Paris, 1952. P. 54; Ellis J. R. Philip II... P. 294, n. 66; Griffith G. T. The Reign... P. 594; Fine J. V. A. The Ancient Greeks... P. 673; Sánchez P. L'Amphictionie des Pyles... P. 238 s.; однако: Дроузен И.-Г. История эллинизма. Т. I. С. 27; Нельман П. Очерк греческой истории... С. 286; Pickard-Cambridge A. W. Macedonian Supremacy... P. 261; Шофман А. С. История античной Македонии. С. 268; Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 157.*

выполнили те требования (если не более жесткие), которые прежде им были предъявлены амфикионами: согласились уплатить в оговоренный срок штраф в казну Дельфийского святилища, вернули некоторых изгнанников, в свою очередь, изгнали ответственных за совершенное кощунство⁵⁸; к тому же на границе со священным участком было проведено (скорее всего, вскоре после битвы при Херонее) новое размежевание земель, осуществленное, естественно, не в пользу амфиссейцев⁵⁹; кроме того, в городе, надо полагать, было теперь установлено, под давлением обстановки, дружественное Филиппу правительство (вероятно, из возвращенных изгнанников). Словом, македонский царь не только исполнил поручение, возложенное на него амфикионами, но в то же время прочно утвердил в Амфиссе свое влияние (очевидно, несколько позднее амфиссейцы — судя по всему, вернувшиеся изгнанники — даже сделали Филиппу посвящение в Дельфах: IG, IX, 1, 2, 775⁶⁰). Вслед за Амфиссой македонскому царю, несомненно, подчинились и остальные полисы озольских локров, хотя не исключено, что некоторые из них перешли на его сторону раньше. Захваченный же македонянами тогда (или вскоре после Херонейской битвы⁶¹) Навпакт, являвшийся владением ахейцев⁶², был, следует думать, передан Филиппом в силу прежнего обещания (Dem., IX, 34) македонскому союзнику — Этолийской федерации (Strab., IX, 4, 7, p. 427; ср.: Theopomp. ap Suda, s. v. φρουρήσεις ἐν Ναυπάκτῳ; Zenob. Prov., VI, 33 = Fgr Hist 115 F 235)⁶³.

⁵⁸ Для данных требований см.: Aesch., III, 129; изгнание святоотатцев было недвусмысленно поддержано еще в 319 г. до н. э. (Diod., XVIII, 56, 5).

⁵⁹ Это известно из надписи, в которой отразилось очередное размежевание, произведенное в 125 г. до н. э. (Ditt. Syll.³, 826, E, col. II, сткк. 30 sq.; col. III, сткк. 7 sq., при архонте в Дельфах Орнихиде, ок. 338/7 г. до н. э.). См. к этому: Lerat L. Les Locriens... T. II. P. 54; также см.: Ager S. L. Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 B. C. California, 1996, N 1 с комментарием).

⁶⁰ См. примеч. 57 выше.

⁶¹ Hohnmann W. Aitolien und die Aitoler bis zum Lamischen Kriege. Diss. Halle, 1908. S. 33 f.

⁶² Об истории Навпакта как владения Ахейского союза см.: Larsen J. A. O. The Early Achaean League // Studies Presented to D. M. Robinson... on His 70th Birthday. Vol. II. Saint-Louis, 1953. P. 807 f.; Merker J. L. The Achaians in Naupaktos and Kalydon in the Fourth Century // Hesperia. 1989. Vol. 58. P. 303 ff.

⁶³ Сведения источников о судьбе Навпакта весьма противоречивы. Вопреки данным Страбона, свидетельство, восходящее к Феопомпу, заставляет видеть в Филиппе, напротив, союзника ахейцев в борьбе за Навпакт: там говорится, что после взятия города Филиппом то ли сами ахейцы уничтожили гарнизон Навпакта, то ли это сделал македонский царь по их решению. Отсюда и неоднозначность в суждениях современных исследователей. Большинство авторов, считая, что во фрагменте Феопомпа содержится ошибка (вместо «ахейцы» надо читать «этолийцы»), склонны думать (традиционная точка зрения), что Навпакт все же был передан македонским царем этолийцам (сведения Страбона

Один из наиболее активных участников антимакедонской коалиции — Эвбейский союз, детище братьев Каллия и Тавросфена, сдался Филиппу — в ряду других побежденных эллинских государств — после поражения греков при Херонее (Ael. Var. hist., VI, 1; Schol. in Aristid., XIII, p. 178, 12 Dind.).

Насколько можно судить, последствия достигнутого на этот раз сепаратного мира оказались следующими: между сторонами, должно быть, заключался военный альянс (см. выше); Халкиду, важнейший стратегический пункт острова, вероятно, с данного момента оккупировал македонский гарнизон (Polyb., XXXVIII, 3 [5], 3; ср.: Arr. Anab., II, 2, 4)⁶⁴; союзная организация эвбейцев, по-видимому, оставалась

поддерживают, например: *Schaefer A.* Demosthenes... Bd. II. S. 559; *Hohmann W.* Aitolien... S. 33 f.; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 567; *Pickard-Cambridge A. W.* Macedonian Supremacy... P. 261; *Glotz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. III. P. 359; *Roebuck C.* The Settlements... P. 77; *Ellis J. R.* Philip II... P. 197, 201; *Cawkwell G.* Philip of Macedon. P. 168; *Merker I. L.* The Achaians... P. 308 ff.; *Corvisier J.-N.* Philippe II... P. 253; ср.: *Lerat L.* Les Locriens... T. II. P. 54 s.). Иное мнение, однако, высказал по этому поводу Б. Босуорт. Нужно доверять фрагменту Феопомпа: Филипп взял Павпакт, чтобы отдать его ахеям. Исследователь объясняет это тем, что Филипп не выполнил своих обещаний и не отдал его этолийцам, поэтому они сами захватили город, введя в него гарнизон (конец 338 г. до н. э.). Итогом была карательная экспедиция, истребление этолийского гарнизона и возвращение Павпакта ахеям (весна 337 г. до н. э.), тогда как Этолийский союз был распущен (*Bosworth A. B.* Early Relations between Aetolia and Macedon // AJAH. 1976. Vol. 1. P. 168 ff.; данное суждение поддержали: *Mendels D.* Aetolia 331–301: Frustration, Political Power and Survival // Historia. 1984. Bd. 33. P. 132; *Hornblower S.* The Greek World... P. 259; *Маринович И. И.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 146). Подобная точка зрения, впрочем, подверглась критике со стороны С. К. Сизова, который, по сути дела, вернулся к традиционному взгляду на судьбу Павпакта (*Сизов С. К.* Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Нижний Новгород, 1990. С. 10, 20, примеч. 6). Но, несмотря на вполне справедливый, по нашему мнению, вывод: Филипп, как и обещал, передал Павпакт этолийцам в 338 г. до н. э., — попытка отечественного историка «примирить» существующее противоречие в источниках, все-таки, как кажется, не выглядит удачной: скорее надо полагать, что во фрагменте Феопомпа действительно присутствует ошибка. Обстоятельную критику точки зрения Б. Босуорта также см.: *Merker I. L.* Op. cit. P. 309 f. Что же касается самого Этолийского союза, то он, как показывают наши источники (к примеру, см.: IG, II/III², 358, стк. 13 – 327/6 г. до н. э.), явно продолжал свое существование при Филиппе и Александре; ср.: *Dmitriev S.* The Greek Slogan of Freedom... P. 84.

⁶⁴ Установление Филиппом гарнизона в Халкиде точно не зафиксировано традицией (сообщение Полибия (XXXVIII, 3 [5], 3), привлекаемое обычно в данном случае, имеет достаточно общий характер). Принимая, однако, во внимание особую стратегическую ценность Халкиды, а также то, что в 333 г. до н. э. она являлась базой македонского наварха Протея (Arr. Anab., II, 2, 4), введение сюда после битвы при Херонее македонского гарнизона представляется весьма вероятным. Так считают: *Schaefer A.* Demosthenes... Bd. III. S. 38; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 573; *Glotz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. III. P. 369; *Cloch  P.* 1) Un fondateur d'empire... P. 268;

нетронутый⁶⁵; кажется, не испытало изменений и политическое устройство отдельных общин (Aesch., III, 103 sq.); со стороны македонского царя не подвергались преследованиям антимакедонски настроенные лица (Aesch., III, 104; Hyperid. Contra Dem., 5 Burt)⁶⁶; к тому же к эвбейской территории, очевидно, тогда была присоединена прибрежная полоса Беотии напротив Халкиды (Strab., IX, 2, 8, p. 403; X, 1, 8, p. 447; см. выше).

Таким образом, неудача в борьбе с Филиппом не обернулась для эвбейцев совершенной катастрофой. Более того, как видно, условия заключенного с победителем мира оказались для них сравнительно мягкими. Однако выиграл от этого мира, разумеется, македонский царь. Даже присоединение к эвбейской территории части беотийской земли было произведено в интересах Филиппа: тем самым, бесспорно, вбивался клин в отношения между бывшими союзниками, беотийцами

2) Histoire de la Macédoine... P. 240; из более новых исследований отметим: Brunt P. A. Euboea... P. 264; Cawkwell G. Philip of Macedon. P. 168; Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford, 1979. P. 687; Jehne M. Koine Eirene... S. 145; Hornblower S. The Greek World... P. 260; Corvisier J.-N. Philippe II... P. 255; Buckler J. Aegean Greece... P. 507, 510; Gabriel R. A. Philip II of Macedonia. P. 226; Müller S. Philip II. P. 178; Worthington I. Demosthenes of Athens... P. 259; см., однако: Griffith G. T. The Reign... P. 612, n. 3; Rhodes P. J. A History... P. 319, где предполагается (хотя, как кажется, и без достаточных на то оснований), что македонский гарнизон был введен в Халкиду позднее, уже в правление Александра; так же: Ellis J. R. 1) Philip II... P. 202 f.; 2) Macedonian Hegemony... P. 783.

⁶⁵ Судьба Эвбейского союза после сражения при Херонее остается все же неясной (ввиду полного молчания источников на этот счет). Вместе с тем, исходя из того обстоятельства, что остальные греческие федерации были сохранены Филиппом (веские доводы по данному вопросу см.: Griffith G. T. The Reign... P. 615; менее убедительно, на наш взгляд: Dmitriev S. The Greek Slogan of Freedom... P. 80 ff.), кажется более правильным полагать, что союзная организация эвбейцев также продолжила свое существование, тем более что она теперь находилась под непосредственным контролем македонского гарнизона. Аналогичного взгляда на судьбу Эвбейского союза придерживаются: Roebuck C. The Settlements... P. 82; Кондопанток М. А. Коринфская лига... С. 38 сл.; Griffith G. T. The Reign... I. c.; Hornblower S. The Greek World... P. 259; Gabriel R. A. Philip II of Macedonia. P. 226; сомневаются: Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 38; Wiist F. R. Philipp II. von Makedonien... S. 174; Шофман А. С. История античной Македонии. С. 271; Brunt P. A. Euboea... P. 264; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 49 [= Приложение II]; неопределенно: Ellis J. R. 1) Philip II... P. 202 f.; 2) Macedonian Hegemony... P. 782 f.; Sealey R. Demosthenes... P. 199; Jehne M. Koine Eirene... S. 144; ср.: Martin Th. R. Sovereignty... P. 177 f.

⁶⁶ Обстоятельную критику противоположного мнения по данному поводу см.: Griffith G. T. The Reign... P. 613 f. (это противоположное мнение высказывают: Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 38; Roebuck C. The Settlements... P. 82; также: Brunt P. A. Euboea... P. 264; Gehrke H.-J. Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1985. S. 41).

и эвбейцами. Тот же факт, что в Халкиде теперь, по-видимому, располагался македонский гарнизон, не оставляет никаких сомнений насчет того, кто стал отныне действительным хозяином на острове. Весьма показательно в данном случае изменение внутривосточной ситуации на Эвбее: хотя антимакедонские лидеры на первых порах и избегли откровенных гонений, даже были способны воздействовать на эвбейские государственные дела (Aesch., III, 104; Hyperid. Contra Dem., 5 Burt), тем не менее постепенно, без сомнения, перевес здесь приобрели промакедонские элементы — надо полагать, именно под их давлением были вынуждены спустя время уйти в изгнание Каллий и Тавросфен, нашедшие прибежище в Афинах, где по предложению Демосфена они получили гражданские права (Aesch., III, 85; 87; Hyperid. Contra Dem., 5 Burt; Din., I, 44)⁶⁷.

Наконец, говоря о Центральной Греции, нельзя не отметить, что мощным оплотом македонского влияния здесь по-прежнему оставалась Пилейско-дельфийская амфикистия. Уже в годы, предшествовавшие Херонейской битве, этот крупнейший религиозный союз эллинов превратился, в сущности, в покорное орудие македонской политики⁶⁸. Между тем после одержанной победы Филипп, судя по всему, поспешил в очередной раз оправдать свое руководство данным объединением: стоит думать, что проведенные им реформы, затронувшие организационно-финансовую сторону жизни амфикистии, еще более укрепили позиции последней в греческом мире и тем самым, в свою очередь, усилили положительное отношение амфикистов к их лидеру, македонскому царю. После этого его и без того огромный вес здесь стал, несомненно, еще значительнее⁶⁹.

Факт разгрома антимакедонской коалиции не замедлил также отразиться и на политической ситуации в Северо-Западной Греции. Акарнанский союз, покорившийся победителю⁷⁰, судя по всему, не был распушен.

⁶⁷ Ср.: Griffith G. T. The Reign... P. 614; однако: Worthington I. A Historical Commentary... P. 208.

⁶⁸ Об этом, в частности, см.: Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. I. Oxford, 1956. P. 233 ff.; но особенно: Sánchez P. L'Amphictionie des Pyles... P. 220 ss.

⁶⁹ Относительно подобных реформ см.: Griffith G. T. The Reign... P. 621 ff.; также: Sánchez P. L'Amphictionie des Pyles... P. 264.

⁷⁰ Не исключено, однако, что Акарнанский союз — несмотря на свое обещание помочь Афинам (340 г. до н. э.) (Aesch., III, 97 sq.) — так официально и не присоединился к антимакедонской коалиции, послав в войско последней лишь добровольцев (показательно, что Акарнания не упомянута в числе афинских союзников: Dem., XVIII, 237, 244; [Plut.] Vitae X or., p. 851 b; Bengtson H. Die Verträge... N 343. S. 331 f.). Возможно, именно эти добровольцы и сражались при Херонее, а затем, после победы

Но в полисах Акарнании власть явно перешла в руки сторонников Филиппа, в то время как здешние антимакедонские лидеры были вынуждены уйти в изгнание (в Афины: Ditt. Syll.³, 259 = Tod, 178 = Rhodes/Osborne, 77; в Этолию: Diod., XVII, 3, 3⁷¹). Аналогичные внутривосточные изменения, надо подозревать, произошли на Керкире и Левкаде⁷², а также в сдавшейся Филиппу Амбракии⁷³ (по-видимому, именно тогда здесь был свергнут демократический строй — Diod., XVII, 3, 3); кроме того, туда был введен македонский гарнизон (Ibid.), что позволило теперь Филиппу осуществлять непосредственный контроль над всем северо-западным регионом, в том числе над своими союзниками — Этолией

Филиппа, вместе с антимакедонски настроенными гражданами ушли в изгнание (Roebuck C. The Settlements... P. 76, n. 21; ср.: P. 75; Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality in Classical Greece. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 234 f.; см. также комментарий к надписи N 77 в сборнике Родса/Осборна (P. 382); тем не менее: Larsen J. A. O. Greek Federal States. P. 264; Griffith G. T. The Reign... P. 613). Как бы там ни было, очевидно, что поражение греков решительно изменило внутривосточную ситуацию в Акарнании в пользу приверженцев Македонии. По-прежнему, однако: Gehrke H.-J. Stasis... S. 18, где подобное изменение, а вместе с ним и изгнание проафинских политиков из Акарнании предлагается отнести к несколько более раннему времени. Относительно продолжения существования Акарнанского союза ср.: Dmitriev S. The Greek Slogan of Freedom... P. 84.

⁷¹ Диодор в данном случае сообщает: «Этолійцы же постановили вернуть изгнанников из Акарнании (ἐξ Ἀκαρνανίας φυγάδας), претерпевших изгнание из-за Филиппа» (постановление 336 г. до н. э.). Кажется, под упомянутыми здесь изгнанниками лучше видеть не этолійцев, удалившихся в изгнание в Акарнанию, а акарнанцев, нашедших после Херонейской битвы убежище в Этолии: с последней отношения у Филиппа, по всей видимости, были тогда достаточно доброжелательными (см. выше). То же понимание этой фразы продемонстрировано: Bosworth A. B. Early Relations... P. 164; впрочем: Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 50; Gehrke H.-J. Stasis... S. 17; ср.: Hohmann W. Aitolien... S. 35.

⁷² Об этом приходится лишь догадываться, так как никакой информации на данный счет в связи с Керкирой и Левкадой, которые являлись участниками антимакедонской коалиции (см.: Bengtson H. Die Verträge... N 343. S. 331 f.), у нас нет. К афинским союзникам К. Рубак причисляет и Кефаллению (Roebuck C. The Settlements... P. 75 ff.; так же: Ellis J. R. Philip I... P. 202), однако это не более чем допущение: такого рода сведения в наших источниках отсутствуют (ср.: Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality... P. 235, где предлагается считать, что Кефаллениа тогда оставалась нейтральной).

⁷³ Амбракия, как и Акарнания, не названа среди членов антимакедонской коалиции (см.: Bengtson H. Die Verträge... N 343. S. 331 f.), но ее участие в войне против Филиппа едва ли должно вызывать сомнения: введение сюда после битвы при Херонее македонского гарнизона, как кажется, определенно говорит в пользу того, что данный город в недавнем конфликте не оставался нейтральным (за участие амбракиотов в этой коалиции, к примеру: Roebuck C. The Settlements... P. 75 f.; Griffith G. T. The Reign... P. 613; Gehrke H.-J. Stasis... S. 19; против: Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality... P. 234).

и Эпиром (Молосским царством)⁷⁴. Вместе с тем этолийцам, с очевидной целью упрочить с ними союзнические отношения, Филипп передал захваченный его войсками ахейский Навпакт (см. выше); для эпиротов же македонская победа, бесспорно, означала окончательное утверждение в их владении переданных им Филиппом в 343/2 г. до н. э. приморских городов, бывших элейских колоний — Пандосии, Элатрии и Бухеты в Кассопии (Dem., VII, 32).

Из приистмийских и пелопоннесских государств — участников антимакедонского блока Коринф, вначале, как и Афины, собиравшийся оказать сопротивление (Luc. Quomodo hist. conscr., 3), но затем сдавшийся (Ael. Var. hist., VI, 1), занял македонский гарнизон (Polyb., XXXVIII, 3 [5], 3; Plut. Arat., 23; ср.: Plut. Apophth. Lac., 39, p. 221 f⁷⁵); по-видимому, после этого, если немногим не раньше, в городе было установлено промакедонское правительство⁷⁶. Должно быть, капитуляция Мегар (Ael. Var.

⁷⁴ Заключение союза между Филиппом и Этолийской федерацией, если этот союз был официально оформлен, относится к 342 г. до н. э. (Bengtson H. Die Verträge... N 336. S. 324 f.). Распространение македонского влияния на Эпир относится к 343/2 г. до н. э., когда в результате свержения молосского царя Аррибы (он нашел убежище в Афинах) власть здесь получил ставленник Филиппа Александр, родной брат македонской царицы Олимпиады (Ditt. Syll.³, 228 = Tod, 173 = Rhodes/Osborne, 70; Diod., XVI, 72, 1; Just., VIII, 6, 4 sqq.). Об истории Эпира в это время см.: Cross G. N. Epirus. A Study in Greek Constitutional Development. Cambridge, 1932. P. 39 ff.; Hammond N. G. L. Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and the Topography of Epirus and Adjacent Areas. Oxford, 1967. P. 534 ff.; кроме того: Вершинин И. П. Государство молоссов и территориальная консолидация античного Эпира // ВДИ. 1987. № 1. С. 179 слл.

⁷⁵ В качестве свидетельства того, что в Коринфе был расположен македонский гарнизон, следует, очевидно, считать и пассаж из речи Динарха (I, 18). Соответствующую интерпретацию данного пассажа см.: Griffith G. T. The Reign... P. 612, n. 3.

⁷⁶ Утверждение в Коринфе после Херонейского сражения правительства из промакедонских элементов хотя и не упоминается в источниках, тем не менее представляется весьма вероятным (Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 39; Пёльман П. Очерк греческой истории... С. 287; Roebuck C. The Settlements... P. 83; Ellis J. R. 1) Philip II... P. 203; 2) Macedonian Hegemony... P. 783; Salmon J. B. Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B. C. Oxford, 1984. P. 386, 391; Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 158; впрочем: Griffith G. T. The Reign... P. 613). При этом К. Реубак допускает, что подобные внутрисполитические изменения в Коринфе случились еще до сдачи полиса Филиппу — возможно, именно установление нового правительства, по мнению исследователя, и стало причиной отказа коринфян от намечавшегося до того сопротивления (Roebuck C. The Settlements... I. c.; так же: Gabriel R. A. Philip II of Macedonia. P. 227). Однако по поводу причины капитуляции Коринфа нам кажется более предпочтительным суждение Г. Гриффита, согласно которому сдача города произошла прежде всего под впечатлением того, что основные лидеры анимакедонской коалиции, Фивы и Афины, отказавшись от дальнейшей борьбы, решили мирно урегулировать свои отношения с победителем (Griffith G. T. The Reign... I. c.). Приход же к власти в полисе промакедон-

hist., VI, 1) сопровождалась также приходом здесь к власти приверженцев Филиппа⁷⁷. При этом не исключено, что Филипп передал в тот момент мегарцам Эгеруссу, пограничный город, ранее принадлежавший Коринфу⁷⁸. Что же касается общины на восточном побережье Арголиды, то помимо информации о выказанной ими покорности македонскому царю (Ael. Var. hist., VI, 1) известно, что в Трезене при этом произошел государственный переворот, инспирированный одним из лидеров сторонников Македонии в Аргосе Мнасеем, поставившим тогда над полисом подчиненного его влиянию афинского метека Афиногена; в результате в Трезене был установлен дружественный Филиппу режим, который явился причиной изгнания антимакедонски настроенных трезенцев, нашедших убежище в Афинах, где им вскоре были дарованы гражданские права (Hyperid. Contra Athenog., 31 sq. Burt). В свою очередь, для Ахейского союза, сдавшегося Филиппу (Ael. Var. hist., VI, 1), последствия достигнутого мира, судя по всему, оказались следующими: как, по-видимому, и в случае с прочими побежденными государствами, между сторонами заключался военный альянс (см. выше); союзная организация ахейцев, кажется, не была распущена⁷⁹; не испытало в тот момент изменений и политическое устройство отдельных общин (их демократические конституции были тогда явно сохранены — [Dem.], XVII, 10; ср.:

ски настроенных граждан (если, конечно, он имело место), на наш взгляд, следует скорее относить ко времени уже после капитуляции Коринфа перед Филиппом.

⁷⁷ Schaefer A. Demosthenes... Bd. III. S. 39; Илльман П. Очерк греческой истории... С. 287; Roebuck C. The Settlements... P. 84; Ellis J. R. 1) Philip II... P. 203; 2) Macedonian Hegemony... P. 783; Cavkwell E. Philip of Macedon. P. 168; Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 158; ср.: Highbarger E. L. The History and Civilization of Ancient Megara. Baltimore, 1927. P. 194 f.; однако: Griffith G. T. The Reign... P. 613. Этот строй падет только в 307 г. до н. э., когда Мегары будут взяты Деметрием Полиоркетом (Diod., XX, 46, 3; ср.: Plut. Demetr., 9). Предположение Я. Уоррингтона о том, что в Мегары в 338 г. до н. э. был введен македонский гарнизон (Worthington I. 1) Philip of Macedonia. P. 158; 2) Demosthenes of Athens... P. 259), не имеет под собой никакого основания.

⁷⁸ Buckler J. Aegean Greece... P. 508.

⁷⁹ О том, что Ахейский союз существовал и позднее, в 324 г. до н. э., сообщает Гиперид (Contra Dem., 18 Burt). Выражение же Полибия: «Царями из Македонии ахейский народ был разделен на отдельные полисы» (II, 40, 5; ср.: IV, 1, 5), следует относить явно к более позднему времени (Walbank F. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 228, 232). Продолжение существования Ахейского союза после Херонейского сражения поддерживают: Roebuck C. The Settlements... P. 84; Larsen J. A. O. Greek Federal States. P. 215 f.; Ellis J. R. Philip II... P. 203; McQueen E. I. Some Notes on the Anti-Macedonian Movement in the Peloponnese in 331 B. C. // Historia. 1978. Bd. 27. P. 46; Griffith G. T. The Reign... P. 615; Сизов С. К. Ахейский союз: история древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.). М., 1989. С. 20; Jehne M. Koine Eirene... S. 144; Hornblower S. The Greek World... P. 259; Gabriel R. A. Philip II of Macedonia. P. 227; однако: Dmitriev S. The Greek Slogan of Freedom... P. 82 f.

Polyb., II, 41, 6)⁸⁰; антимакедонские элементы, вероятно, не подверглись преследованиям и продолжали оказывать воздействие на ахейские государственные дела (хотя не исключено, что победа Филиппа каким-то образом и усилила позиции его ахейских приверженцев)⁸¹; вместе с тем у ахейцев было теперь, по всей видимости, отобрано в пользу Этолии экстерриториальное владение — Навпакт (см. выше), посредством чего по Ахейскому союзу был нанесен, без сомнения, весьма чувствительный удар. И все же, насколько видно, в остальном македонский царь обошелся с побежденной Ахайей сравнительно мягко. Впрочем, Филипп, как кажется, и не испытывал острой необходимости в применении к ней особо суровых санкций: Ахейская федерация и без того была слишком слабым и незначительным государством, чтобы представлять собой серьезную угрозу для македонских интересов, тем более после утраты федерацией Навпакта и понесенного ею недавнего поражения в Херонейской битве (потери ахейцев в ней оказались, очевидно, немалыми — Paus., VII, 6, 5). Иначе говоря, в случае с Ахайей Филипп мог вполне отказаться от жестокого обращения: при том что подобное обращение только бы лишний раз подчеркнуло насильственный характер создаваемого македонским царем нового порядка, оно, как, вероятно, Филиппу тогда казалось, не принесло бы ему никакой особо существенной пользы — можно было и так надеяться (во всяком случае, в тот момент), что такое государство, как Ахейский союз, будет вынуждено впредь действовать в соответствии с волей достигшей теперь господства над греками македонской монархии; к тому же чрезмерно ослабленная Ахайя была бы не способна выполнять роль противовеса для других пелопоннесских государств.

Устроив таким образом дела с побежденными эллинскими республиками, Филипп не преминул далее укрепить свои союзнические отношения с Аргосом, Аркадией, Мессенией и Элидой, которые еще раньше вступили в военный альянс с Филиппом и в недавней кампании сохраняли нейтралитет⁸². Поздней осенью 338 г. до н. э. македонский

⁸⁰ Roebuck C. The Settlements... P. 84; McQueen E. I. Some Notes... P. 46.

⁸¹ Особенно яркий показатель тому — последующее участие ахейцев (кроме пелленцев) на стороне спартанского царя Агиса III в войне против Македонии в 331 г. до н. э. (Aesch., III, 165; Din., I, 34; Curt., VI, 1, 20). См.: Roebuck C. The Settlements... P. 84; McQueen E. I. Some Notes... P. 46; тем не менее: Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 158.

⁸² Они стали союзниками Филиппа в 344 или 343 г. до н. э., причем ориентация данных государств на Македонию, как ранее на Фивы, в значительной мере определялась их страхом перед Спартой (в меньшей степени это было характерно для Элиды, благоприятное отношение которой к Филиппу обуславливалось преимущественно внутривнутриполитическими причинами: здесь в 343 г. до н. э. к власти пришли промакедонски настроенные элементы, одержавшие верх над проспартанской фракцией). Лишь благо-

царь перешел с собственным войском в Пелопоннес⁸³, где, соединившись с контингентами вышеупомянутых государств, провел вместе с ними⁸⁴ карательную экспедицию против Спарты.

Согласно Полибию (речь акарнанского посла Ликиска перед спартанцами в 210 г. до н. э.), поводом для подобного демарша явилось приглашение Филиппа его пелопоннесскими союзниками (IX, 33, 9); в другом месте Полибий (уже от своего имени) называет в этой связи только аркадян и мессенцев (XVIII, 14, 5 sq.), возможно, тем самым подчеркивая, что именно они проявляли в данном вопросе особенное рвение. Вместе с тем цели, которые преследовали в конкретном случае эти общины, очевидны — оградить себя посредством македонской поддержки от враждебных поползновений со стороны Спарты, постоянно стремившейся к восстановлению над ними своего утраченного господства и вообще господства в Пелопоннесе⁸⁵, а также удовлетворить

даря активной дипломатической деятельности афинских антимакедонских лидеров (с Афинами эти общины также имели с 342 г. до н. э. союзнические отношения) данные республики не присоединились к Филиппу во время Херонейской битвы. По поводу соответствующих договоров и их датировки см.: *Bengtson H. Die Verträge...* N 337. S. 325 f.; об отношениях этих государств с Филиппом и Афинами до сражения при Херонее см. подробнее: *McQueen E. I. Some Notes...* P. 41 ff.; *Hamilton Ch. D. Philip II and Archidamus // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / ed. by W. L. Adams, E. N. Borza. New York; London, 1982. P. 71 ff.; Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality...* P. 230 ff.; *Тюряхин И. И. К вопросу о времени заключения союза между Филиппом II и Мегалополем // Studia historica. 2009. Вып. 9. С. 28 слл.; Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat und hegemoniale Monarchie. Die Politik Spartas gegenüber Makedonien im 4. und 3. Jahrhundert v. Chr. Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 2011. S. 69 f. В свою очередь, стоит полагать, что нейтральной позиции придерживались тогда в Пелопоннесе также Сикнон и Флиунт, участие которых в конфликте 340–338 гг. до н. э. в наших источниках не зафиксировано (*Bauslaugh R. A. Op. cit. P. 234*). При этом присутствовавший в 323 г. до н. э. в Сикноне македонский гарнизон (IG, II/III², 448, сткк. 46 sq.) был введен туда, скорее всего, позднее, в какой-то момент правления Александра; ср.: *Griffin A. Sikyon. Oxford, 1982. P. 76*.*

⁸³ О времени похода Филиппа в Пелопоннес см. примеч. 3 выше.

⁸⁴ Нам известно об участии в данном предприятии только элейцев (Paus., V, 4, 9). Но то, что другие пелопоннесские государства, союзные Филиппу, также выставили тогда свои воинские формирования, — это представляется весьма вероятным. См.: *Griffith G. T. The Reign...* P. 615; *Hamilton Ch. D. Philip II...* P. 82; *Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. London; New York, 1989. P. 14; Jehne M. Koine Eirene...* S. 147; *Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat...* S. 79.

⁸⁵ После битвы при Левктрах (371 г. до н. э.) политика Спарты определялась главным образом двумя взаимосвязанными целями: 1) возвращение Мессении; 2) восстановление господства в Пелопоннесе (*Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Prague, 1971. P. 196 f.; David E. Sparta between Empire and Revolution (404–243 B. C.). New York, 1981. P. 106 ff.; Hamilton Ch. D. Philip II...* P. 62 ff.; *Кошеленко Г. А. Греция в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1990. С. 161;*

к собственной выгоде имевшиеся у них к ней территориальные претензии; кроме того, приглашая Филиппа, данное государства, должно быть, надеялись тем самым реабилитироваться за нейтралитет, которого они — вопреки своим союзническим обязательствам перед македонским царем — придерживались в недавней войне. Для Филиппа же подобное приглашение означало прекрасную возможность, во-первых, упрочить собственное влияние среди пелопоннесских союзников и, во-вторых (самое главное), под благовидным предлогом помощи им ослабить Спарту, которая, несмотря на свою неприязнь к македонскому царю прежде всего из-за его все более усиливавшегося вмешательства в дела Пелопоннеса⁸⁶, не принимала участия в коалиции его греческих противников⁸⁷, а потому с данной стороны, в отличие от последних, оказывалась для победителя при Херонее недосыгаемой⁸⁸.

Есть все основания считать, что прежде чем применить в отношении Спарты силу, Филипп попытался решить дело мирным путем, достичь предъявленных им спартамцам требований посредством переговоров (Plut. Apophth. Lac., 5, 16, p. 216 a–b⁸⁹; 20, 1, p. 218 e; 26, p. 219 e; 69, 28, p. 233 e; 53, p. 235 a; Stob. Flor., II, 59; Front., IV, 5, 12), и только затем, когда спартанцы отказались удовлетворить данные требования (Plut. Apophth. Lac., 20, 4, p. 218 f; 26, p. 219 e; 32, 4, p. 220 e; 69, 28, p. 233 e; 53, p. 235 a–b; Stob. Flor., VII, 59; Front., IV, 5, 12), македонский царь

Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta... P. 3 ff.; Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. С. 138; Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat... S. 57 ff.). Несомненно, не могли спартанцы забыть и о своем сравнительно недавнем политическом лидерстве в греческом мире, вернуть которое они по большому счету были, конечно, не прочь; в то же самое время без осуществления двух указанных целей пытаться достичь этого Спарта была не в состоянии.

⁸⁶ *Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta... P. 13.*

⁸⁷ О причинах неучастия Спарты в антимакедонском блоке см.: *Ehrenberg V. Sparta (Geschichte) // RE. 2. Reihe. Bd. III. 1929. Sp. 1407; Badian E. Agis III // Hermes. 1967. Bd. 95. P. 171 f.; Hamilton Ch. D. Philip II... P. 81; Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality... P. 233 f.; Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. С. 139 сл.; Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat... S. 73.*

⁸⁸ Ср.: *Errington R. M. A History of Macedonia. P. 86; Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta... P. 14; Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 158.* Между прочим, момент для похода против Спарты был выбран очень удачно: спартанский царь Архидам III, нанятый Тарентом для борьбы с луканами, пал, сражаясь с ними, в битве, которая произошла, согласно Диодору, в тот же день, что и сражение при Херонее (Diod., XVI, 63, 1 sq.; 88, 3 sq.). Если определение Диодором времени смерти Архидама приблизительно правильно (*Badian E. Agis III. P. 173; David E. Sparta... P. 109; Hamilton Ch. D. Philip II... P. 80*), то тогда часть спартанских воинов, сопровождавшая своего царя в Италию, едва ли вернулась на родину к моменту экспедиции Филиппа.

⁸⁹ Если данное свидетельство Плутарха верно, то произошла даже личная встреча между Филиппом и новым спартанским царем Агисом III, сыном Архидама III.

вторгся в Лаконику и разорил ее, не напав при этом, однако, на саму Спарту (Polyb., IX, 28, 6 sq.; 33, 8 sqq.; Plut. Apophth. Lac., 69, 28, p. 233 e; 53, p. 235 b; Paus., III, 24, 6; V, 4, 9; ср.: Oros., III, 14).

Требования, которые Филипп предъявил спартанцам перед вторжением в их страну, судя по всему, касались исключительно территориального вопроса⁹⁰. Во всяком случае, насколько известно, единственным результатом состоявшегося тогда похода македонского царя в Лаконику явилось лишение Спарты ряда пограничных земель, представлявших собой давний предмет спора между нею, некогда оккупировавшей эти земли, и ее соседями. Как кажется, стоит полагать, что Аргос в тот момент получил обратно северную область Кинурии — Фиреатиду; из аркадских городов Тегея — Скиритиду (всю либо ее часть, еще остававшуюся спартанской), Мегалополь — Белбинатиду; Мессения — свои южные земли вдоль Мессенского залива (все либо их часть) и Денталиатиду⁹¹. Правда, у нас имеется указание Исилла Эпидаврского, поэта III в. до н. э., на то, что Филипп во время этого похода намеревался уничтожить спартанскую царскую власть:

Дивную силу свою ты явил перед нами, Асклэпий:
В те времена, когда ходил Филипп на спартанцев
С войском, ревнуя награду отторгнуть почести царской

⁹⁰ Roebuck C. The Settlements... P. 87; Ellis J. R. Philip II... P. 204; Griffith G. T. The Reign... P. 617; Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat... S. 79.

⁹¹ Для территориальных изменений в целом см.: Aristot. ap. Vita Marciana, 4 = fr. 611 Rose¹; Polyb., IX, 28, 7; 33, 8–12; XVIII, 14, 7; Plut. Apophth. Lac., 5, 14, p. 216 a. Из-за довольно плохого состояния источников вопрос о том, какие именно земли были отторгнуты Филиппом у Спарты в 338 г. до н. э., остается предметом спора. На наш взгляд, наиболее убедительную реконструкцию в данной связи предложил Г. Шипли, выводам которого мы и следуем. См.: Shipley G. The Extent of Spartan Territory in the Late Classical and Hellenistic Periods // BSA. 2000. Vol. 95. P. 367 ff. (с указанием свидетельств источников по каждому конкретному случаю); кратко: Shipley G. Messenia; Lakodaimon // IACP. P. 550, 571, 577. Ср.: Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 574 f.; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 370; Roebuck C. The Settlements... P. 84; Walbank F. W. A Historical Commentary... P. Vol. II. P. 172 f.; Tomlinson R. A. Argos and the Argolid. From the End of the Bronze Age to the Roman Occupation. New York, 1972. P. 146; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 51 [= Приложение II]; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 326; Griffith G. T. The Reign... P. 617; Ellis J. R. Philip II... P. 204; David E. Sparta... P. 110; Hamilton Ch. D. Philip II... P. 82; Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta... P. 14 f.; Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 158; Jehne M. Koine Eirene... S. 147; Piérart M. 1) Argos, Philippe II et la Cynourie (Thyréatide): les frontières du partage des Héraclides // Recherches récentes sur le monde hellénistique. Actes du colloque international organisé à l'occasion du 60e anniversaire de P. Ducrey (Lausanne, 20–21 novembre 1998) / ed. par R. Frei-Stolba, K. Gex. Bern, 2001. P. 27 ss.; 2) Argolis // IACP. P. 603; Corvisier J.-N. Philippe II... P. 259; Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat... S. 79.

(ἐθέλων ἀνελεῖν βασιλῆϊδα τιμὴν),
Из Эпидавра святого воинственный прынул Асклепий,
Род Гераклидов храня, на помощь — и Зевс пощадил их!

(IG, IV, 950, сткк. 57–61 — пер. Ю. Голубца)⁹²

Но данное указание едва ли следует считать достоверным⁹³. Действительно, при желании Филипп не только мог сокрушить институты спартанской государственности, но и вообще стереть с лица земли саму Спарту. Однако македонскому царю было гораздо выгоднее сохранить данный полис, оставить его, не связав общим договором, в качестве внешней угрозы для прочих пелопоннесских государств (в особенности соседних) и тем самым заставить их из страха перед спартамцами оставаться верными Македонии⁹⁴. Кроме того, применение к Спарте крайних мер представляло для Филиппа и определенную опасность в момент создания Коринфской лиги, когда македонский царь должен был играть роль выразителя интересов греков, организатора «общего мира»: сочетать подобную позицию с беспощадностью к полису, не принимавшему даже

⁹² Эллинистские поэты VIII–III вв. до н. э. / изд. подг. М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. П. Ярхо. М., 1999. С. 394 сл.

⁹³ Так же полагают: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 574, Anm. 3; Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. Bd. I. S. 266, Anm. 3; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. III. P. 370; Roebuck C. The Settlements... P. 87 f.; Cawkwell G. Philip of Macedon. P. 169; Griffith G. T. The Reign... P. 617; Jehne M. Koine Eirene... S. 147; Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat... S. 82, Anm. 271. Полностью доверяет: *Wilamowitz-Moellendorff U., von. Isyllos von Epidaurios // Philologische Untersuchungen / hrsg. von A. Kiessling, U. von Wilamowitz-Moellendorff. II. 9. Berlin, 1886. S. 34. Вместе с тем считать, что Исилл, возможно, употребил выражение βασιλῆϊδα τιμὴν (стк. 59) в переносном смысле, имея в виду традиционное господствующее положение Спарты в Пелопоннесе, которое македонский царь намеревался сокрушить (*Beloch K. J. Griechische Geschichte. I. c.; Hornblower S. The Greek World... P. 258*), кажется, едва ли оправданно: думается, если бы поэт действительно хотел это сказать, то он нашел бы возможность выразиться более точно; да и говорить тогда о каком бы то ни было спартанском лидерстве в Пелопоннесе, от которого реально почти не осталось и следа, уже не приходилось. Не исключено, что Исилл таким образом просто повторяет версию о намерениях Филиппа, которая возникла и бытовала в самой Спарте: посредством этой версии в очередной раз подчеркивалась неизбежность институтов Спартанского государства, прочно стоящих под божественной защитой (ср.: *David E. Sparta... P. 229, n. 13*).**

⁹⁴ На это указывается практически всеми исследователями; отметим здесь лишь: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 574; Ehrenberg V. Sparta. Sp. 1408; Badian E. Agis III. P. 173; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 51 [= Приложение II]; Кондратьев М. А. Коринфская лига... С. 29; Cawkwell G. Philip of Macedon. P. 169; David E. Sparta... P. 110; Hamilton Ch. D. Philip II... P. 83; Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta... P. 14; Hammond N. G. L. Philip of Macedon. P. 158; Buckler J. Aegean Greece... P. 508 ff.; Worthington I. Philip of Macedonia. P. 158; Gabriel R. A. Philip II of Macedonia. P. 228.*

участия в недавней войне и сохранившему в ней нейтралитет, было бы слишком тяжело⁹⁵. Наконец, Филиппу, по-видимому, приходилось считаться и с тем, что уничтожение государства, перед чьей историей и установлениями преклонялись многие эллины, грозило отрицательно сказаться на репутации македонской монархии в греческом мире, чего, особенно сейчас, он допустить не мог⁹⁶. Впрочем, значительно ослабить Спарту, еще сильнее подорвать ее влияние в регионе являлось для македонского царя, разумеется, необходимым. Но чтобы достичь этого, было вполне достаточно отторжения в пользу ближайших государств части спартанской территории: тем самым, с одной стороны, наносился удар по основам социально-экономической и военной системы спартанского государства (конечно, не сравнимый для Спарты с потерей Мессении, но все же, несомненно, весьма чувствительный), с другой — усиливались враждебные Спарте соседние общины, а соответственно в ущерб спартанскому увеличивался их политический вес в пелопоннесских делах.

Таким образом, македонский царь не пошел на полное уничтожение «общины равных», но ограничился тем, что ослабил ее, создал вокруг оставленной им независимой Спарты своего рода кордон из государств, которые благодаря санкционированному Филиппом, а затем и Коринфской лигой территориальным приобретениям⁹⁷ оказались теперь в существенной зависимости от монарха Македонии как своего потенциального защитника и настоящего благодетеля⁹⁸. Неудивительно поэтому, что

⁹⁵ Маринович Л. И. Греки и Александр Македонский. С. 140.

⁹⁶ Cawkwell G. Philip of Macedon. P. 169; Hamilton Ch. D. Philip II... P. 83.

⁹⁷ Поскольку рубежи дорийских государств были вопросом, уходящим своими корнями в мифологию — разделение Пелопоннеса между потомками Геракла, то Филипп, как Гераклид, вполне мог считать себя в праве производить и лично утверждать изменения пелопоннесских границ, что он, по-видимому, и сделал в данном случае, опираясь при этом на специально для него написанное Аристотелем сочинение *Δικαιώματα Ἑλληνίδων πόλεων* (оно заключало в себе материал, на основании которого могли приниматься решения по тем или иным пограничным вопросам, существовавшим в греческом мире) (Aristot. ap. Vita Marciana, 4 = fr. 611 Rose³; ср.: Polyb., IX, 28, 7). Но так как спартанцы явно не согласились признать совершенных Филиппом перемен, македонский царь, очевидно, нашел необходимым закрепить свое решение соответствующим общегреческим постановлением, передав позднее этот территориальный вопрос на суд Коринфской лиги; последняя, расследовав дело, еще раз санкционировала произведенные Филиппом изменения границ в Пелопоннесе (Polyb., IX, 33, 11 sq.). Несколько иные трактовки подобного сюжета: Treves P. The Problem of History of Messenia // JHS. 1944. Vol. 64. P. 105 f.; Roebuck C. The Settlements... P. 91 f.; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 51, примеч. 19 [= Приложение II]; Ellis J. R. Philip II... P. 204; Griffith G. T. The Reign... P. 617 f.; Jehne M. Koine Eirene... S. 147 f.; Piérart M. Argos... P. 31 ff.

⁹⁸ Ellis J. R. 1) Philip II... P. 204; 2) Macedonian Hegemony... P. 783; Hamilton Ch. D. Philip II... P. 83.

данные государства поспешили тотчас удостоить Филиппа всевозможными почестями. Аркадяне, союз которых, возможно, с помощью македонского царя был тогда реорганизован⁹⁹, построили в честь Филиппа в Мегалополе стою, названную потом по его имени (Paus., VIII, 30, 6; 31, 9)¹⁰⁰. Аргивяне, чья страна, согласно преданию, являлась древней колыбелью царского рода Аргеадов, приняли у себя Филиппа весьма радушно, очевидно, приветствуя его как своего соотечественника, потомка Темена (Plut. Amat., 16, p. 760 a–b). Элейцы, которые хотя и не получили в результате похода против Спарты каких-либо новых земель, но тем самым нашли (прежде всего стоявшая у власти промакедонская группировка) возможность загладить вину перед Филиппом за свой недавний нейтралитет, почтили его конной статуей в Олимпии (Paus., VI, 11, 1). В то же самое время царю Македонии, несомненно, не без их прямой поддержки было дано разрешение на строительство в самом сердце Олимпии, в Альтисе, особого здания — Филиппейона (Paus., V, 20, 10), которое, какими бы ни были в действительности его функции (сакральными либо секулярными), явно должно было служить символом могущества македонской монархии, достигнутого ею политического верховенства в мире греков¹⁰¹.

⁹⁹ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 574; Abt. 2. S. 175 f.; Pickard-Cambridge A. W. Macedonian Supremacy... P. 266; Wüst F. R. Philipp II. von Makedonien... S. 173; McQueen E. I. Some Notes... P. 50; Corvisier J.-N. Philippe II... P. 259; однако: Niese B. Beiträge zur Geschichte Arkadiens I: Schicksale des arkadischen Bundes // Hermes. 1899. Bd. 34. S. 520 ff.; Roebuck C. The Settlements... P. 85, n. 97; Ellis J. R. Philip II... P. 297, n. 113; неопределенно: Jehne M. Koine Eirene... S. 146; Giannopoulos S. Griechische Stadtstaat... S. 78. Ср.: Dmitriev S. The Greek Slogan of Freedom... P. 85 ff.

¹⁰⁰ См.: Kotsidu H. ΤΙΜΗ ΚΑΙ ΔΟΞΑ. KNr.: 61 [L] с комментарием.

¹⁰¹ Кажется, есть основания считать, что македонский монарх имел случай лично определить место для Филиппейона (или, по крайней мере, одобрить его выбор): посещение Филиппом Олимпии, засвидетельствованное Плутархом (Plut. Reg. et imper. apophth., 25, 27, p. 179 a; De cohib. ira, p. 457 f), должно быть датировано именно 338 г. до н. э., поскольку не известно, чтобы македонский царь находился в Пелопоннесе еще и в другое время (при этом у Плутарха под ἐν Ὀλυμπίοις, вероятно, нужно понимать Олимпию, а не Олимпийские игры, так как в 338/7 г. до н. э. последние не проводились; по-видимому, Плутарх — либо его источник — здесь просто допустил неточность). Ср.: McQueen E. I. Some Notes... P. 48. О Филиппейоне и его функциях (вопросе, вызывающем горячие споры в научном сообществе) см., в частности: Miller S. G. The Philippeion and Macedonian Hellenistic Architecture // MDAL(A). 1973. Bd. 88. P. 189 ff.; Griffith G. T. The Reign... P. 692 ff.; Fredricksmeyer E. A. 1) Divine Honors for Philip II // TAPA. 1979. Vol. 109. P. 52 ff.; 2) On the Background of the Ruler Cult // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 146 f.; Badian E. The Deification of Alexander the Great // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson / ed. by H. Dell. Thessaloniki, 1981. P. 71; Thompson H. A. Architecture as a Medium of Public Relations among the Successors of Alexander // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times /

Говоря в целом о политике Филиппа в первые месяцы после сражения при Херонее, нельзя не заметить, что македонский царь в данный период делал все возможное, чтобы закрепить свой военный успех, создать в Греции такой политический порядок, который бы выгодно соответствовал по существу уже им достигнутому здесь господству. При этом пытаясь придать настоящему порядку необходимую устойчивость, Филипп, с одной стороны, установил в Элладе новый баланс сил (посредством ослабления крупных, некогда ведущих полисов и в то же время некоторого усиления мелких, ранее незначительных общин), с другой стороны, поставил от себя в ту или иную степень зависимости все греческие государства, за исключением Спарты. И эта зависимость должна была впредь обеспечиваться, во-первых, личным авторитетом Филиппа, подкрепленным военным потенциалом его царства, во-вторых, пришедшими к власти во многих местах правительствами из людей, сочувствовавших ему, в-третьих, боязнью ряда общин, получивших с его помощью земли соседей, потерять их при изменении ситуации, в-четвертых, непосредственной оккупацией македонскими гарнизонами наиболее важных стратегических пунктов страны. Таким образом, было заложено фактическое основание для дальнейшего осуществления Филиппом гегемонии над Грецией, созданы реальные предпосылки для окончательного закрепления достигнутого общим формальным актом, что вскоре и было сделано на всегреческом конгрессе, созванном по инициативе македонского царя в Коринфе.

ed. by B. Barr-Sharrar, E. N. Borza. Washington, 1982. P. 173 f.; *Romano D. G.* Philip of Macedon, Alexander the Great, and the Ancient Olympic Games // *The World of Philip and Alexander: A Symposium on Greek Life and Times* / ed. by E. C. Danien. Pennsylvania, 1990. P. 68 ff.; *Hammond N. G. L.* Heroic and Divine Honors in Macedonia before the Successors // *AW*. 1999. Vol. 30. P. 114, n. 39; *Carney E.* The Philippeum, Women, & the Formation of a Dynastic Image // *Alexander's Empire: Formulation to Decay* / ed. by W. Heckel, L. Tritle, P. Wheatley. Claremont, 2007. P. 27 ff.; *Worthington I.* Philip of Macedonia. P. 164 f.; *Palagia O.* Philip's Euridice in the Philippeum at Olympia // *Philip and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives* / ed. by E. Carney, D. Ogden. Oxford, 2010. P. 31 ff.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Э. Д. Фролов

КОРИНФСКИЙ КОНГРЕСС 338/7 Г. ДО Н. Э. И ОБЪЕДИНЕНИЕ ЭЛЛАДЫ¹

В политической истории Эллады Коринфскому конгрессу 338/7 г. до н. э., бесспорно, принадлежит видное место. Созванный македонским царем Филиппом II вскоре после его решающей победы над греками при Херонее, этот конгресс как бы подвел черту под целым периодом греческой истории, основанным на принципах полисной свободы и автоно-

¹ [В своем первоначальном варианте данная статья была напечатана еще в 1974 г. и потом — в несколько измененном и обновленном виде — переиздавалась в разные годы, в том числе на немецком языке; см.: *Frolov E. Der Kongress von Korinth im Jahre 338/337 v. u. Z. und die Vereinigung von Hellas // Hellenische Poleis. Kriese — Wandlung — Wirkung / hrsg. von E. Ch. Welskopf. Tl. I. Darmstadt, 1974. S. 435–459. Естественно, за время, прошедшее с момента ее первого издания, увидели свет новые исследования, посвященные истории Коринфского конгресса. Ряд их был принят в расчет при подготовке текста статьи к настоящему изданию, ряд — нет, особенно те, которые появились сравнительно недавно. Перечислим некоторые из неучтенных публикаций: *Dobesch G. 1) Zur Philia im Korinthischen Bund // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für F. Altheim zum 6. 10. 1968 / hrsg. R. Stiehl, H. E. Stier. Bd. I. Berlin, 1969. S. 245–250; 2) Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // Grazer Beiträge. 1975. Bd. 3. S. 73–149; Ryder T. T. B. Demosthenes and Philip's Peace of 338/7 B. C. // CQ. 1976. Vol. 26. P. 85–87; Griffith G. T. The Reign of Philip the Second // Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979. P. 623 ff.; Perlman S. Greek Diplomatic Tradition and the Corinthian League of Philip of Macedon // Historia. 1985. Bd. 34. P. 152 ff.; Hammond N. G. L. The Formal Relations between Macedonia and the Greeks at the End of Philip's Reign and the Start of Alexander's Reign // Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988. P. 571 ff.; Buckler J. Philip II, the Greeks, and the King, 346–336 B. C. // Illinois Classical Studies. 1994. Vol. 19. P. 99 ff.; Jehne M. Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedigungs- und Stabilisierungsbemühungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. Stuttgart, 1994. S. 139 ff.; Worthington I. IG II² 236 and Philip's Common Peace of 337 // Greek History and Epigraphy. Essays in Honour of P. J. Rhodes / ed. by L. Mitchell, L. Rubinstein. Swansea, 2008. P. 213 ff. Кроме того, определенный интерес представляют собой и соответствующие разделы в общих трудах, посвященных истории Греции, Македонии и Филиппа II; в частности, см.: *Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism. London, 1976. P. 204 ff.*]**

мии. В решениях конгресса нашло отражение новое соотношение сил, сложившееся на Балканском полуострове. Более того, провозглашенная им программа в какой-то степени определила все развитие Греции и Македонии, Запада и Востока в ближайшие полтора десятилетия. Кажется, что решения Коринфского конгресса стали исходным пунктом в формировании новой политической системы, которую мы краткости ради именуем словом «эллинизм».

Битва при Херонее 1 сентября 338 г. до н. э. решила долголетний спор из-за гегемонии в Элладе. Победа македонского царя над союзным греческим войском, ядро которого составляли афиняне и фиванцы, была столь полной, а потери союзников — столь значительными, что ни о каком продолжении борьбы со стороны греков и речи быть не могло. Теперь Филипп был хозяином в Элладе, и он, разумеется, поспешил закрепить результаты военной победы соответствующим политическим урегулированием. При этом, опираясь на авторитет победителя и на реальную силу, он действовал решительно, но гибко, соразмеряя степень давления не только с ближайшими военно-политическими интересами, но и с политическим весом отдельных греческих полисов, а более всего стремясь к тому, чтобы установившаяся де-факто македонская гегемония была надлежащим образом оформлена и закреплена общим политическим соглашением.

На первых порах, однако, Филипп занялся сведением счетов и урегулированием отношений с отдельными греческими государствами — участниками антимакедонской коалиции. С Фивами, которые были сильнейшим форпостом свободных эллинов в Средней Греции и сами претендовали на гегемонию в этом районе, Филипп расправился самым суровым и безжалостным образом. В город был введен македонский гарнизон. Были возвращены изгнанные ранее приверженцы Македонии, из которых теперь были образованы новый правящий совет и суд. Противники Филиппа были подвергнуты наказанию: одних казнили, других отправили в изгнание, имущество тех и других было конфисковано. Фивы оказались, таким образом, под жестким македонским контролем. Вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы на будущее пресечь

Cawkwell G. Philip of Macedon. London; Boston, 1978. P. 169 ff.; *Errington R. M.* A History of Macedonia / Engl. Transl. by C. Errington. Berkeley; Los Angeles; London, 1990. P. 87 ff.; *Hammond N. G. L.* Philip of Macedon. London, 1994. P. 160 ff.; *Corvisier J.-N.* Philippe II de Macédoine. Paris, 2002. P. 257 ss.; *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston, 2003. P. 510 ff.; *Buckler J., Beck H.* Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, 2008. P. 245 ff.; *Worthington I.* Philip of Macedonia. New Haven; London, 2008. P. 158 ff.; *Müller S.* Philip II // A Companion to Ancient Macedonia / ed. by J. Roisman, I. Worthington. Oxford, 2010. P. 177 f. — *M. X.*

чрезмерное усиление Фив в Беотийском союзе, а самому этому союзу, который продолжал существовать, создать какой-либо противовес. Первое было достигнуто восстановлением некогда разрушенных фиванцами Орхомена и Платей (Paus., IV, 27, 10; IX, 1, 8; 37, 8), второе — возрождением Фокидского союза (Paus., X, 3, 3; 33, 8; 36, 3). Фокидские города стали восстанавливаться еще до Херонейского сражения, одновременно, по-видимому, по инициативе эллинских союзников и Филиппа. Теперь это дело было продолжено и даже облегчено тем, что Филипп сократил ежегодный репарационный взнос фокидян в казну Дельфийского храма с 60 талантов до 10.

Не менее круто обошелся Филипп и с другими общинами Средней Греции и Пелопоннеса, которые имели смелость примкнуть к антимакедонскому лагерю. Эвбейский союз, созданный халкидянами Каллием и Тавросфеном, был уничтожен, в Халкиду был введен македонский гарнизон. Македонские войска заняли также Амбракию и Акрокоринф. Тем более удивительным может показаться снисходительное и даже уважительное отношение македонского царя к Афинам².

В самом деле, вопреки ожиданию Филипп не стал спешить с вторжением в Аттику. Македонскому царю, в особенности после опыта с Перинфом и Византием, должны были быть ясны трудности осады такого большого морского города, как Афины, которые все еще сохраняли свою главную силу — флот и были готовы защищаться до последней возможности. С другой стороны, для македонского царя было выгоднее не довершать разгрома Афин и не ожесточать против себя сердца сторонников полисной свободы, а добиться примирения и почетным для Афин соглашением вбить клин в отношения между ними и бывшими их союзниками, обеспечив за собой положение высшего арбитра. Филипп оказался достаточно мудр, чтобы, взвесив все эти соображения, первым протянуть руку к примирению.

В Афинах, где первоначальная отчаянная решимость скоро уступила место более трезвым размышлениям, с пониманием отнеслись к предложениям царя, и вскоре было выработано окончательное соглашение. По условиям договора Афины сохраняли основные свои владения, вклю-

² О действиях и распоряжениях Филиппа в отношении городов Средней Греции (кроме Афин) ср.: *Beloch K. J. Griechische Geschichte*². Bd. III. Abt. 1. Berlin; Leipzig, 1922. S. 569, 573; *Roebuck C. The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C.* // *CPh.* 1948. Vol. 43. P. 76 ff., 82 ff. Относительно судьбы Эвбейского союза мы придерживаемся взгляда А. Шефера и Ф. Вюста (*Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit*². Bd. III. Leipzig, 1887. S. 38; *Wüst F. R. Philipp II. von Makedonien und Griechenland in den Jahren von 346 bis 338.* München, 1938. S. 174); попытка К. Реубака оспорить этот взгляд не представляется убедительной.

чая и заморские территории (острова Лемнос, Имброс и Скирос, а также Самос). Они сохраняли также протекторат над Делосом, но должны были отказаться от Херсонеса Фракийского, который с тех пор стал македонским владением, и признать роспуск своего морского союза. Зато в качестве своего рода компенсации они получали Ороп — подношение, которое, несомненно, должно было углубить раскол между афинянами и беотийцами.

Когда афинское народное собрание, у которого в общем не было выбора, утвердило этот договор, македонский царь еще больше подсластил пиллюлю. Он без выкупа освободил пленных афинян и, более того, в сопровождении почетного эскорта во главе со своим сыном Александром и двумя видными офицерами Антипатром и Алкимахом отправил на родину останки афинских воинов, павших при Херонее. На этот жест царя афиняне должны были ответить любезностью: они почтили македонского царя бронзовой статуей, даровали ему и его сыну права афинского гражданства и предоставили проксению и права гражданства Антипатру и Алкимаху. Стороны с лихвой, таким образом, продемонстрировали свои дружеские чувства, однако то простое обстоятельство, что эта дружба была навязана одним партнером другому, заставляло усомниться в ее прочности³.

Устроив таким образом дела в Средней Греции, Филипп перешел с войском в Пелопоннес и здесь также позаботился об упрочении своего влияния. Мегары, Коринф и Ахайя, сдавшиеся победителю, были поставлены под жесткий македонский контроль (в Коринф, как указывалось, был введен македонский гарнизон). С Аргосом, Аркадией, Мессенией и Элидой, которые еще раньше вступили в союз с Филиппом и в последней войне сохраняли дружественный по отношению к Македонии нейтралитет,

³ О соглашении Филиппа с Афинами см.: *Beloch K. J. Griechische Geschichte*. Bd. III. Abt. 1. S. 569–573; *Roebuck C. The Settlements...* P. 80–82. Неясной остается связь этого договора с вхождением Афин в Коринфскую лигу. Со времен А. Шефера утвердилось мнение, что в договоре Филиппа с Афинами уже содержалось обращенное к Афинам предложение присоединиться к будущему общему союзу (*Schaefer A. Demosthenes...* Bd. III. S. 29; *Beloch K. J. Op. cit.* S. 572; *Roebuck C. Op. cit.* P. 81). Однако, как убедительно показал В. Г. Борухович, источники, привлекаемые для решения этого вопроса ([Dem.], XVII, 30; Plut. Phoc., 16, 4–7), не дают оснований для такого заключения. Скорее, наоборот, предложение Демада, о котором говорится у Плутарха, могло быть сделано после заключения мира между Филиппом и Афинами в ответ на новые предложения македонского царя. А оговорка, о которой упоминается у Псевдо-Демосфена, содержалась — тут уже не может быть двух мнений — именно в тексте общего договора, а не в отдельных соглашениях Филиппа с Афинами. См.: *Борухович В. Г. Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения* // Учен. зап. Горьковского гос. ун. 1959. Вып. 46. С. 202–204.

были укреплены союзнические отношения. Наоборот, против Спарты, которая из неприязни к Фивам не участвовала в антимакедонском выступлении, но теперь не торопилась и с поздравлениями победителю, царь вместе с пелопоннесскими союзниками провел карательную экспедицию. В результате от Спарты были отторгнуты все пограничные области, которые в свое время она захватила у соседей. Аргос теперь получил обратно Кинурию, Тегея и Мегалополь — Скиритиду и земли у истоков Эвроты, Мессения — Денталиатиду (на западном склоне Тайгета). Все же, как и в случае с Афинами, царь не пошел на полное уничтожение Спарты и сохранил ее в качестве противовеса и своего рода пугала для прочих пелопоннесских государств — его союзников⁴.

Оценивая в целом политику Филиппа после Херонеи, нельзя не признать, что его действия, направленные на создание нового политического порядка, отличались большой продуманностью и гибкостью. Македонский царь, разумеется, делал все возможное для закрепления своей супрематии в Греции, однако он не форсировал события и не пытался напрямую, используя военный успех, включить греческие государства в состав Македонской державы. Он не мог не сознавать, что если бы даже в тот момент это получилось, надолго сохранить такое господство над Грецией — страной многолюдной, экономически и социально более развитой, чем Македония, вдобавок привыкшей жить в условиях политической свободы и независимости, — все равно не удалось бы. Разумнее было попытаться создать такую систему отношений, которая позволяла бы македонскому царю, сохраняя фактическое господство, одновременно выступать в роли и на правах естественного арбитра. Заняв гарнизонами ключевые пункты страны, подавив силою сопротивление одних общин, склонив к соглашению другие, изолировав третьи, а большую часть привязав к себе посредством личной унии (Фессалия), через Дельфийскую амфикионию или двусторонними соглашениями, Филипп создал реальные предпосылки для своего выступления в качестве всеобщего высшего устроителя и арбитра. Это поло-

⁴ О политике Филиппа в Пелопоннесе см. также: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. I. S. 573–575; Roebuck C. The Settlements... P. 83 ff., 91 f.* У последнего специально рассматривается вопрос об участии Коринфской лиги в урегулировании споров между Спартой и пелопоннесскими союзниками Македонии. Дело в том, что в Пелопоннесе, как и в других случаях, Филипп позаботился о том, чтобы своим действиям придать хотя бы вид законности. Когда была создана Коринфская лига, он передал на рассмотрение объединенных в эту организацию эллинов вопрос о территориальных претензиях пелопоннесских полисов к Спарте. Коринфская лига в лице специально созданного трибунала или непосредственно синедриона расследовала дело и своим постановлением санкционировала фактически уже состоявшееся решение (об этом достаточно формальном участии Коринфской лиги см.: *Polyb., IX, 33, 12*).

жение должно было быть теперь оформлено на всеобщем эллинском конгрессе, который по инициативе Филиппа был созван в Коринфе на исходе осени или в начале зимы 338 г. до н. э.⁵

Обращаясь к истории самого Коринфского конгресса, необходимо прежде всего подчеркнуть, что его работа носила сложный и длительный характер. Есть все основания считать, что конгресс собирался в два приема, что было две его сессии: первая, учредительная, на которой было оформлено новое политическое единство, и вторая, на которой было принято решение о войне с персами. Впервые это различие этапов было принято во внимание Ю. Белохом, затем, на основании тщательного сличения рассказов Диодора и Юстина, наших главных источников по истории конгресса (Diod., XVI, 89; Just., IX, 5), оно было обстоятельно обосновано У. Вилькеном, к мнению которого присоединяются большинство ученых⁶.

На первую, учредительную сессию, рассказ о которой содержится у Юстина, съехались по приглашению македонского царя посланцы всех греческих государств. Лишь Спарта, до конца не усмиренная, игнорировала адресованное ко всем эллинам приглашение Филиппа. Съехавшиеся, как правильно подчеркнуто у У. Вилькена, были именно посланцами (у Юстина в IX, 5, 1 — *legati*), не членами общего синедриона,

⁵ Главным источником для истории Коринфского конгресса 338/7 г. до н. э. являются краткие, но ценные свидетельства античных авторов — Диодора, Помпея Трога (в переложении Юстина), Плутарха, Арриана. Для реконструкции решений конгресса важна прежде всего найденная на афинском акрополе надпись IG², II/III, 1, 236 (Ditt. Syll.³, 260 = Tod, II, 177 = Rhodes/Osborne, 76) с текстом, очевидно, составленного для Афин варианта общего договора. Надпись дошла в сильно поврежденном виде. Сохранившиеся части ее содержат: фрагмент *a* — заключительную часть клятвы на верность договору; фрагмент *b* — перечень общин, вступивших в союз, с указанием количества голосов, которыми эти общины располагали в общесоюзном совете. Из предложенных реконструкций этой надписи наиболее удачна, на наш взгляд, та, что дана У. Вилькеном в его статье 1929 г. (*Wilcken U. Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee* // SB, Berlin. 1929. N. 18. S. 291–318). Далее, важна сохранившаяся в корпусе речей Демосфена речь «О договоре с Александром» (XVII), автором которой, как считают, был не великий оратор, а кто-то из его современников, тоже, впрочем, принадлежавший к антимакедонской группировке. Упрекая Александра в нарушении договора об общем мире — очевидно, того самого, который он заключил с греками в 336 г. до н. э. и который в существенных своих частях повторял договор Филиппа, — оратор перелагает или цитирует отдельные статьи этого договора, давая нам, таким образом, возможность восстановить их содержание. Полную подборку источников по истории Коринфского конгресса (обеспеченную обстоятельным комментарием) см.: *Schmitt H. H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. (Die Staatsverträge des Altertums. Bd. III)*. München, 1969. N 403. S. 3–14.

⁶ *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. II*. Strassburg, 1897. S. 572–574, 606; *Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des korinthischen Bundes* // SB, München. 1917. Abh. 10. S. 4 ff.

который только еще предстояло создать⁷. Официальная программа конгресса была, очевидно, изложена Филиппом заранее в специальном эдикте (δίαυραμμα), который был разослан отдельным общинам, а затем оглашен царем при открытии общего собрания.

Предположение об издании Филиппом такого эдикта было высказано все тем же У. Вилькеном, который для суждения о действиях Филиппа в 338 г. привлек свидетельство Диодора о действиях Полиперхонта в 319/8 г. до н. э. (Diod., XVIII, 55 sq.). Согласно Диодору, чей рассказ основывается на показаниях хорошо осведомленного Гиеронима из Кардии, Полиперхонт, намереваясь произвести переустройство политических дел в Греции и восстановить мир и порядок, существовавшие при Филиппе и Александре, начал именно с издания общего эдикта. При этом в прокламации Полиперхонта содержалась прямая ссылка на предшествующие эдикты Филиппа и Александра. Подтверждение своему тезису об издании Филиппом общего эдикта У. Вилькен находит в рассказе Юстина, согласно которому македонский царь в Коринфе *пожаловал* грекам мир (Just., IX, 5, 2 — *ibi pacis legem universae Graeciae <...> statuit*). Хотя Юстин и упрощает дело — процедура принятия решения о мире была в действительности сложнее, — в его рассказе несомненно отразилось знание его прототипа Помпея Трога о царском эдикте⁸.

Все сказанное имеет большое значение для сравнительной оценки роли Филиппа и греков в истории Коринфского конгресса. Мы видим, что инициатива здесь полностью принадлежала македонскому царю, который не только созвал конгресс, но и заранее авторитетно определил его программу и решения. Тем не менее нельзя недооценивать того факта, что свою волю царь хотел облечь именно в форму общезеллинских решений. В этом заключалось признание за греками известного политического значения, известной мощи, которая заставляла считаться с ними и обращаться, по крайней мере в известных случаях, не как с подданными, а как с партнерами. Созывом Коринфского конгресса Филипп признавал важность того, чтобы политическое урегулирование, казалось бы уже продиктованное им Элладе, в конечном счете выступило в качестве совместного акта македонского царя и всех эллинов. Лишь это, очевидно, могло сообщить новому порядку надлежащую силу и устойчивость.

Первым важным решением Коринфского конгресса было провозглашение общего мира. У Юстина, как мы уже видели, это решение изображается просто как предписание Филиппа. Однако это — упрощение. Инициативная роль царя нашла выражение в предваряющем обще-

⁷ Wilcken U. Beiträge... S. 25–26.

⁸ Wilcken U. 1) Beiträge... S. 29 f.; 2) Philipp II. von Makedonien... S. 299 f.

эллиническое собрание эдикте, окончательные же решения были приняты самим этим собранием, явились результатом и содержанием общего договора. Поэтому в греческих источниках принятые в Коринфе решения официально обозначаются не как повеления царя Филиппа, но, с одной стороны, как постановления эллинов (τὸ δόγμα или τὰ δόγματα τῶν Ἑλλήνων — Ditt. Syll.³, 283, стк. 13; Arr. Anab., I, 16, 6; III, 23, 8), а с другой — как соглашения эллинов с Филиппом (αἱ συνθήκαι — IG², II/III, 1, 236, стк. 4/5, 15/16, 17/18, по тексту в реконструкции У. Вилькена; [Dem.], XVII, passim).

Что касается решения о мире, то, согласно тексту официальных документов и судя по восприятию современников, оно составляло главное содержание заключенного в Коринфе договора. Так, в надписи, содержащей афинский вариант общего договора, предмет соглашения определяется кратко ἡ εἰρήνη, возможно также — ἡ κοινὴ εἰρήνη (IG², II/III, 1, 236, стк. 9/10, 13/14, 19/20). Равным образом и у Псевдо-Демосфена предмет общего соглашения обозначается как ἡ κοινὴ εἰρήνη или просто ἡ εἰρήνη ([Dem.], XVII, в частности § 2, 4, 10).

Об отдельных статьях соглашения о мире можно судить отчасти на основании надписи с афинским вариантом общего договора, отчасти же — по речи Псевдо-Демосфена, который специально трактует о нарушении Александром договора о мире. В самом начале этого договора в торжественной форме провозглашались свобода и автономия для всех эллинов. Это видимое сохранение полисного партикуляризма отнюдь не означало признания за греками того права на свободную гражданскую и политическую борьбу, которое доселе считалось их неотъемлемой собственностью. Обладание свободой и автономией было сопряжено для участников договора с принадлежностью к новой политической системе, существенными признаками которой должны были стать прочный мир и твердый порядок.

Действительно, основное содержание договора сводилось к установлению прочного мира, гражданского и политического, в каждом отдельном полисе и в Элладе в целом. Забота о поддержании гражданского мира нашла выражение прежде всего в признании незыблемости тех государственных порядков, которые существовали у участников договора к моменту его заключения. «И я не буду ниспровергать, — гласит соответствующая часть официальной присяги, — ни царской власти Филиппа и его потомков, ни государственных устройств, существовавших у всех участников, когда они приносили клятвы на верность миру» (IG², II/III, 1, 236, стк. 11–14: [οὐδὲ τ]ὴν βασιλείαν [τ]ὴν Φ[ιλίππου καὶ τῶν ἐκγόνων] καταλύσω ὁδὲ (sic!) τὰς πολιτείας τὰς οὕσας] παρ' ἐκάστοις ὅτε τ[οὺς ὄρκους τοὺς περὶ τῇς εἰρήνης ὤμνουν]). При этом бросается

в глаза — по крайней мере, в изложении Псевдо-Демосфена — выразительное запрещение любых действий, связанных с ломкою общественных отношений, если эти действия противоречили существующей конституции и служили целям переворота. По словам оратора, должностным лицам, призванным стоять на страже общих интересов, вменялось в обязанность «заботиться о том, чтобы в государствах — участниках мирного договора не применялись ни казни, ни изгнания вопреки установленным в этих государствах законам, ни отобрания в казну имуществ, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов в целях государственного переворота» (пер. С. И. Радцига) ([Dem.], XVII, 15: ἐπιμελεῖσθαι <...> ὅπως ἐν ταῖς κοινωνούσαις πόλεσι τῆς εἰρήνης μὴ γίγνωνται θάνατοι καὶ φυγαὶ παρὰ τοὺς κειμένους ταῖς πόλεσι νόμους, μηδὲ χρημάτων δημεύσεις, μηδὲ γῆς ἀναδασμοί, μηδὲ χρεῶν ἀποκοπαί, μηδὲ δούλων ἀπελευθερώσεις ἐπὶ νεωτερισμῷ).

Что все эти запреты, ставившие предел социально-политическим смутам, должны были в конечном счете содействовать благополучию состоятельных слоев гражданского общества, в этом сомневаться не приходится. С этой точки зрения социальный характер установлений о гражданском мире бесспорен⁹. Однако из этого вовсе не следует, что в самый момент заключения договора эти установления имели в виду прежде всего социальные интересы состоятельной верхушки греческого общества. Не надо забывать о том, что Коринфский конгресс был заключительным эпизодом вполне определенной политической борьбы, а не социальной революции (или контрреволюции), и положение, которое он должен был оформить, было именно положением политическим, с уже установившимися отношениями господства и подчинения.

С точки зрения главного устроителя Коринфского конгресса — македонского царя Филиппа, было важно прежде всего закрепить достигнутое политическое положение, подтвердить незыблемость македонской супрематии, нерушимость установленных или санкционированных македонским царем порядков. Именно этим, по нашему мнению, объясняется и внимание Коринфского конгресса к вопросу о гражданском мире. Македонским царем двигала здесь не столько забота об интересах имущих слоев населения — расчет приобрести таким образом симпатии состоятельной элиты мог играть лишь побочную роль, — сколько естественное стремление утвердить собственную власть и власть дружественных ему режимов в Греции. Отсюда характерная формула официальной присяги,

⁹ Это было отмечено уже Ю. Керстом. См.: *Kaerst J. Geschichte des hellenistischen Zeitalters*. Bd. I. Leipzig; Berlin, 1901. S. 208; ср. последнее издание: *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus*. Bd. I³. Leipzig; Berlin, 1927. S. 276.

имеющая в виду именно государственные интересы македонских царей и их греческих сателлитов (IG², II/III, 1, 236, стк. 11–14: οὐδὲ τὴν βασιλείαν τὴν Φιλίππου καὶ τῶν ἐκγόνων καταλύσω κτλ.). Отсюда и все те конкретные запреты, о которых говорится у Псевдо-Демосфена: они направлены были прежде всего на предотвращение политических переворотов, а затем, конечно, и социальных преобразований, которые могли быть инспирированы антимакедонскими группировками.

С этим же были связаны и настоятельные, возможно, даже не раз повторявшиеся в решениях конгресса, требования не допускать возвращения изгнанников, т. е. тех, несомненно, политических деятелей и групп, которые до этого были противниками Македонии и которые впредь могли стать инициаторами ниспровержения только что установленных порядков (ср.: [Dem.], XVII, 3–9, 16–18).

Возвращаясь к содержанию договора о мире, отметим, что его статья-ми предусматривалось установление в Элладе не только гражданского мира, но и мира политического. Впредь между участниками общего договора запрещались всякие войны, а в случае нарушения этого запрета все участники договора должны были прийти на помощь государству, подвергнувшемуся нападению, и совместными усилиями покарать нарушителя (см. текст официальной присяги IG², II/III, 1, 236, в частности стк. 5 sqq. и 17 sqq.).

Конечно, одного провозглашения мира и порядка еще было мало для того, чтобы они действительно утвердились в жизни. Необходимо было подвести какое-то реальное основание под это новое здание, и таким основанием стало следующее важное решение конгресса — о заключении военного оборонительного и наступательного союза между эллинами и македонским царем Филиппом. Для суждения о новом союзе решающее значение имеет свидетельство Юстина, который не только рассказывает об организации вооруженных сил, но попутно отмечает и характер этого нового союза (Just., IX, 5, 4: *auxilia deinde singularum civitatum describuntur, sive adiuvandus ea manu rex oppugnante aliquo foret seu duce illo bellum inferendum*). Юстин, правда, не употребляет самого слова «союз», но что такое слово было произнесено на Коринфском конгрессе, что наряду с решением о мире было принято и решение о союзе, доказывается рядом упоминаний в других источниках (Diod., XVI, 89, 3; XVII, 63, 1; Arr. Anab., II, 1, 4, но особенно: III, 24, 5, где названы одновременно оба важнейших пункта общего договора — решение о мире и решение о союзе: ἡ εἰρήνη καὶ ἡ συμμαχία). На основании всех этих материалов, а главным образом ввиду напрашивающейся параллели с эпидаврской надписью SEG, I, 75, содержащей текст договора о союзе (συμμαχία) между царями Антигоном и Деметрием

и греками (302 г. до н. э.)¹⁰, У. Вилькен имел полное право предложить следующее восстановление начальных строк надписи IG², II/III, 1, 236: Ἐμμενῶ [τῇ συμμαχίαι καὶ οὐ λύσω τὰς συνθήκας τὰς πρὸς Φίλιππον Μακεδόνα]¹¹.

Союз между греками и Филиппом II был заключен на подчеркнуто равноправных началах, что, между прочим, нашло выражение и в официальном обозначении нового содружества именами двух его главных партнеров — македонского царя и эллинов (ср. позднейшее Ἀλέξανδρος καὶ οἱ Ἕλληνες — OGIS, 8, стк. 6; Arr. Anab., I, 16, 7; II, 2, 2). Суверенные права эллинских союзников были выразительно подчеркнуты не только общей прокламацией о свободе и автономии всех эллинов — участников общего договора, но и специальной оговоркой, содержащейся по крайней мере в некоторых, частных вариантах договора, о том, что за эллинами сохраняется право самим решать вопрос о своем участии в этом соглашении ([Dem.], XVII, 30).

Всем эллинским государствам — участникам договора гарантировалась неприкосновенность их границ ([Dem.], XVII, 26 sqq.). Специально была оговорена свобода эллинов от уплаты какой-либо подати (Schol. in

¹⁰ Текст этой надписи также см.: *Schmitt H. H. Die Verträge...* N 446. S. 65–74 (с комментарием).

¹¹ *Wilcken U. Philipp II. von Makedonien...* S. 302 ff. Вопрос о государственно-правовой основе Коринфской лиги является, безусловно, одним из наиболее сложных. Неудивительно, что конструкция У. Вилькена — представление о симмахии как организационной основе Коринфского договора и соответствующая интерпретация и восстановление надписи IG², II/III, 1, 236 — вызвала оживленную дискуссию. В. Шван первым выступил против теории У. Вилькена. Согласно В. Швану, следует различать договор об общем мире, который и определил политическую структуру новой Греции, и договор о союзе; афинская надпись IG², II/III, 1, 236 относится именно к договору о мире (*Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. Leipzig, 1930. S. 36 ff.*). Вслед за Шваном Ф. Шель также высказался за отделение договора о мире от договора о союзе, однако в истолковании афинской надписи Ф. Шель вернулся к точке зрения У. Вилькена: надпись относится к договору о союзе, хотя и включает или повторяет отдельные положения договора о мире (*Schehl F. Zum korinthischen Bund vom Jahre 338/37 v. Chr. // JOAI. 1932. Bd. 27. S. 115 ff.*). А. Моммляно, в свою очередь, принимая тезис В. Швана и Ф. Шеля о раздельности договоров, надпись IG², II/III, 1, 236 отнес к договору о мире (*Momigliano A. La κοινή εἰρήνη dal 386 al 338 a. C. // Rivista di filologia e di istruzione classica. N. S. 1934. T. 12. Fasc. 4. P. 498 sgg.*). Против тезиса о двух различных договорах выступил, однако, Ф. Хампл, согласно которому был лишь один договор — об общем мире (*Hampl F. Die griechischen Staatsverträge des 4. Jahrhunderts v. Chr. Geb. Leipzig, 1938. S. 34 ff., 89 ff., 134 ff.*); позднее сходную позицию по этому вопросу занял также Т. Райдер (*Ryder T. T. B. Koine Eirene. General Peace and Local Independance in Ancient Greece. Oxford, 1965. P. 102 ff., 150 ff.*). Эти колебания в «уточнении» точки зрения У. Вилькена по-своему показательны. Остроумные в частности, эти построения неубедительны в основном. Конструкция У. Вилькена и с общен исторической точки зрения, и ввиду очевидной параллели с эпидаврейской надписью продолжает оставаться наиболее убедительной.

Dem., XVIII, 89, p. 255, 12 Dind.) и от принятия чужих гарнизонов (Polyb., IV, 25, 7; XVIII, 46, 5), последнее — невзирая на фактическое присутствие македонских гарнизонов в целом ряде греческих городов. Участники договора были обязаны только поставлять в союзное войско свои отряды воинов и кораблей. Размеры этих контингентов были тогда же точно определены в соответствии с возможностями отдельных общин. При этом, по свидетельству Юстина, оказалось, что число воинов от одних только эллинских союзников, без учета собственно македонского войска и отрядов от соседних подчиненных македонскому царю варваров, составило 200 тыс. пехотинцев и 15 тыс. всадников, что, конечно, отражает не реальные силы нового союза, а его потенциальные возможности.

Все эти положения не должны затемнять истинной природы и характера нового объединения. Военный союз между греками и Филиппом II был формой, в которой нашло выражение свершившееся еще до Коринфского конгресса объединение Греции под властью македонского царя. И на будущее этот союз должен был служить целям сохранения сложившейся системы отношений. Эта его природа и назначение обусловили и своеобразие его организации, состав и полномочия его руководящих органов. Обращение к этой собственно организационной стороне позволит составить более точное представление о сущности нового объединения.

Внешне организация нового союза являла черты дуализма, отражая таким образом формальное равноправие вступивших в соглашение сторон: греки были представлены своим общим советом — синедрионом, а Македония — царем, который был провозглашен гегемоном союза.

Самый факт учреждения в Коринфе общего совета засвидетельствован Юстином, который, впрочем, прямолинейно относит данную акцию к числу распоряжений македонского царя (Just., IX, 5, 2: *consiliumque omnium veluti unum senatum ex omnibus legit*). Об этом синедрионе говорится уже в тексте официальной присяги, если только верно восстановление У. Вилькена (IG², II/III, 1, 236, стк. 20/21: καὸτῇ [ἀν δοκῇ τῷ κοινῷ συνεδ]ρίῳ), а в последующей традиции упоминания о нем вообще довольно часты.

Синедрион состоял из представителей греческих государств — участников общего договора, причем норма представительства была, очевидно, определена в соответствии с политическим весом и численностью населения, а практически — с размерами контингентов, которые та или иная община (или группа общин) поставляла в общесоюзное войско¹².

¹² О критерии и норме представительства в синедрионе ср.: *Larsen J. A. O. Representative Government in the Panhellenic Leagues* // CPh. 1925. Vol. 20. P. 319; *Berve H.*

Синедрион был учрежден в качестве высшего политического органа объединенных в союз эллинов. Ему вменялось в обязанность следить за сохранностью политического порядка, установленного решениями конгресса, предоставлялось право выносить принципиальные решения, в частности о войне и назначении в этой связи стратега-автократора, и вершить суд во всех спорных делах, касающихся как целых государств — участников договора, так и отдельных граждан.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы как будто бы говорят о том, что синедриону эллинов было уготовано играть важную роль в новом союзе¹³. Однако это скорее внешнее впечатление; при ближайшем рассмотрении оказывается, что значение этого органа было не столь уж велико и что его никак нельзя признать суверенным представителем эллинской нации. Дело в том, что все действия синедриона определялись и направлялись стоящим вне политической организации греков македонским царем. Последний был не только партнером греков по союзу, но и их главой. На Коринфском конгрессе он официально был провозглашен гегемоном союза, главнокомандующим всеми его вооруженными силами на суше и на море. В рассказе Юстина о первой сессии Коринфского конгресса (IX, 5, 4) содержится, правда, лишь косвенное указание на избрание Филиппа гегемоном союза (*seu duce illo bellum inferendum*), однако нет недостатка и в прямых свидетельствах (Dem., XVIII, 201; Polyb., IX, 33, 7; Plut. Inst. Lac., 42, p. 240 a; Schol. in Ael. Aristid. Panath., p. 178, 16 Dind.; ср. также упоминание о гегемоне в тексте официальной присяги — IG², II/III, 1, 236, стк. 21/22: καὸὲτ[ᾱν] <...> ὁ ἡγεμὼν[υ παραγγέλλη]).

Гегемон отнюдь не был только военным главой союза — фактически он осуществлял и политическое руководство. Именно он определял своим эдиктом принципиальное содержание решений, которые предстояло принять синедриону, и ему же, а не самим эллинам принадлежала инициатива созыва этого совета. По крайней мере в двух известных нам случаях, когда синедрион собирался на свои сессии (в 337 и 336 г. до н. э.), инициатива каждый раз исходила от македонского царя (Diod., XVI, 89, 2 sq.; XVII, 4, 9). С другой стороны, в решениях Коринфского конгресса было записано, что свои важнейшие функции — надзор за сохранением существующего порядка и применение необходимых санкций к наруши-

Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I. München, 1926. S. 230; Wilcken U. Philipp II. von Makedonien... S. 300; Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede... S. 4 f.

¹³ Отсюда та высокая оценка, которую некоторые исследователи склонны были давать возможностям развития федеративного начала в учрежденной Филиппом симмахии. См.: Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. Bd. I. S. 282 ff.; ср.: Wilcken U. Philipp II. von Makedonien... S. 309.

телям договора — синедрион должен осуществлять совместно с гегемоном союза, т. е. македонским царем. По свидетельству Псевдо-Демосфена, в договоре было определено, что заботиться о поддержании гражданского мира должны «члены синедриона и лица, поставленные на страже общего дела» ([Dem.], XVII, 15: τοὺς συνεδρεύοντας καὶ τοὺς ἐπὶ τῇ κοινῇ φυλακῇ τεταγμένους), где под «лицами, поставленными на страже общего дела», надо понимать, по всей видимости, македонского царя или его представителей¹⁴. По существу, о том же свидетельствует и текст официальной присяги: «И буду воевать со всяким, нарушающим общий мир, согласно тому, как решит общий синедрион и прикажет гегемон» (IG², II/III, 1, 236, стк. 19–22, с восстановлениями У. Вилькена: καὶ πολεμήσω τῶ[ι τὴν κοινὴν εἰρήνην παρ]αβαίνοντι καθότι [ἄν δοκῇ τῶι κοινῶι συνεδ]ρίωι καὶ ὁ ἡγεμῶ[ν παραγγέλλη]).

Правда, как раз последняя фраза может дать повод к заключению о высокой политической роли синедриона, о том, что именно он принимал принципиальные решения, между тем как гегемон лишь руководил их практическим осуществлением¹⁵. Однако такое заключение будет основываться лишь на формальном анализе фразы, а не на сути дела. По существу же важно то, что только один гегемон — македонский царь — обладал реальной силой для проведения в жизнь любых решений. Это лишало представительный орган греков реального политического значения и низводило его до уровня младшего партнера с совещательным голосом¹⁶.

Таким образом, было бы неверно усматривать в раздельном существовании синедриона эллинов и гегемона какой-то реальный политический дуализм или разделение властей в новом союзе и на этом основании делать вывод о равноправном сотрудничестве двух заключивших его сторон. Разделение властей было здесь видимым, а сотрудничество — фиктивным. Напротив, то обстоятельство, что один из партнеров в новом союзе — именно македонский царь — был одновременно и гегемоном и только он один обладал реальной политической силой, делает это

¹⁴ Ср.: *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. I. S. 280. Anm. 1; *Schwahn W.* Heeresmatrikel und Landfriede... S. 46 f., 49 f. (под τοὺς ἐπὶ τ. κ. φ. τεταγμένους подразумевается попросту македонский царь); *Wilcken U.* Über eine Inschrift aus dem Asklepieion von Epidauros // SB, Berlin. 1922. Bd. 18. S. 139–140; *Momigliano A.* La κοινὴ εἰρήνη... P. 508 (имеются в виду представители македонского царя). Г. Берве несколько прямолинейно видит в указанных лицах командиров македонских гарнизонов в греческих городах (*Berve H.* Das Alexanderreich... Bd. I. S. 230).

¹⁵ Так именно у У. Вилькена (*Wilcken U.* Philipp II. von Makedonien... S. 307 ff.).

¹⁶ Это правильно было отмечено Р. фон Пёльманом и В. Шваном (*Пёльман Р.* Очерк греческой истории и источниковедения / пер. с 4-го нем. изд. С. А. Князькова. СПб., 1910. С. 288; *Schwahn W.* Heeresmatrikel und Landfriede... S. 49 f.).

объединение, безусловно, похожим на прежние симмахии гегемонистского типа¹⁷. От Пелопоннесского или от Афинских союзов новое объединение отличалось не характером, а количеством вошедших в него общин (почти все, за исключением, кажется, одной Спарты) и более разработанными организационными формами.

Провозглашением общего мира и созданием нового греко-македонского союза была исчерпана повестка первой сессии Коринфского конгресса. Следующая сессия, рассказ о которой содержится у Диодора (XVI, 89, 2 sq.), открылась несколько времени спустя, после того как первые принципиальные решения конгресса были одобрены и ратифицированы участниками договора. По подсчетам У. Вилькена, новая сессия открылась примерно в начале лета 337 г. до н. э.¹⁸; она должна была обсудить вопрос о войне с Персией.

Как убедительно показали Ю. Керст и У. Вилькен, война с Персией диктовалась македонскими державными интересами. Захват фракийских земель и выход македонян на побережье Босфора, Пропонтиды и Геллеспонта привели их в непосредственное соприкосновение с персами, которые должны были с тревогой следить за распространением македонской власти в сторону Азии. Вмешательство персидских сатрапов в войну Филиппа с пропонтидскими греками и помощь, которую они оказали в 340 г. до н. э. осажденному Перинфу, показали, до какой степени Персия не склонна была ограничиваться ролью стороннего наблюдателя. С другой стороны, создание Филиппом новой эллинской лиги под собственным руководством означало полную ликвидацию существовавшей еще со времени Анталкидова мира политической системы, при которой за персидским царем все время сохранялось значение высшего арбитра и авторитета в Греции. Все это — и обоснование Македонской державы в новых границах, и утверждение македонского царя в качестве нового гегемона Эллады — неизбежно вело к войне с Персией. Лишь победоносная война с этой сверхдержавой могла дать македонскому царю гарантию надежности всех достигнутых успехов¹⁹.

Впрочем, помимо ближайших политических интересов к войне с Персией могли толкать македонского царя и более общие соображения. Филипп не мог не понимать, что прочное утверждение македонской гегемонии над привыкшими к свободе и независимости эллинами будет невозможно без соответствующего оправдания, например необходимо-

¹⁷ На этом совершенно справедливо настаивает В. Эренберг (*Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Bd. I. Leipzig, 1957. S. 85 ff., 111 f.*).

¹⁸ *Wilcken U. 1) Beiträge... S. 21–25; 2) Philipp II. von Makedonien... S. 299, 310.*

¹⁹ Ср.: *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. Bd. I. S. 269 ff.; Wilcken U. Philipp II. von Makedonien... S. 295 ff.*

стью выполнения большой «национальной» задачи. Война, большая общая война могла не только дать такое оправдание, но и сообщить новой политической системе мощный импульс, благодаря которому она обрела бы дополнительную прочность и устойчивость. Популярными в Греции идеи панэллинизма подсказывали обращение в ту сторону, куда уже толкали Филиппа державные македонские интересы. Такой войной при тогдашних обстоятельствах и состоянии умов могла быть только общая борьба с варварами, отражение их от границ нового греко-македонского единства и организация совместного завоевательного похода на Восток.

До Филиппа идею общей борьбы с варварами уже нещадно эксплуатировали Дионисий Старший и Ясон Ферский. Македонский царь не мог не быть знаком с их опытом. Впрочем, ко времени Коринфского конгресса он сам уже приобрел большой навык в использовании популярных идей для прикрытия своих державных целей. Так, вмешательство в фессалийские дела он осуществлял под благовидным предлогом защиты свободных эллинов от тирании, а вторжения в Среднюю Грецию проводил, выступая от лица амфикитионов, в качестве мстителя за поруганную святыню Аполлона. Теперь в Коринфе он взял на себя новую роль вождя эллинов в борьбе с их заклятым врагом — Персией. Выступить с идеей возобновления такой борьбы было тем естественнее, что само место нового панэллинского конгресса — Коринф — подсказывало сопоставление с временем великого единения эллинов в борьбе с полчищами Ксеркса. Отсюда же, а также, конечно, из практического опыта с Дельфийской амфикитионией заимствована была Филиппом и оригинальная мотивировка новой войны — необходимость отмщения варварам за надругательства над святынями эллинов²⁰.

Судя по рассказу Диодора, Филипп стал распускать слухи о готовящейся им новой войне с персами еще накануне первой сессии Коринфского конгресса. Именно тогда, стараясь заручиться симпатиями греков, он выдвинул идею этой новой войны и дал ей надлежащее обоснование. На самой первой сессии вопрос о войне с Персией еще не обсуждался. Начинать открытую борьбу с персами до окончательного устроения собственно греческих дел Филиппу, очевидно, не казалось целесообразным.

²⁰ Что мотив отмщения за поруганные святыни был пущен в оборот самим Филиппом и что при этом при выдвигании и обосновании идеи новой войны с персами, как и при учреждении самого нового союза, Филипп мог сознательно играть на параллелях с временем Греко-персидских войн, — это предположения У. Вилькена (*Wilcken U. Philipp II. von Makedonien...* S. 314–316). Что в использовании Филиппом идеи священной войны, идеи войны ради мщения за поруганные святыни, известную роль мог сыграть опыт тех войн, которые он вел под флагом защиты святыни Аполлона в Дельфах, — на это указал еще раньше Ю. Керст (*Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. Bd. I. S. 272*).

Однако, как выразительно подчеркнуто у Юстина, ни для кого не было тайной, что учреждавшиеся тогда общесоюзные вооруженные силы предназначались именно для борьбы с Персией (Just., IX, 5, 5: neque enim dubium erat imperium Persarum his apparatibus peti). Теперь, на второй сессии конгресса, этот вопрос был уже поставлен совершенно официально.

И на сей раз инициатива целиком принадлежала македонскому царю. Заранее соответствующим эдиктом он известил греческие общины о своем намерении обсудить с ними вопрос чрезвычайной важности. Когда по переданному таким образом приглашению в Коринф собрались делегаты — теперь это были уже члены синедриона, — они услышали заявление царя о необходимости начать борьбу с персами (Diod., XVI, 89, 3). Заявление это было встречено с одобрением, и, таким образом, вопрос о войне был решен.

Затем специальным постановлением конгресс передал македонскому царю для ведения войны чрезвычайные полномочия, избрав его стратегом-автократом (Diod., XVI, 89, 3; Пар. Оху., I, N 12, стб. III, стк. 9–13)²¹. Тогда же, если только это не было сделано еще на первой сессии конгресса, было принято решение, запрещавшее эллинам служить в качестве наемников у варваров (Arr. Anab., I, 16, 6; 29, 6; III, 23, 8; 24, 5)²². Весной 336 г. до н. э. первые отряды македонских войск переправились в Малую Азию, и только неожиданная смерть царя Филиппа, заколотого во время празднеств в Эгах его бывшим фаворитом Павсанием, помешала немедленному исполнению принятого Коринфским конгрессом решения.

Политическое творчество Филиппа II — важный момент в истории не только Македонии, но и всей Балканской Греции. Кульминацией этого творчества явилось создание в 338/7 г. до н. э. Коринфской лиги — нового греко-македонского единства, призванного служить сохранению общего мира и порядка в Греции, нацеленного далее на выполнение грандиозной внешнеполитической программы — завоевание персидского

²¹ См.: *Wilcken U. Beiträge...* S. 27 f. Вслед за У. Вилькеном признают такое особенное назначение Филиппа в стратеги-автократы: *Berve H. Das Alexanderreich...* Bd. I. S. 231; *Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede...* S. 56; отрицают: *Scheele M. Στρατηγὸς αὐτοκράτωρ. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des 5. und 4. Jahrhunderts.* Diss. Leipzig, 1932. S. 12 ff.; *Momigliano A. La κοινὴ ἐιρήνη...* P. 500, 510 sg.; *Hampl F. Die griechischen Staatsverträge...* S. 46, 135; ср., однако, контрвозражения Г. Бенгтсона: *Bengtson H. 1) Die Strategie in der hellenistischen Zeit.* Bd. I. München, 1937. S. 3 ff.; 2) *Griechische Geschichte*⁴. München, 1969. S. 327.

²² К первой сессии конгресса относили это решение У. Вилькен и К. Ю. Белох (*Wilcken U. Beiträge...* S. 25 f.; *Beloch K. J. Griechische Geschichte.* Bd. III. Abt. I. S. 576), ко второй — тот же У. Вилькен в своей более поздней статье (*Wilcken U. Philipp II. von Makedonien...* S. 310. Anm. 3; ср.: *Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede...* S. 57 f.).

Востока. В Коринфской лиге нашли воплощение заветные стремления македонских царей к утверждению в качестве лидеров греческого мира. В ее построении вместе с тем отразилось своеобразие осуществлявшегося под руководством Филиппа II взаимодействия македонской державной политики с обществом греческих полисов. Насколько же конструктивным и плодотворным оказалось это взаимодействие? Ответить на этот вопрос можно, суммируя впечатления от истории Коринфского конгресса.

Для начала надо учесть весьма своеобразный характер ситуации, которая сложилась накануне конгресса. Существенными признаками обстановки были военный разгром Филиппом коалиции свободных эллинов и определение им своих отношений с эллинскими общинами таким образом, что это давало ему возможность и впредь выступать в роли высшего арбитра и авторитета. Иными словами, предыстория Коринфского конгресса характеризуется тем, что македонскому царю фактически уже удалось добиться господства в Греции. Однако отчасти в силу присущего Филиппу политического такта, отчасти же ввиду сохранения некоторыми греческими общинами потенциальной возможности к сопротивлению заключительное устройство политических дел в Греции было осуществлено таким образом, что создавалась предпосылка для оформления этого положения общим, пусть чисто видимым, соглашением.

Как бы там ни было, не приходится сомневаться, что инициатива в созыве общезллинского конгресса целиком принадлежала победителю греков — македонскому царю Филиппу. Но отсюда следует, что и заинтересован в этом конгрессе был более всего он сам. Равным образом решения Коринфского конгресса отчетливо отразили прежде всего македонские интересы. Это очевидно даже в отношении решения о гражданском и политическом мире в Элладе. Интересы состоятельной верхушки греческого общества могли играть здесь лишь побочную роль. И уж совершенно бесспорна преимущественная забота Филиппа о собственных интересах в решении, определившем организацию новой политической системы, в решении о новой симмахии. Возможно, по замыслу устроителя, эта симмахия должна была будить в греках воспоминания о славном эллинском союзе времен Греко-персидских войн, однако по существу эта новая организация не имела ничего общего со свободным союзом эллинов. Она была сродни гегемонистским объединениям типа Афинской или Пелопоннесской архэ или той системе, которая была навязана грекам условиями Ангалкидова мира.

Наконец, не может быть поставлена под сомнение важная роль собственно македонских интересов и в тех решениях, которые определили будущую внешнюю политику нового союза. Война с Персией была

неизбежна с точки зрения ближайших государственных интересов Македонии. Она была необходима македонскому царю и для того, чтобы придать на будущее надлежащую устойчивость созданной им политической системе. При этом естественной была спекуляция царя на панэллинских, шовинистических настроениях греческого общества. Однако реальная политика определялась именно государственными интересами Македонии, а не призывами идеологов панэллинизма.

Сказанное подводит к общему — неутешительному с точки зрения панэллинизма — суждению о Коринфском конгрессе 338/7 г. до н. э. Событию этому должно быть отведено место не столько в истории собственно эллинской, сколько в истории государственной македонской политики, последовательным проводником которой — и только ее одной — был царь Филипп. Оформленные решениями Коринфского конгресса объединение Эллады не было результатом внутреннего, спонтанного развития греческой нации. Это объединение было навязано эллинским полисам силой оружия, а затем закреплено мнимо равноправным соглашением в Коринфе. Ни о создании единого греко-македонского государства, ни даже о фактическом союзе македонской монархии с состоятельной верхушкой греческого общества говорить не приходится. Результатом политического творчества Филиппа II, частью которого был и Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э., явилось создание симмахии традиционного гегемонистского типа, системы искусственной и эфемерной, не пережившей своего творца (Александру пришлось снова возрождать ее к жизни)²³. Очевидно, что считать Коринфский конгресс принципиально новым моментом греческой истории не приходится. Таким моментом, если иметь в виду, в частности, переход от классического периода к эллинизму, стала новая политическая ситуация, сложившаяся в ходе восточного похода Александра Великого.

²³ Попытку М. А. Кондратьюк (*Кондратьюк М. А.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV в. до н. э. // ВДН. 1977. № 2. С. 25 слл.) опровергнуть это мнение и доказать известное позитивное значение Коринфской лиги в политической жизни греков нельзя признать удачной. Подчеркивая формальное равенство всех греческих полисов в рамках нового, созданного Филиппом политического единства, М. А. Кондратьюк делает заключение о снижении роли крупных, некогда ведущих полисов, о соответствующем возрастании значения малых греческих государств и о поддержке ими в силу этого политики Филиппа. Однако принижение Филиппом ведущих полисов Эллады не означало тем самым усиления роли малых государств, а свидетельствовало лишь о нивелирующей тенденции низвести все греческие города до положения зависимых македонских сателлитов или подданных.

Ю. Н. Кузьмин

«В ТЕНИ ОЛИМПА»: ПОСЛЕСЛОВИЕ

Публикацию под одной обложкой переводов книги Юджина Борзы «В тени Олимпа» (1990) и являющейся дополнением к ней небольшой работы «До Александра» (1999), несомненно, следует только приветствовать. В первую очередь, это связано с отсутствием на русском языке исследований обобщающего характера, посвященных истории древней Македонии, которые отражали бы современное состояние источников, а также достижения и тенденции в изучении истории и культуры этого государства после прорыва, начавшегося во многом под влиянием сенсационных открытий М. Андроникоса в Вергине в конце 1970-х гг. Представленная читателю книга Ю. Борзы во многом восполняет этот пробел.

С другой стороны, за годы, прошедшие со времени издания исследований Ю. Борзы, появились новые важные археологические и эпиграфические материалы, относящиеся к периоду истории Македонии до времени правления Александра Великого — эпохе, которой посвящены работы американского антиковеда. Были предложены и новые интерпретации самых разных проблем македонской истории доэллинистического периода, в том числе и связанные с критикой ряда концепций, отстаиваемых Ю. Борзой¹.

Далее будет представлен выборочный обзор археологических исследований, главным образом последних пятнадцати лет, а также современного состояния проблем, занимающих особое место в работах Ю. Борзы: изучения языка и этнической принадлежности древних македонян и идентификации личности людей, погребенных в царских гробницах под Большим курганом в Вергине, и их датировки.

¹ Например, во многом критике ряда идей Ю. Борзы посвящена статья греческого археолога Х. Саацоглу-Палиадели, даже в заголовке которой обыгрывается название главной работы американского историка «В тени Олимпа»: *Saatsoglou-Paliadeli Ch. In the Shadow of History: The Emergence of Archaeology // BSA. 1999. Vol. 94. P. 353-367.*

* * *

Итак, раскопки на территориях, входивших в древности в состав Македонского царства, в последние десятилетия носят весьма масштабный характер. Помимо исследований в таких знаковых местах на территории современной Греции, как Вергина (Эги), Пелла или Дион, следует упомянуть и о раскопках на юге нынешней Республики Македония. Также необходимо отметить, что сравнительно недавно увидели свет официальные публикации нескольких важных археологических памятников (например, «гробницы с пальметтами» в Лефкадии²), отсутствовавшие во время появления оригинальных изданий трудов Ю. Борзы, включенных в настоящую книгу.

Растет число находок, сделанных как в приморских районах (Пиерии и Эмафии), так и в горной Верхней Македонии, фиксирующих связи этих регионов с микенским миром (керамика, украшения, оружие и т. д.) и, возможно, даже микенское присутствие в них³. В свете современных археологических данных исключение Македонии из так называемого микенского койна Ю. Борзой и некоторыми другими учеными требует как минимум важных уточнений.

Говоря о Верхней Македонии, необходимо упомянуть раскопки в Эане, бывшей резиденцией правителей Элимен (Элимиотиды). В Эане были открыты общественные и жилые сооружения, погребения V–IV вв. до н. э., интереснейшие артефакты (включая статуй куросов и кор), а также некрополь позднего бронзового века⁴.

Конечно же, следует отметить исследования в Дионе, важнейшем религиозном центре древней Македонии, расположенном в Пиерии в «тени Олимпа», месте почитания Зевса и других олимпийских богов, где раскопан храм Деметры, начальная фаза строительства которого относится к концу VI в. до н. э.⁵

Важные находки были сделаны в Вергине, первой «столице» династии Аргеадов — несомненно, самом известном месте археологических изысканий на территориях, связанных с древней Македонией. В связи с периодом, которому посвящены работы Ю. Борзы, необходимо упомянуть раскопки погребений конца VI–V вв. до н. э. Некоторые из них, вероятно, принадлежали членам царской семьи. Особо следует отметить бога-

² *Rhomiopoulou K., Schmidt-Doumas B.* Das Palmettengrab in Lefkadia. Mainz, 2010.

³ *Kountouri E.* The Mycenaean Presence in Macedonia: New Evidence from the Region of Emathia // *Heracles to Alexander the Great: Treasures from the Royal Capital of Macedonia, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy* / ed. by A. Kottaridi. Oxford, 2011. P. 59–66.

⁴ *Karamitrou-Mentessidi G. Aiani* — Historical and Geographical Context // *Brill's Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archaeology and History of Macedonia, 650 BC — 300 AD*. Leiden, 2011. P. 107–108.

⁵ *Παπтерμάκης Д.* Дион. Археологический заповедник и музей. Афины, 1997. С. 17.

тое женское погребение (возможно, царское)⁶. Для изучения эволюции македонского искусства огромный интерес представляют двадцать шесть глиняных женских и мужских голов от несохранившихся деревянных культовых статуй, найденные в одном из соседних погребений⁷.

В свете археологических свидетельств очевидно, что Македония с весьма раннего времени развивалась именно в ареале греческой культуры и искусства. Открытые в последние годы в Вергине, Эане, Дионе и других местах артефакты конца VI–V вв. до н. э. позволяют проследить эволюцию македонского искусства преимущественно именно в рамках эллинского артистического койнэ. Объявить все находки работами исключительно греческих мастеров вряд ли возможно.

В 2007 г. под руководством А. Коттариди начались новые масштабные исследования дворцового комплекса в Вергине. Прежде его обычно датировали временем не ранее конца IV в. до н. э. — правлением диадоха Кассандра (ок. 316–297 гг. до н. э.) или даже Антигона II Гоната (ок. 276–239 гг. до н. э.)⁸. Однако А. Коттариди представила аргументы в пользу того, что дворец был построен в царствование Филиппа II (360/359–336 гг. до н. э.), составляя единый комплекс с расположенным рядом театром, ставшим местом гибели царя в 336 г. до н. э.⁹ Датировка А. Коттариди оспаривается некоторыми археологами, но приведенные ею доводы представляются достаточно убедительными.

Следует особо отметить открытые в Вергине эпиграфические источники, среди которых теперь имеются и надписи конца V — начала IV в. до н. э. Первой стоит упомянуть метрическую эпитафию на надгробии (выполненную в стиле стойхедон), возможно, принадлежавшем известному скульптору Каллимаху (SEG, XLVI, 830)¹⁰, который мог быть одним из представителей греческой интеллектуальной элиты (наряду с трагиком Эврипидом, художником Зевксидом, поэтом Агафоном и др.), живших и творивших в конце V в. до н. э. при дворе царя Архелая (413–399 гг. до н. э.), но не зафиксированном в литературной традиции.

Еще одна фрагментарная надпись, найденная в районе театра, судя по всему, содержала текст договора между Македонией и Спартой,

⁶ Kottaridi A. The Lady of Aegae // *Alexander the Great: Treasures from an Epic Era of Hellenism*. New York, 2004. P. 139–147.

⁷ Heracles to Alexander the Great: Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy / ed. by A. Kottaridi. Oxford, 2011. P. 156–157. Fig. 173–174.

⁸ Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs and the City. Athens, 1984. P. 39.

⁹ Kottaridi A. The Palace of Aegae // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD*. Leiden, 2011. P. 297–333.

¹⁰ Сводка информации о Каллимахе: Lippold G. Kallimachos (7) // *RE. Hbd. XX*. 1919. Sp. 1645–1647. По поводу надписи из Вергины см.: Saatsoglou-Paliadeli Ch. Op. cit. P. 367; Stieber M. Further Thoughts on εὔστολος in Euripides' I. T., Vitruvius, and a Late Fifth-century B.C. Inscription from Vergina (SEG 46 (1996) 830) // *Philologus*. 2006. Bd. 150. P. 28–37.

относящегося ко времени Пелопоннесской войны, или к правлению Аминты III (393–370/369 гг. до н. э.)¹¹.

Говоря об эпиграфических находках вне Вергины, необходимо упомянуть надпись с Халкидики, в которой говорится об урегулировании гражданского конфликта в г. Дикея (SEG, LVII, 576); одним из свидетелей и, видимо, посредников при этом выступал македонский царь Пердикка III (365–360/359 гг. до н. э.).

* * *

Обращаясь к вопросу о знаменитых царских гробницах под Большим курганом в Вергине, важно заметить, что до сих пор отсутствует полная научная публикация находок, сделанных в них¹². Впрочем, не так давно появились официальные публикации фрески с изображением охоты на фризе Гробницы II и керамики, обнаруженной во время раскопок Большого кургана¹³.

В течение многих лет Ю. Борза последовательно отстаивает принадлежность погребений в Гробнице II Филиппу III Арридею (323–317 гг. до н. э.) и его супруге Адее Эвридике. Итоговая работа Ю. Борзы, посвященная царским усыпальницам в Вергине, написанная вместе с греческим искусствоведом О. Палагией, увидела свет в 2007 г., в тридцатилетнюю годовщину открытия М. Андроникосом Гробницы II¹⁴. Сам М. Андроникос до конца жизни считал, что в этой усыпальнице был похоронен знаменитый Филипп II, отец Александра Великого.

Самые серьезные аргументы в пользу мнения М. Андроникоса дало проведенное в Великобритании в первой половине 1980-х гг. исследование черепа мужчины из Гробницы II, в ходе которого на нем был выявлен возможный след ранения в районе правой височной кости¹⁵.

¹¹ Восстановление во второй строке этой надписи этника «лакседмоняне» не вызывает сомнений (SEG, LIII, 2. 587: [Λακε]δαίμονιοι); впрочем, см. комментарий М. Халзопулоса в Bull. Épig. 2011. 407.

¹² План публикации находок под Большим курганом в семи частях был составлен М. Андроникосом в 1988 г. (*Andronikos M. Vergina II. The «Tomb of Persephone»*. Athens, 1994. P. 13–14). К настоящему времени он реализован лишь частично.

¹³ Σαατσόγλου-Παλιαδέλη Χ. Βεργίνα. Ο τάφος του Φιλίππου. Η τοιχογραφία με το κυνήγι. Αθήνα, 2004; Αρσούνη Σ. Βεργίνα. Τα πήλινα αγγεία της Μεγάλης Τούμπας. Αθήνα, 2005. Совсем недавно была издана еще одна работа, посвященная фреске на фризе Гробницы II: Franks II. M. Hunters, Heroes, Kings. The Frieze of Tomb II at Vergina. Princeton, New Jersey, 2012.

¹⁴ Borza E. N., Palagia O. The Chronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 2007. Bd. 122. P. 81–125.

¹⁵ Musgrave J. H., Neave R. A. H., Prag A. J. N. W. The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedon // JHS. 1984. Vol. 104. P. 60–78; Prag A. J. N. W. Reconstructing King Philip II: the «Nice» Version // AJA. 1990. Vol. 94. P. 237–247.

Это обстоятельство хорошо согласуется с сообщениями ряда античных и византийских авторов о том, что в 354 г. до н. э. при осаде Мефоны Филипп II после ранения стрелой лишился правого глаза¹⁶.

Впрочем, изучение фрагментов скелета и черепа мужчины из Гробницы II в конце 1990-х греческим антропологом А. Варциокасом показало, что дефект в районе правой височной кости мог возникнуть во время кремации. При этом кремация костей была осуществлена, возможно, уже после разложения плоти¹⁷. Все это дало важный аргумент сторонникам принадлежности мужских останков не Филиппу II, а его старшему сыну Арридею (Филиппу III)¹⁸. После убийства по приказу Олимпиады в 317 г. до н. э. Арридей не был похоронен должным образом; это произошло позднее, когда над Македонией установил контроль Кассандр (Diod., XIX, 52, 5; Athen., IV, 41). Однако источники не указывают, были ли тела Арридея и его супруги Адеи Эвридики после их убийства брошены без погребения, ингумированы или кремированы.

Недавно британские специалисты, работавшие с останками мужчины из Гробницы II в 1980-х гг., опубликовали обширный критический разбор работы А. Варциокаса, приведя новые аргументы в пользу того, что на черепе присутствует именно след ранения, а тело было кремировано вскоре после смерти на монументальном погребальном костре, следы которого найдены на своде Гробницы II¹⁹.

Конечно, следует упомянуть, что предметом дискуссий до сих пор остаются вопросы о возможно более поздней, чем время Филиппа II, датировке сводчатого типа Гробницы II (якобы сводчатые конструкции не были известны на Балканах до восточного похода Александра) и ряда найденных в ней артефактов (т. н. диадема, керамика и др.). Фреска на фризе с изображением охоты, где присутствует популярный на Востоке сюжет охоты на льва, по мнению Ю. Борзы и О. Палагии, а также некоторых других ученых, отражает влияние восточного искусства и персидской царской идеологии; соответственно фреску и усыпальницу следует датировать временем уже после завоеваний Александра²⁰.

¹⁶ Demosth. De corona, 67; Diod., XVI, 34, 5; Strab., VII, fr. 22; Athen., VI, 54; Just., VII, 6, 14; Suda, s.v. Κάρανος.

¹⁷ Bartsiokas A. The Eye Injury of King Philip II and the Skeletal Evidence from the Royal Tomb II at Vergina // Science. 2000 (21 April). Vol. 288. P. 511–514 (краткое изложение: Schuster A. M. H. Not Philip II of Macedon // Archaeology. 20 April 2000 / <http://archive.archaeology.org/online/features/macedon/>).

¹⁸ Borza E. N., Palagia O. Op. cit. P. 107.

¹⁹ Musgrave J., Prag A. J. N. W., Neave R., Lane Fox R., White H. The Occupants of Tomb II at Vergina: Why Arrhidaïos and Eurydice must be excluded // International Journal of Medical Sciences. 2010. Vol. 7. P. 1–15 (www.medsci.org/v07p00s1.htm).

²⁰ Например: Tripodi B. Il fregio della caccia della II tomba reale di Vergina e le cacce funerarie d'Oriente // Dialogues d'histoire ancienne. 1991. Vol. 17. P. 143–209; Palagia O.

Впрочем, ни один из аргументов сторонников версии о погребении Филиппа III Арридея не остался без серьезнейших контраргументов; в связи с этим особенно следует отметить опубликованные в 2008 и 2011 г. работы М. Хадзопулоса и Р. Лэйн Фокса²¹. К примеру, сводчатые конструкции все же фиксируются в греческой литературе ранее времени Александра (например, Plat. Leg., 947d). Также в Вергине была раскопана гробница «ящичного типа» с колоннами в центре, которая, возможно, демонстрирует эволюцию погребальной архитектуры в Македонии к монументальным сводчатым гробницам без всякого восточного влияния (строительство все больших по площади гробниц «ящичного типа» должно было поставить вопрос о прочности плоских перекрытий, на которые приходился вес курганов, что привело к воздвижению колонн, а позднее появлению сводов²²).

Что же касается сюжета львиной охоты, то, например, он присутствует на статерах, чеканившихся отцом Филиппа II царем Аминтой III, да и вообще совершенно не обязательно, что фреска на фризе Гробницы II «фотографически» фиксирует именно какую-то конкретную царскую охоту²³. Также было высказано мнение, поддержанное и Ю. Борзой, о том, что некоторые серебряные столовые предметы из Гробницы II, имеющие надписи и отметки с указанием веса по аттической метрологической системе, якобы введенной в Македонии лишь при Александре Великом, свидетельствуют в пользу принадлежности усыпальницы Арридею²⁴. Однако аттическая система использовалась в Македонии и ранее; например, именно по аттическому стандарту чеканились золотые статеры Филиппом II²⁵.

Таким образом, если еще несколько лет назад отстаиваемое Ю. Борзой мнение о принадлежности погребений в Гробнице II Филиппу III Арридею и его супруге выглядело весьма убедительным (в том числе

Hephæstion's Pyre and the Royal Hunt of Alexander // *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford, 2000. P. 189–200.

²¹ Hatzopoulos M. B. The Burial of the Dead (at Vergina) or The Unending Controversy on the Identity of the Occupants of Tomb II // *Τεκμήρια*. 2008. Т. 9. P. 90–118; Lane Fox R. Introduction: Dating the Royal Tombs at Vergina // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD*. Leiden, 2011. P. 1–34.

²² Ср.: Andronikos M. Some Reflections on the Macedonian Tombs // *BSA*. 1987. Vol. 82. P. 12; Saatsoglou-Paliadeli Ch. Op. cit. P. 357–359.

²³ По поводу возможного символизма композиции фрески на фризе Гробницы II см.: Ignatiadou D. Royal Identities and Political Symbolism in the Vergina Lion-hunt Painting // *Αρχαιολογικόν δελτίον*. 2010 (2002). Т. 57а. P. 119–154 (по мнению автора, на фреске показаны ландшафты и сюжеты, связанные как с военными кампаниями Филиппа II на Балканах, так и с готовившимся походом против Персидской державы).

²⁴ Gill D. Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina // *Hesperia*. 2008. Vol. 77. P. 335–358.

²⁵ Hatzopoulos M. B. Op. cit. P. 117; Lane Fox R. Op. cit. P. 19–20.

и для автора этих строк)²⁶, то в свете недавних исследований идентификация М. Андроникоса представляется во многом более предпочтительной. Вместе с тем, остаются вопросы о личности погребенной в первом помещении Гробницы II женщины, которая могла быть одной из последних супругов Филиппа II.

* * *

Необходимо сделать несколько ремарок по поводу еще одной гипотезы Ю. Борзы, связанной с Гробницей II. Во второй половине 1980-х гг. он высказал интригующее предположение о том, что некоторые вещи, найденные в этой усыпальнице, могли принадлежать Александру Великому. К «реликвиям» Александра, помещенным позднее в погребение его преемника Арридея, американский антиковед отнес панцирь, шлем, нашийный щиток (пектораль), щит, «диадему» и предмет, возможно, бывший скипетром²⁷. Однако далее на нескольких примерах будет показана серьезная уязвимость теории Ю. Борзы, даже если не брать в расчет весьма вероятную принадлежность погребения в Гробнице II Филиппу II²⁸.

Например, Ю. Борза попытался соотнести шлем из Гробницы II со шлемом Александра, показанном на реверсе медальонов (декадрахм), выпущенных в память о победе царя над индийцами в битве при Гидаспе в 326 г. до н. э.²⁹ Однако это два разных типа шлемов, похожих лишь внешне: на медальонах представлен шлем т. н. «фригийского» (или «тиаровидного») типа³⁰, в то время как шлем из Гробницы II имеет не характерную для него вытянутую тулью, а плоский гребень, и по ряду признаков его следует относить скорее к модификации шлемов «аттического» типа³¹.

²⁶ Кузьмин Ю. Н. Из истории археологических раскопок в Вергине // Мнемон. 2007. Вып. 6. С. 301.

²⁷ Borza E. N. The Royal Macedonian Tombs and the Paraphernalia of Alexander the Great // Phoenix. 1987. Vol. 41. P. 105–121 (особ. P. 110–118).

²⁸ Критике идеи Ю. Борзы об инсигниях и доспехах Александра в Гробнице II была посвящена статья Н. Хэммонда (Hammond N. G. L. Arms and the King: Insignia of Alexander the Great // Phoenix. 1989. Vol. 43. P. 220–224). Следует отметить, что в своих вышедших позднее работах о погребениях в Вергине Ю. Борза никогда не упоминает эту статью Н. Хэммонда.

²⁹ Неясно, были ли медальоны выпущены еще при жизни Александра или же чеканились после смерти царя. Наиболее полное исследование данных медальонов принадлежит Ф. Холту (Holt F. L. Alexander the Great and the Mystery of Elephant Medallions. Berkeley; Los Angeles; London, 2003).

³⁰ По поводу классификации и терминологии см.: Алексинский Д. П. Ранние эллинистические шлемы с тиаровидной тульей из Восточного Средиземноморья // Para bellum. 2005. № 25. С. 21–40.

³¹ Dintsis P. Hellenistische Helme. Rome, 1986. S. 40; Waurick G. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin / hrsg. von A. Bottini et al. Mainz, 1988. S. 176–177.

Другое замечание Борзы по поводу шлема более интересно: сославшись на мнение Ф. Холта, он обратил внимание на то, что шлем из Гробницы II имеет повреждение в левой части (его видно на фотографиях, сделанных непосредственно на месте находки в усыпальнице после ее открытия), которое можно связать с эпизодом, имевшим место в битве при Гранике в 334 г. до н. э., когда один из персидских военачальников ударом меча повредил шлем Александра³². Однако Плутарх, наиболее подробно описавший этот шлем, говорит, что он был украшен перьями (Plut. Alex., 16, 10), крепления для которых отсутствуют на вергинском экземпляре³³. Комментируя теорию Ю. Борзы, Р. Лэйн Фокс привел мнение работавших со шлемом реставраторов о том, что повреждение было следствием коррозии, а не удара³⁴.

Также Ю. Борза предположил, что на уже упоминавшихся медальонах Александр изображен со скипетром³⁵, который он соотнес с длинным предметом, найденным в Гробнице II (по первоначальному мнению М. Андроникоса, это мог быть именно «скипетр»). Несмотря на то что в ответе на частное письмо Ю. Борзы в середине 1980-х гг. М. Андроникос указал, что скорее всего «скипетр» на самом деле был элементом ложа, Ю. Борза до сих пор использует свой аргумент о «скипетре» Александра³⁶. Что же касается медальонов, то более вероятно, что Александр, имеющий на них полную боевую экипировку, показан все же с копьем, а не со «скипетром».

Таким образом, на примере выборочного анализа нескольких аргументов, приведенных Ю. Борзой, можно увидеть серьезную уязвимость его гипотезы о доспехах и инсигниях Александра Великого в Гробнице II в Вергине, которая к тому же, вполне возможно, принадлежала его отцу Филиппу II, а не сводному брату Арридею.

³² Diod., XVII, 20, 6; Plut. Alex., 16, 10; *idem*. Moral., 341a, 344c; Arr. Anab., I, 15, 8.

³³ Ср.: Hammond N. G. L. Op. cit. P. 221. Крепления для перьев имеются на прекрасном экземпляре шлема «фригийского» («тиаровидного») типа из музея в Яннине (Epirus: 4000 Years of Greek History and Civilization. Athens, 1997. P. 60. Fig. 45). Такие же шлемы, украшенные перьями, можно увидеть на двух македонских воинах, изображенных на фреске на фризе гробницы, раскопанной в 1994 г. в местечке Айос Афанасиос близ Салоник (Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine: emplois et fonctions de la couleur IVe – IIe s. av. J.-C. T. II. Athènes, 2006. Pl. 94. 2). По мнению М. Ольбрихта, на реверсе медальонов на Александре показан головной убор, сочетавший иранскую тиару и македонский шлем (Olbrycht M. J. Alexander the Great versus the Iranians — an Alternative Perspective // Folia orientalia. 2006–2007. Vol. 42–43. P. 167; *idem*. Macedonia and Persia // A Companion to Ancient Macedonia. Malden (Mass.); Oxford, 2010. P. 361); однако, судя по лучшим всего сохранившимся экземплярам медальонов, это именно шлем «фригийского» («тиаровидного») типа, украшенный перьями.

³⁴ Lane Fox R. Op. cit. P. 24–25.

³⁵ Мнение Ю. Борзы осторожно поддержал и Ф. Холт (Holt F. L. Op. cit. P. 121–123).

³⁶ Borza E. N., Palagia O. Op. cit. P. 109–110; Lane Fox R. Op. cit. P. 23–24.

* * *

Одним из важнейших концептуальных моментов в работах Ю. Борзы является отстаивание точки зрения, согласно которой македоняне были негреческим, лишь эллинизированным народом. Однако восприятие македонян некоторыми греками и зафиксированная в ряде источников антипатия некоторых македонян по отношению к некоторым грекам — аргументы, активно используемые Ю. Борзой и рядом других антиковедов (например, Э. Бэдианом) для подчеркивания различий между македонянами и эллинами³⁷, не являются удачными и тем более максимально объективными критериями.

Обозначение македонян как варваров восходит к политическим противникам македонских царей V–IV вв. до н. э. (например, Фрасимаху или Демосфену³⁸) и должно рассматриваться преимущественно в русле пропаганды³⁹. С другой стороны, имеются и примеры восприятия македонян как греков — например, в труде Полибия (...πρὸς Ἀχαιοὺς καὶ Μακεδόνας ὁμοφύλους — Polyb., IX, 37, 7)⁴⁰. Помимо литературной и мифологической традиции⁴¹ отсылки к родству македонян и эллинов присутствуют, что весьма важно, и в эпиграфических документах. Так, в 243 (или 242) г. до н. э. жители Коса, дорийцы по происхождению, обратились ко многим государствам с просьбой признать священную неприкосновенность (*асилию*) расположенного на острове храма Асклепия. Среди прочих *асилию* признали македонский царь Антигон II Гонат и ряд городов его царства⁴². В декрете из Пеллы говорится о том, что *теоры* (священные послы), прибывшие с Коса, обращаясь к жителям македонской столицы, напомнили о «родстве» (οἰκειότης) жителей острова и македонян⁴³. В конце III в. до н. э. послы

³⁷ Наиболее подробно: *Borza E. N. Greeks and Macedonians in the Age of Alexander. The Source Traditions // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C., in Honor of E. Badian. Norman; London, 1996. P. 122–139.*

³⁸ *Thrasym. fr. 2 Diels-Kranz; Demosth. Olynth. III, 24.*

³⁹ Ср.: *Errington R. M. A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 4.*

⁴⁰ Подробнее о восприятии македонян в эллинистический период см.: *Adams W. L. Historical Perception of Greco-Macedonian Ethnicity in the Hellenistic Age // Balkan Studies. 1995. Vol. 36/2. P. 205–222.*

⁴¹ См. подробнее: *Sourvinou-Inwood Ch. Greek Perceptions of Ethnicity and the Ethnicity of the Macedonians // Identità e prassi storica nel Mediterraneo greco. Milano, 2002. P. 173–203.*

⁴² Не стоит забывать, что Антигон Гонат имел репутацию правителя, насаждавшего тиранические режимы в эллинистических государствах (Polyb., II, 41, 10) и воспринимался многими греками как враг и поработитель (SVA, III, 476 v. 7–18).

⁴³ IG, XII.4.1, 2211 v. 3–4: ...τὴν τε οἰκειότητα ἀνενεώσαντο τὴν ὑπάρχουσαν Κώοις πρὸς Μακεδόνας. Прибыв в Филиппы, *теоры* с Коса говорили о родстве с «полисом Филипп, царем Антигоном, а также другими эллинами и македонянами» (IG, XII.4.1, 22011 v. 39–42: οἵτινες ἐπελθόντες ἐπὶ τὴν ἐκκλησίαν τὴν οἰκειότητα τὴν ὑπάρχουσαν τῇ

г. Китиний в Дориде именовали Птолемея IV (221–204 гг. до н. э.) родственником дорийцев через «царей Аргеадов, потомков Геракла»⁴⁴. Конечно, это свидетельства более позднего времени, чем то, которому посвящены труды Ю. Борзы, но они показывают, что восприятие македонян и их царей, а также эллинистических монархов македонского происхождения эллинами зависело от конкретной ситуации. Враг Филиппа II афинянин Демосфен мог называть царя и его подданных варварами, в то время как сто лет спустя жители Коса обращались к гражданам Пеллы как к эллинам.

В свете же современных филологических и лингвистических исследований с привлечением новых эпиграфических свидетельств (самый важный из них — табличка из Пеллы, датируемая временем ок. 400–350 гг. до н. э., с текстом заклатья⁴⁵) практически нет сомнений в том, что разные племена, жившие в разных регионах Македонии, говорили на греческих диалектах, близких северо-западному и эолийскому (фесалийскому) с наличием ряда доризмов; позднее административным языком Македонии, объединенной Филиппом II, стало койнэ⁴⁶.

В Македонии до времени римского завоевания, несмотря на богатство эпиграфических материалов, нет текстов на каком-то другом языке,

πόλει τῇ Κόϊων πρὸς τὴν πόλιν τὴν Φιλίππων καὶ πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς τοὺς ἄλλους Ἑλλήνας καὶ Μακεδόνας ἐνεφάν[ι]σαν καὶ ἀνεκώσαντο).

⁴⁴ SEG, XXXVIII. 1476 a v. 41–42: ...καὶ μάλιστα τοῖς βασιλεῖς Πτολεμαῖοι ὄντι συγγενεῖς Δωριέων κατὰ τοὺς βασιλεῖς τοὺς ἀφ' Ἡρακλέους Ἀργεάδας. Согласно Геродоту (V. 22), эллинское происхождение Аргеадов было признано судьями на Олимпийских играх еще во время Александра I. Родство с Аргеадами было важным элементом пропаганды династии Птолемеев.

⁴⁵ Комментированное издание: *Voutiras E.* Διονυσιοφῶντος γάμοι: Marital Life and Magic in Fourth Century Pella. Amsterdam, 1998 (ср.: SEG, XLIII, 434; XLVI, 776; XLIX, 757; LVII, 587).

⁴⁶ *Гиндин Л. А.* К вопросу о статусе языка древних македонцев // *Античная балканистика*. М., 1987. С. 19–27; *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Отражение индоевропейских лабиовелярных в древнемакедонском // *Вопросы языкознания*. 1991. № 2. С. 43–53; *Kapetanopoulos E.* Alexander's *patrius sermo* in the Philotas Affair // *AW*. 1999. Vol. 30. P. 117–128; *O'Neil J. L.* Doric Forms in Macedonian Inscriptions // *Glotta*. 2006. Bd. 82. P. 192–210; *Hatzopoulos M. B.* La Macédoine: Géographie historique — Langue — Cultes et croyances — Institutions. Paris, 2006. P. 35–51; *idem*. Perception of the Self and Other: the Case of Macedonia // *Ancient Macedonia VII*. Thessaloniki, 2007. P. 51–66; *idem*. La position dialectale du macédonien à la lumière des découvertes épigraphiques récentes // *Die altgriechischen Dialekte: Wesen und Werden*. Innsbruck, 2007. P. 157–176; *Panayotou A.* The Position of the Macedonian Dialect // *A History of Ancient Greek: From the Beginnings to Late Antiquity*. Cambridge, 2007. P. 433–443; *Crespo E.* OF 496: Dialectal Diversity in Macedon at the End of Fourth Century B.C. // *Tracing Orpheus. Studies in Orphic Fragments*. Berlin, 2011. P. 227–230; *Hatzopoulos M. B.* The Speech of the Ancient Macedonians in the Light of Recent Epigraphic Discoveries // *Monumentum Gregorianum*. Сборник научных статей памяти ак. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. P. 204–221.

кроме греческого. Аргумент Ю. Борзы о том, что соседи македонян фракийцы использовали греческий алфавит, вряд ли корректен, поскольку имеется несколько надписей именно на фракийском языке с использованием греческого алфавита⁴⁷.

В отличие от фракийцев и других своих северобалканских соседей, македоняне носили преимущественно эллинские имена⁴⁸. Даже имена, которые называют типично «македонскими», например *Пердикка*, обычно имеют греческую этимологию⁴⁹. Македоняне почитали олимпийских богов, участвовали в панэллинских праздниках; еще до времени Филиппа II Македония имела официальные связи с авторитетными греческими святилищами (например, царь Пердикка III был гостеприимцем, *теородоком*, святилища Асклепия в Эпидавре)⁵⁰.

Конечно, остается еще немало вопросов, связанных с языком македонян и их этническим происхождением, но за время, прошедшее со времени публикации книг Ю. Борзы, появились новые важные аргументы именно в пользу концепции их родства с эллинами.

* * *

Несмотря на предложенные уточнения, нельзя не отметить, что труды Юджина Борзы, публикуемые ныне на русском языке, стали важным вкладом в изучение истории и культуры древней Македонии, а их автор является одним из ведущих специалистов в этой области, сделавшим очень многое как для скрупулезного изучения исторического наследия Македонского царства, так и для его научной популяризации⁵¹.

⁴⁷ *Panayotou A.* Greek and Thracian // *A History of Ancient Greek: From the Beginnings to Late Antiquity*. Cambridge, 2007. P. 738–744.

⁴⁸ Ономастический материал из Македонии включен в четвертый том «Лексикона греческих личных имен» (*A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV: Macedonia. Thrace. Northern Regions of the Black Sea / ed. by P. M. Fraser et al. Oxford, 2005).

⁴⁹ *Hoffmann O.* Die Makedonen: ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906. S. 131–132. См. также: *Hatzopoulos M. B.* «L'histoire par les noms» in *Macedonia // Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 2000. P. 99–117.

⁵⁰ IG, IV² 1, 94b 1 v. 9. См. также: *Mari M.* Al di là dell' Olimpo: Macedoni e grandi santuari della Grecia dall' età arcaica al primo ellenismo. Atene, 2002. P. 67–71.

⁵¹ Я хотел бы поблагодарить А. А. Синицына за хорошие предложения по улучшению текста данной работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

М. М. Холод

ЦАРИ ИЗ ДИНАСТИИ АРГЕАДОВ¹

Пердикка I

Аргей

Филипп I

Аэроп I

Алкета

Аминта I (? — ок. 498/7)

Александр I Филэллин (ок. 498/7 — ок. 454)

Пердикка II (ок. 454 — 413)

Архелай (413–399)

Орест (399–398/7)

Аэроп II (398/7–395/4)

Аминта II (395–394)

Павсаний (394–393)

Аминта III (393–370/69)

Александр II (370/69–367)

Птолемей (367–365)

Пердикка III (365–360/59)

Филипп II (360/59–336)

Александр III Великий (336–323)

Филипп III Арридей (323–317)

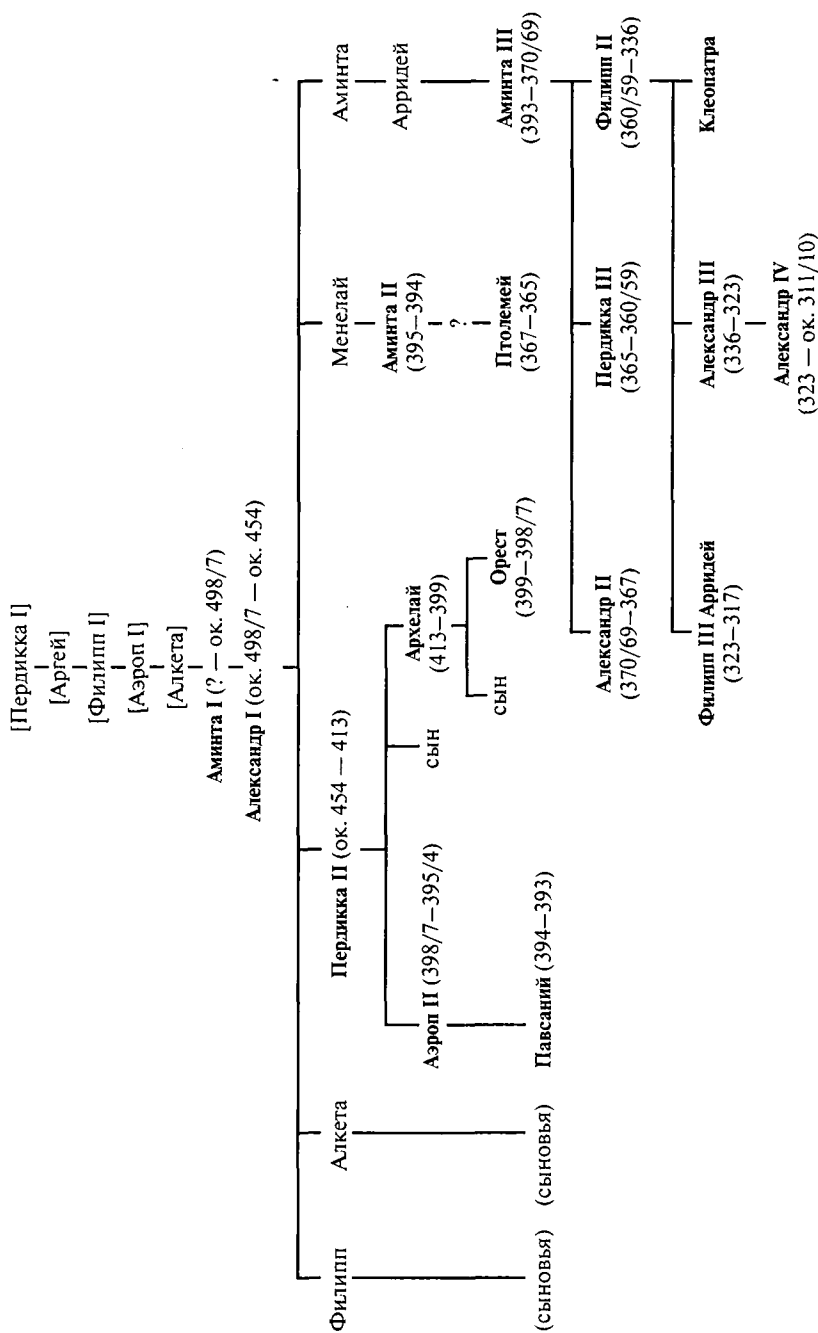
Александр IV (323 — ок. 311/10)

По версии Геродота (самой ранней из дошедших до наших дней), первым правителем Македонии, основателем правившей здесь царской династии, был Пердикка, потомок Темена из Аргоса, Гераклид (Hdt., VIII, 137). Геродот говорит о шести македонских царях, находившихся

¹ Даты правлений даны по: *Borza E. N. In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Rev. ed. Princeton, 1992.*

у власти до Александра I, и называет в их числе Пердикку, Аргея, Филиппа, Аэропа, Алкету и Аминту (Hdt., VIII, 139). С этим сообщением согласуется и указание Фукидида, который, учитывая последующих правителей — Александра I и Пердикку II, говорит о восьми царях (Thuc., II, 100, 2). Однако в античную эпоху существовали и иные версии, связанные с первыми македонскими царями: по одной, первым из них был не Пердикка, а Архелай, сын Темена (Hygin. Fab., 219 — переложение драмы Эврипида «Архелай», где, по-видимому, впервые и проявилась эта версия), по другой — Каран, прибывший из Аргоса, потомок Геракла, Теменид (к примеру: Diod., VII, fr. 15–16; Just., VII, 1, 7–1; также см.: Plut. Alex., 2, 1; Clem. Alex. Protr., 2, 11 со схолиями). При этом, по Диодору, за Караном властвовали Кен, Тиримма и лишь четвертым — Пердикка (далее перечень царей у Диодора совпадает с соответствующим перечнем Геродота). У Юстина, эпитоматора сочинения Помпея Трога, последовательность македонских царей дается в общем в согласии с версией Диодора, правда, в отличие от последнего тут не упоминаются два преемника Карана (Кен и Тиримма), а также Алкета, предшественник Аминты I. Возможно, впрочем, что в тексте Помпея Трога об этих царях сообщалось и информация о них выпала только при сокращении Юстином его труда. Так или иначе, современные ученые не склонны доверять списку Диодора (и тому подобным спискам), отказывая в историчности Карану, Кену и Тиримме; список же Геродота, начинающийся с Пердикки, обычно сомнений не вызывает. Что же касается времени правления первых пяти правителей Македонии, то оно высчитывается весьма приблизительно, причем получается, что основание македонской царской династии — династии Аргеадов — должно приходиться где-то на первую половину VII в. до н. э.

Македонские цари из династии Аргеадов

Ю. Н. Кузьмин

**ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА (1998–2013 гг.)
ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ МАКЕДОНИИ
ДО ВРЕМЕНИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО**

Обобщающие работы

1. A Companion to Ancient Macedonia / ed. by J. Roisman, I. Worthington. Malden (Mass.); Oxford, 2010.
2. Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD / ed. by R. J. Lane Fox. Leiden, 2011.
3. *Hatzopoulos M. B.* La Macédoine: Géographie historique — Langue — Cultes et croyances — Institutions. Paris, 2006.

Сборники и материалы конференций

1. Alexander the Great in Fact and Fiction / ed. by A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford, 2000.
2. Ancient Macedonia—VI. Papers read at the Sixth International Symposium held in Thessaloniki, October 15–19, 1996. T. I–II. Thessaloniki, 1999.
3. Ancient Macedonia—VII. Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II. Papers read at the Seventh International Symposium held in Thessaloniki, October 14–18, 2002. Thessaloniki, 2007.
4. Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza / ed. by T. Howe, J. Reames. Claremont, California, 2008.
5. Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / ed. by E. Carney, D. Ogden. Oxford, 2010.
6. Rois, cités, necropoles. Institutions, rites et monuments en Macédoine / éd. par A. M. Guimier-Sorbets, M. B. Hatzopoulos, Y. Morizot. Athènes, 2006.

Каталоги выставок

1. Alexander the Great: Treasures from an Epic Era of Hellenism / ed. by D. Pandermalis. New York, 2004.
2. Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique / éd. par S. Descamps-Lequime. Paris, 2011.
3. Heracles to Alexander the Great: Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy / ed. by A. Kotaridi. Oxford, 2011.

Археология

1. Breoulaki H. L'archéologie de la Macédoine: état des recherches et nouvelles perspectives // Perspective. Actualités de la recherche en histoire de l'art. 2012. N 2. P. 237–262.
2. Saatsoglou-Paliadeli Ch. In the Shadow of History: The Emergence of Archaeology // BSA. 1999. Vol. 94. P. 353–367.

Язык и этническая принадлежность

1. Crespo E. OF 496: Dialectal Diversity in Macedon at the End of Fourth Century B. C. // Tracing Orpheus. Studies in Orphic Fragments / ed. by M. Herrero de Jáuregui et al. Berlin, 2011. P. 227–230.
2. Hatzopoulos M. B. Epigraphie et philologie: récentes découvertes épigraphiques et gloses macédoniennes d'Hésychius // Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1998. T. 142. P. 1189–1218.
3. Hatzopoulos M. B. Perception of the Self and Other: the Case of Macedonia // Ancient Macedonia–VII. Thessaloniki, 2007. P. 51–66.
4. Hatzopoulos M. B. La position dialectale du macédonien à la lumière des découvertes épigraphiques récentes // Die altgriechischen Dialekte: Wesen und Werden. Akten des Kolloquiums Freie Universität Berlin 19.–22. September 2001 / hrsg. von I. Hajnal. Innsbruck, 2007. P. 157–176.
5. Hatzopoulos M. B. The Speech of the Ancient Macedonians in the Light of Recent Epigraphic Discoveries // Monumentum Gregorianum. Сборник научных статей памяти академика Г. М. Бонгард-Левина / отв. ред. А. И. Иванчик. М., 2013. P. 204–221.
6. Kapetanopoulos E. Alexander's *patrius sermo* in the Philotas Affair // AW. 1999. Vol. 30. P. 117–128.
7. O'Neil J. L. Doric Forms in Macedonian Inscriptions // Glotta. 2006. Bd. 82. P. 192–210.
8. Panayotou A. The Position of the Macedonian Dialect // A History of Ancient Greek: From the Beginnings to Late Antiquity / ed. by A.-F. Christidis. Cambridge, 2007. P. 433–443.

9. *Sourvinou-Inwood Ch.* Greek Perceptions of Ethnicity and the Ethnicity of the Macedonians // *Identità e prassi storica nel Mediterraneo greco* / a cura di L. Moscati Castelnovo. Milano, 2002. P. 173–203.
10. *Sowa W.* Die makedonischen Glossen in antiken Quellen // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2006. T. 11. S. 115–133.

Ономастика

1. *Hatzopoulos M. B.* «L'histoire par les noms» in Macedonia // *Greek Personal Names: Their Value as Evidence* / ed. by S. Hornblower, E. Matthews. Oxford, 2000. P. 99–117.
2. *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV: Macedonia. Thrace. Northern Regions of the Black Sea* / ed. by P. M. Fraser et al. Oxford, 2005.

Религия, верования и культы

1. *Iliadou P.* Herakles in Makedonien. Hamburg, 1998.
2. *Mari M.* Al di là dell' Olimpo: Macedoni e grandi santuari della Grecia dall' età arcaica al primo ellenismo. Atene, 2002.
3. *Mari M.* The Ruler Cult in Macedonia // *Studi ellenistici*. 2008. Vol. 20. P. 219–268.
4. *Voutiras E.* Διονυσοφῶντος γάμοι: Marital Life and Magic in Fourth Century Pella. Amsterdam, 1998.

Искусство

1. *Barr-Sharrar B.* The Derveni Krater. Princeton, New Jersey, 2008.
2. *Brecoulaki H.* La peinture funéraire de Macédoine: emplois et fonctions de la couleur IVe — IIe s. av. J.-C. T. I–II. Athènes, 2006.

Нумизматика

1. *Heinrichs J., Müller S.* Ein persisches Statussymbol auf Münzen Alexanders I. von Makedonien: Ikonographie und historischer Hintergrund des Tetrobols SNG ABC, Macedonia I, 7 und 11 // *ZPE*. 2008. Bd. 167. S. 283–309.
2. *Liampi K.* The Coinage of King Derdas and the History of the Elimioté Dynasty // *Coins of Macedonia and Rome: Essays in Honour of Charles Hersch* / ed. by A. Burnett, U. Wartenberg, R. Witschonke. London, 1998. P. 5–10.
3. *Psôma S.* Monnaies de poids réduit d'Alexandre I et Perdikkas II de Macédoine // *ZPE*. 1999. Bd. 128. P. 273–282.
4. *Psôma S.* Τὰς παλαιὰς πεντεδραχμίας: un stratagème de Polyen et le monnayage d'argent des rois de Macédoine de 413 à 360 av. J.-C. // *RN*. 2000. T. 155. P. 123–136.

5. *Wartenberg U.* Philotas? A New Coinage from Macedonia // *Coins of Macedonia and Rome: Essays in Honour of Charles Hersh* / ed. by A. Burnett, U. Wartenberg, R. Witschonke. London, 1998. P. 13–17.

**Монархия, двор,
политическая организация, общество**

1. *Нефёдкин А. К.* Пажеский корпус при Александре Великом // *Συσσίτια. Памяти Юрия Викторовича Андреева* / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб., 2000. С. 131–136.
2. *Anson E. M.* Macedonian Judicial Assemblies // *CPh.* 2008. Vol. 103. P. 135–149.
3. *Archibald Z. H.* Space, Hierarchy, and Community in Archaic and Classical Macedonia, Thessaly, and Thrace // *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford, 2000. P. 212–233.
4. *Archibald Z. H.* Officers and Gentlemen (or Gentlewomen): Exploring Macedonian Élites in the Classical and Early Hellenistic Periods // *Antiquitas*. Vol. 28: Elite in Greek and Roman Antiquity / ed. by A. Łoś, K. Nawotka. Wrocław, 2005. P. 13–25.
5. *Carlier P.* Homeric and Macedonian Kingship // *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford, 2000. P. 259–268.
6. *Carney E. D.* Women and Monarchy in Macedonia. Norman; Oklahoma, 2000.
7. *Faraguna M.* Aspetti amministrativi e finanziari della monarchia macedone tra IV e III secolo a. C. // *Athenaeum*. 1998. Vol. 86. P. 349–395.
8. *Fernández Nieto F.-J.* La designación del sucesor en el antiguo reino de Macedonia // *Διάδοχος τῆς βασιλείας*. La figura del sucesor en la realeza helenística / ed. V. Alonso Troncoso. Madrid, 2005 (*Gerión Anejos*. Vol. 9). P. 29–44.
9. *Hammond N. G. L.* The Roles of the Epistates in Macedonian Contexts // *BSA*. 1999. Vol. 94. P. 369–375.
10. *Hammond N. G. L.* The Continuity of Macedonian Institutions and the Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // *Historia*. 2000. Bd. 49. P. 141–160.
11. *Hatzopoulos M. B.* Polis, Ethnos and Kingship in Northern Greece // *The Idea of European Community in History*. Vol. II: Aspects of Connecting Poleis and Ethne in Ancient Greece / ed. by K. Buraselis, K. Zoumboulakis. Athens, 2003. P. 51–64.
12. *Landucci Gattinoni F.* Tra monarchia nazionale e monarchia militare: il caso della Macedonia // *Gli stati territoriali nel mondo antico* / a cura di C. Bearzot, F. Landucci, G. Zecchini. Milano, 2003 P. 199–224.

13. *Miron D.* Transmitters and Representatives of Power: Royal Women in Ancient Macedonia // *Anc. Soc.* 2000. Vol. 30. P. 35–52.
14. *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999.
15. *Rzepka J.* Monarchia macedońska. Zgromadzenie i obywatelstwo u schyłku epoki klasycznej i w okresie hellenistycznym. Warszawa, 2006.

Урбанизация

1. *Χατζονυλος Μ. Β.* Македонские дворцы: место, где встречались царь и город // *Studia historica.* 2008. Вып. 8. С. 158–171.
2. *Flensted-Jensen P.* Thrace from Axios to Strymon // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford, 2004. P. 810–853.
3. *Girtzy M.* Historical Topography of Ancient Macedonia: Cities and other Settlement-sites in the late Classical and Hellenistic Period. Thessaloniki, 2001.
4. *Hatzopoulos M. B., Paschidis P.* Macedonia // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford, 2004. P. 794–809.

Экономика

1. *Τουράτσογλου Ι.* Συμβολή στην οικονομική ιστορία του βασιλείου της αρχαίας Μακεδονίας (6ος–3ος αι. π. Χ.). Αθήνα, 2010.

История

VI — первой половины IV в. до н. э.

1. *Саракински В.* Persomacedonica: Македонија и Персија пред Александар. Скопје, 2013.
2. *Ситицын А. А.* Пердикка II – ловкий монарх в тени Олимпа (несколько замечаний о политике македонского династа в войне Афин и Спарты) // К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник материалов международной научной конференции: в 2-х ч. Ч. I. СПб., 2013. С. 17–24.
3. *Шофман А. С.* Пердикка II как дипломат // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 153–164.
4. *Fearn D.* Narrating Ambiguity: Murder and Macedonian Allegiance (5. 17–22) // *Reading Herodotus. A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories* / ed. by E. Irwin, E. Greenwood. Cambridge, 2007. P. 98–127.
5. *Greenwalt W. S.* Why Pella? // *Historia.* 1999. Bd. 48. P. 158–183.

6. *Greenwalt W. S.* Archelaus the Philhellene // *AW*. 2003. Vol. 34. P. 131–153.
7. *Gschnitzer F.* Herodotos makedonische Quellen // *Humanitas — Beiträge zur antiken Kulturgeschichte. Festschrift für Gunther Gottlieb zum 65. Geburtstag* / hrsg. von P. Barcelý, V. Rosenberger, V. Dotterweich. München, 2001. S. 89–96.
8. *Hatzopoulos M. B.* Herodotos (8. 137–8), the Manumissions from Leukopetra, and the Topography of the Middle Haliakmon Valley // *Herodotus and his World. Essays from a Conference in Memory of George Forrest* / ed. by P. Derow, R. Parker. Oxford, 2003. P. 203–218.
9. *Kertész I.* When Did Alexander I visit Olympia? // *Nikephoros*. 2005. Bd. 18. P. 115–126.
10. *Masson O.* Quelques noms macédoniens dans le traité IG I², 71 = IG I³, 89 // *ZPE*. 1998. Bd. 123. P. 117–120.
11. *Parker V.* Sparta, Amyntas, and the Olynthians in 383 B. C.: A Comparison of Xenophon and Diodorus // *Rheinisches Museum für Philologie*. 2003. Bd. 146. P. 113–137.
12. *Psóma S.* Thucydide I, 61, 4: Béroia et la nouvelle localisation de Bréa // *REG*. 2009. T. 122. P. 263–280.
13. *Sarakinski V.* The Fallacy of the European Satrapy // *Жива антика*. 2010. Бр. 60. P. 77–108.
14. *Scullion S.* Euripides and Macedon, or the Silence of the «Frogs» // *CQ*. 2003. Vol. 53. P. 389–400.
15. *Vasilev M.* The Military-Political Campaign of Sitalces against Perdiccas II and Chalcidians (431–429 BC) // *Жива антика*. 2011. Бр. 61. P. 15–28.
16. *Xydopoulos I. K.* Anthemus and Hippias: The Policy of Amyntas I // *Illinois Classical Studies*. 2012. N 37. P. 21–37.
17. *Zahrnt M.* Makedonien als politischer Begriff in vorrömischer Zeit // *Hermes*. 2002. Bd. 130. S. 48–62.
18. *Zahrnt M.* Amyntas III.: Fall und Aufstieg eines Makedonenkönigs // *Hermes*. 2006. Bd. 134. S. 127–141.

Филипп II

1. *Борухович В. Г.* Афины и Македония Филиппа II: от Филократова мира до Херонейского сражения // *Из истории античного общества*. 1999. Вып. 6. С. 3–17.
2. *Anson E.* Philip II, Amyntas Perdicca, and Macedonian Royal Succession // *Historia*. 2009. Bd. 58. P. 276–286.
3. *Antela-Bernárdez B.* Philip and Pausanias: A Deadly Love in Macedonian Politics // *CQ*. 2012. Vol. 62. P. 859–861.

4. *Arena E.* La lettera di Oleveni. Fra Filippo II e Filippo V di Macedonia // REA. 2003. T. 105. P. 49–82.
5. *Carney E. D.* Olympias. Mother of Alexander the Great. New York, 2006.
6. *Cook B. L.* The Essential Philip of Macedon: A Byzantine Epitome of His Life // GRBS. 2005. Vol. 45. P. 189–211.
7. *Corvisier J.-N.* Philippe II de Macédoine. Paris, 2002.
8. *Hatzopoulos M. B.* The Reliability of Diodorus' Account of Philip II's Assassination // Diodoro e l'altra Grecia. Macedonia, Occidente, Ellenismo nella Biblioteca storica. Atti del convegno Milano, 15–16 gennaio 2004 / a cura di C. Bearzot, F. Landucci. Milan, 2005. P. 43–65.
9. *Landucci Gattinoni F.* Filippo re dei Macedoni. Bologna, 2012.
10. *Ma J.* Chaironeia 338: Topographies of Commemoration // JHS. 2008. Vol. 128. P. 72–91.
11. *Occhipinti E.* Aristotele, Teopompo e la politica macedone // Klio. 2011. Bd. 93. P. 291–307.
12. *Papazoglou F.* L'inscription d'Olévéní // Τεκμήρια. 1998. T. 4. P. 89–100.
13. *Rzepka J.* How Many Companions did Philip II have? // Electrum. 2012. Vol. 19. P. 131–135.
14. *Squillace G.* Filippo il Macedone. Roma, 2009.
15. *Squillace G.* La maschera del vincitore: Strategie propagandistiche di Filippo II e Alessandro Magno nella distruzione di città greche // Klio. 2011. Bd. 93. P. 308–321.
16. *Sprawski S.* Philip II and the Freedom of the Thessalians // Electrum. 2003. Vol. 9. P. 55–66.
17. *Sprawski S.* All the King's Men: Thessalians and Philip II's Design on Greece // Society and Religions. Studies in Greek and Roman History / ed. by D. Musial. Toruń, 2005. P. 31–49.
18. *Worthington I.* Philip II of Macedonia. New Haven; London, 2008 (рус. пер.: СПб., 2013).

Вергина

1. *Кузьмин Ю. Н.* Из истории археологических раскопок в Вергине // Мнемон. 2007. Вып. 6. С. 289–308.
2. *Arena E.* Alessandro IV e la Tomba III del «Grande Tumulo» di Vergina: per un riesame storico // Athenaeum. 2013. Vol. 101. P. 71–101.
3. *Bartsiakos A.* The Eye Injury of King Philip II and the Skeletal Evidence from the Royal Tomb II at Vergina // Science. 2000 (21 April). Vol. 288. P. 511–514.
4. *Borza E. N., Palagia O.* The Chronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 2007. Bd. 122. P. 81–125.

5. *Carney E. D.* Were the Tombs under the Great Tumulus at Vergina Royal? // *AN*. 2001. Vol. 23. P. 33–44.
6. *Drougou S., Saatsoglou-Paliadeli Ch.* Vergina. Wandering through the Archaeological Site. Athens, 1999.
7. *Franks H. M.* Hunters, Heroes, Kings. The Frieze of Tomb II at Vergina. Princeton, 2012.
8. *Gill D.* Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina // *Hesperia*. 2008. Vol. 77. P. 335–358.
9. *Hatzopoulos M. B.* The Burial of the Dead (at Vergina) or The Unending Controversy on the Identity of the Occupants of Tomb II // *Τεκμήρια*. 2008. Τ. 9. P. 90–118.
10. *Ignatiadou D.* Royal Identities and Political Symbolism in the Vergina Lion-hunt Painting // *Αρχαιολογικόν δελτίον*. 2010 (2002). Τ. 57a. P. 119–154.
11. *Kottaridi A.* Discovering Aegae, the Old Macedonian Capital // *Excavating Classical Culture. Recent Archaeological Discoveries in Greece* / ed. by M. Stamatopoulou, M. Yeroulanou. Oxford, 2004. P. 75–81.
12. *Molina Marín A. I.* La tumba de Vergina: Filipo II o Filipo III? // *Pantarei: Revista de ciencia y didáctica de la historia*. Vol. 2. 2ª época. Murcia, 2007. P. 77–92.
13. *Musgrave J., Prag A. J. N. W., Neave R., Lane Fox R., White H.* The Occupants of Tomb II at Vergina: Why Arrhidaios and Eurydice must be excluded // *International Journal of Medical Sciences*. 2010. Vol. 7. P. 1–15 (www.medsci.org/v07p00s1.htm).
14. *Saatsoglou-Paliadeli Ch.* Queenly appearances at Vergina-Aegae: Old and New Epigraphic and Literary Evidence // *Archäologischer Anzeiger*. 2000. Ht. 3. P. 387–403.
15. *Stieber M.* Further Thoughts on εὔστυλος in Euripides' I. T., Vitruvius, and a Late Fifth-century B. C. Inscription from Vergina (SEG 46 (1996) 830) // *Philologus*. 2006. Bd. 150. P. 28–37.
16. *Touloumakos J.* Die historische Problematik der Gräber von Vergina // *Anc. Soc.* 2010. Vol. 40. S. 15–50.
17. *Δρούγου Σ.* Βεργίνα. Τα πύλινα αγγεία της Μεγάλης Τούμπας. Αθήνα, 2005.
18. *Σαατσόγλου-Παλιαδέλη Χ.* Βεργίνα. Ο τάφος του Φίλιππου. Η τοιχογραφία με το κυνήγι. Αθήνα, 2004.

Военное дело

1. *Нεφῶδκιμ Α. Κ.* Μακεδονская конница до времени правления Филиппа II // *Para bellum*. 2005. № 25. С. 11–20.
2. *Нεφῶδκιμ Α. Κ.* Филипп II как организатор и командир македонской кавалерии // *Актуальные проблемы всеобщей истории*. Ростов-на-Дону, 2006. С. 12–26.

3. *Секунда Н. В.* Сарисса // *Para bellum*. 2003. № 20. С. 7–36.
4. *Anson E. M.* The Introduction of the sarissa in Macedonian Warfare // *Anc. Soc.* 2010. Vol. 40. P. 51–68.
5. *Liampi K.* Der makedonische Schild. Bonn, 1998.

Борьба за историческое наследие древней Македонии

1. *Willi A.* Whose is Macedonia, Whose is Alexander // *CJ*. 2009. Vol. 105. P. 57–62.

Varia

1. *Adams W. L.* Other Peoples Games: The Olympics, Macedonia and Greek Athletics // *Journal of Sport History*. 2003. Vol. 30. P. 205–217.
2. *Errington R. M.* Recent Research on Ancient Macedonia // *Analele Universității «Dunărea de Jos» Galați*. Fasc. 19. Istorie. T. 1. Galați, 2002. P. 9–23.
3. *Kefalidou E.* Late Archaic Polychrome Pottery from Aiani // *Hesperia*. 2001. Vol. 70. P. 183–219.
4. *Liapis V.* «Rhesus» Revisited: The Case for a Fourth-Century Macedonian Context // *JHS*. 2009. Vol. 129. P. 71–88.
5. *Miller S. G.* Macedonians at Delphi // *Delphes. Cent ans après la Grande fouille. Essai de bilan* / éd. par A. Jacquemin. Paris, 2000. P. 263–281.
6. *Paspalas S.* On Persian-Type Furniture in Macedonia: The Recognition and Transmission of Forms // *AJA*. 2000. Vol. 104. P. 531–560.
7. *Seyer M.* Der Herrscher als Jäger: Untersuchungen zur königlichen Jagd im Persischen und Makedonischen Reich vom 6.–4. Jahrhundert v. Chr sowie unter den Diadochen Alexanders des Großen. Wien, 2007.
8. *Tripodi B.* Cacce reali macedoni. Tra Alessandro I e Filippo V. Messina, 1998.
9. *Zahrnt M.* Macedonia and Thrace in Thucydides // *Brill's Companion to Thucydides* / ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden; Boston, 2006. P. 589–614.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Цветные иллюстрации

1. Золотая погребальная маска и шлем «илирийского» типа, Синд (конец VI в. до н. э.)
2. «Гробница Эвридики» в Вергине. 2.1 — Погребальная камера; 2.2 — Спинка мраморного трона с изображением Аида и Персефоны (*Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine. Emplois et fonctions de la couleur IVe — IIIe s. av. J.-C. Athènes, 2006. Pl. 1.2, 6–7*)
3. Фреска из Гробницы I в Вергине. Похищение Персефоны Аидом (*Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine... Pl. 13*)
4. Вид фасада Гробницы II в Вергине (*Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1997. Fig. 57*)
5. Реконструкция фрески на фризе Гробницы II в Вергине (*Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine... Pl. 27–28.2*)
6. Железный панцирь из Гробницы II в Вергине (Philip of Macedon / ed. by M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos. Athens, 1980. P. 225. Fig. 127)
7. Пара позолоченных бронзовых поножей из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander: An Exhibition. New York, 1980. Fig. 27)
8. Золотой горит из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 28)
9. Золотой венок из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 36)
10. Головка из слоновой кости из Гробницы II в Вергине. Филипп II? (The Search for Alexander... Fig. 34.1)
11. Головка из слоновой кости из Гробницы II в Вергине. Александр Великий? (The Search for Alexander... Fig. 34.2)
12. Позолоченная серебряная «диадема» из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 29)
13. Золотая погребальная урна из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 35)
14. Щит из Гробницы II в Вергине (*Andronicos M. Vergina... Fig. 93*)
15. Бронзовый наконечник стрелы с надписью ΦΙΛΙΠΠΟΥ, Олинф (The Search for Alexander... Fig. 16.1)
16. Железный шлем из Гробницы II в Вергине (*Andronicos M. Vergina... Fig. 98*)
17. Рукоятка меча из Гробницы II в Вергине (Philip of Macedon. P. 224. Fig. 126)
18. Бронзовый светильник из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 33)

19. Серебряный сосуд для воды или вина из Гробницы III в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 26.1)
20. «Гробница с пальметтами», Лефкадия (первая половина III в. до н. э.). 20.1 — Фасад; 20.2 — Погребальная камера (*Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine...* Pl. 63.1–2)
21. Фреска на фасаде «Гробницы Кинча» (конец IV — начало III в. до н. э.). Македонский всадник, атакующий перса (*Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine...* Pl. 77.2)
22. «Саркофаг Александра», Стамбул. Общий вид (Alexander Sarcophagus. Istanbul, 2012. Pl. 1)
23. «Саркофаг Александра». Битва македонян с персами, фрагменты фриза (Alexander Sarcophagus. Pl. 2–3)
24. «Мозаика Александра» из Помпей, Неаполь. Сражение Александра Великого с Дарием III (*Fildes A., Fletcher J. Alexander the Great. Son of the Gods. Los Angeles, 2002. P. 48–49*)
25. Руины дворца в Вергине (Вергина. История — археология. Салоники [б. г.]. С. 8–9)
26. План дворца в Вергине (Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD / ed. by R. J. Lane Fox. Leiden, 2011. Fig. 32b)
27. Гробница в Айос Афанасиос (последняя четверть IV в. до н. э.). Македонские воины, фрагменты росписи фасада (*Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine...* Pl. 94.1–2)
28. Изображения македонских воинов слева и справа от входа в гробницу в Айос Афанасиос (*Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macédoine...* Pl. 99–100)
29. Херонейский лев. Памятник фиванцам, погибшим в битве при Херонее в 338 г. до н. э. (*Fildes A., Fletcher J. Alexander the Great...* P. 27)

Черно-белые иллюстрации

- Глиняные головы из погребения (начало V в. до н. э.), Вергина (Heracles to Alexander the Great: Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy / ed. by A. Kottaridi. Oxford, 2011. P. 101. Fig. 91) — с. 149
- Фрагмент черепицы из Вергинны с изображением козы (Archaeological Reports. 2003. Vol. 49. P. 60) — с. 171
- Октодрахма Александра — с. 173
- Статер Пердикки II — с. 202
- Надгробие воина (ок. 420 г. до н. э.), Вергина (*Saatsoglou-Paliadeli Ch. Aspects of Ancient Macedonian Costume // JHS. 1993. Vol. 113. Pl. IIa*) — с. 205
- Надгробие воина (конец V в. до н. э.), Пелла (Brill's Companion to Ancient Macedon... Fig. 9) — с. 221
- Статер Архелая — с. 227
- Прорисовка эпитафии на надгробии Каллимаха (конец V в. до н. э.), Вергина (*Saatsoglou-Paliadeli Ch. In the Shadow of History: The Emergence of Archaeology // BSA. 1999. Vol. 94. P. 367. Fig. 6*) — с. 231
- Статер Аминты III — с. 236

- Фрагмент украшения щита (IV в. до н. э.), Вергина (Heracles to Alexander the Great... P. 79. Fig. 62) — с. 242
- Филипп II. Золотой медальон (начало III в. н. э.) (Hellenismus. Eine Welt im Umbruch. Darmstadt, 2012. S. 12) — с. 267
- Олимпиада. Золотой медальон (начало III в. н. э.) (<http://www.smb.museum/ikmk/object.php?id=18200020>) — с. 274
- Тетрадрахма Филиппа II — с. 279
- Демосфен. Римская копия греческого оригинала работы Полиевкта (280 г. до н. э.), Ватикан (Hellenismus. Eine Welt im Umbruch. S. 34) — с. 289
- Современное состояние театра в Эгах (Вергине), где в 336 г. до н. э. был убит Филипп II. Фото Ю. Н. Кузьмина — с. 294
- Александр Великий. Римская копия греческого оригинала работы Лисиппа (30-е — 20-е гг. IV в. до н. э.), Лувр (Fildes A., Fletcher J. Alexander the Great... P. 107) — с. 323
- Надгробие из Большого кургана в Вергине (Philip of Macedon. P. 153. Fig. 81) — с. 330
- Гробница II под Большим курганом в Вергине (Brill's Companion to Ancient Macedon... Fig. 27) — с. 331
- Декадрахма, отчеканенная в честь победы Александра в битве при Гидаспе в 326 г. до н. э. (Baldwin's Auctions Ltd, New York Sale XXVII, 304) — с. 340
- Фрагмент бронзового кратера из гробницы в Дервени (вторая половина IV в. до н. э.), Салоники (Philip of Macedon. P. 33. Fig. 19) — с. 346
- Ящичная гробница с колоннами (IV в. до н. э.), Вергина (<http://www.archaiologia.gr/en/blog/2013/03/21/new-finds-at-aigai/>) — с. 351
- Надгробие из Эаны (середина IV в. до н. э.) (Philip of Macedon. P. 17. Fig. 3) — с. 354
- Афина Алкидема. Статуэтка из Пеллы (эллинистический период) (Siganiidou M., Lilimpaki-Akamati M. Pella: Capital of Macedonians. Athens, 1997. P. 51. Fig. 32) — с. 355
- Прорисовка свинцовой таблички из Пеллы с текстом проклятия (ок. 400–350 гг. до н. э.) (A Companion to Ancient Macedonia / ed. by J. Roisman, I. Worthington. Malden (Mass.); Oxford, 2010. P. 434. Fig. 21.1) — с. 442
- Три золотых диска из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 30) — с. 454
- Серебряный кувшин для вина или воды из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 31) — с. 458
- Серебряная чаша для питья из Гробницы III в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 26.2) — с. 464
- Серебряный кувшин из Гробницы II в Вергине (The Search for Alexander... Fig. 32.2) — с. 465

Карты

- Македония IV в. до н. э. — с. 22–23
- Западная Македония — с. 58
- Центральная Македония — с. 65
- Восточная Македония и Халкидика — с. 73
- Путь Ксеркса через Македонию — с. 145

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сборники источников и справочные пособия

ATL	— The Athenian Tribute Lists / ed. by B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor. Vol. I–IV. Cambridge (Mass.); Princeton, 1939–1953
CAH	— Cambridge Ancient History
CHI	— Cambridge History of Iran
Ditt. Syll. ³	— <i>Dittenberger W.</i> Sylloge Inscriptionum Graecarum ³ . Vol. I–IV. Leipzig, 1915–1919
Fgr Hist	— <i>Jacoby F.</i> Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958
IACP	— An Inventory of Archaic and Classical Poleis / ed. by M. H. Hansen, Th. H. Nielsen. Oxford, 2004.
IG	— Inscriptiones Graecae. Vol. I–. Berlin, 1873–
KP	— Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike. Bd. I–V. München, 1979
M-L	— <i>Meigs R., Lewis D.</i> A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969
RE	— Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart; München, 1894–1978
Rhodes/Osborne	— <i>Rhodes P. J., Osborne R.</i> Greek Historical Inscriptions, 404–323 B. C. Oxford, 2003
SEG	— Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923–
Tod	— <i>Tod M. N.</i> A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. I–II. Oxford, 1946–1948

Периодические издания

- ВДИ — Вестник древней истории
 AAA — Athens Annals of Archaeology
 АНВ — Ancient History Bulletin
 АНР — American Historical Review
 АЖА — American Journal of Archaeology

AJAH	— American Journal of Ancient History
AJPh	— American Journal of Philology
AM	— <i>Αρχαία Μακεδονία</i> . Proceedings of the International Symposia on Ancient Macedonia
AN	— Archaeological News
Anc. Soc.	— Ancient Society
AW	— Ancient World
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
BICS	— Bulletin of the Institute of Classical Studies
BSA	— Annual of the British School at Athens
CJ	— Classical Journal
CPh	— Classical Philology
CQ	— Classical Quarterly
CR	— Classical Review
G&R	— Greece and Rome
GRBS	— Greek, Roman, and Byzantine Studies
HSCP	— Harvard Studies in Classical Philology
JAS	— Journal of Archaeological Science
JFA	— Journal of Field Archaeology
JHS	— Journal of Hellenic Studies
JOAI	— Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien
LCM	— Liverpool Classical Monthly
MDAI(A)	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Athenische Abteilung)
NC	— Numismatic Chronicle
PAPS	— Proceedings of the American Philosophical Association
PP	— La Parola del Passato
PPS	— Proceedings of the Prehistoric Society
REA	— Revue des études anciennes
REG	— Revue des études grecques
RIDA	— Revue Internationale des Droits de l'Antiquité
RN	— Revue numismatique
SB, Berlin	— Sitzungsberichte der (Preussischen) Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse
SB, München	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Philosophisch-philologische und historische Klasse
TAPA	— Transactions of the American Philological Association
WA	— World Archaeology
ZPE	— Zeitschrift für Papirologie und Epigraphik

ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Аблеры 190
Авдата, жена Филиппа II 268, 269
Австралия 51, 461, 467
Агамемнон, царь Микен 101, 417
Агафон, поэт 220, 553
Агесилай, спартанский царь 233, 241, 243
Агесиполид, спартанский полководец 243
Агнады, спартанский царский род 117
Адриатическое море 49, 56
Айнос Афанаснос 558
Айнос Димитринос 94
Аканф 41, 78, 239, 241, 242
Акарнания, акарнанцы 192, 196, 237
Алабанда 140
Албания, албанцы 31, 49, 56, 57, 95, 124, 389, 405, 406, 420, 431
Алевады, фессалийский аристократический род 144, 215, 216, 230, 238, 245, 247, 284
Александр, молосский царь 320
Александр, сын Алкеты, брат Пердикки II 211
Александр I (Филэллин), македонский царь 82, 83, 113, 115–118, 133, 134, 138–142, 144, 146–155, 158–168, 170–179, 185, 207, 210, 215, 224, 225, 228, 232–234, 237, 248, 275, 306, 324, 357, 359, 391, 411–413, 417, 418, 560, 563
Александр I (Филэллин), македонский царь 177
Александр II, македонский царь 167, 177, 247–251, 310
Александр III (Великий), македонский царь 5–8, 10, 17, 20, 21, 24, 27–29, 42–44, 46, 54, 67, 74, 78, 83, 85, 95, 117, 126, 127, 132, 140, 167, 168, 174, 176, 192, 217, 220, 223, 257, 258, 268, 282, 284, 285, 302, 303, 306, 310, 311, 315, 335, 341, 342, 368, 401, 407, 408, 416, 418–422, 442, 443, 454, 456, 457, 459, 462, 464, 466, 468–470, 535, 537–539, 550, 551, 554–558
Александр IV, македонский царь 310, 313, 334, 342, 398, 419, 423, 464
Александрия Египетская 334
Александр Ферский, тиран 247
Алкета, брат Пердикки II 211, 212, 233
Алкета, македонский царь, отец Аминты I 114, 134, 178, 179, 211, 563
Алкета, молосский царь 240
Алкивиад, афинский политический деятель 190
Алкимах, македонский полководец 535
Алкиной, царь феаков 417
Алмопия, алмопы 55, 67, 119–121, 135, 165
Алор 248
Амбракия, амбракноты 534
Аминта (IV), сын Пердикки III 260, 261
Аминта, сын Александра I 232–234
Аминта, сын Филиппа, брата Пердикки II 191, 192
Аминта I, македонский царь 114, 134, 135, 137–141, 150, 151, 153, 157, 158, 165, 178, 563
Аминта II, македонский царь 233, 234, 248, 310
Аминта III, македонский царь 233–235, 237–246, 248–250, 252–256, 310, 322,

* Составлен М. М. Холодом.

- 379, 380, 381, 384, 414, 415, 419, 448, 554, 556
- Амфакситида 68, 72, 75, 121, 122, 137, 178, 192
- Амфиполь 41, 74, 75, 82, 130, 160, 161, 180–183, 185, 189, 191, 198, 202, 203, 206, 207, 209, 210, 212–214, 239, 245, 252–255, 261, 262, 275–277, 280, 346, 355, 415, 441, 450
- Амфисса, амфиссейцы 452
- Анаксарх, философ 316
- Анаксимен из Лампсака, ритор 167
- Ангитис 76, 277
- Андокид, афинский политический деятель 213
- Антем 77, 119, 122, 158, 193, 243, 252, 264
- Антигон III Досон, македонский царь 260
- Антигон II Гонат, македонский царь 326, 464, 553, 559
- Антигониды, македонская царская династия 17, 304, 306, 323, 366, 443, 469
- Антипатр, македонский политический деятель 418, 454, 535
- Антисфен, философ 230
- Антоний, римский политический деятель 442
- Аххал 122, 390
- Аполлон, бог 225, 452, 547
- Аполлония 241, 242
- Аполлофан, македонянин 249
- Аргей, македонский царь 112, 114, 134, 238, 334, 379, 380, 448, 563
- Аргей, претендент на трон 261, 315, 415, 448
- Аргил 180, 198
- Аретуза 226
- Арибба, молосский царь 394
- Аристагор, лидер нонийского восстания 141
- Аристей, коринфский полководец 188, 189, 376, 377
- Аристотель, философ 29, 67, 83, 157, 216, 229, 231, 232, 303, 329, 355, 365, 370, 460
- Аристофан, поэт-комедиограф 229
- Аркадия, аркадяне 535
- Арниса 199
- Арнисса 200
- Аррабей II, линкестийский князь 214
- Арриан, Флавий, историк 83, 127, 227, 313, 316, 318, 321, 367, 369, 401, 537
- Артабаз, персидский полководец 154
- Артаксеркс III, персидский царь 456
- Артемида Эвклея, богиня 250
- Архелай, македонский царь 116, 127, 134, 146, 147, 177, 178, 185, 192, 206, 210–235, 238, 240, 241, 245, 246, 251, 275, 310, 324, 327, 359, 360, 367, 379, 392, 403, 414, 415, 553
- Архелай, мифологический персонаж 211, 212, 225, 226, 563
- Асклепий, бог 559, 561
- Аскра 51
- Ассирия 265
- Ассирос 105, 106
- Аттал, македонский аристократ 268, 269, 294, 456
- Афиней, македонянин 253
- Афиней, писатель 178, 229, 239, 267, 269, 312, 339
- Ахайя, ахейцы 108, 535
- Аэроп, брат Пердикки I 113, 114, 118, 134, 233, 237, 563
- Аэроп I, македонский царь 134
- Багой, персидский придворный 456
- Балканский полуостров, Балканы 5, 19, 20, 26, 31, 33, 36, 41, 45, 48, 49, 51–53, 55–57, 68, 69, 75–77, 79, 80, 82, 87, 88, 91, 95, 104, 107, 112, 124, 125, 129, 133, 135, 137, 142, 156, 165, 189, 194, 217–219, 221, 222, 237, 245, 247, 257, 263, 265, 272, 275, 278, 293, 298, 345, 387, 388, 395, 405, 406, 420, 425, 430, 433, 437, 440, 445, 448, 468, 470, 533, 555, 556
- Бардил, иллирийский царь 236, 245, 256, 262, 263, 266, 269, 272, 273, 448
- Белград 50, 56
- Бендида, богиня 190
- Берга 180
- Бисалтия, бисалты 72, 74, 75, 119, 159, 160, 165, 170, 171, 173, 180, 181, 191, 214, 226, 244, 254

- бистоны 108
 Благоевград 75
 Бог, персидский полководец 162
 Болгария, болгары 31–33, 37, 49, 75, 94, 124, 125, 129, 275, 387, 405, 406, 423, 436
 Борборос 370
 Бормиск 204, 205, 213, 226
 Босфор 135, 136, 191
 Боттия (Боттис), боттийцы 69, 96, 108, 119, 121, 124, 187, 239
 Брасид, спартанский полководец 181, 182, 197–201, 203, 204, 207, 208, 217, 219, 237, 373
 Брея 180, 181
 Бубар, персидский полководец 140–143, 146, 150, 166
 Бурбоны, французский королевский род 306

Вавилон 218, 338, 419
 Вашингтон 7, 467
 Вергина 8, 26, 36, 41, 42, 64, 66, 83, 92, 98, 105, 107, 110, 111, 118, 119, 126, 128, 137, 170, 173, 223, 246, 251, 258, 276, 312, 325, 326, 328–330, 332, 334, 339, 342, 347, 351, 352, 355, 369, 370, 380, 381, 393, 396–398, 406, 447, 461–466, 551–554, 556–558
 Византий 278, 534
 викинги 309
 Вици 61
 влахи 31, 274
 Волос 216, 285
 Вуринос 61

 Гаван, брат Пердикки I 113, 118
 Гавгамелы 266, 337
 Гагност, афинский полководец, амфиполит 191
 Галиакмон 40, 53–57, 59–64, 66, 69–71, 79, 89, 91, 94, 102, 103, 105, 111, 112, 114, 115, 117, 118, 166, 195, 272, 325, 326, 355, 369, 371–373, 375
 Гегелок, македонский полководец 176, 177
 Гекатей, логограф 59
 Гелланик, логограф 127
 Гелланократ, македонский придворный 232
 Геллеспонтская Фригия 96
 Гем 49, 155
 Генрих VIII, английский король 269
 Геракл, мифологический персонаж 103, 113, 114, 117, 173, 225, 226, 250, 359, 560, 563
 Гераклеон 144, 204, 205, 213, 373
 Гераклея Линкестийская 62, 272
 Гераклиды, потомки Геракла 103, 307, 562
 Гермес, бог 349
 Геродот, историк 55, 69, 70, 72, 82, 95, 96, 100, 102, 113–115, 117–119, 131, 134, 136–144, 148–153, 155, 156, 159, 167, 174, 175, 225, 311, 357, 359, 367, 372, 373, 401, 404, 411–413, 417, 418, 439, 440, 560, 562, 563
 Гесиод, поэт 51, 92, 93, 102, 374, 418, 439
 Гестиса 183
 Гета, фракийский царь 171
 Гигея, сестра Александра I 140, 146, 150, 166
 Гигон 377
 Гидасп 557
 Гиероним из Кардии, историк 338, 538
 Гиппий, тиран 157, 158
 Гиппострат, македонский аристократ 268
 Гистией, тиран 141
 Гистиеотида 100
 Гносис, художник 222
 Гомер, поэт 29, 40, 417, 418, 439
 Гонн 372, 373
 Горгий, философ 211, 230
 Гордий, фригийский царь 95, 114
 Граник 557
 Гревена 59, 61, 63, 369, 388, 432
 Гревенитикос 369
 гунны 439

 ларданы 236
 Дарий I, персидский царь 74, 133, 137, 141, 147, 153, 158, 266, 337, 339, 361
 Дарий III, персидский царь 456
 Девкалион, мифологический персонаж 93, 101, 440

- Десять путей 161–164, 181, 182, 185
Делос 25, 535
Дельфы 24, 25, 117, 161, 174, 228, 281, 286, 288, 295, 452, 547
Демад, афинский политический деятель 535
Деметра, богиня 552
Демир Капу 162, 217, 219, 220, 225
Демосфен, афинский политический деятель 27, 29, 30, 46, 161, 162, 174, 194, 257, 259, 277, 281, 282, 287–290, 296, 417, 447, 451, 452, 455, 537, 539, 559, 560
Демофил, историк 450
Денталиатида 536
Дервни 41, 42, 342, 348, 350, 355, 462, 463
Дерда (II), сын Дерды I 214
Дерда, убийца Аминты II 166, 184, 185, 187, 188, 233, 243, 268, 310
Дерда I 214
Динил, историк 449, 450, 464
Дикей 108, 554
Динтос, фракиец 440
Диодор Сицилийский, историк 29, 46, 62, 83, 231, 232, 235, 237, 238, 240, 247, 249, 257, 262, 270, 277, 278, 280, 281, 297, 312, 313, 320, 338, 339, 379, 380, 401, 414, 446, 449, 450, 452, 455, 458, 461, 464, 537, 538, 546, 547, 563
Дион 24, 41, 42, 66, 94, 105–107, 109, 218, 219, 225, 228, 312, 343, 347, 356, 373, 375, 418, 423, 552, 553
Дионис, бог 222
Дионисий Старший, тиран 547
Дирфис 47
Дисорон 72, 74, 82, 83, 85, 159–161, 171
Дор, мифологический персонаж 92, 100, 101
Дорида 560
дорийцы 96–103, 110, 440, 560
Драбеск 163, 164
Драконт, афинский политический деятель 308
Драма 76, 79
Дриопида 100
Дунай 49, 56, 90, 92, 95, 137, 189, 191, 293
Дурид, историк 414, 450
евреи 31, 45
Европа, дочь Филиппа II 268
Египет, египтяне 43, 45, 171, 176, 241, 332, 339, 418, 436
Екатерина II (Великая), российская императрица 404
Зевксид, живописец 220
Зевс, бог 93, 101, 102, 227, 228, 322, 418, 440, 552
Земнис, фракиец 440
Зилланское ущелье 373
Зопир, фракиец 190
Израиль 436
Иллирия, иллирийцы 39, 107, 108, 113, 114, 117, 126, 135, 199, 214, 235–241, 245, 247, 254–256, 261, 264, 268, 269, 272, 275, 280, 357, 359, 361, 379, 406, 414, 426, 433, 448, 457
Имброс 535
Индия 360, 446
Иолай, македонский аристократ 188, 212
Ион, мифологический персонаж 92
Иония, ионийцы 140, 168, 456
Ирак 436
Исократ, афинский ритор 46, 235, 290, 297, 298, 379, 414, 449, 455
Испания 31, 51
Истм 292, 293
Италия 51, 129, 176, 206
Ификрат, афинский полководец 239, 243, 244, 252, 254
Ихны 170
Кавала 32, 41, 52, 55, 76, 343, 346, 347
Кавн 352
кадмейцы 100, 102
Казанлык 440
Калабака 59, 60, 274
Каламото 284
Каллий, афинский полководец 188
Каллий, халкидский политический деятель 534
Калликл, македонянин 266, 354
Каллимах, скульптор 553

- Каллистрат, афинский политический деятель 255, 319
- Каллисфен, философ 313, 316–318, 414
- Камвунийские горы 62
- Капетинги, французский королевский род 306
- Карабурну, Мегало 396
- Карабурну, Микро 143
- Кара Бурун 63
- Каран, македонский царь 116, 226, 234, 563
- Кария 140, 352
- карфагеняне 45, 411
- Кассандр, македонский царь 69, 78, 108, 143, 223, 285, 310, 326, 334, 335, 337, 340, 398, 418, 419, 443, 462, 464, 553, 555
- Кастанас 68, 69, 105
- Кастория 57, 59, 61, 63, 121
- Катара 60, 274
- Катерини 20, 94, 144, 384
- кельты 236, 436, 439
- Кен, македонский царь 563
- Кердиллий 72, 75, 355
- Керкини 72, 74, 372
- Керкиннотида 75
- Кетрипорис, фракийский царь 277
- Кефис 290
- Киев 50
- Киклады 159
- Килкис 72
- Кима 449
- киммерийцы 108
- Кимон, афинский политический деятель 160, 161, 163, 165, 176
- Кинурия 536
- Кипр 176, 436
- Кир Великий, персидский царь 352
- Кирли Дирвен 62, 63, 197, 199
- Китиний 560
- Клеон, афинский политический деятель 202, 203
- Клеопатра, дочь Филиппа II 293, 320, 328, 460
- Клеопатра, жена (?) Архелая 233
- Клеопатра, жена Филиппа II 8, 268–270, 293, 335, 336, 342, 461, 463
- Клеопатра VII, царица Египта 392, 442
- Клиген, аканфский политический деятель 241
- Клисура 61, 63, 121
- Клисфен, афинский политический деятель 158
- Кносс 24
- Козани 41, 42, 52, 61–64, 79, 89, 94, 105, 121, 166, 391, 436
- Копанос 114
- Коринфский залив 192
- Короня 74, 106, 204, 238, 243, 372
- Кос 559, 560
- Косово 237
- Котис, фракийский царь 194, 239, 240, 275
- Кофела, фракийский царь 268
- Крениды 76, 82, 164, 277, 278
- Крит 28, 104
- Крусида 77, 108, 264
- Ксенофонт, писатель 220, 235, 240, 414
- Ксеркс, персидский царь 72, 78, 94, 133, 140, 142–144, 146, 147, 153, 155, 158, 159, 161, 170, 172, 361, 371, 373, 376, 411, 412, 547
- Ксуф, мифологический персонаж 92
- Курций Руф, Квинт, историк 176, 177, 313–315, 317, 318, 338, 395
- Ламийский залив 285
- Лампсак 167
- Ларисса 144, 215, 232, 238, 245, 247, 284
- Лаций 355
- Лебадея 260, 417
- Левктры 254, 263, 394
- Лемнос 535
- Леохар, скульптор 322
- Лептокария 373
- Лета 170
- Лесфадия 41, 42, 114, 347–350, 354
- Ливан 436
- Ливий, Тит, историк 46
- ливийцы 439
- Ликаон, мифологический персонаж 101
- Ликия 352
- Ликофрон Ферский, тиран 216
- Линкестиды, линкестийцы 61–63, 90, 91, 106, 118, 121, 129, 196, 197, 199, 200,

- 207, 214, 237, 249, 262, 272, 365, 366, 378, 379, 420
- Лисон, македонянин 266, 354
- Локрида, локры 250
- Лондон 20, 50
- Лудий, река 56, 64, 67, 70, 325, 372
- Людовик XIV, французский король 309
- Магнет, мифологический персонаж 93
- Македон, мифологический персонаж 93, 101, 127, 440
- макроцефалы 101
- маллы 381
- Мантиней 255
- Марафон 142, 147, 250, 371
- Мардоний, персидский полководец 139–142, 146, 148, 153, 155, 189
- Махата, брат Филы 268
- Мегабаз, персидский полководец 137, 141, 142, 189
- Мегалополь 536
- Мегары, мегарцы 176, 535
- Меда, жена Филиппа II 268 270
- Медий, фессалийский аристократ 238
- Мексика 51
- Менда 25, 41, 78, 108, 198, 199, 239
- Менелай, сын Александра I 178, 232, 248
- Менелай, царь Спарты 233, 234, 417
- Меникий 75, 76
- Мертвое море 380
- Мессения, мессенцы 535, 536
- Мефона 41, 66, 108, 135, 136, 156, 186, 193 196, 205, 207, 213, 254, 276, 336, 370, 375, 388, 393, 397, 407, 555
- Мецово 60, 274
- Мигдония, мигдоны 75, 108, 119, 121, 158, 187, 193
- Мидас, фригийский царь 95, 114, 115
- Мнеза 42, 64, 67, 114, 115, 355, 370
- Микены, микенцы 24, 39, 93, 94, 96, 97, 102, 104, 174, 389, 404, 431
- Милет 141
- Миркин 141
- Мирто 250
- Митилена 184
- Могленица 67, 68
- Морава 56
- Музы, богини 227
- Наполеон III, французский император 36
- Неа Никомедия 42, 89, 90
- Незеро 373
- Нельсон, английский адмирал 35
- Неоптолем, македонский полководец 127
- Нест 32, 55, 72, 77, 143, 275, 277, 278
- Нестор, царь Пилоса 417
- Никсеиполида, жена Филиппа II 268, 285
- Никомах, живописец 381, 463
- Никонид, фессалийский аристократ 197
- Нимфодор, абдерский политический деятель 190
- Одиссей, царь Итаки 417
- одоманты 108
- одрисы 189, 191, 239, 254
- Озерный коридор 75, 372
- Олимп 8, 9, 47, 48, 55, 62, 64, 66, 69, 84, 93, 94, 100, 102, 106, 109, 111, 118, 120, 134, 143, 144, 147, 155, 195, 213, 215, 218, 222, 227, 324, 358, 370, 373, 389, 432, 551, 552
- Олимпиада, жена Филиппа II, мать Александра Великого 192, 268–270, 273, 293, 310, 322, 335, 342, 392, 419, 459, 461, 463, 464, 555
- Олимпия 24, 25, 151, 152, 174, 228, 268, 295, 322
- Олинф, олинфяне 24, 25, 39, 77, 121, 158, 187–189, 208, 222, 235, 238–246, 281–284, 312, 320, 355, 380, 382, 383, 394 396, 423, 450
- Опис 272
- орескии 171
- Орест, македонский царь 101
- Орест, мифологический персонаж 233
- Орестиды, оресты 59, 61, 63, 101, 106, 121, 129, 192, 193, 254, 272, 273, 369, 420
- Ороп 535
- Орхомен 534
- Осса 100, 143
- Острова 61, 63, 197, 200
- Охридское озеро 56, 60, 62, 197, 272, 273

- Павсаний, брат Дерды из Элимеи 188
 Павсаний, македонский царь, сын Аэро-
 па II 233, 250–252
 Павсаний, претендент на трон 261
 Павсаний из Орестиды, убийца Филиппа II 272, 293, 294, 310, 460, 548
 Пагасейский залив 216, 285
 Пагасы 285
 Пайкон 64, 67, 68, 70, 71, 79, 325, 327
 Паммен, фиванский политический деятель 248
 Пангей 54, 55, 71, 75, 76, 82, 83, 118, 154, 157, 159, 160, 277, 278, 376
 Парис, троянский царевич 417
 Парменнион, македонский полководец 285, 313, 317, 456
 Парос, паросцы 156, 159
 Пасаргады 352
 Певкест, македонский полководец 341
 Пелагонийская равнина 60–63, 75, 272
 Пелагония 55, 62, 90, 91, 106, 121, 199, 254
 Пелла 41, 42, 64, 68, 70, 80, 119–121, 185, 192, 218, 226, 229, 240, 246, 249, 287, 289, 312, 319, 320, 327, 337, 343, 350, 356, 370, 378–380, 390, 392, 402, 415, 423, 441, 469, 552, 559, 560
 Пелопид, фиванский политический деятель 247, 248, 252, 254
 Пелопоннес, пелопоннесцы 24, 28, 35, 49, 98, 100, 104, 162, 176, 187, 188, 192, 194, 197–200, 203, 205, 208, 289, 376, 450, 534, 536
 Пенсей 59, 60, 143
 Пеония, пеонийцы 95, 106–108, 119, 121, 122, 137, 236, 261, 262, 274, 361
 Пердикка I, македонский царь 95, 113–116, 118, 134, 151, 155, 166, 563
 Пердикка II, македонский царь 118, 119, 134, 168, 177, 224, 249, 255, 359, 367, 391, 413, 417, 563
 Пердикка III, македонский царь 177, 260, 261, 310, 319, 554, 561
 Перикл, афинский политический деятель 176, 180, 183
 Перинф 278, 456, 534, 546
 Перистерия 60, 62
 Перребия 61, 63, 114, 215–217, 373
 Персей, македонский царь 160, 373
 Персеполь 218, 352
 Персефона, богиня 330, 342, 463
 Персидский залив 436
 Персия, персы 76, 122, 136, 144, 146–148, 150–155, 158–162, 165–167, 169, 176, 179, 189, 233, 237, 241, 264, 285, 290, 293, 296–299, 305, 361, 372, 375, 376, 412, 455, 456, 458, 537, 546–549
 Петр I (Великий), российский император 404
 Петра 93, 94, 103, 109, 111, 112, 144, 197, 215, 373, 384, 432
 Петралона 87
 Петрон 61, 62, 63, 197
 пигмеи 101
 Пидна 41, 66, 135, 163, 188, 194, 195, 199, 207, 212, 213, 221, 225, 254, 276, 280, 355, 375–377, 415
 Пиерийская равнина 79, 81, 94, 112, 118–120, 144, 432
 Пиерийские горы 47, 55, 64, 66, 84, 89, 96, 101, 103, 111, 227, 325, 326
 Пиерия, пиерийцы 66, 68, 84, 91, 93, 94, 102, 103, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 117, 121, 134–136, 143, 147, 156, 184, 188, 192, 194, 195, 204, 213, 218, 227, 241, 325, 358, 370, 373, 384, 389, 432, 552
 Пинд, горы 40, 48, 55, 57, 60, 98, 100–103, 107, 110, 111, 166, 272, 274
 Пинд, мифологический персонаж 101, 102
 Пиндар, поэт 100, 150, 174
 Пирей 190, 244, 371
 Писистрат, тиран 156–159, 190
 Писодери 60, 272
 Платей 148, 149, 151–154, 167, 372, 534
 Платон, философ 190, 211, 212, 230, 231
 Плутарх, писатель 190, 235, 247, 249, 250, 253, 283, 337, 339, 367, 370, 392, 401, 414, 442, 535, 537, 558
 Полибий, историк 46, 300, 559
 Полиперхонт, македонский полководец 538
 Пор, индийский царь 340
 Потидея 41, 78, 186, 188, 205, 207, 212, 243, 254, 281, 376, 377
 Праморница 369
 Прасида 372

- Преспа 57, 59, 60, 272
Пропонтида 278, 286, 290, 546
Птолемаида 136
Птолемей, египетская царская династия 43, 442, 560
Птолемей IV, царь Египта 560
Птолемей из Алора, македонский правитель 248, 249, 251–253, 310, 314, 338, 339
- Радамант, мифологический персонаж 349
Рекал 156
Рендина 74, 204
Республика Македония 405, 423, 430, 552
Рим, римляне 5, 42, 43, 45, 50, 74, 79, 83, 100, 132, 133, 134, 220, 221, 224, 236, 300, 307, 308, 362, 373, 402, 439, 469
Родопа 49, 75, 77, 275, 375
Роксана, жена Александра Великого 313, 334, 464
Румыния 6, 94
Рупельское ущелье 74, 75, 156
- Сабиллиф, молосский регент 192
Садок, фракнец 190
Саламин 155
Самос 450, 535
Самофракия 25
Санторин 24
Сарды 147
Сатир, писатель 260, 267–270
Северная Америка 343, 461, 467
Севф, фракийский царь 191, 193, 194, 406
Селевкиды, эллинистическая царская династия 43
Сербия, сербы 31, 32, 124, 125, 237, 423
Сервия 41, 42, 71, 89, 90, 92, 111
Сескло, прото-Сескло 89, 90
Сиатиста 61, 87, 369
Сигей 158
Сидерокастро 352
Синд 82, 108, 122, 123, 169, 358, 390
Синкелл, Георгий, писатель 142
Ситалк, фракийский царь 119, 120, 189–195, 207, 209, 219, 233, 413, 414
Ситония, ситоны 78, 108, 143
- Сицилия 176, 206, 212, 213, 241
Скилак, географ 220
Скиона 108
Скиритида 536
Скирос 535
Скифия, скифы 137, 433
Скопье 56, 57, 60, 387
Скудра 375
славяне 33, 125
Советский союз, СССР 33
Сократ, философ 229, 230
Соломон, иудейский царь 316
Солон, афинский политический деятель 308
София 50, 52, 75
Спарадок, брат Ситалка 193
Спорады 47
Ставрополь 348
Стагира 83
Стобы 62
Страбон, географ 70, 108, 121, 374, 375
Стратоника, сестра Пердикки II 193
Стрепса 136, 180, 199, 252, 376, 377
Стримон 51, 52, 54–56, 66, 71, 72, 74–76, 79, 82, 84, 107, 108, 114, 118, 119, 121, 124, 137, 141, 143, 147, 152, 154–165, 168, 172, 176, 180–185, 191, 198, 204, 213, 219, 222, 271, 275–278, 281, 355, 372, 376
Стримонская равнина 56, 71, 74–76
Стримонский залив 72, 74, 81
Сузы 141, 218
Суний 371
- Тавросфен, халкидский политический деятель 534
Тайгет 536
Тарип, молосский царь 192
Тацит, Корнелий, историк 46, 302
Тегя 536
Телевтий, спартанский полководец 243
Темен, мифологический персонаж 103, 113, 114, 116, 225, 562, 563
Темпейский проход, долина 62, 94, 143, 144, 146, 151, 153, 154, 204, 372, 373, 389
Терес, фракийский царь 189
Термический залив 47, 48, 56, 57, 60, 62, 64, 66, 68–70, 81, 93, 94, 108, 143, 156,

- 158, 160, 180, 183, 186, 219, 222, 254, 276, 325, 372, 376, 393, 396, 432
 Тимофей, афинский полководец 244, 254, 255
 Тимфей 59, 60, 129, 369
 Тиримма, македонский царь 563
 Тиринф 24
 Титов-Велес 61
 Торона 25, 41, 42, 78, 108
 трибаллы 194
 Трикала 59, 60
 Трофоний, мифологический персонаж 417
- Фагрет** 118
Фак 222, 392
Фасос, фасосцы 24, 25, 38, 76, 77, 80, 82, 141, 156, 159, 163–165, 175, 198, 277, 423
Фемистокл, афинский политический деятель 146, 147, 161 164
Феодора, византийская императрица 251
Феокрыт из Хиоса, философ 370
Феопомп, историк 414, 449
Феофраст, философ 51, 84, 202
Ферамен, афинский политический деятель 213
Ферма 143, 187, 188, 190, 195, 207, 252, 285, 355, 376
Фермопилы 286, 288, 373
Феры 216, 247, 284, 285, 288
Фессалийская равнина 59–62, 144, 274, 373
Фессалия, фессалийцы 36, 40, 48, 51, 60–64, 66, 89, 90, 93–95, 98, 111, 135, 142–144, 151, 154, 166, 192, 193, 197, 203, 215–217, 229, 230, 233, 238–241, 243, 245–248, 263, 268, 269, 271, 274, 280, 284–286, 319, 370, 373, 426, 432, 445, 450, 536
Фессалоника, дочь Филиппа II 268, 285
Фила, жена Филиппа II 268, 269
Филинна, жена Филиппа II 268, 284
Филипп, сын Аминты II 233
Филипп II, македонский царь 5, 8, 10, 17, 18, 30, 39, 42, 44, 46, 54, 62, 76, 78, 79, 82, 83, 130, 132, 133, 136, 152, 158, 166–168, 174, 188, 194, 204, 212, 217, 220, 223, 226–228, 230, 232, 247, 252, 253, 255, 258, 260, 306, 307, 310, 315, 318, 319, 328–330, 333–336, 338–340, 426, 341, 342, 351, 359, 367, 368, 381, 383, 394, 396, 397, 402, 406–409, 414–417, 419, 422, 423, 428, 432, 445–447, 450, 454, 461–466, 468, 532, 542, 543, 548–550, 553–558, 560, 561
Филипп V, македонский царь 79, 367, 394, 443, 448
Филппы 24, 38, 76, 277, 423, 559
Филократ, афинский политический деятель 287
Филоксен, живописец 337
Филота, македонский полководец 176, 177, 317
Фиска 119, 121
Фия, мифологический персонаж 93
Флорина 51, 52, 56, 60, 61, 262
Фокида, фокидцы 286–288, 295, 534
Формион, афинский полководец 190
Фракия, фракийцы 28, 32, 36, 39, 52, 56, 71, 72, 74, 90, 104, 106, 108, 122, 126, 129, 131, 135–137, 141, 142, 147, 154–160, 163–165, 168, 169, 171, 172, 175, 176, 180, 181, 183, 185, 189–194, 197, 198, 202, 203, 209, 210, 214, 218, 236, 239–241, 246, 254, 261, 268–270, 274, 277, 278, 357, 358, 361, 365, 375, 376, 401, 404, 406, 414, 424–426, 433, 440, 446, 450, 453, 456, 457, 561
Фрасинах из Халкедона, оратор 216, 225, 230, 559
Фукидид, историк 25, 46, 59, 72, 96, 112, 115, 116, 118–121, 131, 136, 166, 169, 178, 182–184, 186, 188, 191–193, 197–204, 207, 217–219, 225, 229, 359, 367, 376, 377, 401, 413, 414, 417, 563
- Халкида** 47, 108, 534
Халкидика 47, 48, 51, 55, 74, 77–81, 83, 87, 108, 121, 124, 135, 141, 143, 147, 158–160, 168, 180, 187–189, 193, 196–200, 203–205, 207, 213, 214, 219, 222, 239, 241, 243, 252, 254, 255, 263, 264, 271, 277–280, 282–284, 319, 356, 358, 376, 377, 414, 432, 441, 450, 554

- Херил, поэт 229
Хероня 250, 251, 263, 280, 291, 297, 322, 393, 453, 454, 456, 457, 461, 532, 533, 535, 536
Херсонес Фракийский 157, 278, 286, 287, 290, 455, 535
Хиос 449
Холомонтас 77, 83
Хортиатис 74
- Цезарь, Гай Юлий, римский император** 76
- Чаушица** 39
Черное море 32, 49, 92, 137, 275, 278, 286
Чили 51
- Шар Планина** 60
шумеры 45
- Эак, мифологический персонаж 101, 349
Эана 391, 432, 435, 436, 552, 553
Эвбея, эвбеицы 47, 168, 183
Эвений, афинский полководец 206
Эвкля, богиня 250, 251, 329, 347, 353, 393
Эвмен из Кардин, македонский полководец 127, 313, 338, 339, 361
Эвридика, жена Аминты III 248–253, 322, 381, 392, 393, 419
Эврип 47
Эврипид, поэт-трагик 29, 116, 117, 216, 220, 223–226, 229, 230, 234, 563
Эврипонтиды, спартанский царский род 117
Эврос 32
Эврот 536
Эгейское море 28, 32, 33, 47, 49, 55–57, 66, 77, 78, 104, 107, 136, 156, 157, 165, 179, 189, 191, 194, 208, 217, 278, 287, 290, 362, 375
Эги 26, 64, 66, 112, 115, 118, 119, 124, 126, 135, 137, 163, 170, 172, 185, 188, 189, 193, 218, 219, 221–223, 225–227, 241, 250, 251, 261, 280, 293, 315, 319, 321, 327–329, 334, 335, 341, 353, 354, 356, 369, 370, 377, 380, 391, 415, 423, 447, 459, 460–462, 464, 548, 552
Эгина 147, 176
Элесса 41, 42, 52, 56, 63, 64, 66, 67, 106, 118, 120, 162, 170, 197, 200, 222, 369, 370, 421, 423
эдоны 74, 108, 119, 163, 171, 203
Эйон 160–162, 165, 175, 176, 182, 198, 203
Экбатаны 218
Электра, мифологический персонаж 101
Элиан, писатель 231
Элида, элейцы 87, 535
Элимея, элимиоты 59, 61, 63, 118, 129, 166, 184, 185, 187, 214, 233, 243, 245, 268, 269, 369, 391, 420, 552
Эллин, мифологический персонаж 92, 100, 101, 153
Эмафий, мифологический персонаж 101
Эмафия, Эмафийская равнина 54–57, 59, 62, 68–71, 76, 81, 91, 101, 103, 107, 109, 111, 112, 120, 124, 162, 185, 192, 195, 222, 279, 325, 374
Эол, мифологический персонаж 92, 101, 127, 374
Эордея, эорды 61–63, 91, 105, 106, 119, 121, 129, 135, 136, 165, 166, 197, 199, 272, 369, 420
Эпаминонд, фиванский политический деятель 248, 253–255
Эпидавр 24, 328, 561
Эретрия, эретрийцы 108, 156, 157, 337
Эсхил, поэт-трагик 114, 154, 372
Эсхин, афинский политический деятель 46, 252, 290, 392
Этолия, этолийцы 445
этруски 45, 332
Эфиальт, афинский политический деятель 176
Эфор, историк 414, 449, 450
- Югославия, югославы** 33, 34, 51, 60
Южная Африка 51
- Яннина** 60, 274
Ясон Ферский, тиран 245, 247, 547

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М. М. Холод. Юджин Борза и его научное творчество</i>	5
Избранные труды Ю. Борзы по истории и культуре античной Македонии	11

В ТЕНИ ОЛИМПА: ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Введение	17
Благодарности	20
Для издания в мягкой обложке	21
Глава 1. К истории античной Македонии	24
Глава 2. Земля Македонии	47
Глава 3. Доисторическая Македония	87
Глава 4. Кем были македоняне?	109
Глава 5. Александр I	134
Глава 6. Пердикка II	175
Глава 7. Архелай	211
Глава 8. Дом Аминты III	235
Глава 9. «...Величайший из царей в Европе...»	257
Глава 10. Политические институты в эпоху Филиппа и Александра	299
Глава 11. Материальная культура в эпоху Филиппа и Александра	325
Глава 12. Возвышение Македонии	357
Приложения	364

ДО АЛЕКСАНДРА: КОНСТРУИРУЯ ИСТОРИЮ РАННЕЙ МАКЕДОНИИ

Предисловие к русскому изданию	401
Предисловие к американскому изданию	408
Глава 1. Источники и их интерпретация	411
Глава 2. Происхождение, этническая принадлежность и инсти- туты древних македонян	429
Глава 3. Филипп II	447
Послесловие	467
Библиография	471

ПРИЛОЖЕНИЯ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Приложение I

<i>М. М. Холод.</i> Тень Херонейского льва: утверждение политического верховенства Македонии в Балканской Греции в 338 г. до н. э.	493
---	-----

Приложение II

<i>Э. Д. Фролов.</i> Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады	532.
--	------

Приложение III

<i>Ю. Н. Кузьмин.</i> «В тени Олимпа»: послесловие	551
---	-----

Приложение IV

<i>М. М. Холод.</i> Цари из династии Аргеадов	562
--	-----

Приложение V

<i>Ю. Н. Кузьмин.</i> Дополнительная научная литература (1998–2013 гг.) по истории античной Македонии до времени Александра Великого	565
---	-----

Список иллюстраций	574
--------------------------	-----

Список сокращений	577
-------------------------	-----

Этно-географический и именной указатель	579
---	-----

CONTENTS

<i>M. M. Kholod.</i> Borza and His Scientific Work	5
Selected Publications by Eugene Borza on the History and Culture of Ancient Macedonia	11

IN THE SHADOW OF OLYMPUS: THE EMERGENCE OF MACEDON

Preface	17
Acknowledgments	20
For the Paperback Edition	21
Chapter 1. Towards a History of Ancient Macedonia	24
Chapter 2. The Land of Macedonia	47
Chapter 3. Prehistoric Macedonia	87
Chapter 4. Who were the Macedonians?	109
Chapter 5. Alexander I	134

Chapter 6. Perdicas II	175
Chapter 7. Archelaus.	211
Chapter 8. The House of Amyntas III	235
Chapter 9. «...The Greatest of the Kings in Europe...»	257
Chapter 10. Political Institutions in the Age of Philip and Alexander	299
Chapter 11. Material Culture in the Age of Philip and Alexander ...	325
Chapter 12. The Emergence of Macedon	357
Appendices	364

BEFORE ALEXANDER: CONSTRUCTING EARLY MACEDONIA

Foreword to the Russian Edition	401
Foreword to the American Edition	408
Chapter 1. Sources and Interpretations	411
Chapter 2. Origins, Ethnicity, and Institutions	429
Chapter 3. Philip II	447
Afterword	467
Bibliography	471

APPENDICES TO THE RUSSIAN EDITION

Appendix I

<i>M. M. Kholod. The Shadow of the Lion of Chaeronea: the Establishment of the Political Leadership of Macedon in Balkan Greece in 338 B.C.</i>	493
--	-----

Appendix II

<i>E. D. Frolov. The Corinthian Congress of 338/7 BC and the Unification of Hellas</i>	532
--	-----

Appendix III

<i>Yu. N. Kuz'min. «In the Shadow of Olympus»: an Afterword ...</i>	551
---	-----

Appendix IV

<i>M. M. Kholod. Kings of the Argead Dynasty</i>	562
--	-----

Appendix V

<i>Yu. N. Kuz'min. Additional Scientific Literature (1998–2013) on the History of Ancient Macedonia before the Time of Alexander the Great</i>	565
--	-----

List of Illustrations	574
-----------------------------	-----

List of Abbreviations	577
-----------------------------	-----

Ethnic-geographical and name index	579
--	-----

Научное издание

Борза Юджин Н.
ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ МАКЕДОНИИ
(ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО)

Редактор *В. С. Кизило*
Корректор *Л. А. Макеева*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Филологический факультет СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Издательство «Истор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Подписано в печать 10.05.2013 г. Формат 60х90¹/₁₆.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 37. Заказ № 101.

Отпечатано в типографии ООО «Контраст».
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38.
Тел.: (812) 677-31-19
e-mail: ooocontrast@yandex.ru

Ю. Н. Борза

E. N. Borza

*A History
of Ancient
Macedonia
(Before Alexander
the Great)*

**ИСТОРИЯ
АНТИЧНОЙ
МАКЕДОНИИ**
(ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО)

Известный американский антиковед, один из ведущих современных исследователей истории и культуры античной Македонии Юджин Борза родился в 1935 г. В 1966 г., спустя несколько лет после окончания Чикагского университета, он защитил диссертацию, которая принесла ему степень доктора философии. В 1964 г. Ю. Борза начал преподавать в Пенсильванском университете, который на долгие годы стал для него основным местом работы, вплоть до ухода на пенсию в 1995 г. в ранге заслуженного профессора античной истории. Он – активный сотрудник ряда авторитетных научных центров и журналов, организатор и руководитель многих конференций по античной, в том числе македонской, истории, член различных ученых обществ. Перу Ю. Борзы принадлежит большое количество печатных работ, среди которых особо выделяются две книги: «В тени Олимпа: возвышение Македонии» (1990, 1992) и «До Александра: конструируя историю ранней Македонии» (1999).

ISBN 978-5-8465-0729-6

9 785846 507296